

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ФЭННЭР АКАДЕМИЯСЕ
Г. ИБРАҺИМОВ исем. ТЕЛ, ӘДӘБИЯТ ҺӘМ СӘНГАТЬ ИНСТИТУТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА им. Г. ИБРАГИМОВА

**XXI ГАСЫР ТӨРКИ ТЕЛ БЕЛЕМЕ:
ЛЕКСИКОЛОГИЯ ҺӘМ ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенә
Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
өешуга 80 ел тулуга багышланган
Халыкара фәнни конференция
2019 ел, 10–11 сентябрь, Казан шәһәре

**ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ XXI ВЕКА:
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Международная научная конференция,
посвященная 80-летию создания
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
10–11 сентября 2019 года, город Казань

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**TURKIC LINGUISTICS IN THE XXI CENTURY:
LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY**

International conference dedicated to the 80th anniversary
of establishment of the G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences
10–11 September, 2019, Kazan

Казань
2019

УДК 821
ББК 81.2
Т98

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Составитель Э.И. Сафина

Т98 Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 10–11 сентября 2019 года / сост.: Э.И. Сафина. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – 320 с.
ISBN 978-5-93091-282-1

В сборнике представлены материалы международной научной конференции «Тюркское языкознание XXI века: тюркская лексикология и лексикография».

В статьях сборника освещены различные аспекты лексикологии на материале тюркских языков, вопросы истории и практики составления словарей различных типов.

Издание адресовано лингвистам, преподавателям, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется данной темой. Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-93091-282-1

© Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2019

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИПЧАКСКИХ ДИАЛЕКТОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

М.Б. Абдиев, Р.Х. Касимова

В данной статье рассказывается о роли кипчакского диалекта, который является важной частью узбекского языка в лексике литературного языка. Также приведены примеры термины профессиональных лексико-семантических групп, которые являются неотъемлемой частью лексики кипчаков.

Ключевые слова: кипчак, диалект, профессиональная лексика, термин, литературный язык, словарный запас и т.д.

This article describes the role of the Kipchak dialect, which is an important part of the Uzbek language and in the vocabulary of the literary language. Examples of terms are also given in terms of professional lexico-semantic groups, which are an integral part of the Kipchak lexicon.

Keywords: kipchak, dialect, professional vocabulary, term, literary language, vocabulary, etc.

Известно что в отличие от других тюркских племен, узбекский язык несколько сложен и состоит из сочетаний диалектов кипчаков, огузов и карлуков. История кипчаков очень древняя, которая внесла свой большой вклад в становление узбекского литературного языка.

Большинство населений Дашти Кипчока, Мовароуннахра и Хорасана которая жили под именем «узбек» имеют корни от древних кипчаков. Поэтому мы считаем что имя «кипчак», не относящееся к средним и не самым крупным из племен, включенных в «узбекское» объединение, использовалось учеными как общее название для всех видов племен, даже недавно присоединившихся к их объединению.

Другими словами, лексикон кипчакского диалекта привлекает людей своими различными особенностями, такими как разнообразие, богатство синонимов и омонимов, а также обширными фонетическими и стилистическими возможностями. Хотя некоторые из этих частей стали литературным языком, большая часть из них еще не освоены.

Наряду с другими тюркскими языками, изучение лексики узбекского языка, в частности его разнородных слоев, а также изучение лексики родного языка, в частности узбекской лингвистики, важно для таких предметов как «Диалектография», «Историческая диалектология», «Описательная диалектология», «Узбекская диалектная лексикология», «Сравнительная диалектология». Любой язык с лексической точки зрения имеет определенный вклад диалекта в уровень литературного языка. Надо сказать, что диалектная лексика – это уникальное языковое сокровище, которое всегда обогащает литературный язык. Важной задачей является сбор такого богатства и изучение его с точки зрения лингвистики.

В современной узбекской лингвистике заслуги ведущих диалектологов, для стабилизации этой области таких как Е.Д. Поливанов, К.К. Юдахин, В.В. Решетов, Гоzi Олим Юнусов, С. Иброимов, Ш. Шоабдурахмонов, Ф. Абдуллаев, М. Мирзаев, Х. Дониёров, А. Шерматов, А. Алиев, Н. Ражабов, Й. Ибрагимов, Б. Жўраев, А. Жўраев, А. Ишаев, К. Мухаммаджонов, Н. Муродова стабилизируются в этой области.

В то же время вклады в изучение лексики узбекских ученых таких как, Ш. Носиров, Т. Содиков, В. Эгамов, Д. Абдурахманов, Т. Кудратов Ю. Джуманазаров, Т. Мирсатов, М. Валиев, Х. Узоков, С. Зуфаров, Е. Шералиев и А. Алламов, также важны в этом отношении.

Общеизвестно, что среди тюркских языков живой узбекский язык отличается необычайным разнообразием диалектов.

Кроме того, как уже упоминалось выше, лексический слой региональной диалектологии узбекского языка изучен, но все же существуют много «неоткрытых вершин» по этому вопросу.

Монографии Х. Донёрова «Эски ўзбек адабий тили ва кипчоқ диалектлари» (Тошкент, 1979), «Кипчоқ диалектлари лексикаси» (Тошкент, 1968), «Опыт изучения диалектов в сравнение с узбекском литературным языком» (Ташкент, 1975), Б. Жўраевнинг «Теоретические основы реального исследования узбекского язычного массива (Ташкент, Фан, 1991) отличаются тем, что кипчакские диалекты посвящены теоретическому изучению языковых особенностей.

Тем не менее, в некоторых исследованиях были представлены некоторые идеи и материалы по лексике кипчакского диалекта. Стоит отметить, что работа А. Шерматова замечательна, а также существуют множество примеров лексики кипчаков с этого ресурса.

Лексика кипчакских диалектов занимает уникальное место в универсальном общедиалектном словаре узбекского литературного языка. Хотя словарь этого диалекта состоит из общих лексических слоев, в этом лексиконе есть сотни лексических единиц, которые не используются в литературном языке, в частности словарные термины.

Тот факт, что их до сих пор используют, и они неразрывно связаны с местными условиями, необходимо принять незамедлительные меры для их сбора.

Говоря об этом, К. Мусаев пришел к следующему выводу: основной объективной причиной этого является то, что объект исследования еще не определен, то есть отсутствие полного словаря каждого конкретного живого тюркского языка; у нас нет словарей древнетюркских, среднетюркских и более поздних памятников; а также нельзя назвать полными исследования по диалектической лексике [Мусаев 1975: 3].

Как отметил К.М. Мусаев тщательное изучение лексиконного материала имеет большое теоретическое и практическое значение и позволяет создать почву для решения задач.

Эта идея также применима к материалам профессиональной лексики, одного из инструментов, который напрямую влияет на богатство нации.

Узбекские национальные ценности – это термины, которые описывают множество вещей, явлений и процессов, результаты наблюдений и исследований профессиональной лексики, которые составляют значительную часть лексикона узбекского языка. Однако было установлено, что у них не было четкого инструмента выражения в литературном языке.

Мы рекомендуем изучать эти лексико-семантические группы следующим образом:

1. Термины связанные с животноводством: эн/знак коровам который ставится на ухо, кучим езда сезонное размещение крупного рогатого скота на полях, обрезка (компания по стрижке овец и коз), кулук (связывание четырех конечностей скота), котар (показывает место скота) и т.д.

2. Специфичные для плотника термины: качов (инструмент для выпрямления дерева похож на ранда), кампировуз (плоскагубка), ёгоч болга (деревянный молоток, используемый для соединения дверей или окон), чага (древесинные гвозди) и т.д.

3. Термины, связанные с шитьём тюбетеек: куптирма (вид шитья тюбетейки), кизак (нижняя часть тюбетейки), бостирма (пресс) и т.д.

4. Термины, связанные с обувным делом: таглик (подошва обуви), ургич (молоток используется мелкие гвозди), қискич (плосгубка) и т.д.

5. Термины, связанные с шитием кашты: жонона (тип вышивки), палак (узор), сув тикиш (тип вышивки как змеиный след), журма (вышивка, вышитая на чапане и на рубашке) и т.д.

6. Термины, связанные с одеждой: пешонабог (платки, которые женщины надевают на головы), илдак (вешалка), минсак (тип одежды похожая на халат), мастак (безрукавный халат женщин) и т.д.

7. Термины, связанные с коврами: турна катор, чумчук куз, пичок учи (вид узоров для ковров) и т.д.

8. Термины, связанные с плотником: бурчаклик (угольник), багдоди эшик (дверь обработанная резными узорами), кошикча (пилка) и т.д.

9. Термины, связанные с постройкой телег: буйинса, буйинтурук (специальный материал для лошадиной шеи в телегу), кулбоги (специальная нить) и т.д.

10. Общие термины строительства и архитектуры: увук (река), кошикча (пилка), манглай ёгоч (специальное дерево для окон и дверей) и т.д.

11. Термины, связанные с едой: пачак (парварда, сахар), тузлик (соль, мешок для соли), кошиклов (мешочек для складывание ложек), дахана (воронка) и т.д.

12. Термины, специфичные для кожи и тела: кук егоч (ремень, используемая для объединения), каснок (деревяный обод дойры) и т.д.

13. Фруктовые и овощные термины: курак (не спелый орех), хулсават (корзина с фруктами), туршак (сущенный фрукт) и т.д.

14. Термины, связанные с гончарством: кулол (гончар), куза (кувшин), товок (посуда приготовленная из глины), ушуллак (свисток приготовленный из глины) и т.д.

15. Термины обозначающие вышивки: кашта (вышивка), каштачи (вышивальщица), кашталикуйлак (узорчатое платье) и т.д.

16. Термины, связанные с созданием колыбельных: буйинтурук (верхняя часть колыбели), йурга (нижняя часть колыбели) и т.д.

17. Термины, связанные с профессией кузнеца: пояс (ящик для хранения инструментов), зерча (инструмент дляковки железа) и т.д.

18. Термины обозначающие предметы быта: идиш (посуда), пичок (ножик), пахир// сатил//челак (ведро), кошик (ложка), чулпи (шумовка, плетная из прутьев или проволоки) и т.д.

Анализ профессионального термина узбекского кипчакского диалекта доказывает, что большинство вещей употребляются одинаково общекипчакски, в том числе и татарский язык.

Слово челак//чилек (ведро) имеет место на всей территории распространения татарского языка. Однако по своей семантике оно в говорах несколько отличается. Например, в большинстве татарских говоров чилек, как в литературном языке обозначается «ведро», которое первоначально было деревянное, а в бирском говоре употребляется в значение небольшой деревянной кадучки, предназначенной для квашения теста, в говорах восточного диалекта «квашня», «бочка», в мензилинском, златоустовском, тепекеевском, байки-башевском «маленькая деревянная кодушка, предназначенная для различных целей» [Хайрутдинова 1990: 33].

Термин чулпи на татарском языке употребляется для передачи понятия «ковшик, плетённый из камыша, льна и т.д, также шумовка. Ср.: башк. сулпы «шумовка» (из камыша и тельника), ног. шолпы, каз.диал. шолпы «дуршлаг», к. болк. чолпу «большой кухонный половник, карач. «ложка деревянная для первого блюда», ккалп., туркм. чолпы, киргиз. Чолпу «половник», кум. чолпу «дуршлаг» и другие [Хайрутдинова 1990: 46].

В заключении, непосредственная коллекция профессиональной терминологии, которая является лексическим богатством кипчакских диалектов, является основным внутренним источником литературного языка, играет важную роль не только в литературном языке, но также это дальнейшее увеличение фонда словарного запаса узбекского языка, а также группа кипчакского языка.

В то же время было бы очень здорово если вся лингвистика тюркских языков шла по этому пути, помимо уделения особого внимания лексике в процессе создания языкового корпуса, а также многоязычных лингвистических словарей и языковых концепций, доступных на других языках (английский, немецкий, французский, русский и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1975. – 358 с.
Хайрутдинова Т.Х. Истоки и изоглоссы татарских диалектных названий предметов быта, связанных с приготовлением пищи // Материалы по татарской диалектологии. – Казань, 1990. – С. 28–47.

ПУТИ РАЗВИТИЯ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Ш.Н. Абдиназимов

Статья посвящена анализу современного состояния развития каракалпакского языка как государственного. В ней прослеживаются также пути формирования и совершенствования каракалпакского алфавита, основанного на латинской графике, содержатся предложения по сохранению и обогащению языка в свете современных реалий.

Ключевые слова: алфавит, латинская графика, государственный язык, название, каракалпакский язык.

The article is devoted to the analysis of the current state of development of the Karakalpak language as a state language. It also traces the ways of formation and improvement of the Karakalpak alphabet, based on the Latin script, contains proposals for the preservation and enrichment of the language in the light of modern realities.

Keywords: alphabet, Latin graphics, state language, name, Karakalpak language.

Еще до обретения нашей страной независимости – в 1989 году был закреплен правовой статус каракалпакского языка как государственного, в связи с чем начался новый этап его развития. В Каракалпакстане два языка – узбекский и каракалпакский имеют статус государственного. В то же время придание каракалпакскому языку статуса государственного не ущемляет конституционных прав наций и народностей, проживающих на территории республики, в употреблении родного языка. В Узбекистане обеспечены условия всем гражданам для изучения государственного языка и получения общего среднего образования на семи языках: узбекском, каракалпакском, казахском, туркменском, таджикском, русском, киргизском; а в Каракалпакстане на пяти языках: каракалпакском, узбекском, русском, туркменском и казахском. Телерадиокомпании и радиостанции страны ведут

передачи на десяти языках. На телевидении есть специальные программы, освещающие жизнь представителей различных национальностей в Узбекистане и их культурных центров. Это свидетельствует об уважительном отношении к языкам наций и народностей, проживающих в Узбекистане.

Постепенно расширяется сфера употребления каракалпакского языка. Законодательные акты Республики Каракалпакстан, нормативно-правовые документы государственной власти и других органов управления принимаются и публикуются на государственном языке, вывески учреждений и организаций, топонимические названия в районах и сходах граждан, улицы и скверы названы каракалпакскими словами. Дошкольное воспитание и обучение, делопроизводство, бухгалтерская и финансовая документация предприятий и организаций, записи актов гражданского состояния, документы, удостоверяющие личность гражданина, нотариальные действия и судебные дела также ведутся на государственном языке, обеспечены права граждан обращаться в государственные органы с заявлениями, предложениями на родном языке, на каракалпакском языке пишутся научные труды и диссертации, проводятся международные научные конференции и т.п.

За годы независимости внутренняя структура языка, количество гласных и согласных звуков не изменились. Почти не изменилась и система частей речи, за исключением усиления активности употребления некоторых словообразовательных аффиксов. В сфере синтаксиса продолжалась традиция создания предложений по устоявшимся моделям. Основные изменения произошли в словарном составе языка. Изменение общественно-экономической формации, формирование свободного демократического государства, основанного на рыночную экономику, обусловленные этими процессами глубокие реформы в политической, общественно-экономической, духовно-культурной отраслях способствовали появлению в словарном фонде языке соответствующих новых слов. В связи с изменением структуры государственного управления, формированием многопартийности в корне обновилась общественно-политическая лексика: *Президент, Министрлер Кабинети (Кабинет Министров), ҳақимият (хакимият), ҳақим (хаким), аиқыл-пуқаралар жыйынылары (сельские сходы граждан), Халық демократиялық партиясы (Народно-демократическая партия), Эдалат партиясы (партия «Адалат»), Миллий тиклениш демократиялық партиясы (Демократическая партия «Национальное возрождение»), Либерал-демократиялық партиясы (Либерально-демократическая партия), Экологиялық партия (Экологическая партия)*. В сфере науки наряду с международными терминами получили развитие и национальные названия. В топонимике Республики вместо прежних названий в честь политических деятелей появились местные названия: *Ленинабад → Қанлыкөл*.

21 октября 1993 года был принят Закон Республики Узбекистан «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике», а 26 февраля 1994 года был принят Закон Республики Каракалпакстан «О введении каракалпакского алфавита, основанного на латинской графике». Данный алфавит состоял из 31 буквы. 29 октября 1995 года Постановлением Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан в алфавит были внесены изменения, согласно которым буквы **a'** (э), **g'** (ғ), **o'** (о), **u'** (у), **n'** (н) стали писаться с апострофом, для звука **ш** был принят дифтонг **sh**. Кроме того, была введена буква **v**, употребляемая в словах, заимствованных из русского языка. В алфавите же 1994 года для обозначения звуков **э, о, у** были приняты знаки с умлаутом: **ä, ö, ü**, а для звуков **ғ и н** – знаки с брависом: **ǵ, ñ**.

Постановлением Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан от 8 октября 2009 года были внесены некоторые изменения в алфавит и орфографические правила: для обозначения буквы **ц** была принята буква **c**, а для обозначения **ч** – дифтонг **ch**. Таким образом, алфавит состоял из 34 букв; были внесены изменения в латинское написание букв **ы, и**: буква **ы** в виде **I', i'**, т.е. прописная буква состояла из двух элементов, а строчная – из трех; буква **и** приняла форму **I, i**; были внесены изменения и в написание букв **e, o, o'**. В начале слова они начали писаться в виде дифтонга – **ye, wo, wo'**: *yertek (сказка), wol (он, она), Wospan (Оспан), Wo'tegen (Өтеген), Yernazar (Ерназар)*.

7 апреля 2014 года было опубликовано Постановление Президиума Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан «О написании названия государства на каракалпакском языке», согласно которому название государства «*Узбекистан*» по латинской графике стало писаться как «*O'zbekistan*», т.е. без буквы **'W'** в начале слова.

Конечно, данные изменения и нововведения не полностью удовлетворяли требования широкой общественности. Появились обоснованные предложения по совершенствованию действующего алфавита. Поэтому в 2015–2016 гг. были проведены три республиканских конференций посвященные вопросам устранения недостатков и упущений в латин-

ской графике, на страницах СМИ были опубликованы свыше 30 статей. Таким образом, 10 июня 2016 г. Был принят Закон Республики Каракалпакстан «О внесении некоторых изменений в каракалпакский алфавит, основанный на латинской графике». В соответствии с настоящим Законом была исключена написание дифтонгов **ye, wo, wo'** в начале слова; буквы с апострофом **a', o', u', g', n', I', i'** стали писаться с акутом: **á, ó, ú, g', n', Í, í**; в буквах **I', i'** были исключены апостроф и точка и они приобрели форму **İ, ı**, т.е. прописная буква с акутом (**İ**), а строчная – без акута (**ı**).

2016 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Каракалпакстан «Об утверждении основных правил орфографии каракалпакского языка» было опубликовано «Орфографические правила каракалпакского языка», а в 2017 г. вышел из печати «Орфографический словарь каракалпакского языка».

Здесь следует отметить, каракалпакский опыт создания алфавита переняли в Казахстане в 2018 году, а при внесении изменений в узбекский алфавит также учтены принципы передачи некоторых букв.

Тем не менее в данной сфере еще имеются вопросы, которые требуют пристального внимания.

Так, необходимо совершенствовать соответствующие термины по каждой отрасли науки. Сегодня основными упущениями и недостатками являются то, что особенно в радиопередачах, телепрограммах встречаются смешанное употребление терминов на трех языках (русском, узбекском, каракалпакском). Состояние употребления терминов в школьных учебниках также оставляет желать лучшего.

Было бы целесообразным, если ход выполнения Закона «О государственном языке» регулярно рассматривался на сессиях хакимиятов. Согласно Закону, названия предприятий и учреждений, субъектов малого бизнеса, кафе и ресторанов должны писаться на государственном языке, тем не менее данное требование Закона не везде и не полностью выполняется. Вновь открываемые малые предприятия, места бытовых услуг стали называться типа «Соната», «Версал», «Нео», «Канн», «Карона», «Граф», «Феникс», «Шератон», тогда как у нас имеются такие прекрасные национальные названия, как «Қырық қыз», «Мың бир түн», «Берекет», «Хантөре», «Кәрўан сарай» и т.п.

Работниками средств массовой информации, радио и телевидения без разбора употребляются заимствованные слова, хотя в родном языке имеются аналоги этих слов. Такая безответственность зачастую приводит к засорению родного языка. Поэтому первоочередной задачей является сохранение чистоты языка.

Имеются проблемы и в сфере каракалпакского имянаречения, на которые необходимо обращать внимание. У каракалпаков издревле стала традицией давать новорожденным тюркские имена. В эпосе Култегин кагана на камнях 731 года с сожалением приводятся следующие строки: «Тюркские правители сложили (с себя) свои тюркские имена (т.е. звания и титулы) и, приняв титулы правителей народа табгач подчинились кагану народа табгач». В средние века под влиянием ислама, персидской литературы преобладала традиция давать новорожденным имена арабско-персидского происхождения. В советское время стала «модой» западноевропейские и русские имена. А в настоящее время чувствуется преобладание имен таджикско-персидского происхождения. По нашему мнению, по мере возможности необходимо выбирать для своих детей каракалпакские имена.

В народе говорят: семья – это малое государство. Родной язык наш прежде всего должен употребляться в полной мере именно в этом малом государстве – семье, где формируется чувство гордости за духовное наследие предков. Этим и определяется вклад каждого в осуществление закона о государственном языке.

Каракалпакский язык является зеркалом духовности народа. Именно поэтому уважительное отношение к государственному языку, сохранение, обогащение и глубокое изучение его богатых возможностей является долгом каждого из нас.

КЫРГЫЗ ЭЛИНИН САЛТТЫК ЭТНОПЕДАГОГИКАСЫНЫН ӨЗГӨЧӨЛҮГҮ

Ж.С. Абдырасулова

В статье анализируется особое значение кыргызского этнопедагогического воспитания молодого поколения.

Ключевые слова: эпос «Манас», этнопедагогика, культура, кыргызский народ, воспитание, обычаи, национальное наследие, молодое поколение, устное народное творчество.

The article is headlined the special importance of the Kyrgyz ethno-pedagogical education of the younger generation.

Keywords: The epic «Manas», ethnopedagogics, culture, Kyrgyz people, education, customs, national heritage, the younger generation, folklore.

Кыргыз эли башка ааламдагы элдердей эле башынан эң бир оор мезгилдерди башынан өткөрүп, кээде бириксе, кээде бөлүнүп, улам бышып жүрүп отуруп, бүгүнкү күнгө жетти. «Кайын барбы, кыргыз балта чаппаган, кыр-жон барбы, кыргыз кыргын таппаган» дегендей, кылым түпкүрүнөн келаткан элибиз этнопедагогиканын негизин түзүп, аны улап отуруп бүгүнкү күнгө жеткирген. Кыргыздын эң бир негизги педагогикасы – сөз өнөрүндө болгондугун танууга болбойт. Байыртан элибиз сөз өнөрүнө кылдат мамиле кылуу менен, анын баркын кетирбей, обу жок көкөлөтпөй, ыктуу колдонуп, ошонун негизинде тарбиянын мыкты үлгүсүн түзүп келген. Учурда жаш муунга этнопедагогиканын негизинде татыктуу тарбия берүүнүн негизи, албетте, элибиздин өткөнүнө кайрылуудан башталаары бышык. Элдик маданияттын башатына кайрылып, өткөн доорлордо элибиз эмнени негиз кылып балдарга таалим-тарбия бергендигин, кыскасы, азыркы күнгө келип жеткен өткөндүн эстеликтерин иликтеп карап, ошону өркүндөтүү мезгилдин талабына толук ылайык. Элибиздин этникалык тарыхы менен таалим-тарбиялык маданияты, рухий-педагогикалык, психологиясы дайыма өз ара тыгыз байланышта жана жаштардын ички рухий-адептик жана илимий-интеллектуалдык потенциалы, алардын заманбап технологиялык билимдерге ээ болуусу, салттуу таалим-тарбия алуусу, албетте улуттук мурастар менен жуурулушуп тургандыгында. Бүгүн жаш муунга таалим-тарбия берүүдө элдик педагогикалык дөөлөттөрдү окутуунун өзү тарбиялоо ишинин бардык баскычында эң негизги таяныч булак болушу абзел. Элибиздин кылымдар бою топтогон таалим-тарбиялык көз караштары менен турмуштук бай тажрыйбасы, улуттук кулк-мүнөзү анын бирдиктүү педагогикалык маданий казынасын түзөт.

Кыргыз эли байыртан дүйнө таанымын билдирген элдик каада-салттарды, үрп-адаттын негизинде этнопедагогиканы кошо жараткан. Ааламдашуу учурунда көз караштар улам өнүгүп, өзгөрүп, жаңыланууга дуушар болду. Бүгүнкү күндө кыргыз эли коомдук өнүгүштүн бардык этаптарын башынан өткөрүп, улуттук маданиятын анын ичинде этнопедагогикасын өзүндө сактап келди. Кыргыз дүйнө таанымы боюнча этнопедагогиканын негизи үй-бүлөдөн башталат. Ич ара жеке мамилелер, ата-эне менен баланын мамилеси жөнүндөгү түшүнүктөр, урмат-сый, адеп-ахлак, жүрүм-турум нормаларынын сакталышы элдин аң-сезимине бекем орноп, бүгүнкү күнгө жетип отурат. Убакыт өткөн сайын ар бир элдин этнопедагогикасы коомдук турмуштун бир көрүнүшү катары, коом менен бирге өсүп-өнүгүп, улуттук аң-сезимдин өнүгүшүнө байланыштуу өзгөрүп, жаңыланып, өнүгүп келет. Ар бир элдин өзүнүн улуттук мүнөзүнө, дүйнө таанымына жараша тарбия берүү тажрыйбасы болот. Кыргыз эли баласы төрөлгөндөн тартып, аны тарбиялап, турмуштун ысыгына күйүү менен суугуна тоңуу эмне экендигин улам балдарына үйрөтүп, жашоо жолуна каныктырган жана анын баары күнүмдүк турмуштун мыйзам ченемдүү көрүнүштөрү катары кабыл алынган.

Таалим-тарбиялык мааниси зор каада-салттар кыргыз элинин этнопедагогикалык маданиятын көрсөтө алат. Элибизде ар бирибизди коштоп жүргөн ар кандай ырым-жырым, салт-санаалар ар бир үй-бүлөдө өзүнүн талабына ылайык тигил же бул деңгээлде кеңири колдонулуп келет. Бул биздин улут катары көрсөткөн эң негизги жашоо мыйзамдарыбыз. Кыргыздарда үй-бүлө жана нике мамилелеринин терең мааниси бар. Ушул маселелер элдик оозеки чыгармачылыкта кеңири чагылдырылган. Орус элинин улуу ойчулдары Л.Н. Толстой, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский адамдын инсан катары калыптанышына элдик тарбия салттарынын ролу чоң экендигин баса белгилешип, фольклордук чыгармалардын маанисин жогору баалашкан. Окумуштуу Г.Н. Волков «Элдик педагогика – элдик оозеки чыгармачылыкта, үрп-адат, каада-салттарда, ошон жана оюнчуктарда сакталган элдин педагогикалык идеяларынын жана тарбиялык тажрыйбаларынын тутуму» – деген [Волков 1974, 3: 7]. Этнопедагогика – бул элдик оозеки чыгармачылыкта, каада-салттарда, үрп-адаттарда, этнографиялык, тарыхый материалдарда сакталып келген эл тарабынан иштелип чыккан педагогикалык идеялардын жыйындысы, деп баа берүүгө болот. Албетте, этнопедагогиканын жоболору элдин өзүнүн турмуштук зарылчылыгынан келип чыккан жана илимий педагогика пайда болгонго чейин эле балдарды тарбиялап калктын наркын жана балдарын тарбиялоодо башка элдерден айырмасын айдан ачык көрсөтүп келген. Окумуштуу А. Муратов: «элдик педагогикада: – биринчиден, бул же тигил эл али улут болуп калыптанганга чейинки кезден баштап эле колдонулуп келген тарбиялоо идеялары камтылат; – экинчиден, ошол идеялар географиялык, тарыхый

шарттарга ылайык, элдин керектөөлөрүнө жараша өнүгүп-өсүп, ылганып, тазаланып турат; – үчүнчүдөн, ал идеялар муундан муундарга электен өткөрүлүп, улам кийинкилерге таберик буюмдай аздектелип, мурасталып өткөрүлүп берилет жана алынат; – төртүнчүдөн, элдик педагогикалык салттар ар дайым тарбиялоо багытын аркалайт; – бешинчиден, ал эмпирикалык билимдерден жана практикалык иш аракеттерден туруу менен илимий педагогикага өсүп жетпеген, бирок классикалык (илимий) педагогика менен анын каражаттары, формалары жана методдору карама-каршы келбей, тескерисинче, бири-бирин толуктап турат; – алтынчыдан, анын бардык табылгалары эл массасына таандык болгон жана бул же тигил жеке киши андай идеялардын автору катары өзүн көрсөтө албайт ж.б.», деп таамай көрсөтөт [Муратов 2011, 7: 10].

Этнопедагогикага тарыхый-эстетикалык баа берүү, анын дүйнөлүк маданиятка кошкон салымын белгилөө үчүн, алгач элибиздин сөз өнөрүнүн өзгөчөлүгүн аныктоого туура келет. Элибиздин өзүнүн руханий мурасы, тарыхы, салты, аздектеген улуу мурастарынын негизи элдик оозеки чыгармаларда уюп жаткандыгы белгилүү. Кыргыз этнопедагогикасынын негизи «Манас» эпосунда экендиги талашсыз. Окумуштуу Б.М. Юнусалиев: «Манас» жүздөгөн жылдар бою кыргыздар үчүн таалим алуучу роман-китептин милдетин аткарып келген» – деп таамай айткан. [Юнусалиев 1958, 9: 3]. Учурда элдик педагогиканын көрөңгөсүн сабактарда ресурстук база катары колдонсок берген билимбиз бир топ жемиштүү болооруна ынанамын. Этнопедагогикалык жана этнотарыхый маданияттын энциклопедиясы болгон «Манас» эпосу көчмөндөр цивилизациясынын көркөм дүйнөсүнүн кайталангыс эстелиги. Көп улуттуу, көп маданияттуу өлкө катары Кыргызстан өзүнүн ички этнопедагогикалык көрөңгөсү аркылуу айырмаланып турат. Албетте Кыргызстанды мекендеген калктардын этнопедагогикалык маданияты – улуттар аралык мамиленин гуманизмге жана толеранттуулукка тарбиялоонун сыналган каражаты. «Манас» эпосунда кыргыз элинин этномаданияты менен кошо Эл аралык мамилелери, улуттар аралык ынтымагы жана башка баардык асыл кенчи уюп жатат.

Ааламдашуу улам барган сайын элдик маданияты, элдик салттарды унуткарып, элибиздин тарбиясынын улагы болгон эне тилдин алсызданышына алып келүүдө. Жаштар улуттук көрөңгөдөн улам алыстап бараткан ушундай шартта, келечек ээлерине элибиздин өткөнүн үйрөтпөсөк, туюкка кептелерибиз алыс эместейт. Жаштар өздөрүнүн улуттук баалуу мурастарын унутпоо үчүн элди – эл, улутту – улут кылып келген элдик педагогиканын мүмкүнчүлүктөрүн аңдап үйрөнүүсү зарыл. Элдик тарбиялык салттын негизи элдин менталитетине, психологиясына байланыштуу. Кыргыз элинде «улууларды урматто, кичүүлөрдү ызаттоо» маданияты тарбиянын негизи болуп келгендиги анык. Анткени ал элдин акылман-даанышмандары тарабынан иштелип чыккан жана ал практикада байыртан колдонулуп келген, бүгүн да колдонууга өтө ыңгайлуу ыкма. Мисалы, макал-ылакаптарды алсак, бир-эки гана сүйлөм бүтүндөй элдик тарбиянын негизи менен элдик философияны түшүндүрөт. Кыргызда: «Кыздуу үйдө кыл жатпайт» деп, кыздарын тазалыкка үйрөтүп, көндүрүп келсе, «Уугум сага айтам, уулум сен ук, керегем сага айтам келиним сен ук» деп балдарына катуу айтпастан эле дипломатиялык түрдө жай айтып тарбия бергендиги кеменгер философиянын дал өзү деп эсептеймин.

Жогоруда кыргыз этномаданиятынын, этнопедагогикасынын негизи «Манас» эпосунда уюп жаткандыгын белгилеп өттүк, бүгүн жаш үй-бүлөлөр арасында ажырашуулар көп деп эле куру кыйкырыктар менен кеп кылабыз, анын себеби эмнеде экендигине маани деле бербегендейбиз. Кыргыз эли байыртан кызын турмушка узатаарда, алаканга салып баккан кызын энеси болочок кайын энесине кызынын жакшы жагын мактап, билбеген жагын ачык айтып кошуп ырдап, калган тарбияны сиз бериңиз деп, өз колу менен жакшы, жаманын баарын айтып кошуп берген. Кайын энеси болочок келининин кандай жакшы сапаттары, кандай кемчилиги бар экенин билип, жакшысын даңазалап, жаманын жаап, билбегенин үйрөтүп өзүлөрүнө акырындан көндүрүп бүлө кылып алган. Анткени адамда жакшы да жаман сапат болот, ошонунун жаманын акырындап тарбиялоо жолу менен жоюга мүмкүн экендигин түшүнгөн. Бүгүн болочок келиндин идеялдуу болушун ар бир үй-бүлө каалайт. Бирок ар бир адамдын жакшы дагы, жаман дагы сапаты болоорун унуткарып, жакшысын басып, жаманын ачып, сапырып келебиз, ошондуктан учурда жаш үй-бүлөлөрдүн ажырашуусунун негизги себеби дагы ушунда деп бүтүм чыгаргым келет. «Манас» эпосундагы Манас атанын баскан жолун уулдарга, Каныкей апанын баскан жолун кыздарга өзгөчө идея кылып окутсак, анда энеге, атага, бир тууганга, дос, душманга кандай мамиле кылууну үйрөтөбүз жана ушунун өзү тарбиянын негизи деп түшүнөм. Манас атабыз эч нерсени кенебеген доско да, жатка да бирдей мамиле кылган айкөл адам болгон. Аты жокко ат, тону жокко тон берген, үйү жокко ак өргө көтөрүп берген. Жусуп Мамайдын вариантында Манас

атабыз кайтыш болгондон кийин бир укмуш окуя баяндалат. Жакып, Абыке, Көбөштөр баатырдын ордосун талкалап, Семетейди өлтүрүп, Каныкейди токолдукка алаарда Бакай бабыз баатырдын үй-бүлөсүн Бухарага качырат. Алар узак жол жүрүп, минген байталдары өлүп тамагы түгөнүп, чокою жыртылып, ташыркап баса албай калганда:

Эки байтал жүрбөдү.
Жүрбөгөн соң таштады,
Жөөлөп жолго баштады.
Беш күндөн кийин мекчейип,
Кайненеси баспады.
Асыл туулган Каныкей,
Ичи жаман кайышып,
Кайненесин көтөрүп,
Кабыргасы майышып.
Жөө басып Каныкей,
Буулум тону жыртылып,
Бутунда кепич жыртылып.
Согончогун жоорутуп,
Томуктарын оорутуп.
Жөө басаканын сурасаң,
Бир жарым ай күн болуп [Жүсүп Мамай 2014, 6: 446],

деп сүрөттөлөт.

Жогорку сүрөттөдө Каныкей кайын энеси Чыйырдыны артына, Семетейди алдына, экөөнү катар бир жарым ай жалгыз көтөрөт, анысы аз келгенсип ачка дагы болушат. Ушунун өзү кыргыздагы тарбиянын жеткен чеги, мындан өткөн тарбия жок. Анткени Каныкей кайын энесин жонуна көтөрүү менен кыргыз элине тарбиянын үлгүсүн берди. Мына этнопедагогиканын негизи кайда экенин ушул мисалдан байкаса болот. «Манас» эпопеясы ар тараптан канчалык терең изилденип жатса дагы, чыгармада элдик таалим-тарбия салттарынын чагылдырылышы өзүнчө бир чоң изилдөөнүн объектиси болгон жок. Учурда ааламдаштыруу мезгилинде эскирип, унутулуп бара жаткан жогорудагы аталган этникалык эреже-нормаларды жаңы замандын шарты менен окутуу талапка ылайыктуу. Окумуштуу Абдыкерим Муратов: «Азыркы учурда Европа менен, жалпы эле Батыш менен ааламдашуу процессиндеги жакындашуу, өтмө катыштык учурдагы кыргыз үй-бүлөсүн өзгөрттү, биздин улуттун ичинде үй-бүлө курган жаштарда ажырашуу өтө көбөйүүдө, анын ар кандай себептери бар болсо да, бирден бир башкы себеби – үй-бүлө ынтымагын сактоодо кыргыздардын кылымдардан бери келе жаткан салттуу тарбиялоо каадаларынын жоголуп баратышы», деп туура баамдаганын белгилеп кетүү керек [Муратов 2017, 8: 198]. Кыргыз элинин этнопедагогикасы тээ байыртан бери келип калк таразасынан өтүп, ыймандык нормаларды сактап, өзүнө сиңирип, улам жаңыланып, толукталып жүрүп отуруп бизге жетти. Мына ушундай элдик педагогиканын негиздерин, нравалык эрежелерин жаштарга жеткирүү менен улуттук нарктын кадырын көтөрүүгө болот.

Элдик педагогикада ата-бабаларыбыз жандуу жаратылышты адам менен бирдей кароого тарбия берген. Эпикалык доордун салтына ылайык эпикалык чыгармалардын дээрлик баардыгында болочоктогу баатыр менен анын мине турган тулпары параллель коюлуп сүрөттөлөт. Мындан кыргыз этнопедагогикасынын бир катар өзгөчөлүктөрүн байкоого болот. Анткени кыргыздар баардык эпикалык чыгармаларында жаныбарларды адам менен катар коюп, аларды сүйүү, аларга жакшы мамиле кылууга көндүрөт. Эпикалык чыгармалардагы ат жана адам ассоциациясы дүйнөлүк фольклористикадагы туруктуу мотивдерден. Мисалы, Манас баатыр Аккуласын: Кумдуу жерге оонаткан, Кудуктуу жерден сугарган, деп сүрөттөлөт [Орозбаков 1982, 4: 41]. Кыргыз эли көчмөн болгондуктан алар балдарын малга жакын тарбиялаган, басса канаты, жесе тамагы экендигин түшүндүргөн. А. Алимбеков: «Элибизде төрт түлүк малды асыроого 10–12 жашынан билим жагынан да, практика жүзүндө да даяр болуп калыптанган. Уул балдар 14–17 жашында жылкычынын, сакманчынын, чабандын милдеттерин кадыресе өз алдынча аткарууга жетишкен», деп белгилегендигине кошулабыз [Алимбеков 2001, 1: 13]. Бул элибиздеги салттык көрүнүштөрдүн бири. Малды асыроо менен бабаларыбыз жаштарды эмгекке тарбиялаган. Маселен, мал кароо, жылкы таптоо, аларды минүү жана суутуу, куш таптоо жигиттин канчалык деңгээлде кыйындыгын билдирген. Ошондой эле алардын кадыр-баркы баккан аттарынын канчалык күлүк же күчтүү чыккандыгы менен аныкталган.

Кыргыздар алмуस्ताктан бери жаратылышка жигедүү мамиле кылуу, аны коргоо маселесин көтөрүп келген. Экология маселеси да этнопедагогиканын негизи болгон. Этнопеда-

гог Г.Н. Волков: «Жаратылыш – элдик педагогиканын эң маанилүү факторлорунун бири, ал жашаган турак гана эмес, ал – боордош, Мекен. Мекендин табияты болсо адамдын үстүнөн ар дайым үстөмдүк жүргүзөт. Элдик педагогиканын жаратылыштык табияты элдик тарбиялоонун табигыйлыгы менен байланышкан. Андыктан экология тууралуу кеп кылганда адамзат жөнүндө универсалдуу камкордук катары түшүнүүбүз керек – айлана-чөйрөнүн экологиясы, маданияттын экологиясы, адамдын экологиясы, этникалык кайра жаралуунун экологиясы. Орустар адамдын табигыйлыгы, табигый акыл-эс тууралуу айтышат, мунун мааниси терең, анан калса бул элдик тарбиялоонун табигыйлыгы – элдик педагогиканын демократиялык, гуманисттик өзгөчөлүктөрү менен байланышат» – деп жазат [Волков 2000, 2: 129]. Кыргызда өсүп келе жаткан балдарды жаратылыштын сулуулугу, табият көркү менен тааныштыруу салттык көрүнүш. Албетте, мекенчилдик – мекенди таанып-билүүдөн башталаары бышык. Кыргыз жаратылышынын, жеринин сулуулугун, кереметин көрө билүү менен аны барктай, сактай билүүгө тарбия берүү кыргыз таанымында башкы орунда турган. Ошол эле мезгилде кайсы жаныбар кайда жашайт, качан төлдөйт, аны кайсы убакта коргоого алуу керек, качан аңчылыкка чыгуу керектигинин баарын балдарына үйрөткөн. Ошону менен бирге балдарды жаш чагынан кооз жерлерди көрсөтүп жаратылыш менен табиятка жакындан аралаштырып, мекенчилдик сезимин ойготкон. Жаштар жаратылыштын кооздугуна гана суктанып калбай, ошол баалуулукту эч бир башка элдерге тепсетпей коргоого даяр болууга тарбия берген, мына кыргыздын кеменгерлиги дал ушунда. Мисалы «Манас» эпосунда Ала-Тоо арасындагы Ак-Талаа жерине:

Адыр-будур бел экен,
Абыдан сонун жер экен.
Бөөт, көлчүк, сазы бар,
Бөлүнгөн өрдөк, казы бар.
Алмасы бышып көң болгон,
Жаңгагы бышып сай толгон.
Кызгалдак чөбү кылкылдап,
Кымыздык, чөп, ышкыны
Тегиз бышып былкылдап,
Жаткан экен Ак-Талаа
Ортосунда оргуган
Булак сары суусу бар [Каралаев 1984, 5: 39–40],

деп сүрөттөлөт. Этнопедагогикадагы тарбиялоонун негизги милдети өсүп келе жаткан жаш муунду жаратылыш менен гармониялуу өстүрүү болгон. Мында адам менен жаратылыш тыгыз байланышта экенин баяндоо менен, аны менен кандай мамиледе болуш керектигин элибиз эчак эле баяндап, эгер сен жаратылышка жаман мамиле кылсаң, ал сенден акыры өчүн алат деп, таасирдүү, көркөм баяндап жаш муундарга жаратылышка аяр мамиле кылууга жол көрсөткөн. Ушунчалык таасирдүү чыгармалары аркылуу улуу муунду дагы, кичүү муунду дагы жаратылышты коргоого чакыруу менен экологиялык ой-бүтүмдөрүн көөнө мурастарында калтырган. Муну «Карагул ботом», «Кожожаш» поэмаларынан ачык көрүүгө болот.

Ошону менен өсүп келе жаткан инсанды эмгекке тарбиялоо тарбиянын негизи болгон. Кыргыз турмушунда эмгекке өзгөчө маани берилген дагы ак эмгек менен жанын багууга үйрөтүшкөн. Мисалы, Жусуп Мамайдын варианты боюнча Манас бала «жети жерди ойдурду, жерге сууну толтурду» [Жүсүп Мамай 2014, 6: 30], «Сары өзөк талдан чаптырып, башы менен сабына, аябай шынаа кактырып, буурусунду жасап бүтүрүп» жер айдайт. Дыйканчылыктын сырларын өздөштүрүп, жер иштетип, суу чыгарып, акыры ар түрдүү эмгек кылууга үйрөнөт. Демек, «Манас» эпосу – кыргыз элинин жашоосунда өзгөчө мааниге ээ балдарга таалим-тарбия берүүдө да өзгөчө милдет аткарат.

Кыргыз элинин салтына ылайык жаш муундардын дүйнө таанымына таасир бере турган педагогдор өткөн. Ошолордун арасынан «Манас» эпопеясында таасири күчтүү Бакай, Акбалта аксакалдар акылмандуулуктун символу катары берилет. Алар элдин башын бириктирип, жаштарга үлгү болуучу даанышман адамдар. Кыргыздар Алтайга барганда Акбалта «Жер казып алтын алалы, калмак деген аштык билбес калк, жазында табагын тайга сатабыз», «Эл эмгегин жер жебейт», деп элди жапырт эмгектенүүгө чакырат. Эпопеяда жаштарды эмгекке тарбиялоодо Акбалтанын орду чоң болсо, Бакай ар дайым акыл-насаатын айтып, жаштарды гумандуулукка чакырса, Манас баатырдын образы мекенчилдиктин үлгүсү. Арийне, «Манас» эпосун окуган ар бир инсан өзүнө салттуу жакшы гана сапаттардын үлгүсүн алат. Ошондуктан эпопеянын сюжетин бала бакчадан

жогорку окуу жайларга чейин жеткирүү менен, алардын таалим-тарбиялык жактарын көбүрөөк сабактарда колдонууну колго алуу замандын талабы. Учурда эпоеянын сырларын чечмелеп, алардан корутунду чыгарып, этнопедагогиканын негизин таап, аларды тажрыйбада колдонуу зарыл. Улуу мурастагы ар кыл ой корутундуларды алдынкы каармандардын ишмердигин, өмүр жолун, жашоо принциптери жалпылаштырып, алардын калтырган адеп-ахлак нормаларын турмушта колдоно билүүгө жетишсек учурдагы ааламдашуу селинин терс таасирлерине бөгөт коюп, тышкы дүйнөгө багытталган билим берүү саясатын ички ресурстарыбызга бурууга, атуулдук жана улуттук өзүн-өзү андаптаануу процессин активдештирип өзүбүзгө жана өзүбүздүн тарыхый тажрыйбабызга болгон ишеничти бекемдөөгө, өз мүмкүнчүлүктөрүбүз менен ресурстарыбызга карата жаңыча көз карашты калыптандырууга омоктуу салымыбыды кошобуз.

АДАБИЯТ

- Алимбеков А. Кыргыз элинин билим берүү салттары. – Бишкек: Алтын тамыр, 2001. – 42 б.
Волков Г.Н. Этнопедагогика. Учебник для студентов средних и высших педагогических учебных заведений. – М.: АСАДЕМА, 2000. – 176 с.
Волков Г.Н. Этнопедагогика. – Чебоксары: Чувашкинигоиздат, 1974. – 367 с.
Манас. Кыргыз элинин баатырдык эпосу / 4-китеп. С. Орозбаковдун варианты боюнча. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982. – 366 б.
Манас. Кыргыз элинин баатырдык эпосу / 1-китеп. С. Каралаевдин варианты боюнча. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – 247 б.
Манас: Жүсүп Мамай – Manas: Jusup Mamay / Ж. Мамай. – Үрүмчү, 2014. – 562 б.
Муратов А. Кыргыз эл педагогикасы: табияты, таралышы жана тарыхы. 1-китеп. – Бишкек: Турар, 2011. – 604 б.
Муратов А. / Айтматов окуулары – 2017: Эл аралык илимий практикалык конференциянын материалдары. – Бишкек, 2017, 434 б.
Юнусалиев Б. Баш сөз // Манас. КБВ. – Фрунзе: 1958. – Б. 3–18.

SOVYET DÖNEMİ ÖNCESİNDE KARAÇAY-MALKAR TÜRKÇESİNE RUSÇADAN GİRMİŞ KELİMELER

A. Adiloğlu

Bu çalışmada, Sovyet dönemi öncesinde, Karaçay-Malkar Türkçesine girmiş olan Rusça kelimeler ele alınmıştır. Karaçay-Malkar Türklerinin 1827–1828 yıllarında Çarlık Rusyasının hâkimiyetine girmesinden sonra Karaçay ve Malkar bölgelerinde Rus idarî ve askerî yönetim birimleri kurulmuş, Rus okulları açılmış, Rus tacirleri ile olan ticarî ilişkiler artmış, Rus girişimcileri tarafından küçük fabrikalar ve işletmeler kurulmuştur. Bütün bu süreçte doğal olarak Karaçay-Malkar Türkçesine de Rusçadan pek çok kelime girmiştir. Karaçay-Malkar Türkçesindeki söz konusu bu Rusça alıntı kelimelerin büyük bir kısmı konuşma yoluyla geçmiştir. Bunların bazıları söylendiği veya duyulduğu şekilde, bazıları yazıldığı şekilde, bazıları da Karaçay-Malkar Türkçesinin fonetik kaidelerine göre yeniden biçimlendiği şeklindedir. Ayrıca bu kelimelerin bazıları sadece şekil bakımından değil, anlam bakımından da değişikliğe uğramıştır.

Anahtar Kelimeler: Karaçay-Malkar Türkçesi, Rusça, Alıntı Kelimeler.

In this study, the Russian words which have before the pre-soviet period entered into the Karachay-Balkar Turkish were analyzed. The relations intensified after the sovereignty of the Karachay-Balkar Turks has been assumed by the Tsarist Russia in 1827–1828. Russian administrative and military administrative units were established in the Karachay and Balkar regions, Russian schools were opened, and trade relations with Russian traders increased and small factories and enterprises were established by Russian entrepreneurs. During this whole process, naturally many words have been borrowed from Russian to Karachay-Balkar Turkish. Majority of these borrowed Russian words in Karachay-Balkar Turkish in question are transferred via speech. Some of these words are, as said or heard, some as they are written, and some are reformed according to the phonetic rules of Karachay-Balkar Turkish. In addition, some of these words have changed not only in terms of form but also in terms of meaning. For this reason, it can not be understood at the first glance that these words are borrowed.

Keywords: Karachay-Balkar Turkish, Russian language, borrowed words.

1. Giriş

Karaçay-Malkar Türkçesi yaklaşık iki yüz yıldır Rusçanın tesiri altındadır. Ancak, söz konusu bu tesir, Çarlık Rusyası döneminde pek fazla olmamış, bilhassa Sovyet döneminden itibaren çok fazla artmış ve günümüzde de çok kuvvetli bir şekilde devam etmektedir. Bugünkü Karaçay-Malkar Türkçesinde sadece bilimsel ve teknolojik terimlerde değil; siyaset, sanat ve

edebiyat gibi sosyal ve kültürel alanlar da dâhil olmak üzere hayatın hemen her sahasıyla ilgili terimlerde Rusçanın bariz bir üstünlüğü vardır.

Rusçanın bu üstünlüğü maalesef konuşma diline de sirayet etmiştir. Günümüzde Karaçay-Malkar Türkçesini ortalama düzeyde konuşan bir kişinin kullandığı Rusça kelimelerin sayısı o kadar fazladır ki, Karaçay-Malkar Türkçesine ait kelimelerle oranı neredeyse yarı yarıyadır. Yani sözde Karaçay-Malkar Türkçesiyle konuşan bir kişi o kadar çok Rusça kelime kullanmaktadır ki, karşısındaki kişi eğer Rusça bilmiyor ise bu kişinin onu anlaması çok zordur. Yani, Karaçay-Malkar Türkçesine Sovyet döneminden sonra Rusçadan girmiş kelimelerden bahsetmenin abesle iştiğal etmekten başka bir şey olmayacağını söylememiz gerekir.

Bu yüzden de çalışmamızda, Sovyet dönemi öncesinde; yani Çarlık Rusyası hâkimiyeti döneminde Karaçay-Malkar Türkçesine girmiş olan Rusça kelimeler ele alınmıştır. Kuzey Kafkasya bölgesinde yaşayan Karaçay-Malkar Türkleri 19. yüzyıl başlarından itibaren Ruslarla siyasi, ticarî ve kültürel ilişkiler içerisine girmeye başlamışlardır. Karaçay-Malkar Türklerinin 1827–1828 yıllarında Çarlık Rusyasının hâkimiyetine girmesinden sonra bu ilişkiler daha da yoğunlaşmıştır. Karaçay ve Malkar bölgelerinde Rus idarî ve askerî yönetim birimleri kurulmuş, Rus okulları açılmış, Rus tacirleri ile olan ticari ilişkiler artmış, Rus girişimcileri tarafından küçük fabrikalar ve işletmeler kurulmuştur. Bütün bu süreçte doğal olarak Karaçay-Malkar Türkçesine de Rusçadan pek çok kelime girmiştir.

Karaçay-Malkar Türkçesindeki söz konusu bu Rusça alıntı kelimelerin büyük bir kısmı konuşma yoluyla geçmiştir. Bunların bazıları söylendiği veya duyulduğu şekilde, bazıları yazıldığı şekilde, bazıları da Karaçay-Malkar Türkçesinin fonetik kaidelerine yeniden şekillenerek girmiştir. Ayrıca bu kelimelerin bazıları sadece şekil bakımından değil, anlam bakımından da değişikliğe uğramıştır. Bu sebeple bu kelimelerin alıntı olduğu ilk bakışta anlaşılabilir değildir. Bunun dışında Karaçay-Malkar Türkçesine Rusça aracılığıyla Almanca, Fransızca ve İtalyanca gibi Batı dillerine ait bazı kelimeler de girmiş; aynı şekilde bu tür kelimelerde de şekil ve anlam değişimleri olmuştur.

2. Malzeme

Sovyet dönemi öncesinde Karaçay-Malkar Türkçesine girmiş olan Rusça kelimeleri tespit etmek oldukça zordur. Çünkü bu dönemde Karaçay-Malkar Türkçesiyle basılmış eserlerin sayısı çok azdır. Konuşma dilinden ziyade edebî dil kullanılması ve bilhassa Rusça kelimeleri kullanmaktan imtina edilmesinden dolayı söz konusu bu eserlerde geçen Rusça kelimelerin sayısı yok denecek kadar azdır. Meselâ, 1909 yılında basılan ve Karaçay-Malkar Türkçesiyle ilk matbu eser olma özelliğini taşıyan, Hacı Lokman Asanî el-Balkarî'nin Kitabü Mürşidi'n-Nisâ adlı eserinde Rusçadan geçmiş sadece tek bir kelime vardır. O da, Rusça 'teşekkür etmek' anlamına gelen 'spasibo ~ спасибо' kelimesinden türemiş olan 'ısbas et-' (teşekkür etmek) kelimesidir [El-Balkarî 1909: 34].

Bununla birlikte, Çarlık Rusyası döneminde Karaçay-Malkar Türkçesine, özellikle de konuşma diline geçmiş olan bazı Rusça kelimelerin varlığı birkaç yabancı yazılı kaynaktan tespit edilebilmektedir. Bunların başında Wilhelm Pröhle'nin 1909 ve 1914–1915 yıllarında Keleti Szemle dergisinde yayımlanmış olduğu çalışmaları gelmektedir. Wilhelm Pröhle'nin Karaçay-Malkar Türkleri arasında epeyce bir müddet kalmak suretiyle halk ağzından derlemiş olduğu destanları, halk türkülerini, hikâyeleri, masalları ve bilhassa sözlük denemelerini ihtiva eden bu çalışmaları, Sovyet dönemi öncesinde Karaçay-Malkar Türkçesinin sözlü halk edebiyatı ürünlerinin ve konuşma dilinin incelenmesi bakımından gerçekten çok değerlidir.

Wilhelm Pröhle'nin bu çalışmalarına göre Karaçay-Malkar Türkçesine epeyce bir Rusça kelime girmiş olduğu anlaşılmaktadır. Wilhelm Pröhle çalışmasında, Karaçay-Malkar Türkçesine girmiş Rusça kelimeleri özellikle belirtmiştir ve parantez içerisinde de Rusça şekillerini eklemiştir. Ancak bu kelimelerden bazılarının o dönemde Karaçay-Malkar Türkçesini konuşanların tamamına sirayet ettiğini söyleyemeyiz. Meselâ; barışna 'genç kız' (Rus. barışnya ~ барышня), gaspada 'bey, beyefendi' (Rus. gospoda ~ господа), master 'usta' (Rus. master ~ мастеръ), pora 'şimdi, şu anda' (Rus. pora ~ пора), vb. Rusça kelimelerin zaten Karaçay-Malkar Türkçesinde de muadilleri vardır. Bu sebeple en azından Wilhelm Pröhle'nin verdiği Rusça kelimelerin bazılarının ancak Karaçay-Malkar Türkçesindeki muadilleriyle birlikte nöbetleşe kullanıldığını söyleyebiliriz.

Sovyet döneminden önce Karaçay-Malkar Türkçesine girmiş olan Rusça kelimelerin tespit edilmesinde bir diğer önemli kaynak da Türkiye'de yaşayan Karaçay-Malkar Türklerinin konuştuğu Karaçay-Malkar Türkçesidir. Çünkü Türkiye'de yaşayan Karaçay-Malkar Türkleri Sovyet rejiminin kurulmasından, hatta Bolşevik ihtilalinden çok daha önce, 1885–1905 yılları arasında Türkiye'ye gelip yerleşmişlerdir. Yani Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesindeki mevcut Rusça alıntı kelimeler ancak Sovyet dönemi öncesinde girmiş olabilir.

Türkiye'deki Karaçay-Malkar Türklerinin toplam nüfusu tahminî 25 bin civarındadır. Günümüzde yoğun olarak Eskişehir, Konya, Afyon ve Tokat illeri sınırları içerisinde yer alan köylerde, ilçelerde ve şehirlerde genellikle toplu halde yaşayan Karaçay-Malkar Türkleri, gerek söz varlığı ve gerekse şekil bilgisi bakımından Türkiye Türkçesinin tesirinde kalmış olmakla birlikte Karaçay-Malkar Türkçesini konuşmaya devam etmektedirler.

Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığıyla ilgili muhtelif tarihlerde bazı çalışmalar yapılmıştır. Türk Dil Kurumunun «Derleme Sözlüğü» bu konuda yapılan ilk çalışmalardan biridir. 1933–1935 yılları arasında derlenen ve 1939–1949 yılları arasında yayımlanan Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi 150 binden fazla kelimeyi ihtiva etmektedir. Teknik ve muhteva bakımdan bazı eksiklerini tamamlamak amacıyla 1952 yılında bu eserin yeniden düzenlenmesi yoluna gidilmiş ve sekiz yıllık ikinci derleme sürecinde 450 bin kelime daha derlenmiştir. Böylece bu yeni malzeme ile eski malzeme harmanlanarak 13 ciltten oluşacak «Derleme Sözlüğü»nün temeli atılmıştır. Bu önemli eserin tamamı 1963–1982 yılları arasında yayımlanmıştır [Akar 2006: 42].

Bu eser, Türkiye'nin hemen hemen bütün bölgelerine ait söz varlığını kapsamaktadır. Eserde Türkiye Türkçesi ağızlarına ait veriler dışında, farklı dönemlerde Türkiye'ye göç edip yerleşen muhtelif Türk topluluklarının dillerine ait kelimeleri de içermektedir. Eserde, Türkiye'de yaşayan Karaçay-Malkar Türklerinden derlenerek kayda geçirilmiş pek çok kelime yer almaktadır. Derleme Sözlüğündeki bu veriler Hasan Eren [1962 ve 2004] ile Ali Akar ve Ayşe Günay [2015] tarafından işlenerek yayımlanmıştır. Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığı üzerine yapılan bir başka önemli çalışma ise Ufuk Tavkul'un 1994 yılında yayımlanan «Başhüyükten Derlenen Karaçayca Sözcükler» başlıklı çalışmasıdır. Bu çalışma Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin bilhassa söz varlığıyla ilgili olarak şimdiye kadar yapılmış olan en hacimli yayımdır.

Karaçay-Malkar Türkçesine Rusçadan girmiş kelimeler üzerine Rusya'da yapılan çalışmalar arasında İsmail Otarov [Отаров 1996] ile Leyla Misirova'nın [Мисирова 2008] çalışmalarının kayda değer olduğunu söyleyebiliriz. Her iki çalışmada da Karaçay-Malkar Türkçesine Rusçadan ve diğer yabancı dillerden girmiş olan kelimeler ve kelimelerdeki ses ve anlam değişimleri üzerinde durulmuştur. Ancak bu çalışmaların her ikisinde de Rusçadan girmiş olan kelimelere verilen örneklerin sayısı çok azdır.

Bunun dışında, Türkiye'de bu konuyla ilgili olarak diğer Türk lehçeleri üzerine birkaç çalışma yapılmıştır. Kırgız Türkçesiyle ilgili Mehmet Özeren [2010], Ayşe Nuri Ahmetova [2014] ve Gülsine Uzun [2014]; Kazak Türkçesiyle ilgili Emine Atmaca [2012] ve Tatar Türkçesiyle ilgili Caner Kerimoğlu'nun [2010] çalışmalarında ilgili lehçelere Rusçadan ve başka yabancı dillerden girmiş olan kelimeler üzerinde durulmuştur. Ayrıca Mustafa Öner'in [2009] Tatar Türkçesindeki Türkçe kökenli Rusça kelimelerin analiz edildiği çalışmasını da ilave etmek gerekir.

3. Yöntem

Bu çalışmada sadece Sovyet dönemi öncesinde Karaçay-Malkar Türkçesine girmiş olan Rusça kelimelerin tespit edilmesi söz konusudur. Çalışmamızın hacmini çok fazla arttıracığı için Rusça alıntı kelimelerin ses ve anlam değişimleriyle ilgili gramer analizlerine girilmemiştir. Ancak söz konusu bu kelimelerin bilhassa Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesindeki ses ve anlam bakımından gelişme seyri üzerine bazı değerlendirmeler yapılmıştır.

Çalışmamızda verilen kelimeler, çok fazla derinlemesine bir araştırma ve inceleme yapılmadan tespit edilen 115 adet kelimededen seçilmiş 35 kelimededen ibarettir. Tespit edilen kelimelerin tamamı çalışmamızda çok fazla yer kaplayacağı için verilmemiştir. Ancak daha yoğun bir tespit ve inceleme çalışması yapmak suretiyle; kelime sayısı, ses ve anlam değişimleri analizi bakımından bu çalışmanın hacmi genişletilecektir.

Sovyet döneminden önce Karaçay-Malkar Türkçesine girmiş olan Rusça kelimelerin sıralaması Türkiye Türkçesi alfabesine göre göre verilmiştir. Her bir kelimenin önce Rusya Federasyonuna bağlı Karaçay-Çerkes ve Kabardey Balkar özerk cumhuriyetlerinde konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesindeki şekli ve anlamı; daha sonra o kelimenin Rusçadaki asıl şekli ve anlamı; bilâhare son olarak da Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesindeki şekli ve anlamı verilmiştir. Kısaltmalar: Alm. Almanca, Fr. Fransızca, Rus. Rusça.

4. Kelimeler

abiçar 'subay, yüksek rütbeli asker' < Rus. **офитсер** ~ **офицер** 'subay, yüksek rütbeli asker; devlet görevlisi, yetkili, memur' [Pröhle 1914–1915: 197] < Alm. **offizier**. Bu kelimenin Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da '**abiçar**' şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 195]. Ancak günümüzde bu kelime Türkiye'de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesine unutulmuştur ve artık kullanılmamaktadır.

agurça ‘salatalık, hıyar’ < Rus. **ogurets** ~ **огурец** ‘salatalık, hıyar’ [Pröhle 1909: 85]. Türkiye Türkçesinde de ‘acur’ (Rus hıyarı) şeklinde geçen bu kelime, Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**agurça**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcuttur ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir. Ancak, Wilhelm Pröhle’nin çalışmasında geçen bu kelimeye konuyla ilgili olarak Rusya ve Türkiye’de yapılan çalışmalarda rastlayamadık.

baraza ‘tarlada karasaban ya da pulluk izi’ < Rus. **borozda** ~ **борозда** ‘kırışik; hat, çizgi, oluk, çatlak, hendek, yarık’ [Pröhle 1909: 91]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**baraza**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 202; Eren 2004: 172] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir. Ancak, Hasan Eren’in çalışmasında Derleme Sözlüğü’nden alıntı yapılarak verilen ‘baraza’ kelimesinin anlamı ‘fidan ve çubuk seraları arasındaki aralık < Karaçay, Başhöyük, Kadınhanı-Konya’ şeklinde verilmiş ve ayrıca kendisi belirtme de muhtemelen Wilhelm Pröhle’nin çalışmasına dayanarak ‘bu kelimenin Rusça ‘borozda’ kelimesinden geldiği anlaşılmaktadır’ şeklinde bir ifadeye bulunmuştur [Eren 2004: 172].

barışna ‘genç kız, genç bayan’ < Rus. **barışnya** ~ **барышня** ‘genç kız, genç bayan’ [Pröhle 1909: 91]. Wilhelm Pröhle’nin çalışmasında geçen bu kelimeye, konuyla ilgili Rusya ve Türkiye’de yapılan çalışmalarda rastlayamadık. Bu kelime belki o dönemde Wilhelm Pröhle’nin derleme yaptığı bölgede kullanılıyor ise de bu kelimenin Karaçay-Malkar Türkçesini konuşanların tamamına sırayet ettiğini söyleyemeyiz. Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da böyle bir kelime mevcut değildir ya da unutulmuştur.

böçke ‘varil, fiçi’ < Rus. **boçka** ~ **бочка** ‘varil, fiçi’ [Pröhle 1909: 95]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**böçke**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 205; Eren 2004: 176] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir. Ancak, Hasan Eren’in çalışmasında Derleme Sözlüğü’nden alıntı yapılarak verilen ‘boçke’ kelimesinin anlamı ‘yemek pişirilen küçük kazan < Karaçay aşireti, Yazılıköy, Emirdağ-Afyon’ şeklinde verilmiştir [Eren 2004: 176].

carkoy ‘fırında pişirilen etli patates oturtma yemeği’ < Rus. **jarкое** ~ **жаркое** ‘fırında pişirilen etli patates oturtma yemeği; kızartma, et kızartması, rosto’ [Отаров 1996: 87]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**carkoy**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 209] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir.

carmalık ‘hayvan pazarı; panayır; çeşitli malların satıldığı fuar’ < Rus. **yarmarka** ~ **ярмарка** ‘fuar’ [Отаров 1996: 83]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**carmalık**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 209]. Ancak günümüzde bu kelime Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde unutulmuştur ve artık kullanılmamaktadır. Hatta günümüzde ‘carmalık’ kelimesinden, Türkiye Türkçesinin de tesiriyle, ancak ‘yarma yaptırmak için ayrılmış arpa, buğday, yulaf vb. hububat’ anlaşılabilir.

çın ‘rütbe, derece, apolet’ < Rus. **çın** ~ **чин** ‘rütbe’ [Отаров 1996: 88]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**çın**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 214]. Ancak günümüzde bu kelime Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde çok seyrek olarak kullanılmaktadır.

çoğun ‘tunç-bakır karışımı maden; dökme demirden yapılmış kazan’ < Rus. **çugun** ~ **чугун** ‘dökme demir’ [Pröhle 1909: 99]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**çoğun**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 215] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir.

da ‘peki, pekâlâ, tamam’ < Rus. **da** ~ **да** ‘evet’ [Pröhle 1914–1915: 217]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında ‘**da**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 216] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir.

desetina ‘Eski Rus arazi ölçü birimi; 1 desetina = 1.4 hektarlık alan’ < Rus. **desyatina** ~ **десятина** ‘Eski Rus arazi ölçü birimi; 1 desyatina = 1.09 hektarlık alan’ [Мисирова 2008: 119]. Bu kelime Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında ‘**desetina** ~ **desetna**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcuttur ve günümüzde de bilhassa Konya ilinin Sarayönü ilçesine bağlı Başhöyük kasabasında (şimdi mahalle) kullanılmaya devam etmektedir. Ancak bu kelime, Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesiyle ilgili yapılan çalışmalarda kayda geçmemiştir.

durak ‘ahmak, salak, aptal, budala’ < Rus. **durak** ~ **дурак** ‘aptal, ahmak’. Bu kelime Wilhelm Pröhle’nin çalışmalarında, Rusya ve Türkiye’de yayımlanmış eserlerde kayda geçmemiştir. Ancak bu kelime günümüzde Rusya Federasyonu içerisinde yaşayan Karaçay-Malkar Türkleri

tarafından kullanılmaktadır. Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde ise; Kafkasya (Karaçay, Ogarı Teberdi köyü) doğumlu ve on iki yaşında iken Türkiye’ye (Konya ilinin Sarayönü ilçesine bağlı Başhüyük kasabasına) gelip yerleşen Lokman (Şıkka) Sılpağar kızı rahmetli Aminat Çağar (1883–1993) ile yine Başhüyük kasabasında doğmuş olan ilk kuşak Karaçay-Malkar Türklerinden rahmetli ninem Hacıbiy Sılpağar kızı Zanimat (Çımmak) Karça (1912–1992) tarafından bu kelimenin kullanıldığını çok iyi hatırlıyorum. Yani bu kelime Karaçay-Malkar Türkçesine kesinlikle Sovyet dönemi öncesinde geçmiştir. Ancak günümüzde bu kelime Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde unutulmuştur ve artık kullanılmamaktadır.

galoş ‘galoş, ayakkabı üzerine giyilen kılıf; geçici olarak giyilen kaba ayakkabı, terlik’ < Rus. **galoşi** ~ **галoши** ‘lastik veya kauçuktan ayakkabı’ [Pröhle 1909: 103] < Alm. galosche ~ Fr. galoche. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**galoş**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 219] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir.

ganiyba ‘kumaş üzerine işlenen nakış, kanaviçe’ < Rus. **kanva** ~ **канва** ‘tuval; kumaş üzerine işlenen nakış, kanaviçe’ [Отаров 1996: 82]; **kanıva** ‘kumaş üzerine işlenen nakış, kanaviçe’ < Rus. **kanva** ~ **канва** ‘tuval; kumaş üzerine işlenen nakış, kanaviçe’ [Гочияева-Суюнчев 1989: 314]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**kanıva**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 223] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir. Fakat benim bildiğim kadarıyla bu kelime Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘**ganavba**’ ve ‘**ganaba**’ şeklinde de söylenmektedir.

gardoş [Karaçay] ‘patates’ < Rus. **картошка** ~ **картошка** ‘patates’ ~ **kartof** [Malkar] ‘patates’ < Rus. **картофель** ~ **картофель** ‘patates’ [Отаров 1996: 83] < Alm. kartoffel. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**gardoş**’ [Eren 1962: 333; Tavkul 1994: 219] ve ‘**gordoş**’ [Eren 2004: 203] şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir. Ayrıca, bildiğim kadarıyla bu kelime günümüzde Afyonkarahisar ili İncehisar ilçesine bağlı ve nüfusunun çoğunluğu Malkar Türklerinden müteşekkil Doğlat köyünde konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘**kartof**’ şeklinde de kullanılmaktadır.

giniral ‘general’ < Rus. **general** ~ **генераль** ‘general’ [Pröhle 1909: 103] < Fr. général. Bu kelime, Wilhelm Pröhle’nin derleme yaptığı sırada ‘giniral’ şeklinde söylenmekte ise de daha sonra ‘**inyaral**’ şeklini almıştır [Гочияева-Суюнчев 1989: 299; Отаров 1996: 83]. Ayrıca bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında ‘**inaral**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 223]. Ancak günümüzde pek seyrek şekilde kullanılmaya devam etmekle birlikte unutulmaya yüz tutmuş kelimelerdendir.

hamıt ‘at koşumunun boyun halkası; hamut’ < Rus. **homut** ~ **хомут** ‘halka, kelepçe’ hamut’ [Мисирова 2008: 119]. Türkiye Türkçesinde de ‘hamut’ şeklinde kullanılan bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında ‘**hamut**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 221] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir.

ısbas ‘teşekkür’ **ısbas et-** ‘teşekkür etmek, şükranlarını sunmak, ululamak’ < Rus. **спасибо** ~ **спасибо** ‘teşekkür’ [El-Balkarı 1909: 34]. Bu kelime, Hacı Lokman Asanî El-Balkarı’nın 1909 yılında Dağıstan’da Temirhan-Şura (bugünkü Buynaksk) şehrinde basılan Kitâbü Mürşidi’n-Nisâ adlı eserinin son kısmında yer alan Kâzım Möçü’nün ‘İyman-İslâm’ başlıklı şiirinde geçmektedir:

Bilgenim çokdu men harif neteyim
Sıylı Allahğa mahtav, **ısbas eteyim**.

*Bildiğim yoktur, ben garip, ne yapayım
Yüce Allah’a övgüler, şükranlar sunayım.*

Bu kelime Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesiyle ilgili yapılan çalışmalarda kayda geçmemiştir. Bu kelime bir ihtimal ki Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde mevcut değildir ya da unutulmuş kelimelerden biridir.

ıstakan ‘bardak’ < Rus. **stakan** ~ **стакан** ‘bardak’ [Pröhle 1909: 133] < Tat. tustagan ~ tostogan [Öner 2009: 248]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**ıstakan**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 223] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir.

kalaç ‘simit, çörek’ < Rus. **kalaç** ~ **калач** ‘somun, yuvarlak ekmek’ [Pröhle 1909: 114]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**kalaç**’ şeklinde ve ‘mayalı veya mayasız hamurdan yapılan küçük ekmek’ anlamında mevcut olduğu Derleme Sözlüğü’nde (Çilehane, Reşadiye-Tokat) kayda geçmiştir [Eren 2004: 204]. Ayrıca ‘çörek’ anlamında kullanıldığı da tanıklanmaktadır [Tavkul 1994: 225]. Bu kelime günümüzde de Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘**kalaç**’ ve ‘**kalaş**’ şeklinde kullanılmaya devam etmektedir.

kanfet ‘şekerleme’ < Rus. **konfet** ~ **конфет** ‘şekerleme’ [Pröhle 1909: 115]. Bu kelime, Wilhelm Pröhle’nin derleme yaptığı sırada ‘kanfet’ şeklinde söylenmekte ise de daha sonra ‘**kampet**’ ve ‘**kampek**’ şekillerini almıştır [Гочияева-Суюнчев 1989: 313; Отаров 1996: 83]. Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde ise bu kelimenin ‘**kempek**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 228]. Bu kelime günümüzde Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘şeker’ anlamından ziyade ‘misafir şekeri’ ve ‘şekerleme’ anlamında kullanılmaktadır. Ayrıca ‘akide şekeri’ anlamında ‘**miyala kempek**’ şeklinde kullanımı da mevcuttur. Türkiye’de yaşayan Karaçay-Malkar Türklerinin sözlü geleneğinde yaşayan ve ‘kempek’ kelimesinin de geçtiği bir ‘inyar’ (mâni) örneği verelim:

Süyeme dediñ, süydürdün
Süymeyme dediñ, küydürdün
Kempekçik berib kabdırdın
Cüregime avruv tabdırdın.

*Seviyorum dedin, âşık ettin
Sevmiyorum dedin, mahvettin
Şeker parçası verip yedirdin
Yüreğime ağrı getirdin.*

kobusta [Karaçay] ‘lahana’ ~ **habusta** [Malkar] ‘lahana’ < Rus. **kapusta** ~ **капуста** ‘lahana’ [Pröhle 1909: 119; Pröhle 1914–1915: 223]. Buna ilaveten, Malkar Türkçesinde bu kelimenin ‘**hobusta**’ şeklini aldığı müşahede edilmektedir [Отаров 1996: 83]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**kobusta**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 231] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir.

koşun ‘topraktan yapılmış testi’ < Rus. **kuvşin** ~ **кувшин** ‘topraktan yapılmış testi, kulplu sürahi’ [Pröhle 1909: 120]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**koşun**’ şeklinde ve ‘küp’ anlamında [Eren 2004: 210] ve ayrıca ‘testi’ anlamında mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 232] ve günümüzde de aynı şekil ve anlamlarda kullanılmaya devam etmektedir. Derleme Sözlüğü’nde ‘küp’ anlamında geçen ‘koşun’ (Çilehane, Reşadiye-Tokat) kelimesinden [Eren 2004: 210] aslında ‘su, pekmez, yağ vb. sıvıları veya un, buğday gibi tahılları saklamaya yarayan, geniş karınlı, dibi dar, toprak kap’ anlaşılmalıdır. Ayrıca ‘koşun’ kelimesinin bir de ‘kiremit’ anlamı vardır. Esasen, Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘koşun’ kelimesi genel anlamda pişirilmiş toprak ve bu topraktan tan imal edilmiş her türlü eşya demektir. Özelde ise daha ziyade pişirilmiş topraktan yapılmış su testisi için kullanılmaktadır.

курушка ‘kulplu bardak, kupa, maşrapa’ < Rus. **krujka** ~ **кружка** ‘kupa, kulplu bardak’ [Отаров 1996: 84]. Bu kelime, Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**курушка**’ ~ ‘**куруша**’ ~ ‘**куруşa**’ şekillerinde ve aynı anlamda mevcut olup, günümüzde de kullanılmaktadır. Ancak bu kelime, Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesiyle ilgili yapılmış olan çalışmalarda kayda geçmemiştir.

küpes ‘saçaklı ipek şal, başörtüsü’ < Rus. **kupets** ~ **купец** ‘tüccar’ [Отаров 1996: 83]. Bu kelime, Karaçay-Malkar Türkçesine Rusçadan girmiş olan alıntı kelimelerdeki anlam değişmesine çok güzel bir örnektir. Rus tüccarları tarafından satılan saçaklı ipek şallar, Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘küpes’ kelimesiyle karşılanır olmuş; böylece Rusça ‘tüccar’ anlamındaki ‘kupets’ kelimesi, Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘saçaklı ipek şal’ anlamına gelen ‘küpes’ şeklini almıştır. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında ‘**küpez**’ şeklinde ve ‘başörtüsü yapmak için kullanılan siyah ve beyaz renkli ipekl kumaş’ (Derleme Sözlüğü: Başhöyük, Kadınhanı-Konya) anlamında [Eren 2004: 215] ve ayrıca ‘**küpes**’ şeklinde ve ‘başörtüsü, eşarp’ anlamında mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 235]. Günümüzde ise bu kelime ‘**küpes**’ ve ‘**küpes cavluk**’ şeklinde pek seyrek olarak kullanılmaktadır ve yakın bir gelecekte unutulup kaybolması kuvvetli bir ihtimaldir.

matuşko ‘Rus kadın, Rus kızı’ < Rus. **матушка** ~ **матушка** ‘anne, annecik, anneciğim’ [Отаров 1996: 83]. Bu kelime de yine Karaçay-Malkar Türkçesine Rusçadan girmiş olan alıntı kelimelerdeki anlam değişmesine güzel bir örnektir. Rusça ‘anne’ ya da ‘annecik’ anlamındaki ‘matuşka’ kelimesi, Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘Rus kadın, Rus kızı’ anlamına gelen ‘matuşko’ şeklini almıştır [Мисирова 2008: 119]. Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde ise bu kelime yine şekil ve anlam değişikliğine uğramak suretiyle ‘laubali ve küstah kadın ya da kız’ ve ‘edepsiz ve ahlâksız kadın ya da kız’ anlamında ‘**marışko**’ şeklini almıştır. Bu kelime günümüzde de seyrek olarak kullanılmaya devam etmektedir. Ancak, Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesiyle ilgili yapılan çalışmalarda kayda geçmemiştir.

maşok ‘çuval’ < Rus. **мешок** ~ **мешок** ‘çuval’ [Pröhle 1909: 122]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**maşak**’ (Derleme Sözlüğü: Kadıçiftliği, Yalova-İstanbul) şeklinde [Eren 2004: 215; Akar-Günay 2015: 36] ve ayrıca yine ‘**maşok**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 236]. Bu

kelime günümüzde de Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde seyrek olarak kullanılmaya devam etmektedir.

paltın ‘palto’ < Rus. **palto** ~ **пальто** ‘palto, ceket’ [Pröhle 1909: 128] < Fr. paletot. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**paltın**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 240] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir.

peç ‘fırın, soba’ < Rus. **peç** ~ **печ** ‘fırın, soba’ [Pröhle 1909: 128]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**peç**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Eren 1962: 338; Tavkul 1994: 240] ve günümüzde de seyrek olarak kullanılmaya devam etmektedir.

şajna ~ **şajna** ‘tarla vb. arazi ölçmek için tahtadan yapılmış büyük pergel; 2.13 metrelik uzunluk ölçüsü’ < Rus. **сажен** ‘kulaç; 2.13 metrelik mesafe’ [Отаров 1996: 83; Гочияева-Суюнчев 1989: 747]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**şajna**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 245] ve günümüzde de seyrek olarak kullanılmaya devam etmektedir. Çocukluğumda, Konya ilinin Sarayönü ilçesine bağlı Başhüyük kasabası (şimdi mahalle) doğumlu rahmetli babam Celal Adiloğlu’nun (1937–2015) tahtadan yapılmış ve ‘şajna’ şeklinde söylediği büyük bir pergelle tarlada ölçüm yaptığımı çok iyi hatırlıyorum.

salam ‘saman’ < Rus. **солома** ~ **солома** ‘saman’ [Отаров 1996: 83]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**salam**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 241] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir. Ayrıca bu kelime Derleme Sözlüğü’nde de aynı şekil ve anlamda (Kadıçiftliği, Yalova-İstanbul) geçmektedir [Eren 2004: 221; Akar-Günay 2015: 38].

samavar ‘semaver’; < Rus. **самовар** ~ **самовар** ‘semaver’ [Pröhle 1909: 130]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**samavar**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 235] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir. Karaçay-Malkar Türklerinin büyük halk ozanı İsmail Semen’in (1891–1981) pek meşhur ‘Aktamak’ adlı destanından, bu kelimenin de geçtiği, bir dörtlük verelim:

Samavarları da kaynatır
Süygen cüreknî kömürü
Eki süygeñne hayır bolğannı
Uzak bolsun ömrü.

Semaverleri de kaynatır
Seven kalbin kömürü
İki sevene iyilik edenin
Uzun olsun ömrü.

sernek ‘kibrit’ < Rus. **серники** ~ **серники** ‘kibrit’ [Отаров 1996: 83]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**sernek**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 242] ve günümüzde de kullanılmaya devam etmektedir. Derleme Sözlüğü’nde ‘kibrit’ anlamında ‘**sermek**’ kelimesi (Kadıçiftliği, İstanbul) kaydı vardır ancak yanlış yazılmıştır [Eren, 2004: 223].

şkaf ‘dolap’ < Rus. **шкаф** ~ **шкаф** ‘dolap’ [Pröhle 1909: 134]. Bu kelimenin Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinin söz varlığında da ‘**ışgap**’ şeklinde ve aynı anlamda mevcut olduğu Derleme Sözlüğü’nde [Eren 2004: 203; Akar-Günay 2015: 30] ve ayrıca ‘Başhüyükten Derlenen Karaçayca Sözcükler’ adlı çalışmada kayda geçmiştir [Tavkul 1994: 223]. Ancak bu kelime günümüzde Türkiye’de konuşulan Karaçay-Malkar Türkçesinde unutulmuştur ve artık kullanılmamaktadır.

5. Sonuç

Çalışmamızda verilen örneklerden de anlaşılacağı üzere, Sovyet dönemi öncesinde Karaçay-Malkar Türkçesine Rusçadan girmiş olan kelimelerin öncelikle konuşma dili vasıtasıyla geçtiği; duyulduğu şekilde ve Karaçay-Malkar Türkçenin ses kurallarına göre yeniden şekillendiği anlaşılmaktadır.

Meselâ, Rusçada vurgusuz /o/ sesinin telaffuzunun /a/ şeklinde olması sebebiyle; Rusçada ‘afitser’ şeklinde söylenen ofitser ~ офицер kelimesi ‘abiçar’ şeklinde; ‘aguryets’ şeklinde söylenen ogurets ~ огурет kelimesi ‘agurça’ şeklinde; ‘barazda’ şeklinde söylenen borozda ~ борозда kelimesi ‘baraza’ şeklinde; ‘hamut’ şeklinde söylenen homut ~ хомут kelimesi ‘hamit’ şeklinde; ‘kanfet’ şeklinde söylenen konfet ~ конфет kelimesi ‘kampet’ şeklinde; ‘saloma’ şeklinde söylenen soloma ~ солома kelimesi ‘salam’ şeklinde geçmiştir. Yani, Rusça kelimelerdeki vurgusuz /o/ sesi /a/ şeklinde telaffuz edildiği için Karaçay-Malkar Türkçesine de söylendiği ya da duyulduğu şekilde geçmiştir. Elbette bu kelimelerin bazıları daha sonra Karaçay-Malkar Türkçesinin ses kurallarına göre yeniden şekillenmiştir.

Karaçay-Malkar Türkçesinin ses kurallarına göre yeniden şekillenen Rusça kelimelere gelince; gerileyici ve ilerleyici benzeşme yoluyla gerçekleşen ünlü yuvarlaklaşmasına ‘kobusta’

< kapusta ~ капуста, ‘matuşko’ < Rus. матушка ~ matuşka vb. kelimeleri; ön sesteli ünlü türemesine de ‘ısbas < spasibo ~ спасибо, ‘istakan’ < stakan ~ стакан, ‘ışgap’ < Rus. şkap ~ шкаф, vb. kelimeleri örnek olarak vermek mümkündür.

Karaçay-Malkar Türkçesine Rusçadan girmiş olan alıntı kelimelerdeki anlam değişmesine de ‘saçaklı ipek şal, başörtüsü’ anlamına gelen ‘küpes’ kelimesi güzel bir örnektir. Rus tüccarları tarafından satılan saçaklı ipek şallar anlam genişlemesi yoluyla; Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘küpes’ kelimesiyle karşılanır olmuştur. yani Rusça ‘tüccar’ anlamındaki ‘kupets’ kelimesi, Karaçay-Malkar Türkçesinde ‘saçaklı ipek şal’ anlamına gelen ‘küpes’ şeklini almıştır.

Sovyet dönemi öncesinde Karaçay-Malkar Türkçesine girmiş olan Rusça kelimeleri belirli alanlara ait terimlerle sınırlamak mümkün değildir. Çünkü söz konusu bu Rusça alıntı kelimeler arasında devlet, siyaset, ekonomi, sağlık, sosyal, kültürel vb. hayatın hemen her sahasıyla ilgili kelimeler mevcuttur. Ayrıca bu kelimelerin hemen hepsi belli bir kavramı ifade eden anlamlı kelimelerdir. Yani edat, bağlaç, vb. türde kelimelerin sayısı çok azdır.

Çalışmamızın başında da ifade edildiği üzere, çok fazla yer kaplayacağı için Sovyet dönemi öncesinde Karaçay-Malkar Türkçesine girmiş olan Rusça alıntı kelimelerin sayısı burada sınırlı tutulmuş; ayrıca tespit edilen bu kelimelerin gerek ses bakımından ve gerekse anlam bakımından uğradığı değişikliklerin gramer analizleri yapılmamıştır. Ancak ilerleyen zamanlarda, hem kelime sayısı bakımından, hem de söz konusu bu Rusça alıntı kelimelerin ses ve anlam değişmeleri bakımından Karaçay-Malkar Türkçesindeki durumunu ele alan detaylı ve hacimli bir çalışma yapacağımızı da burada bildirmek isteriz.

KAYNAKLAR

Akar, Ali. «Ağız Araştırmalarında Yöntem Sorunları», Turkish Studies – Türkoloji Araştırmaları Dergisi, S: 2, 2006, ss. 43–51.

Akar, Ali; Ayşe Günay. «Derleme Sözlüğünde Karaçay-Balkar Türkçesi Söz Varlığı», Türik Dergisi, Yıl: 3, Sayı: 6, 2015, ss. 1–48.

Atmaca, Emine. «Kazak Türkçesinin Söz Varlığındaki Rusça Alıntılar ve Ses Değişmeleri», Turkish Studies [International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic], Volume 7/3, Summer, Ankara, 2012, pp. 275–298.

El-Balkarı, Hacı Lokman Asanî. Kitâbü Mürşidi’n-Nisâ, Matbaatü’l-İslâmiyye, Temirhan-Şura, 1909.

Eren, Hasan. «Anadoluda Kafkasya Türkleri», TDAY Belleten, 1962, ss. 319–357.

Eren, Hasan. «Anadoluda Kafkasya Türkleri [II]», TDAY Belleten, C: I, 2004, ss. 163–249.

Гочияева, С.А., Суюнчев, Х.И. Къарачай-Малкъар-Орус Сёзлюк / Карачаево-Балкарско-Русский Словарь, Ред. Тенишев, Е.Р., Суюнчев, Х.И., «Русский Язык», Москва, 1989.

Kerimoğlu, Caner. «Tatar Bilmecelelerinde Arapça, Farsça ve Rusça Alıntılar Üzerine», Karadeniz Araştırmaları Dergisi, Güz / Sayı: 27, 2010, ss. 191–215.

Мисирова, Лейла. Заимствования в карачаево-балкарском языке: дис. ... канд. филол. наук. Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М. Бербекова. – Нальчик, 2008.

Nuriahmetova, Ayşe. [2014], «Günümüz Kırgız Türkçesinde Rusça Unsurlar», JASSS [The Journal of Academic Social Science Studies], Number: 27, pp. 333–347.

Отаров, И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1996.

Öner, Mustafa. «Tatarca-Rusça İlişkilerinde Geri Dönen Alıntılar», Gazi Türkiyat, Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi: Necmettin Hacıeminoğlu Özel Sayısı, Güz / Sayı: 5, 2009, ss. 245–250.

Özeren, Mehmet. «Kırgız Türkçesindeki Alıntı Sözcükler ve Bu Sözcüklerdeki Ünsüz Olayları», ZfWT [Zeitschrift für die Welt der Türken / Journal of World of Turks], Vol. 2, 2010, ss. 227–241.

Pröhle, Wilhelm. «Karatschajischen Wörterverzeichnis» Keleti Szemle, No: 10, Budapest, 1909, pp. 83–150.

Pröhle, Wilhelm. «Balkarische Studien [I]», Keleti Szemle, No: 15, Budapest, 1914–1915, pp. 165–276.

Tavkul, Ufuk. «Başhüyükten Derlenen Karaçayca Sözcükler», TDAY Belleten, 1994, ss. 193–254.

Uzun, Gülsine. «Kırgız Türkçesinde Yabancı Dillerden Alıntılanan Kelimelerde Ses Düşmeleri», Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Sayı 33, Güz, 2014, ss. 80–93.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КУРСА ПО ВЫБОРУ «ТЮРКИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

С.А. Алаева

Статья посвящена описанию структуры, содержания, целей и задач курса по выбору «Тюркизмы в русском языке» в рамках программы «Русский язык и литература» КТМУ. В рамках данной учебной дисциплины дается алгоритм анализа языковых единиц, слов-тюркизмов, в контексте их происхождения, значений и употребления и в русском языке и языке-источнике.

Ключевые слова: тюркизмы, заимствования, лексика, лексикография.

The article deals with the structure, content, goals and objectives of the course by choice of «Turkism in the Russian language» in the framework of the program «Russian language and literature» KTMU.

An algorithm is given for analyzing linguistic units, words-Türkisms, in the context of their origin, meanings and usage in the Russian language and the source language within the framework of this academic discipline.

Keywords: e Turkism, borrowing, vocabulary, lexicography.

Учебный курс «Тюркизмы в русском языке» относится к дисциплинам по выбору. Преподается в рамках программы «Русский язык и литература» на 4-курсе в 8-семестре в рамках отделения «Восточных языков» Кыргызско-Турецкого университета «Манас».

Целями данного курса являются: закрепление у студентов таких понятий, как лингвистические заимствования; определение места тюркизмов в системе заимствований русского языка; объяснение студентам, как слова из тюркских языков проникли в русский язык; ознакомление студентов с историей научного изучения тюркизмов в РЯ; выявление фонетических, грамматических, синтаксически примет тюркских заимствований в РЯ; представление тематического разнообразия тюркизмов в лексической системе русского языка; а также сферы применения и характер функционирования тюркизмов в РЯ.

Курс «Тюркизмы в русском языке» призван закрепить теоретические знания студентов, полученные в процессе изучения таких дисциплин, как «Введение в языкознание», «Лексикология», «Сопоставительная грамматика русского и тюркского языков», «Морфология», «Лингвокультурология».

Для достижения поставленных целей программа предлагает студентам решить следующие задачи:

Выявить тюркские лексические элементы в лексической системе русского языка; определить их значения в толковых словарях русского языка; определить происхождение слова в этимологических словарях; а также выявить сферу их употребления; произвести лингвистический анализ тюркизмов, зафиксированных в разных источниках: рассмотреть особенности фонетического строя слов тюркского происхождения; определить грамматическую и семантическую характеристику слов-тюркизмов; сопоставить семантическую структуру заимствований, выявить точки соприкосновения и наличие семантических сдвигов у тюркизмов в русском языке и языке-источнике.

Курс рассчитан на 48 аудиторных часов.

Структура и содержание курса. Курс по выбору «Тюркизмы в русском языке» состоит из 16 тем и разделен на два модуля.

Во введении представлены:

- основные источники изучения данного курса: словари (Словарь тюркизмов в русском языке Е.Н. Шиповой, Этимологический словарь Фасмера, Толковый словарь Д.Н. Ушакова, Толковый словарь В.И. Даля и Большой Энциклопедический словарь (БЭС), а также работы, посвященные изучению тюркизмов в русском языке Н.А. Баскакова, Н.К. Дмитриева, Р.А. Юналеевой, научные статьи, диссертационные исследования других ученых);

- общая информация о тюркско-русских языковых контактах, зафиксированных в материалах памятников русской письменности, пословицах, поговорках, в текстах художественных произведений русских писателей в разные исторические эпохи;

- вопросы, связанные с терминологическими определениями, прежде всего, «тюркизмов», выявлением места тюркизмов в системе заимствований в русском языке. Лекционное занятие (3 часа).

Об источниках изучения курса «Тюркизмы в русском языке».

Особое место в изучении тюркских заимствований занимают словари: «Словарь тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой. Словарь был создан на материале «Этимологического словаря М. Фасмера, «Опыта тюркских наречий» В.В. Радлова и выпущен в 1976 году. Он имеет в своем составе около 2000 лексем;

лексикографическое исследование Р.А. Юналеевой «Тюркизмы в русской классике. Словарь с текстовыми иллюстрациями», особая ценность которого заключается в том, что в ней приводится иллюстративный материал – отрывки из произведений русских писателей XIX века (А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др.), которые можно использовать на практических занятиях.

Изучение тюркизмов, семантический анализ слов-тюркизмов базируется также на «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, на «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова; «Толковом словаре русского языка» С.Е. Ожегова,

«Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2000) и др.

Существует огромная масса работ по изучению тех или иных аспектов тюркизмов в составе русского языка. Так, в качестве обзорного ознакомления об истории тюркско-русских языковых связей студентам в качестве вторичных источников предлагаются работы И.Г. Добродомова («Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке») (Вопросы лексики и грамматики русского языка. – М: 1967. С. 364–374) и др. Приведенная работа позволит студентам ознакомиться с опытом изучения тюркизмов в составе русского языка: от первых списков слов-тюркизмов *сундук, лошадь, бирюк, камыш* и др. в сатирическом журнале Василия Тузова «Поденьшина» (1769 г.) до трудов Н.К. Дмитриева в XX веке; А.И. Попова (статья «П.М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке») («Тюркологический сборник». Отв. ред. А.Н. Кононов. М: Наука, 1972). Ценность предлагаемых работ заключается в том, что они позволяют студентам ознакомиться с именами известных языковедов XIX–XX вв.: И.И. Срезневского («Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики» (1854 г.) под редакцией последнего); Франца Миклошича, австрийского языковеда, крупнейшего представителя мировой славистики, автора первой сравнительной грамматики и этимологического словаря славянских языков, собравшем значительный лексический материал о тюркизмах в языках Восточной и Юго-Восточной Европы; с дискуссией Е. Корша и П.М. Мелиоранского по поводу тюркизмов в «Слове о полку Игореве»; узнать о первом значительном докладе П.М. Мелиоранского «Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве» (1901 г.) в Восточном отделении русского археологического общества, в котором автор рассматривал такие слова, как: *баян, боярин, бусый, див, женчюг, коган, кощей* и др. в качестве тюркизмов. Для изучения студентами истории тюркизмов в составе русского языка служат также работы В.Д. Аракина «Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода» и др. авторов (на усмотрение студентов).

Значительной помощью в изучении тюркизмов в составе русского языка служат работы таких ученых-тюркологов, как Н.А. Баскаков (книга «Русские фамилии тюркского происхождения» (1979), посвященная анализу 300 русских фамилий тюркского происхождения). Ряд работ К.Р. Бабаева, опубликованных в 1970–80 гг. в журнале «Советская тюркология», в которых показывается, каким образом отразились в языке древнерусской культуры тесные отношения русских с половцами; как эти слова функционируют в современном русском языке; о семантических изменениях тюркизмов при их заимствовании; Н.К. Дмитриев и его статья «О тюркских элементах русского языка» (1958), которая является тюркологическим комментарием к «Толковому словарю русского языка» Д.Н. Ушакова. Интерес к изучению тюркизмов проявляли и проявляют казахские исследователи. Следует упомянуть нашу мемуарную в свое кандидатскую диссертацию Олжаса Сулейменова «Тюркизмы в «Слове о полку Игореве» (1966 г.); монографию М. Бурибаевой «Тюркизмы в русском языке: от вариантов к норме» (2015 г.), посвященную вопросу тюркско-славянских языковых контактов в диахроническом аспекте.

Одной из самых значительных работ за последнее двадцатилетие является работа Р.А. Юналеевой «Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования)», изданная в Казани в 2000 году. Книга содержит ряд обширных вопросов, касающихся хронологии и этимологии тюркизмов в составе РЯ, сфер их употребления, структурно-семантического развития русских слов с общетюркским элементом.

Как видно, интерес исследователей к вопросу изучения тюркских заимствований был и остается традиционно актуальным.

О содержании курса.

Программа курса предусматривает определение понятий *тюркизмы, заимствования/заимствованные слова*; рассмотрение вопросов об истории изучения тюркизмов в РЯ; о месте тюркизмов в системе заимствований в русском языке; о семантической характеристике тюркских заимствований; о тематической разнородности тюркизмов в русском языке; о стилистических особенностях, сфере употребления тюркизмов, а также об их сочетаемости с другими словами; синтаксических моделях тюркизмов в системе лексики русского языка, структурно-семантическом развитии русских слов с тюркскими элементами и др.

В список анализируемых лексем в качестве учебного материала в курсе по выбору «Тюркизмы в русском языке» включены лексические единицы, зафиксированные в лексикографических источниках с пометой *тюркского происхождения*, подтвержденные материалами исследователей, наиболее продуктивные и употребительные в современном

русском языке, а также часто встречаемые в языке художественной литературы. Это такие слова, как *базар*, *богатырь*, *орда*, *деньги*, *колпак*, *караул*, *шатер* и мн. другие.

К вопросу о заимствованиях: об исконных и исторических тюркизмах.

Заимствования – способ обогащения словарного состава любого языка, в том числе и русского. Чаще всего заимствуется знаменательная лексика: *казан*, *арык*, *кишлак*, *аул*, *тюбетейка* и т.п., «нередко заимствуются и их отдельные элементы – суффиксы, префиксы, звуки, морфологическая модель, значения» [Рахманова 2011]. Наблюдается, как заимствуются модели некоторых парных слов: *давай пойдём*, *давай посидим*, что отмечено Н.А. Баскаковым в работе «О тюркских лексических заимствованиях в русском языке» (журнал «Советская тюркология». 1983, № 4, с. 13–20); как семантическая калька при переводе топонимов: Красноярск – Кызыл Жар, Кызыл Суу – Красная речка, Малая Ордынка – Кичи Ордо и т.д.

Работая с лексикографическими источниками, изучая этимологию тюркизмов, студенты понимают, что тюркские заимствования подразделяются на две группы: исконные тюркизмы, заимствованные русским языком, и исторические тюркизмы, вошедшие в РЯ через посредство нетюркских языков. Под *исконными тюркизмами* исследователи понимают тюркские слова, которые принадлежат к собственному, относительно первоначальному словарному составу тюркских языков. Под историческими тюркизмами понимаются проникшие в русский язык из тюркских языков слова первоначально нетюркского происхождения, усвоенные тюркскими языками из какого-либо другого языка (иранского, арабского, монгольских и др.) [Аракин 1974: 112–148].

Что такое тюркизмы?

Для определения термина *тюркизмы* программой предусмотрено рассмотрение работы Н.К. Дмитриева «Строй тюркских языков», где под *тюркизмами* понимаются «слова исконно тюркского, а также арабского, персидского, иранского происхождения, вошедшие в русский язык через посредство тюркских языков». В.Д. Аракин в работе «Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода» пишет: «целесообразно определить тюркизм как слово, непосредственно заимствованное из тюркских языков в русский, независимо от его происхождения в тюркских языках»; или принять другое определение, где под *тюркизмами* понимаются слова, «пришедшие в русский язык из тюркских языков или через тюркские языки, т.е. слова, имеющие в своей истории тюркский этап» [Каримуллина 2007]. Как видно из приведенных определений, тюркизмы – то общее понятие, подразумевающее под собой заимствования восточных слов, прошедших в своем развитии тюркский этап.

К вопросу о месте тюркизмов в системе заимствований в русском языке.

В составе заимствованных слов РЯ тюркизмы занимают значительное место. Каково же реальное количество тюркизмов в системе заимствований в русском языке? Это один из часто задаваемых вопросов, на который в научной литературе найти точный ответ весьма сложно. Ученые проводят анализ тюркских лексических единиц, зафиксированных в словарях. В толковых словарях русского языка исследователи обнаруживают около 500 словарных статей, имеющих пометку *тюрк.*

«Словарь тюркизмов в русском языке», составленный Е.Н. Шиповой в 1976 году, насчитывает около 2000 тюркских слов.

Что касается вопроса тематического состава тюркизмов в составе русского языка, то Р.А. Юналеева отмечает, что тюркизмы представлены преимущественно бытовизмами. Тогда как для западноевропейизмов характерны заимствования для обозначений общественно-социальной, военно-дипломатической, научной и культурной сфер русской жизни: «старославянизмы представлены в РЯ названиями отвлеченных понятий; греко-латинские наименования «легли в основу обозначений многих абстрактных понятий, обогатили нашу научно-философскую и политическую терминологию» (Калинин 1966: 84), влияние галлицизмов отмечено в сфере политики, истории, торговли, права, дипломатических отношений, в литературе (ИЛРЛЯ 1981: 62), немецкие слова обогатили военную, профессионально-техническую и административную лексику русского языка; заимствования из английского (и голландского) языка пополнили морскую лексику; итальянские слова проникли в сферу искусства. Такой тематический расклад заимствованных слов, в том числе и тюркских заимствований объясняется тем, что «восточные славяне издревле соприкасались с рядом тюркских племен и народов, вероятно от гуннских времен до Золотой Орды и тех татарских ханств, которые появились вследствие их распада и даже до наших дней» (А.И. Попов. «Н.П. Мелиоранский и изучение тюркизмов»).

Алгоритм анализа тюркизмов в контексте их происхождения, значений и употребления в РЯ и языке-источнике.

На практических занятиях в рамках курса «Тюркизмы в русском языке» студенты учатся «распознавать» слова-тюркизмы на материале разных источников (текстов древнерусской литературы, русской классической литературы XIX века, русскоязычные тексты художественных произведений тюркоязычных стран (Средняя Азия, Казахстан), пословиц, поговорок, фразеологизмов) составляют лексикографическую карту слова-тюркизма, выделяют лексико-семантические и тематические группы заимствований, описывают их фонетический облик.

Так, например, работа по составлению карты слова, как правило, включает в себя следующие этапы работ:

чтение отрывка из заданного текста, «распознавание» слова-тюркизма по известным признакам (по Н.А. Баскакову): фонетическим (сингармонизма гласных), морфологическим (характерные для тюркизмов аффиксы), синтаксическим (характерная для тюркского языка модель сочетаемости слов);

«верификация» утверждений студента на предмет того, имеет ли слово тюркскую этимологию в лингвографических источниках; характеристика грамматических форм данной лексемы; определение значений в исследуемых источниках (контекстуальные – в текстах-иллюстрациях, общие дефиниции в толковых словарях, происхождение слова – в этимологических словарях, во фразеологизмах, в паремиях и т.д.); характеристика сочетаемости изучаемого слова, подбор синонимов, антонимов; сопоставление семантики слова в языке-источнике и русском языке.

В качестве иллюстрации приведем слово *колпак* м. (тюрк. *kalpak* – высокая шапка).

1. Конусообразный или овальный головной убор, служащий для различных целей. Шутовской колпак (прежде надевавшийся шутами, иногда с бубенчиками). Дурацкий колпак. Поварской колпак. Спальный колпак.

2. навес, покрывка в форме колпака или шапки из разных материалов над разными предметами. Колпак над лампой. Колпак над кушаньями в буфетах. Колпак над столовыми часами. Колпак над плитой или очагом (навес из листового железа, с трубой для отвода чада и дыма).

3. перен. О простачке, дураке, недалеком человеке (разг. фам.). Ах ты, колпак! тебя Всякий одурачит. Жить под стеклянным колпаком – перен. быть в невозможности скрыть что-н. из своей жизни. – Всякий провинциал живет как будто под стеклянным колпаком. Нет решительно никакой возможности хоть что-н. скрыть от своих почтенных сограждан. Достоевский. (Ушаков. Толковый словарь русского языка).

Ассоциативный ряд, связанный со словом колпак в РЯ: *клоун, конус, мантия, шапочка, парик, абажур*.

Сочетаемость слова *колпак* в РЯ: *шутовской колпак, колпак на забор, крышки/колпаки на диски, стеклянный колпак, вязанный, жестяной, остроконечный защитный, расшитый, меховой колпак; нахлобучить, натянуть, надвинуть, водрузить, съехать, надевать, набок*.

В кыргызско-русском словаре под ред. К.К. Юдахина слово *калпак* имеет следующие значения: 1. Колпак, остроконечная войлочная шапка; ак калпак. 1.1. Перен. киргиз: *кара чепкен, ак калпак – калың кыргыз элибиз* (черные халаты, белые калпаки – киргизский народ); 2. Перен. Шляпа (о ком-либо): *куу калпак – бывалый, ловкий, хитрый, мастер обделявать делишки*. Ассоциативный ряд, связанный со словом *колпак* в КЯ: *Кыргызстан, кыргыз, родина, горы, чистота, гордость*.

Сочетаемость слова *колпак* в КЯ: ак калпак – белый калпак; ак-калпактуу Ала-Тоо – Ала-Тоо с белым калпаком, калпак кий/чеч – надень/сними колпак.

Работая с языковым материалом, студенты видят, что слово *калпак* в кыргызском языке культурно маркированное, однозначное, обозначает – «головной убор», тогда как в русском языке кыргызское слово *калпак* при заимствовании видоизменяет не только свой фонетический облик *калпак - колпак*, но и «теряет» свою исходную культурную значимость, как слово, обозначающее вещь-символ: *калпак = кыргыз*. В лексической системе русского языка слово *калпак* сохраняет лишь часть своей семантики по внешней форме и свое значение по функциям как «крышка», «покрывка». Двухязычные студенты отмечают, что глагольная сочетаемость слова *колпак* в киргизском языке нейтрально оценочная: *калпак кий/чеч – надеть/снять калпак*, тогда как в русском языке такая форма сочетаемости отрицательно маркированная: *нахлобучить колпак, натянуть колпак и т.д.* Так, изучая языковые заимствования, описывая их семантическую структуру, студенты сталкиваются с лингвокультурными аспектами слова, с особенностями эпохи, узнают культурно-

исторические обстоятельства заимствования (ср., например, слова *боярин, сарай, шатер, армяк* и т.д.), «видят» многовековые культурные, социально-экономические связи соседствующих народов, а также отмечают и то, как эти контакты влияют на словарный состав того или иного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А. О тюркских лексических заимствованиях в русском языке // Советская тюркология. – № 4. – 1983. – С. 13–20.
- Добродомов И.Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – М., 1967. – С. 364–374.
- Рахманова Л.И. Современный русский язык. – М., 2011.
- Каримуллина Г.Н. Тюркские лексические элементы в русской лингвографии XVIII–XX веков: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Казань, 2007.
- Аракин В.Д. Тюркские элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. – М., 1974. – С. 112–148.
- Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). – Казань: Таглитат, 2000. – 172 с.
- Юналеева Р.А. Тюркизмы в русской классике: словарь с текстовыми иллюстрациями. – Казань: Таглитат, 2005. – С. 752.
- Юдахин К.К. Кыргызско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – С. 475.
- Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 392.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГОВОРОВ ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ ТАТАР: СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

Х.Ч. Алишина

Исследование выполнено при финансовой поддержке Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова в рамках научного проекта № 1095.

Публикация восполняет существенный пробел в исследовании одного из интереснейших тюркских наречий Западной Сибири – тоболо-иртышского диалекта, распространенного на территории Тюменской и Омской областей. На основе анализа языковых данных по малоизученному тоболо-иртышскому диалекту на морфологическом уровне проводится дифференциация говоров сибирских татар. В научный оборот вовлекаются лингвистические данные, собранные в татарских населенных пунктах юга Тюменской области.

Ключевые слова: язык сибирских татар, грамматическая система, словообразование глаголов

The research fills an immense gap in considering one of the most interesting Turkic languages of West Siberia, namely Tobol-Irtysh dialect, which is spread on the territory of Tyumen and Omsk oblast. Siberian Tatars' parlanes are differentiated according to the morphological analysis of the language data of the under-investigated Tobol-Irtysh dialect. Linguistic data collected at Tatars' settlements of the South of Tyumen oblast become available for scientific use.

Keywords: language of the Siberian Tatars', grammatical system, derivation of verbs.

Грамматическая система говоров тоболо-иртышских татар сложилась в результате языкового взаимодействия различных тюркских племен. Некоторые морфологические черты современного разговорного языка сибирских татар широко распространены в говорах татар-мишарей, кряшен, в ичкинских, сафакульских, оренбургских, пермских, заказанских, касимовских говорах, а также в алтайском, хакасском, шорском, киргизском, каракалпакском, ногайском, татарском литературном, крымскотатарском, узбекском, уйгурском, туркменском, караимском, башкирском и других языках. О чрезвычайно смешанном характере диалекта свидетельствует, например, многовариантность, параллелизм отдельных форм, глагольных аффиксов. Но в целом территория тоболо-иртышского диалекта, относящаяся к югу Тюменской области, характеризуется распространением общедиалектных признаков и черт. Четкие границы между говорами провести трудно, так как изоглоссы отдельных явлений перекрывают друг друга, переплетаются между собой. Различия в отношении морфологии между говорами невелики.

Словообразование глаголов впервые было рассмотрено в монографии Д.Г. Тумашевой «Диалекты сибирских татар» в 1977 г. Ниже мы даем материал, который существенно дополняет ее фундаментальные исследования.

Аффикс -ла, -лә

Аффикс *-ла, -лә* присоединяется к основам, имеющим значение результата, объекта, орудия, места, времени, материала действия, к звукоподражательным и некоторым другим основам. Глаголы, образованные при помощи этого аффикса, имеют значение действия, производимого при помощи орудия или предмета, обозначенного основой, или действия, которое приводит к образованию предмета или явления, обозначенного основой, и некоторые другие значения.

Примеры: *исәплә* – считать, *қатақла* – прибить гвоздями, *қыңқықла* – щекотать, *пәйлә* – привязать, *уйла* – думать, *цүплә* – собирать поштучно, *циплә* – привязать цепью, *майла* – смазать, *қоңақла* – обнимать, *онтрақла* – положить стельки в обувь, *аунақла* – переваливаться с боку на бок, *сабақла* – вдеть нитку, *цитәнлә* – огородить, *кәллә* – рассказывать, *көрәклә* – вскопать землю, *сапла* – сделать рукоятку, ручку, черенок, *насқыла* – утрамбовать, уплотнить, *имкәклә* – ходить на четвереньках, ползать, *итәклә* – водить за руку, *қыңқырықла* – кричать, *серлә* – дрожать, *қымла*, *қымна* – чувствовать неприятное ощущение в горле, першить: *Тамағым қымнайты* – в горле у меня першит. *Тимнә*, *тимлә* – уговаривать (выйти замуж, например), *ошла* – держать, *ашла* – подставить.

Аффикс -лан, -лән

Он образует глаголы со значением развития, превращения, перехода в новое качество или состояние, пребывания в нем.

Примеры: *йомарлан* – катись, *қыйралан* – ленись, *қобойлан* – наряжайся, кокетничай, *уйлан* – думай, *сақлан* – берегись, *ақлан* – бели, крась белой краской, известью, *көрәклән* – копай, *туқлан* – насыщайся, наедайся, *атлан* – садись верхом, *керлән* – загрязненный, *айлан* – повернись, *парлан* – женись, выйди замуж.

Аффикс -лаш, -ләш

Ирмәкләш – шутить, забавляться, *атақлаш* – обзывать, дразниться, *ағыллаш* – советовать, *уйлаш* – советоваться, обдумывать вместе, *моғоллаш* – помогать копнить сено, *цүпләш* – помогать собирать что-либо, *сайлаш* – помогать выбирать, *кәпләш* – разговаривать, *үцекләш* – дразниться.

Встречаются слова, образованные при помощи аффикса возвратного залога: *атыш* – охотиться с ружьем, *йыртыш* – стараться, карабкаться на гору, на кручу, *цөрөш* – морщиться, морщиниться, *цырыш* – строить гримасу, *арасыш* – ссориться, *үцәш* – упрямитесь, *цемцеш* – щипаться, *цамцыш* – слепить глаза ярким светом.

Аффиксы -сы, -се, -сын, -сен, -сыт, -сет, -сыра, -серә

Эти аффиксы имеют общее происхождение. Глаголы, образованные при помощи этих аффиксов, имеют значение «чувствовать», «считать себя», а также значение ослабленности признака: *ирсе* – угрожающе вести себя, *исәрце* – злиться, быть помешанным, *серәлце* – мерзнуть, дрожать от холода, *йөрәксә* – беспокоиться, бояться, заботиться, *цаңцы* – внезапно схватить, ранить когтями, *қорақсы* – рассохнуться, *сыйсы* – вместить, плотно набить, *цемце* – ущипнуть, *алыссын* – считать далеким, *кәрәксен* – чувствовать необходимость, *тойсын* – предчувствовать, *қупсын* – быть осужденным, попасть на язык, *қыйынсын* – затрудняться, *кимсен* – чувствовать себя обделенным, лишенным чего-либо; *йәтимсерә* – чувствовать себя сиротой; притворяться гостем, *йатсыра* – чувствовать себя чужим, робеть, стесняться, *көләмсерә* – сделать вид еле заметной улыбки, *сықтамсыра* – сделать вид плачущего человека, *кәрәксет* – сделать себя необходимым, навязать себя.

Аффикс -ра, -рә

Томаура – болеть насморком, *цаура* – быть отчаянным, бойким или накрапывать (о дожде), *пыңыра* – загрязнять, *тетрә* – дрожать (о земле), *күкрә* – греметь (о громае), *қайра* – заточить, *сайра* – напевать, *төйрә* – приколоть, прикрепить, *антыра* – спешить, *исәңкерә* – потерять сознание, *татаңқыра* – быть непонятливым, слабоумным, *аңыра* – зевать, глазеть.

Аффикс -та, -тә, -ты, -те

Йулта – искать путей чего-либо, ходить за кем-нибудь, хлопотать, *йелтә* – веять, *лаңқылта* – громко разговаривать, болтать, *лапқылта* – шлепать, *аңты* – охотиться, рыбачить, *сергелтә* – раздражаться, – пищать, издавать тонкий звук, *қайғырта* – заставлять горевать.

Аффикс *-ык, -ек*

Ацык – проголодаться, *қыртык* – приставать, привязываться, говорить плохие слова, *тоноқ* – отстояться (о воде, о растительном масле), *сайык* – обмелеть.

Аффикс *-ай, -әй*

Шалбай – стать широким, *шылбай* – стать нерасторопным, – сгорбиться, *кәмишәй* – скривиться, стать некрасивым, *қарай* – стать черным, *қартай* – состариться, *масай* – обрадоваться, *киңәй* – расшириться, *тарай* – сузиться.

Аффикс *-р*

Қашар – упрячиться, *қывар* – бледнеть, *тақсыр* – уменьшаться, быть редким, *симер* – разжиреть, *кимер* – грызть, *ағар* – белеть.

Аффикс *-а, -ә*

Тәнә – сесть на насест, спать (о птицах), *қуна* – пойти с ночевкой, *тәшә* – видеть сон, *ола* – присоединить, присовокупить, удлинить конец.

Аффикс *-га, -гә, -қа, -кә, -қы, -ке*

Тиргә – проверять, *тырга* – бросать, *пәргә* – накрывать, закрывать, *қусқа* – сдвинуть с места, подняться, начать, *қайға* – полоскать, *йайға* – раскачать, *йалға* – присоединить, соединить концы, *мысқы* – вздремнуть, *қалғы* – держаться на плаву (например, о поплаве), *ырга* – качать люльку с ребенком.

Аффикс *-лық, -лек*

Цаплық – расплескиваться (о воде в ведрах), *паслық* – видеть кошмарные сны, *көйлөк* – нервничать из-за чепухи.

Аффикс *-ғын, -ген*

Темексен – выискивать что-либо, шарить, *сискән* – вздрагивать во сне, *ашқын* – запустить чрезмерно (например, нарыв на теле), – то же.

Аффикс *-ба, -бә*

Ойбау – смять, *тирбәу* – качать, *сыйбау* – гладить человека, *ырбай* – улыбаться, *тырбайыу* – торчать, *қарбай* – оттопыриваться (об ушах).

СОСТАВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Они образованы из сочетания именных основ со вспомогательными глаголами *ит-*, *қыл-*, *пул-*. В качестве именной части подобных глаголов употребляется русский инфинитив. Глаголы *ит-* и *қыл-* однозначны, они образуют переходные глаголы. Вспомогательный глагол *қыл-* чаще употребляется в тобольском говоре, на остальной территории чаще используют глагол *ит-*. Вспомогательный глагол *пул-* употребляется с инфинитивом возвратного глагола и образует переходные глаголы.

Примеры: *Мин аларға намагать қылтым* (Тб., Кызылб.). – Я им помог. *Мейеңең еценә тықтым, наказать иттем* (Ярк., Чечк.). – Засунул в печку, наказал; *Пачиму сильсабет ригистировать итмәйте?* (Ярк., Н. Каишк.). – Почему сельсовет не регистрирует? *Ләсит итмә* (Ярк., Чечк.). – Не лезь.

При помощи глагола *пул-* образованы глаголы и от тюркских основ *тагыу бул* – мешать, заграждать, препятствовать, *ығара бул* – заниматься чем-нибудь неприятным, *тәл бул* – встретиться, познакомиться навстречу, *сақ пул* – насторожиться.

Существуют сложные глаголы, представляющие собой фразеологические сочетания, утратившие образность, смысловую и синтаксическую связь компонентов: *күс йар* – родить, *сыу ал* – уменьшаться, кончиться, *эц ацык* – проголодаться, *тамақ қат* – жаждать, *ит қыс* – злиться, сердиться, *қот йарыл* – испугаться, *қыра кил* – лениться, *тим ал* – отдыхать и т.д.

Итак, говоры тоболо-иртышского диалекта близки между собой. Наиболее интересные особенности представляет собой система глагола. В говорах тоболо-иртышского диалекта сибирских татар употребляются глагольные аффиксы словообразования, характерные главным образом для кыпчакской группы тюркских языков и глагола общетюркского типа. Особенности грамматической системы сибирских татар позволили в свое время выделить Д.Г. Тумашевой три основных диалекта: тоболо-иртышский, барабинский и томский.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

А.И. Альниязов

В статье представлен анализ лексикографического описания сочинительных союзов в каракалпакском, узбекском и казахском языках. На основе критерия сходства/различия рассмотрены семантические особенности союзов. Указывается, что в существующих словарях недостаточно отражены семантические и коммуникативно-функциональные аспекты соединительных союзов.

Ключевые слова: сходство, различие, сочинительный союз, синтаксис, семантика.

The article presents an analysis of the lexicographic description of the coordinating conjunctions in the Karakalpak, Uzbek and Kazakh languages. Based on the similarity / difference criterion, semantic features of unions are considered. It is indicated that the existing dictionaries do not sufficiently reflect the semantic and communicative-functional aspects of connective conjunctions.

Keywords: similarity, difference, coordinating conjunction, syntax, semantics.

Анализ функционирования сочинительных союзов через дихотомию сходств и различий позволяет рассмотреть корреляции тюркских, в том числе и каракалпакских сочинительных союзов. Использование понятий сходства/различия помогает раскрытию семантики, структуры и функционирования сочинительных союзов. Кроме того, именно через понятие сходства/различия можно установить и значимые для лингвистики межъязыковые соответствия, в том числе собственно семантические, которые обязательно должны отражаться в лексикографическом плане.

Согласно сложившейся традиции сочинительные конструкции именно с учетом семантики союзов делятся либо на соединительные, заместительные и разделительные, либо на соединительные, противительные, разделительные, присоединительные и т.д. При этом особое внимание лингвистов привлекают и проблемы словарной фиксации дефиниций служебных слов, в том числе сочинительных союзов. Существует множество подходов к установлению специфики семантической структуры союзов, тем не менее все еще доминирующим остается функциональный подход.

Лексикографическое описание сочинительных союзов позволяет установить различия между значениями полисемантических союзов. Рассмотрим их трактовку на примере соединительных союзов 'da', 'xam' ('хам'), 'va'.

В «Толковом словаре каракалпакского языка» в 4 томах [Қарақалпақ 1984: 53], пяти-томном «Толковом словаре узбекского языка» [Ўзбек 2006: 430] и в «Словаре казахского литературного языка» [Қазақ 2006: 38] информация о частных значениях союзов отсутствуют, указано лишь, что союзы 'da', 'va', 'xam' соединяют однородные члены предложения и компоненты сложного предложения.

Анализ вышеуказанных лексикографических источников показывает, что в них недостает необходимый учет синтаксической семантики союзов, дающий наиболее полное представление о категориальном значении соединительных союзов. Здесь следует также отметить, что подробный анализ семантики этих союзов и его функций недостаточно отражен и в соответствующих научных работах. Так, в грамматиках рассматриваемых языков выделяются лишь два значения соединительных союзов 'da', 'xam' ('хам'), 'va': одновременность, последовательность и следствие. Как видим, еще недостаточно выяснено содержание некоторых отношений соединительных союзов.

По нашим наблюдениям, соединительные союзы в рассматриваемых языках имеют разнообразные значения (одновременность, последовательность, результативность, причинно-следственное, присоединение и др.), которые должны отражаться в соответствующих лексикографических работах. Попробуем рассмотреть данные значения на примере этих трех языков.

Сложносочиненные предложения с соединительными союзами объединяются общим значением сходного, аналогичного, соответствующего. Данное значение определяется общей типовой семантикой соединительных союзов и лексико-грамматическим наполнением компонентов.

По характеру частных значений выделяются прежде всего предложения: а) однородного и 2) неоднородного состава.

В предложениях первой группы частное значение однородности совпадает со значением сходства союза. Поэтому в таких предложениях отсутствуют результативно-

следственные, ограничительные, распространительные и др. значения. Компоненты таких предложений сходны (аналогичны) по отношению к той общей идее, которая им выражается. Например: *Исмет үйлерге суушысын жумсады да, өзи трактордың радиаторын шешіу менен хәлек болып қалды* (Ш. Сейтов); *Чол ўрнидан турди ва булар унинг кетидан ташқарига чиқшиди* (С. Ахмад); *Табыс та бар, мақсат та мол* («Қазақ әдебиеті»); Рўпарадаги тоғнинг бағридан қора тутун кўтарилди ва у ердан йўталган сингари товуш эшитилди (Ойбек)¹.

Предложения однородного состава по характеру более частных значений имеют несколько разновидностей: 1) предложения со значением ограниченности перечисляемых фактов; 2) предложения с общеутвердительным значением (в обоих компонентах утверждение); предложения с общеотрицательным значением (в каждом компоненте отрицание). Ср. соответственно: *Тек гана айналасындагы көк майса аңқыйды да, соның жупар ийиси гана үйге әлле қандай ләззет жиберип тур* (Т. Қайыпбергенов); *Фақат сой зувуллаб оқар ва унинг муздек шамоли қирғоқда тартибсиз ўсган ўтларни силкитар эди* (С. Ахмад); *Тек үріккен қойдай шоғырын жазбай шапқан үш солдат бөлек кетті де, қара көк аттың үстіндеги Абылаев пен қасқа айғырлы Бақы бір бөлек кетті* (Х. Есенжанов).

Предложения неоднородного состава по характеру частных значений делятся на два ряда противопоставлений: 1) предложения соответствия: *Оның да атының жсалы жатыпты, өзи де шаршаган* (Т. Қайыпбергенов); Вафосизда хаё йўк ва хаёсизда вафо йўк (Навий) – несоответствия: *Оның шашы өсти де, керисинше, ақылы толыспады* (Ә. Атажанов); *Қыстың ызғарлы айлары артта қалды да, дегенмен күн әлі жылына қойады* (Ә. Әбишев); 2) предложения распространения: *Адамлар қараңғыда қолына шлингенин алып, асығып көше баслады, Сийпатдийинлер де көшти* (У. Пиржанов); *Игілік айтқан да жоқ, қасындағылары батып сұрай алған да жоқ* (Ғ. Мүсирепов) – ограничения: *Азанда үйдеги адамлардың бәри өз жұмысларына кетти де, үйде тек гана келин менен кемпир* (С. Бахадырова); *Мактабда ўқувчилар қолмаган ва қариган қаровулгина ўз хонасида ўтирар эди* (С. Ахмад).

В предложениях соответствия и распространения сообщается о типичных, наиболее распространенных отношениях между явлениями, поэтому частные значения соответствуют семантике союза.

В предложениях несоответствия и ограничения, наоборот, противительные по своей природе частные значения (ср., например, антонимичность сказуемых в вышеприведенном примере: *келди – келмеді*) противоречат семантике союза. Во втором компоненте таких предложений обычно используются показатели частных значений – слова типа *бирақ, лекин, тек, фақат, керисинше, соған қарамастан* и т.п.

Общей семантикой соответствия объединяются предложения следствия и результата. Ср.: *Қум аспанын қалың булт қоршады да, мол жауынның хабаршысы – дәслепки тамшылар бетке тырсылдап тама баслады* (Ғ. Сейтназаров); *Отнинг ёлига ёпишиб қорнига тепди ва от уни қирға томон олиб кетди* (Парда Турсун); Жаугершілікте ата-анасы басқа жаққа ауып кетті де, бала менің қолымда қалды (Қ. Жумаділов).

Довольно многочисленны разновидности предложений, которые объединяются общим значением распространения. Для таких предложений характерны смысловые связи компонентов через соотношение близких по значению слов, словосочетаний и т.д. Например: *Гүлжан Ұлжанның үйине келип тығылып еди, изинше қорқып Жалғас та кирди* (Ш. Сейтов); *Уруш хам тугади, отаси хам қайтиб келди, тирикчиликлари хам яхшиланди* (П. Қодиров); *Ал енди, бала шаба жөнелді, мен де артынан ілестім* (С. Мұқанов).

Употребляются и предложения с причинно-следственным и уступительным значениями: *Қонақ бизики, тас та түскен жерине ауыр* (Ш. Сейтов); *Қызығысулары бар еді де, оны ашып айтысуға ауыздары бара алмаган* (Ғ. Мүсирепов); Ғамхонада қашшоқлик кулди ва оила тутдай тўкилди (Х. Олимжон).

Таким образом, в современных словарях тюркских языков традиционно фиксируется способность сочинительных союзов соединять однородные члены предложения и компоненты сложносочиненного предложения. Тем не менее в рассмотренных словарях отмечено всего три частных значения (одновременность, последовательность и следствие). Это при том, что круг выражаемых соединительными союзами значений значительно широк.

¹ Примеры каракалпакского языка собраны самим автором статьи. По узбекскому и казахскому языкам примеры взяты из следующих источников: А. Ғуломов, М. Асқарова. Ҳозирги ўзбек адабий тили. – Тошкент: «Ўқитувчи», 1987. – 256 б.; Ермакова Т.Н. Құрмалас сөйлемдер жүйесі. – Алматы, 2008. – 330 б.; Нурмонов А., Махмудов Н., Ахмедов А., Солихўжаева С. Ўзбек тилининг мазмуний синтаксиси. – Тошкент: «ФАН», 1992. – 296 б.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что функциональные потенции соединительных союзов каракалпакского, узбекского и казахского языков в словарях и даже специальных научных работах раскрыты не совсем полно. Представляется целесообразным в словарях указать и на то, в каких конструкциях функционирует тот или иной соединительный союз при определенной его синтаксической семантике. Содержание таких словарных статей, по нашему мнению, послужило бы не только лексикографической практике, но и развитию синтаксической теории.

ЛИТЕРАТУРА

Қарақалпақ тилинің түсіндірме сөзлігі. – Нөкіс: «Қарақалпақстан», 1984. – 388 б.
Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. – Алматы: «Арыс», 2006. – 752 б.
Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Тошкент: «Ўзбекистон миллий энциклопедияси», 2006. – 680 б.

ЯЗЫК – ЗЕРКАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Р.Р. Баркибаева

Статья посвящена рассмотрению языка как универсального хранилища национального самосознания. По мнению автора, изучение языка и владение им это могучее средство приобщения к культуре и литературе народа, к достижениям мировой науки и культуры, средство осознания языка как культурной и эстетической ценности. Для подтверждения данного утверждения в статье приводятся примеры из разных языков. В частности казахского, русского, английского и др. В результате проведенного сопоставления автор приходит к выводу, что язык действительно наиболее глубокая всеопределяющая структура во всякой национальной культуре. В статье подчеркивается, что язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека. При этом употребление значений, интерпретация понятий осуществляется в соответствии с условиями социализации личности. Способ представления знаний согласуется с социокультурным опытом человека – носителя знания.

Ключевые слова: этнос, национальное самосознание, языковая картина мира, культура, сопоставление, языковая личность.

The article is devoted to the consideration of language as universal storage of national consciousness. According to the author, the study of language and knowledge of it is a powerful method of familiarizing the people with the culture and literature, the achievements of world science and culture, a method of understanding the language as a cultural and aesthetic value. To confirm this statement, the article provides examples from different languages. Particularly, Kazakh, Russian, English, etc. As a result of the comparison, the author comes to the conclusion that the language is truly the deepest all-defining structure in any national culture. The article emphasizes that language is a composite part of the culture, defined as a set of results of human activity in different spheres of human life. At the same time, the usage of meanings, the interpretation of concepts is carried out in accordance with the conditions of socialization of the individual. The method of knowledge representation is consistent with the socio-cultural experience of the person – the carrier of knowledge.

Keywords: ethnos, national consciousness, language picture of the world, culture, comparison, language personality.

По утверждению Вильгельма фон Гумбольдта, «...язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, это его внутренняя поэтическая энергия. Язык – универсальное хранилище национального самосознания» [Гумбольдт 1985: 23]. Прав ли исследователь? Попытаемся найти подтверждения данному высказыванию.

Рассмотрим, как в разных языках обозначаются, допустим, пространственные измерения? Так, например, известно, что метровые, километровые измерения не были свойственны казахам. Каким же образом осуществлялось измерение в казахском языке? Имелось ли надежное, и самое главное, общедоступное средство для этой цели? Какая лексика, отражающая особенности национальной языковой картины мира, принадлежит русскому языку? Есть ли какие либо отличия в других языках?

В этом плане представляется интересным пример, связанный с восприятием пространства и времени в языке, описанный современным датским писателем Питером Хёгом: «Расстояние в Северной Гренландии измеряется в *sinik* – ‘снах’, то есть тем числом ночёвок, которое необходимо для путешествия. Это, собственно говоря, и не расстояние, потому что с изменением погоды и времени года количество *sinik* может измениться.

Это и не единица времени. «Перед надвигающейся бурей мы с матерью проехали без остановки от Форсе Бэй до Иита – расстояние, на котором должны были быть две ночёвки».

«Sinik – это не расстояние, это и не количество дней или часов. Это пространственное и временное явление, которое передаёт соединение пространства, движения и времени, являющееся само собой разумеющимся для эскимосов, но не поддающееся передаче ни на один европейский разговорный язык» [Хёг 1998: 245].

В казахском языке известны такие меры измерения расстояния, которые трактуются как **халықтық өлшем** – ‘народные измерения’. В широко известном «Фразеологическом словаре казахского языка» С. Кенесбаева [Кенесбаев 1977: 69] такой пометой обозначены следующие языковые единицы:

кой көш жер. Козы, кой өрісіндей қашықтық – ‘Расстояние выпаса овец или ягнят’. Не отличающиеся особой выносливостью в дальних походах, трудно переносящие многодневный путь, овцы могли применяться для указания небольшого расстояния – от одного до нескольких метров.

ат шаптырым жер (ат ентікпей келетін қашықтық) – ‘Расстояние, которое с легкостью проскачет взрослый конь’.

Если фразеосочетания с компонентами овца, лошадь обозначают реальные, конкретные расстояния, то с компонентом ‘собака’ обозначает чрезвычайно дальние расстояния. К примеру,

ит өлген жер – ‘очень далеко, неведомо где’ (букв. ‘там, где собака подойдет’);

ит жеккен жер – ‘очень далеко, предположительно крайний север, места ссылки’. (букв. ‘там, где собак запрягают’).

Как видим, рассмотренные примеры, обозначающие пространство, отражают языковую картину мира кочевого народа, относительно определенных моментов их жизни. Казахи, которые были близки к земле, животноводству, для которого скот являлся и пищей и одеждой, определили животных как самое верное и надежное средство для измерения расстояний. Рассмотрим, как же измерялось расстояние русским народом? Так, в русском языке широко известными являлись следующие русские меры длины:

Аршин ‘равна 0,71 м’, **верста** ‘равна 1,06 км’, **вершок** ‘равна 4,4 см’,

Сажень ‘равна трем аршинам – 2,13 м’; **пядь** ‘равна расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами и составляет около четверти аршина, т. е. 18 см’.

Данная лексика нашла отражение в следующих выражениях.

Видеть на три (два) аршина под землей – ‘Отличаться большой проницательностью’.

Мерить на свой аршин – ‘Судить о чем-либо односторонне, истолковывать или оценивать что-либо в соответствии со своими представлениями’.

Коломенская верста – ‘Очень высокий человек’.

Семь верст до небес (и все лесом). Многословно и непонятно (говорить, обещать и т.п.) – ‘Говорится насмешливо о длинной непонятной речи, о многих невыполненных обещаниях’. Шутовое выражение с неправдоподобным смыслом. Соединяет в себя народное представление о магии числа «семь», большом расстоянии до небес, по религиозным представлениям, места обитания божеств и душ умерших) и трудном продвижении без дорог по лесу.

Косая сажень в плечах – ‘Богатырского сложения, очень широк в плечах’.

Ни пяди земли – не отдать, не уступить. Даже самой небольшой части, нисколько (не отдать, не уступить). Часто употребляется как патриотический призыв: не отступать, держаться на своих позициях. Выражение относится в высокому, приподнятому стилю.

Семи пядей во лбу. Если понимать выражение буквально, то лоб человека, имеющий «семь пядей» был бы высотой ‘128 см’. Гиперболичность выражения усиливается числом «семь», имеющим в русской фразеологии обобщенное значение неопределенно большого множества. О человеке, выдающемся среди других умом, щедростью и проницательностью.

Также несомненный интерес, на наш взгляд, представляет следующий пример, используемый для измерения в русском языке,

С три короба. (разг) – ‘Очень много (наговорить, наврать, наобещать и т.п.)’. Говорится с насмешкой, недоверием, когда чересчур много говорят, обещают и т.п.

Короб – ‘изделие вроде корзины для хранения и переноски чего-либо’. Короба были разного размера и формы. В каждом крестьянском хозяйстве короба были незаменимой вещью. В прошлом в коробах мелкие торговцы разносили товары. Таких торговцев называли коробейниками. Коробейники торговали тканями, платками, иконами, книгами и дру-

гими товарами, которые интересовали сельских жителей. Уговаривая покупателей, коробейники нередко преувеличивали достоинства своих товаров.

Думается, небезынтересно рассмотреть здесь и английские выражения, используемые для измерения. Так фразеологизму

«От горшка два вершка» соответствуют английское:

Be knee-high to a grasshopper (букв. 'быть по колено кузнечику');

Be knee-high to a mosquito (букв. 'быть по колено комару').

'Как (словно, будто) аршин проглотил' соответствует английскому 'As stiff as a poker' (or as a ramrod, or as pikestaff) (букв. 'жесткий как poker (или как шомпол, или как древко пики)').

Интересно выражение **'To measure another's corn by one's own bushel'** (букв. 'измерять зерно другого собственным бушелем'), что соответствует выражению **'Мерить на свой аршин'**.

На наш взгляд, также небезынтересна представленность в лексике любого языка понятия времени. Как известно, язык имеет довольно широкий набор средств и способов для обозначения времени. Нас же интересует обозначение времени средствами лексики, отражающих особенности национальной языковой картины мира. К примеру, примеры, приведенные ниже, показывают, как отражается понятие времени в казахском языке.

1. Время по отношению к живым существам (человек, животное)

Бойжеткен – ержеткен, бой түзеген қыз; говорится о 'девушке, достигшей совершеннолетия'.

Боздақ – жас жігіт, азамат. Говорится о 'парне, молодом человеке'.

Алатаң – қыстан күйлі шыққан жылқы; 'вышедший после зимы упитанным' (о скоте) (связано с зимним периодом времени);

Байтал – екі-үш жастағы жылқының ұрғашысы, 'кобылица, еще не жеребившаяся'; **Дөнежін** – 'кобылица по четвертому году'; **Құнажын** – 'кобылица по третьему году'; **Тай** – 'кобылица по второму году', (Все наименования связаны с возрастными периодами времени кобылы).

2. Временной показатель религиозных верований.

Айт жылына екі рет келетін «Ораза!» айты. 'мусульманский праздник, который отмечается два раза в год';

Ақшам күн бата оқитын намаз; 'время вечерней молитвы мусульман, четвертая за день';

Жаназа – өлген адамның басына оқитын намаз; 'время, перед отпеванием, когда читается заупокойная молитва'.

3. Временной параметр народных обычаев и обрядов.

«Бие саулым» – 'промежуток времени между двумя дойками кобыл (примерно 1–1,5 часа)';

«Сүт пісірім» – 'время, равное получасу – промежуток времени, пока вскипит молоко';

«Қас қаққанша» – 'вмиг, в одно мгновение, букв., пока бровью поведешь'.

Если столь велики расхождения в таком простом вопросе, как обозначение пространства и времени, каковы же они, когда речь идет о более абстрактных понятиях? Действительно, что такое «слава, счастье, беда» для тех, чей лингвистический мир отличен от нашего?

В. Набоков, который был достаточно продолжительный период своей жизни англоязычным писателем, писал о совершенно неповторимом русском понятии «пошлость»: «На русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три других знакомых мне европейских языка не имеют специального обозначения. Его нельзя передать одним словом, требуется исписать не одну страницу, чтобы передать все оттенки его смысла». По мысли известного ученого В.Г. Колшанского, картина мира – концептуальная модель мира. Она отображает единую природу мира как универсальную понятийную систему, которая коррелирует с реальным миром на основе принципа отображения. Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на универсальность процессов мышления и независимость их от характера языков, существует национальная специфика отражения объективного содержания мира.

При этом, как замечает В.Н. Телия: «Язык окрашивает через систему своих значений и ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» [Телия 1996: 78]. Известный болгарский исследователь Г. Гачев продолжает ее мысль: «Национальный образ мира есть диктат национальной природы в культуре. Естественные

национальные языки трактуются как голоса местной природы в человеке. У звуков языка – прямая связь с пространством естественной акустики, которая в горах иная, чем в лесах или степи» [Гачев 1988: 94]. Думается, что столь авторитетные суждения известных ученых подтверждают нашу мысль о том, что язык – это универсальное отражение национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М., 1988. – 201 с.
Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985. – С.196.
Кеңесбаев. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. – А.: Ғылым. 1977. – С. 302.
Корнилов О.А. Языковые модели мира. Уровни значения, обозначения и смысла // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 3. – М., 1996. – С. 349.
Телия В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М., 1996. – С. 198.
Хёг П. «Смилла и её чувство снега». – СПб., 1998. – С. 245.

ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКИХ ДИАЛЕКТАХ КАК ДРЕВНИЙ ПЛАСТ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ) (этнолингвистический аспект)

Ф.С. Баязитова

Термины народной духовной культуры, сохранившиеся в диалектах, отражают больше всего древние верования и этногенетические связи с другими народами, поэтому большинство из них относится к древнейшему словарному фонду языка.

Ключевые слова: язык, обряды, традиция, диалекты, духовная культура, материальная культура, тексты, экспедиции.

The terms of spiritual culture preserved in dialects reflect the ancient beliefs and ethnogenetic connections with other peoples. That's why most of them refer to the ancient part of the vocabulary.

Keywords: language, rites, tradition, dialects, spiritual culture, material culture, texts, expeditions.

В наше время особенно остро стоит проблема сохранения и преемственности традиций. В числе практических мер по сохранению духовной и материальной культуры приоритетным является возрождение народных обрядов и праздников в исторически корректном виде.

Материалы живых диалектов и народной культурной традиции являются ценным источником пополнения фактической базы и создания систематического корпуса сведений о духовной культуре в наше время.

Диалектное слово, его семантику, грамматические особенности принято рассматривать в контексте, т.е. при изучении обрядов и обрядовой терминологии особое внимание уделяется цитатному, иллюстративному материалу. Иллюстративный материал, записанный у информаторов старшего поколения, является надежной и незаменимой базой, основой для выявления обрядовой терминологии и фиксации бесценных богатств народно-разговорной речи, которые помогут в будущем к обогащению литературного языка словами народными. Такие материалы являются документальной базой для реконструкции древней системы народной духовной культуры. Иллюстративный материал является также толкованием к соответствующим терминам. Язык – зеркало культуры, психологии и философии народа. Во многих случаях он является единственным источником для изучения истории народа, его духовной культуры. В этом отношении особую актуальность, а также несомненный практический и научный интерес представляет углубленное изучение терминологии регионального характера, относящегося к культуре.

Древние письменные источники чрезвычайно бедны свидетельствами о духовной культуре, в частности, об обрядах и обычаях. Поэтому сохранившиеся до наших дней местные говоры являются важнейшим источником этнической истории народа. Наличие в говорах татарского языка древнейших элементов словарного состава позволяет определить диалекты как ценнейший источник для историко-лексикологических исследований.

Осознание большого познавательного и художественного значения обрядности и стремление разнообразить, сделать более красочным и интересным нашу жизнь, наши праздники, придать каждому из них национальный колорит вызывает повышенный интерес к традиционным обрядам.

Слово традиция в наши дни прочно вошло в литературный, научный, бытовой лексикон. Заимствованное из латинского языка, оно сохраняет свое исконное значение: под ним подразумевается культурное наследие, а также процесс трансмиссии культуры – передачи культурных традиций от поколения к поколению.

В изучении далекого прошлого тюркских народов, в том числе и татарского народа, особое значение имеет выявление и выделение глубинных пластов и специфических особенностей культур, которые во многом еще остаются вне поля зрения исследователя. Задача эта не из легких, ибо она требует сбора очень большого полевого материала.

В обрядах слово и действие были неразрывно связаны, взаимно дополняли друг друга. Основная функция традиционных обрядов была религиозно-магическая. Предполагалось, что они должны обеспечить благополучие во всех областях человеческой жизни. Вместе с тем они выполняли важную общественную функцию – регламентировали семейный и общественный быт, хозяйственный распорядок. С развитием общества, изменением его социально-экономической структуры и связанными с этими изменениями в народном мировоззрении магическая функция обрядности постепенно ослабевает и затем утрачивается.

В последнее время в науке большое внимание уделяется методам и результатам реконструкции древнейших обрядов и верований. В рамках языкознания сформировалась отдельная дисциплина – этнолингвистика, выработавшая комплексную методологию и соответствующую проблематику. Это пограничная наука, в которой комплексное исследование материальной и духовной культуры и их терминологии осуществляется с помощью методов обеих дисциплин – этнографии и лингвистики, а результаты используются также обеими науками.

При изучении духовной культуры особая роль принадлежит обрядовой терминологии, так как они одновременно принадлежат к языку и культуре и поэтому заслуживают системного изучения с позиции комплексного этнолингвистического подхода.

Обрядовая терминология в татарском языке (и вообще в тюркологии) все еще остается мало исследованной областью, и она находится на грани исчезновения. Поэтому следует активизировать собирательскую (экспедиционную) работу в архаических в этнокультурном отношении диалектных зонах: в Сибири, Астраханской области, в районах Урала, в Мордовии, Пензенской, Ульяновской областях и др., где компактно проживают татары.

Культурно-языковые термины обрядов, праздников, обрядовых предметов, действующих лиц ритуальных действий, духов природы обычно входят в ряд синонимов, образующих определенную систему не только лингвистического, но и экстралингвистического-культурного (мифологического, ритуального) порядка. В ходе работы не остается без внимания и обрядовый фольклор, непрерывно связанный с самими обрядами. Поэтому исследование многоаспектное, оно включает лингвистические, этнографические и фольклорные черты. Обрядовые термины снабжаются необходимой документацией и точными географическими сведениями о приводимых фактах.

Таким образом, речь пойдет о диалектологии языка и культуры, в частности, об обрядовой терминологии, которая зафиксирована нами в татарских диалектах. Они должны дать представление об общей структуре обряда, их последовательности и служить задачам реконструкции народной духовной культуры, а также решению многих собственно лингвистических задач. Занимаясь культурно-языковой диалектологией, исследователи видят в ней «живую старину».

Этнографическая лексика является интересной как для истории языка, так и для всех, кто занимается историей и этнографией народа. В литературе имеются высказывания о роли и значении изучения языка и культуры в синтезе с народной лексикой, накопленной языкознанием (и этнолингвистической наукой), столь необходимой для анализа традиционной жизни и культуры:

«Название тех или иных явлений производится с помощью литературных и научных терминов, не имеющих точных эквивалентов в крестьянских диалектных словах, что ведет к смещению или несовпадению народных и научных понятий, т.е. к невольному искажению самих реалий культуры. Максимальная точность выражения, приближенность научных терминов и понятий к народным особенно важна при изучении духовной культуры с ее символическим языком» [Бернштам 1988: 276].

При этнолингвистическом изучении традиционных обрядов, термин оказывается заглавием определенного текста, его словесным символом. При отборе иллюстративного материала (это образцы диалектологических текстов, фиксированные при помощи магнитофона) основное внимание уделяется их ценности как с точки зрения языка, так и содержания (т.е. этнографические сообщения, фольклорные и другие материалы, которые

могут квалифицироваться как «древние»), В научный оборот вводится обильный новый материал, «памятники» народной культуры, целиком построенные на диалектных текстах, имеющие языковую и этнографическую ценность.

В цитатном материале содержатся явления из жизни народа, здесь собрана наша «внутренняя» история, неподкупная правда нашей жизни, народный быт, нравы и обычаи, поверья, разговорные диалоги и множество других этнографических ценностей. Поэтому иллюстративный материал, записанный у информаторов старшего поколения, является надежной и незаменимой базой, основой для выявления обрядовой терминологии и фиксации бесценных богатств народно-разговорной речи, которые помогут в будущем обогащению литературного языка народными словами. При полевом исследовании традиционных обрядов мы уделяем большое внимание коллективному опросу, беседе, одновременно с несколькими информантами, так как информанты, отвечая на тот или иной вопрос, обычно дополняют и уточняют ответы друг друга. Коллективный опрос активизирует память информантов, быстрее настраивает их на разговор. Очень содержательными оказались записи обрядов от главных действующих лиц – исполнителей и участников. Во время экспедиции были выявлены наиболее знающие, талантливые знатоки обрядов и обычаев, говорящие богатым, сочным деревенским языком.

Обрядовые термины в основном сохранились в памяти представителей старшего поколения. Поэтому при сборе этнолингвистических материалов собирателю, кроме наблюдательности и тщательности, нужна еще большая объективность. Подход к материалу с предвзятым мнением не может дать хороших результатов. Записывать материалы нужно такими, какими они были в народе, не приукрашивая, не идеализируя и не подвергая осуждению.

Народные обычаи чрезвычайно разнообразны и уложить их в какую-то систему классификации трудно. Все же среди них можно выделить преобладающие типы. Такими считаются семейные и календарные обычаи. Первые бывают приурочены к определенным важным событиям в семейной жизни, второй тип охватывает обычаи, приуроченные к определенным моментам годовой смены сезонов. Например, по семейной обрядности: свадебные обряды и их терминология; родильные обряды и их терминология; похоронно-поминальные обряды и их терминология. По календарной обрядности: осенне-зимние обряды и их терминология; весенне-летние обряды и их терминология. Кроме этого, выделяются еще следующие тематические группы: обряды и поверья, связанные с животноводством; термины заговоров и заклинаний, древних верований и др.

Многочисленные экспедиционные записи, сделанные в различных регионах, позволяют восстановить картину одного из сложнейших по своему составу обрядов – народной свадьбы [Баязитова 2011: 976]. Ни одна крестьянская свадьба не обходилась без широко разработанного свадебного ритуала, включавшего множество обычаев, идущих еще от древних языческих времен – из глубины веков. Свадебный обряд упорно хранил созданную веками форму, допуская сосуществование элементов разных эпох. Разные компоненты свадебного обряда по-разному реагировали на социальные, исторические и общественные явления. Бурная ломка традиций свадебной обрядности, особенно заметно начавшаяся со времен коллективизации, привела к тому, что многие звенья свадебного обряда практически прекращали свое существование, но они сохранились в памяти жителей, что позволяет собирателям и в самое последнее время делать достаточно полное описание старинной свадьбы.

Для того, чтобы четко выделить типологические моменты обряда в различных областях, их своеобразие, местные особенности того или иного эпизода обряда, придающие ему подлинный этнографизм, цельные рассказы информантов разбиваются нами на фрагменты, которые группируются соответственно эпизодам обряда, придавая им большую полноту.

Термины свадебных обрядов отражают больше всего древние верования, воззрения и этногенетические связи того или иного народа с другими народами и поэтому большинство из них относится к древнейшему словарному фонду языка. Термины свадебных обрядов отличаются сохранением в своем составе целого ряда архаических языковых особенностей различной исторической древности. Это и закономерно, поскольку термины свадебных обрядов не являются продуктом современной эпохи, а большая часть их возникла в древности и существует по настоящее время. В составе терминов свадебных обрядов выявляются слова, словообразовательные средства, восходящие к глубокой древности. Наряду с древними морфологическими формами в терминах свадебных обрядов сохранились также элементы древнетюркского синтаксиса.

Полевой материал по традиционному свадебному обряду позволяет делать интересные наблюдения и выводы, касающиеся структуры и территориальных особенностей самого обряда и обрядовых действий, участвующих лиц и реалий, особенностей распространения и функционирования свадебной терминологии. При сравнительном анализе терминологии свадебных обрядов выделяются традиции родственных и соседних народов.

Лексика свадебных обрядов, как и всякая обрядовая терминология, может быть описана только в контексте всей обрядовой реальности. Параллельное исследование явлений языка и культуры в данном случае особенно продуктивно: этнографические показания дополняют и завершают лингвистические, и наоборот, лингвистические показания дают прочную базу этнографическим исследованиям.

Известно, что границы между материальной и духовной сферами культуры весьма расплывчаты, размыты. Следует отметить, что нами ведется исследование материального оформления обрядов и обычаев, а также относящейся сюда лексики (это обрядовая одежда, обрядовая пища и т.д.). Все это имеет познавательное и практическое значение, так как оно дает возможность увидеть в них то ценное, что выработано народом на протяжении веков и в какой-то степени может быть использовано и в наши дни.

Собранные нами лингвистические и этнографические материалы показывают, что одежде отводилась важная роль в свадебных обрядах. Свадебная одежда была яркой и праздничной. Большой нарядностью и особыми чертами отличалась одежда молодых женщин первого года замужества. В терминологии одежды в обрядах свадебного периода отражаются диалектные особенности разных групп татарского народа. Изучение названий, роли и значения одежды, народного костюма в обычаях и обрядах дает возможность выяснить происхождение и особенность бытования некоторых форм одежды, а в отдельных случаях помогает раскрыть и сущность самого обряда. Многие наряды вышли уже из употребления, но женщины бережно хранят их в сундуках как память о старших поколениях и иногда надевают во время праздников, свадеб. Иными словами, функции этих вещей изменились, теперь они удовлетворяют эстетические потребности людей и тем самым как бы перешли в сферу духовной культуры. Изучение подобных явлений в полевых условиях дает возможность собрать сведения о них, сохранившиеся в народной памяти, в фольклорных сюжетах [Баязитова 2000: 412].

Обряды с применением хлебов составляют характерную черту народного быта, они сохраняются в семейной обрядности и в наши дни. В татарских диалектах особый интерес представляет свадебная обрядовая пища. Как указывают ученые, обрядовая пища имела свою специфику. Являясь частью материальной культуры, она была тесно связана с культурой духовной, в частности, с обрядами и обычаями. Особенный интерес представляет обрядовая пища, в которой биологические функции – удовлетворение чувства голода и жажды – отступают на задний план, а главным становится ее символическое, знаковое содержание. Этнолингвистические материалы, относящиеся к свадебным пищевым обрядам татарского народа, представляют интерес и со стороны языка, и со стороны этнографии [Баязитова 2007: 480].

Каждому периоду года соответствовали праздники и каждый народный праздник сопровождался определенными обрядами, в которых отражалась трудовая и духовная жизнь народа. Календарные обычаи и обряды – важнейший элемент традиционной бытовой культуры народа. Эти обычаи и обряды отвечали задачам преемственности поколений, формировавшей внутренне единство и национальное своеобразие духовной культуры народа.

Важным аспектом изучения народного календаря как в языковом, так и в этнографическом отношении следует считать выявление локальных различий и ареальных связей в терминологии, структуре и семантике системы праздников. Перед исследователями традиционного народного календаря стоит задача комплексного, лингво-этнографического описания материала, включающего: языковую (диалектную) характеристику соответствующей лексики, характеристику этнокультурных реалий, с которыми связано каждое название, и географическую характеристику обоих элементов, т.е. терминологии и соответствующих обрядовых и мифологических явлений [Толстая 1989: 82].

Лексический и этнографический (этнолингвистический) материал по календарным обычаям и обрядам собран нами во время диалектологических экспедиций в районах Татарстана и за его пределами, где проживают татары [Баязитова 2019: 687].

Результаты полевых исследований говорят о том, что сегодня еще можно обнаружить законсервированные в отдельных регионах древние формы того или иного обряда, а также незафиксированный словесный материал, дополняющий и подчас объясняющий

обрядовые действия. Благодаря языку прошлое актуально присутствует в настоящем, а настоящее сохраняет живую связь с истоками культуры.

Каждый регион, каждая диалектная зона вносит свои неповторимые узоры в общую духовную культуру татарского народа. Факты языка служат важнейшим источником для реконструкции элементов культуры, народного сознания, мифологии, с другой стороны, решению многих собственнолингвистических задач. Выявленные диалектологами и этнографами региональные языковые, культурные особенности являются достоянием не только татарского, но и духовным наследием многих тюркских народов, так как большинство особенностей восходят к периоду их историко-культурной общности.

До сих пор в науке речь шла о языковом диалекте. Однако можно с полным основанием говорить о том, что само понятие и явление «диалект» не следует воспринимать как чисто лингвистическое, основанное исключительно на языковой характеристике. Это явление и понятие даже не этнолингвистическое, а лингво-культурологическое, лингво-этнографическое. Показатели, выделяющие диалект – языковые, этнографические и фольклорные, нередко выступают рука об руку, создавая разностороннюю диалектную характеристику.

Диалектология выявляет все богатство и разнообразие проявления человеческой культуры, а благодаря ее этнографическому аспекту удастся воссоздать оригинальное и реалистическое понимание мира носителями того или иного диалекта.

По этому случаю актуальны и уместны слова академика Д.С. Лихачева: «Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины».

Основным направлением изучения духовной культуры и обрядовой терминологии является активное продолжение экспедиционных сборов информации о самых различных этнографических, фольклорных, мифологических и других элементах, где они в той или иной степени дошли до наших дней. Такое же значение имеет проводимая параллельно научная систематизация всех материалов, которыми располагает современная наука.

Долгое время вне сферы внимания фольклористов оставались своеобразные «малые» фольклорные формы: благопожелания, формулы угроз, магические приговоры и диалоги; краткие тексты, сопровождающие гадания; акты магической, знахарской практики и др. В них сохраняются образные элементы архаических уровней культуры.

Традиции выполняют сложную функцию связи настоящего с прошлым.

Традиция это то, что существует и передано нам из прошлого. Традицию нужно рассматривать в диалектике. В настоящее время идет процесс возрождения наций, их языков и традиционных обрядов. Чтобы не было в этом деле шаблона, прежде всего нужно крепко опираться на фольклорный, обрядовый и языковой потенциал, который существует в самом народе.

Чтобы сплотить всех татар, сблизить далекие расстояния, мы должны подробно изучить жизнь и быт, языковые и духовные особенности всех групп татарского народа. Сохранение и преумножение лучшего, что осталось от старших, – это наш долг перед будущими поколениями.

К сожалению, сегодня предстоит долгий путь возвращения к истокам. Выросли новые поколения, не владеющие родным языком, не приобщенные к родной культуре. Если мы хотим сохранить татарский народ, более того, поднять его до уровня высокоцивилизованной нации, то в первую очередь надо начать с преобразования системы образования, с возрождения родного языка, духовной культуры и национального самосознания.

Изучение региональных языковых и культурных особенностей, обрядовой терминологии, в конечном счете будет способствовать общему нравственному развитию всего татарского народа, внесет свой вклад в мировую сокровищницу культуры.

Диалектные слова и тексты приводятся по магнитофонным записям принятой в татарской диалектологии упрощенной транскрипции.

ЛИТЕРАТУРА

- Баязитова Ф.С. Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы. – Казан, Дом печати, 2007. – 480 б.
Баязитова Ф.С. Туй йолалары лексикасы (Жирле сөйләшләр һәм фольклор текстлары яссылыгында). – Казан, 2011. – 976 б.
Баязитова Ф.С. Халык традицияләре һәм мифология: им- томнар, ырымнар, тылсымлы сүзләр (жирле сөйләшләр һәм фольклор текстлары яссылыгында). – Казан, 2017. – 791 б.

Баязитова Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: Мифологик персонажлар, ышанулар (жирле сөйләшләр һәм фольклор текстлары яссыйлыгында). – Казан, 2018. – 823 б.

Баязитова Ф.С. Халык традицияләрендә борынгы бәйрәмнәр, йолалар: сабан туе, нәүрүз, кыр келәүләре (жирле сөйләшләр һәм фольклор текстлары яссыйлыгында). – Казан, 2019. – 687 б.

Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М.: Наука, 1989.

Толстой Н.И., Толстая С.М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингво-этнографический аспект) // Славянское языкознание. VIII международный съезд славянистов. Загреб-Любляна, 1978. – М., 1978.

Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Язык и этнос. – Л., 1983.

Толстой Н.И. Язык и народная культура (очерки по славянской мифологии и этнолингвистике). – М., 1995. – 509 с.

ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ УРТА ДИАЛЕКТЫНДА ЛЕКСИК-ФОНЕТИК ДИАЛЕКТИЗМНАР

А.Ә. Бәдртдинова

В статье рассматриваются фонетические диалектизмы в области вокализма среднего диалекта татарского языка.

Ключевые слова: диалектная лексика, диалектизм, фонетический диалектизмы, средний диалект, вокализм, гласные звуки.

The article provides the phonetic dialecticisms in the sphere of vocalism of the middle dialect of the Tatar language.

Keywords: dialect-lexicon, dialecticism, phonetic dialecticism, middle dialect, vocalism, vowels.

Һәр сөйләш үзара бәйләнешле, үз канунарына буйсынып, ниндидер катлаулы организм элементлары сыман шул кануннар аша бер-берсенә тәэсир итеп хәрәкәт итүче берәмлекләр системасын тәшкил итә. Кайсыдыр берәмлекнең төшөп калуы тормыш рәтенен бозылуына, системаны үзгәртеп коруга китерәчәк [Булатова, Касаткин, Строганов 1975: 13].

Тел законнарының хәрәкәте фонетика өлкәсәдә бигрәк тә ачык күренә. Диалектның фонетик үзенчәлекләре гадәттә бар диалект системасына үтеп керә. Аларның кайберләре читтән күренми, чөнки тыңлаучының игътибары сөйләмнең эчтәлегенә юнәлтелгән була. Сөйләшләрнең фонетик үзенчәлекләре теге яки бу диалектка характеристика биргәндә һәм диалектның формалашу тарихын торгызганда әһәмияткә ия [Юсупова 2015: 15].

Кайсыдыр диалектны тасвирлаганда тикшеренүчеләр гадәттә иң күп санлы группаны бер мөгънәдә булып, аваз составы белән аерылучы сүзләр алып торганын билгелиләр [Гусаева 2016: 2]. Сөйләшләрнең аваз системаларының үзенчәлекләрен фонетик диалектизмнар күрсәтә [Горская, 2008].

Мәкәләдә татар теленең урта диалектының вокализм өлкәсендәге фонетик диалектизмнары карала. Диалектизм дип билгеле бер территориядә генә таралган, әдәби телдә кулланылмый торган тел үзенчәлекләрен атыйлар [Галиуллина 2013: 111]. Фонетик диалектизмнар – әдәби телдән аваз төзелешләре белән аерыла торган үзенчәлекләр [Әхәтов 1995: 79].

Татар теленең диалекталь лексикасы соңгы елларда монографик хезмәтләрдә, фәнни мәкаләләрдә төрле дәрәжәдә яктыртылган: көнбатыш диалектлар лексик системасы – Д. Рамазанова (1991, 1999), Ф. Баязитова (2003), И. Насипов (1994, 2007), А. Казиханова (2011), Г. Хәйбуллина (2013), Э. Кадилова, Г. Галиуллина, Ф. Сәйфуллина, Ә. Йосыпова (2015), Э. Кадилова, Г. Галиуллина, Ә. Йосыпова (2016); урта диалект лексикасы – Д. Рамазанова (1987, 2013, 2014), Ф. Йосыпов (2003, 2004, 2006), Г. Мөхәммәтова (2006), М. Булатова (2012, 2016), А. Хөсәенова (2015); себер диалектлары лексикасы – А. Рәхимова (1991, 1999, 2001), Д. Тумашева (1992), Х. Алишина (1994), Д. Тумашева, А. Насыбуллина (2000), Р. Барсукова (2002), Ф. Йосыпов (2013, 2014) һ.б. [Татар лексикологиясе 2016: 144].

Диалектларның фонетикасын өйрәнгән һәр галим фонетик диалектизмнар белән очраша, шулар аркылы сөйләшкә анализ ясып, аның аваз системасын, фонемаларының вариантларын таба.

Фонетик диалектизмнарда аваз тәңгәлләкләре, аваз чиратлашуы, аваз өстәлу, аваз төшөп калу, саңгыраулашу һ.б. үзенчәлекләр керә. Бу төр үзенчәлекләр сузыклар өлкәсендә дә, тартыклар өлкәсендә дә күзәтелә [Татар лексикологиясе 2016: 145].

Г.Х. Әхәтов урта диалектның төп билгесе итеп *ә – и – е* фонемаларының тәңгәлләген күрсәтә: *мәләш – миләш, шәкәр – шикәр, әти – ити, ире – эре* һ.б. [Әхәтов 1984: 31].

«Татар халык сөйләшләре» жьентыкларының беренче китабында, урта диалектның күпчелек сөйләшләренә төп дифференциаль билгеләренә берсе итеп, *-ый / -и(й)* дифтонгы урынына *-ай / -әй* дифтонгын куллану саналган, мәсәлән: *бармай – бармый, шундай – шундый, карай – карый* һ.б. [Татар халык сөйләшләре 2008: 22].

Лексикологиянең икенче томында сузыклар тәңгәлләге, ягъни диалекталь сүздә әдәби телдәге сузыкка икенче сузык тәңгәл килү очрагы күрсәтелгән – *и-ә*: күчтинәч – күчтәнәч; *а-ы*: капқан – капкын һ.б. [Татар лексикологиясе 2016: 145].

«Татар халык сөйләшләре» электрон атласында да фонетик диалектизмнар күрсәтелгән, мәсәлән: «*и~и²~е~и²~э* в частице *бик* “очень”» картасында *бик/бәк*: балтач, мамадыш, казан арты керәшеннәре, түбән кама керәшеннәре, златоуст, эчкен, камышлы, пермь, минзәлә, красноуфим, богрыслан, каргалы сөйләшләрендә; *би³к/би³к*: бастан, әстерхан сөйләшләрендә; *бик/би³к/б³к*: нократ сөйләшләрдә кулланыла. Урта диалектның калган сөйләшләрендә «*бик*» формасы [http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=10].

Урта диалектның сөйләшләре үзләре үк бер-берсеннән сузыклар өлкәсендә аерыла [Бадрутдинова 2017: 28]. Мәсәлән, урта диалектка әдәби телдәге кебе иренләштерелгән *а^о* авазы хас булу төп билгеләренә берсе булып саналса да [Татар халык сөйләшләре 2008: 21], искәрмәләр дә бар. Дөбьез сөйләшләрдә ачык *а* авазы кулланыла [Татар халык сөйләшләре 2008: 24], мамадыш сөйләшләрдә көчле иренләштерелгән *о^а* авазы бар [Шунда ук: 29]. Әлеге үзенчәлекләренә «Фәнни Татарстан» журналының 2017 елның 4 санында ызылды [Бадрутдинова 2017: 28–34].

Шулай итеп, татар теленә урта диалектында сузыклар өлкәсендәге фонетик диалектизмнар шактый күп. Аларның төрләре диалектологлар тарафыннан өйрәнелгән, атласта теркәлгән.

ӘДӘБИЯТ

- Атлас татарских народных говоров. <http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=10>.
Әхәтов Г. Х. Татар диалектологиясе. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 216 б.
Бадрутдинова А.А. Татар теленә урта диалекты вокализм системасына күзәтү // Фәнни Татарстан. – 2017. – № 4. – С. 28–34.
Булатова Л.Н., Касаткин Л.Л., Строганов Т.Ю. О русских народных говорах. – М.: Просвещение, 1975.
Галиуллина Г.Р. Хәзерге татар теле лексикологиясе. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2013. – 123 б.
Горская С.А. Практикум по современному русскому языку: Лексика. Фразеология. Лексикография, 2008. https://ebooks.grsu.by/prakt_sov_rus/11-dialektizmy.htm. Дата обращения 24.04.19.
Гусаева Р.Р. Фонетические диалектизмы гуладтынского говора даргинского языка // Апробация. – № 10 (49). – 2016. – С. 35–38.
Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 392 б.
Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Беренче китап / Ф. С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – 463 б.
Юсупова Л.А. «Особая роль диалектизмов в творчестве М.А. Шолохова (на материале романа «Тихий Дон»)» // <https://docplayer.ru/62851993-Osobaya-rol-dialektizmov-v-tvorchestve-m-a-sholohova-na-materiale-romana-tihiy-don.html>. Дата обращения: 29.04.19.

ТАТАР ӘДӘБИ ТЕЛЕ ТАРИХЫ. XIX ГАСЫР – XX ЙӨЗ БАШЫ ПОЭЗИЯ ӘСЭРЛӘРЕНДӘ, «ИЛАҖИ ЗАТ» ТЕМАТИК ТӨРКЕМЕНӘ БЕРЛӘШӘ ТОРГАН ЯЛГЫЗЛЫК ИСЕМНӘРЕ, КОНТЕКСТУАЛЬ-СИНТАГМАТИК МӨМКИНЛӘГЕ

И.Б. Бәширова

Известно что, письменные памятники различных жанро-стилей старотатарского языка начинаются богословской формулировкой Бисмилла ар-Рахман ар-Рахим и дальше авторы выборочно употребляют божественные понятия из 99 благородно-прекрасных эпитетов (Асмаул-Хусна) Илаһ/Аллаһа: Малик, Куддус, Газиз, Жаббар, Халикь, Бариу, Гаффар, Самигь, Галим, Басыйр, Гафур, Галий, Карим, Рақыйб, Хаким, Хаккь, Ганий и т.п.; из не включенных в данный список: Раббе, Ходай/Хода, Йаз и др., тюрко-татарские: Иза, Тәнгре,

Уган и др., а также благородные имена Ангелов: Газраил, Джабраил, Исрафил и т.п. Данные благородные имена в поэтических произведениях XIX – начала XX в. используются не только как словозначения, они употребляются как словоформы, сложные, парные слова, словосочетания, фразеологические обороты др.; авторы могут расширить смысловое содержание данных понятий. Таким образом, они становятся художественно-эстетическим средством для изображения жизни в Двух (бренным/настоящим и вечным/потусторонним) Мирах.

В статье дается краткий анализ контекстуально-синтагматических возможностей данных Теоним – Божественных имен и обосновывается проблема выделения их отдельной тематической группой «Теонимы – Божественные имена», наряду с такими группами, как «Природа», «Человек», «Общество», «Познание».

Ключевые слова и словосочетания: старотатарский язык, богословская формулировка, божественные, благородные имена, теонимы, смысловое содержание понятий, словозначение, словоформа, словосочетание и т.п.

It is known that written monumental works of different genres and styles of the Old Tatar language begin with the theological phrase «Bismilla ar-Rahman ar-Rahim» and further, in accordance with the context of works, the authors of which choose one of 99 noble and beautiful epithets (Asmaul-Husna) Jabbar, Halik, Bariou, Ghaffar, Samig, Galim, Basiyr, Ghafur, Galiy, Karim, Rakyib, Hakim, Hakk, Ganiy, etc.; and other names not included in this canonized series: Rabbe, Yazdan / Yazdan (Arabic), Khodai / Khoda (Persian), Iza, Tengre, Ugan (Turko-Tatar languages), etc., or the noble names of Angels : Gazrail, Jabrail, Israfil, etc. These unique noble names in poetic works of the XIX – early XX centuries are used not only as lexemes, but also as phrases, word-words, multi-word phrases, phraseological turns, etc., which allows the authors to obtain the volume of the semantic content of the concept of God. Thus, the divine names appear in the studied period as the artistic and aesthetic tool of reflecting reality (perishable / real and eternal / otherworldly).

The article provides a brief analysis of the context-syntagmatic possibilities of using divine names and justifies the need to single them out into a separate thematic group «Theonyms – Divine Names», as well as with such well-known thematic groups such as «Nature», «Man», «Society», «Cognition».

Keywords and phrases: Old Tatar language, theological formulation, divine, noble names, theonyms, word meaning, word form.

Г. Ибрахимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтында «Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр XX йөз башы)» дигән тема тикшереләп, 2 томы дөнья күрдә, 3 нче томы басмага хәзерләнә. Бу томнарны язу барышында, төрки-татар әдәби теле тарихын тикшерү өчен зарури-кулай дип табылган методология, метод-ысул, алым-принциплары билгеләнде. Әлеге нигез һәр өч томны язганда сакланып, өйрәнелә торган истәлекләр бердәм ныклы системада, кабул ителгән тәртиптә анализланды. Тел тармакларының хосусый үзенчәлекләре истә тотылды: 1 нче томда төрки-татар язма теленә фонетика, графика тармагына караган, 2 нче томда морфология тармагында өйрәнелә торган грамматик категорияләренә тарихи үсеш-үзгәрешә жентекләп анализланды 3 нче том төрки-татар теленә лексика тармагында, лексик-семантик категорияләренә табиғатен һәм кулланылышын тикшерүгә багышлана. Әдәби телнең һәр тармагында, язма традициянен, төрле вариантлары белән, гасырлар буена эзлекле рәвештә дөвам ителүе уңаенда, хәзерге әдәби норманың ничек итеп тотрыклана баруы кебек катлаулы мәсьәләләр күтәрелә һәм хәл ителә [Бәширова 2018: 20–22, 187–188, 291].

Бу юнәлештә, гомумтюркологик планда, телнең аерым тармаклары махсуслап тикшерелә торган европа/рус телендәге хезмәтләрдә, хәзерге гомуми тел гыйлемендә, төрки-татар язма истәлекләре өйрәнеләп язылган күп санлы хезмәтләрдә, һәр томда күтәрелгән мәсьәләләргә нисбәтле фикерләр зиһенгә алынды, әдәби тел тарихын язу максаты күздә тотылып, мөнәсәбәт белдерелде. Бу юнәлештә, түбәндәге мәсьәләләрне күз уңында тотарга кирәклек аңлашылды: а) язма текст, аерым әдиһнең ижат жимеше буларак барлыкка килгән күрә, тел берәмлекләре шул шәхеснең максатына нисбәтән, үз чоры әдәби тел байлыгынан сайлап алынып файдаланыла; ә) язма текстта кулланыла торган сүз составы, гомум телне өйрәнгәндәге кебек, телнең фонетика, морфология, лексика тармакларына бүленеп тикшерелә; б) язма истәлекләрдә кулланыла торган сүзләренә: 1) тел берәмлеге буларак табиғатә (структур төзелешә, төп мәгънәсә) күзәлланып, 2) текст кысасында файдаланылганда, контекстуаль-синтагматик мөмкинлеге ачыклана, 3) һәр аерым истәлекнең теле, әдәби тел тарихының бер буыны буларак, тарихи эзлеклегенә игътибар ителә. Шулай итеп, аерым автор ижаты, үз чорындагы әдәби теле нигезендә, аның мөмкинлеген (табиғатен һәм вазиғасын) реалыштыру юнәлешендә баруга карамастан, гомумтел белән тигәл күренеш булмасы аңлашыла. Язма текстны тикшергәндә, әлеге мәсьәләне объектив-дәрес

аңлап эш итэргэ, ягъни текстта чагыла торган тел берәмлекләрне анализлаганда, гомумтелнең тел байлыгын өйрәнү өчен формалашкан аерым ысулларны элге максатка жайлаштырырга кирәк була. Бу юнәлештә, татар эдәби теленең Лексика тармагы тикшерелгәндә, гомумтелдәге лексик байлыкны билгеле бер тәртиптә туплау өчен уңай дип санала торган тематик группаларның санын арттырырга кирәклек күренде.

Татар теленең лексик байлыгын тикшерүгә багышланган хезмәтләрдә, гомумтелдәге сүзләрне, ерак гасырлардан килә торган ысул нигезендә, «Табигать», «Жәмгыять», «Кеше», «Аң-акыл» кебек группаларга бүлөп, тематик яктан төркемләргә мөмкин булуы асызыклана [Закиев 2003: 10–12]. Язма истәлекләрне өйрәнүче кайбер галимнәр, язма текстта файдаланыла торган лексик берәмлекләрне дә элге тематик группаларга бүлөп тупларга мөмкин дип саныйлар [Нуриева 1999: 106–143]; [Кузьмина 2001: 26–64]. Шуның белән бергә, төрки-татар эдәби телендә ижат ителә торган язма истәлекләрнең лексик байлыгын анализлаганда, элге тематик группаларны истә тоткан хәлдә, «Илаһи зат» дигән тематик төркемне аерып карарга кирәк булуы аңлашылды [Бәширова 2018: 291].

Гасырлар буена дәвам итеп килә торган төрки-татар поэзия эсәрләрендә, Йосыф Балагаунлының «Котадгы Билек» (XI г.), Болгар дәүләтендә Ә. Ясәвин «Диване Хикмәт»ләре (XII г.), Кол Галинең «Кыйссаи-Йосыф» поэмасында чагылыш таба торган төрки-татар теле (XIII г.), Алтын Урдада дәште-кыпчак-татар телендә (XIV г.), Казан ханлыгын да (XV г.), XVI гасырдан соң Мәскәү/Русия дәүләтендә Идел бие төбәгендә, иске татар телендә ижат ителә торган эсәрләрдә, тасвир ителә торган дөньяви хәл-әхвәлләр, асылда, ислам идеологиясе тәэсирендә, аның колачын киңәйтү максаты белән, шәригать дине тәгълиматының эхлакый-хокукий, көндәлек яшәешнең тәртип-низамнарының үзгәртелмичә кабул ителергә тиеш булган постулат – кагыйдәләренә, димәк, термин-атамаларын да төгәл куллануга нигезләнәп бара. Элге үзенчәлек XIX гасыр татар поэзия эсәрләрендә дә дәвам ителә. XIX гасырның беренче яртысында Габдерәхим Утыз Имәни әл-Болгари (1755–1834), Әбелмәних Каргалый (1782–1833), һибатулла Салихов (1794–1867), Габделжаббар Кандаый (1797–1860), Шәмсетдин Зәки (1825–1865), икенче яртысында Гали Чокрый (1826–1889), Әхмәт Уразаев-Кормаши (1855–1883), Мифтахетдин Акмулла (1831–1895) кебек һ.б. татар халкының танылган шагыйрь-фикер ияләре ижат итә. XX йөзнен беренче бишеллыгында халкыбызның даһи шагыйре Г. Тукай беренче шигырьләрен яза башлый. Бу шөхәсләрен барысы да, буыннар буена килә торган зур укымышлы рухани фәлсәфәгә ия дин әһелләренең варислары һәм шәкертләре буларак, адәм баласының яшәеше, чынбарлыкны кабул итүе, Аллаһы Тәгаләнең кодрәтенә, 1 заттан үз сүзе булып ингән Коръән-Кәримгә, хак дин кануннарына бәйлә булуына ышаналар. Элге ышану аларның эдәби эсәрләрендә чагылыш таба. Әсәренң структур төзелешен башлап жибәрә торган башлам өлеше, күрсәтелә торган дәвердә язылган/басылган төрле жанр-стильдәге эсәрләренң күбесендә, *بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ* бисмилла әр-рахман әр-рахим дип, Бар һәм Бер булган Аллаһы атамасы белән ачыла һәм хикәяләү барышында аның 99 Әсмай-Хәснә/Исеме-Әгъзамнары эзлекле файдаланыла. Бу юнәлештә, Аллаһы белән пәйгамбәр ләр арасында илче-рәсүл ярдәмчеләре буларак, төрле вазифа үти торган күпсанлы Фәрештә исемнәренен, һәр авторның эсәрендә яратып кулланылуына игътибар итү зарурлыгы күренә. Димәк, эдәби эсәрдәге сүзләрне өйрәнә башлаганда, хикәяләүнен беренче юлларында ук чагылыш таба торган элге үзенчәлеккә игътибар итэргә, Аллаһы дигән Илаһи затка һәм аның фәрештәләренә караган ялгызлык исемнәрен (теонимнары) аерып анализларга тиеш булабыз. Ялгызлык исемнәре инвариант-уртак нигезенә, аның парадигма-вариантлары буларак, «Илаһи зат» белән рәттән, «Кеше», «Жәмгыять», «Табигать» һәм «Аң-Акыл» тематик группаларын берләште рергә мөмкин булуы күренә. Бу төркемнәргә туплана торган сүз байлыгын, лексикология/семасиология тармагының таләбенә туры китереп, жентекләп тикшерергә кирәк булды.

Дини эдәбиятта Аллаһы Тәгаләнең күркәм сыйфатлары, билгеле бер тәртиптә санала, һәр күркәм Исемнен мәгънәсе аңлатыла. Фәрештәләр турында да мәгълүмат бирелә [Йосыф 2003: 114–152; 5: 11–13]. Иске татар телендәге эдәби эсәрләр тикшерелә торган дөньяви хезмәтләрдә, Аллаһы Тәгаләнең күркәм сыйфатларының исемнәре һәм Фәрештәләр, һәр фәнненң үз таләбенә туры китереп, махсулап өйрәнелә [Урманче 2008: 81–87]. Язма истәлекләрне өйрәнгәндә, Аллаһы Тәгаләнең Әсмай-Хәснә/Исеме-Әгъзамнары һәм Фәрештәләренң Исем-шәрифләре, аерым авторның шигъри эсәрендә тасвирлау чарасы буларак ничек итеп кулланылуын билгеләү максаты күздә тотыла.

XIX гасыр – XX йөз башында ижат ителгән/басылган поэзия эсәрләрендә, чынбарлыкны күзаллау һәм сурәтләү, Бу дөнья һәм Ахирәткә мөнәсәбәтле рәвештә, Ике дөнья фәлсәфи категориясенә нигезләнәп дәвам ителә. Тикшерү барышында, элге төшенчәнән, Ике жиһан, Дөнья вә Гокъба (Ахирәт), Ду галәм һәм Ике/Ду жиһан (жәһан) һ.б. дип төрлечә

аталырга мөмкин булуы күзәтелә, әмма шәригать кануннарын төгәл үтәгән вакытта гына, һәм бу Жиһанда, һәм Ахирәттә, адәм баласы сәгадәт-бәхәткә ирешчәк, аңа әйбәт, рәхәт, тыныч булачак дигән фикер эзлекле дәвам ителә. Ислам дине буенча, Бу дөнья – фәнә (бетә торган), Ахирәт – бәкадердар (мәнгелек йорт) буларак аңлатыла: ...Фәнәне куй, бәкадер дар һижран (күчәсен), дигән аң ныгытыла. Шигъри әсәрләрдә укучыга житкереләргә тиеш сәнгатти фикер, дини-рухани әдәбиятындагы кебек үк, Ду жиһан/Ике Дөнъя нигезендә тасвир ителү алымы сүз кулланылышына үзенчә тәәсир итә. Кешенең яшәеше һәм үлеме «Ике дөнъя» яссылыгында тасвир ителгәндә: 1) ислам тәгълиматының кануны буенча: «...һәрбер мөэмин бәндәгә фарыз вә важиб (һичшиксез үтәләрәгә тиеш) булган гамәлләрнен һәркаюсыны кылып, хәрам вә мәкрүһ (начар күрелгән) гамәлләрнең һәрберсеннен тыелмак» [Максуди: 9] мәжбүри булганга, дин гыйлеменәң әлегә постулат-нигез төшенчәләре, капма-каршы мәгънәле сүзләр белән белдерелә: иман-инану, иттика-тәкъвалык, икъяр-аңлату кебек атамаларга, имансызлык, кяфер, көферлек каршы куела һ.б.; 2) авторның укучысына әйтергә теләгән фикеренә туры китереләп, персонажларның кешеләге сурәтләнгәндә, ягъни **Илаһи** зат белән **Адәми** затка хас теләк-омтылышларының мөнәсәбәтен белдерүче төшенчәләрне файдаланганда да, шул ук капма-каршылыкның дәвам ителүе күренә: а) жисми – тән һәм рухи – жан сәләмәтлеге/ зәгыйфлек, риялылык һ.б.; әдәп-әхлак-инсаф-вөждан/түбәнлек, хурлык, зорлык, сөкранлык, аз гынлык һ.б.; ә) аң-акыл, фәһем-зиһен/ахлак, акылсызлык һ.б.; б) гыйлем, гыйрфанлык, мәгариф-мәгърифәт/ наданлык, жаһилият, яманлык һ.б., в) гайрәт, һиммәт, һидаятлек/көчсезлек, ваемсызлык һ.б.; г) бәхәт, сәгадәт / бәдбәхәт, бәхәтсезлек; д) сабыр-шөкерлек/ чыдамсыз, түземсезлек һ.б. «Лексика...» томы язылганда, һәр чорга караган, һәр авторның әсәрендә, әлегә мәсьәләләрне анализлау өчен тырышып эшләргә туры килде, дини гыйлемне яхшырак беләргә кирәклеке аңлашылды. Гомумиләштереп әйткәндә, XIX гасыр – XX йөз башында язылган/басылган тезмә әсәрләрдә, укучыга житкере ләргә тиеш сәнгатти фикер, «Ике дөнъя» нигезендә тасвир ителгәндә, «Илаһи зат» тематик группасына берләшүче: а) Бар һәм Бер булган Аллаһы Тәгалә һәм аның 99 Әсмай-Хәснә/Исеме-Әгъзамнары, ә) Аллаһы Тәгалә белән Пәйгамбәрләр арасында илчә Фәрештәләренәң Исем шәрифләре, барлык авторларның әсәрләрендә дә, эзлекле рәвештә файдаланыла; дини әдәбиятта тезеләп бирелә бирелгән тәртип сакланмый, сүз жаена туры китереләп сайланып кулланыла; дини әдәбиятта күрсәтелә торган рәт, Хода/Ходай, Хәзрәт, Йәздан кебек һ.б. Исеме-Әгъзамнар һәм Мәгъбүд (Табыныла торган зат), Мәүла (Ия, Хужа), Мөстәган (Ярдәм көтелгән зат) кебек гарәп-фарсының үз төшенчә-атамалары, шулай ук төрки-татарның Тәңре, Изи, Уган күркәм исемнәренәң өстәлүе күренә. Әлегә күркәм исемнәре сүзмәгънә, сүзформа, кушма сүз, парлы сүз, төрле Илаһи шәкел-формулар, калыплашкан фикер-синтагмалар рәвешендәгә сүз тезмәсе буларак, яисә абстрактлы мәгънәле гадәти күмәклек сүзе булып та кулланылуы, кабатлану ешлыгының төрле авторда төрлечә булуы күренә. Барлык очракта да, Әсмай-Хәснә/Исеме-Әгъзамнары, ислам дине хөкөмнәре буенча, Бу дөнъяда да, Ахирәттә дә рәхәт яшәр өчен, кирәк гамәлләрне кылырга, кирәксезлектән качарга, ягъни хак, тугъры дин тәгълиматына туры килә торган кануни төшенчә-мәгънәсе белән файдаланыла.

Шуның белән бергә, Г. Тукайның шигъри әсәрләрендә, төрле шәкелләре белән исемләнәп кулланыла торган Алла төшенчәсенәң, бигрәк тә кушма сүз һәм сүз тезмәсе буларак файдаланылганда, алдагы шагыйрьләр ижатыннан аермалы буларак, мәгънә эчтәлегенәң күләме киңәйтәлеп яңартылуы күренә. Лексик-семантик мәгънә эчтәлегендәгә яңарыш дигәндә, бер үк сүздә, традиция булып белдерелә торган төшенчәненәң: а) нигезе саклануы, ә) төрле сүзләр белән грамматик чолганышында төп мәгънәненәң киңәйтәлеп яңартылуы, б) яңача мөнәсәбәт белдерелүе нәтижәсендә, сүзмәгънә эчтәлегә үзенең капма-каршысына әйләнәп яңаруы, ягъни төшенчә белдерелгәндә, лексик-семантик вариантлылыкның хасил булуы истә тотыла. Бу яңарыш, Г. Тукайның, халыкка аңлашылмый, қорама телдә язылган дип, кире кагыла торган беренчә шигърьләрендә үк урын алуын ассызыкларга туры килә. Әлегә мәсьәлә хезмәттәң жентекләп анализлана. Мәкаләненәң кысасы белән чикләнәп, бер генә мисал бирелә. «Алла гыйшкына» («Алла яратсын өчен») шигъренәң 10 икеюллыгында, 18 мәртәбә кабатлана торган әлегә сүз тезмәсе: ...Бар һөнәремәзгә канигъ улмыйк Алла гыйшкына/Тәңре лотфенә манигъ улмыйк (мәрхәмәтнә каршы килмик) Алла гыйшкына, – дигән шигърьненәң соңгы юлында үзенең традиция булып килә торган дини мәгънәсе белән кулланыла. Калган барлык очрақларда: Алла яратсын өчен, дус булуйк, милләтнең күңелен аңа юнәлттик, омтылыыйк, шул юлда тырышыыйк, гайрәт итик, наданлык безне измәсен, гыйлемгә кирелек пәрдә булмасын, дөнъяны хәйран калдырыйк, милләтне күтәрәргә күңелем ашыга, ашкына, мәгърифәт, һөнәр тусын, дус булуйк, и Мөхәммәт өммәте дип, мөрәжәгать ителә. «Алла яратсын өчен Тәңре мәрхәмәтенәң каршы килмик» дигән нигез

төшенчә саклана, әмма, төрле сүзләр белән грамматик бәйләнешендә, мәгънә эчтәлеге киңәйтелү һәм яңартылуы нәтижәсендә, әлеге төшенчә лексик-семантик вариантлары белән исемләнеп кулланыла башлый [Тукай 1985: 46]. Сатирик шигырьләрдә, Аллаһы төшенчәсенә мәгънә эчтәлеге, үзенә капма-каршысына әйләндерелә:... «Ишан, ишәк өкешер/Өкешмәктә (мактанышуда) мәгънә бар», – дип башлана торган шигырьдә: ...Булсаң син хайван надан/Синнән бигрәк мин надан /Ялкаулык та наданлык/Бүләк безгә Алладан [Тукай 1985: 123]. «Рамазан гаендә Иблиснәң шәйтанның хитабы» шигырендә:... Инде динне ташлылар/Уразада ашылар/Оялмыйча Алладан/ Ничек гаенә ясылар [Тукай 1985: 189] һ.б. Аерым шигырьләрдә, Аллаһы төшенчәсе, автор мөнәсәбәтенә катлаулы булуы белән катлаулана. Барның юклығын аңлата торган «Авыл халкына ни житми» шигырендә: ...Казенный булса да, зур урманы, чыршы, нараты бар / Казенный булса да гәрчә, эчим дисә – арагы бар / Житәр төсле түгелдер, ничек хәмдигә Алланы /Хисапсыз әйләгән Ихсан иманны һәм иманны [Тукай 1985: 250]. Алла тарафыннан бирелгән иманның да, иманның да «казенный» гына булуы белдерелә. Бу шигырьдә, Алла төшенчәсе, ярдәмче, булышчы мәгънәсен белдерә торган Ихсан сүзе белән чиратлаштырыла, капма-каршы төшенчәсе белән аңлашыла. Икенче әсәрдә Ихсан сүзе үзенә туры мәгънәсе белән дә күрсәтелә: ...Әйдә тик сөрсен сафа! дим, иткәч ихсан Алласы [Тукай 1985: 195] һ.б. Шулай итеп, бер Аллаһы сүзе белдерә торган төшенчәнең мәгънәсен катлауландырып фәйдәләнүе билгеләү белән, Г. Тукайның әдәби телебезне ничек итеп камилләштерүе хакында фикер әйтергә була. Шагыйрь ижатында, һәр сүзнәң дип әйтергә мөмкин, шушы үзенчәлеккә ия булуы аңлашыла.

Илаһи зат белән **Адәм** затка хас теләк-омтылышларының мөнәсәбәте, Ялгызлык исемнәре инвариант-уртак нигезенә берләшүче «Илаһи зат» төркемнән башка тагын, «Кеше», «Жәмгыять», «Табигат», «Аң-акыл» кебек тематик группалар буларак туплана торган төшенчә-атамаларны анализлаганда да ачыла, бу юнәлештә һәр авторның ижат үзенчәлеге чагылыш табуы күзәтелә.

ӘДӘБИЯТ

- Бәширова И.Б. Төрки-татар әдәби теле нәзәрияте. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – 316 б.
 Закиев М.З. Татарская Академическая лексикология / Актуальные вопросы татарского языкознания. – Казань: Фикер, 2003, – 191 с.
 Йосыф Ф. Дога китабы. – Казан: Раннур, 2003. – 315 б.
 Кузьмина Х.Х. Лексика поэмы XIII в. «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. – Казань: ДАС, 2001. – 103 с.
 Максуди Ә.Һ. Гыйбадәте Исламия. Гакаид кыйсьме, بلغار, 112 б.
 Нуриева Ф.Ш. «Нахдж-ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. – Казань: Фән, 1999. – 208 с.
 Тукай Г. Әсәрләр. Биш томда, 1 т.: Шигырьләр. Поэмалар (1901–1908). – Казан: Татар. кит. нәшр. 1985. – 406 б.
 Тукай Г. Әсәрләр. Биш томда, 2 т.: Шигырьләр. Поэмалар (1909–1918). – Казан: Татар. кит. нәшр. 1985. – 400 б.
 Урманче Ф. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда: 1 т. (А–Г). – Казан: Мәгариф, 2008. – 303 б.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Р.А. Бекиров, Л.И. Бекирова

В статье делается попытка установления специфики заимствования арабизмов в современном русском языке, уточнение существующих в настоящее время тезисов и основных положений теории заимствования, на основании полученных теоретических и практических результатов.

Ключевые слова: арабизмы, заимствования, лексика арабского происхождения, арабистика, русистика.

In the article is made an attempt to establish the specifics of the borrowing of Arabic loan-words in modern Russian language, to refinement of currently available thesis and the main provisions of the theory of borrowing words, on the basis of obtained theoretical and practical results. The following tasks are: to explore the history of Russian-Arabic lexical relations and on the basis of the obtained results to establish the etymology of some linguistic units.

As a part of the study is conducted a detailed analysis of the borrowing of Arabic words in the Russian language, and is affected by the historical, lexical and phonetic aspects of borrowing of foreign words.

Keywords: Arabisms, borrowed words, Arabic loan-words, Russian-Arabic lexical relations, Arabic studies, Russian studies.

В мире под влиянием различных факторов происходит сближение стран и народов. И тот факт, что современные языки мира, заимствующие лексику, сами дают простор для заимствования, развиваются, движутся в направлении освоения все более широкого круга культурных и духовных представлений народов современного мира. С VIII по XII века арабский язык являлся языком науки, искусства, торговли, политики и религии, что оказало огромное влияние на народы, которые населяли территорию современной Европы и России. Это сказалось не только на культуре, но и на языке. В данной статье будет сделана попытка рассмотреть влияние арабского языка на русский язык начиная с VIII в. по настоящее время, в частности, арабские заимствования, которые появились в лексике русского в этот период времени.

Арабская лексика и культура проникали в русский язык в результате торговых и культурных обменов, через исламские открытия во время распространения ислама, благодаря роли востоковедов в изучении исламской цивилизации.

«Появление арабского языка на территории нынешней России связано в первую очередь с появлением торговых связей. В VIII–IX вв. на Руси появляются дирхемы – крупные серебряные монеты с арабскими надписями. Дирхемы чеканились в арабском Халифате, а оттуда арабские купцы привозили их на территорию Киевской Руси. Тем не менее, название «дирхем» не прижилось, и они получили русское название: его стали называть куной, половинку куны – резаной. Кроме того, русских купцов упоминают в своих книгах современник Рюрика и Аскольда арабский писатель девятого века Хордабе и географы-путешественники Ибн-Федлана и Ибн-Русте» [Очерки 1982].

«Одними из самых ранних считаются следующие заимствования: ропать – «мусульманская мечеть», от арабского رباط [ribat] – «место остановки»; ногата – نقد [naqd] – «денежная единица»» [Гаврилова 1981: 35]; «салтан (султан) – «правитель на Востоке», от арабского سلطان [sultan] – «властитель, верховный правитель», упоминается в форме салтанъв «Слове о полку Игореве», слово проникло в русский язык через турецкое посредничество (там же)»; «бисер – «мелкие бусинки», от арабского بيسر – «незрелый финик», древнерусское слово бисердья обозначения «мелких стеклянных бусинок» могло представлять непосредственное заимствование из какого-либо тюркского языка» [Добродомов 1967: 62], «параллельно в древнерусском языке слово имело значение «жемчуг», заимствованное из старославянского, именно в таком значении слово употребляется в «Повести временных лет» 955 и 969 годов, а также слово холоп, в старославянском имеющее форму хлапъ, от арабского خليفة – «наместник», получившее значение «раб, подмастерье» в тюркских языках и упоминающееся в памятниках литературы с середины XIV века в значении «наёмный, несвободный работник»» [Гаврилова 1981: 34].

В период Древней Руси арабские заимствования проникали в русский язык напрямую, путем торговых связей или посредством тюркских языков. Есть предположение, что подобных заимствований было гораздо больше, но большинство не дошло до нас в силу того, что данные заимствования преобладали только в устной речи.

1. «В период христианизации Руси посредством латинского языка в русский язык попало множество слов религиозной тематики: ладан – «ароматическая смола, употребляемая для курения при богослужении», от арабского لادن – «ладановое дерево» (لادن – «быть мягким, нежным»). Согласно Фасмеру это слово попало в русский язык посредством греческого – «смола кустарника»» [Фасмер 1971: 447].

«Саван – «погребальное одеяние из белой ткани», впервые зафиксировано в «Лаврентьевской летописи» 1187 года, от арабского سبينة – «ткань, которую вырабатывали в Сабане под Багдадом»» [Фасмер 1971: 213], так же как и ладан, это слово попало в русский язык посредством греческого.

В период расцвета Османской империи, тюркские народы стали проводниками восточной культуры в жизнь славян, а тюркские языки стали языками-посредниками между русским и арабским языком. Вследствие этого, в русском языке можно встретить множество слов в сфере культуры, религии и административной сфере, которые пришли из арабского языка. Несмотря на то, что принято считать, что в административной сфере большинство терминов означают титулы и звания правителей, это мнение ошибочно. В лексику русского языка в этот период времени так же вошли такие слова как: казна, каравай, шуба, сундук, тахта и т.д.

«Слово амир – «правитель в восточных странах» – упоминается в памятниках письменности с XIV века, от арабского امير [amir] – «начальник»» [Фасмер 1971: 518].

«Казна – «государственное имущество», в памятниках письменности с XIV века, от арабского خزانة – «сокровищница», от корня خزن – «складывать», в русский язык слово пришло через половецкий язык» [Фасмер 1971: 535] «или из одного из тюркских языков: турецкого [hazna], крымскотатарского [hazna], татарского [hazina]» [Фасмер 1971: 160]. В старославянском языке слово казна употреблялось в разных значениях: впервые оно было упомянуто в летописи 1379 года «Сказание о Мамаевом побоище» и имело значение «кладовая, место для хранения имущества», позднее в «Хождениях Афанасия Никитина» – в значении «деньги, средства».

2. «Шуба – «верхняя длиннополая одежда на меху», от арабского جبة – «длиннополая верхняя одежда с длинными широкими рукавами», заимствование известно с XIII века и пришло из тюркских языков: старотюркского [zuba] или персидского [dgubba]» [Крысин 2007: 160]. Именно арабские мастера первыми начали украшать рукава верхней одежды разнообразным мехом и украшениями, но предметом роскоши шубы начали считать только XIV вв.

3. «Ислам – «религия, поклонение единому богу Аллаху и признание Мухаммеда посланником Аллаха», от арабского اسلام – «покорность» [Крысин 2000: 286]; Коран – «священная книга мусульман», от арабского قرآن – «чтение»» [Очерки..., с. 359]; «кади – «духовное лицо и судья у мусульман», от арабского قاض – «судья»» [Крысин 2000: 92], в памятниках XVI века встречается в формах кадый и кази, по мнению М. Фасмера, в русский язык слово проникло из турецкого [kadi].

«Визирь – «высший сановник в странах Ближнего Востока», от арабского وزير – «нести бремя», в памятниках письменности встречается с XV века, заимствование проникло, вероятно, через османский или крымскотатарский языки – [wazir]» [Крысин 2000: 148]; «шариат – «совокупность юридических и религиозных норм, основанных на общих правилах ислама», от арабского شريعة [shariat] – «законоположение»» [Крысин 2000: 793] и многие другие.

В 711 г. арабы начали завоевание Пиренейского полуострова. Таким образом, арабские завоеватели принесли в Испанию свою архитектуру, искусство, изобретения и, конечно же, язык. После латинского, арабский язык оказал наибольшее влияние на испанский язык. Сейчас в русском языке так же можно встретить множество слов, которые проникли в него посредством испанского, но они редко употребляемые и больше свойственны испано-говорящим странам. «Среди них такие слова, как альгвасил – «судейский, а также полицейский чин в Испании», от арабского الوزير – «министр»» [Крысин 2000: 50]; «алькальд – «в Испании и ряде стран Латинской Америки председатель муниципального совета, городской судья», от арабского القاضي – «судья»» [Крысин 2000: 50], «алькасар – «укрепленный замок или крепость в Испании», от арабского القصر – «крепость»» и многие другие слова. Конечно, важно отметить, что в русском языке данные заимствования появились позже, а потому не относятся к древним.

«В XI веке арабская культурная ориентация Испании сменяется французской, хотя непосредственные языковые арабо-испанские связи сохраняются до XV века» [Крачковский 1963]. В средние века посредством испанского и французского языков арабские заимствования начали попадать в английский язык, а потом уже в русский. Среди них самым ярким примером является слово «магазин» – مخازن оно проникло в русский язык посредством итальянского, где «magazzino» обозначает «хранилище, склад». Самое раннее упоминание этого слова датируется 1228 годом, когда в Марселе был открыт первый «магазин», в в. XVI веке англичане употребляли это слово в значении – «склад для хранения пороха» (позднее – и пуль). Примерно в этот период времени это слово появилось в русском языке.

«Интерес к арабскому языку европейских деятелей искусств не угасал и в эпоху Просвещения, и яркий тому пример – эпистолярный роман Ш.Л. Монтескье «Персидские письма», изобилующий восточной экзотикой, где употребляются такие слова, как гарем – «женская половина дома у мусульман, куда запрещено входить мужчинам», от арабского حريم – «запретный»» [Фасмер 1971: 393]; «шейх – «глава рода, племени», от арабского شيخ – «вождь племени»» [Фасмер 1971: 422] и другие. Но, тем не менее, в русскую речь эти слова проникли немного раньше, во времена Османских завоеваний.

4. Так же в русском языке есть ряд экзотизмов, которые свойственны арабоязычным странам, тем не менее, имеют неарабское происхождение. Например, «аятолла – «высший духовный титул в Иране», от арабского آية الله – «отмеченный Аллахом»: آية [aiat] – «знак, знамение, чудо», الله [Allah] – «бог» (в арабском языке такое словосочетание возможно, но не в значении «духовный титул»)» [Крысин 2000: 96]; «наоб – «1) титул правите-

лей, отколовшихся от империи Великих Монголов индийских провинций», «2) в Англии и Франции человек, быстро разбогатевший в колониях», от арабского نائب «заместитель» (в арабском языке и в заимствующих языках это слово имеет разные значения) [Крысин 2000: 462]; «райя – «податное сословие в бывшей султанской Турции», от арабского راية – «стадо», [rai] – «пастырь»» [Крысин 2000: 584] и многие другие.

В XIX–XX вв. в Европе и России наблюдается новый всплеск интереса к арабской культуре, искусству, философии.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилова Т.П. История арабской по происхождению лексики в русском языке (на материале памятников 12–18 вв.): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 183 с.

Добродомов И.Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – М., 1967. – С. 364–374. – Электронная версия – URL: www.philology.ru/linguistics2/dobrodomov-67.htm

Крачковский И.Ю. Арабская культура в Испании. – М.– Л.: АН СССР, 1963 – 32 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык, 2000. – 856 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2007. – 944 с.

Очерки истории арабской культуры V–XV вв. – М.: Наука, 1982. – 440 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. – М: Прогресс, 1971. – Т. 3 – 827 с.; Т. 4 – 576 с.

ПОНЯТИЙНЫЙ ПРИЗНАК 'ОТМЕТИНА, ПЯТНО НА ЛБУ ЖИВОТНОГО' АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО И КОСМОГОНИЧЕСКОГО ЛИНГВОКОНЦЕПТОВ

Ф.Ш. Бекмурзаева, А.А. Бакирова

В работе рассматривается общий понятийный концептуальный признак 'отметина, пятно на лбу животного' двух лингвокультурных концептов *лошадь/конь* и *звезда*. Анализируется историческая составляющая концептов, подчеркивается прямая и опосредованная (через концепт *звезда*) важность *лошади / коня* в жизни народа. Источниками для написания статьи послужили исторические, лексикографические и художественные материалы.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, понятийный признак, тюркизм.

The paper deals with the general conceptual sign 'mark, spot on the forehead of an animal' of two linguocultural concepts *horse* and *star*. The historical component of the concepts is analyzed, the direct and indirect (through the concept *star*) importance of the *horse* in the life of the people is emphasized. Historical, lexicographical and artistic materials served as sources for writing the article.

Keywords: linguocultural concept, conceptual feature, turkism.

Каждый язык отражает определенный способ концептуализации мира [Апресян, 2006]. Каждый язык запечатлел в себе национальный этнокультурный колорит, лексика которого исторически содержит в себе слова национального этнокультурного значения.

Основной единицей ментальности является концепт той или иной культуры, реализуемый в границах словесного знака в частности и языка в целом и представляющий в содержательных формах как образ, как понятие и как символ [Хроленко, 2005: 60]. Концепт признается базовой единицей культуры. Лингвокультурный концепт, в свою очередь, представляет вербализованный культурный смысл, семантическую единицу «языка» культуры, план выражения которой представляет языковой знак. «В структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Карасик 2004: 116].

Крылатое выражение, предположительно пришедшее из французского языка с многоликим авторством «Grattez le Russe, et vous verrez un Tartare» в переводе означающее «Поскреби русского — найдешь татарина», подтверждает этот факт в отношении русского языка, в котором особое место отводится тюркизмам.

Надо подчеркнуть, что история «тюркизации» русского языка носит спорный, в каком-то смысле, скептический характер, происхождение многих слов еще не выяснено, в среде ученых до сих пор не могут прийти к консенсусу.

По замечанию Е.А. Кожевниковой, «тюркизм, как любое исконное или заимствованное слово, – понятие историческое, а потому все его лексико-семантические связи (в том числе и синонимические) определяются функционально-стилистическим статусом,

характерным для хронологически определенного периода бытования в языке-рецепторе. «Прослеживание судьбы тюркизмов в русском языке позволяет говорить о том, что они не просто влились как безучастные свидетели процесса заимствования, а вступили во взаимодействие с исконными словами, сами подвергаясь перестройке и вызывая обратную перестройку в семном соотношении лексем» [Кожевникова 2009].

Например, слово *лошадь*, судя по словарным фиксациям, датируемым началом XII в. [Шапошников 2010: 482], появилось в русском языке позже, чем *конь* (XI–XVII вв.) [Шапошников 2010: 423] и «первоначально вошло как наименование по половому различию. Слово *лошадь* вскоре, однако, приобретает функции общеродового понятия, и в лексикографических источниках оба слова толкуются одно через другое. В синонимическом ряду, куда входят, кроме слов *лошадь* и *конь*, книжное, ироническое *буцефал*, народно-поэтическое *сивка*, крестьянское разговорное *савраска*, *кляча* (плохая), *скакун* (резвая), разговорное *одер*, книжное ироническое *росинант* (Александрова), тюркизм *лошадь* является доминантой. В современном русском языке слово *конь* чаще выступает в значениях «самец лошади», «верховой, воинский конь». Слово *лошадь* употребляется для обозначения общеродового названия животного, самки и тяглого животного; реже – для обозначения воинского, верхового коня» [Кожевникова 2009].

«Выступая в своих основных значениях в качестве нейтрально-стилевого обозначения, в переносном значении тюркизм приобретает сниженно-негативный характер. Через восприятие «плохой конь», «рабочий скот» словом *лошадь* в речевой ситуации называют неповоротливого, неуклюжего человека. В итоге стало стираться изначальное противопоставление слов *лошадь* и *конь* по половому различию и укрепляться различие функциональное и стилевое» [Кожевникова 2009].

Как утверждает И.Г. Добродомов, известный лингвист, автор ряда трудов, посвященных тюркизмам, ссылаясь на прилагательное «лошый» со значением «плохой», зафиксированное в русских говорах В.И. Далем в середине XIX века, «лошадью называлось животное похуже боевого коня, но для хозяйственных нужд и лошадь похуже сгодилась бы. И вот это тонкое противопоставление позволяет судить, что все-таки лошадь восходит к прилагательному «плохой», что-то вроде плохотушка» [Добродомов]. Произошло такое значение лишь в силу того, что слово хорошо укладывается в общую модель существительных, образованных с помощью суффикса *-адь-* от прилагательных.

Жизнь тюркского народа была связана с лошадьми. Как пишет А.М. Мандельштам, «если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни ее, то нашел бы, что он сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли» [Мандельштам 1956: 230]. В культуре тюркских народов образ коня / лошади глубоко уважаем и почитаем, и имеет особый статус, что а ргіогі связано с кочевым образом жизни, а позже – широким распространением сельскохозяйственных культур.

Для тюркского народа конь – существо тождественное человеку. «Очеловечивание» коня проявляется в именах. Например, в произведении Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» имя коня *Гульсары* состоит из двух корней *гуль* – *цветок* и *сары* – *желтый* (желтый цветок), обозначающий буланую масть коня. Каждое имя лошади раскрывает ее особенные черты. В произведении «Белое облако Чингисхана» конь наделен именем *Акжұлдуз*. Первое слово *Ак* в тюркских языках означает белый цвет. Этот цвет является символом чистоты, бессмертия, красоты, мечты, физическую силу. *Жұлдуз* – в переводе *звезда*.

В связи с особым статусом лошади, считаем важным рассмотреть концепты *лошадь* / *конь* и *звезда* с позиции общего понятийного признака ‘*отметина, пятно на лбу животного*’.

Под понятийными понимаются признаки, актуализированные в виде семантических компонентов (сем) в словарных дефинициях [Пименова 2004: 168] и на фактическом материале.

Отметины являются яркой особенностью лошадей и носят разные названия в зависимости от количества белых волосков на голове лошади. Большое пятно на лбу лошади принято называть звездой, маленькое – звездочкой (*У нее белая звезда во лбу. Она любила бегать с ним. За ней уже стали гоняться жеребцы, но она не давалась, убежала вместе с ним подальше от них.* Ч. Айтматов. Прощай, Гульсары!; *И все поразились: прищипывая своего звездолобого коня, из рядов выехал вперед сотник Эрдене. И, удерживая Акжұлдуза на месте, снова повторил громко, оборачиваясь на стременах к толпе: – Да, это я!...* Ч. Айтматов. Белое облако Чингисхана).

У концепта *звезда* данный концептуальный признак восходит к мотивирующему. Так, в словаре М. Фасмера предлагается следующее описание этимологии слова *звезда*:

«Праслав. *gvězda родственно лит. žvaigždė, žvaigždė, диал. žvaizdė, лтш. zvaigzne “звезда”, др.-прусск. svāigstan вин. ед. “сияние, свет, блеск”, далее – лтш. zvaigala “**корова с белым звездообразным пятном на лбу**”, лит. žvugulys “блеск, сверкание”, лтш. zaiguo^tie^s “блестеть” наряду с zvīguo^t “сиять”, греч. φοῖβος “блестящий, сияющий”; последний слог балт.-слав. слов содержит, вероятно, и.-е. *dhē- “ставить, класть”; лит. gaidrūs “светлый, ясный, чистый”, gaīšas “сияние света” и *žvaigždė».

«Слав. zvězda сравнивается с ирл. gead “**белое пятно на лбу у лошади**”. Слав. zvězda родственно осет. ævzīst / ævzestæ “серебро” < др.-осет. *zvestæ».

В современных толковых словарях среди дефиниций лексемы звезда мы находим: светлое пятно на лбу животного (Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой) (*Конь был рослый и статный с белой звездой на лбу*. Седых, Даурия), белое пятнышко на лбу лошади, коровы (Толковый словарь живаго великорусского языка Даля) (*Мерин гнед, звезда на лбу, правое ухо порото*).

Стоит отметить, что признак ‘отметина’ часто актуализируется предложно-падежной конструкцией во лбу (*У него, была очень высокая, белоногая лошадь Чайка. Гнедая, с белой звездой во лбу*. Солоухин. Смех за левым плечом; *Люся отчетливо увидела перед собой рыжей масти коня с серебряной гривой и серебряной звездой во лбу – худого до того, что, казалось, высохли даже копыта, и себя за ним – тоненькую, во что попало одетую девчонку, взмахивающую вожжами и подпрыгивающую на одной ноге, стараясь второй вдавить борону в землю*. Валентин Распутин. Последний срок (1970); *Догадлив был Колечище, снял уздечку, поцеловал белого коня в светлую звезду во лбу, наложил уздечку; встретнулся конь, заржал – отдалось в темных лесах за морем*. А.Ф. Вельтман. Светославич, вражий питомец Диво времен Красного Солнца Владимира (1837)).

Отметина встречается не только у лошади или коровы, но и у других животных (*Его черная, с белой звездой во лбу корова Зорька, всегда обычно смиренная, когда он доил ее, утром пошалила малость в стойке и опрокинула копытом подоюник*. Евтушенко. Ягодные места; *Чтобы не было скучно Мишке, завели ему товарища, щенка Дуная, такого же пухлого и лобастого, серого, с белой звездой во лбу*. Сергеев-Ценский. Медвежонок; *Из соединенной с избой подклети выступил черный вол, за волом, бэкая, выскочил серый с белой во лбу звездою баран*. Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010; *Коричневый, как шоколадка, носочки белые, во лбу белая звезда, белая грудь, грива белая, холеный, трепещущий, глаза ума и красоты нечеловеческой!* Татьяна Окуневская. Татьянин день (1998), (о теленке).

Л.П. Якубинский подметил, что «анализ значения слова ‘звезда’ ведет нас к значению ‘небо’, потому что в определенную и достаточно древнюю эпоху звезды, как и другие светила, воспринимались как части неба: для неба и для небесных светил употреблялось одно и то же слово» [Якубинский 1932]. Таким образом, связь между ‘лбом’ и ‘звездой’ параллельна связи между ‘небом’ и ‘головой’.

Однако, «связь ‘звезды’ и ‘лба’ в позднейшие эпохи могла осознаваться на новой основе; так, например, в эпоху уже сравнительно развитого скотоводства белая отметина на лбу животного получает название “звезды” (отсюда и такие клички как ‘звездун’, ‘звездуха’); при убое скота старались ударить именно по “звезде” (т.е. по лбу); ‘звездануть’ стало обозначать “нанести сильный удар по лбу”, а потом и вообще “нанести сильный удар”» [Якубинский 1932].

Таким образом, можно заключить, что лексема лошадь, тюркского происхождения, давно вошла в русский язык, полностью ассимилировалась в нем, приобрела понятийные признаки, одним из которых является ‘отметина, пятно на лбу животного’. Данный концептуальный признак был выделен в силу того, что он (через концепт звезда) свидетельствует и маркирует особую ценность и значимость лошади / коня в жизни народа.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 910 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Кожевникова Е.А. Тюркизмы в современном русском языке. Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». №1(2). – Май 2009 [Электронный ресурс]. URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 15.07.19).

Мандельштам А.М. Характеристика тюрков XIX в. в «Послании Фатху б. Хакану» аль-Джахиза // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1956. – Т. 1. – С. 227–250.

Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / под ред. М.В. Пименовой. – Вып. 4. – Кемерово, 2004. – 208 с.

- Радио свобода. Игорь Георгиевич Добродомов: Лошадь и конь. Тюркизмы в русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/369157.html> (дата обращения: 15.07.19).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
- Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 184 с.
- Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 584 с.
- Якубинский Л.П., Иванов А.М. О теоретической учебе писателя (1932) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/jacub/jacub2.htm> (дата обращения: 15.07.19).

ПРОБЛЕМЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МОКШАНСКИХ ГОВОРАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С.В. Богдашкина

В данной статье дается анализ появления и функционирования тюркизмов в мокшанских говорах: социокультурные условия заимствований из тюркских языков в мокшанские говоры. Рассматриваются семантические особенности и трансформация отдельных групп тюркизмов в мокшанских говорах.

Ключевые слова: лексика, мокшанские говоры, тюркизмы, заимствования, лексика, лексико-тематическая группа, грамматическое освоение.

This article analyzes the emergence and functioning of the Türkisms in Moksha dialects: the sociocultural conditions of borrowing from the Turkic languages into Moksha dialects. Semantic features and transformation of separate groups of Turkisms in Mokshan dialects are considered.

Keywords: vocabulary, Moksha dialects, Turkisms, borrowings, vocabulary, vocabulary and thematic group, grammatical development.

Одну из важнейших задач лингвистической науки составляет изучение проблемы взаимодействия языков.

Существуют различные средства обогащения языка. Часть из них, отражая внутренние возможности языка, относится к числу специфических, уникальных. Общеуниверсальными же для всех языков мира, независимо от типологических различий, являются заимствования. И нет ни одного языка, который был бы свободен от чужеродного, так как ни один народ не живет изолированной, обособленной жизнью.

Как замечает известный языковед Г.А. Климов: «Науке практически неизвестны гомогенные в структурном и материальном отношении языки, развитие которых протекало бы в изоляции от внешних воздействий» [Климов 1983: 78]. Заимствование является языковым отражением постоянно действующего процесса контактирования народов. Как невозможна жизнь государств, стран и народов без экономического, политического, культурного и других видов сношения, так и немислимо общение без обогащения языка. И чем длительнее контакт и сильнее потребность в нем, тем активнее воздействие языка-носителя обозначений перенимаемых реалий на язык заимствующий.

Заимствование не было явлением отрицательным, а напротив, обогащало языки, делало их более емкими и выразительными. Естественно, взятое извне входило в лексическую систему заимствующего языка, становилось семантически самостоятельным словом, подчинялось законам мордовской фонетики и грамматики, правилам словопроизводства.

Часть из заимствований пришла в лексику мокшанского языка и говоров вместе с новыми предметами, понятиями, значениями, появившимися благодаря общению с другими народами. Их употребление в языке обусловлено необходимостью дать наименование новому явлению действительности. «В данной ситуации, – как указывает Л.П. Ефремов, – несмотря на богатейшие внутренние возможности номинации, которыми располагает каждый язык, заимствование обычно предпочитается словообразованию, и иноязычное слово, вызывающее представление о называемой им вещи, используется для создания недостающей в языке лексической единицы» [Ефремов, 1974: 47].

Другая часть заимствований в мокша (мордовском) языке не связана с появлением новых реалий. Употребление данных слов сопровождается стилистической или семантической дифференциацией их с близкими по смыслу и употреблению исконными или ранее заимствованными лексемами. Следовательно, их употребление вызвано необходимостью уточнения содержания исконного слова или обозначения новых оттенков его значения.

Следует отметить, что самыми многочисленными заимствованиями в в мокшанском литературном языке и говорах, являются тюркизмы.

В современной науке исследований, посвящённых анализу тюркизмов в мокшанском языке ещё недостаточно. Исследования, разрабатываемые в рамках данной тематики, имеют ценность, поскольку Республика Мордовия является полиэтничным регионом. Происхождение элементов тюркских языков в мокшанскую речь чрезвычайно многообразно, но до сих пор оно ещё недостаточно полно раскрыто.

Тюркские заимствования в мордовских языках исследованы финским ученым Х. Паасоненом в работах: «Тюркские заимствования в мордовских языках» (1897), «Так называемые каратаи-мордвина или каратаи» (Паасонен 1902), А.П. Феоктистов «К вопросу мордовско-тюркских языковых контактов» (1965). Отдельные замечания о наличии тюркских заимствований в мордовских языках имеются в книге М.Е. Евсевьева «Основы мордовской грамматики» (1963). Кандидатская диссертация Н.В. Бутылова «Тюркские заимствования в мордовских языках» посвящена татарским и чувашским заимствованиям в мордовских языках (1998).

Ссылки на тюркское происхождение некоторых мордовских лексем даются в «Кратком этимологическом словаре мокшанского языка» (1981), в статье Д.В. Цыганкина «К этимологии некоторых слов» (1987), в словаре Д.В. Цыганкина, М.В. Мосина «Этимология валкс» (1998).

Как пишет А.В. Калинин, большая часть слов тюркского происхождения заимствована во время татарского нашествия (XIII–XIV вв.) [Калинин 1978: 15], вошли они в мокшанский язык как однозначные слова, обозначавшие конкретные, широко распространенные бытовые реалии. Тюркскими заимствованиями в мордовской лексике принято считать слова татарские и чувашские (в том числе и древнечувашские). Среди тюркских заимствований отмечены:

слова, связанные с обозначением растительного мира. В эту группу вошли слова, называющие культурные растения, высеваемые в огороде: имъш 'овощи, фрукты', куйар 'огурец', паз'ай 'конопля, посконь', иса 'ива', кушман', кьшма 'хрен', 'редька', комл'а 'хмель', тарат 'ветвь', 'сук' [Богдашкина 2013: 212];

слова, обозначающие предметы и явления животного мира. В данной тематической группе объединены заимствования, обозначающие диких и домашних животных, а также птиц: алаша 'лошадь', айъл 'подпруга', кил'д'ьмс, 'запруга', айгър 'жеребец', каР'ц'иган 'ястреб', курка 'индейка, индюк', с'аз'ган 'сорока', чавка 'галка' [Богдашкина 2013: 213];

слова, связанные с обозначением природных явлений и географических понятий. В эту лексико-тематическую категорию нами включены слова, обозначающие рельеф местности, атмосферные явления: акшь 'белый', ару 'чистый, ясный', давъл 'пурга, буря', д'оба, д'обан'а 'бугор, пригорок', 'холм', йон 'сторона', пакс'а 'поле', с'анг'ар'а 'зеленый (цвет)', такър 'гладкое, ровное, утопанное место', т'ус 'цвет, краска, вид, образ';

слова, обозначающие взаимоотношения людей. В данной тематической группе объединены слова, обозначающие взаимоотношения людей, понятия дружбы и знакомства: ад'ь, ар'ь 'пойдем', азьрг'дьмс 'нарывать, взбеситься, рассердиться', айг'рдьмс 'разойтись, досаждать, опротиветь', альшт'ьмс 'обмануть, ограбить', анък 'готовый, готово', араламс 'защищать', зийан 'вред, изъян, беда, ущерб', каршгк 'против, напротив, навстречу', конак 'гость', судардьмс 'переносить, терпеть' [Богдашкина 2013: 214];

слова, обозначающие людей, названия лиц по каким либо признакам. В данную лексико-тематическую группу мы объединили слова, обозначающие людей, названия лиц по каким-либо признакам: кашан 'изумленный, озадаченный, капризный', коз'а 'богатый, состоятельный', найан 'лукавый, хитрый, грубый, назойливый, пронирующий', осал 'худой, тощий, плохой', от'кър 'хитрый, ловкий', сокър 'слепой', таза 'здоровый, сильный', ц'эб'ар 'красивый, хороший', ц'олак 'ленивый, неловкий', эр'ьк, 'живой, бойкий' [Богдашкина 2019: 12];

слова, характеризующие семейные и родственные отношения и связи. Хотя терминология родственных отношений относится к наиболее архаичному пласту лексики, в говорах функционирует большое количество терминов родства и свойства, заимствованных из тюркских языков: авъз 'теща, свекровь', ат'а 'дед', балдс 'свояченица', баз'а 'своjak', жаба 'ребенок', куда 'сват', ц'ора 'сын, парень' [Богдашкина 2019: 11].

Анализ выше перечисленных групп слов показывает, что большинство из них в современных мокшанских говорах сохранили свое первоначальное значение.

ЛИТЕРАТУРА

Богдашкина С.В. Краткий обзор исследований по диалектной лексике мокшанского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета: науч. журн. – 2013. – № 9. – С. 212–221.

Богдашкина С.В., Надина А. Заимствованная лексика в атырьевском говоре мокшанского языка // Наука, образование, общество, Международная науч.-практич. конф. «Наука, образование, общество», 29 марта 2019 г.: [материалы]. В 2-х ч. Ч. 2. – Тамбов: Юком, 2019. – № 3-2(43) – С. 11–12.

Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования: учеб. пособие. – Алма-Ата, 1974. – 191 с.

Калинин А.В. Лексика русского языка: учеб. пособие. – 2-е изд., стереотипное. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 320 с.

Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. – М.: Наука, 1983. – 224 с.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ ТАТАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Р.М. Болгарова, Э.А. Исламова

Исследование сравнительных конструкций в рамках лингвокультурологии и когнитивной лингвистики касается проблемы соотношения всеобщего (универсального) и национально-специфического (уникального) в языковой репрезентации мира. Универсальные черты в эталонах и образных основаниях сравнений разных языков объясняются сходными условиями жизни и быта, культурно-исторической общностью и др. Национальная специфика отражается в стереотипных представлениях, зависящих от обиходно-культурного опыта представителей этноса.

В статье рассматриваются компаративные конструкции в татарском и русском языках, где эталоном сравнения выступают лексемы тематической группы «жилье»: *амбар, сарай, чулан*. Сопоставительный анализ сравнений позволяет сделать вывод о стилистической нейтральности рассмотренных лексем, их активном участии в образовании сравнительных конструкций исследуемых языков. Наблюдаются различия в семантике лексемы *сарай* в составе сравнений.

Ключевые слова: татарский язык, русский язык, сравнения, жилище, универсальное, уникальное.

The study of comparative constructions in the framework of linguoculturology and cognitive linguistics deals with the problem of correlation between universal and national-specific (unique) in the linguistic representation of the world.

The article deals with comparative constructions in the Tatar and Russian languages, where the standard of comparison are the lexemes of the thematic group «housing»: *ambar, saray, chulan*. Comparative analysis of comparisons in the studied languages allows us to draw a conclusion about the stylistic neutrality of the lexemes considered, their active participation in the formation of comparative constructions of both languages. There are differences in the semantics of the *Sarai* lexeme in the composition of comparisons.

Keywords: Tatar language, Russian language, comparisons, housing, universal, unique.

Национальная специфика сравнительных конструкций проявляется в национально обусловленных стереотипных представлениях, зависящих от обиходно-культурного опыта членов определенного языкового коллектива. «Семантика языкового знака, обладая сложной структурой, требует изучения всех компонентов этой структуры, их идентификации и описания. Здесь особый интерес представляют такие единицы лексической системы языка, в которых наиболее отчетливо проявляется связь лингвистического и экстралингвистического, зависимость семантического наполнения структуры значения от сознания человека как представителя определенной лингвокультурной общности» [Замалетдинов 2009: 37]. Сопоставительный анализ сравнений в татарском и русском языках, а также изучение функционирования заимствований в составе сравнительных конструкций позволяет выявить существование общих черт и специфических явлений в изучаемых языках [Болгарова 2016: 73–74].

Сопоставительное изучение лексики, как и всякое лингвистическое исследование, имеет дело с содержанием и формой, т.е. с выражаемым значением и формальными средствами. В области содержания языки демонстрируют большую близость, чем в области формы; это обусловлено общечеловеческим, универсальным характером познания.

Лексика любого языка делится на слова, которые обозначают общечеловеческие понятия, и слова, которые имеют национальное этнокультурное значение. К этнокультурной относят лексику материальной и духовной культур. Необходимость исследования лексики материальной культуры татарского и русского народов в совокупности диктуется

самим материалом, так как значительное место в лексике материальной культуры русского языка занимают заимствования из тюркских языков.

Также достаточно активно используется данный пласт лексики и в сравнениях русского языка [Болгарова 2017]. Особенно многочисленной и богатой символическими ассоциациями группой слов, выступающих в роли эталонов и образов, является лексика предметно-бытовой сферы. Рассмотрим компаративные конструкции, где эталоном сравнения являются лексемы тематической группы «жилье»: *амбар, сарай, чулан*.

Установим семантику, этимологию лексемы *амбар* по данным толковых, переводных, этимологических словарей татарского и русского языков.

АМБАР -а, м. Строение для хранения зерна, муки, припасов, а также товаров. // уменьш. амбарушка, -и, ж. // прил. амбарный, -ая, -ое (СРЯ 2003, 25). АМБАР диал. также онбар, имбар, и с метатезой арбан; <...> заимств. из тур., кыпч., крым.-тат., тат. Ambar <...> (ЭСРЯ 2004, 75);

АМБАР Амбар (ТРС 1950, 39; ТРС 1966, 35; ТРС 1988, 31); Иген, он һ.б. кирәк-ярак әйберләр саклый торган салкын корылма (ТТАС 2005, 40); 1. Амбар, житница; 2. закрот (ТРС 2007, 98).

Лексема *амбар* выступает эталоном сравнения в конструкциях для выражения сходства по разным признакам, например, по размеру и наполненности, по внешнему виду: *Ему казалось, что голова у него громадная и пустая, как амбар, и что в ней бродят новые, какие-то особенные мысли в виде длинных теней* [Национальный]; *Прежде было людно, теперь хоть мышей лови, как в пустом амбаре* [Национальный]. *Шулай аңлатыла ки, эгәр берәү шушы алты арышыннан күпкә арттырып йортын төзәсә һәм амбар кебек киң вә зур өйдә ягызы гына гомер кичерсә, Кыямәт көнендә ул бәндәгә авырлык килер* [Письменный]; *Ул вакытта поездда вагон эчләре буш амбар кебек иде: пычрак, яту өчен урын-жир бирмиләр, ашарга-эчәргә дә берни юк* [Письменный].

Лексема *сарай* также активно участвует в образовании компаративных конструкций и в русском языке чаще выступает эталоном сравнения в значении хозяйственного строения. Интересно отметить и тот факт, что в «Татарско-русском словаре» 1950 г. данное значение указано основным, а в более поздних словарях – дополнительным или переносным. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (2003 г.) дается одно значение:

САРАЙ, -я, м. Крытое строение для различного имущества, обычно без потолочных перекрытий (СРЯ 2003, 686);

САРАЙ уже у Арсен. Сухан., 1651 г., 120. Заимств. через тур., кыпч., уйг., тат. *sarai* «дом; дворец; каравансарай; комната для жилья; стойло; тележный сарай» (ЭСРЯ 2004, 560);

САРАЙ фар. 1) Сарай 2) Дворец, чертоги, хоромы (ТРС 1950, 210); 1. Дворец, хоромы, палата, замок; 2. разг. Сарай, дровяник; лапас (ТРС 1966, 469); (ТРС 2007, 217); Өлешчә яки бөтенләй ябык лапас һ.б.ш. хужалык каралтысы; 2. Бурап, күбесенчә идәнләп эшләнгән абзар; Патшалар, идарәчеләр, дөүләт башлыклары яши торган йорт. Зур, иркен эчле, зиннәтле шәп йорт (ТТАС 1979, 630); 1. Дворец, хоромы, палата; 3. Сарай, надворная постройка; 4. Хлев (ТРС 1988, 270); 1) Дөүләт башлыклары, патшалар һ.б.ш. яши торган зиннәтле йорт; 3) Зур, зиннәтле, иркен эчле күркәм бина; 5) күч. Хужалык каралтысы; 6) күч. Абзар, терлек каралтысы (ТТАС 2005, 463).

Данная лексема чаще служит для установления сходства по внешнему виду: *Чтобы оторваться от этих, хоть и дорогих, но все-таки тяжелых воспоминаний, я велел себе постелю приготовить в зале, как самой пустой комнате и более похожей на сарай, чем на жилое место* [Национальный]; *Сонина комната походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое* [Национальный]. *Иләс-миләс дигәч тә, һаман бер үк манзара күренә Мөхәммәдьяр картның күзенә: имеш, ул үзенең сарай кебек катлы-катлы, затлы-затлы йортында болын кебек киң түшик өстендә ята...* [Письменный]; *Алда, нәкъ аның тәрәзәсе турысында, жәүһәр-якутлардан салынган әкияттәге сихри сарай сыман, кап-кара күк фонында, һавага ашкан университет бинасының якты утлары балкый* [Письменный].

В составе сравнительных конструкций встречается также лексема *чулан*. Данные словарей:

ЧУЛАН, -а, м. Помещение в доме, служащее кладовой (СРЯ 2003, 868);

ЧУЛАН уже в Домостр. К. 42, Заб. 114. Вероятно, в значении «перегородка» заимств. из тюрк.; ср. алт., тел., лэб. *culan* «загон для скотины» (Радлов 3, 2175), тат. *solan* «чулан, кладовая»; < > (ЭСРЯ 2004, 380);

ЧОЛАН Чулан (ТРС 1950, 284); 1) Чулан, клеть; 2) Сени (ТРС 1966, 1066); Авыл һәм кайбер иске шәһәр йортларында кеше яши торган бүлмәләр белән болдыр арасындагы

корылма (ТТАС 1981, 439); Авыл йортларында ягылмый торган кечерэк бүлмә (ТТАС 2005, 657); 1) Чулан; комнатка в сенях, перегороденная дощатой перегородкой; кладовка; 2) сени; 3) диал. Граница, самая большая комната в доме (ТРС 2007, 581).

Данная лексема выступает в компаративных конструкциях эталоном сравнения чаще для выражения сходства по внешнему виду: *Настасья Петровна проходит в зал, оттуда коридором в свою комнату, оттуда в темную комнатку, вроде чуланчика, где стоят сундуки, развешана кой-какая одежда и сохраняется в узлах черное белье всего дома* [Национальный]; *Сначала была отведена комнатка, крошечная, почти чуланчик, для нее, но потом и этот чуланчик она отдала дочери* [Национальный]. *Шулай итеп, чолан кебек шыксыз бүлмәсенә кайтып керер Мәрьям* [Письменный]; *Менә шул кеше редакция коридорының караңгы бер башындагы кечкенә чолан шикелле кассаның бәләкәй генә тәрәзәсеннән безгә ведомостька кул куйдырып, акча бирә торган иде* [Письменный].

В результате исследования мы пришли к выводу, что рассмотренные нами лексемы стилистически нейтральны, активно участвуют в образовании сравнительных конструкций как татарского, так и русского языков. В основном семантика рассмотренных тюркских заимствований в современном русском языке соответствует источнику, кроме лексемы *sarai*, которая употребляется в значении хозяйственного строения, а в татарском языке чаще – в значении дворца. В отличие от заимствований из других языков, тюркизмы в русском языке чаще представлены названиями, относящимися к материальной культуре, и данные лексемы до сегодняшнего дня сохраняют статус основного средства номинации данных реалий.

ЛИТЕРАТУРА

Болгарова Р.М., Исламова Э.А. Этнокультурная специфика сравнений в татарском и русском языках // Татарское языкознание в контексте Евразийской гуманитарной науки: материалы Международной научно-практической (Казань, 1–4 ноября 2016 г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 73–76.

Болгарова Р.М., Исламова Э.А. Особенности функционирования тюркизмов в сравнениях русского языка // Филология и культура. – 2017. – №2 (48). – С. 24–31.

Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. – Казань: Магариф, 2009. – 351 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/>

Письменный корпус татарского языка. URL: <http://www.corpus.tatar>

СОКРАЩЕНИЯ

ТРС – Татарско-русский словарь (издания 1950, 1966, 1988, 2007 гг.)

ТТАС – Татар теленен андатмалы сүзлеге (3 тома – 1977, 1979, 1981 гг., 2005 г.)

СРЯ – Словарь русского языка (2003 г.)

ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка (2004 г.)

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ МИРА

Л.В. Борисова

Работа посвящена сопоставительному лингвокультурологическому исследованию семантики лексем, составляющих кластер «рыбы» в русском и чувашском языках. Слова данной лексико-семантической группы занимают важное место в фаунистическом коде лингвокультуры, позволяют выявить определенные национально-культурные особенности языкового моделирования мира.

Ключевые слова: коннотация, культурный код, лингвокультурология, менталитет, языковое моделирование мира, этнос.

The work is devoted to comparative linguistic and cultural studies of the semantics of lexemes that make up the cluster of «fish» in the Russian and Chuvash languages. The words of this lexical-semantic group occupy an important place in the faunistic code of culture, allow to identify certain national and cultural features of language modeling of the world.

Keywords: connotation, cultural code, cultural linguistics, mentality, linguistic modeling of the world, ethnosc.

Сопоставительные лингвокультурологические исследования, проводящиеся в рамках антропоцентрической парадигмы, относятся к числу актуальных, перспективных направлений современного языкознания. Они позволяют выявить специфику национального миро-

восприятия [Борисова 2012; Борисова 2016], этнокультурные особенности языкового сознания [Борисова 2013].

Особый интерес в этом отношении представляет исследование фаунистической лексики, поскольку есть основания говорить о фаунистическом коде лингвокультуры [Борисова 2018]. К лингвокультурологическому анализу определенных групп этой лексики мы уже обращались в ряде своих работ [Борисова 2010; Борисова 2011]. Объектом настоящего исследования являются еще не подвергавшиеся специальному изучению в данном аспекте лексемы, составляющие кластер «рыбы» в русской и в чувашской языковых картинах мира.

И в русской и в чувашской языковых картинах мира ассоциативная связь рыбы (чув. *пуля*) и человека представлена как в сравнениях, так и в метафорах, символах, аллегориях. Сравните русские и чувашские поговорки: *Рыба с головы гниёт; Пуля пулла снет, этем этеме снет* '(чув. посл.) Рыба поедает рыбу, а человек грызёт человека'; *Пуля шывран хярамасть* '(чув. посл.) Рыба воды не боится'.

Только в русской лингвокультуре с рыбой ассоциируется человек бесстрашный, холодный, а также вялый, медлительный человек. Сравните выражение *рыбья натура*.

В традиционной русской культуре **белорыбица** и **плотва** характеризуются женской символикой. В русских народных песнях эти рыбы выступают в качестве символов невесты. Сравните строки из русских народных песен: *Рыбинка-плотичка, не лягайся, не лягайся! / Что и Марья-душа, догадайся, догадайся! / Что Ивановна, догадайся, догадайся! / Хотят тебя раскрывати, раскрывати, / На все люди показати, показати!* Женской символикой в чувашской культурной традиции обладает **карась** (чув. *карас*). Сравните строки из чувашской народной песни: *Карай кўлли карас кўлĕ, / Карас кўлре карас пур, / Карас пулян хуппи пур, / Карай хĕрĕсен тенки пур* 'Карайское озеро – это озеро карасей, / У этих карасей богатая чешуя, / У девушек этой местности богатые металлические украшения *тенге*'.

С **осетром** в русских поговорках сравнивается глупый человек. Примеры: *Глуп, как осётр; Просит осётр дождя, в Волге лежа*.

С тихим, смиренным, безобидным человеком, а также с человеком слабым, невлиятельным в русском языковом сознании ассоциируются **окунь** (*Ёри окуню не товарищ*) и такие представители карпообразных, как **карась** (*На Руси не все караси, есть и ерши*), **линь** (*Ходи, как линь, по дну и воды не замути*), **пескарь** (*Пескарь щуки не слопаёт*), **плотва** (*Все ерши, а плотвички ни одной*). В чувашской культурной традиции аналогичные ассоциации вызывает другой представитель карпообразных – **голавль** (чув. *партас*). Сравните: *Вĕтĕ пуля хушшинче партас та патша* '(чув. посл.) Среди мелких рыб и голавль – король'.

Ёрш (чув. *кăртăш*) в русской культурной традиции символизирует человека, который может за себя постоять в любой ситуации, может дать достойный отпор любому обидчику. В качестве примера можно привести следующие русские поговорки: *На ершах и щуки давятся; Мал ёрш, да колюч*. И в русской, и в чувашской языковых картинах мира ёрш вызывает ассоциации с задиристым, неуступчивым человеком. Сравните семантику русских лексем *ершистый*, *ершистый* и чувашской лексики *кăртăш* '1) ёрш; 2) (перен.) задира; задиристый'.

Символом хищника в языковых картинах мира обоих народов является **щука** (чув. *çăрттан*). Примеры: *Щука умирает, а зубы оголяет; Уснула щука, да зубы не снят; Кўлĕри çăрттан ытти пулясене хай апачĕ вырăнне кăна хурат* '(чув. посл.) Щука всех остальных озёрных рыб считает лишь своей едой'. И в русской, и в чувашской традиционных лингвокультурах щука характеризуется мужской символикой. В русских народных свадебных песнях используется параллель *щука // жених*, а в чувашских народных песнях встречается выражение *пирĕн атте – çăрттан пуля* 'наш батюшка – рыба щука'.

В русской языковой картине мира широко распространенным символом хищника является также **акула**. Сравните: *акулы пера, акулы бизнеса*.

Ловкого, расторопного, пронырливого человека, подхалима и льстеца в русской культурной традиции символизируют змеевидные рыбы **вьюн** и **угорь**. Для подтверждения этого положения приведем в качестве примера русскую поговорку «*угря, и не маслив руки, упустишь*» и высказывание М. Нагого из произведения А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»: «Да, к этому *вьюну* не придерешься! Поддакивает, кланяется, бес, а все-таки поставит на своем!». В чувашском языке наименования угреобразных рыб культурной коннотации не имеют.

С карпообразными рыбами воблой и таранью в русском языковом сознании ассоциируется худощавость. В качестве примера приведем русские поговорки: *Худ как вобла; Костлявая девка – тарань рыба.ол*

Только в чувашской языковой картине мира культурная символика характерна для представителя трескообразных **налима** (чув. *шампа*). Эта лексема в чувашском языке выражает переносное значение 'обжора, ненасытная утроба', в этом значении слово является бранным. Примеры: *шампа хырӑм* '(бран.) обжора', *эрех шампи* 'пьяница'.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что одни и те же объекты внешнего мира могут весьма своеобразно преломляться в языковом сознании различных народов, вызывать специфические ассоциации, приобретать существенно отличающиеся в различных языках приращения смысла, обусловленные национальной культурой коннотации. Все это нуждается в серьезном научном изучении, поскольку именно такие исследования приближают человечество к разгадке языкового кода культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова Л.В. Лексико-семантическая группа «дикие животные» как один из фрагментов языковой картины мира (русские, чешские, английские и чувашские параллели) // Вестник Чувашского университета, 2010. – № 4. – С. 193–198.

Борисова Л.В. Лингвокультурологический анализ названий птиц отряда соколообразных (русско-чувашские параллели) // Филология и культура, 2011. – № 3 (25). – С. 147–152.

Борисова Л.В. Мир сквозь призму языка (русско-чувашские параллели) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева, 2012. – № 3 (75). – С. 21–24.

Борисова Л.В. Об этнокультурных особенностях языкового сознания // Вестник Чувашского университета, 2013. – № 1. – С. 137–142.

Борисова Л.В. Отражение национально-культурных особенностей мировосприятия в коннотации лексических единиц (на материале русского и чувашского языков) // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии. Материалы Международной научно-практической конференции / под редакцией Р.Р. Замалетдинова, Т.Г. Бочиной, Е.А. Горобец. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 66–68.

Борисова Л.В. К вопросу о фаунистическом коде лингвокультуры // Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации. Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, 2018. – С. 16–19.

ТАТАР ТЕЛЕНЕЦ ДИАЛЕКТЛАРЫНДА КҮПМӘГҖНӘЛЕЛЕК КҮРЕНЕШЕ

Ә.К. Булатова

Диалектная лексика, как и литературный язык, характеризуется разного рода системными отношениями. В ней находит отражение все многообразие семантических связей слов: имеются однозначные и многозначные слова, антонимы, омонимы, синонимы и др. В данной статье рассматривается полисемия диалектной лексики татарского языка.

Ключевые слова: лексика, татарский язык, диалектизмы, полисемия, семантика, говор, литературный язык, диалект.

Dialect vocabulary, like literary language, is characterized by various systemic relationships. It reflects all the diversity of semantic links of words: there are single-valued and multi-valued words, antonyms, homonyms, synonyms, etc.

Keywords: vocabulary, Tatar language, dialectisms, polysemy, semantics, dialect, literary language, dialect.

Тел һәрдаим үзгәрәп һәм яңарып торучы система буларак тасвирлана ала. Әдәби тел кебек үк диалекталь лексика да система мөнәсәбәтләре белән характерлана. Анда сүзләрнең семантик бәйләнешләренең барлык төрләре һәм үзенчәлекләре чагылыш таба: бер һәм күп мәгънәле лексик берәмлекләр, синонимнар, антонимнар, омоним сүзләр һ.б.

Телдә кулланыла торган сүзләрнең барысы да диалекталь күп мәгънәле булырга омыла. Полисемия – сүзнең бер-үк вакытта бер-берсе белән бәйлә берничә мәгънәгә ия булу семантик үзенчәлеге [Татар лексикологиясе 2015: 95]. Лексик категория буларак полисемия бер үк сүзнең формалары ярдәмендә бер-берсе белән семантик мөнәсәбәттә торган мәгънәләрдән төзелә. Әлеге мәгънәләр лексик берәмлекнең текстта нинди позициядә булуыннан чыгып цикләнәләр.

Телдә күпмәгънәлелек билгеле бер семантик закончалыклар буенча яңадан-яңа тотрыклы төшенчеләр, мәгънә төсмерләре килеп чыгуга нигезләнә. Сүз үзара бәйләнгән лексик-семантик вариантлар жыелмасыннан гыйбарәт, әлеге лексик-семантик вариантлар

бер-берсе белән семантик ияртүле бәйләнеш белән якынаялар һәм аерым иерархик берлекне тәшкил итәләр [Булатова 2018: 87]. Төп һәм икенчел семалар арасындагы бәйлелек кайвакыт үзгәрергә дә мөмкин, кайбер очракта беренчел һәм икенчел мәгънәләр урыннарын алмашалар.

Сүз, төрле контекстларда кулланылып, күпьяклы мәгънә төсмерләренә ия була ала, башкачарак әйтсәк, күп мәгънәле сүзгә әйләнә. Шулай ук вакытта әлеге лексик-семантик вариантлар белән беренчел сема арасында урта мәгънә бәйләнеше сакланып кала. Әлеге бәйләнеш вакытлар үтү белән бөтенләй сиземләнми башларга да мөмкин. Бу очракта омонимия күренеше барлыкка килә.

Күп мәгънәле сүзләрнең төп (беренчел, туры) мәгънәләрен аерганда, аерым семаларның парадигматик һәм синтагматик бәйләнешләре исәпкә алына. Төп мәгънәләр парадигматик яктан бәйлә, синтагматик яктан ирекле булалар. Бу исә төп мәгънәнең контекстка карата бәйсез сема булуын ачык чагылдыра.

Әлеге мөкаләбездә без татар теленең диалекталь лексикасының күпмәгънәлеге тукталып үтәбез. Тикшеренү татар теленең аңлатмалы сүзлекләре һәм «Татар теленең зур диалектологик сүзлеге» материалларына нигезләнеп алып барыла.

Диалекталь сүзнең семантик структурасы үзенчәлекләргә ия. Әлеге аермалылар диалектизм һәм аңа туры килгән әдәби тел сүзләренең мәгънәви парадигмаларын чагыштырып анализлаудан ачыклана. Мәсәлән, *агач* лексик берәмлегенең татар телендә түбәндәге лексик-семантик вариантлары бар: 1) 'төп сабагы каты кәүсә, ботакалары ябалдаш хасил иткән каты үзгәчләрнең гомуми атамасы'; 2) 'әйберләр ясауга һәм төзелеш эшләренә китә торган материал; үзгәч'; 3) 'элгеч хезмәтен үти торган, шул материалны юнып эшләгән чөй, таякчык'. Шулай ук гади сөйләмдә сүз 'аңгыра, миңгерәү, надан' күчерелмә метафорик мәгънәдә дә кулланыла. Лексик берәмлекнең тарихи үсеше дәверендә 'ераклык үлчәү берәмлеге; ачык жирдә агач күренерлек ара' мәгънәсе булган. Әмма әлеге сема хәзергә көндә кулланылмый диярлек, мәгънә тараюы күренеше күзәтелә. Татар теленең диалектларында әлеге сүзнең өстәмә мәгънәләре яшәп килә. Себер диалектында, шулай ук мишәр диалекты мөлакаәс сөйләшкәндә *агач* (фонетик варианты – *агац*) 'бүрәнә' мәгънәсендә кулланыла. Мишәр диалектының карсун сөйләшкәндә шулай ук 'шырпы (заноза)' лексик-семантик варианты да бар. Бу очракта без бердәм диалекталь күпмәгънәлелек турында сүз йөртә алабыз, чөнки әлеге мәгънәләр бер яки бер төркем сөйләшләрдә кулланыла. Шуны да әйтәрә кирәк, әлеге семалар әдәби телнең лексик-семантик вариантлары белән беррәтлән файдаланыла. Әдәби тел дә һәм диалектларның барсында да 'биек булып үсә торган каты кәүсәле, ботакалары ябалдашланып торган күпьяклы үсемлек' сема төп номинатив мәгънә булып санала.

Бүкән сүзе диалектларда шулай ук өстәмә семантикага ия. Әдәби телдә ул түбәндәге семалар җыелмасын тәшкил итә: 1) 'юан агачның яки бүрәнәнең кисеп алынган очы, бүрәнә башы; юан агачларны тураудан барлыкка килгән кисәк'; 2) 'металл һ.б.ш. материалдан бүкәнгә охшатып эшләнгән жайланма'; 3) 'арба тәгәрмәченең уртадагы, күчәргә кидерелә торган өлеше'. Сүз шулай ук 'булдыксыз, аңгыра кеше' һәм 'кыска буйлы, юан, авыр хәрәкәтле кеше' күчерелмә мәгънәләрендә кулланыла. Әлеге семалар бары тик гади сөйләм контекстында гына очарга мөмкин. Лексик берәмлек урта диалектның мамадыш, бөрә, минзәлә, пермь, красноуфим, бәрәңгә сөйләшләрендә 'артсыз урындык' мәгънәсендә йөри; тархан, эчкен, златоуст сөйләшләрендә гомумән барлык төр урындыкларны аңлата.

Диалектизмнарның, әдәби тел сүзләреннән аермалы, зуррак семантик күләмгә ия булуларына тагын бер мисал китерик. *Жәнлек* сүзе 'тиресе, ите, йоны өчен аулана яки аерым бер урында тотып үрчетелә торган кыргый хайваннарның гомуми исеме; жанвар, киек' номинатив мәгънәсендә кулланыла. Шулай ук 'барлык төр хайваннарның гомуми атамасы' мәгънәсе дә бар. Бу очракта мәгънә тараю күренеше барган, чөнки әлеге сема номинатив мәгънә булудан туктап, икенчел лексик-семантик вариантка күчкән. Татар теленең урта диалектының минзәлә, пермь сөйләшләрендә, мишәр диалектының стәрлетамак сөйләшкәндә әлеге сүз (вариантлары – *жәннек*, *йәннек*) 'терлек-туар, мал' мәгънәсендә, пермь, шулай ук нагайбәк керәшеннәре сөйләшләрендә 'кош-корт' лексик-семантик варианты да бар.

Билгеле булганча, татар әдәби телендә *ил* сүзе күп мәгънәле, ул туры мәгънәләр белән бергә күчерелмә мәгънәләргә дә ия: 1) 'билгеле бер идарә органы, хөкүмәт булган дәүләт, мәмләкәт'; 2) 'өлкә, край, республика, жөмһүрият'; 3) 'туган-үскән жир, Ватан'; 4) 'халык, бер төбәк халкы'; 5) 'солых, тынычлык; татулык, дуслык'; 6) 'кешенең эчке кичерешләре белән тудырылган дөнъясы'. Урта диалектның бер төркем (мамадыш, балтач, минзәлә, богырыслан, златоуст) сөйләшләрендә, шулай ук мишәр диалектының хвалын,

кузнецк, карсун авылы, шарлык сөйләшләрәндә *ил* сүзе ‘авыл, торак пункт’ мәгънәсенә ия; касыйм, пермь сөйләшләрәндә әлегә мәгънәгә капма-каршы ‘чит жир, чит авыл’ сөмәсы да бар. Урта диалектның мамадыш сөйләшәндә әлегә лексик берәмлекнең шулай ук ‘юнәлеш, як’ мәгънәсе яшәп килә.

Югарыда китерелгән күзәтүләрдән түбәндәгә нәтижә ясарга мөмкин. Күпчелек диалектизмнар үзләренәң туры һәм икенчел, күчерелмә мәгънәләрен үстереп, зур семантик күләмгә ия булалар. Диалекталь сүзләренәң семантикасы үзгәрешә әдәби тел һәм шулай ук күршә сөйләшләр йогынтысында барырга мөмкин, шул рәвешләчә, сүзләренәң яңа икенчел мәгънәләр һәм мәгънә төсмерләре барлыкка килә. Хәзергә вакытта диалектизмнарның күпмәгънәләгә, күбесенчә, диалекталь сүзләренәң үз сөмәларына кушылып, әдәби телдә индә яшәп килгән мәгънәләр сөйләшкә кереп китү юлы белән барлыкка килә.

ӘДӘБИЯТ

Әхмәтиянов Р.Г. Татар теленәң этимологик сүзләгә: Ике томда. – Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. Т. 1. – 543 б; Т. 2. – 567 б.

Булатова А.К. Полисемия в современном татарском литературном языке. – Казань: ИЯЛИ, 2018. – 108 с.

Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: (мишарский диалект). – М.: Наука, 1978. – 271 с.

Рамазанова Д.Б. Вопросы татарской диалектологии. – Казань: Алма-Лит, 2008. – 271 с.

Сагдеева Ф.К., Хусаинова А.Я., Булатова А.К. Ключевое слово культурного концепта // Казанская наука. – 2019. – № 2. – С. 130–132.

Татар лексикологиясе: 3 томда / авт.: М.З. Зәкиев, Г.Р. Галиуллина, Р.Ф. Фәттахова, Ә.К. Булатова / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. 1. – 352 б.

Татар теленәң аңлатмалы сүзләгә. – Казан: Магбугат йорты нәшрияты, 2005. – 848 б.

Татар теленәң аңлатмалы сүзләгә: 6 томда. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. 1. – 712 б.; Т. 2. – 2016. – 748 б.; Т. 3. – 2017. – 744 б.

Татар теленәң аңлатмалы сүзләгә: 3 томда. / төз.: И.А. Абдуллин, Г.Х. Ахунжанов, Ф.М. Газизова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – Т. 1. – 475 б.; Т. 2 / төз.: И.А. Абдуллин, Г.Х. Ахунжанов, С.Б. Вахитова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 726 б.; Т. 3 / төз.: И.А. Абдуллин, С.Б. Вахитова, Ф.М. Газизова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 832 б.

Татар теленәң зур диалектологик сүзләгә / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыйкова, Т.Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

Хусаинова А.Я. Особенности изучения татарских переселенческих говоров // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы материалы VII Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 366–369.

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ЧЕЛОВЕКА В КУРМАНТАУСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

М.Р. Булатова

Данная статья посвящена исследованию некоторых лексических особенностей курмантауского говора среднего диалекта татарского языка, который распространен в центральной части республики Башкортостан. В частности, рассматриваются лексемы, связанные с физиологической, психологической характеристикой человека и его действиями. Анализ лексем ведется в сравнительном плане с литературным языком, а также с другими татарскими говорами и тюркскими языками.

Ключевые слова: татарский язык, диалектология, средний диалект, курмантауский говор, Башкортостан, лексика.

This article is devoted to the research of some lexical features of the Kurmantau subdialect of the middle dialect of the Tatar language, which distributed in the central part of the Republic of Bashkortostan. In particular, the lexemes are considered that are associated with the physiological, psychological characteristics of a person and his actions. The analysis of lexemes is conducted in a comparative plan with the literary language, as well as with other Tatar dialects and Turkic languages.

Keywords: the Tatar language, dialectology, middle dialect, Kurmantau subdialect, Bashkortostan, lexis.

Татары Башкортостана по численности занимают треть населения республики. Они проживают в населенных пунктах, относящихся к двум диалектам: а) среднем – белебеевский, янаульский подговора мензелинского говора, бакалинский подговор кряшен, бирский, златоустовский, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский, пританыпский, уча-

линский говоры и б) западном (мишарском): байкибашевский и стерлитамакский говоры. Среди них курмантауский говор – впервые выявленный и исследованный автором (2012 г.) один из татарских говоров среднего диалекта, который распространен в центральной части Республики Башкортостан [Булатова 2016; Булатова 2018]. По составу языковых особенностей курмантауский говор стоит между белебеевским подговором мензелинского говора и златоустовским говором среднего диалекта татарского языка. В ходе формирования курмантауского говора сложилась и характерная для него лексико-семантическая система. Основу его составляют общетатарские слова.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что в курмантауском говоре выделяется группа диалектизмов, совпадающих по фонетическому звучанию корня с соответствующими словами татарского литературного языка, но отличающихся а) либо по семантике, б) либо по морфологическому образованию, т.е. являющимися лексико-синтаксическими или морфологическими вариантами. Например:

А) *Жай* – кроме лит. ‘жай’ 1) порядок, 2) покой, 3) возможность, 4) основание, выход’, в курмантауском говоре употребляется и в значении ‘медленно’: *Жай эшлә* ‘Медленно работай’;

Бәс – кроме лит. ‘иней, изморозь’ в курмантауском говоре означает и ‘коричневый цвет’ (по тат. *көрән, коңгырт*);

Эссе – кроме лит. *эссе (көн)* ‘жаркий (день)’, означает и *кайнар (чэй)* ‘горячий (чай)’ и др.

Б) *Кыстырма* – в лит. *кыстыргыч* ‘прищепка’; *тегемсе / тегевсе* – лит. *тегуче* ‘портной, швея’; *картамай* – лит. *бабай / дәү эти* ‘дедушка’ и др.

В курмантауском говоре довольно богато представлена диалектная лексика, обозначающая психологическую характеристику человека. Психологическая картина человека отражается в лексических единицах, в которых выделяются интеллектуальные особенности, различные особенности характера, речь, социально-экономическое положение и др. В данном говоре ряд диалектизмов представляет фонетические варианты литературных эквивалентов. Некоторые названия, общие с татарским литературным языком, в говоре приобрели несколько иной семантический оттенок. Однако, наблюдается ряд слов, употребляющихся лишь в курмантауском говоре и не зафиксированных в других говорах татарского языка.

Ниже приведем некоторые лексемы, обозначающие **характер и душевное состояние человека** в курмантауском говоре.

Бүсмәт 1) ‘медлительный’, 2) ‘толстый’. По нашему мнению, второе значение образовано от основы *бус*: в татарском литературном *буселу* ‘растолстеть’, в татарских диалектах *бусәю* ‘вздуться’.

Бытбылдык ‘болтун, балаболка’. Отметим, что в курмантауском говоре еще имеется с оглушенным вариантом слово *пытпылдык / пытый* ‘вид сельскохозяйственной техники, маленький трактор’.

Жайман ‘медлительный’. *Әнә, безнең жайманыбыз да килеп җитте* (в курмантауском говоре – далее: крмн.) ‘Вон, наконец-то, наш медлительный приехал’.

Җапақ – кураючан, мактанчык ‘кривляка, любящий важничать, хвастаться; заносчивый’. *Рәмис җапақланырға йарата иде* (крмн.) ‘Рамис любил важничать’. В таком же значении в других говорах среднего диалекта татарского языка известны слова: *куқыр, қотан, өлтөк, қупаннау* ‘любящий важничать, важный’ – в златоустовском; *қупайыу* ‘кичиться, возомнить о себе’ – каргалинском, златоустовском [Булатова 2016: 220; Большой 2009: 427]. Сравни: (далее – Ср.): в башкирском литературном *қупыр*, южном диалекте башкирского языка *қутық* ‘заносчивый’, западном диалекте башкирского языка *қутық, қутым* ‘хвастун (о женщинах)’ [Словарь 1970, II: 149; Словарь 1987, III: 119].

Җоны^о – бирән ‘обжора’: *Җунақта қоноланып утырма!* (крмн.) ‘В гостях не обжорничай!’. В других говорах и языках данный термин употребляется в других значениях: ичкинском *қоно* ‘деловитый, ловкий’, тоболо-иртышском диалекте, пермском *қоно*, нукратском *қыны* – ‘рысь’, восточных диалектах татарского языка *қоны* ‘росомаха’; в восточно-тюркских языках – алтайском *куну*, хакасском *хуну*, шорском *кунучак* ‘дикое животное из семейства кошачьих’ [Булатова 2016: 221]; башкирских диалектах *қоно* ‘бобр’ [Словарь 1970, II: 144].

Кызрас – кызучан кеше ‘вспыльчивый, горячий’.

Җырмыш – саран ‘жадный, жмот’. Ср.: в других татарских говорах *қырмыш / қыркын* ‘скупой, скряга, скупердяй, прижимистый’; турбаслинском *қырмыш*, златоустовском *қатымыш*, заказанской группе говоров *қытан* – ‘жадный’ [Большой 2009: 400, 702].

Өтөк – мактанчык ‘хвастун’. В татарском литературном языке и говорах имеется 6 значений данной лексемы: ‘палённый’, ‘изношенный, затрёпаный, короткий (об одежде)’, ‘отрубленный (о хвосте)’, ‘непривлекательный, неполноценный (о человеке)’, ‘куцый, урезанный (конституция и др.)’; в пермском *өтөк* ‘горести и печали’, мензелинском, красноуфимском от слова *үтүк* ‘утюг’ [Татарско-русский 2007, II: 121; Большой 2009: 514]. Ср.: *өтөк* – в башкирском литературном ‘торопливый’, ‘гарь’, ‘заморыш’; башкирских диалектах ‘бедняга, жалкий; суетливый (о чел.)’ [Словарь 1987, III: 151]. Как мы видим, значение ‘хвастун’ слова *өтөк* зафиксировано только в курмантауском говоре.

Сәмсел – узышучан, ярышучан ‘любитель превосходить; обогнать, опередить кого-либо, любящий соперничать’. Например: *Электән Қормантау кешеләре сәмселләр – кем узардан дөһия кәтәләр* (крмн.) ‘Издавна жители дер. Курмантау были любителями соревноваться – жили, трудились, стараясь опередить друг друга’. В других татарских говорах встречаются следующие фонетические варианты: мензелинском, стерлитамакском, бугурусланском *чәм* ‘обида, огорчение; стыд, позор’; белебеевском подговоре, каргалинском *чәм* ‘душевный подъем, желание, азарт’; каргалинском, мензелинском *чәмчел* ‘человек, необоснованно настаивающий на своем’; бугурусланском, мензелинском, стерлитамакском *чәмне* ‘обидчивый, униженный, считающий себя опозоренным’, *чәмнәнү* ‘соревноваться с кем-либо, завидовать’ [Булатова 2016: 222; Татарско-русский 2007, II: 565].

Тарават ‘очень щедрый, великодушный человек’. По нашему мнению, заимствован из русского слова тароватый ‘щедрый’. *Ғыйлмаймал тарават булган: кеше эйбер соран килсә, йәлләп тормаган, вис биреп сыгарған* (крмн.) ‘Гилмаймал была очень щедрой: кто что бы не попросил, не жалела, все отдавала’ [Булатова 2016: 222].

Тешилән ‘немногословный, молчаливый человек’. В других татарских говорах среднего диалекта: бирском, мензелинском, нагорных говорах *тешиләк*, лаишевском *дәшимәки* ‘молчаливый человек’ [Большой 2009: 167, 630].

Туйтаңаған / қыйшағнаған (кыз) ‘кокетка’. Например: *Туйтаңаған қыды бийергә йаратайы* (крмн.) ‘(Ее) дочка-кокетка любила танцевать’ [Булатова 2016: 222].

Үткер – үткен ‘хваткий, ловкий; острый на язык’.

Хөрәйрә ‘высокомерный, гордец; свободный, независимый, вольный’. *Күктән төшкән хөрәйрә мени – әллә кем булып тора* (крмн.) ‘Высокомерничает, как будто спустившаяся с неба богиня’. Ср.: в арабском *хөр** (*хөрр*), *хөррә* ‘свободный, вольный, независимый’; *хөр әндиш* ‘свободномыслящий’ [Гарәпчә-татарча-русча 1965: 693]. Татарский литературный *хөр* в том же значении. Считаем, что сохранившаяся в курмантауском говоре слово *хөрәйрә* восходит к арабскому *хөррә*, но в процессе адаптации претерпело явление эпентезы: *хөр(-эй)рә* [Булатова 2016: 223].

Шаталақ ‘озорной, шутливый, несерьезный, легкомысленный’. Ср.: в бирском, дубязском, златоустовском, мензелинском, пермском говорах среднего диалекта *шаталақ* ‘бойкий, отчаянный’, в мензелинском говоре еще и в значении ‘колокольчик’ [Большой 2009: 780].

Шапраймақ – арттыручан, күпертүчән (нинди дә булса вакыйганы) ‘любитель преувеличивать’. *Шапыртып (кескенәне дә зур итеп), алдатып сөйләргә йарата да инде бу шапраймақ* (крмн.). Ср.: в мензелинском и стерлитамакском говорах в том же значении встречается слово *шапыртмақ* [Булатова 2016: 223].

Шылгайақ ‘хитрец, ловкач, врун, обманщик; неуловимый’: *Айдар шундый шылгайақ ул – алдата да, адақ (аннары) йуқ, мин алай дип әйтмәдем, ди* (крмн.) ‘Айдар такой хитрый – обманывает, затем говорит, что это не он говорил’ [Булатова 2016: 223].

Слова, связанные с физической характеристикой и действиями человека. В исследуемом говоре бытуют многочисленные лексемы-характеристики внешнего вида человека и его действий. Эту группу характеристик составляют лексемы, указывающие на общий внешний вид, отдельные физиологические особенности внешнего вида, состояние здоровья, телосложение человека и его действий. Перечислим некоторые из них:

Алабарман ‘тот, который смотрит невнимательно, сквозь пальцы, не вникая’. *Алабарман кебек барма, алдыңа қарап атла* (крмн.). ‘Не шагай как «алабарман» (невнимательный человек), а шагай, смотря вперед’. *Сөрләгеп йығылып йаттым, алабарман кебек әллә қайа аша қарағанмын да* (крмн.) [Булатова 2016: 223].

Думбай – 1. ‘невежливый, неразговорчивый’; 2. ‘некрасивый, нескладный, нестройный’ [Булатова 2016: 224]. Ср.: в тепекеевском ‘широкое, плоское как сковородка, лицо’, ‘күсәк (дубина)’, пермском ‘молчаливый человек’ [Большой 2009: 172, 167]. В башкирских говорах *думбай* – ‘глупый’ [Словарь 1987, III: 54].

Қара сутыр / қарақай ‘смуглый’: *Малайы да қыдықайы да қарақай* ‘И сын, и дочь смугленькие’. *Бер қара сутыр адам* ‘Один смугленький человек’. Ср.: тат. лит. *кара куч-кыл(лы)* ‘смугловатый, смуглолицый’.

Лапақай ‘низкорослый, толстый (о человеке)’. Данное слово зафиксировано также в стерлитамакском и мензелинском говорах, но и в значении ‘низкорослый (о растении)’. Считаем, что лексема *лапақай* образовано от основы финно-угорского слова (*лапка / лапен / ляпкыд* ‘низкий’): *лап* ‘низкий’+ *-қай* (уменьшительно-ласкательное окончание в татарском языке).

Мықтым ‘крепкий, здоровый’ (о чел.). Ср.: в говоре крещеных татар-нагайбаков *мықты*, златоустовском *мық* ‘твёрдый, крепкий, прочный’. *Аның ирекәйе мықтым гәүдәле* (крмн.) ‘Ее муж крепкого телосложения’ [Булатова 2016: 224].

Сары пошлақ – сары кеше ‘белобрысый, блондин’.

Сәүмәт хәтлем ‘крупный, рослый, большой, выше нормального (о человеке)’. Например: *Сәүмәт хәтлем гәүдәсе белән өйдә эшсәд утыра* (крмн.) ‘Своей рослой фигурой сидит дома без работы’. Ср.: тат. лит. *сәүмәт* – 1. ист. ‘обычай решать вопросы по жребию путём пуска стрел’; 2. татарских диалектах ‘новогодние гадания’ [Татарско-русский 2007, II: 226].

Сөрхет ‘худой высокий (человек)’.

Сыйқыт 1. ‘худой’, 2. ‘очень слабый (телом)’. Например: *Сыйқыт кына (гәүдәле) булса да, төскә бик матур* (крмн.) ‘Хотя худенький, но на вид очень красивый’. В татарском литературном языке такая лексема не зафиксирована. Ср.: в глазовском подговоре нукратского говора встречается похожее слово *сайқыт*, но в значении ‘прохладно’ < удмурдского *сайкыт* ‘прозрачный (о небе)’, ‘чистый (о воздухе)’, ‘свежий, прохладный (о погоде)’ [Булатова 2016: 225].

Ашақлау – аша чыгу ‘перешагнуть’. *Көйәнтәне ашақларға йарамай* (крмн.) ‘Нельзя перешагивать через коромысло’.

Басмақлау ‘очень часто надоедливо ходить кому-то в дом; чересчур наведываться кому-то’. *Аларға иләшеп (ияләнеп) алды, басмақлап тик йөрөй* (крмн.) ‘Он привык к ним, заходит часто’ [Булатова 2016: 226].

Кәнһәйләнү – ялагайлану ‘подхалимничать, подлизываться’.

Кәпрәйү ‘чванство, спесь’, ‘бахвалиться, высокомерничать’.

Күзәмәле алдашу – күзгә карап алдалау ‘на глазах обманывать’ < *күзәмәли / күзәмәле* – лит. күрәләтә торып, күз алдында, күзгә карап ‘на глазах, на виду у всех’: *Қарәле монауны, күзәмәли алдаша* (ялганлыи) (крмн.) ‘Смотри-ка на него, на глазах врет, обманывает’ [Булатова 2016: 227]. Ср.: в хвалынском, кузнецком, мелекесском говорах западного (мишарского) диалекта в этом значении известно слово *күзәфә* [Большой 2009: 345]. *Күзәфә йаңгалый* (хвл.) ‘На виду у всех врет’.

Ныкыу / ныкышыу – 1) туку ‘долбить, твердить одно и то же’, 2) ‘разузнать, вникать в подробности’.

Тәкмәс ату – мэтәлу, мэтәлчек ату ‘кувыркаться’.

Төртәңнәгән ‘о человеке, который старается вникнуть во что-либо или попасть куда-либо; проявляющий излишний интерес; вмешиваться’. Отсюда глагол *төртәңнәү*: *Кеше эшларенә төртәңнәп йөрөгә йарата* (крмн.) ‘Любит совать нос в чужие дела’ [Булатова 2016: 229].

Шақару – каеру ‘вывернуть, скрутить’. *Кулны шақара йаздың бит* (крмн.) ‘Чуть ли (мою) руку не вывернул ведь’. Встречается и в тепекеевском, мензелинском говорах среднего диалекта. Ср.: в татарских деревнях Кугарчинского района Башкортостана от основы слова *шақару* образована лексема *шақарма* в значении ‘забор’ (по полевым материалам автора) [Булатова 2016: 229]. *Шақарма* (‘вид плетеного забора частокола’) известна в тепекеевском говоре: *Сыбыкны шақарып тороп йасайсың шақарманы* (тпк.) [Большой 2009: 777].

Таким образом, из наблюдений над лексикой курмантауского говора среднего диалекта татарского языка следует, что основной фонд является общим с татарским литературным языком. Слова, обозначающие характер, физическое, душевное состояние и действия человека, представляют собой большое разнообразие как по происхождению, так и по их морфологическому и фонетическому звучанию. Диалектная лексика проявляет большую общность с говорами среднего и западного (мишарского) диалектов, также обнаруживается определенное число слов, общих с говорами восточных (сибирских) диалектов татарского языка. Некоторые слова восходят к древнетюркскому языку. Однако говор характеризуется большим количеством специфичных диалектизмов, не свойственных для других говоров татарского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Большой диалектологический словарь татарского языка / сост.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд., 2009. – 839 с.

Булатова М.Р. Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте. – Казань: Магариф – Вақыт, 2016. – 384 с.

Булатова М.Р. Лексика материальной культуры курмантауского говора татарского языка // Алтайский язык и его диалекты: современное состояние, перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного алтайского ученого-лингвиста М.Ч. Чумакаевой, избранные труды и полевые материалы М.Ч. Чумакаевой / ответственный редактор А.Э. Чумакаев. – Горно-Алтайск, 2018. – С. 80–85.

Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге: татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре / К.З. Хәмзин, М.И. Мәхмүтов, Г.Ш. Сәйфуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – 854 б. Словарь башкирских говоров: в трех томах. – Уфа: БФ АН СССР ИИЯЛ. Т. II, 1970. – 327 с.; Т. III, 1987. – 232 с.

Татарско-русский словарь: в 2-х т. – Казань: Магариф, 2007. Т. II (М–Я). – 726 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ‘АКЧА’ (ДЕНЬГИ) В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА (на примере синонимов и антонимов)

Д.Р. Гайнанова

Данная статья посвящена концептуализации понятия ‘акча’ (деньги) в татарском языке. С целью выявления лингвистических особенностей и определения национально-культурной специфики татарского языка, представляется необходимым изучить концептуализацию понятия ‘акча’ (деньги) в лексической системе татарского языка на примере синонимов и антонимов. Анализ языкового материала показывает, что синонимические ряды и антонимические пары слов могут определяться в качестве смысловых многомерных объединений.

Ключевые слова: концепт, синонимы, синонимические ряды, антонимы, акча (деньги), татарский язык.

This article is devoted to the conceptualization of the notion ‘akcha’ (money) in the Tatar language. In order to identify linguistic features and determine the national and cultural specifics of the Tatar language, it seems necessary to study the conceptualization of the concept ‘akcha’ (money) in the lexical system of the Tatar language using the example of synonyms and antonyms. The analysis of linguistic material shows that synonymous rows and antonymic pairs of words can be defined as semantic multidimensional units.

Keywords: concept, synonyms, synonymous series, antonyms, akcha (money), Tatar language.

Синонимия выражает процессы концептуализации, так как является одним из основных языковых средств. Для выявления лингвистических особенностей и определения национально-культурной специфики татарского языка, представляется необходимым изучить концептуализацию понятия ‘акча’ (деньги) в лексической системе татарского языка на примере синонимов и антонимов.

Актуальность изучения синонимов в лингвокультурологическом направлении подчеркивалась многими учеными, среди которых В.В. Колесов, Н.Ф. Алефиренко, М.В. Никитина, А.А. Уфимцева и др. В татарском языкознании проблемам синонимии посвятили свои труды В. Хангильдин, Ш.А. Рамазанов, Ш.С. Ханбикова, К.С. Сабиров, Г.Х. Ахатов, Ф.С. Сафиуллина и др. Проблемы синонимии в контексте понятия концепт рассматриваются в монографиях и статьях Л.К. Байрамовой, И.Б. Башировой, Р.Р. Замалетдинова, Ф.К. Сагдеевой и др.

Ш.С. Ханбикова определяет синонимы как слова с общим значением, отличающиеся оттенками значения, стилистической окраской и особенностями употребления [Ханбикова 1980: 30].

Н.А. Алефиренко под синонимами понимает слова, обладающие признаками семантической общности денотативного и сигнификативного характера. Ученый пишет, синонимами будут лишь близкие по смыслу лексические единицы, которые обладают хотя бы одним общим семантическим вариантом и различает следующие виды синонимии:

- а) синонимии по денотату, когда у слов совпадает предмет обозначения, но не понятия;
- б) синонимы по сигнификату отличаются друг от друга лишь каким-то признаком в пределах одного понятия [Алефиренко 2010: 218–219].

По мнению ученого, степень семантической близости используется не только для отграничения синонимов от несинонимов, но и для построения синонимического ряда, что позволяет определить синонимический ряд как группу синонимичных слов, расположенных по степени уменьшения их семантической близости [Алефиренко 2010: 219–220]. Во главе синонимического ряда стоит слово стилистически нейтральное и наиболее емкое семантической структурой – доминанта.

Известный татарский ученый И.Б. Баширова пишет, что все слова находящиеся в синонимических отношениях образуют синонимический ряд или синонимическое гнездо. По мнению автора, на сегодняшний день в татарском языке существуют пять критериев определения синонимичности слов. Среди данных критериев можно выделить: а) лексическое значение, б) логическое понятие, в) грамматическое строение, г) стилистическое употребление, д) общественная (социальная) реальность (синхронное состояние языка). В каждом синонимическом ряду есть главное слово – доминанта. Природа слова доминанта определяется следующим образом: а) отношением к другим словам в синонимическом ряду, отображением в себе отдельных знаков других слов; б) будучи в составе ряда, характер активный, открытый; в) по сравнению с другими словами стилистика нейтральная; г) номинативное значение [Баширова 2010: 284].

Л.А. Новиков, М.Ф. Палевская считают, что доминант, стоящий во главе синонимического ряда, характеризуется простым семным составом. В.В. Колесов справедливо утверждает, что <...> семантическая доминанта, на основе которой строится синонимический ряд, всегда восходит к какому-то специфически народному образу-представлению, которое создавалось в течение столетий и постоянно развивалось, отражая развитие национальной культуры [Колесов 1999: 205].

По мнению Ш.С. Ханбиковой, синонимический ряд вместе с другими явлениями языка – грамматикой, словообразованием, полисемией, антонимией и др. состоит в различных отношениях [Ханбикова 1980: 42].

Рассмотрим синонимический ряд слов, объединенных значением *акча* (деньги) на основе изучения семантических схождений и расхождений среди членов синонимического ряда. Исследуемый синонимический ряд выделен методом сплошной выборки из современных толковых словарей татарского языка.

В современном толковом словаре татарского языка представлено три значения лексемы *акча* (деньги): 1. Сату-алуда эйбер баясенен үлчәве булып хезмәт итә торган металл һәм кәгазь билгеләр (букв. Металлические или бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости товара в купле – продаже); 2. күч. Капитал, байлык (перен. Капитал; богатство); 3. күч. кадерле нәрсә (букв. перен. Дорогая вещь, что-то дорогое, ценное) [ТТАС 2005: 30].

Тәңкә – 1. Яссы түгәрәк металл акча (букв. Плоские круглые металлические деньги); 2. сөйл. к. сум (букв. Рубль); 3. Казахстанның төп акча берәмлеге (букв. Основная денежная единица Казахстана); 4. Түгәрәк металл акчага охшаш нәрсәләр турында (букв. О вещах, похожих на круглые металлические деньги) [ТТАС 2005: 588].

Тиен – 1. Сумның йөздән бер өлешенә тигез акча берәмлеге (букв. Денежная единица равная одной сотой рубля); 2. Зур физик көч куеп тапкан акча, байлык мәгънәсендә (букв. В значении денег, богатства, заработанных очень большим физическим трудом) [ТТАС 2005: 538].

Сум – 1. Россиядә: йөз тиенгә тигез булган төп акча берәмлеге (букв. В России: основная денежная единица равная ста копейкам); 2. Шушы кыйммәткә ия булган кәгазь яки металл акча (букв. Бумажные или металлические деньги, обладающие данной ценностью) [ТТАС 2005: 487].

Алтын – *жый.ис.мәгъ.* Шушы металлдан эшләнган (коелган) акча яки затлы нәрсә (букв. Деньги или что-то ценное, сделанные (вылитые) из данного металла) [ТТАС 2005: 37].

Көмеш – сөйл. Төп өлеше көмештән гыйбарәт акча; хәзерге көндә нигездә никельдән гыйбарәт вак акча (букв. Деньги, основная часть которых состоит из серебра; на сегодняшний день мелочь, состоящая в основном из никеля) [ТТАС 2005: 320].

Бакыр – күч. сөйл. Бакыр тәңкәләр, вак акча (букв. Медные монеты, мелочь) [ТТАС 2005: 68].

Капитал – акча байлыгы, байлык (букв. Денежное богатство, богатство) [ТТАС 2005: 230].

Байлык – тупланган мал, жыйланган кыйммәтләр (букв. Накопленное имущество, ценности) [ТТАС 2005: 67].

Мал – байлык, милек. Табыш, керем, акча. Нинди дә булса кыйммәтле яки файдага яраклы эйбер турында (*букв.* Богатство, имущество. Прибыль, доход, деньги. О какой-нибудь дорогой или выгодной (прибыльной) вещи) [ТТАС 2005: 354].

Керем – нинди булса эшчәнлек нәтижәсендә алына торган акча һәм матди кыйммәт, табыш (*букв.* деньги и материальная ценность, которую получают в результате какой-нибудь деятельности, доход) [ТТАС 2005: 247].

Файда – керемнең тотылган чыгымнан артып калган өлеше; акчалата керем, табыш (*букв.* часть дохода, оставшаяся после расхода; денежная прибыль, доход) [ТТАС 2005: 618].

По данным словаря синонимов татарского языка (Ханбикова, Сафиуллина), ключевое слово *акча* (деньги), раскрывающее содержание концепта, имеет следующие синонимы: монета, сәмән.

Монета – металл акча (металлические деньги)

Сәмән – гади акча (деньги)

Сравнивая толкования слов, можно сказать, что для слов *сәмән*, *тәңкә*, *тиен*, *сум*, *көмеш*, *алтын*, *бакыр*, *керем* общим компонентом значения является слово *акча*. В семантике слов *тәңкә*, *тиен*, *сум* общим компонентом значения является *акча берәмлеге* (денежная единица), а у слов *капитал* и *мал – байлык* (богатство) [Сагдеева, Гайнанова, 2017: 89]. При сравнении и анализе значений слов, можно заметить, что слова могут толковаться и друг через друга. Например, *тәңкә* (биш тәңкә акча) – *сум* (ун сум акча).

Будучи семантической категорией, синонимия предполагает связи с другими явлениями языка – антонимией, словообразованием и др. Антонимия также является основным средством отражения результатов концептуализации денег и процессом, в результате которого, языковые единицы включаются в антонимические ряды. Данный феномен помогает рассмотреть мировидение, противоречивость татарской культуры.

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой антонимы определяются как: 1) слова, имеющие в своем значении качественный признак, и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению (*хороший – плохой*, *близкий – далекий*, *добро – зло*, *бедность – богатеть*); 2) слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные (*брат-сестра*), как обозначающие противоположно направленное действие (*уходит – приходит*) [Ахманова 1969: 50].

По проблеме изучения антонимии имеются труды Л.А. Новикова, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелева и др. В татарском языкознании антонимией занимались Г.Х. Ахатов, Ш.С. Ханбикова, Л.Г. Хабибов, Ф.С. Сафиуллина, И.Б. Баширова и др.

Ключевое слово концепта ‘акча’ (деньги) не зафиксировано в словаре антонимов татарского языка. Однако в словаре зафиксированы производные от данного слова – *акчалы* – *акчасыз*. Как показывает анализируемый материал, в татарском языке члены одного синонимического ряда вступают в антонимические отношения со словами другого ряда.

акчалы – *акчасыз*

бай (богатый) – *хәерче*, *ярлы* (бедный, нищий);

халле (зажиточный, состоятельный) – *хәлсез* (бедный, нищий, разоренный);

маллы (состоятельный, богатый) – *малсыз* (не состоятельный, не имеющий достатка);

дәүләтле (богатый, состоятельный) – *ярлы* (нищий);

барлыклы (имущий, зажиточный) – *юклыклы* (неимущий, бедный);

барлы (имущий, состоятельный) – *юклы* (бедный, нищий);

житешле (обеспеченный, зажиточный; в достатке) – *житешсез* (необеспеченный; недостаток);

житкелекле (с достатком, зажиточный, безбедный) – *житкелексез* (необеспеченный, бедный);

бар (богатый, имущий) – *юк* (бедный, неимущий);

мөлкәтле (состоятельный, зажиточный) – *мөлкәтсез* (несостоятельный, небогатый);

муллык (богатство, достаток) – *мохтажлык* (нужда, бедство).

Многие ученые также обратили внимание на соотносительность антонимов и лексического значения. По мнению Л.Г. Хабибова этот признак определяется принадлежностью антонимической пары к одному семантическому полю. Например, антонимическая пара *акчалы* – *акчасыз* (денежный – безденежный) имеет следующие значения:

акчалы – 1) акчасы бар, акчага бай, дәүләтле (*букв.* Есть деньги, богатый, состоятельный); 2) түләүле, акчалата түли торган (*букв.* Платный, оплачиваемый деньгами);

акчасыз – 1) акчасы юк, сәрмаясыз (безденежный, без средств); 2) *ис. мәгъ.* Акчасы булмаган (безденежный); 3) *рәв. мәгъ.* Бушлай, бушка, түләүсез (бесплатно, за даром, бесплатный).

В значении данной антонимической пары соотносительным элементом является материальное положение.

Таким образом, синонимические и антонимические отношения являются одним из средств вербализации концепта *акча* (деньги). Анализ языкового материала показывает, что синонимические ряды и антонимические пары слов могут определяться в качестве смысловых многомерных объединений.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 608 с.
Колесов В. В. Жизнь происходит от слова / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 364 с.
Бәширова И.Б. Татар әдәби теле. Семасиология / И.Б. Бәширова. – Казан, 2010. – 532 б.
Сагдеева Ф.К., Гайнанова Д.Р. Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа / Ф.К. Сагдеева, Д.Р. Гайнанова. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 248 с.
Татар теленең андлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.
Ханбикова Ш.С. Татар телендә синонимия һәм сүзлекләр / Ш.С. Ханбикова. – Казан, 1980. – 208 б.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭМЕ «ХОСРОВ И ШИРИН» КУТБА (XIV В.)

Г.Ф. Гайнуллина

В статье делается попытка систематизировать основные тематические группы религиозной лексики в тюркоязычном памятнике золотоордынского периода – в «Хосров и Ширин» Кутба.

Ключевые слова: тюркоязычный памятник, татарский язык, лексика, религиозная лексика, тематические группы.

The article deals with considering the classification of religious Vocabulary according to its thematic groups, its thematic division in one of the Turkic literary masterpieces of the XIVth century – «Khosrow and Shirin» by Qutb. The author analyze S the thematic division of religious vocabulary.

Keywords: vocabulary, religious vocabulary, tatar language, thematic division.

Произведение «Хосров и Ширин» Кутба считается вольным переводом с персидского языка одноименного поэтического романа азербайджанского поэта Низами [Наджип 1966: 80]. Будучи написанной в XIV веке, данное произведение оказалось в числе памятников, представляющих историческое звено между тюркским письменным языком средневекового Поволжья и языком татарской народности, время формирования которого непосредственно связано со временем образования Казанского ханства. Несмотря на светский характер исследуемого источника, в нём, как показывает анализ, широко употребляется и религиозная лексика, т.к. у мусульманских народов, в том числе и у тюрков, исповадовавших Ислам, религиозная и светская литература развивались, словно переплетаясь воедино.

Лексика, репрезентирующая религиозную лексику в произведении, может быть представлена следующими основными тематическими группами.

Наименования бога. Эта группа включает в себя такие разноязычные лексемы, как *Taŋrı ~ Taŋrı ~ Taŋrı tayala ~ Rabbe ~ Xodaj ~ Allah ~ Xaq ~ Xaq Tayala ~ Uyan*. Из всех этих наименований в тексте высокочастотным является тюркское слово *Taŋrı* 'бог, божество', тесно связанное с тюркской литературно-языковой традицией более ранних периодов: а) *Xaq any qylsun du žihanda hoža* 'да сделает его бог господином в обоих (двух) мирах' [Zajaczkowski 1959: 116v/19]; б) *Any Xaq bizgä aŋtyb qyldy agah* 'об этом нас известил господь' [Zajaczkowski 1959: 107v/6]; в) *özüm köb qyldy Xaq tabyunda taqsir* 'я сам много грехов совершал, служба господу' [Zajaczkowski 1959: 5r/12]; г) *Uluŋ Taŋrı kim ažunny jaratty* 'Всевышний сотворил мир' [Zajaczkowski 1959: 1v/16].

Древнетюркские народы, в том числе булгары-татары, поклонялись богу неба – *Tәңре*, которого считали главным богом, сотворителем мира, сверхъестественной силой. В тексте произведения в том же значении употребляется слово *Allah: ne tädbir ja rasul Allah ne tädbir* 'какой же выход, о посланник господина, какой же выход?' [Zajaczkowski 1959: 5r/12].

Тюркское название бога *Uyan* (огуз.) ‘всемогущий, бог’ встречается в тексте спорадически: *tazarru qylyatän uyanä* ‘буду молиться господу’ [Zajaczkowski 1959: 85r/5];

В исследуемом нами памятнике для передачи значения «пророк» употребляются слова *räjuambär, näbi* и *räsullah*, т.е. ‘передающий, разъясняющий людям пожелания, волю бога, святой человек’. Пример:

*turur erdilär ol rasulqa baqa
ne ajsa mübaräk kälamyn uqa*

‘смотрели на пророка, слушали, что он говорил, и вникали в его мудрые слова’ [Zajaczkowski 1959: 5v/12];

Näbi в значении святой человек: *qani tunca min näbi sahtar* ‘столько святых правителей’ [Zajaczkowski 1959: 64v/7].

Лексика, означающая восхваление Аллаха или служение ему, представлена словами *mädx, täkbir, iman, tävxiid*:

küçüm jetmişä män häm mädx ajajut

насколько хватит сил, восхваляю я
[Zajaczkowski 1959: 7r/21];

Nedin qylmazsän ol avaz täkbir

‘почему не прославляешь (бога)?’
[Zajaczkowski 1959: 78v/17];

В анализируемом тексте нашли применение и имена ангелов и пророков. Значение «ангел» в произведении передано арабским наименованием *mäläk*:

*qaçan Xusrävda bar erdi bu sirät
mäläk teg qajda ol Şirindä surat*

*‘когда же у Хосрова были эти добродетели?
Где же изображение Ширин, похожее на ангела?’*
[Zajaczkowski 1959: 6r/19].

В памятнике зафиксированы имена следующих ангелов: *Жәбраил – Гавриил, Исрафил – Сарафил, Газраил – Азраил (ангел смерти)*. *‘aisa päiyanbarä xajran icinda qalyr* ‘сильно поразишься пророком Иисусом’ [Zajaczkowski 1959: 6r/21]. Зафиксированы имена следующих пророков: *Адәм – Адам, Нух – Ной, Йәгъкуб – Яков, Муса – Моисей, Дәуд – Давид, Исмәгыйль – Исмаил, Йосыф – Иосиф, Ибраһим – Авраам*. Примеры: *Daud janlyu bu könliim taza qylyl* [Zajaczkowski 1959: 2v7]; имена халифов: *Ikinçi ‘Ömär erdi din başlayan* [Zajaczkowski 1959: 4v14]; *Üçünç ‘Osman erdi uwutluy aqy* [Zajaczkowski 1959: 4v15].

Также в произведении встречаются имена сатаны до его изгнания из рая (*Газәзил – Азәзель*) и после для обозначения функционирует наименование *Иблис*. Есть еще ангелы, имена которых упоминаются в хадисах: *Мөнкир вә Нәкир – Мункир и Накир* – это ангелы, по исламскому вероубеждению, допрашивающие покойников после смерти, также упоминаются *зобани* – ангелы, подвергающие пыткам грешников в аду.

Для обозначения слова *пророк* в тексте использовано как персидское слово *пәйгамбәр*, так и арабские *нәби* для обозначения всех пророков, и *расул*, который использован для обозначения отдельных пророков, посредством которых были переданы Писания единопобожников или небесные книги.

Имя пророка Мухаммада в произведении обычно заменяет его эпитет *Расулуллаһи* – «посланник Аллаха». Имя *Muhammad* – Мухаммад встречается крайне редко. Имена пророков в тексте употребляются с восхваляющим эпитетом *галәйһиссәләм* – «да будет ему мир от Аллаха»), а после имени пророка Мухаммада эпитет *салләллаһу галәйһи вә сәлләм* – «да благославит его Аллах и приветствует». Пример: *Muhammad kim jalawaç erdi haqdyu* [Zajaczkowski 1959: 24v18].

Мифические места загробного мира. В произведении «Хосров и Ширин» Кутба немало лексем, означающих понятия «загробного мира». Это такие слова, как *axurät* – загробный мир, *иçтах* – рай, *tämu* – ад. Например:

ol el иçтах erür ol fitnälar xur

‘та страна рай, а те кокетки – гурии’
[Zajaczkowski 1959: 13v/2];

ägär aźunda zahid barynu haq tamuqqa soqsa

'если всех отшельников господь отправит в ад'

[Zajaczkowski 1959: 114r/14].

В тексте засвидетельствовано употребление слов, обозначающих время по мусульманскому календарю: сафәр – сафар (2-й месяц лунного календаря- 29 дней), зөлхижжә – зульхиджа (12-й месяц лунного календаря- 29 дней), рамадан – рамадан (9-й месяц лунного календаря – 30 дней), ражәб – раджаб (7-й месяц лунного календаря – 30 дней), жомга – пятница и др. Например:

tarix jeti jüz jyl säksän bešindä safar ajynuñ jigirmi bešindä

'по летоисчислению семьсот восемьдесят пятом двадцать пятого числа месяца сафар' [Zajaczkowski 1959: 117v/6]/

Таким образом, в тюркоязычном памятнике «Хосров и Ширин» Кутба религиозная лексика употребляется активно, с помощью которой автор раскрывает ценность ислама и его этические нормы. В большинстве своем религиозные слова заимствованы из арабского и персидского языков. Эти слова проникли в татарскую действительность вместе с исламом, в тоже время функционируют в современной татарской религиознодидактической литературе и в обиходе татарского народа. Исследование особенностей употребления религиозной лексики в тюркоязычных письменных памятниках расширяет историко-лингвистическую базу изучения истории татарского языка, что в свою очередь способствует объективному объяснению многих явлений в структурном и функциональном развитии литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Zajaczkowski A. Najstarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba // Prase Orientalistyczny. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1958. – Т. I. – Tekst, 304 +XI s.

Наджип Э.Н. О диалектном составе языка Кутба // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1966. – IV т. – С. 86–89.

О РОДОВОМ КОМПОНЕНТЕ В НАЗВАНИЯХ ЖИВОТНЫХ (на материале татарского языка)

О.Н. Галимова

В статье рассматриваются зоонимы с родовым компонентом. Определяются функции родового компонента. В номинативном аспекте это – видовыделение через определение рода и указания существенных характеристик животного. Важными являются такие функции, как точное выражение специальных понятий и определение места в гипонимической системе. Исходя из включения /невключения денотатом слова с родовым значением денотата сложного слова, автором выявлены собственно родовой и ложнородовой компоненты.

Ключевые слова: термин, терминология, зооним, родовой компонент.

The article deals with names of the component. The functions of the component are defined. In nominative aspect, this is specific selection through the determination of the kind and the indication of essential features of the animal. Such functions as the exact expression of special concepts and the definition of a place in the Hyper-hyponymic system are important. On the basis of the denoter inclusion /exclusion words with a generic meaning from the denotation of a compound word, the author reveals the actual generic and false generic components.

Keywords: term, terminology, zoonym, generic component.

Терминологи специфику термина видят в том, что «он обладает строго дефинитивным (определяющим) значением в своей отрасли знания, логизированностью семантики, конвенциональностью (сознательной договоренностью) в употреблении и является членом данной терминологической системы, входя в её гиперо-гипонимическую организацию» [Современный 2007: 51]. При этом «термин системен не только на понятийном уровне, но и на морфологическом и словообразовательном, что проявляется в <...> однотипности словообразовательных моделей и конструкций» [Федченко 2004: 10]. Как отмечает Г.О. Винокур, традиционными словообразовательных средств, кругу тех или иных терминов может быть связана «внутренними закономерными отношениями с преобладающим типом логических форм постижения действительности, отразившихся в этих терминах» [Винокур 1994: 226].

Стремление к регулярности использования одних и тех же моделей считается отличительной чертой специальной номинации. Так, заслуживает внимания образование сложных слов в татарском языке с компонентом, выражающим родовое понятие. Они, как правило, называют представителей флоры и фауны [Татарская грамматика 1998: 303]. Например, второй компонент таких зоонимов, как *акбалык* 'белорыбица', *табан балык* 'карась', *зәңгелә балык* 'синец', *кара елан*, *зәһәр елан* 'гадюка', *буаръялан* 'удав' является родовым. Отродовые названия характерны и для других тюркских языков: чув. *пуслăх сĕлен* 'кобра', *туй сĕлен* 'медянка', *хура карас* 'линь'; кирг. *чекир жылан* 'кобра'; каз. *көкишүбар балык* 'линь', *патиабалык* 'форель' *сұр жылан* 'медянка', *айдаһар жылан* 'удав'; кбалк. *уссуз жылан* 'уж'; узб. *сувилон* 'уж', *буғма илон* 'удав', азб. *ағ қızıлбалық* 'белорыбица', *ала балық* 'форель', ног. *ажы йылан* 'уж'; тур. *alabalık* 'форель' и др. Многочисленность зоонимов с рассматриваемым компонентом и широкое распространение их в тюркских языках свидетельствует об актуальности исследования родового компонента. В предлагаемой статье впервые в татарском языке рассматриваются зоологические термины с родовым компонентом с учетом номинативных и словообразовательных особенностей языка, а также с опорой на свойства термина. Целью является определение функций и видов родового компонента в названиях животных. Работа способствует выявлению способов названия, идущих от старого этнического пласта, наиболее продуктивных моделей терминообразования и путей развития терминосистем.

Словообразовательной активностью характеризуются гипонимы гиперонима *хайван* 'животное' *балык* 'рыба', *кош* 'птица', *елан* 'змея', *бака* 'лягушка' и др. В группе названий насекомых наблюдаются дериваты гиперонима *корт* 'мелкое насекомое'. Необходимо отметить, что в названиях зверей слово с родовым понятием «позвоночное животное класса млекопитающих» не употребительно. Параллельное функционирование встречается в произведениях устного народного творчества: *арслан киек баласын ау белән тоталар* 'детёныша (хищника) льва ловят при помощи ловушки'. На наш взгляд, продуктивность родового компонента в тех или иных группах зоонимов связана с традициями названия: видовыделение осуществляется путём определения рода (группы, куда входят подобные животные) и указания существенного признака. Функция видовой выделения особенно ярко проявляется в герпетонимах *жизбаиш елан* 'медянка' и *жизбаиш кәлтә* 'медяница', которые могут употребляться и без родового компонента. Данная модель номинации синхронически продуктивна. С родовым компонентом в зоологической терминологии образуются все новые названия видов и подвидов: *көбәле балык* 'панцирник', *кисәубаш балык* 'головешка', *ачы балык* 'горчак' – *Амур ачы балыгы* 'горчак амурский', *иренләч атбалык* 'конь-губарь', *очар кәлтә* 'летучий дракон', *якалы кәлтә* 'плащеносная ящерица' и др.

Как известно, одним из требований, предъявляемых к термину, является краткость. Стоит отметить, что употребление зоонимов в полном и кратком вариантах наблюдается ещё в пословицах и поговорках: *тутый кош белән чыпчыкны бер өйдә тоту* 'держат попугая и воробья под одной крышей' – *тутыйны читлеккә теле кертә* 'попугай попадает в клетку из за своего языка'; *сазан балыкның башын аша, жәден балыкның койрыгын аша* 'ешь голову сазана, хвост сома' – *жәден койрыгын жигән йотлыкмас* 'тот, кто ест хвост сазана, не подавится'. Если название не относится к устаревшей лексике, то в современных толковых словарях фиксируется оба варианта, в терминологических словарях отдается предпочтение краткой форме термина. Однако опущение родового компонента не всегда допустимо. Существование краткого варианта возможно, если он содержит в себе необходимые систематизирующие признаки, семантически равноценен полному названию. Вместе с тем краткость термина, как пишет Ф.С. Фасеев, регулируется нормами языка. По мнению терминоведа, неясность значения зоонимов *лиракойрык* 'лирохвост', *чүкечбаш* 'молотоглав', *эскәккойрык* 'уховёртка', *каберче* 'жук-могильщик', *кушыыл* 'щёголь' ограничивает сферу их функционирования. Употребление терминов с родовым компонентом (*лиракош* 'лирохвостка', *кушыыкош* 'щёголь', *кабер коңгызы* 'жук-могильщик') делает их понятными носителю языка и естественными [Фасеев 1959: 88–89]. Слова с родовым понятием, по нашим наблюдениям, активны рядом с омонимами, полисемантами и названиями с одним и тем же определяющим компонентом: *табан* 'стопа' – *табан (балык)* 'карась', *чуллык* 'бекас' – *чуллык балык* 'рыба-бекас', *борынлач* 'носуха' – *борынлач (балык)* 'носач'; *тутый (кош)* 'попугай' – *тутый балык* 'рыба-попугай', *мыеклач (балык)* 'усач' – *мыеклач коңгыз* 'дровосек'. Рассматриваемый компонент в них способствует точному выражению специальных понятий.

Родовой компонент также определяет место лексической единицы в гипонимической системе. Например, ихтионимы *сөләйман балыгы* 'лосось', *табан балыгы* 'карась', *зәң-*

гелә балык ‘синец’, *жәен балыгы* ‘сом’ выступают на одном уровне. Общий стержневой компонент позволяет включить их в ряд согипонимов гиперонима *балык* ‘рыба’. Однако зоонимы с компонентом *балык* ‘рыба’ *гамбәр балыгы* ‘кашалот’ *аю балыгы* ‘тюлень’, *юныс балыгы* ‘дельфин’, *мөгезле юныс балыгы* ‘нарвал’, *суалчан балыгы* / *тыранҗа балык* ‘минога’ на современном этапе развития языка и биологической науки не могут быть гипонимами данного гиперонима, так как денотат слова *балык* ‘рыба’ не включает денотат рассматриваемых сложных слов, а родовидовые связи должны отражать «ту реальную связь, которая существует между родом и видом в природе и обществе» [Кондаков 1976: 519]. Компонент *балык* ‘рыба’ является в них ложнородовым. Образование таких терминов связано с особенностями номинации, словообразования в национальных языках и развитием зоологической науки. Так, в иллюстрированном учебнике зоологии И. Хамиди (Рәсемле гыйльме хайванат, 1910) кашалот рассматривается в группе рыбообразных животных (*балык кебекле хайваннар*). Данной классификацией можно объяснить и употребление в толковых словарях в качестве гиперонима слова *балык* ‘рыба’. В учебнике зоологии Н. Асманова и Ж. Сагди (Табигать дәрәслеге, 1932) минога изучается в руппе рыб. Л.П. Сабанеев (Рыбы России, 1984) данное животное также называет рыбой. Выбор стержневого компонента в сложных словах *суалчан балык* / *тыранҗа балык* ‘минога’ и гиперонима в толкованиях основывался на данной классификации. С появлением новых данных, не соответствующих ранее известным научным фактам, изменилась закреплённая в термине информация. Следовательно, в таких названиях компонент *балык* ‘рыба’ лишь исторически является родовым.

Стержневым в составе сложных слов может быть название конкретного животного. Например, определяемым в ихтиониме *тешле тәрәч* ‘зубатка’ является *тәрәч* ‘треска’. Однако названия *тешле тәрәч* ‘зубатка’ и *тәрәч* ‘треска’ стоят на одной ступени родовидовой иерархии, являясь гипонимами гиперонима *балык* ‘рыба’. В таких названиях определяемый компонент, на наш взгляд, является собственно ложнородовым.

В целом, в языке довольно много сложных зоонимов с компонентом, выражающим родовое понятие, что связано, на наш взгляд, с особенностями видовыведения и продуктивностью данной модели называния. В составе сложных названий животных родовый компонент выполняет две функции; способствует точному выражению специальных понятий и определению места лексической единицы в гипонимической системе. Компонент с родовым значением может быть собственно родовым и ложнородовым. В некоторых терминах родовый компонент является таковым лишь исторически, так как денотат слова с родовым понятием включал денотат сложных слов лишь в определённые периоды развития языка и биологической науки. Часть терминов образуется с собственно ложнородовым компонентом, при этом слово, выражающее родовое понятие, и сложное слово не находятся в отношениях господства и подчинения в гипонимической системе.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии (1939) // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: очерк и хрестоматия. – М., 1994. – С. 219–284.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1976. – 656 с.

Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / под ред. П.А. Леканта. 4-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2007. – 557 с.

Татар грамматикасы. – М.: Инсан, Казан: Фикер, 1998. – 512 б.

Фасеев Ф.С. Татар телендә терминология нигезләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. – 200 б.

Федченко Л.Г. Терминологическое поле в когнитивной структуре учебного научного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 22 с.

ТАТАР СӨЙЛӘМ ТЕЛЕНДӘ ЗООЛОГИК ЛЕКСИКАНЫҢ СЕМАНТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

Г.Р. Галиуллина

В статье рассматриваются семантические особенности зоологической лексики, функционирующей в современной татарской разговорной речи. Материалами для анализа послужили образцы живой разговорной речи, примеры из Письменного корпуса татарского языка и Татарского национального корпуса «Туган тел». Как показывает анализ, зоологическая лексика в разговорной речи функционирует для оценки человека и его поступков, а появление новых сем напрямую зависит от контекста.

Ключевые слова: татарский язык, лексикология, разговорный язык, полисемия, семантика, метафора.

The article deals with the semantic features of zoological vocabulary functioning in the modern Tatar colloquial speech. Samples of spoken speech, examples from the Text Corpus of the modern Tatar language and the Tatar National Corpus «Tugan tel» were the materials for the analysis. As the analysis shows, zoological vocabulary functions in colloquial speech to assess a person and his actions, and the emergence of new semantics depends on the context.

Keywords: Tatar language, lexicology, colloquial language, polysemy, semantics, metaphor.

Сөйләм теле – кешеләр белән аралашуда, фикер алышуда, гаилә, төбәк даирәсендәге көнкүрештә кулланылып, тормыш-көнкүрешне алып бару, сөйләшү һәм тәсир итү вазифаларын башкара торган әдәби сөйләм төре [Татар лексикологиясе 2016: 280]. Сөйләм теленең төп вазифасы – кешеләрнең көндәлек аралашуын тәмин итү. Әдәби телдән аермалы буларак, сөйләм телендә тел чаралары киң һәм иркен кулланылыш белән аерылып торалар. Аларның семантикасында предмет, күренешләренә атау белән бергә, төрле эмоциональ-экспрессив мәгънә компонентлары да урын ала. Шулай рәвешле сөйләм теленең функциональ мөмкинлекләре әдәби телгә караганда киңрәк һәм күптөрле.

Без өйрәнү объекты итеп татар сөйләм телендә киң таралыш тапкан күпмәгънәле сүзләрдән зоологик лексиканың семантик һәм функциональ үзенчәлекләре алдык. Чыганак буларак диалогик формадагы алдан эзерләнмәгән спонтан сөйләм теркәлгән аудиоязмалар, «Татар теленен язма корпусы» [<http://www.corpus.tatar/>], «Туган тел» татар гомумтөп корпусы» [<http://tugantel.tatar/>] материаллары, татар теленең аңлатмалы сүзлекләре алынды.

Күпмәгънәлек күренешенә аерым тукталуның сәбәбе – сөйләм телендә генә бу төр лексиканың семантик потенциалы, татар халкының дөньяга карашы, милли психологиясе тулысынча ачыла. Теге яки бу сүзгә яңа мәгънәләрдә куллану ижтимагый-психологик һәм милли күзаллаулар нәтижәсендә барлыкка килә. Аеруча спонтанлыкка корылган, әле әдәби тел нормалары нигезендә сайлау узмаган сөйләм теле милли шәхеснең дөньяга карашын ачыклаганда алыштыргысыз роль башкара. Сөйләм телендә инде таралыш тапкан, ситуатив-индивидуаль кулланылыш кысасыннан чыккан лексик берәмлекләрнең семантик үзенчәлекләре бервакытта да очраклы барлыкка килми. Сөйләм телендәге полисемия күренеше – милләтнең яшәеш дәверендә туплаган белемнәр, күзәтүләр нәтижәсе ул. Билгеле булганча, спонтан, очраклы барлыкка килгән мәгънәләр һәм мәгънә төсмерләренә барысы да әдәби телгә үтпәп килми, күпчелеге индивидуаль ижат нәтижәсе буларак, сөйләм телендә бергәп кала, үзләренә экспрессивлыгын югалтмыйча, сөйләм теленең лексик-грамматик системасына яраклашалар. Шунлыктан, телнең бер генә стилистик һәм катламын да сөйләм теле белән стилистик полисемия килгәге ягыннан чагыштырып булмый, дип әйтергә хакыбыз бар.

Телдә кулланылган сүзләрнең сөйләм телендә яңа өстәмә мәгънәләр алуы, бер яктан, экономия принцибы белән аңлатылса, икенче яктан, метафораның активлыгын да билгеләп үтү зарур. Сөйләмдә бер образ күп төрле ассоциацияләр барлыкка китерә һәм шуның аркасында сүзнең мәгънәләре дә арта. Сөйләмдә метафора киң планда, сөйләм механизмы буларак, ягъни ассоциацияләр һәм төрле күчешләрне эчендә алган метонимия, жанландыру, гипербола, эвфемизм һ.б. тропларны үз эченә ала. Шулай итеп, сөйләм телендә полисемия лексик аспектта гына түгел, эмоциональ-экспрессив, стилистик ясылыкларда да ачыла.

Сөйләмдә сүзнен яңа, коннотатив сәмаларының актуальләшүе әлегә тел берәмлеге кулланылган контекстка тыгыз бәйлә. Бары тик билгеле бер контекстта гына татар сөйләм телендәге күпмәгънәлек күренешенә эчкә ресурсларын һәм потенциалын тулысы белән ачарга мөмкин. Татар теле вәкиле яшәү үзенчәлекләренә, социаль даирәгә, милли менталитетка бәйлә төрле ассоциацияләр, күзаллаулар тудыра һәм күп мәгънәле сүзләр аша сөйләм процессында информация биреп кенә калмый, бәлки теге яки бу күренеш, предмет, процесс һ.б. бәясен дә бирә. Биредә без татар әдәби теленә үтпәп килгән, сөйләм телендә генә кулланыла торган мәгънәләргә күбрәк игътибар итәрбез.

Сөйләм телендә метафораларның күп өлешен хайван атамалары → кешенең холкы, яшәеш рәвеше, физик үзенчәлекләре комбинациясе тәшкил итә. Кайбер мисалларга тукталып үтик, мәсәлән, *төлкә* сүзенә татар телендә киң таралыш тапкан мәгънәләре булып түбәндәгеләр тора: 1) этләр семьялыгынан эттән кечерәк ерткыч хайван; 2) хәйләкәр, елгыр кеше. Сөйләм телендә икенче мәгънәсе, коннотатив төсмер алып, бик актив кул-

ланыла, мәсәлән, *Телефон номерларын да алыштырган теге төлке...*; *И, үткер дә инде безнең, Нурғали абый: төлке тек, төлке!*

Этәч – кош атамасы буларак туры мәгънәдә кулланылса, сөйләм телендә исә күчерелмә мәгънәдә сугышырга яратучы ир-ат загың белдерә, мәсәлән, – *Кичке сабантуйда Ваһан бар идеме соң?* – *Әйе, әйе, Ваһан этәч бар иде; Әй, яшь этәч, кем әле исемен?*

Этәч сүзенең сөйләм телендә генә кулланыла торган, сүзлекләрдә урын алмаган тагын бер мәгънәсе – таякчыкка утыртып ясалган конфет (леденец). Әлеге конфетның киң таралган формасы этәч булганлыктан, гәрчә аның төрле хайван, кош формаларында ясалган төрләре булса да, сөйләм телендә ул этәч буларак таралыш тапкан: *Баланы елатма, бир шуңа конфетны, баллы этәч ярдәм итәр;* – *Әни-и, этәч камфит кирәк. Алыгыз миңа да этәч камфит; Кыш бабайга хат яздым: миңа – компьютер, сеңлем – музыкаль үзәк, әтигә – машина, әнигә суыра торган этәч ясау өчен таба алып килсен.*

«Татар теленең аңлатмалы сүзлеге»ндә *хайван* сүзе ‘тереклек иясә’ мәгънәсендә теркәлгән [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге 2005: 629]. Сөйләм телендә аның түбәнәйтелгән экспрессив мәгънәдәгә тәрбиясез, начар кешегә карата кулланылганы билгеле. Гадәттә, бу сүз ярдәмендә кешегә карата тискәре хисләр белдерелә, еш кына андый кешене ачулану, сүгү өчен кулланылганы да очрый. Мәсәлән, *Кеше түгел, хайван ул үзе; Тор, хайван. Кибеткә барыр вакытың житте!; Шул чагында: «Шундый шул син, хайван, яшьлегемне эрәм иттем син юньсезгә», – диясе бик килә дә бит, юк!; Хайван син, ике аяклы! Синең ишеләрнең сәгатә озакламый сугачак, хайван!*

Сөйләм телендә хайван, кош-корт атамаларының күчерелмә мәгънәдә кулланылышында күзәтелгән төп үзенчәлек булып аларның түбәнәйтелгән стильдә экспрессияне көчәйтү, сөйләүченең сөйләм объектына карата тискәре мөнәсәбәтен белдерү икәнлеген асызыкларга кирәк. Күчерелмә мәгънәдә кулланылу нәтижәсендә бу төр атамаларның семантикасы тискәре коннотацияләр белән тулылана. Мәгънә күчешендә төп нигез буларак әлеге хайван, кошларга хас берәр сыйфат алына: кешенең аңгыра, надан булуын белдерү өчен *сарык, бәрән, тавык* атамалары; тыйнаксызлык, кыланчык кебек төшенчәләрен белдерү өчен *маймыл, гадилек, беркатлылыкны исә чеби* сүзләре ярдәмендә белдереләр.

Әлбәттә, барлык төр атамаларда да мондый үзенчәлек өстенлек ала дип әйтәргә болмый, мәсәлән, матурлык символы булган кош атамалары, сөйләм телендә эндәш сүз вазифасында килгәндә, уңай, позитив коннотацияләр дә ала. Мондый төр атамаларга *сандугач, карлыгач, былбыл* һ.б. кертергә була, мәсәлән: *Гөлиякәй, сандугачым, асыл кошым, былбылым; Карлыгачым, бик үпкәләдеңме әллә?; Көн саен гашыйк булам үзеңә, бөркетем* һ.б.

Шунысын искәртү зарур, татар телендә хайван атамалары, кош атамаларынан аермалы буларак, күчерелмә мәгънәдә килеп кешегә карата кулланылганда, уңай мәгънә белдерүдә катнашмый диярлек. Шулай да берничә атама бинар семантикага ия булуын асызыкларга кирәк, мисал өчен *куян* сүзе куркаклыкны белдерү өчен тискәре мәгънәдә кулланылса: *Нинди куркак куян булдың соң әле син, Алмаз?, И-и-и, тәти абыем, бигрәк тә куркак куян икәнсең син...*; уңай коннотацияне белдереп, йомшаклык символы булып тора: *Әй, минем хәләл жефетем йомшак куян, иркә куян бит ул!*

Моннан кала, *куян* сүзенең сөйләм теленә хас ‘билетсыз юлчы’ мәгънәсен атарга кирәк: *Бу куян-әбиләрдән тәмам туйдым бүген; Түләмичә сикереп төшеп калучы «куян» нар да очрый әле* (кондуктор сөйләменән).

Нәтижә ясап әйткәндә, полисемия күренеше татар сөйләм телендә аеруча зур роль уйный. Бу, беренчедән, сөйләм процессының вербаль булмаган чараларга нык бәйлә булуына, кайбер очракларда экспрессивлыкны белдерү өчен контекстның коннотация таләп итүенә бәйлә. Икенчедән, сөйләм теле барлык аралашу даирәләрендә да кулланыла һәм зур сүзлек составына мохтаж булганга, төрле яклап байый. Өченчедән, әдәби телдән аермалы буларак, сөйләм телендә күпмәгънәле сүзләр куллану сүзнең мәгънәсен аңлауда авырлыктар тудырмый, чөнки сүз мәгънәсен ачуда вербаль булмаган чаралар (мимика, жест, интонация һ.б.) да коммуникацион актта зур урын алып тора.

ӘДӘБИЯТ

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / баш ред. проф. Ф.Ә. Ганиев. Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.

Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 392 б.

Татар теленең язма корпусы (<http://corpus.tatar/main.htm>) мөрәжәгать итү вакыты: 24.05.2019.

«Туган тел» татар гомумтел корпусы (<http://tugantel.tatar/>), мөрәжәгать итү вакыты: 24.05.2019.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ВРАЩАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Г.Х. Гилазетдинова, Р.Р. Салахова

Исследование семантики языка, как известно, одна из актуальных проблем языкознания. В основном подобный анализ осуществляется путем выделения отдельных семантических групп в пределах одной части речи. Семантическая структура любого глагола – это комплекс семантических компонентов, сем, которые могут получать свое формальное выражение на одном из уровней языковой структуры. Лексико-семантическая группа глаголов движения состоит из трех основных классов: глаголы поступательного, колебательного и вращательного движения. В представленной статье выявляются эквиваленты глаголов вращательного движения в русском и татарском языках, определяется сходство и различие их семантики. Материалом исследования послужили толковые и двуязычные (русско-татарские и татарско-русские) словари. Примеры извлечены из Татарского национального корпуса «Туган тел» [Tatar National Corpus «Tugan Tel»] и Национального корпуса русского языка [National corpus of the Russian language].

Ключевые слова: глаголы движения, вращательное движение, русский язык, татарский язык.

The study of the semantics of language, as is known, is one of the urgent problems of linguistics. Basically, such an analysis is carried out by isolating separate semantic groups within one part of speech. The semantic structure of any verb is a complex of semantic components, sem, which can receive their formal expression at one of the levels of the language structure. The lexico-semantic group of verbs of movement consists of three main classes: verbs of translational, vibrational and rotational motion. In the presented article, equivalents of verbs of rotational movement in the Russian and Tatar languages are identified, the similarities and differences of their semantics are determined. The research material was intelligent and bilingual (Russian-Tatar and Tatar-Russian) dictionaries. Examples are drawn from the Tatar National Corpus «Tugan Tel» and the National Corpus of the Russian Language.

Keywords: verbs of motion, rotational motion, Russian language, Tatar language.

Глаголы вращения – одна из особенных групп глаголов способа движения. Это небольшая подгруппа глаголов, которые описывают движение по круговой траектории. В русском языке, например, для описания ситуаций вращения используется 8 глаголов. Рассмотрим подробнее их семантику.

Крутиться – контролируемое или управляемое вращение тел, имеющих собственную (внутреннюю) ось, число оборотов не важно [Ибрагимова 1982, 72]. *Метрах в пятидесяти от них лежит замерший сверху колёсами мотоцикл: они продолжают крутиться в воздухе.*

Вертеться – неконтролируемое и неупорядоченное (возможно – в разные стороны) вращение субъекта вокруг собственной оси. *Пусть всегда в вашей жизни сияет солнце научных побед и стрелка компаса вертится с бешеной скоростью – вам, геологам, хорошо известно, что это значит!*

Вращаться – равномерное круговое движение с большим числом оборотов вокруг собственной или внешней оси. *Когда колёса парохода начали вращаться, она вышла на боковую палубу, чтобы в последний раз взглянуть на родные лица.*

Кружить – круговые движения над находящимся внизу на большом расстоянии ориентиром. *На берегу палили пушки, над головами, сбрасывая парашютистов, кружили самолёты.*

Кружиться – поступательное движение, сопровождаемое вращательным. *Крупные снежинки кружились на ветру, будто гусиные перья из огромной распоротой подушки.*

Виться – движение по спиральной траектории, рефлексивное расширение длинных гибких предметов. *Крупные снежинки кружились на ветру, будто гусиные перья из огромной распоротой подушки.*

Катиться – вращение вокруг внутренней оси, сопровождаемое однонаправленным перемещением в тесном контакте с плоскостью. *И пусть шёл дождь и даже снег, ничто не могло помешать мячу катиться, а детям – бегать за ним.*

Кататься – разнонаправленные неполные повороты в тесном контакте с плоскостью, без перемещения. *Когда позволял ландшафт, машины начинали кататься вокруг жертвы, медленно сжимая кольцо окружения.*

Как видно из примеров, глаголы вращательного движения, то приближаясь по характеру обозначаемого ими перемещения к классу глаголов колебательного движения и контактируя с полем интенсивности через признаки «быстро» и «медленно», представляют бесконечное возвращение к началу пути (к исходной точке) и передают неспособность (а иногда невозможность) достичь цели.

Ситуация вращения в татарском языке описываются следующими пятью глаголами: *эйләнү, урау, бөтерелү, бору, тэгәрәү*.

Глагол *урау* – *мотать, наматывать* – вращение вокруг собственной или внешней оси в одной плоскости с ориентиром, движение по спиральной траектории, закручивание длинных гибких объектов [Татарская грамматика 1997: 79]. *Беренче пар ат ишегалдына шаулап килеп керде һәм ишегалдын уратып, баскыч төбенә үк килеп туктадылар. Первая пара лошадей влетела во двор, на всем скаку описала круг и как вкопанная стала у самих ступеней крыльца.*

Бөтерелү (вихриться, кружиться) – очень быстрое неконтролируемое, неравномерное вращение вокруг внутренней оси, напоминающее вихрь или воронку. *Һәркемнең үз хезмәте: һавада, эйлән-бәйлән уйнап, яфраклар бөтерелә. У каждого свои дела: в воздухе, играя в хоровод, кружатся листья.*

Тэгәрәү – катиться – однонаправленное вращение вокруг собственной оси, сопровождаемое передвижением по плоскости, с различимыми оборотами вращения; вращение вокруг собственной оси. *Алма тэгәрәгән эжирдә алма исе калмый булмас. Там, где прокатилось яблоко, не может не остаться его запах.*

Эйләнү – вертеться, вращаться, кружить, кружиться – равномерное целенаправленное и контролируемое, достаточно медленное вращение вокруг внешнего ориентира, на расстоянии от него, в том числе на расстоянии по вертикальной оси (т.е. над ним), имеющее полные и неполные обороты. *Эйләндем-тугандым да, эш белән эвәрә килгән хуҗаларның кузлареннан берәз югалып торыйм дип, тагын болынга чыгып китәргә булдым. Повертевшись по двору, я не смог придумать ничего лучшего, как скрыться на время с глаз озобоченных хозяек.*

Глагол *эйләнү* (вертеться, вращаться, кружить, кружиться) является ядерным в группе вращательных глаголов исследуемых языков, он обладает наиболее широкой семантической сочетаемостью.

Кроме того, в татарском языке имеются и аналитические формы данного глаголы с разнообразными значениями: *эйләнеп кайтырга* – *вернуться обратно*, *эйләнеп китәргә* – *завертеться*, *эйләнеп чыгарга* – *обойти кругом*.

В русском языке, как и во многих других языках, глаголами вращения являются предикаты, описывающие длительные (многократные) движения со множеством оборотов (*ястреб кружится над добычей*). В татарском языке большинство глаголов вращения имеют именно такое значение, однако есть и глаголы однократного вращения. Например, глагол *бору*: *колакны бору (дернуть за уши)*. Хотя аналитические формы глагола *бору*, как и у всех глаголов вращательного движения в татарском языке, весьма многообразны: *борып алырга* (отвертеть), *борып кертергә* (ввинтить), *борып куярга* (закрутить), *борып чыгарырга* (вывинтить), *борып жиберергә* (повернуть) [Tatar-Russian dictionary 1988: 80].

Глаголы движения являются одной из значимых лексико-семантических групп глаголов, передающих картину реального мира, так как движение – это форма существования материи. Как видно из примеров, в обоих языках по объему глаголы движения составляют наибольшую группу. Это объясняется тем, что они весьма употребительны в речи и с точки зрения лексики передают важные процессы действительности, связаны с философскими категориями времени и пространства, обладают специфическими структурно-семантическими, морфолого-синтаксическими, функциональными особенностями.

В данной статье мы попытались проследить семантику глаголов вращательного движения и выявить особенности сопоставляемых языков, которые обычно остаются незамеченными при исследовании одного языка. Результаты данного исследования могут быть полезным для раскрытия механизма лексико-семантической трансференции, что позволяет наметить определенные положения, которые необходимо учитывать при разработке и совершенствовании методики преподавания татарского и русского языков.

Таким образом, при преподавании русского и татарского языков, в частности при изучении глаголов, должны широко использоваться элементы сопоставления лексико-семантических групп глаголов данных языков с учетом их общих и специфических особенностей. Преподавателю необходимо заранее определить круг наиболее употребительных и представляющих наибольшую трудность для изучения глаголов соотносимых

семантических сфер с тем, чтобы добиться правильного усвоения учащимися и студентами норм употребления в контексте семантически близких глаголов родного и второго языков.

ЛИТЕРАТУРА

Аминова А.А. Особенности семантического структурирования глагольного действия в русском и татарском глаголах // Модели национальных языков. Вып. 4. – Казань: Фэн, 1996. – С. 6–12.

Ибрагимова В.Л. Семантические классы глаголов колебательного и вращательного движения в русском языке // Исследования по семантике: межвуз. науч. сб. – Уфа: изд-во Башк. ун-та, 1982. – С. 66–73.

National corpus of the Russian language URL:// <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 08.06.2019).

Русско-татарский словарь. Под ред. Ф.А. Ганиева. – М.: Русский язык, 1991. – 736 с.

Русский семантический словарь. Т. IV.: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / отв. ред. Н.Д. Шведова – М.: Азбуковник, 2007. – С. 357.

Татарская грамматика: в 3-х тт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. Т. II. Морфология. – 397 с.

Tatar National Corpus «Tugan Tel». URL:// http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения: 11.06.2019).

Татарско-русский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. – 462 с.
Толковый словарь татарского языка. Т. I. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 712 с.

К ВОПРОСУ УПОТРЕБЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ В ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ТАТАР

Л.Х. Давлетшина

В статье рассматривается вопрос об уровнях проявления мусульманского и домусульманского компонентов в заговорно-заклинательной традиции татар. В ходе исследования выявляются способы употребления религиозных текстов на вербальном уровне заговорно-заклинательных актов, начиная от молитв и их частей и заканчивая общепотребительными словесными формами, восходящими к мусульманской традиции.

Ключевые слова: традиция, ислам, заговор, религия, молитва, обряд.

In article the question of levels of manifestation of Muslim and domusulmansky components in zagovorno-zaklinately tradition of Tatars is considered. During the research directions of use of religious texts at the verbal level the zagovorno-zaklinatelykh of acts come to light, beginning from prayers and their parts and finishing with the common verbal forms which are going back to Muslim tradition.

Keywords: tradition, Islam, plot, religion, prayer, ceremony.

Интерес к заговору как синкретичному жанру проявился еще в XIX веке. Внимание исследователей привлекал синтез обрядового действия и вербального компонента в составе заговорно-заклинательной традиции (Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, В.Ф. Миллер и др.). В это же время поднимался вопрос о взаимодействии заговоров с религиозной традицией, о возможностях реконструкции мифологической картины мира, но они не получили дальнейшего развития. Спад исследовательского интереса к заговорно-заклинательной традиции, наблюдавшийся в начале XX века сменился к его середине повышенным вниманием как в российской, так и в международной науке. На сегодняшний день издано немало монографических и коллективных трудов по заговорно-заклинательной традиции разных народов, не говоря уже о бесчисленном количестве научных статей.

Интерес к заговору, вновь вспыхнувший в середине XX столетия, обусловил новые принципы его изучения, что определяется новыми установками фольклористики, стремлением описать вербальные тексты как конгломерат культурных кодов, имеющих место в народной культуре. Вместе с тем внимание исследователей привлекает и проблема соотношения религиозного и языческого компонентов в заговорно-заклинательной традиции. На синкретизм религиозных воззрений в духовной культуре татар обращают внимание некоторые ученые [Ахметова 2004: 7], однако комплексного исследования роли и места мусульманских мотивов в заговорно-заклинательной традиции до сих пор не проводилось. Данную статью можно определить как первый опыт, посвященный изучению заговорно-заклинательной традиции татар с позиций синтеза домусульманского и мусульманского компонентов в контексте диалектной лексики.

Современные татарские лечебные и предохранительные обряды есть органическое переплетение домусульманских и мусульманских элементов, которые ни в коей мере не

противоречат, а взаимодополняют друг друга. Проникновение ислама в народное сознание привело к постепенному расширению репертуара знахарей. В татарских заговорных текстах прослеживается смешение совершенно несовместимых на первый взгляд элементов домусульманской и мусульманской религии. Однако это вполне естественный процесс, т.к. «язычество представляет собой неоднородную открытую систему, в которой новое уживается со старым, постоянно дополняя последнее и образуя целый ряд напластований [Толстой 2003: 10]. В результате взаимодействия языческой и христианской религий возникает новое явление – двоеверие/дуализм или «религиозно-магический синкретизм» (термин, предложенный М. Арnaudовым) – «единая вера, представляющая собой синтез магических действий, молитв, народных и собственно религиозных обрядов» [Богатырев 1971: 198]. Для современных традиций сочетание домусульманских и мусульманских практик представлено как широко и глубоко распространенное явление, однако в разных локальных традициях степень влияния мусульманского мировоззрения на народную культуру отличается.

Влияние ислама на заговорно-заклинательную традицию татар, сказалось, прежде всего, в обращении современных народных знахарей к религиозным текстам, молитвам, их фрагментам, мусульманской лексике и т. д. Данное явление прослеживается на двух уровнях: на уровне всего обрядового комплекса и на уровне вербального компонента.

На интересующем нас вербальном уровне религиозные тексты, молитвы или ее части могут предварять или завершать тот или иной лечебный или предохранительный обряд. Наибольшую распространенность в заговорно-заклинательной традиции татар получили религиозные тексты и молитвы Әлхәм, Иман, Аятелкөрси, Салават, Колхуалла, Азан, суры Йасин, «Ән-Нәс», «Әл-Фәләк» и др. В большинстве случаев, произнося религиозный текст вслух, информанты воспроизводят искаженные фрагменты, что, возможно, связано с устной формой бытования канонических текстов. Их учили наизусть, не всегда понимая смысл не только фраз, но и отдельных слов, что и привело к искажению текста.

На текстуальном уровне наблюдается как полное замещение традиционного татарского заговора молитвой, так и частичное включение отдельных частей канонической или народной молитвы в заговорный текст. В следующем заговорно-заклинательном акте от испуга после традиционного заговора необходимым условием является прочтение религиозного текста Колхуалла. *«Сыуны табага салаң, чима каптан¹ чиманы чийаң² кургаишы эретеп, шул сызык сыуга салаң сүмес белән. Баланың йөрәге төшсен, йөрәк фурмысы төшсен. Шул төшкәнсе койаң сыуга. Кургаишын эрегәнсе сақыраң инде баланың котларын тастымал тотоп.*

*Кил котом, кил котом,
Тәрәздән сыксаң, тәрәздән кил,
Ишектән сыксаң, ишектән кил,
Төндөктән сыксаң, төндөктән кил,
Менә Вәзимнең кото оскан
Кото кил, кото кил, –*

дип сақыраң котны. Артаба кылыхуалла укып сыуга салаң котны» [Баязитова 2017: 240].

В данном примере при абсолютной сохранности атрибутивной и акциональной составляющих лечебного обряда наблюдается синтез традиционной вербальной части и мусульманской молитвы.

В следующем случае речь идет не о канонической, а о народной молитве, бытующей в функции заговора от сглаза и называемой в мензелинском говоре *«хорошей молитвой»*.

*Амин-амин өммәти,
Амин шөкер нигъмәти
Бирәхмәтикә дәүләти,
Бирәхмәтикә жәннәти* [Баязитова 2017: 254].

В русской традиционной культуре этот жанр принято называть как канонические тексты, так и заговоры, четкого разграничения между ними нет [Ахметова 2004: 25]. Исследователи объясняют это тем, что в народном сознании магическое и религиозное знание принципиально не противопоставлены друг другу, поэтому тексты молитв могут включать элементы заговора и использоваться в магических целях. Молитва в данном случае

¹ Чима кап – шырпы кабы

² Чиманы чийу – шырпы сызу

произносится не в целях обращения к Богу как проявление веры, а с целью защиты от опасности.

Помимо употребления собственно религиозных текстов и их частей на вербальном уровне заговорно-заклинательных текстов встречается стойкое функционирование определенных словесных формул, имеющих отсылку к мусульманской традиции и употребляемых в тесной связи с домусульманскими заговорными текстами.

Во многих диалектных магических текстах часто встречается упоминание имени *Айша-Фатима*, восходящего к образу мусульманской мифологии, где Айша – жена Мухаммеда, а Фатима – дочь Мухаммеда, жена Али, мать Хасана и Хусейна, один из наиболее почитаемых женских образов в мусульманском мире, окруженный многочисленными легендами, возникшими в первую очередь в шиитско-исмаилитской среде. Употребление данного имени связано с желанием знахарки заместить и усилить свое воздействие на объект магической силой мифологического образа Айши-Фатимы, предполагая гипотетическое присутствие этого пресонажа во время заговорно-заклинательного акта. Диалектные варианты употребления этого имени разнообразны, но их место в структуре магического текста остается неизменным.

*Минем кулым түгел,
Әйшә-Фатыйма кулы,
Име-йомы шул булсын,
Әмбийәләрнең, әулияләрнең куллары* (красноуфимский говор).

*Минем кулым түгел
Әйшә-Батыйма кулы,
Йақишларның кулы* (тюменский говор).

Аша-Батман карчык килгән, шул эшкерә, шул текерә. Минем кулларым түгел, Аша-Батман куллары (говор кряшен горной стороны) [Баязитова 2017: 116–117].

Одним из общеупотребительных слов, имеющих магическое значение в народном сознании, является слово *әфсен-төфсен*. *Әфсен* ‘наговор’ – с персидского *афсун* – ‘колдовство’ (по происхождению древнеиранское слово) [Әхмәтьянов 2001: 31]. В заговорно-заклинательных текстах с одной стороны, употребляется в значении заклинания, с другой является наименованием процесса заговаривания от болезни или напасти.

Балалар йыгылып тез башын канаттылармы, аякларына йангыш бастылармы айтәбез инде:

*«Әпсен-төпсен,
Авыртканы бетсен,
Име-томы шул булсын», –*

дип өшкереп тә куйабыз (казанский говор) [Баязитова 2017: 117].

Ул йөзлекне өшкерергә урлаучылар да була икән, әфен-төфенгә, сихергә дә урлый икән кайсы кеше (мензелинский говор) [Баязитова 2017: 118].

Здесь следует сказать, что употребление религиозной лексики не ограничивается вышеуказанными словесными формами. В текстах заговоров устойчиво функционируют имена мусульманских святых и пророков, обращения к Аллаху, словесная формула «*бисмилляхи рахмани рахим*», конкретные религиозные словосочетания, взятые из молитв и т. д. Предварительный анализ заговорно-заклинательных текстов татар позволяет сделать вывод о наличии в их основе синтеза религиозного и языческого мировоззренческих начал. Взаимовлияние этих двух компонентов традиции никак не противоречит друг другу, а наоборот, органично переплетаясь на акциональном и вербальном уровнях, способствует синтезу традиционного языческого мифопоэтического восприятия мира и мусульманского мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметова М.В. «И Господь помогает...»: Молитва в народной культуре Нижегородской области // Живая старина. – 2004. – № 2. – С. 25–26.
Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
Баязитова Ф.С. Халык традицияләре һәм мифология. Им-томнар, ырымнар, тылсымлы сүзләр. (Жирле сөйләшләр һәм фольклор текстлары яссыйлыгында). – Казан, 2017. – 791 с.
Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М., 1971. – 511 с.
Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М., 2003. – 624 с.
Топорова Т.В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. – М., 1996. – 216 с.

СИНОНИМЫ И ДВУЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Э.Н. Денмухаметова

Словари являются ценным источником для историко-лингвистических исследований, позволяют документально подтвердить роль и место тех или иных языковых элементов в истории культуры народа, фиксируют лексемы в определённые исторические периоды, указывают на взаимоотношения разных языков, показывают взаимовлияние разноструктурных языковых систем. Несмотря на то, что цель двуязычных словарей – дать основную информацию о лексеме на другом языке, в них зафиксированы и множество синонимичных лексем, показывающих гормональное развитие литературного и разговорного языка. Словари рассматриваются как объекты двух культур: татарской и русской и отражают модификацию языкового содержания. В данном исследовании изучаются лексические синонимы, зафиксированные в русско-татарских и татарско-русских переводных словарях, которые рассматриваются в лингвистическом аспекте как составляющие татарского лексического фонда.

Ключевые слова: синоним, двуязычный словарь, лексикография, татарский язык, лексический фонд.

Dictionaries are a valuable source for historical linguistic research. They make it possible to document the role and place of certain linguistic elements in the history of the culture of a people, fix lexemes in certain historical periods, point out the interrelationships of different languages, show the interaction of differently structured language systems. Despite the fact that the purpose of bilingual dictionaries is to give basic information about a lexeme in another language, they also contain many synonymous lexemes that show the hormonal development of a literary and colloquial language. Dictionaries are considered as objects of two cultures: Tatar and Russian and reflect a modification of the language content. This study examines the lexical synonyms recorded in the Russian-Tatar and Tatar-Russian translation dictionaries.

Keywords: synonym, bilingual dictionary, lexicography, Tatar language, lexical fund.

Лексический состав каждого языка состоит из слов, которые дают возможность народу назвать увиденное и выразить свое отношение к нему, характеризовать его и сопоставить с другими. Для этого используются лексические и грамматические средства, как своего языка, так и заимствованные с других родственных и неродственных языков, которые являются составляющими культуры народа. Одним из элементов культуры являются лингвистические словари, которые фиксируют состояние языка на определенном отрезке исторического развития того или иного народа – носителя языка. В многоязычном обществе словари содействуют коммуникации для достижения коммуникативных задач между говорящими на разных языках: двуязычные словари становятся полифункциональным инструментом, представляющим больше информации, чем просто «услугу перевода».

В настоящее время существуют множество словарей, в которых лексемы языка распределены по функциональному принципу, т.е. имеются как тематические словари, так и этимологические, толковые, переводные, энциклопедические и др. Люди могут использовать как бумажные источники, так и электронные словари, быстро находить необходимую информацию по разным электронным корпусам того или иного языка. Однако истоки составления лексикографических источников брали свое начало с переводных словарей, тезаурусов в целях практического использования. В этом нет исключения и для татарского языка. Несмотря на имеющийся фактический материал и наличие научных публикаций, рассматривающих отдельные аспекты изучения татарских лексикографических источников, лингвистические исследования, посвященные вопросам синонимии в двуязычных словарях отдельных тюркских народов (в том числе татарского), являются актуальным в современном языкознании. Проблема исследования также обусловлена тем, что лингвистическое изучение словарей относительно синонимии позволяет переосмыслить коммуникативную культуру народа в современном контексте и выявить типичные и специфичные характеристики развития речевой культуры татар.

Предметом изучения выбраны лексические синонимы, зафиксированные в двуязычных словарях татарского языка. Несмотря на то, что на сегодняшний день в татарском языке существуют множества разных словарей синонимов, все богатство языка они не отражают. В последнем изданном в 2014 году словаре синонимов имеются более 25 тысяч единиц [Ханбикова 2014]. Однако возможность дополнения этого фонда имеется. Выбор двуязычных словарей в качестве источника исследования обусловлен тем, что именно в них зафиксированы варианты лексем, которые отражают в своей семантике разные элементы культуры народа, передают национальный менталитет, исторический и культурный

колорит. Объектом исследования являются лексемы, имеющие возможность дополнения словаря синонимов татарского языка. В качестве источника послужили толковый словарь татарского языка под редакцией Ф.А. Ганиева [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге 2005], татарско-русский словарь [Татарско-русский словарь 2007], татарско-русский словарь фразеологизмов Ф.С.Сафиуллиной [Сафиуллина 2001], национальные корпуса татарского языка [<http://litcorpus.antat.ru/index.htm>, <http://litcorpus.antat.ru/index.htm>]. В работе анализировались лексемы, составляющие синонимичные отношения, из разных лингвистических позиций. В ходе исследования была составлена картотека из 2000 единиц.

Целью данной работой является изучение синонимов, способных обогатить лексический состав современного татарского языка.

На протяжении нескольких столетий созданы множество татарских двуязычных словарей. В них используются различные системы построения и истолкования материала. Среди них были как удачные, так и неудачные. Русско-татарские и татарско-русские словари многократно издавались в связи со спросом пользователей. Они отражали лексику для практического применения, и каждый автор-составитель включал в словник те лексемы, которые по его мнению считались необходимыми в обучении языку. В силу того, что авторы были представителями разных диалектов, слоев населения, национальностей и др., в их труды вошли слова широко распространенные в той местности, используемые в конкретных речевых целях, определенными людьми. Это дает возможность для составления синонимичных рядов. Например, в современном татарском языке, существует синонимичный ряд, зафиксированный в словаре синонимов, «Байлык – достаток, богатство) – Байлык, житешлек, дәүләт, мал-мөлкәт, мал, мөлкәт, милек» [Ханбикова 2014: 20]. В словаре Александра Троянского данная лексема имеет еще синонимичный вариант «ганилек», а в «Кратком татарско-русском словаре с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом» зафиксирована и лексема «рыскал» [Юсупова 2008: 29].

Как показали исследования, на протяжении становления литературного языка, происходили разные варианты в обогащении синонимичных рядов в татарском языке. Если в XVIII – начале XX века в речи использовались множество арабских и персидских заимствований, то уже с середины XX века начали проникать русские и через русский язык европейские слова, вытесняя арабизмов. С конца XX века по сей день арабизмы вновь возвращаются в литературный язык через устную и письменную речь: материалы СМИ, общественно-политические и религиозные тексты. Однако им не уступают и европейские заимствования, проникающие с культурно-техническими достижениями, благодаря межкультурным и международным сотрудничествам. Поэтому если в двуязычных словарях XIX – начала XX века можно увидеть такие синонимы как, «*вдохновение – илһам, сулу, гайрәтләндерү, җайландырмак, гайрәтләндермәк*»; «*вид лица – шәкел, сыйфат, чыгай, сурәт, йөз, бит*»; «*супруга – җефет, зәүҗә, кушым, хәләл*» и др.

Наблюдения над арабскими и персидскими заимствованиями в составе синонимии тюркских языков показывают, что разные стороны языка подвергаются изменениям в разной степени. Наиболее интенсивные изменения прослеживаются в звуковом составе иноязычных слов, хотя семантическая структура заимствованных слов также не осталась неизменной. Например, существуют арабские слова и их татарские фонетические варианты, которые входят в один и тот же синонимический ряд: *газан (ар.) – җәфа, җәза, азап; галәмәт (ар.) – әкәмәт, чиксез, зур*. Лишь у определенной категории лексем сохранилась первоначальная семантика, у другой части слов семантика в корне изменилась и, арабоязычная лексема или слово персидского происхождения вошли в иной синонимический ряд с другой семантикой, чем в исконном языке. Также наблюдается у заимствований с этих языков и сужение значений, и их расширение.

При изучении лексической синонимии в татарском языке, нужно обратить внимание и на то, что в последнее время многие общеевропейские термины или термины русского происхождения начали переводиться арабскими или персидскими лексемами. Нельзя отрицать и то, что такой перевод терминов существовал во многих тюркских языках и в период советской власти, хотя доминантой в словарях фиксировались латинские слова.

Исследование синонимов в двуязычных словарях показал хронологические различия в семантическом становлении отрасли науки. Если в первых источниках были зафиксированы лексемы в основном используемые в практических целях, то позже появились четкие критерии. В настоящее время в силу того, что составляются отдельные словари синонимов, в переводных словарях их количество уменьшается. Однако некоторые слова зафиксированы только в них.

Коммуникативные ситуации в жизни татар ввели в исконный лексический состав множество иноязычных лексем, которые вскоре вошли в синонимичные гнезда и по сей день используются в разных ситуациях. Для точного выражения мысли в речи иногда употребляется целый ряд синонимов, среди которых могут быть как общетюркские слова, так и заимствованные целиком или только основа.

Синонимичные ряды в татарском языке часто меняются из-за расширения значения слова, сужения значения или изменения полностью, что обусловлено общественно-политическими ситуациями в социуме. Татарская речь складывалась веками и коммуникативные модели, свойственные носителям татарской этнокультуры, характеризуются множеством синонимичных форм. В них отражены национально-культурная специфика, культурные ценности народа. Ей характерна простота и эмоциональность, мелодичность и отражение острого ума для чего часто используются синонимичные варианты лексем.

Теоретические выводы и анализ материала свидетельствуют, что синонимия представляет собой ментально-языковое явление, формирующееся в результате действия основных когнитивных процессов: ассоциирования, категоризации и лексикализации. Обладая размытыми границами, естественные категории активно взаимодействуют между собой, в зоне их пересечения возникают синонимические отношения. Такое понимание синонимии раскрывает природу данного явления, его место в речемыслительной деятельности человека, также дает возможность разрешить проблемы, поднимавшиеся в структурной лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

- Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. – Казан: Мәгариф, 2007. – 236 б.
Татар теленең анлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.
Татарча-русча сүзлек. – Казан: Мәгариф, 2007. – Т. 1. – 726 б.; Т. 2. – 726 б.
Ханбикова Ш.С., Сафиуллина Ф.С. Синонимнар сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 263.
Юсупова А.Ш. Двухязычная лексикография татарского языка XIX века. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 2008. – 410 с.

ТЮРКСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: КОНТАКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

А.В. Дыбо

В статье представлен обзор того, что на современный момент известно о языковых явлениях, обусловленных контактами между славянскими и тюркскими языками. Оспаривается гипотеза тюркских контактов праславянского языка; приводятся некоторые новые данные относительно древнейших тюрко-славянских контактов; обрисовываются структурные последствия таких контактов.

Ключевые слова: тюркские язык; славянские языки; языковой контакт; лексика; грамматика.

The article provides an overview of what is known about linguistic phenomena due to contacts between Slavic and Turkic languages. The hypothesis of Turkic contacts of the Pre-Slavic language is disputed; some new data are given regarding the oldest Turkic-Slavic contacts; as well as an outline of the structural consequences of such contacts.

Keywords: Turkic languages; Slavic languages; language contact; loanwords; copying; lexics; grammar.

1. История изучения.

Начало изучения тюркизмов в славянских языках восходит к XVIII – началу XIX века. В 1880-е годы имеется ряд работ о восточных элементах в славянских языках, из которых важнейший словарь Miklosich 1884–1890.

В этих исследованиях проводилась предварительная фиксация тюркизмов, без особого внимания к времени заимствования и конкретизации тюркского языка-источника. Выделение раннего пласта тюркизмов – домонгольского – в русском языке начато в серии работ по тюркизмам, зафиксированным в ранних памятниках русского языка, в первую очередь в «Слове о полку Игореве» (дискуссия Мелиоранского и Корша, 1902–1909 гг.).

Тюркологический анализ тюркизмов в славянских языках не мог быть особенно успешным вплоть до 30-х – 40-х годов XX века, до того, как появились словари ряда отдельных тюркских языков на территории СССР. Вплоть до 60-х гг. XX в. большинство тюркологов пользовались в основном материалом словаря Радлова – очень большого, но

далеко не полно и, главное, не равномерно фиксирующего тюркскую лексику по различным языкам. В 1929 г. на 1-м съезде славистов в Праге польский востоковед Т.Ковальский выдвинул требования хронологизации тюркского заимствования и точного определения его источника [Kowalski 1932]. Вслед за этой работой появилась статья Дмитриев 1957 (написана в 1941–1942 гг.), где, кроме постановки задач, анализируется значительный объем русских тюркизмов и демонстрируется связь принципов хронологизации, определения источника заимствования и его культурно-исторической верификации. Можно считать эти две работы хронологической вехой, отмечающей выход науки о тюркизмах в славянских языках на новый уровень.

Обзоры литературы по ранним этапам изучения тюркских заимствований в славянских языках см. в работах: Кононов 1972: 251–253, Poppe 1966; Poppe 1971; Добродомов 1981; Петровић 1993. См. также библиографии Kappler 2002, Krebs-Garić and Kelih 2016.

Из наиболее важных имен последовавшего периода назовём И.Г. Добродомова и Ст. Стаховского. Имеется несколько этимологических словарей, посвящённых тюркизмам в отдельных славянских языках. Попытка систематизации тюркизмов в диалектах Балканского языкового союза (не только славянских) предпринята в Соболев 2004. Заслуживают внимания статьи М. Стаховского по тюркизмам в славянских языках, в том числе по методологии их изучения.

Тюркизмы с различной степенью достоверности разбираются в этимологических словарях отдельных славянских языков. Ряд тюркизмов в славянских языках анализируется в фундаментальном труде А. Рона-Таша и А. Берта (2011).

Славянскими заимствованиями в тюркских языках занимались меньше; отметим серию работ К. Адягаши о восточно-славянских заимствованиях в языках Поволжья (тюркских и финно-угорских) и книгу Аникин 2003 о русских заимствованиях в языках Сибири. В этимологических словарях турецкого, татарского и чувашского языков славянские заимствования также анализируются довольно надёжно. Об интерферентных явлениях на других языковых уровнях см., например, Anderson 2005, 2017, Pakendorf 2012, некоторые статьи в Boeschoten & al. 2006.

2. Периодизация и географическое разбиение тюрко-славянских контактов.

2.0. Ниже, когда обсуждаются исторические периоды, предшествующие непосредственно наблюдаемому, речь идет прежде всего о лексических заимствованиях. Лексические заимствования – это основной материал, доказывающий наличие языковых контактов в прошлом. Надёжно доказать, что какая-либо структурная черта языка имеет именно контактное происхождение, значительно сложнее, чем надёжно доказать заимствованный характер слова (в частности, потому что пространство структурных типологических признаков по определению более маломерно, чем пространство возможных звуковых последовательностей, представляющих означаемые слов). Поэтому о структурных заимствованиях можно с уверенностью говорить в основном применительно к современному состоянию языков.

2. 1. Ранние болгаро-славянские контакты.

Первые тюрки, с которыми пришлось столкнуться славянам, по-видимому, были булгарами. Самый ранний распад пратюркского языкового единства – это разделение на болгарскую и общетюркскую, или стандартно-тюркскую группы. Ряд аргументов (датировка по предполагаемому фонетическому облику древнекитайских заимствований в пратюркский; глоттохронологические подсчеты) датируют это разделение интервалом на границе нашей эры, не позднее, чем III веком нашей эры. Единственный современный потомок болгарской группы – современный чувашский, но более ранние этапы фонетической истории протоболгарского можно реконструировать на основании данных ранних заимствований из языков болгарской группы в другие языки. Болгарские заимствования в венгерский, насчитывающие около 400 слов, являются наиболее информативным материалом по этой теме.

К концу V в. в византийских источниках появляется этноним «булгары», обозначающий конфедерацию племен гуннского происхождения, занимавшую степь между бассейнами Волги и Дуная. В дальнейшем болгарская конфедерация делится на волжско-болгарскую и дунайско-болгарскую части; наиболее характерным в языковом отношении реликтом первой из них является современный чувашский язык. Болгарская группа сильно отличается от других тюркских. Особенности демонстрирует современный чувашский, но и о более раннем состоянии «булгарского» языка можно составить представление, прежде всего по болгарским заимствованиям в венгерском языке. Предки венгров, по-видимому, присоединились к болгарской конфедерации на юге Западной Сибири и вместе с ней про-

двигались в бассейн Дуная. Представительный массив тюркизмов в венгерском, обладающих выраженными болгарскими особенностями, был исследован, в частности, Л. Лигети (1977); в упоминавшейся книге Рона-Таша и Берта (2011); об особенностях фонетического освоения заимствований и лежащих за ними особенностях идиома-источника см. также наши четыре статьи [Дыбо 2010; 2011а; Дыбо, Норманская 2013; Дыбо 2016а]. Булгаризмы в венгерском делятся на две группы, позволяющие предполагать два хронологически разных слоя заимствований. В первой группе предполагаемый облик тюркских прототипов мало отличается от пратюркского состояния. В другой прототипы обнаруживают значительные сходства с прототипами заимствований из дунайско-болгарского в южнославянские языки. Соответственно, первую группу заимствований в венгерском можно отнести к «the Pre-Conquest Layer» [Róna-Tas 1988] – это заимствования, происшедшие, скорее всего, на территориях Волго-Камского, либо [Róna-Tas 2005] Доно-Кубанского ареалов (V–VII вв. н.э.). Вторая группа булгаризмов в венгерском – заимствования из дунайско-болгарского, происшедшие на территориях, близких к нынешней Венгрии; правила их фонетической адаптации в венгерском совпадают с правилами адаптации ранних славянских заимствований, попавших в венгерский язык в период, хронологически близкий к завоеванию венграми Среднего Подунавья (895–900 гг.) [Хелимский 2000].

2.1.0. Вопрос о тюркизмах в праславянском.

В славянских языках также обнаруживается значительный пласт тюркизмов, явно демонстрирующих «болгарские» фонетические особенности. Дискуссионной проблемой является, имеют ли среди этих заимствований заимствования в праславянское состояние, то есть до распада славянских языков на отдельные ветви.

О контактах славян с «гуннами» (ассоциируемыми с булгарами) на раннем этапе (около V в. н. э.) могли бы свидетельствовать немногие зафиксированные «гуннские» слова: *strava* ‘поминки’ (Иордан), *medos* ‘алкогольный напиток’ (Приск: «как называют его местные жители»). Однако признано, что эти слова могли попасть к авторам не из «гуннского» языка, а, например, через переводчика-славянина [Maenchen-Helfen 1978: 288–289].

Список предположительно праславянских тюркизмов в Gołab 1992: 401 составлен в духе предыдущего этапа изучения славянских тюркизмов, т.е. без внимания к вопросу, могут ли эти слова действительно считаться праславянскими и откуда именно они могли бы быть заимствованы. Критический разбор списка Голуба см. в Stachowski 2005; из не отвергнутых там этимологий остаются две, также ненадежные:

Псл **obъrъ* / **obъr=inъ*, ср. ср.-греч. Ἀβάρ, ΠΙ. Ἀβαρείς, Ἀβαροι, лат. *avares, avari*; древнетюркский этноним *apar*. Славянский и греческий этнонимы вряд ли связаны с древнетюркским: проблематично озвончение срединного согласного, отраженное как в славянском, так и в греческом (впервые у Приска, т.е. середина V в. н. э.). Ранние тюркизмы в венгерском, которые соответствуют по времени историческому появлению авар и упоминанию у Приска, не демонстрируют такого озвончения, озвончение характерно для позднебулгарского слоя заимствований в венгерском, IX–X вв. Таким образом, происхождение этнонима затемнено.

Псл **x(ъ)reňъ*: предложена этимология из чув. *xěren* id. [= ОТ **kiz-gan* ‘раскаленный, жгучий’] < *xěr-* ‘раскалиться, покраснеть (о раскаленном предмете); прогоркнуть’ [= ОТ **kiz-* id.]. Но с исторической стороны она не согласуется, как указывает Фасмер (4:275), с упоминанием слова *κεράϊν, cerain* ‘дикая редька’ у Теофраста и Плиния, т.е. с III в. до н. э. (тогда это, вероятно, бродячее слово фракийского или иллирийского происхождения). С тюркологической же точки зрения, дунайско-болгарские заимствования в венгерском и славянских (как и раннебулгарские заимствования в венгерском) отражают ПТ **i* как *a*, а не как редуцированный; слав. *ъ* в булгаризмах восходит обычно к ПТ **i* в позиции не перед сонантом. В волжско-булгарских надписях (с XIII в.) гласные верхнего подъема **i* и **i* еще не перешли в редуцированные [Erdal 1993: 149]. Таким образом, никакой из вариантов болгарского языка, возможных по времени фиксации, не мог стать источником Псл **x(ъ)reňъ*. В то же время, чувашское слово вполне может быть адаптированным русизмом.

2.1.1. Языковые контакты дунайских болгар и южных славян.

Довольно много дунайско-булгарских слов попали в диалект, на котором основан старославянский язык, и распространились в восточнославянские, а также частично в западнославянские языки с литературным языком славянского мира. По историческим основаниям эти заимствования должны быть датированы VIII–IX вв. н.э. Правила фонетической адаптации этой лексики в славянских языках очень напоминают правила адаптации дунайских булгаризмов в венгерском, а слова часто совпадают с ними. См., например, Дыбо 2011б.

Из дунайско-болгарского заимствован в старославянский и восточно-болгарский церковнославянский (и с ним распространился на восточнославянские языки [Ефимова 2006: 173]) суффикс Nom. ag. *-ъсѣь отглагольного и отыменного словообразования.

Заимствование суффикса подтверждает естественное предположение о существовавшем какое-то время дунайско-болгарско-древнеболгарском двуязычии. Об обратном следствии контактов, заимствовании из славянских языков в дунайско-болгарский, судить невозможно до получения общепризнанных прочтений дунайско-болгарских надписей. По-видимому, конечным следствием контактов явился постепенный переход носителей дунайско-болгарского на славянский язык.

2.1.2. Языковые контакты волжских болгар и восточных славян.

Из языка волжских болгар¹ заимствованы слова в восточнославянские языки (видимо, на волжском торговом пути), частично распространившиеся в западно-славянские языки, в основном в польский. Эти заимствования должны быть датированы позже X в., после возникновения государства Волжской Булгарии.

Рус. *ковёр*, укр. *кóвер*, др.-рус. *ковьрь* 'ковёр'. Из волжско-булг. **kävör* < ПТ **gebür* или **gebür* 'ковёр' > крх.-уйг. *keviz, köwüz*; тур. диал. *köüz*.

Др.-рус. *трунове* 'знатные люди у волжских болгар', **търунь*. Из волжско-булг. **turun* = др.-тюрк. *tudin*, хазарское *Тудовнос* и т.п.

В.-сл. **pirogъ* 'пирог' (заим. в др.-чеш., словац., др.-польск., польск.). Из волжско-булг. **börak/g*, ср. ОТ **bürek* 'пирог', от ПТ **bür-* 'покрывать'.

Передача персидского заимствования через волжско-болгарский: рус. *бурсá* 'персидская шелковая ткань' из средне-волжско-болгарского > чув. *purśyn / porśym* 'шелковая ткань', откуда в финно-волжских языках: мар. *порсын*, удм. *буртчин* и т.д.

Тюркский суффикс Nom. ag. *-ĉI иногда считают источником восточнославянского отыменного суффикса Nom. ag. *-ъсѣик > рус. *-чик/щик* [Варбот 1969: 92; с XIII в.]. Если так, то его появление следует связывать с ранним периодом взаимодействия восточнославянских и тюркских языков.

В обратном направлении, в волжско-болгарский, очень ранним заимствованием должно быть чув. *кѣнчеле*, диал. *кѣнчала* 'пучок кудели для прядения; пряслице' из гипотетического др.-рус., сохранявшего носовой гласный **kǫželъ*, > рус. *кужель*. Отражает праславянский носовой гласный и заимствование из праслав. **gǫba* (~ рус. диал. *зуба*) 'гриб' > волжско-болгарское **g/kümpä* > чувашское *кѣмна* 'гриб' (упереднение гласной связано с тем, что в волжско-болгарском заднеязычные взрывные в заднерядных словах стали спирантами, ср. др.-рус. *Хопужьское море* из волжско-булг. **харъg* < ПТ **karig* 'ворота'); из волжско-булг. заимствованы тат., башк. *gömbе*.

Ср. отнесение к раннему заимствованию из славянского («в хазарскую эпоху») слав. **selo* > *sala* (чув., тат., башк., кат., караим. *sala*); тюркское слово территориально явно связано с Поволжьем и Крымом; см. подробное рассмотрение материала и аргументации в Добродомов 2008. Это может быть заимствованием из славянского в язык болгарского типа с переходом ПТ **ä* > дун.-булг. *a*, волжско-булг. *ä*, т.е. в период, близкий к периоду распада волжского и дунайского болгарских.

2.2. Ранние общетюркско-славянские контакты.

Приблизительно к X в. н. э. относится появление на территории Восточной Европы тюркских народов, говоривших на языках западно-кыпчакского и, возможно, огузского типов. Носителями огузского языка, возможно, были печенеги (если судить по этнониму: может восходить к огузскому **bāža-nak* 'своак') Достоверных следов этих ранних огузских контактов пока не удается обнаружить. Заимствования из тюркских языков кыпчакского типа, демонстрирующие примерно те же историко-фонетические свойства, что так называемые кумано-печенежские заимствования в венгерский, находим в старославянском и церковнославянских языках, см. Дыбо 2016б.

Западно-кыпчакские (вероятно, куманские) заимствования имеются в значительном количестве в Слове о полку Игореве (предположительно XII–XIII вв.), см. анализ в Менгес 1979, Порре 2001 и др.

Немногие ранние славянские, вероятно, восточно-славянские, заимствования через тот же волжский торговый путь находим в средневековых тюркских памятниках, в основном в кыпчакских, самое раннее – в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.):

¹ Волжско-болгарский язык отражен в глоссах в арабоязычных эпитафиях XIII–XV вв. на территории Поволжья; проблемы интерпретации см. в Erdal 1993.

rabčat ‘неоплачиваемый подневольный труд’ ганчак., гапакс МК [Сл. EDT 780]. Слово-источник заимствования как таковое не обнаруживается в славянских языках, но это – продуктивное словообразование с помощью диминутивного суффикса *-et- [см. Vondrak 1: 493–494] от праславянского диминутива *orb-ьсь ‘servus’ ЭССЯ 32: 134.

samala ‘дѣготь’: фиксируется в тюркских памятниках с самого начала XIV в.: куманский, мамлюкско-кыпчакский, чагатайский (XV в.) VEWT 399.

2.3. Тюрко-славянские контакты «послемонгольского» периода.

2.3.1. Тюрко-восточнославянские контакты.

Экспансия монгольской империи Чингисхана в Восточную Европу в начале XIII в. сопровождалась передвижением центрально-азиатских кыпчакских народов – носителей языков так называемого ногайского или восточнокыпчакского типа. Многочисленные кыпчакские заимствования находим в восточнославянских языках, в том числе в их письменных памятниках периода Золотой Орды и непосредственно следующего за ним. В частности, это терминология государственных и социальных учреждений, экономической деятельности, военная; масса бытовой лексики: рус. *ямык*, *казак*, *тамга* (с собственно-русским производным *таможня*), *аршин*, *барыш*, *деньга*, *алтын*, *армяк*, *утюг*; укр. *козак*, *аршин*, *барыш*, *алтын*, *арм’як*, *утюг*, *ишак* и др. Насколько можно судить, для русского языка это в основном заимствования из поволжско-тюркского («старотатарского») идиома (напр., ОТ **äšäk* ‘осел’ > рус. *ишак*, с 1567 г., с признаком поволжского перелома гласных **ä* > *i*, ср. тур. *eşek*, тат. *ишәк* то же). В частности, через позднесредневековые тюркские языки в русский и другие восточнославянские поступило значительное число арабских, персидских и монгольских по происхождению слов (*казна* (перс.), *алмаз* (араб. из греч.), *караул* (монг.)).

В украинском и южно-русских диалектах, кроме того, значительное количество тюркизов восходит к крымско-татарским огузским и ногайским диалектам: укр. *баюра* ‘большая лужа, яма, промоина в реке’ из крымско-татарского, тур. *bayır* «склон горы», «сугроб», «холм» (ОТ **bagir* ‘печень’); укр. *капшук* «кисет» из ног. *капшык* (ОТ **kār-čik* ‘мешочек’ с ногайским переходом **č* > *š*).

О более сложных путях проникновения тюркизов в русский язык см. НРЭ.

Лексика восточнославянского происхождения в позднесредневековых памятниках тюркских языков много только в памятниках письменности тех тюркских народов, которые жили на территориях славянских государств и были постепенно ассимилированы¹, ср. в «армяно-кыпчакских» документах (Каменец-Подольский, XVI в.): *боставлені* ‘установление’ (ст.-укр. *поставленье*), *вірны* ‘тот, кто принимает присягу’ (укр. *вірний*), *колода* ‘дыба’ (укр. *колода*) [Грунин 1966].

Как ранние (до XVI в.; или диалектные) рассматриваются некоторые русские заимствования в чувашский (оттуда проникшие в другие тюркские языки Волго-Уральского региона), из-за специфического фонетического облика. См. подборку таких заимствований в Адягаши 2005.

2.3.2. Тюрко-западно-славянские контакты

Западно-славянские языки в этот период получают тюркизмы в основном через восточно-славянские из кыпчакских языков; польский – также непосредственно от польско-литовских татар; основной путь османских заимствований – из османско-турецкого через венгерский в старочешский и старопольский.

Польский из кыпчакского непосредственно:

atlan ‘на коня!’, татарская команда при отправлении в поход (Imp.2 глагола *at--la-n* ‘садиться на коня’ (‘лошадь’ + Denom. + Refl.));

basalyk ‘кнут со свинцовым шариком’, ст.-польск. *baszalyk*, *bassalyk* ‘бич со свинчаткой’ около 1500 г. (ОТ **basulik* от др.-тюрк. *basu* ‘дест’ + суфф. *-lik*). Из польского укр. *басалык* XVIII в., ст.-блр. *басалыкъ*, рус. диал. *басалык*.

Ср. полонизмы в языке упомянутых выше армяно-кыпчакских документов на территории Речи Посполитой [Грунин 1966]: *моцны* ‘уполномоченный’, *моцоват* ‘уполномочить’ из польск. *тоспу*, *тосоваć*; *вымувіт* ‘заявить’ из польск. *мутьовіć*. Документы демонстрируют также калькирование конструкций делового славянского языка Речи Посполитой (по ним нельзя, впрочем, судить о структурных славянских влияниях на живую тюркскую речь).

¹ В первую очередь «польско-литовские татары», компактно проживали на территории Речи Посполитой с конца XIV в.

Польский из кыпчакского через восточно-славянские: *baskak* (1786) из укр. *баска́к*, рус. *баскак* < др.-рус. *баскакъ* ‘сборщик податей’, ОТ *bas-kak* (давить=Nom.ag.); *buhaj* ‘бык’ (с XVII в.) из укр. *бугай* (на укр. источник в польском указывает *h*), ОТ **buka* > кыпч. *buga* ‘бык-производитель’.

Польский из турецкого непосредственно: *tytoń, tytuń; tiutuń, tutuń* (с XVII в.) из тур. *tütün* ‘табак’.

Польский из турецкого сложным путем: *adziamski* ‘персидский’ (с XV в.), дериват от заимств. из ст.-венг. *egyem* ‘то же’ < тур. *ecem* < перс. *ādžām* ‘Персия, персидский’ < араб. ‘*ajam* собир. ‘варвары, неарабы, персы’ [НРЭ: 33–34, далее из польского заимствовано в русский].

2.3.3. Тюрко-южнославянские контакты

Со второй половины XIV века южнославянские языки – среднеболгарский, старосербский, старомакедонский – попадают в область влияния Османской империи. Национальная политика Османской империи была направлена на ассимиляцию, производились переселения, образовывались смешанные турецко-славянские села, развивался турецко-славянский билнгвизм. Соответственно, языки получили очень много лексических заимствований из османского турецкого, в том числе в бытовой лексике. Хорошо фиксируются османизмы с начала XVI в.

Болгарский: *aga* ‘богатый господин’ (с 1544) из осм. *ağa* то же < ОТ **āka* ‘старший брат; почтительное обращение’; *altın* ‘золото’ (XVII в.) из осм. *altın*; *атлия* ‘всадник’ из осм. *at-li* то же (лошадь=Com);

Зайствованы через османский многие персизмы и арабизмы: *алмаз* из осм. *almas* из араб. *almās* (из греч.); *бадем* ‘миндаль’ из осм. *badem* из перс. *bādām*;

В том числе заимствован противительный союз *ама* ‘но’ из осм. *ama* из араб. *ammā*.

Зайствованы, то есть употребляются не только в лексических тюркизмах, но и с основами другого происхождения, относительно продуктивные словообразовательные суффиксы:

-*джия*: *ловджия* ‘охотник’ от *лов* ‘охота’ (осм. Nom. ag. *-ci* < ОТ **-čI*, ср. выше).

-*лк*: *войниклък* ‘военная служба’ от *войник* ‘солдат’ (осм. Nom. abstr. *-llk* < ОТ **-llk*).

Иногда на счет османского влияния относят некоторые грамматические явления болгарского языка (и других языков Балканского языкового союза): постпозитивный определенный артикль (связывая с тур. показателем принадлежности 3 лица *-(s)I*, который (как и во всех тюркских языках) может выражать конкретную референтность, что близко к семантике определенности) или выражение категории непрямой эвиденциальности с помощью старого показателя результата (тур. *-mIs*), но это маловероятно (болгарский определенный артикль *-ът* восходит к праславянской местоименной энклитике, рефлексы которой употребляются в качестве фокусной частицы, например, в севернорусских диалектах, так что постпозитивность болгарского артикля обусловлена внутриславянскими причинами; развитие семантики эвиденциальности у результата – типологическая фреквенталия).

В течение второй половины XX века целенаправленная языковая политика в Болгарии привела к значительному уменьшению частотности употребления лексических и словообразовательных османизмов.

Приблизительно так же, как болгарский, выглядит корпус лексических заимствований-османизмов в македонский, сербский (и штокавский диалект хорватского) языки. Заимствованные суффиксы встречаются вместе с сербохорватскими основами по крайней мере с конца XVII в.: *grabdžija* ‘грабитель’ (*grabi-* ‘грабить’), *opaklija* ‘злодей’ (*opak* ‘зло’; осм. Com *-li* < ОТ **-llg*), *zločestluk* ‘злобность’ (*zločest* ‘злоба’) [Радић 1990: 399–405; Радић 2001].

В словенском и словенских диалектах, чакавском и кайкавском диалектах сербо-хорватского (на территориях, не входивших в Османскую империю) турцизмов значительно меньше и в основном они опознаются как заимствования из соседних славянских языков (Pintarič 2012).

Заимствования из балканских славянских языков в османско-турецкий отмечаются с XVI в.: *kulučka* ‘наседка’ (первая фиксация: 1501) из болг. *клочка* [Eren 1999: 264]; *kabaniča* ‘меховая безрукавка’ из болг. или серб. *кабаница* (из итал.) [Eren 1999: 199]; *izbe* ‘укромное место’ (первая фиксация: 1574) из болг. или серб. *изба* ‘кладовая’ [Eren 1999: 197]; *Višne* ‘вишня’ (первая фиксация: <1683) из болг. *вишина*, диал. *вишня* или серб. *вишња* [Eren 1999: 436]; тур. *kral* ‘король’, из серб. *краль* и *kraliçe* ‘королева’ из серб. *кральица* (но осм. *kiral* ‘король’, по мнению М. Рясненна, из венг. *király* [VEWT: 266]; хотя может быть и из славянского с устранением начального кластера с помощью вставной гласной).

2.4. Контакты в новое время

2.4.1. Контакты между тюркскими и русским языками на территории Российской империи, СССР и современной России.

В этот период литературный русский язык заимствует из тюркских в основном слова, обозначающие местные тюркские реалии (*ирбис, айран, кобыз*).

Локальные говоры русского языка заимствуют и в это время в значительных количествах бытовую тюркскую лексику из территориально близких идиомов. См. подбор такой лексики, в частности, в Аникин 2000.

В тюркские языки на обсуждаемых территориях проникло множество разнообразных лексических заимствований, постепенно подвергавшихся фонетической адаптации. Большую подборку для языков Сибири можно найти в Аникин 2003; ср. также Pomorska 2017. Много адаптированных русских заимствований в тюркских языках Урало-Поволжья: чув. *хитре* ‘красивый’ (рус. *хитрый*), чув., тат. *монча, мунча* ‘баня’ (рус. диал. *мыльня*), башк. диал. *мишук* ‘вершок’.

Адаптированные русские заимствования в тюркских списках Сводеша с территории России: ‘all’: туба, хакас. белг. *pes* ‘всё’ (рус. *весь*); ‘good’: хакас. кач. *маңат*, саг. *тауат* (рус. *богат*); ‘many’: чув. *ċilaj* (рус. *целый*); ‘seed’: якут. *sieme* (рус. *семя*); ‘worm’: якут. диал. *ċierbe* (рус. *червь*) [см. Дыбо 2013б].

В литературных тюркских языках много и неадаптированных лексических заимствований, сохраняющих или частично сохраняющих произношение и орфографическую форму источника (ср. хакас. *артист* ‘артист’, *артиз-и* ‘его артист’).

Практически полное русско-тюркское двуязычие при доминировании русского языка, установившееся на этих территориях с середины XX в., влияет не только на лексический состав тюркских языков. Ряд тюркских народов, особенно не имеющих своего письменного языка, постепенно переходит на русский язык; в настоящее время близки к исчезновению нижнечулымский, среднечулымский, тубаларский, тофаларский языки; угрожающее положение у шорского и телеутского языков. В относительно хорошо сохраняющихся языках наблюдаются интерферентные явления на различных языковых уровнях.

Приведем некоторые нетривиальные примеры. В последние три десятилетия отмечают, что в тувинской речи городских детей и молодёжи фонологическая оппозиция «придыхательный – непридыхательный» заменяется на оппозицию «глухой – звонкий». То же иногда отмечается и для литературного алтайского языка. Причина в том, что городские дети раньше овладевают чтением на русском языке, чем на родном, и впоследствии применяют уже полученные навыки озвучивания кириллической графики к тюркским текстам.

Явления интерференции в синтаксисе:

а) Обычно на счет влияния русского языка относят инверсии порядка слов в тюркских языках. Обычный тюркский порядок слов – SOV, лево-ветвящий. Но довольно часто наблюдается инверсия, например, объекта и предиката, ср. кум.: *Сакъла саманны – гелир заманы* ‘береги солому – придет и ее время’ (пословица).

Возможно, что частое появление таких порядков в разговорной речи связано с русским влиянием; но ср. наличие похожих случаев в древнеуйгурском: *Bo bir yumgak taş, nâgûlik ol biziñâ?* ‘Эта каменюка, зачем она нам?’ (предикат – *nâgûlik* ‘зачем’) [Erdal 2004: 413].

б) Заимствование союзов и частиц: в тюркских языках обычно сочинительным полипредикативным конструкциям индоевропейского типа соответствуют подчинительные конструкции, где первая клауза – абсолютная конструкция с предикатом в деепричастной форме, ср. кумыкский: *О бу языв язып сен оху* ‘Он напишет это письмо, ты прочти его.’

Поэтому в тюркских языках редки сочинительные союзы тюркского происхождения; в частности, со Средних веков тюркские языки, попавшие в мусульманскую этнокультурную зону, заимствовали сочинительные союзы из персидского и арабского языков (ср. узб., аз., тур. *və, ve* ‘и’, *amma* ‘но’). Ср. заимствование союза *или* в шорский язык (Южная Сибирь) из русского: *Или аң қулауыңа уғул парди, или ċinap kiži üñü уғулċа* ‘То ли ему показалось, то ли и вправду он услышал человеческий голос’.

В роли предложений с относительным придаточным в тюркских языках обычно выступают полипредикативные конструкции, содержащие абсолютную конструкцию с причастием в винительном падеже, ср. кум.: *сен окъ атгъанынгъны гёрдюм* ‘Я видел, как ты выстрелил стрелу’.

В тюркских языках мусульманского этнокультурного ареала заимствована из персидского относительная частица *ki*; ср. заимствование относительной частицы *что* из русского языка в современном разговорном татарском: *Мин шат син-га, что син таза-сау һәм көр күңел-ле* ‘я рад, что ты здоров и бодр’.

в) Калькирование русского управления.

Балкарский *Магъа керек* «мне надо» (правильная конструкция – *мени керек*).

г) Смещение кодов:

Карачаевский: *Мен в этом году-да отпуск-га не еду* «Я не еду в отпуск в этом году».

В тюркских странах, возникших после распада СССР (Азербайджан, Казахстан, Туркмения, Узбекистан, Киргизия), проводится языковая политика, направленная на устранение русских заимствований, для чего, в частности, переводят языки на латинскую графику; пока трудно говорить о том, достигается ли желаемый результат.

2.4.2. Славяно-турецкие контакты

Русский язык, особенно в течение XX в., является источником экзотизмов для османского и турецкого языков.

Ср. ранние экзотизмы из русского языка (в сочинении турецкого путешественника Эвлия Челеби, 1611–1682), сохраняющиеся в современном турецком: *Kapuska* из рус. *капустка* или *капуста*; *çar* из рус. *царь*.

В XX веке заимствованы, например, *borç* (1983) из рус. *борщ*; *balalayka* (1994) из рус. *балалайка*.

В течение XIX–XX в. продолжались заимствования из локальных славянских говоров в локальные турецкие, ср.:

тур. диал. *vinter, minter* ‘ловушка для рыбы’ (Видин) из болг. *винтер* (Видин), *вен-тер* (Бохот, Плевенско). Болг. через румын. *vinîr* из рус. *вентерь*, которое из литовского *vënteris* [Eren 1999: 435; БЭР 1 (1971): 149].

В турецких говорах Анатолии отмечаются фонетические влияния локальных славянских говоров. Так объясняют, например, переход в некоторых румелийских говорах и в части гагаузских диалектов *o > u* (*otur > utur* ‘сидеть’, *kayboldu > kaybuldi* ‘исчез’), утрату фонемы *h* (*hava > ava* ‘погода’), тенденцию к сильной палатализации согласных *k* и *g* перед гласными переднего ряда (*öküz > ük'üs* ‘вол’, *öfke > üfk'e* ‘легкие’), переход в заднерядных словах *l > w* перед согласной (*alma > owma* ‘яблоко’, *dolma > dowma* ‘долма’) [Hazai 1960; Kowalski 1933, 1934; Селищев 1929; см. также Ужинин 2008].

Заимствованные словообразовательные суффиксы: турецкий диалект Видина [Németh 1965] *kou-qa* ‘деревенька’ уменьш. к *kou* ‘деревня’. Интерферентное происхождение в диалекте Видина у конструкции с постпозитивным именным определением в родительном падеже: *babasi qızın* ‘отец девушки’ вместо тур. *qızın babası*. Как частичное калькирование болгарских конструкций можно рассматривать в этом же диалекте употребление тюркских по происхождению вопросительных местоимений *ne* ‘что’ и *kim* ‘кто’ в качестве релятивизаторов. То же в гагаузском языке (*не, ким*); в гагаузском заимствованы также сочинительные союзы *да* ‘и, а’, *не...не* ‘ни...ни’ и болгарское междометие удивления *бре* [Покровская 1964].

2.4.3. Славянское влияние на кыпчакские языки Восточной Европы.

Западно-кыпчакские литовско-татарский и караимский языки, носители которых в конце XIV – начале XV века поселились на славяноязычной территории (теперь – Украина, Польша, Белоруссия, Литва), продолжали подвергаться славянскому влиянию (ср. ситуацию с каменец-подольскими татарами в XVI в. выше). Славяно-тюркское (украинско-караимское, польско-караимское, русско-караимское, польско-татарское) двуязычие отмечается с начала XX в. Галицкий и луцкий караимские диалекты в течение XX века исчезли, тракайский диалект стоит на грани исчезновения. Коллекцию особенностей, обусловленных славянским влиянием, практически таких же, что демонстрировавшиеся выше, можно найти в Мусаев 2003: 23–30. Кроме лексических заимствований и калек, это появление в фонологической системе согласных оппозиции по твердости – мягкости; заимствование словообразовательных суффиксов, грамматических приставок (в частности, *нау-* для образования превосходной степени прилагательного: *нау-терен-ряк* ‘глубочайший’ (*-рАК* – общетюркский суффикс полноты выражения признака), сочинительных союзов *и, да, ни – ни*, образование релятивизаторов из вопросительных местоимений *не* ‘что’, *кай* ‘который’, постпозитивные определения в родительном падеже (*чач-ы башымнын* волос-3prs голова-1prs-Gen ‘волосы моей головы’), калькирование частных особенностей глагольного управления и под.

3. Заключение.

Несмотря на значительный прогресс в изучении тюрко-славянских языковых контактов, происходивший с середины XX века, остается значительное число нерешенных и спорных проблем, касающихся в основном времени и путей проникновения конкретных ранних лексических заимствований. Новые решения этих проблем в части случаев могут изменить представленную выше картину.

СОКРАЩЕНИЯ

аз. – азербайджанский	лат. – латинский
араб. – арабский	мар. – марийский
башк. – башкирский	МК – словарь Махмуда Кашгарского (XI в.)
бельт. – бельтирский диалект хакасского	монг. – монгольский
болг. – болгарский	ног. – ногайский
венг. – венгерский	осм. – османский
волжско-булг. – волжско-булгарский	рус. – русский
ганчак. – ганчакский (один из тюркских диалектов у МК, видимо, кыпчакский)	саг. – сагайский диалект хакасского
греч. – греческий	серб. – сербский
диал. – диалектный	слав. – славянский
др.-польск. – древнепольский	словац. – словацкий
др.-рус. – древнерусский	ср.-греч. – среднегреческий
др.-тюрк. – древнетюркский	ср.-тюрк. – среднетюркский
др.-чеш. – древнечешский	ст.-польск. – старопольский
дун.-булг. – дунайско-булгарский	ст.-слав. – старославянский
заим. – заимствовано	ст.-укр. – староукраинский
караим. – караимский	тат. – татарский
кач. – качинский диалект хакасского	тур. – турецкий
крх.-уйг. – караханидско-уйгурский (диалект МК)	удм. – удмуртский
ктат. – крымско-татарский	узб. – узбекский
кум. – кумыкский	укр. – украинский
кыпч. – кыпчакский	хакас. – хакасский
	чув. – чувашский
	якут. – якутский

ЛИТЕРАТУРА

- Адягаши, К. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала. Часть I. Этимологический справочник. *Studies in Linguistics of the Volga Region*, vol. II. Kossuth Egyetemi Kiadó, Debrecen, 2005.
- Anderson, Gregory D.S. 2005. Language Contact in South Central Siberia. In: *Turcologica* 54. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Anderson, Gregory D.S. 2017. Consequences of Russian Linguistic Hegemony in (Post-)Soviet Colonial space. In: *Endangered languages of the Caucasus and Beyond*. Brill, 2017. Pp. 1–16.
- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Москва; Новосибирск, 2003.
- Boeschoten & al. 2006 – *Turkic Languages in Contact* / edited by Hendrik Boeschoten, Lars Johanson, Vildan Milani. Harrassowitz 2006
- Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*, вып. 3. М., 1958, (перепечатано в кн.: Н.К. Дмитриев. 1962: *Строй тюркских языков*. М., 503–569).
- Добродомов И.Г. Из истории изучения тюркизмов русского языка. // *Тюркологический сборник – 1977*. М., 1981. С. 90–108.
- Добродомов И.Г. Типы поселений ранних тюрков. Историческая эволюция. // *Природное окружение и материальная культура пратюркских народов*. М.: Вост. лит. 2008. С. 195–218.
- Дыбо А.В. Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // *Gedenk von E.A. Helimsky. Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd. 32/33. Hamburg, 2010. S. 83–132.
- Дыбо 2011a – Дыбо А.В. Отражение болгарских палатализаций в болгаризмах венгерского языка // *Материалы Международной тюркологической конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики»* (Чебоксары, 15–18 сентября 2010 г.). Чебоксары, 2011. С. 1–16.
- Дыбо 2011b – Дыбо А.В. Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // *Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва*. М.: «Индрик», 2011. С. 130–144.
- Дыбо А.В., Норманская Ю.В. Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках // *Урало-алтайские исследования*. – 2013. – № 4.
- Дыбо 2013b – Дыбо А.В., *Этимологический словарь тюркских языков*. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана: Proper Print, 2013
- Дыбо 2016a – Dybo, Anna V. Bulgarian borrowings in Hungarian: the problem of reflecting *q // *Words and Dictionaries. A Festschrift for Professor Stanisław Stachowski on the Occasion of His 85th Birthday* / , Krakow 2016, Jagiellonian University Press. pp 113–126.
- Дыбо 2016b – Дыбо А.В. К кыпчакским заимствованиям в славянских языках // *Мир Большого Алтая*. Усть-Каменогорск 2016. № 1-2. С. 119–123.
- EDT: Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972.
- Ефимова В.С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.
- Erdal M. *Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften*. Wiesbaden, 1993.
- Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill, 2004.

- Eren H. Türk dilinin etimolojik Sözlüğü. Ankara, 1999.
- ЭССЯ – Трубочёв О.Н. (ред.), Журавлёв А.Ф. (ред. с 33 т., 2007) 1974–2013: Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Т. 1–39. М. (Изд. продолжается).
- Gołąb, Zbigniew. The Origins of the Slavs: A Linguist's View. Columbus, Slavica Publishers, Incorporated, 1992.
- Грунин Т.И. Документы на половецком языке XVI в: судебные акты каменец-подольской армянской общины. М., Наука, 1967.
- Hazai, G., Rumeli Ağızlarının Tarihi Üzerine, T.D.A. bel. 1960, T. D. K., Ankara, 1960
- Хелимский (2000): Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Kappler, Matthias (2002): Turkish language contacts in South-Eastern Europe. Articles in Italian, German, French and English. Istanbul: Isis Press (= Analecta Isisiana, 61).
- Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972.
- Kowalski T. 1932: W sprawie metodologii badań zapożyczeń tureckich w językach słowiańskich. – Sbornik prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929, Bd. 2, Praha 1932: 554–556 (mit französischer Zusammenfassung auf S. 999–1001: La méthodologie des recherches sur les mots empruntés du turc dans les langues slaves).
- Kowalski, Tadeusz, Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du nord-est, Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1933.
- Kowalski, T., Osmanisch-tuerkische Dialekte, Enzyklopaedie des Islam IV, Leipzig 1934. С. 991–1011.
- Krebs-Garić, Catharina, Kelih, Emmerich. Loanwords in Bosnian/Croatian/Serbian (working bibliography). https://lissl.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_lissl/Loanword_BCS_bibliography.pdf
- Ligeti L. A Magyar nyelv Török kapcsolatai es ami körülöttük van. Budapest, 1977
- Maenchen-Helfen, Otto J. (1978). Die Welt der Hunnen: Eine Analyse ihrer historischen Dimension. Vienna, Cologne, and Graz: Hermann Böhlau Nach.
- Менгес К.Г. 1979: Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.
- Miklosich Fr. 1884-1890: Die türkische Elemente in der südöst- und osteuropäischen Sprachen // Denkschrift der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Bd. 35, 36, 38.
- Мусаев К.М. 2003. Синтаксис караимского языка. М., Academia, 2003
- Németh 1965 – J. Nemeth: Die Türken von Vidin: Sprache, Folklore, Religion. (Bibliotheca Orientalis Hungarica, x.) 420 pp. Budapest: Akadémiai Kiado, 1965.
- НРЭ – Новое в русской этимологии. Вып. 1. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, 2003
- Pakendorf, Brigitte. 2012. Contact and Siberian Languages. In Raymond Hickey (ed), The Handbook of Language Contact , pp. 714-737. Hoboken: Wiley.
- Петровић, Снежана. 1993. Историјат и стање проучавања турцизма у српскохрватском језику, ЗБМСФЛ XXXVI/2, 71–128
- Pintarič, Miha (2012). On turcisms in Slovenian. Vestnik za tuje jezike, letnik 4, številka 1/2, str. 79–81.
- Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М., 1964;
- Pomorska M. 2017. Russian loanwords in the Chulym Turkic dialects. Kraków, Księgarnia Akademicka.
- N.Poppe, Jr. A Survey of Studies of Turkic Loan-Words in the Russian Language. // CAJ XI, № 4, 1966. P. 287–310
- N.Poppe, Jr. Studies of Turkic Loan-Words in Russian. Wiesbaden, Harrassowitz, 1971.
- Радић, Првослав. Турски суфикси у српском језику : са освртом на стање у македонском и бугарском. Београд : Институт за српски језик САНУ, 2001.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. СПб., 1899–1911.
- Róna-Tas (1988): Róna-Tas A. Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages. Leiden, 1988.
- Róna-Tas (2005): Róna-Tas A. Néhány megjegyzés faneveinkről (Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kóris, mogyoró, tölggy). // Magyar Nyelv. 2005: 419–438. Budapest.
- András Róna-Tas; †Árpád Berta with the assistance of László Károly. West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part I: Introduction, Lexicon «A–K» (X, 618 S.). Part II: Lexicon «L–Z», Conclusions, Apparatus. (X, S. 620–1494). Turcologica. Herausgegeben von Lars Johanson. Band: 84. Harrassowitz. Wiesbaden 2011.
- Селищев, А., Полог и его болгарское население, София, 1929.
- Соболев А.Н. 2004. Опыт исследования тюркизмов в балканских диалектах // ZfB, 40 (2004) 1: 61-91 ZfB, 40 (2004) 2: 206–229.
- Stachowski M. Uwagi o zapożyczeniach ałtajskich w języku prasłowiańskim i kwestie pokrewne // Studia Turcologica Cracoviensia · 10 (2005) 437–454.
- Ужинин, Е. Е. Турецкие заимствования в языках восточно-средиземноморского ареала: языковые контакты на территории Османской империи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. – М., 2008.
- Варбот 1969 – Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование (Ретроспективная формальная характеристика). М.: Наука, 1969.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1964–1973.
- VEWT: Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969.

ТАТАР ХАЛЫК ӘКИЯТЛӘРЕНДӘ ЧАГЫШТЫРУЛАР (лингвокультурологик характеристика)

И.Г. Закирова

Статья посвящена изучению сравнений, в том числе устойчивых сравнений, выявлению связи сравнительных образов с самыми разными сферами материально-культурной и общественной жизни. Сравнения, используемые в татарских народных сказках, являются фрагментами языковой картины мира, и представляют собой источник этнокультурной информации. Устойчивые сравнения носят национально-культурный характер.

Ключевые слова: Волшебная сказка, сравнения, языкознание, картина мира.

The article is devoted to the study of comparisons, including stable comparisons, revealing the connection of comparative images with various spheres of material, cultural and social life. The comparisons used in Tatar folk tales are fragments of the linguistic picture of the world and represent a source of ethno-cultural information. Sustainable comparison are national-cultural character.

Keywords: Fairy tale, comparisons, linguistics, picture of the world.

Соңгы елларда тел белемендә телне халыкның культурасы, менталь үзенчәлекләре белән бәйләнештә өйрәнү алга планга чыга. Тел халык культурасының чагылышы һәм мәдәни кыйммәтләрен буыннан буынга тапшыру чарасы буларак тикшерелә. Фольклор эсәрләре мисалында телнең халыкның рухи һәм мәдәни кыйммәтләрен саклавы бигрәк тә ачык күренә. Бу мәкаләдә татар халык әкиятләрендә очрый торган чагыштырулар турында сүз бара. Чагыштырулар, дөнья картинасының фрагментлары буларак, лингвистик яктан гына түгел, лингвокультурология ягынан да, халыкның тарихи үткән өйрәнү өчен дә мөһим чыганак булып тора. Максатыбыз – чагыштыруларны фольклористик дөнья картинасы компоненты буларак өйрәнү.

Чагыштыруларның эчтәлегә һәр халыкның менталь үзенчәлегә, мәдәнияте, тарихы белән бәйле. Алар халыкның тел-фольклор дөнья картинасын тудыралар һәм шушы картинадан чыгып формалашалар. Татар халыкның яшәү рәвешенә бәйле рәвештә үз образлары формалашкан. Ягъни һәр халык чагыштыруларында бары үзе яхшы белгән, кулланган предмет-күренешләргә генә файдалана ала, үзе белгән образлар ярдәмендә яңа картина тудыра. Чагыштырулар формалашуда аның фикер йөртү үзенчәлегә, ижтимагый-тарихи тәҗрибә, яшәү образы, дөньяны танып-белү үзенчәлегә, тарихи үткән, яшәү урыны, табигый шартлар да роль уйный.

Татар халык әкиятләрендә *кебек*, *күк*, *шикелле*, *төсле*, *сыман* дигән бәйләкләр, *гүя*, *әйтерсең* дигән теркәгечләр ярдәмендә ясалган чагыштырулар очрый. Иң еш очрый торган *кебек* бәйләгә булса, *гүя*, *әйтерсең* теркәгечләре сирәк кулланыла. Бәйләк сүз төшеп калган мисаллар да бар. *-дай/-дәй/-тай/-тәй* кушымчасы ярдәмендә ясалган чагыштырулар да сирәгрәк кулланыла. Чыгыш килеше кушымчалары *-дан/ -дән, -тан/-тән* шулай ук чагыштыру чарасы булып хезмәт итә.

Татар телендә тотрыклы тезмәләргә әйләнгән чагыштырулар да күп. Әлегә чагыштырулар сөйләм телендә дә, әдәби эсәрләрдә дә кулланыла, халык теленнән фольклор эсәрләренә дә кереп, бер әкияттән икенчегә күчә бара. Мисал өчен, әкият текстларында *очкан кош шикелле*, *аткан ук кебек*, *яшен кебек* дигән чагыштырулар күп әкиятләрдә кабатланып, тизлек-житезлекне аңлату өчен файдаланылган: *«Ат шәп, аяклары жәргә тими, кош кебек оча» («Ак байтал»)*, *«Бу кош шикелле очып киткән» («Әйгали батыр»)* *«Яллы бүре ук кебек атылып чыгып та китә» («Яллы бүре белән Шаһзадә әкияте»)*. Тотрыклы чагыштырулар билгеле бер лингвокультур жәмгыть өчен хас һәм алар бер буыннан икенчесен күчә килә. Нәкъ шушы тотрыклы чагыштырулар дөнья картинасын өйрәнү өчен дә чыганак булып тора.

Чагыштырулар, фразеологизмнар һәм паремияләр кебек үк, милли-мәдәни характерда була. Бу халыкка яхшы таныш, милли мәдәнияте, көнкүрешне, традицияләрен сурәтләгән чагыштыру объектларында чагыла. Чагыштыруларны анализлау, халыкның кешенәң нинди сыйфатларын өстен күрүен дә күрсәтә. Татар халыкы өчен кунакчыллык, чисталык-пөхтәлек, сабырлык, туры сүзле булу, тырышлык, туган жанлылык кебек сыйфатлар менталь сыйфатлар булып санала ала. Алар әкиятләрдә дә урын тапкан. Мәсәлән, кешеләр арасындагы мөнәсәбәтләрен сурәтләгәндә *кардәше кебек*, *туганы кебек*, *игезәкләр шикелле* дигән чагыштырулар якин күрүне, дуслыкны аңлата: *Хәзер бик тәгъзыым кыйлып күреште, гүя үз тутасы кебек якин күргәнлеген белгертте. («Баһадиршаһ һәм гәмбә хикәясе»)*

Халыкның тотрыклы чагыштыруларында, нигездә, авыл хужалыгы белән бәйле образлар очрый. Аларда татар халыкның борынгыдан утрак тормыш белән яшәве, игенчелек

белән шөгылләнүе, терлек асрау белән бәйле тормышы чагыла. Бу чагыштыруларның бер өлеше тотрыклы текстлар булса, икенчеләре, сирәк очрый, хәтта бер әкият текстында гына очрага да мөмкин. Игенчелек, терлек асрау белән бәйле крестьян тормышынан алынган образлар, күренешләр һәм хезмәт процессы белән бәйле рәвештә барлыкка килгән түбәндәге чагыштыруларны күрсәтеп китәргә мөмкин:

Патша балконнан менеп карады, солдатлары көлтә шикелле яталар (Аучы белән асрау кыз); Дию сабан сукалаган кебек итеп эсирне ертып барган («Камыр батыр»); Чүмәлә кебек турап өйдә («Камыр батыр»); Тешләре төшкән карчыкның, чәчләре эшитен кебек агарган («Патша малае һәм аның фәкыйрь күршесе»); Сыер кебек шайтан килеп чыккан. («Тылсымлы шәм»). Башларында тирмән ташы дйләнгән кебек, миләре дйләнеп кайный («Карт бабай»); Кая басарга эсир тапмыйча, кызган табадагы борчак кебек сикергәләнеп йөршләр («Карт бабай»); Муенында камыт, янында эсепләре, сабанга эсигарга хэзерләнгән кебек («Аучы егет һәм эсәндәкләр»).

Мисалга китерелгән чагыштыруларда крестьян кешесе өчен таныш образлар һәм күренешләр ярдәмендә картина тудырыла. Печән эзерләү һәм иген жыю белән бәйле чүмәлә кую, кибән өю жәйге кыр эшләренә аерылгысыз өлеше. Һәр авыл жирендә яшәгән кеше сабанга чыгуны, сука сукалауны да яхшы күзалмый. Житенән тукулган тукуманы жәй бую кояш астында агартканнар, эшитен кебек дигән чагыштыруның асылында шул күренеш эзләре саклана. Халык мифологик образларны да үзенә таныш образлар аша сурәтли, женне сыер белән чагыштыру бары әкиятләрдә генә очрый. Телдә, киресенчә, кешене эсеп кебек дип чагыштыру бар. Тегермәндә он тартыру крестьян тормышының аерылгысыз өлеше булып, бу образ әкиятләрдә дә сакланган.

Чагыштыруларда милли һәм дини йолалар һәм бәйрәмнәр искә алына: *сабан тую* (халык сабан тую кебек гөрлән тора инде), мифологик мотивлар килеп керә: *аждаһа кебек хатын, эсәннәт өе кебек бүлмә* һ.б.

Әкиятләрдә сакланып калган чагыштырулар халык тормышының төрле чорларына бәйле мәгълүмат саклый. Аларда хэзерге вакытта юкка чыккан хезмәт төрләре, һөнәрчелек, көнкүреш, тарихи вакыйгалар турында мәгълүмат саклана. Мәсәлән, «*Балыкчы белән Гыйфрит*» дигән әкияттә балчык бастыргандагы шикелле дигән чагыштыру бар: «*Балчык бастыргандагы шикелле йорт уртасына багана казып куялар, аңа кульса киертәләр, кульсага чылбыр белән бәйлшләр көтүче малайны*». Әлеге чагыштыру бүгенге укучыга аңлашылмый. Сүз төзү материалы буларак кирпеч яки саман эзерләү процессын искә ала. Уртага багана утыртып, аңа ат бәйләнгән, ат багана тирәли әйләнеп йөрөп балчык изгән. Әкияттә файдаланылган чагыштыру үзе дә бу процессы күзалларлык мәгълүмат та бирә. Тагын бер кызыклы чагыштыру татар халкының тамаша карарга яратуынан, цирк сәнгате белән таныш булуынан эз саклай кебек: «*Бу китте мәтәлчек атынып, уенчылар кебек тәгәрәп йөри*» («*Үги ана белән яшь егет*»). Чагыштыруларга яу-сугышлар белән бәйле күренешләр дә кергән. Мәсәлән, «*Тай чабып киткән урамда түп төшкән шикелле чокырлар казылып кала*» («*Корчаңгы тай*»). Әкиятләргә патшалар, ханнар, аларның тормышы матурлык, зөвыклылык эталоны булып кергән. Мәсәлән, «*Шуларны киэгәч, сине һичкем танымас, патша улы кебек булырсың*» («*Яхшылыкка – явызлык*»). Патша сарае да, гади халык аны күрмәгән булса да, байлык, затлык символы булып аңлашыла: «*Ярты байлыгымны һәм сарай кебек йорт салып бирәм*» («*Хәсән әкиятә*»)

Чагыштыруларда милли стереотиплар гына түгел, информантның дөньяга карашы, тәжрибәсе дә чагыла. Ул текстка үзе белгән яңа образлар да кертеп жиберә. Мәсәлән, татар авылларында 1930 елларда мәчет манараларын кисү вакыйгасын халык хэзергә кадәр онытмый. Бу турыда риваятьләр, мөнәжәтләр ижәт ителгән. Әлеге күренеш турындагы мәгълүмат чагыштыру булып әкияткә дә килеп кергән: «*Дию манара кебек ике якка авыл китте*» («*Өч сарай*»).

Әкиятләрдә геройның эшчәнлегенә, тышкы кыяфәтенә бәя биргәндә дә традицион чагыштырулар кулланыла. Геройның тышкы кыяфәтен тудырганда татар әкиятләре күк жисемнәренә, үсемлекләр, кошлар һәм хайваннар дөньясына мөрәжәгать итә. Геройларның эш-гамәлләрен яки тышкы кыяфәтләрен сурәтләү өчен титуллар, чиннар кулланылырга мөмкин: *патша кебек, патша кызы кебек, гәрнадир кебек*. Әкиятләрдә кызларны һәм егетләрен бәйләүдә татар халкының символга әверелгән образлары бар. Кызлар, аларның йөзе тулган ай, якты кояш, ай нуры, кояш нуры, чәчәк, гөл, алма белән чагыштырыла.

Ә кызының бер бите ай, бер бите кояш кебек: *дөньяда бер чибәр.* («*Патша белән солдат*»); *Яшь кызының алма кебек эшитлеккән чагы иде* («*Өч сарай*»); *Кызының матурлығы болыт астыннан чыккан кояш шикелле* («*Дутан батыр*»); *Шул ишекне каерып тартып ачса, анда көн кебек балкып, чагыштыргысыз матур кыз утыра икән* («*Солдат патша*»);

Таң атып, мөззиннәр азан әйтеп, халык иртә намаздан чыгып, яңадан тәмле йокыга талгач кына, **ай йөзле** ак сылу кыз аптак киемдә, **кап-кара сөлек кебек** чәчләре, **яңа туган ай кебек** сызылган кара кашлары, **озын салынган жәфәк кебек** керфекләре арасыннан тирә-якка бәхет, шатлык чәчеп тора торган сөйкемле караашлары белән **талдан зифа буйлары**н эжилгә тибрәнгән **асыл гөл сабагыдай** тибрәндереп бакчага килеп чыга.

Кызларның матурлыгын тулы ай белән чагыштыру да әкиятләргә кергән: *Амбар эчендә айның ундүртенче кичәсе кебек* нур чәчеп, *бик матур бер кыз утыра* (өч күгәрчен). Икенче яктан кыз кеше үзе дә матурлык, көзлек, чисталык, уңганлык эталонын аңлаткан образ булып чагыштыруларга кергән: *Аты да нинди, кызлар кебек, биен кенә йөри* («*Капыр батыр*») *Менә Жилаяк кызлар шикелле, бик матур икән, яшь икән үзе, ди.* («*Дутан батыр*»). Чагыштырмача соңгы дәвергә караган *кәртинкә кебек* дигән чагыштыру да кызларны сурәтлөгәндә файдаланыла: *Шундый матур инде, кәртинкә кебек* («*Чәчәк күлмәк*»).

Һәр героиняның гамәлләре жәмгыятьтә кабул ителгән рухи һәм матди кыйммәтләр, дөньяны танып-белүгә бәйле рәвештә формалаша Ир-егетнең төп бурычы – ил-ыруны яклау, һәм шуңа бәйле рәвештә чагыштыруларда да ул илне якларга эзер булуын күрсәткән сыйфатлары көче, батырлыгы, сугышчан сыйфатлары аша гәүдәләнделә. Кагыйдә буларак, героиня арслан, юлбарыс, бөркет, лачын, бүре кебек образлар ярдәмендә сурәтлеләр: *Дутан батыр гаскәрнең арасына ач арслан шикелле барып керде.* («*Дутан батыр*») *Йөри-йөри торгач, егет диюне күтәрәп эңиргә бәргән ди дә, өстенә бөркет кебек менеп тә кунган ди.* («*Сихерле алма*») *Дошманнарын күрүгә, куй арасына кәргән бүре кебек, солдатлар арасына барып та керде, бер баитан кыра да башлады...* («*Батман бабай*»).

Бу чагыштырулар татар лингвокультурасының бая биру эталоны булып тора.

Татар әкиятләрендә егетләрнең тышкы кыяфәтләрен тасвирлаган чагыштырулар да очрый: *Тал кебек зифа буйлы Сәйфелмөлек исемле улы булган* (*Сәйфелмөлек белән Фәтхелжамал*); *Кияү бик яшь икән – алма кебек егет* («*Әби белән бабай*»); *Бу сөлек кебек бер егет була* («*Әлүк батыр*»).

Бу чагыштырулар арасында сөлек кебек дигән чагыштыру аерым игътибарга лаек. Сөлек кебек дигән чагыштыру бары егетләргә карата кулланыла һәм ул егетнең тышкы кыяфәтенә бая бирә, димәк, ул, төз гәүдәле, озын буйлы, сау-сәламәт, кимчелекләрдән азат дигән сүз. Сөлекне күргән кешегә аның егетләр белән чагыштырылык сыйфатларын табу кыен. Кагыйдә буларак, чагыштыруларда ике предмет яки күренешнең охшаш сыйфатлары чагыштырыла. Әгәр сөлекнең хәрәкәтчәнлегә искә алынса, бу очракта, сөлек кебек житез егет дигән чагыштыру урынлы булыр иде. Шуңа ук вакытта, борынгы төрки телдә сүлүк дигән сүз булганы билгеле [Древнетюркский 517]. Ул гаскәри, хәрби кеше дигәнне аңлаткан [Әхмәтъянов 2015: 172].

Өлегә кадәр татар халык әкиятләренең теле, шуңа исәптән чагыштырулар да махсус өйрәнелмәгән. Карап киткән мисалларда татар халкының чагыштыруларында үткәнне турында мәгълүмат саклануны, дөньяны кабул итүне, милли кыйммәтләргә чагылдыруын күрәбез. Әкият текстларында кулланылган чагыштыруларны лингвокультурологик яктан өйрәнү халыкның рухи дөньясын, тарихын, дөнья картинасын өйрәнергә бай материал булып тора.

ӘДӘБИЯТ

Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. II том. – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 567 б.

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 677 с.

ХАЛКЫБЫЗ БОЛГАРЛАР ҺӘМ КОСАННАР БЕРЛӘШҮЕ НӘТИЖӘСЕНДӘ ФОРМАЛАШКАН

М.З. Зәкиев

В докладе речь идет о формировании народа, получившего со стороны западноевропейцев этноним *тартар* в значении «подземное царство мертвых, ад». У русских не было слова *тартар*, они хорошо усвоили слово *татар* от монголо-татарских завоевателей. Поэтому русские сначала всех нерусских называли *татарами*. Постепенно это название закрепилось за тюрками Кавказа. Но кавказские тюрки, воспользовавшись свободой Октябрьской революции, дружно отказались от этнонима татар, стали называться своими этнонимами: *азербайджан, гагауз, кумык* и т.д.

От этнонима *татар* не захотели отказаться поволжские, сибирские, крымские, добруджинские тюрки. И известный писатель, общественный деятель Галимджан Ибрагимов

настаивал, чтобы поволжские тюрки назывались татарами. Он думал, что монголо-татары – самый сильный народ на Земном шаре, и поволжские тюрки хотя бы по этнониму относились к ним.

Древняя русская Львовская летопись сообщает, что город Казань в народе назывался словом *Кусян*, а его народ – *кусяне*. Кусян это белые сюны (ак сөннәр – белые сюны, т.е. белые хуны). Наш народ носит название *косян*, следовательно, он и сейчас *косян* (т.е. белые сюны – ак сөннәр, а не *татар*). Мнение о том, что в формировании нашего народа и прежние болгары принимали активное участие, является общепризнанным.

Ключевые слова: Кусян, кусяне, львовская летопись, белые сюны.

The report refers to the formation of a nation which received the ethnonym *Tartar* from the West Europeans in the sense of «the underworld inhabited by dead, hell». The Russians did not have the word *tartar*; they well learned the word *Tatars* from the Mongol-Tatar conquerors. Therefore, primarily the Russians called all non-Russians *Tatars*. Gradually, this name became permanently used for the Caucasus Turks. However, taking advantage of the October Revolution freedom, Caucasian Turks unanimously rejected the ethnonym *Tatar*, and began to use their own ethnonyms: Azerbaijan, Gagauz, Kumyk, etc.

The Volga, Siberian, Crimean, Dobrudzhinsk Turks refused to give up from the ethnonym *Tatars*. The famous writer, public figure Galimdzhan Ibrahimov insisted that the Volga Turks should be called *Tatars*. He reckoned that the Mongol-Tatars were the most powerful nation on the globe, and the Volga Türks, at least by their ethnonym, belonged to them.

The ancient Russian Lviv Chronicle reports that the city of Kazan was popularly names the word *Kusyan*, and its people – *kusyan*. *Kusyans* are white syuns (ak sөнnur – white syuns, i.e. white huns). Our nation are called *Kosyans*, therefore, they are *Kosyans* now (that is, white Syuns are ak sөнnur and not *Tatars*). There is opinion which is generally recognized that in the formation of our nation and the former Bulgars took an active part .

Keywords and phrases: *Kusyan, kusyane, Lviv Chronicle, white syun.*

Татарстандагы Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының төрки тел гыйлеми, бигрәк тә аның лексикологиясе һәм лексикографиясе буенча халыкара фәнни конференция үткәргә тулы хокукы да, мөмкинлекләре дә бар, чөнки татар теленә академик грамматикасы да, дүрт томлык академик лексикологиясе дә, «академик» дип әйтерлек лексикографиясе дә нәкъ менә шушы институттагы галимнәр житәкчелегендә чыгарылдылар.

Лексикология ул этимология һәм этногенез проблемалары белән дә бик тыгыз бәйләнештә тора, шуңа күрә без бу чыгышыбызны этногенез проблемаларына багышларга булдык.

Tatar этнонимы тарихи яктан *тартар* атамасына барып тоташа. *Тартар* атамасы борыңгы гректагы *Tartaros* сүзеннән килә. Бу сүз – *үлеләрнең җир асты патшалыгы*, ягъни *тәмузь* мәгънәсендә кулланылган. Борыңгы грекларга иярәп, борыңгы европалылар дөньяның төзелешен менә ничек күз алдына китергәннәр: дөнья янәсе берничә катламнан тора, иң өстә, һавада – аллалар, пәйгамбәрләр, оймак хужалары, жир өстендә – европалылар, жир астының төрле катламнарында – күмелгән европалыларга җан керү нәтижәсендә терелгән кешеләр, икенче төрле әйткәндә, *тартар* дип атала торган *тәмузь кешеләре* яшиләр. Тарихыбызда менә шул тартарларны татар дип уйлап, китап чыгаручылар да булды. Равиль Фәхретдинов – Казанда [Паркер 2003: 3–5], Т.Е. Любова – Мәскәүдә [Паркер 2008: 1–5] Эдуард Паркерның «Тысяча лет из истории тартар» китабын безнең татар тарихына каратып бастырып чыгардылар.

Көнбатыш Европа укымышлылары бөтен Европа бары европалыларныкы гына булган дип исбатларга тырышканнар, анда бары европалылар гына яшәгән, башка халыклар Европада *тартарлар* буларак барлыкка килгәннәр, ягъни үлгән европалыларның жир астында терелүләреннән оешкан тәмузь кешеләре буларак таралганнар [Артановский 1967: 50–59].

Монголларның Чыңгыз хан житәкчелегендә сугыш оештырулары евроцентристар таләбе белән эшләнгән булырга тиеш, чөнки монголлар армиясен төзүне монголларның *тартар*ларыннан, ягъни иң кансыз төркемнән – Тимучинның (булачак Чыңгыз ханның) этисен үтергән монголлардан башлаганнар. Юньсезлекләрен истә тотып, евроцентристар аларны *тартар* дип атаганнар. Шул *тартар* сүзеннән монголлар *татар* сүзен тудырганнар.

XVIII гасыр башында Россиядә фәннәр академиясен төзү өчен, Европадан галимнәр чакырылган. Килгән галимнәр Россиядәге халыкларны *тартар* дип атаганнар. Болардан күрәп-ишетеп, руслар үзләре дә рус булмаганнарны *тартар* дип түгел, ә күнәгелгәнчә *татар* дип йөрткәннәр.

Соңрак бу сүз төркиләргә беркетелгән. XIX гасырда *татар* исеменә күп кенә төркиләргә үзләре дә күнеккәннәр. Кавказ төркиләренең кайберләре үзләрен *татар* дип атаганнар. Ләкин соңрак аңлаганнар, бу исем аларны *тартарлар* (үлгәннәрдән терелгән тәмуг кешеләре) белән тиңләргә этәрә икән. Шуңа күрә бу төркиләргә, Октябрь революциясе иргеннән файдаланып, *татар* атамасыннан баш тартканнар, үзләренең милли исемнәрен кайтарганнар. Нәтижәдә *азербайҗан, үзбәк, кыргыз, балкар, карачай, нугай, комык, гагауз* кебек этнонимнар рәсмиләштерелгәннәр.

Татар исемен Идел буе, Себер, Крым һәм Румыниядәге Добруджа төркиләре ташламаганнар. Руслар татарны монгол-татардан калган, киләчәктә барыбер юкка чыгарыласы халык дип исәпләгәннәр, телсә ничек мыскыл иткәннәр. Татар исемен саклаган төркиләргә хәзер дә әле шушы мыскыллауларга түзеп яшиләр.

Татар исемен ташламаска Идел төркиләрен Галимжан Ибраһимов өйрәткән. Ул дөньяда иң көчле һәм абруйлы халык монгол-татарлар дип уйлаган һәм безнең халыкны да шундый бөөк халык дип белсеннәр өчен, халкыбызны *татар* дип агарга кирәк дигән фикерне үткәргән. Республикалар төзү чорында ул Ленин белән дә очрашкан һәм төзеләчәк республиканы Татарстан дип атарга күнектергән.

Тик ул безнең рус илендә яшәвезне исәпкә алмаган, русларның монгол-татарга булган мөнәсәбәтенең тискәре булуын да оныткан. Русларның монгол-татарга (димәк, гомумән *татарга*) тискәре мөнәсәбәте бер генә чорда да уңайга үзгәрмәгән. Без моны Башкортстан һәм Татарстан республикалары территорияләрен билгеләгәндә дә ачык күрдөк: рус житәкчеләре Татарстан территориясен Башкортстан территориясеннән ике мәртәбә ким итеп билгеләгәннәр: татарлар яши торган бик күп регионнар башкорт жирләре ителгәннәр. Моңың бердән-бер сәбәбе – *татар* этнонимына булган тискәре мөнәсәбәт. Шулай итеп *татар* исемен саклау халкыбызга бик зур зыян китергән.

Тагын шунысын да игътибарсыз калдырырга ярамый: монгол-татарларга Европада һәм Россиядә нинди тискәре мөнәсәбәт урнашкан булса, безнең *татарга* да шундый ук мөнәсәбәт күрсәтәләр. Дәрәс эшлиләр, чөнки без үзез халкыбызны татар-монголдан калган халык дип аңлатучыларга каршылык күрсәтә алмаганбыз.

Төркиләргә безнең эраның III–IV гасырларында гына формалашкан дип раслаулары евроцентристларның чын тарихны белмәүләренә кайтып кала. Моңа бер мисал китерү дә җитә. Мәгълүм булганча, Америка индейцләрә телендә төрки сүзләр бик күп. Ул сүзләр Америка индейцләренә кайдан кергән соң? Индейцләр төркиләргә белән бер вакытта да аралашмаганнар. Димәк, алар теленә төрки сүзләр алар Америка материгына күчкәнчә үк кергән.

Академик А. Окладниковның эзләнү нәтижеләренә таянып әйткәндә, Америка материгына беренче евразиялеләр 20–30 мең ел элек Себердән күчкәннәр [Окладников 1976: 160–168]. Димәк, себерлеләр арасында 20–30 мең еллар элек төрки телдә сөйләүчеләр дә булган. Шуңа күрә евроцентристларның төркиләргә б.э. III–IV йөзләрендә генә формалашкан дип әйтүләре дәрәслеккә һич туры килми.

Евроцентристларның «төркиләргә бары күчмәннәр генә булганнар» дигән карашы да чынбарлыктан ерак тора. Күчмә дип йөртелгән бер генә халык та, барлык халкын ияртеп, үзенең яшәгән жирен ташлап китмәгән: туган иленең бер урыныннан икенче урынына күчеп йөргән, үз иле эчендә малга үләнле жир эзләгән. Үз илен ташлап, башка жиргә барып утырган халыкны тарих белми. Күчмәнлек өйрәтмәсе дә евроцентристлар тарафыннан уйлап чыгарылган бер ялган гына.

Барысын бергә жыеп әйткәндә, безнең халкыбыз *тартарлардан* – *татарлардан* була алмый.

Халкыбызның төп территориясендә, жирле халык буларак, кемнәр яшәгән соң? Русларның бик борынгы чордан алып 1560 нчы елга кадәр булган чорны эченә алган Львов ельязмасы хәзерге Казан урынындагы шәһәрне *Кусян* дип атаган, андагы халыкны *кусяне* дигән [Шпилевский 1877: 133].

Кусян сүзе (*ку* һәм *сян*) ак йөзле сөннәр (һуннар) мәгънәсен белдерә. Сөннәр алар төркиләргә төп бер төре. *Сөн* атамасы башка төркиләрдә *һун* дип әйтелә, *хун*, *гун* дигән вариантлары да бар.

Минем «без монгол-татардан калган халык түгел, без бик борынгы болгарлардан һәм косаннардан – сөннәрдән киләбез» дигән карашны Башкортстанда да күтәреп алдылар. «Ихлас» дигән мәчеттә бу юнәлешнең үзгәре дә тазелгән иде. Мин анда Шиһабетдин Мәржани фикерләренә таяндым.

III. Мәржани 1877 елда Россиянең Казанда уздырылган дүртенче археологик съездында зур гына чыгыш ясы. Аны В.В. Радлов, русчага тәрҗемә итеп, дүртенче археологик съездның хезмәтләрендә бастырып чыгара [Багаутдинов 1884: 40–50].

Бу Шиһабетдин Мәржанинең гомере буенча эзләп тапкан материалларын гомумиләштереп биргән бик зур хезмәте. Анда Болгар һәм Казан дәүләтләре турында бик күп материал һәм ачышлар тупланган. Биредә ике дәүләтнең дә үсеш-үзгәреше, алардагы житәкчеләр һәм ханнарның исемнәре, аларның туганлык мөнәсәбәтләре жентекле рәвештә тасвирланганнар. Бу материаллар халкыбызның болгарлар һәм косаннар кушылмасыннан торучы кире кагылмаслык итеп исбатлылар.

Нәтижә ясап әйтергә кирәк: халкыбыз төрле буталчыклар нәтижәсендә, ялгыш *татар* дип атала. Көнбатыш илләрдә *татар* дигән сүз кулланылмый, аларда бары *тартар* дигән сүз генә бар. Ул сүз «үлеләрнең жир асты патшалыгы», ягъни *тәмузь* мәгънәсендә генә кулланыла.

Аңлаган кешеләр өчен *татар* дигән сүз *тартарга* барып тоташа, халкыбызны халыкара күләмдә мыскыл итүгә кайтып кала. Шуңа күрә мин халкыбызның исемен алмаштыру мәсьәләсн күтәрәп чыктым: *болгар* сүзен түгел, башкалабыз *Казан* исемле булганлыктан, *косан* сүзен тәкъдим иттем.

ӘДӘБИЯТ

Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. – Л., 1967.

Багаутдинов Шигабутдин (Марджани). Очерк истории Болгарского и Казанского царств. Труды четвертого археологического съезда в России. Т. I. – Казань, 1884.

Борынгы татар әдәбияты. – Казан, 1963.

Зәкиев М.З. Татар этнонимы, этногенезы, сөйләмә һәм язма телләре тарихына гомуми караш // Сайланма хезмәтләр. – I нче том. – Б. 34–49.

Можаровский А.Ф. Где искать в наше время потомков тех можар, которые в 1551 году среди поля Арского бились с казанцами, верные присяге русскому царю? // Труды четвертого археологического съезда в России. – Казань, 1884.

Обращение XI курултая ВТОЦ // Звезда Поволжья, 2014. – 24–30 апреля.

Окладников А., Василевский Р.С. По Аляске и Алеутским островам. – Новосибирск, 1976. – 168 с.

Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа / пер. с англ. Т.Е. Любовской. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 223 с.

Паркер Э.Х. Тысяча лет из истории татар: науч.издание / пер. с англ. В. Мирзаянова; послесл. Е. Мирзаянова, Р.Фахрутдинова. – Казань: Идел-Пресс, Слово, 2003. – 288 с.

Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готами / пер. С. Дестуниса. – Кн. 1. – СПб., 1876.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. – 585 с.

ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

Ю.М. Ибрагимов

Терминология родства тюркских языков Южного Приаралья (ЮПА) отражает общетюркскую систему терминов родства. Взаимоотношения в области терминов родства внутри отдельных тюркских языков указанного региона еще не были предметом специального исследования. Сравнительно-историческое изучение терминологии родства продолжительно и интенсивно контактировавших между собой узбекского, каракалпакского, казахского и туркменского языков с привлечением всех известных диалектных вариантов представляет интерес не только для лингвистов, но и для историков и этнографов.

Анализ диалектных терминов родства ЮПА приводит к следующим выводам: 1) термины родства в период своего возникновения означали родственные, половозрастные, брачные группы; 2) референтивные термины родства, сравнительно с вокативными, обладают большей устойчивостью; 3) при сравнительно-историческом и этимологическом исследовании терминов родства большое значение имеет, учет лексического материала всех диалектных вариантов ареала.

Ключевые слова: диалектные особенности, взаимовлияние, соответствие, среднеазиатские, волжско-уральские, термины родства в тюркских языках, учет лексических материалов и др.

The term of kinship of the Turkic languages of the southern Aral region reflect the common Turkic system of terms of kinship. Relationships in the field of kinship terms within individual Turkic languages of the specified region have not yet been the subject of special research. A comparatively historical study of kinship terminology of kinship terminology of the Uzbek,

Karakalpak, Kazak and Turkmen languages that have been in intensive contact with each other for a long time and involving all known dialect variants is of interest not only for linguists but also for historians and ethnographers.

Analysis of dialectal kinship terms leads to the following conclusions: the terms of kinship in the period of their origin meant related gender and age marriage groups, relative terms of kinship, compared with vocative are more stable, with a relatively historical and etymological study of the terms of the terms of kinship is of great importance, taking into account the lexical material of all dialectal variants of the range.

Keywords: dialect, features, mutual influence, conformity, Central-Asian, Vola, Ural kinship terms of Turkic languages, accounting of lexical materials.

Терминология родства тюркских языков Южного Приаралья (далее – ЮПА) в основе отражает общетюркскую систему терминов родства. Тем не менее как между отдельными языками региона, так и между диалектами внутри отдельных языков в области терминологии родства имеются довольно значительные различия. Диалектные особенности и междиалектные взаимоотношения терминов родства внутри отдельных тюркских языков ЮПА в той или иной степени разработаны (Бегжанов 1971: 77–81; Бекетов 1992: 110–111; Доспанов 1980: 34–35; Ибрагимов 1986: 94–112). Но взаимоотношения и взаимосвязи в области терминологии родства между отдельными тюркскими языками указанного региона еще не были предметом специального исследования. Сравнительно-историческое изучение терминологии родства продолжительно и интенсивно контактировавших между собой узбекского, каракалпакского, казахского и туркменского языков с привлечением всех известных диалектных вариантов представляет интерес не только для лингвистов, но и для историков и этнографов. Исследование взаимовлияния диалектных терминов родства показало большую взаимопроницаемость их как между диалектами, так и между языками.

Термины родства узбекского, каракалпакского, казахского и туркменского языков постоянно взаимодействуют. В говорах узбекского языка ЮПА понятие *мать* именуется такими словами: *ана апай, аба, абай, энэ, энэй*. В гурленско-берунийской подгруппе и в внутренне переходной подгруппе говоров преимущественно употребляется термин *ана*, а в говоре ходжелийско-кипчаком *ана, апай аба, абай* употребляется параллельно, а в турткульско-элликалинской и в внешне переходной подгруппе говоров *энэ, энэй*.

Термин *ана*, постепенно расширяя свой ареал, из гурленско-берунийского говора проник в турткульско-элликалинскую и внешне переходную подгруппу говоров, при этом, как часто бывает в подобных случаях, он изменил свое значение. В отдельных говорах йекающего кипчацкого типа узбекского языка ЮПА *ана* в основном употребляется в значениях *старшая тетя, старшая родная сестра* и как форма при вежливом обращении к женщинам старше своих родителей, но не пожилой. Во многих тюркских языках, в том числе, в узбекских говорах и узбекского литературного языка оно употребляется в том же значения (УзРС 305). Но ареал распространения термина *ана*, шире чем *энэ и аба*. Об этом говорит и то, что из тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана *энэ и аба* представлены только в узкодialeктной форме в узбекском языке ЮПА, *энэй, абай* являются вокативом *энэ и аба*, восходящего к более древней форме *ача*. Имеет соответствия в среднеазиатских, центральноазиатских и волжско-уралских тюркских языках. Ср. калп. *ана* мать, сестра, обращение к сестре мужа и ко всем старшим женщинам [ККРС: 46], казах. *ана*, туркм. *еже*, уйгур. *ача* старшая сестра, чуваш. *апай, ама* мать, башкир. *эсэ, энна*, в диалектах татарского языка представлены четыре основных фонетических варианта термина: *ана, эни, энэй инэй инэ(й)*, алтай. *јзе*, шор. *јса*, чулым. *аза* мать прототюркское *энэ, ана* старшая родственница, в современных тюркских языках отражается как *ана* старшая сестра, мать. А древнетюрк. *ана ачы* термином родства, употребляемые по отношению к старшим по возрасту [Малов 1951: 359]; *ача* старшая сестра, *ач* пожилая женщина [ДЛТИ: 35]; ст.узб. *ана*. Как отмечает Л.А.Покровская, в памятниках древнетюркской письменности этот термин встречается в трех фонетических вариантах: *асі, эсі, эчі* имеет очень широкое значение старший родственник [Покровская 1961: 28].

Это общее значение в дальнейшем в связи с развитием и возникновением новых форм семейно-родственных отношений, в тюркских языках термин *ана* стал настолько многообразен как в отношении внешней формы, так и в отношении содержания (в пределах понятия старший родственник -ница), что порою слова трудно собрать в одно гнездо.

Ныне диалектный термин *ана, апай* мать в древнетюркском имел повсеместное распространение. Основное значение этого термина в древнетюркском старшая родственница. В условиях большой патриархальной семьи термином *апай* обозначали всех старших родственниц в семье – старших сестер, родную мать, тетушек и др. Только бабушку – самую

старшую в семье женщину называли *эна, энай, йэна, йэнэй, изна, изэнэй*. После смерти бабушки термином *эна* мама стали называть родную мать. Следы такого своеобразного использования термином *ана, апай и изна, изэнэй, йэна, йэнэй* сохранилось в говорах ЮПА.

Так, в некоторых говорах *изэнэй, йэнэй* сохранились в значениях бабушка по линии отца, старшая золовка. В процессе складывания в говорах гурленско-берунийского, ходжелийско-кипчакского, аральского узбеков и в внутренней переходной подгруппе говоров узбекского языка ЮПА за термином *изна, изэнэй, йэна, йэнэй* прародительница, самая старшая женщина в семье, закрепилось значение *мама* (вокативный термин), а в турткульско-элликалинской и внешней переходной подгруппах говоров узбекского языка ЮПА это значение закрепилось за термином *эна, энай* мать, старшая родственница. Уже в древнетюркском термины *эна, энай* начали употребляться в значении мама, мать. В связи с тем, что *ана* в узбекских говорах ЮПА и в соседних каракалпакском, казахском языках чаще употребляется в значении *мать*, нежели в значении старшая сестра, для обозначения последнего понятия сформировался сложный термин *қыз ана, аджана, айана*, что можно квалифицировать как одно из появлений дифференциаций генонимов.

Для определения конкретных путей развития рассматриваемого термина в различных тюркских языках следует учитывать факты контактирования исследуемых языков. Так, например, можно предположить, что в каракалпакском, казахском языках *иене* видоизменилось под влиянием *эна:эна*, бытующих в узбекских говорах ЮПА, поскольку каракалпак, казахи проживают на территории южноприаральского региона, соседствуя с узбеками.

Отметим также, что термин *эна, изна, йэна* употребляется по отношению к животным в значении самка, при этом другие, близкие по значению к *эна* термин родства (*ана* и др.), в данном значении встречается в говорах ходжелийско-кипчакских и аральских узбеков, *эна қой* дойная овца. В том же значении данное слово бытует и в говорах туркменского, казахского, каракалпакского языков: *ене қой* овца, дойная овца (КТДС). Подробное употребление данного слова, по-видимому, является специфической чертой аральских и ходжелийско-кипчакских подгрупп говоров узбекского языка. Укажем в связи с этим на высказывавшееся в литературе предположение о возможности выделения в составе лексемы *инак:энэк* корова, характерной для узбекских говоров Бухарской и Самаркандской областей и ряда тюркских языков элемента *ина:инэй, эна* с первичным значением матушка [Щербак 1961: 97].

В узбекских говорах ЮПА бабушка по матери обозначается термином *мама*. Слово *мама* фиксируется и в других узбекских говорах, насчитывающих семь значений у данного слова [УХШЛ: 350–351]). В узбекских говорах ЮПА зафиксированы четыре значения у слова *мама*: мать, прадед, золовка, жена дяди со стороны матери, бабушка, старушка, прабабушка и в узбекском литературном языке. В УзРС слово *мама* отмечено в значениях кормилица и с пометкой обл. бабушка [УзРС 1959: 266]. Ср. ккалп. *мама* бабушка [ККРС: 445], туркм. *ма:ма* бабушка по матери [ТуркмРС]; монг. *маму* ребенок [МРС 1957: 238], уйгур. *мама* бабушка, старшая сестра бабушки (Покровская 1961: 22)). По-видимому, вышеперечисленные лексемы связаны с древнетюркским *маму* женщина, остающаяся вместе с невестой в первую брачную ночь [ДТС: 335].

В некоторых узбекских говорах ЮПА бабушка по отцу и бабушка по матери обозначается одним и тем же словом. В внутренне переходной подгруппе говора узбекского языка ЮПА для обеих бабушек существует один термин- *мама* бабушка вообще. В ходжелийско-кипчакской подгруппе говора этот термин выступает в звательной форме *мамай* и обозначает жену старшего брата отца и бабушку по матери, в данной подгруппе говора слово *мама*, выступая в сочетании со словом *эна*, образует новый термин *йэнэкэ мама*, который имеет значение повивальная бабка, которая передается и другими способами: *йэнэкэ кампир*. Следует отметить, что в языке племени Чандыр Ильялийкого района бабушка по матери называется словом *мама*, прабабушка по матери *эна*. В деревне Карамазы бабушка по матери называется словом *эна*, прабабушка по матери описательно – *энэмин энэси*.

Анализ диалектных терминов родства ЮПА приводит к следующим выводам: 1) термины родства в период своего возникновения означали родственные, половозрастные, брачные группы; 2) референтивные термины родства, сравнительно с вокативными, обладают большей устойчивостью; 3) при сравнительно-историческом и этимологическом исследовании терминов родства большое значение имеет учет лексического материала всех диалектных вариантов ареала.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаев С.К. К вопросу о роли персидского языка // Вестник Каб.-Балк. НИИ. вып. № 7. – Нальчик, 1973. – С. 358.

- Башкорт сойлаштеренен сузлиги (Словарь башкирских говоров). – Т. 2. – Уфа, 1970. – С. 77.
Бегжанов Т. Каракалпак тили диалектологияси маселелеринен. – Нокис: Каракалпакстан, 1971. – Б. 77–81.
Бекетов Б. Каракалпак казактарынын тили. – Алматы: Рауан, 1992. – Б. 110–112.
Доспанов У. Диалектная лексика каракалпакского языка. – Нукус, 1980. – С. 34–35.
Ибрагимов Ю.М. Лексика узбекских говоров Приаралья. – Нукус: БИЛИМ, 1996. – С. 94–112.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во. АН СССР. – 1951.
Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Исторические развитие тюркских языков. – М., 1961.
Щербак. Основные особенности южнохорезмского говора в сравнительном освещении // ЎзДМ. – Т. 2. – Ташкент: Ўзакадемнашр, 1961.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука. Ленинградск. отд.-ие, 1969.
ДЛТИ – Махмуд Кошгарий. Девони лугатит турк. – Тошкент: Фан, 1967. – Б. 35.
ККРС – Каракалпакско-русский словарь (под ред. Н.А. Баскакова). – М.: 1958. –892 с.
МРС – Монгольско-русский словарь (под ред. Дувсэндэндэва). Гос. изд.-во. иностр. и нац. словарей. – М., 1957. – 785 с.
Туркм РС. – Туркменско-русский словарь (под ред. А.А. Пальмбаха). Гос. изд.-во. иностр. и нац.словарей. – М., 1955. – 723 с.
УзРС. – Узбекско-русский словарь (под ред. А.К. Боровкова). Гос. изд.-во. иностр. и нац. словарей. – М., 1959. – 290 с.
ЎХШЛ – Ўзбек халқ шевалар лугати. – Тошкент: Фан, 1971. – 407 б.
ҚҚТДС – Қорақалпоқ тилинин тусиндирме созлиги. – Нокис: Қарақалпакстан, 1978.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Г.Р. Исхакова

В данной статье рассмотрены проблемы перевода поэтического текста на примере переводов стихотворений А. Ахматовой на татарский язык. В результате анализа лексических особенностей, в частности архаизмов, выяснилось, что они – частое явление в поэзии А. Ахматовой. Были выявлены и собственно архаизмы, и стилистические архаизмы. Все они переведены активной лексикой.

Ключевые слова: поэтический перевод, лексические соответствия, архаизмы

This article deals with the problems of translating a poetic text on the example of A. Akhmatova's translation of poems into the Tatar language. As a result of the analysis of lexical features, in particular archaisms, it turned out that they are a frequent occurrence in the poetry of A. Akhmatova. Both archaism itself and stylistic archaism were revealed. All of them are translated by active vocabulary.

Keywords: poetic translation, lexical equivalent, archaisms

Поэтический перевод – это перевод поэтического текста, созданного на одном языке, с помощью поэтического текста на языке перевода. Переводчик должен создать новый поэтический текст, эквивалентный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации, но использующий по необходимости совсем иные языковые, а порой и стилистические формы [Гиривенко 2000: 11].

Вопросами поэтического перевода задавались А.А. Потебня [Потебня 1985], Л.С. Бархударов [Бархударов 1975], В.Н. Комиссаров [Комиссаров 2001], В.С. Виноградов [Виноградов 2004]. Весомый вклад в области решения проблем перевода с русского на татарский и наоборот внесли Э.М. Ахунзянов [Ахунзянов 1978], Р.А. Юсупов [Юсупов 2010], Р.Р. Замалетдинов [Жамалетдинов 2004] и многие другие.

Поэзия начала XX века совпала с периодом борьбы женщин за равноправие. Поэтический голос женщины обрели в лице Анны Ахматовой, поэтому выбор пал на произведения именно этого великого автора и их переводы. Столь яркая поэзия А. Ахматовой, которая воплотила в своей лирике нелегкий рассказ о женском характере в переломной эпохе, не могла остаться незамеченной. Сегодня ее стихотворения переведены на многие языки мира. Жан-Луи Бакес [Jean-Louis Backès 2007] переводит на французский, Ричард Уилбер [Wilbur Richard 1988] – на английский, Мухаммад Афифи Матар [стихотворения Ахматовой...] – на арабский, ахматовед Адам Поморски [Поморский] – на польский, Мария Шандуркова [Мария Шандуркова] – на болгарский, в том числе есть переводы и на татарский язык. Например, «Реквием» на татарский язык впервые перевел поэт-фронтовик

Кави Латып. У Лены Шакирзян, Лаиса Зулькарная также имеются переводы некоторых стихотворений. В данном сборнике [Ахматова 2013] же представлены переводы поэтов «новой волны»: Рифы Рахман, Рамиса Аймета, Ильсияр Иксановой, Луизы Янсуар, Лилии Гибадуллиной, Гулназ Валеевой, Юлдуз Миннуллиной.

Тема актуальна, так как перевод ее произведений интересен и своеобразен с точки зрения лексики. Несмотря на то, что есть некоторые исследования [Идиатуллина], освещающие проблему поэтического перевода, русско-татарской лексикологической взаимосвязи, подробно эта тема не рассмотрена. Более того ранее не изучались архаизмы в творчестве А. Ахматовой в сопоставлении с татарским переводом. Сопоставление выразительных средств русского и татарского языков и анализ приемов перевода способствуют приобретению и закреплению навыков перевода и помогает глубже проникнуть в особенности языка.

Цель работы заключается в анализе переводческих лексических особенностей, в частности архаизмов, при переводе поэтических произведений А. Ахматовой на татарский язык.

Предмет исследования – лексические соответствия, а именно: фразеологизмы, неологизмы и архаизмы в переводе на татарский язык стихотворений А. Ахматовой. Следовательно, объект – оригинальные стихотворения и их переводы, которые даны в сборнике «Избранные произведения» – «Сайланма эсэрләр» [Ахматова 2013].

Под переводческими соответствиями (эквивалентами) понимаются слова и словосочетания перевода и оригинала, которые в одном из своих значений передают равный или относительно равный объем знаменательной информации и являются функционально равнозначными [Виноградов 2004: 83].

Архаизмы в оригинале и переводе. Классификация архаизмов

К архаизмам относятся устаревшие значения слов, таких как например, лапти, боярин, смерд и т. д. Их принято называть историзмами. Сюда же входят и собственно архаизмы, устаревшие названия существующих предметов и явлений: око, ланиты, сей, оный и т. д.

В современном русском языке выделяются и так называемые стилистические архаизмы. Это слова “высокого стиля”, характерные книжной речи. К ним можно отнести: град – город, брег – берег, полнощный – полуночный. В разговорной же речи они употребляются довольно редко, так как воспринимаются носителем как пассивная лексика. Такие архаизмы связаны с существованием в русском языке собственно русского и церковнославянского языков, что образовало в последствии такие дублеты. Этим уникален русский язык.

В переводе таким лексическим единицам эквивалентен архаизм или книжное слово в ПЯ. Обычно перевод архаизмов не вызывает особых сложностей, если только это не национальные реалии [Виноградов 2004: 138–140].

Архаизмы – частое явление в поэзии А. Ахматовой. Были выявлены и собственно архаизмы, и стилистические архаизмы. Все они переведены активной лексикой. Возможно, это даже связано с тем, что переводчики относятся к «новой волне».

Перейдем к рассмотрению предметов нашего исследования.

1. Им *надобны* слезы мои... («Избранные произведения», с. 32) – Жан түгел, тәннәрен жылыта / Минем күз яшьләрем нурында. («Сайланма эсэрләр», 114 б.). Стилистический архаизм *надобны* опущен в переводе, но компенсируется оно описательным переводом.

2. Осиянным забвением смой. («Избранные произведения», с. 32) – Нур чәчеп онтылу белән ю («Сайланма эсэрләр», 114 б.). Стилистический архаизм *осиянным* – прилагательное переведен, во-первых, как деепричастие, во-вторых, активной лексикой.

3. В вечерней *думе* («Избранные произведения», с. 35) – Кичке шәфәкләр («Сайланма эсэрләр», 117 б.). Перевод архаизма опущен.

4. Очей моих синий пожар. («Избранные произведения», с. 35) – Күз нурларым – зәңгәр йолдызлык («Сайланма эсэрләр», 117 б.). Архаизм не сохранился в переводе. Эквивалент подобран из активной лексики, так как архаичный вариант данного слова в татарском языке отсутствует.

5. Вздохнувши («Избранные произведения», с. 45). Перевод снова опущен. Но чувство отчаяния, которое здесь передает именно этот архаизм, передается через риторический вопрос “Миңа нәрсә?”

6. Притина («Избранные произведения», с. 80) – Агым («Сайланма эсэрләр», 162 б.). Не совсем полный эквивалент. По словарю архаизмов это слово значит место, к которому что-либо приурочено, привязано. [Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BD>]. Но если рассматривать в составе контекста, то смысл передается, хотя стилистическая окраска пострадала.

7. Падушая звезда («Избранные произведения», с. 82) – Йолдыз сыман – төнгә атылган («Сайланма эсэрләр», 164 б.). Снова пример неполного эквивалента. Переведен

активной лексикой, а также без контекста не совсем ясен смысл того, что хотел выразить переводчик.

На основании анализа этих переводов можно сделать следующие выводы.

Поэтическая манера А. Ахматовой основана на ассоциациях. Определенный факт действительности, упомянутый в ее произведениях, навеивает воспоминания и аналогичные переживания в читателе, помогая лучше понять самого автора. Лирика ее аллегорична, но в то же время она не злоупотребляет метафорами, что облегчает задачу переводчику и позволяет переводить ее стихи почти «слово за словом». Однако за этой внешней простотой нередко скрывается иносказание, и следует быть внимательным при переводе, так как вероятность пропустить используемые средства выразительности возрастает, и появляется риск неадекватного перевода.

В анализируемых переводах переводчики сумели создать внешнюю форму стихотворений, однако план содержания был передан не полностью.

Также удалось достичь поставленной цели, а именно выявить при анализе переводческие лексические особенности, в частности архаизмы, в переводах поэтических произведений А. Ахматовой на татарский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова А.А. Избранные произведения (Сайланма эсэрләр). – Казань: Магариф – Вақыт, 2013. – 167 с.

Ахунзянов Э. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.

Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы: учеб. пособие. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.

Гиривенко А.Н. Поэтический перевод в России первой трети XIX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. – М., 2000. – 300 с.

Жамалетдинов Р.Р. Татар һәм рус телләренең чагыштырма грамматикасы: дәреслек-кулланма. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2004. – 144 б.

Идиатуллина Л.Т. Переводы произведений В. Маяковского на татарский язык (Вопросы поэтики). КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevody-proizvedeniy-v-mayakovskogo-na-tatarskiy-yazyk-voprosy-poetiki>

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. – М.: ЭТС. – 2001. – 424 с.

Мария Шандуркова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/avtor/marijka2&book=5>

Хабибуллина А.З. Переводы произведений М.Ю. Лермонтова на татарский язык (30-40-е годы XX века). КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevody-proizvedeniy-m-yu-lermontova-na-tatarskiy-yazyk-30-40-e-gody-xx-veka>

Церковнославянский словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/spravochniki/slovar.php?page=226>

Поморский, Адам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%90%D0%B4%D0%B0%D0%BC

Потебня А.А. Язык и народность // Вести. Европы. - 1895. - № 9.

Стихотворение Ахматовой в двух переводах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/culture/20170528/239418265.html>

Юсупов Р.А. Теория и практика перевода. – Казань: ТГПУ, 2010. – 366 с.

Jean-Louis Backès . Anna Akhmatova. Poème sans héros et autres poèmes / présentation choix et trad. du russe par Jean-Louis Backès. – Paris: Gallimard, 2007.

Wilbur Richard. New & Collected Poems. / Richard Wilbur – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1988.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Н. Камарова

В данной статье рассматриваются состояние терминологической науки в казахском языке. Также указываются важные аспекты в развитии казахской терминологии. В статье рассмотрен вопрос внедрения в лексику современного казахского языка новых терминов. Сохранение частоты любого языка на сегодняшний день является актуальным вопросом. Автором представлены мнения ученых-терминологов о формировании и развитии

научного языка. Дан положительный отзыв по восстановлению казахской терминологии, с целью обновления богатства национального языка и дальнейшего всестороннего их использования. Представлены различные точки зрения о переводе научных терминов на казахский язык, что в свою очередь дает возможность увеличению словообразовательного строя казахского языка. Автор, вслед за другими лингвистами, предлагает слова и термины, латинского и греческого происхождения, широко используемые в европейских языках, принимать без структурных изменений, общая в первую очередь внимание на их соответствие языковым нормам казахского языка.

Ключевые слова: казахский язык, термины, терминологическая наука.

The issue of the scientific terminology in Kazakh language is considered in the article. Also it indicates major aspects of the development of Kazakh terminology. Introduction of new terms for modern Kazakh language is considered in this article. The opinions of scientists about formation and development of scientific language are given by the author. Positive review to restore Kazakh terminology is given in order to update the wealth of the national language and further comprehensive use. Different opinions on the translation of scientific terms into Kazakh are given.

Keywords: the Kazakh language, terms, scientific terminology.

Казахская терминология. Это же условие – многоязычие страны – не может не учитываться при развитии терминологии. Если Абай Кунанбаев заложил основу современного казахского литературного языка, то Ахмета Байтурсынулы [Байтурсынов 1991] можно считать отцом казахской терминологии. Он одним из первых среди казахских интеллектуалов создал новые термины, которыми мы пользуемся до сегодняшнего дня. В начале XX века вся казахская элита занималась разработкой новых терминов в своих сферах, так как нужно было конкурировать с другими языками. Но по-настоящему создание и разработка казахских терминов начиналась в двадцатых годах XX века с созданием Киргизской (Казахской) Республики. М. Дулатов, М. Жумабаев, С. Аспендияров, К. Кеменгерулы, А. Маргулан, М. Ауэзов, Г. Мусрепов – все внесли свою лепту в развитие казахской терминологии [Терминология 2001]. В 1924 году в Оренбурге (в то время столица Казахстана, а в 1925 году Оренбургская губерния была передана РСФСР) прошел I съезд работников культуры и деятелей науки, на котором впервые были рассмотрены вопросы терминологии казахского языка. В 1934 году в Казахстане была создана Терминологическая комиссия, председателем которой стал Х.К. Жубанов [Терминологиялык хабаршы 2002]. Очень важную роль сыграл Х.К. Жубанов в развитии отраслевых терминов. В своих трудах «О специфике слов-терминов», «О терминологии казахского литературного языка, принимаемой государственной терминологической комиссией», «К пересмотру казахской орфографии», «Термин сөздердің спецификасы» он опубликовал принципы построения орфографии, алфавита и терминологии. После образования Советского Союза в 20–30-х годах прошлого века в Казахстане была проведена реформа «коренизации». Делопроизводство было переведено на казахский язык. Но это не означает того, что на казахском языке, как и на любом другом тюркском языке, до этого не велось делопроизводство. Многие тюрко-мусульманские народы пользовались единым письменным языком чагатай или тюрки. Но вести делопроизводство на казахском языке сначала было трудно из-за нехватки специалистов. Мир-Якуб Дулатов пишет о том, насколько тяжело вести делопроизводство на казахском языке, каким он становится непонятным, когда делается сухой *перевод*, канцелярский казахский язык теряет смысл после некачественного *перевода* с русского языка. Ярким примером работы «горе-переводчиков», хоть и не относящимся к канцелярскому языку, можно считать *перевод* на казахский язык фамилии и имени Лев Толстой как Жуан Арыстан, что в прямом смысле означает Толстый лев. В послевоенное время термины на казахском языке развивались, но все еще многие термины были не переведены. Если посмотреть канцелярский казахский язык, который использовался в Кабинете Министров или Верховном Совете то мы видим, что в казахском языке использовались 20–25% русских слов и из-за этого не понятно, о чем идет речь. Но вместе с тем в это же время появились многие термины, которые сразу прижились. Например, «балмұздақ – мороженое», «аялдама – остановка», «тоңазытқыш – холодильник», «мұздатқыш – морозильник», «шаңсорғыш – пылесос» и т. д. Несмотря на давнее использование некоторых терминов в казахском языке возникает необходимость в переводе их в ряды архаизмов. Например, профессор Байынкол Калиулы в 2000 году в журнале «Терминологиялык хабаршы» («Терминологический вестник») внес предложение о замене слова «кұқық» (право) на слово «хак», так как слово труднопроизносимое, режет слух, а слово «хак» давно используется в разговорной речи и литературном

языке. Долгое время после опубликования новых терминов в СМИ эти же термины параллельно использовались в СМИ и научной литературе, что привело к путанице. Например, слово микрорайон было переведено как «шағын аудан», «микроаудан», «ықшам аудан», «мөлтек аудан». Но иногда параллельное использование нескольких аналогов одного термина со временем приводит к тому, что рано или поздно остается только один термин. Или другой пример: долгое время слово «семья» на казахский язык переводили как «отбасы» и «жанұя», но позднее слово «отбасы» было утверждено Государственной Терминологической комиссией. Переводы некоторых терминов не прижились в языке. Например, слова «принцип» и «процент» были переведены как «қағидат» и «пайыз», но сейчас в казахском языке опять используются эти же слова, то есть «принцип» и «процент». Некоторые говорят, что в казахском языке нет терминов экономического характера, но эти люди глубоко ошибаются, забывая о том, что многие таможенные и экономические термины используются до сих пор даже в русском языке, то есть эти термины тюркского происхождения. Например, слова «алтын», «артель», «товар», «казна», «магазин», «базар», «таможня», «ярлык», «деньги», «пай», «ясақ» и т.д. Многие термины настолько прижились, что нам кажется, будто эти слова в казахском языке были давно. Например, это «ұшпақ» (самолет), «әужай» (аэропорт), «сапаржай» (автовокзал), «жарғы» (устав), «ресімдеу» (оформление), «тікұшақ» (вертолет), «бағдарлама» (программа) и т.д. Некоторые термины были просто восстановлены. Они изначально применялись в казахском языке, например, «класс» – «сынып». При переводе с русского языка на казахский язык некоторым терминам очень трудно найти аналоги. Например, «часть – бөлім», «отделение – бөлім», «раздел – бөлім» или «отделение – бөлімше», «подразделение – бөлімше» или же «правила – ереже» и «положение – ереже», «закрепление – бекіту» и «утверждение – бекіту», «договор – шарт», «условие – шарт» [Қайдар 1993: 52]. Как в таком случае перевести на казахский язык словосочетание «условие договора»? А как перевести с русского языка «утвердить закрепление»? В 1991 году в связи с обретением независимости в Казахстане стала быстро развиваться национальная терминология. К сожалению, Казахстан пока еще отстает в этом вопросе от бывших республик Советского Союза. К примеру, в странах Балтики официально утверждено около 200 000 слов. А в Казахстане по данным сотрудника Комитета по языкам Министерства культуры и информации Республики Кузекбая Ерлана, начиная с 1992 года, было утверждено 2500 терминов, а в 2000–2008 годах было утверждено 8751 термин, которые вызывали затруднения при переводе. В общей сложности, в течение 1992–2008 годов утверждено около 189 000 слов и словосочетаний, из них 155 000 отраслевых терминов (был выпущен 31 том казахско-русского и русско-казахского словаря). Активизировала свою работу Терминологическая комиссия при Правительстве Республики Казахстан, которая заседает ежеквартально. Выпускаются журналы и газеты по проблемам государственного языка, в том числе по вопросам терминологии (газета «Ана тілі», журналы «Терминологиялық хабаршы», «Тіл және қоғам», «Тіл» и т.д.). Член Гостерминкома, кандидат филологических наук Т. Туякбай внес предложение, чтобы термины, которые согласовывает Гостерминкомиссия, утверждались законом, а статус Гостерминкома нужно повысить.

Видный деятель Казахстана Мухтар Кул-Мухаммед в своем интервью в газете «Егемен Қазақстан» по вопросам казахской терминологии выразил свою точку зрения: «Во-первых, я считаю целесообразным оставить слова латинского, греческого происхождения и термины, широко используемые в европейских языках в том виде как они есть, не изменяя их. Не следует воспринимать это, как слепое подражание Западу, или подпадание под влияние «великого русского языка», а принимать как меру, которая продиктована стремлением сохранить первоначальное значение и историческую природу терминов. А слова, которые существуют в нашем языке издавна, никуда не денутся, останутся в фонде языка, даже если мы не будем создавать из них новые термины.

Во-вторых, можно полностью согласиться с утверждением, что к словам чисто русского, славянского происхождения обязательно можно подобрать казахские аналоги.

В-третьих, при утверждении любого термина было бы предпочтительнее, взяв его аналог из русского, турецкого, европейских языков, провести сравнительный анализ и принимать только те из них, которые соответствуют языковым нормам казахского языка.

В-четвертых, в случае, когда встречаются трудности при терминообразовании на казахском языке, можно прибегать к терминам родственных языков, например, к турецкому.

В-пятых, не ограничиваться первым попавшимся толкованием данного термина, а охватывать весь спектр сходных по значению слов».

Одной из главных целей языковой политики Казахстана является создание условий для овладения государственным языком гражданами Казахстана. Залог независимости страны – свободное развитие государственного языка. На пути достижения заветной цели принятие латинской графики является своевременным и значимым шагом, имеющим глобальную перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

Байтұрсынов А. Ақ жол. – Алматы, 1991.

Терминология: теория және тәжірибе. Ғылыми жинақ. – Астана, 2001.

Терминологиялық хабаршы, № 2. – Астана, 2002.

Қайдар Ә. Қазақ терминологиясына жаңаша көзқарас. – Алматы: Рауан, 1993.

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (на материале татарского и немецкого языков)

Р.Х. Каримова, Г.З. Габбасова

В статье на материале немецкого и татарского языков рассматриваются фразеологизмы, вербализующие концепт «труд». Предметом исследования является структура фразеологических единиц исследуемых языков. Рассмотрению подвержены также явления фразеологической антонимии и синонимии. Выявлены сходства и различия в структуре фразеологических единиц, намечены перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: фразеологизм, концепт, грамматический тип, мотивированность, синонимия, антонимия.

The article deals with phraseological units verbalizing the concept of «labor» on the material of the German and Tatar languages. The subject of the research is the structure of phraseological units of the studied languages. The phenomena of phraseological antonymy and synonymy are also subject to consideration. Similarities and differences in the structure of phraseological units are revealed, prospects for further research are outlined.

Keywords: phraseology, concept, grammatical type, motivation, synonymy, antonymy.

Фразеология, очень богатая по своей форме и семантике, представляет большой интерес для сопоставительного изучения неродственных языков. В данной работе мы попытались описать фразеологизмы, объективирующие концепт «труд» в татарском и немецком языках. Фразеологические единицы подвергаются анализу в семантическом, грамматическом и синтагматическом планах, изучаются парадигматические и трансформационные свойства фразеологизмов неродственных языков.

Рассмотрим семантические признаки фразеологических единиц. Между словом и фразеологической единицей существуют многогранные семантические связи: внутризначные, синонимические, антонимические и др.

На основе анализа фразеологических единиц и их компонентов в плане лексико-семантических связей между ними можно выделить следующие типы:

1. Фразеологические единицы, смысловое содержание которых не связано со значениями ее компонентов. Перенос значений основывается на сходстве внешней формы, характерного признака предметов и явлений. Например: ачканы көрәп алу – зарабатывать много, работать там, где хорошо платят, (досл. загребать деньги); ачка сугу – добывать много денег (досл. чеканить деньги).

2. Самую значительную по количеству группу составляют фразеологические единицы, значения которых мотивированы наличием этого же словосочетания в целом в её фразеологическом употреблении. Однако слова, вошедшие в состав фразеологизма, не сохраняют свою семантику, а словосочетание в целом переосмыслено. Эти фразеологические единицы во всех учебных пособиях называются фразеологическими единствами. Например: бил бөгү – гнуть спину, күз ачып йомганчы – в одно мгновение, den Finger krumm machen, blinde Tasche.

3. Фразеологическая антонимия. По способу противопоставленности можно выделить следующие группы фразеологических антонимов:

1) Антонимы, выражаемые разными единицами, противопоставленными по семантическому содержанию. Например: передвигаться быстро – медленно: аягы жиргә тими (досл. нога земли не касается) – бер аягын алганчы, икенчесен эт ашый (досл. пока одну

ногу передвинет, другую собака съест); в немецком языке ein warmes Herz haben – ein weites Herz haben. Нельзя рассматривать в качестве антонимов фразеологизмы, которые значительно расходятся по семантическим оттенкам и по контекстуальному окружению. Например, следующие фразеологизмы не могут составлять антонимичные пары, хотя в них имеется некоторое противопоставление по значению: бил бөгү «гнуть спину» (заниматься тяжелым физическим трудом) – жил куу «гонять лодыря» (бездельничать), в немецком языке grünes Licht – rotes Licht.

2) Антонимы, возникающие при изменении структуры фразеологизмов. Такие фразеологизмы имеют один общий компонент, который остается связующим элементом в семантическом отношении. Антонимичность создается за счет тех слов, которые имеют противоположные значения: баш күтәрми (эшләү) – не покладая рук работать, баш бирмәү – не поддаваться, не подчиняться; рәтен табу – найти суть, толк в деле, рәт китү – пропадает желание что-то делать.

3) Антонимы, образуемые аффиксами и частицами отрицания. При этом надо иметь в виду, что форма отрицания, хотя возможно ее образование от утвердительной, не всегда может составлять антонимичную пару. Например: акыл житү – акыл житмәү (работать обдуманно, правильно, с умом – не хватает ума на что-либо). Данные словосочетания наиболее употребительны в положительном аспекте, отрицательный аспект грамматически возможен, но фактически малоупотребителен. Фразеологические единицы, которые в одинаковой степени употребляются и в положительном, и в отрицательном аспектах, образуют антонимичные пары: тир түгеп эшләү – тир түкми эшләү; чара күрү – чара күрмәү, в нем. языке nicht auf den Kopf gefallen sein-vgl, auf den Kopf gefallen sein. Форма отрицания в татарском языке является важным компонентом в смысловой структуре фразеологизма и выполняет смыслообразующую функцию. Ряд фразеологизмов употребляются только в отрицательной форме: кыл да кыймылдатмау – «ничего не делать, лежать без дела»; бармакка бармак та сукмау – палец о палец не ударять, баш күтәрми (-чә) – не разгибая спину, алдын-артын уйламый эшләү – совершать непродуманные поступки и т.д.

4. Фразеологическая синонимия. Бил бөгү, билне бишкә бөгү – работать не покладая рук; бер таңнан икенче таңга хәтле эшләү – работать от зари до зари, кыл да кыймылдатмау – ничего не делать, сидеть без дела, аркылыны буйга алып салмау (досл. даже не положит вдоль то, что поперек лежит) – палец о палец не ударит, пальцем не шевельнет; бармак башын да селкетмәү (досл. кончиком пальца не пошевелит) – и пальцем не пошевелит; keinen Finger krumm machen – не пошевелит и пальцем, seine Zeit mit Nichtstun verbringen – бить баклуши.

5. Фразеологическая омонимия. Некоторые фразеологизмы могут иметь несколько значений, которые видны лишь в контексте. Например: күнел төшү – 1) эшкә күнел төшә (эшлисе килеп тора) – желать работать; 2) Нигә ул чаклы күнелен төште әле (сөйл.) – күнелсезләнү, кәеф төшү мәгънәсендә (не в духе, нет настроения), коеп куйган – 1) бик тырышып эшләү (очень старательно работать); 2) бик охшаган, охшашлыгы булган (н-р, вылитый отец, мать).

Исследователи различных языков выделяют два основных грамматических типа фразеологических единиц: фразеологизмы, эквивалентные словосочетанию; фразеологизмы, эквивалентные предложению. Фразеологические единицы разной структуры соотносимы с определенными лексико-грамматическими категориями. Поэтому их обычно классифицируют по семантико-грамматическим критериям. Модели фразеологизмов татарского языка весьма разнообразны. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся.

1. Имя существительное в основном падеже + имя существительное с аффиксом принадлежности 3 лица. Фразеологизмы данной конструкции являются довольно продуктивными и относятся в основном к разговорно-просторечной сфере: жир корты (досл. земляной червь) – о человеке который любит работать на земле, йөк аты (досл. грузовая лошадь) – о человеке, который берется за любую работу, не отказывает никому. Имеются единичные случаи, когда первый компонент принимает окончания принадлежности и употребляется как языковая единица только в такой форме. Например: эшем иясе – тоже мне делец.

Адъективные модели фразеологизмов.

1. «Прилагательное + прилагательное». Фразеологизмы данной структуры выражают качества человека: алтын куллы – о человеке, который умеет делать все – (досл. золотые руки), оста куллы – об умелом человеке.

2. Причастные образования. В структурно-грамматическом отношении фразеологизмы с причастием на -ган (-гән), -кан (-кән) можно разделить на следующие подгруппы:

А) «существительное в основном падеже или основной падеж в функции винительного + причастие». Например: көн күргән (дающий средства к существованию, служивший источником), тормыш кәткән (проживающий).

Б) «Существительное в винительном падеже + причастие». Примеры: күпне күргән (видавший много). К данной же группе можно отнести фразеологические единицы, именной компонент которых оформлен аффиксами притяжательности и падежа; тормышның әчесен-төчесен татыган (видавший виды) (досл. испытывший и горькое и пресное в жизни).

В) «существительное в исходном падеже + глагольная форма»: жилдән килгән (акча, мал) – легко нажитое (досл. пришедший из ветра), кулдан эш китү (потерять способность трудиться), камырдан эвәлэгән – эшкә кулы бармаган иркә (досл. сделанный из теста) и т.д.

Г) «существительное в направительном падеже + причастие»: төзгә каткан (ленивый), телгә беткән (болтун) – язык хорошо подвешен. Нерегулярную конструкцию прилагательного с тем же падежным аффиксом и причастием представляет и оборот киргә беткән (непослушный, делающий все наоборот).

Д) «деепричастие на -п + причастие или именная форма глагола»: үтеп чыккан (видавший виды), төшөп калган (растяпа, мямля), батырып эшләү (бар көченә, тырышып эшләү) – работать на совесть и т.д.

Для немецкого языка при вербализации концепта «труд» частотной является модель адъективных фразеологизмов по структуре: прилагательное + существительное, соединенные по модели сочинительной связи, напр.: ein fauler Sack, ein fauler Strick. Встречаются фразеологизмы, в которых прилагательное входит в словосочетание, построенное по модели управления. В них прилагательное употребляется в субстантивированной форме, ср.: ins Blaue schießen, blau machen.

Глагольные модели фразеологизмов.

1. «существительное + глагол». Есть простые и осложненные формы фразеологических единиц данного типа:

А) «существительное в основном падеже + глагол». Компоненты таких словосочетаний формально находятся в отношениях подлежащего и сказуемого: тир кипмәү – не переставая работать, тир түгү – работать очень старательно, много, теш сындыру – не получается сделать что-либо, жил куу – проводить время празднично, жилкә чиләнү – устать от тяжелой работы, акча сугу – зарабатывать много, в нем. языке Äpfel braten, Sand pflügen;

Б) «существительное в основном падеже + глагол». Компоненты этой модели находятся во взаимоотношениях дополнения и сказуемого. Это одна из наиболее продуктивных групп фразеологизмов: йолдыз санау – бить баклуши, ләмкә тарту – тянуть ляжку, ләчтит сату – лядсы точить; Wasser in den Rhein tragen, den Bock melken;

В) «существительное в направительном падеже + глагол»: жилкәгә тию (набить оскомину, надоедать), күнелгә яту (быть по душе), теңкәгә тию (надоедать).

Г) существительные и глагол в сочетании с другими категориями слов образуют ряд нерегулярных фразеологических сочетаний: аркылыны буйга алып салмау (досл. даже не положит вдоль то, что поперек лежит) – палец о палец не ударять, сабанда сайрашма-саң, ындырда ыңгырашырсың (досл. не будешь весной резвым за плугом, застонешь на гумне) – о ленивом человеке.

2. «числительное + глагол». Таких образований очень мало, оба компонента семантически равноправны. Субстантивированное числительное может выступать в разных падежных формах: бер булу (делать безуспешные попытки преодолеть что-либо), осложненные конструкции: бер атуда ике куянны үтерү (убить одним выстрелом двух зайцев), жиде кат тир чыкканчы – работать до усталости, пока не лишился сил, кырык эш кырылып ята – очень много работы, не хватает рук, ике кулы кесәсендә – о человеке, который ходит без дела, ике кулсыз калу – не сумеешь ничего делать, остаться без помощи.

3. «Причастие + глагол». Эта конструктивная модель имеет несколько разновидностей и осложняется существительными в разных падежных формах, в роли глагольного компонента выступает вспомогательный глагол булу (быть).

А. «Существительное + причастие на -ган»: атка атлангандай булу (быть на седьмом небе) (досл. как на коня сел).

Б. «причастие на -ырдай булу»: кырыкка ярылырдай булу (быть очень занятым и не знать за что браться).

С глагольным компонентом образуется много нерегулярных построений фразеологических единиц: бар дип тэ белмәү (и в ус не дуть), каш төзәтәм дип күз чыгару (напортить дело, стараясь наладить), болганчык суда балык тоту (ловить рыбу в мутной воде).

Для некоторой группы глагольных фразеологических единиц характерно употребление компонентов в определенной фиксированной форме. Безусловно, такие фразеологизмы являются малопродуктивными, даже единичными образованиями. Глагольный компонент таких единиц может застыть в одной форме. Наиболее распространенной является употребление глагола только в отрицательном значении. При этом глагол может иметь парадигмы спряжения, но в положительном значении обычно не выступает: кыл да кыймылдатмау (ничего не делать, бездельничать), күзен дә ачтырмау (ругать, бранить) (досл. не давать глаза раскрыть), баш күтәрмәү – работать не поднимая головы, кулым эшкә бармый – нет желания работать.

Форма изъявительного наклонения прошедшего очевидного времени 3 лица единственного числа: пеште ни дә, төште ни (хоть трава не расти).

В глагольных фразеологизмах в немецком языке глаголы сочетаются с существительными в разных падежах, напр.: dem Herrgott den Tag stehlen, dem Müßiggang verfallen, auf dem Lotterbett liegen.

Адвербиальные модели фразеологизмов.

1. «Существительное+деепричастие». Фразеологизмы данной конструкции имеют обязательное окружение, т.е. они употребляются с ограниченным числом глаголов. В словарных статьях глагол обязательного окружения обычно указывается: күнел биреп (эшләү). Осложненные формы фразеологизмов с деепричастиями: алны-ялны белми эшләү (не покладая рук делать что-либо).

2. «Существительное + послелог белән»: илэк белән су ташу (делать бесполезную работу), теле белән тегермән тарту (таш яру) – о человеке, который много болтает и хочет показаться трудолюбивым, баш белән эшкә чуму (уйти с головой во что-либо (в работу), баш белән таш яру (делать работу, на которую не способен, не годен) – проявлять старание когда дело не идет.

3. «Существительное+деепричастие на -ганчы (-гәнче), канчы (-кәнче)» күз ачып йомганчы (моментально сделать что-либо).

4. Конструкции с сочинительными союзами: тегелэй дә болай (так да сяк), ал да гөл (все хорошо).

5. Конструкции с вопросительным местоимением ни (что). Фразеологические единицы с повторяющимся «ни» имеют одинаковое построение: ни ары, ни бире (ни туда, ни сюда), ни аллага, ни муллага – ни богу свечка ни черту кочерга.

Как видно из проведённого исследования, структура фразеологизмов в неродственных языках обнаруживает как сходства, так и различия.

1. Сходными следует признать структуру глагольных фразеологизмов.

2. В немецком языке не встречаются фразеологизмы со структурой «числительное + глагол».

3. Специфичными оказались фразеологизмы татарского языка, имеющие в своем составе деепричастия, причастия и глаголы в различных формах изъявительного наклонения.

4. Уникальным представляется наличие в составе татарских фразеологических единиц отрицаний, что практически не свойственно для немецкого языка.

Данное исследование не является завершённым и будет продолжено с привлечением более обширного материала с целью выявления сходств и различий исследуемых неродственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: ике томда. II том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 365 б.

Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л.Э. Бинович, отв. ред. Н.С. Чемоданов. – М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 904 с.

Сафиуллина Ф. С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.

Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. – 256 с.

Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под ред. О.И. Москальской. – М.: Русский язык, 1999. – 680 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЛОВА В РЕЧИ

Ф.С. Каримова

В данной статье исследуется билатеральность языковой единицы лексики – слова. В статье на примере произведений узбекской литературы рассматриваются особенности употребления в речи синонимичных, омонимичных и антонимических слов.

Ключевые слова: слово, омоним, антоним, синоним, полисемия.

This article examines the bilateralness of the vocabulary language unit – the word. The article is devoted to the use of synonymous, homonymous and antonymic words in the speech on the example of works of Uzbek literature.

Keywords: word, homonym, antonym, synonym, polysemy.

Слово – многостороннее сложное явление. На первый взгляд можно уловить две его стороны. Первая сторона – материальная, состоящая из звуков, и вторая – семантическая. Совокупность этих сторон образуют целостную структуру под названием слово. Это единство состоит из взаимосвязей его составляющих. Система считается сложной словно организм структурой, состоящей из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Поэтому при исследовании следует учитывать билатеральность слова, в противном случае, могут возникнуть сложности.

В речевом процессе семантические оттенки слова образуются на основе соответствия понятий. Соответствие понятий зависит от жизненного опыта, общих знаний и определенной речевой ситуацией. А. Нурмонов указывает, что слово имеет двоякое отношение к предмету, события-явлению, количеству, признаку, действию, состоянию, процессу объективного бытия. То есть, существуют причинно-последственные (мотивированные) и условные (немотивированные) связи, которые превращаются в признаки в случае отражения в человеческом сознании [Нурмонов 1992: 7]. В силу этого одно слово одновременно может указывать на несколько понятий, что происходит на основе определенной речевой ситуации и отношений между говорящим и слушающим. Например, услышав слово «цветок», появляется понятие о нем. А понятие отражает в сознании суть, свойства цветка. Значения растения, выражаемое этим словом, последовательностью звуков «цветок – ц-в-е-т-о-к» обозначает установленную человеком условную связь [Нурмонов 1992: 7]. Поэтому на основе сути, свойств, особенностей, отражаемых понятием, образуем семантические оттенки слов. То есть, особенности цветка – красивый, с шипами, благоухающий, разноцветный на основе условных (немотивированных) связей ассоциируем с другими предметами и создаем цепочку значений слова цветок. В результате, условной связи слово «цветок» выражает значения возлюбленной, болезни, орнамента, красоты. Однако основой семантической системы слова «гул» служит сходство. Поэтому в предложении реализуется одно из значений. Остальные значения хранятся в качестве потенциальных возможностей в общих знаниях говорящего и слушающего. Совокупность потенциальных значений образуют оттенки значений слова, чем порождают семантическую сложность. Поэтому слово мы характеризуем как совокупность, состоящая из взаимосвязанных между собой элементов.

Семантические оттенки слова реализуются в речи. Ибо если слово в языке существует как потенциальная возможность, то в качестве деятельности участвует в речи [Нурмонов 1992]. Возможности участия слова в речи неограниченны и необъятны. Речь есть продукт реализации цели какого-либо человека на основе языковых возможностей [Неъматов 1993: 5].

Не зря А. Навоий утверждал, что «...жемчужина на дне реки сверкает благодаря усилиям ныряльщика, а его цена определяется в его истинной сути» [Навоий 1967: 105]. Поскольку мы – авторы речи – ныряльщики, язык – река, жемчужины – слова, рынок жемчужин – речь. Таким образом, ценность жемчужин из этой реки – слов определяется их семантическим грузом. Для этого в языке существуют неограниченные возможности, их уместное использование зависит от наших речевых способностей.

Пути и средства демонстрации речевого потенциала неограниченны. Этому также способствуют языковые явления. Полисемия является одним из действенных средств обеспечения речевой изысканности. Еще одним средством обеспечения речевой экспрессии является синонимия.

Синонимия также способствует порождению красочной и изысканной, действенной и содержательной речи. При синонимии языковые единицы отличаются формально – звуковой стороной, однако имеют общность в плане значения, хоть и отделяются семантическими оттенками, эмоциональной окрашенностью. Это явление более ярче реализуется в словес-

ном окружении. Например: слова *кекса*, *қари*, *оқсоқол*, *нуроний*, *мўйсафид* имеют общность значением «взрослый», однако их применение в речи дифференцируется в зависимости от семантических оттенков. Поскольку слово «қари» имеет отрицательную окраску, тогда как слова «оқсоқол», «нуроний», «мўйсафид» имеют положительный семантический оттенок. Поэтому в речи замена одного слова другим приводит к стилистической ошибке. Сравните: *қари қизлар*, *кекса қизлар*, *нуроний қизлар*... Эти слова отличаются сферой и местом применения. Уместное использование подобных слов обеспечивает красоту и экспрессию речи. Не следует забывать, что речевой процесс есть необъятный океан, в котором могут сверкать различные оттенки слов. В силу этого слово с негативным оттенком может использоваться в положительном значении. Например: *Бундан кўра гўнг титганинг яхши эмасми қари товуқ?*», «*Қари билганини пари билмас*». Если в первом предложении слово «қари» имеет отрицательное значение, то во втором обретает положительный оттенок.

Еще одним явлением обеспечения экспрессии речи является омонимия. При этом языковые единицы имеют общую звуковую оболочку, однако отличаются друг от друга значением. Или же одинаковость материальной стороны приводят к омонимии. Например: от-имя, от-животное, от-глагол. Омонимия также демонстрирует в речи семантические оттенки слов. Поскольку звуковая схожесть слов порождает в речи созвучие. В результате образуется речевая гармония. А. Навои мастерски использует слова-омонимы, в приведенном ниже туюке неотразима не только форма, но и содержание:

Ё раб, ул шахду шакар ё лабдурур,
 Ё магар шахду шакар ёлабдурур.
 Жонима пайваста новак отқали
 Ғамза ўкин қошига ёлабдурур.

В силу того, что омонимия основана на внешнем сходстве, она, прежде всего, проявляется в комплексе звуков. Поэтому во многих научных толкованиях она интерпретируется как «созвучие» (Рустамов 1987: 13). Однако созвучие обеспечивает формальное сходство, поэтому оно часто используется по отношению к словам, различающимся одним звуком. Например: дуб-буп, туп-туп... В языкознании данное явление рассматривается под термином омофон. Это явление также способствует формальной и семантической красоте [Рустамов 1987: 14–22]. Еще один фактор, обеспечивающий речевую изысканность, это – контраст [Мирзаев 1972]. Явление контраста в языкознании изучается под термином антонимии [Мирзаев 1972]. При антонимии языковые единицы противопоставляются друг другу по значению. Противоречие в значении реализуется в тесной связи друг с другом. Поэтому при упоминании одного из языковых единиц невольно вспоминаем второе. Противоположные значения похожи на две стороны одного предмета. Поэтому можно утверждать, что противоположность между ними не обычное противоречие, а противоречие, вытекающее из взаимной связи. Например: слово *аччиқланишли* не образует словосочетание. Слово *аччиқ* противопоставляется слову *чучук*. Слово *ширин* противопоставляется слову *бемаза*. Или же противопоставление в народе «турмуши аччиқ бўлди» приводит к стилистической ошибке. Поэтому несмотря на взаимосвязанность в антонимии в плане противоположности значений, невозможно сформулировать определенное заключение без учета семантической связи слов в речевом процессе.

1. Юз очиб келгил, эй махваш, куёш янглиғ хиром айлаб,
 Бошимга солди савдо фурқатинг субҳимни шом айлаб.
2. Ваҳки, айлаб лутфу ихсон ёр мандин ўзгага,
 Айламас зулму ситам изҳор мандин ўзгага.

Великий поэт Агахи слову «субх» и «шом» в первом бейте противопоставляет словам «лутфу ихсон» и «зулму ситам» во втором бейте, благодаря чему создает оригинальные строки. Прелесть в содержании бейтов и их сложность обусловлены противоречием слов.

Кроме того, явление антонимии требует стилистического соответствия слов. Например, несмотря на то, что слову «субх» противопоставлены слова «кечкурун» или «кечки пайт», в речи эти слова требуют антоним «шом», в противном случае это приводит к грубой стилистической ошибке. Поэтому противоречие на основе стилистического соответствия и речевой гладкости. В ниже приведенных бейтах Агахи можно еще ярче увидеть словесную прелесть и афористическую глубину на основе антонимических связей:

Эй шах, карам айлар чоғи тенг тут ёмону яхшини,
 Ким меҳр нури тенг тушар вайрону обод устина.

Чу сансан ҳусн мулки шаҳиким, хоки жанобингга
Куяр ҳар лаҳза бошин ҳўблар ўзнгги гулом айлаб.

В выше приведенных бейтах слова *ёмон-яхши*, *вайрон-обод*, *шоҳ-гулом* выражают противоположные значения, что способствует глубинной передаче мысли. Поэтому уместное использование антонимических слов также способствует украшению речи.

Семантические оттенки слов реализуются в речи, чему способствует ряд языковых факторов. Такие факторы в языкознании исследуются как языковые явления под терминами синонимия, антонимия и омонимия. Они обеспечивают изысканность эпической и поэтической речи. Выше нами рассмотрена репрезентация выше перечисленных явлений в рамках слов. Эти явления свойственны также предложениям, целым синтаксическим единицам. Однако это требует отдельных исследований, поэтому в данной статье мы ограничились словами. В целом, очень разнообразны факторы обеспечения речевой красоты и афористической глубины. Каждый человек должен знать их виды и особенности. А это обеспечивает духовное развитие общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Мирзаев М. ва бошқалар. Ўзбек тили. – Тошкент, 1973.
Навоий А. Асарлар. 14-том. – Тошкент, 1967.
Неъматов Х., О. Бозоров. Тил ва нутқ. – Тошкент, 1993.
Нурмонов А. Лисний белги ҳусусиятлари ҳақида. – Андижон, 1992.
Рустамов А. Сўз хусусида сўз. – Тошкент, 1987.

КАРАКУЛЕВОДЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ПРЯМОМ И ПЕРЕНОСНОМ ПЛАСТЕ И ИХ ПРАВОПИСАНИЕ

Н.Т. Каршиев

В узбекском языке составление рядя аффиксов является основной, с помощью которых составляются каракулеводческих терминов. О некоторые современных взглядах на вопросы словообразования. В статье речь идёт словообразовательных аффиксах, в частности о суффиксах используемых в образовании каракулеводственных терминов. В также статье – деление на тематические группы терминов и отношения между терминами, которые служат для конкретизации языкового значения каракулеводства.

Ключевые слова: каракульводство, каракуль, термин, терминология, аффикс.

In Uzbek language formation of speech affix is main base. About some modern points of view on word formation. One of problems given in article – division on thematic group of terms and the relation between terms which servos for a concrete definition of language value astrakhan Branch. The artide deals with Word forming affixes: in particular, suffixes used in forming terms.

Keywords: astrakhan, terms, terminology, linguistic, astrakhan branch, article.

Каракулеводческие термины в прямом и переносном пласте и их правописание» состоит из трёх частей. В первой части освещены прямые значения каракулеводческих терминов. В эту группу входят основные термины, как шкурка, каракуль, каракульский. Без этих терминов нельзя представить каракулеводческую сферу. В ряду чисто каракулеводческих терминов, термины освещающие такие свойства как строение каракульских шкурок, форму покрова шерсти, разнообразие цветов, естественно, имеются в большом количестве. В каракулеводческой терминологии пользуются терминами, построенными из основ и образующих узбекских слов, а также искусственных терминов: В объекте исследования ряд терминоэлементов относятся к чисто узбекской лексике: пограничный слой – чегарадош катлам, растущий слой – усув катлам, ажурный слой – турсимон катлам, турсимон гилоф – ажурный футляр, богловчи звено – связывающее звено, кушкават пластика – двойная пластика, корамтир тур – черноватая тюль. Вторая часть настоящей главы посвящена анализу заимствованного пласта каракулеводческих терминов. В каракулеводческой терминологии заимствования незначительные. Например: с персидско-таджикского языка использованы 50 слов терминологического статуса, около 20 слов с арабского языка, с русского и других языков 200 с лишним терминов. Следующие каракулеводческие термины используются и в персидско-таджикском языке: сур – (сур является изящным видом каракуля, кожа сур, коже цвета сур, редкий сур, сур – свеча), гул – (цветок каракульской кожи, нежный цветок каракуля), ранг – (шкурка голубого цвета, ровное распространение цвета, цвет кожи), жуяк, занжир – (цепочка волокна); между первичными элементами

выделяются участки с однотипно направленными кончиками прямых, гладких волокон. Такие места называются «лось». Подкожная клетка служит связующим звеном между дермой и организмом животного. Внутри клетки развиты кровяные и лимфатические сосуды. Как показывается выше в каракулеводческой терминологии имеется незначительное количество терминов заимствованные с арабского языка. Приведём некоторые из них: *фарк, шакл, халка, сифат, навзот* и другие. Русско-интернациональные термины: по отраслевому использованию усвоенные русско-интернациональные термины можно поделить на две группы: а) общие термины, которые используются и в каракулеводстве и животноводческой отрасли: это – *эмбрион, энтодерма, эктодерма, лизодерма, сегмент, пигмент, эпидермис, дерма, клетчатка, сулека, кутикула* [Зокиров 1999: 56], *конус, фоликула, мальнеший, организм, энидерма, ядро, мезеихима, эпителий, редуция, песига*; б) частные термины: они присущи только каракулеводческой терминологии. *Штапель* (значение – один из видов ткани). *Люстра* – вид шерстяных волокон, соединённых между собой в форме цилиндра или конуса. Чрезмерный блеск шерсти. *Прима* (значение – первый). Сорт тонковолокнистой шерсти. По законам каждого языка из заимствованной лексемы (термины) можно образовать новые лексемы (термины). Поэтому, в каракулеводческой терминологии своеобразное место занимают термины и терминологические элементы, образованные путём полукалькировки (4). С русско-интернациональных терминов. Такое состояние происходит в процессе полукалькировки. Если в объекте исследования аффикс -чи участвует в составе считанного полукалькировки (*бонитировкачи, селекциячи*), то такие аффиксы как -ш (-иш), -лик принимаются активное участие. 1) аффикс -ш (-иш): *нейтраллаш // нейтраллизациялаш, пигментлашиш, консерваланиши* и другие; 2) аффикс -ик: *эластиклик, контрастлик* и другие; 3) аффикс -симон: *латиносимон, муарсимон, кофесимон, лентасимон* и так далее; 4) аффикс -ган: *пигментлаган, депигментланган* [УТИЛ 2006: 58].

В последней части настоящей главы обращено внимание на орфографию каракулеводческих терминов. В нашем объекте исследования термины использованы на основании орфографических правил. Вместе с этим, можно заметить, что допущены некоторые ошибки. Если во второй компонент сложного термина определено понятия соединяются некоторые образующие окончания, то и использование этого термина в слитной форме считается успешным.

Следовательно, в одном и том же учебнике эти термины разъяснены по разному.

По нашим наблюдениям выяснилось, что если во второй компонент сложного термина определенного понятия соединяется при помощи некоторых образующих окончаний, то использование такого термина в слитной форме считается уместным. Потому, что сложные аффиксальные термины будут произноситься легко, и при письме можно добиться одинакового написания. С этой точки зрения, мы одобряем слитное написание сложных аффиксальных терминов в каракулеводческих источниках. Для доказательства нашей мысли, мы приведем некоторые примеры сложных терминов, которые построены таким путем и являются терминологическими элементами. Считаем, что написание терминологических элементов в такой форме является приемлемым.

В каракулеводческой терминологической системе специалисты этой отрасли используют термины с аффиксом -лик. Термины с аффиксом -иш. В каракулеводстве имеются термины с аффиксом -иш, которые обозначают такие понятия как процесс, состоящие. Термины с аффиксом -иш состоят из: а) своеобразных и общих терминов.

Правильно, нужно стремиться выражать одним словом (термином) понятия, выражающие. Развитие науки и техники, изменения происходящие в различных отраслях жизни. Однако, превосходит бесисходность. В результате человек «вынужден» тысяча понятий выражать посредством сочетаний. Исходя из этого, можем сказать, что такие случаи в каракулеводстве тоже имеют место... В каракулеводческой терминологии терминосочетания делятся на следующие виды: 1) определительные сочетания: *кора кул, сур тери, пуклат сур, сурма ранг*; 2) относительные сочетания: *терининг калинлиги, жунларнинг жингалаги, гулларнинг узунлиги*; 3) пояснительные сочетания: *урик гули, жун коплама, жун кини, тери накши* и другие. В каракулеводческой терминологии тоже следующие комбинации отличаются от структуры терминов. Простые сочетания терминов. Простые сочетания терминов, считается из двух компонентов, это терминологического элемента и термина (лексемы). 70–80% от общего количества комбинированных терминов, используемых на нашем учебном исследовании, это простые комбинации терминов. Эти термины в сфере сознания правильными и точными концепциями, обеспечивают один из основных принципов терминологии – это компактность. Каракульский овец, каракульский ягненок, первый поток, второй поток, каракульская кожа, гладкая кожа, цветочные виды, шелковая шерсть

и другие. Кроме этого, в сфере этой терминологии также используются сложные соединения с трёх или более компонентами.

Сложные комбинации, особенно, компоненты 4, 5, 6 создают особые трудности в процессе обмена информацией. Сжатость этих терминов является целесообразным. В работе особое внимание уделяется терминологическим элементам, которые имеются в составе терминосочетаний. В каракулеводческой сфере терминологические элементы терминосочетаний, в основном состоят из прилагательных, причастий и в малом количестве из наречий. Однако, построении терминологических элементов в терминосочетаниях используются своеобразные языковые средства. Выяснилось, что в построении терминосочетаний активное участие принимают терминологические элементы, состоящие из прилагательных. В таких сочетаниях определительный компонент выражается количественными прилагательными: Выражается цвет шерсти каракульских шкур: синя шкурка (кук тери), чёрная каракуль (кора коракул), кудрявая шкурка (кунгир тери), шкурка сур (сур тери) и другие. Выражается измерение и массу шкурки или цветков: киска каламгул, тор ёлгул, кенг чапагул, юпка тери, калин тери и другие.

В объекте исследования терминосочетания с относительными прилагательными играют важную роль. Терминологические элементы с аффиксом -симон. В каракулеводческой терминологии построены более 50 терминологических элементов с участием терминосочетаний. Их основы взяты из названий растений (ловиясимон жингалак, нухатсимон жингалак), их анатомии (ковургасимон жун, ёлсимон каламгул, шохсимон кават), из хозяйственных предметов (уроксимон жун, халкасимон каламгул, пармасимон гул). имеются прилагательные, которые выполняют терминологическую задачу аффикса -симон. многие из них не зафиксированы в словарях: фасолеобразный, плюшеобразный, горохообразный, рогообразный, обручеобразный, брзообразный. Терминологические элементы с аффиксом -ли. В животноводческой терминологии терминологические элементы с аффиксом -ли делятся на две группы: а) терминологические элементы, занесённые в общепедагогическое словари: каламгулли шкура, яримгулли каламгул, жингалакли каламгул, чапагулли тери, пигментли тола и другие; б) терминологические элементы, не зафиксированные в общепедагогическое словари: жиллоли тери, толали тери и другие. Терминологические элементы с аффиксом -сиз.: куркамсиз гул, гулсиз жун, ялтироксиз тери. Терминологические элементы с аффиксом -лик: эмбрионлик даври, коракулчилик сохаси, килтиклик даражаси. В незначительном количестве терминологические элементы с аффиксом: -ма: буралма каламгул, агдарма каламгул, бурама тола; -чан: чузилувчан килтик, синувчан тола; -дор: рангдор жун, гулдор жингалак, наслдор кузт; -ик: усик жун, пишик каламгул, «ёпик» томон.

Некоторые терминологические элементы образованы при помощи персидско-таджикских префиксов: -сер: сертириш жун, сербар жингалак, сер жун тери; ба-: бакувват тери; но-: нотекис тола [Зокиров 1976: 54].

Наречные терминологические элементы. Каракулеводческой терминологии следующие наречия с аффиксом выполняют роль сочетаний терминологических элементов: Аффикс -ган: хурпайган калам, дагаллашган тола, жингалакланган тери, музлатилган тери и другие. Аффикс -вчи: копловчи жун, йуналтирувчи килтик, сезувчан жун, бириктирувчи тукима, ошловчи мода и другие.

Доказательством тому является использование специальных терминов в публикуемых исследовательских монографиях, учебных пособиях, статьях. Таким образом, вышеперечисленные термины могут быть объектом исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 5 жилдди. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 1-жилд, 2006.

Зокиров М.Д., Атамуродов К.А., Хайдаров Я.Х. Хайвонлар хомашёси товаршунослиги. – Тошкент: Эльдинур, 1999.

Зокиров М.Ж., Шарофиддинов Ф.Ш., Ҳамрақулов Д.Ю. Қорақўлшунослик. – Тошкент: Ўқитувчи, 1976.

КЕРӘШЕН ТАТАРЛАРЫНДА АГРАР-ДИНИ ЙОЛА ЛЕКСИКАСЫ

З.Н. Кириллова

Данная работа посвящена исследованию лексики аграрно-религиозных обрядов крещеных татар и специфики проведения этих обрядов.

Ключевые слова: кряшены, крещеные татары, аграрно-религиозная лексика, обряды.

This work is devoted to the research of lexicon of agrarian religious practices of Christian Tatars and specifics of carrying out these ceremonies.

Keywords: Kryashens, Christian Tatars, lexicon of agrarian religious practices, ceremonies.

Керәшеннәр – Идел һәм Урал буйларында яшәүче татарларның үзенчәлекле бер төркеме. Әлеге төркем сөйләшләренең лексикасы, нигездә, татар халкының башка төркемнәре белән уртаҡ. Шулай да бары тик керәшеннәр өчен генә хас булган үзенчәлекләр дә күзәтелә. Алар арасында лексик катлам аеруча әһәмиәтле. Әлеге катламга туганлык атамалары, киём-салым һәм бизәнү әйберләре исемнәре, бәйрәм һәм йола атамалары һ.б. керә [Кириллова 2018: 19–20]. Шулардан аграр-дини йола атамаларына һәм әлеге йолаларның үткәрелү тәртибенә тукталып үтик. Керәшен татарларында алар борынгы дини ышануларга нигезләнгән һәм авыл хужалыгы эшләрөнә бәйлә булган.

Яз көне ашылык чәчү белән бәйлә рәвештә керәшеннәр, башка күп халыклар кебек үк, ашылыкның унуын, мул булуын теләп, билгеле бер йолалар башкарганнар. Әлеге йолаларның эчтәлегенә һәм исеме төрлө урынчылыктарда аерылып торган. Шулай да аларның нигезен язгы чәчү алдынан бөтен авыл белән кырга чыгып, тәңредән, жир анасыннан яки жир иясеннән мул уңыш, яхшы еллар сорап «келәү итү», ягъни теләк теләү һәм ботка әзерләп ашау тәшкил итә.

Язгы чәчү белән бәйлә йолаларның исемнәре төрлө булса да, керәшеннәр арасында иң киң таралган атама – **шыйлык**. Ф. Баязитова бу сүзгә төрки *сыйлык* сүзеннән үзгәртелгән дип күрсәтә [Баязитова 1997: 167], ләкин Р. Әхмәтъянов бу фикергә каршы килә, әлеге сүзгә килеп чыгышы табышмак булып кала, дип искәртә. Аның мәгълүматлары буенча, шыйлык сүзе мәгънәсе белән чыгатай телендәге *шолан* ~ казахча *шуйлан* «хөкемдарларның гадәттә жомга көннәрендә кара халыкка ачык һавада оештырган сый мәжлесе», төрекчә *şölen*, борынгы утыз, фарсы һәм гарәп телләрендәге *şilan* «жиңү хөрмәтенә кабилә башлыктары оештырган тантаналы мәжлес» сүзенә тәңгәл килә, ләкин морфологиясе буенча аерма *шилан* ~ *шуйлан* сүзен *шыйлык* ~ *шуйлык* белән тулысынча бер сүз дип карарга мөмкинлек бирми. Шулай ук башкорт телендәге *ширзек* (*ширлек*) «туй табыны (һәм шуның өчен махсус келәм)» ~ монгол телендәге *ширдыкь* «начальниклар өчен сәкә», хәзерге монгол телендәге *ширдэг* (> тув. *ширтек*) «туй мәжлесе өчен киез» сүзе дә бик охшаш. Шыйлык сүзен *сыйлыктан* («үзгәргән») дип яисә рус телендәге *сенник* (печән сарае, абзар) сүзенә чагылышы дип (Ряснен) аңлатулар бу сүзгә фонетик вариантларын да (бигрәк тә чуваш телендәге *ширлэк* ~ *шырлэк*ны), мәгънә үзенчәлекләрен дә (бигрәк тә аның мәжүси-дини төсмерен) исәпкә алмыйлар. *Шыльәк*, *шилек*, *шилик*, *шилкә*, *ширлэк*, *шырлэк* чувашларда «туй йолаларының берсе – ихатада, урамда уздырыла торган күп кешелек табын һәм шуның өчен махсус эшләнгән корылма – амфитеатр», мариларда *шельк*, *шилык* «сөрән – *шүрем* бәйрәме һәм туй йолалары өчен махсус корылма; жиһаз корбанлыктар, потлар – иконалар кую өчен махсус өстәл» һ.б. Р. Әхмәтъянов Идел-Урал төбәгендә таралган бу сүзгә борынгы татар мәжүсилегеннән калган дип күрсәтә. Элек ислам диненә әһелләре шыйлык бәйрәменә каршы көрәш алып барганнар, мәсәлән, Габдерәхим Утыз Имәни, «*шулук* дигән бидгатъ» дип, жәмәгәт тәртибендә мәчет алдында утырып ашауны искә ала. Шунлыктан бу сүз керәшеннәрдә генә сакланып калган. Шыйлык корып, кырда-яланда дөнъяви мәжлес ясауга Утыз Имәнидән алты гасыр элек яшәгән Әхмәт Ясәви дә каршы булган [Әхмәтъянов 2015: 496–497].

Элек шыйлык бәйрәме керәшеннәрдә ике өлештән торган. Аның беренче өлешендә келәү иткәннәр, ә икенче өлешендә бәйрәм оештырганнар. Йоланы гадәттә сөрәннән соң, ягъни ат менгән авыл егетләре чиккән бистәр (сөлге) һәм йомырка жыйгач уздырганнар. Жилпуч алып, аңа башта ашъяулык жәйгәннәр, аннары шунда берәз чәчү орлыклары – бодай яки арыш, солы, тары һ.б. салганнар, шулай ук ике кара ипи, пешерелгән һәм суган кабыгы яисә үлән суына манылган ике йомырка һәм берәр савыт белән сөт ашамлыгы – эремчек яки каймак, катык һ.б., кайбер кешеләр – бал, бер кувшин сыра яки ачы бал да алып, билгеле бер урынга – кырга, яланга яки су буена барганнар. Келәү иткән вакытта сөйләшәргә дә, көлешәргә дә ярамаган. Гадәттә, уңышның яхшы булуын, яңгырлар явуын, елның иминлеген теләгәннәр. Кайбер якларда ирләр һәм хатын-кызлар төрлө вакытта келәү иткән. Хатын-кызлар төш вакытында бәйрәмгә барганда, үзләре белән сөтле борай яки тары боткасы салынган зур савытлар да алып барган. Изгеләндерелгән орлык, ипи һәм башка ризыкны язгы чәчүгә алып чыкканнар.

Рәүфә Уразман фикеренчә, XIX йөздә үк инде шыйлык йоласын үткәрүнең ике төре яшәп килгән. Беренчесе Сабан туе бәйгеләренә охшаш ярышларны үз эченә алган, ә икенче төре ярышсыз гына үткән. Ләкин икенче төрдә ярышлар жәй көне, кагыйдә буларак, бу авылның бәйрәм көнендә үткәрелгән [Уразман 1992: 44, 46]. Төрлө хезмәт һәм

истәлекләрдә ярышлар арасында ат чабышы, йөгөрү һәм сикерү буенча ярышлар, бил-бау көрәше, чүлмәк вату [Исхаков 2014: 98–99] кебек хәзерге Сабан тусе, Питрау һ.б. бәй-рәмнәр өчен уртак булган уен һәм ярышлар күрсәтелә.

Күренгәнчә, шыйлык үз эченә жир анасына корбан бирүне дә күздә тотса, ләкин ул кан чыгармыйча гына ашамлыклар ярдәмендә, беренче чиратта, бик борынгы заманнардан ук уңдырышлылык символы булып саналган йомырка белән бирелә. Шулу вакытта керәшеннәрдә хайван чалып корбан бирү йоласы да урын алган. Бу сүз, берәз үзгәртеләп, **корман** дип аталган. Аларның исемнәре дә, ясалы вакытлары да төрлечә. Нигездә, моны һәр авыл үзенчә хәл иткән. Ниндидер афәт, бәла-каза, корылык килгән вакытта яисә берәр кеше адарынып (нәзер әйтәп) та корман ясалган. Күмәкләшәп корбан китерү жирнең уңдырышлы булуын, мал-туарның ишәюен, иминлек һәм муллык теләп үткәрелгән. И. Коваль керәшеннәрдә корбан китерү кешеләр һәм терлекләр язмышын хәл итүче, авыру-сырхаулар һәм үләт чире жибәрә алучы Ходайның мәрхәмәтле булуын сорап эшләнгән дип яза [Уразман 1992: 49]. Үткәрелү вакытына карап, язгы чөчү алдынан эшләнгән корбан бирүне – *сабан корманы*, жәй уртасындагысын – *олы корман*, ә көз көне исә *уҗым корманы* дип атау да күзәтелгән. Нинди хайванны корбан итүләренә бәйле рәвештә, *сыер* яки *үгез корманы*, *сарык* яки *тәкә корманы*, *тавык корманы* һәм *ак балык корманы* аерылган. Күпчелек жирдә корбанга ак яки кызыл төстәге хайван килешә дип санаганнар. Андый хайванны таба алмаганда, соры яки чуар төстәгесе сайланган, ләкин бер бөртек тә кара йоны булмаска тиеш дип уйлаганнар [Исхаков 2014: 100]. Корбан өчен хайванны гадәттә жәмәгать ачасына сатып алганнар. Башка әйберләренә – ярма, бәрәңге, тоз һ.б. кешеләрдән жыйганнар. Корбанны өлкән яшьтәге һәм авылның хөрмәтле ир-атлары үткәргән. Аларны *корман аталары* дип атаганнар. Изге дип саналган билгеле бер урынга – *корман урынына* барып һәм дога укып, корбан чалынган. Корман казанында башта ит пешерелгән, аннары ул алынып, шулпада ярмадан ботка эзерләнгән. Корман ашы эзер булганнан соң, корман аталары келәү иткән. Шыйлыктагы кебек үк, барлык кешеләр дә кояш ягына карап, кулларына корман ашы салынган савытны тотып, вакыт-вакыт иелгәләп, теләк теләгәннәр. Истәлекләр буенча, бу вакытта сөйләшсә дә, балаларга уйнарга һәм көлешсә дә ярамаган, चुкуну, иконалар алып килү дә булмаган. Язып алынган бер чыганакта түбәндәге теләк сүзләре китерелә: «Түбәсенә туклыгын бирсен, тамырына ныклыгын бирсен, халыкка бирсен, халык янында безгә дә бирсен, башлык теләкне, күтәрик беләкне!» [Исхаков 2014: 102]. Келәү сүзләре башка төрле дә була алган. Тәңре бабай, Ходай дип тә мөрәҗәгать иткәннәр. Ак балык корманы Кама аръягында яшәүче керәшеннәрдә күзәтелгән. Татар телендәге корбан балыгы атмасы шуннан килеп чыккан булырга тиеш дип санала [Баязитова 1997: 161]. Аны гадәттә жәй уртасында уздырганнар һәм ак балыкны корбан итәп биргәннәр. Мондый корбан бирү бөтен авыл белән бергәләшәп тә, аерым гаиләләрдә дә уздырыла алган [Исхаков 2014: 103].

Корбан ашын яки боткасын ашаганнан соң, кайбер авылларда су сибешү дә булган. Моннан тыш, корылык вакытларында махсус **яңгыр теләү йоласы** да үткәрелгән. Татар халкының төрле төркемнәрендә бу йоланың 40лап исеме бар. Мәсәлән: яңгыр боткасы, яңгыр келәве, яңгыр теләү, яңгыр сорама, яңгыр чакыру, яңгыр боламыгы, теләк боткасы, карга боткасы, карга боламыгы, чүлмәчлек, чүлмәчлеки, чүлмәнчек, чүлмәнчеки, чүлмәчтекәй, чүлмәчи, чирмәнчек уйнау, чүлмәккә төшү, чүк, чук, чук үткәрү, чук боламыгы, кече корман, корман боткасы һ.б. [Уразман 1992: 55]. Яңгыр теләү йоласы керәшеннәрдә дә зур урын алган. Кайсы жирлектә яшәүләренә карап, аның исеме дә төрлечә булган. Йоланы башлап йөрүчеләр ирләр дә, хатыннар да, картлар яки карчыклар, хәтта яшүсмерләр һәм бала-чага да була алган. Үткәрү тәртибе нигездә татар халкының башка төркемнәреннән аерылмаган, бары мөселман динендәгечә намаз уку гына булмаган, аның урынына келәү иткәннәр. Башта авылдагы һәр йортка кереп, төрле ярмалар, сөт, йомырка, май һ.б. ризыклар жыелган. Аннары аларны берәр болынга, басуга, кагыйдә буларак, елга яки чиймә буена алып барып, зур казан асканнар һәм жыелган әйберләрдән ботка пешергәннәр. Авыл кешеләре йолага үз талинкә-қашыклары белән барган. Ботка ашар алдынан Тәңредән яңгыр сорап келәү иткәннәр. Йола барлык кешеләрнең бер-берсенә су сибешүе белән тәмамланган.

Борынгы ышануларга нигезләнгән мондый йолаларның һәм аларны белдерә торган сүзләренең татарларда гына түгел, ә күрше булып яшәгән чуваш, мари һәм удмуртларда да күзәтелүе – шактый кызыклы күренеш. Күрәсен, бик борынгы заманнарда ук бу йолалар Идел бие халыкларының күпчелеге өчен уртак, бергәләп башкарыла торган булгандыр, дип нәтиҗә ясарга мөмкин [Баязитова 1997: 165].

Йомгак ясап айткәндә, тәңречелек белән бәйлә борынгы дини ышануларга нигезлән- гән һәм авыл хужалыгы эшләренә юнәлтелгән аграр-дини йолалар эчәндә без шыйлык, қорман һәм яңгыр келәвен карап үттек. Төрле тыюларга да карамастан, әлеге йолалар XX гасырга кадәр сакланып килгәннәр. Хәзерге вакытта тулысынча кулланылмасалар да, аларның күнел ачу һәм төрле ярышлар үткәрү белән бәйлә кайбер өлешләре бүгенге көндә татар халкында иң күренекле бәйрәмнәрдән саналган Сабан туенда һәм керәшен татарла- ры тарафыннан үткәрелә торган Питрау, Чүк, Тройсын һ.б. бәйрәмнәрдә дәвам иттерелә, шулай ук бик сирәк кенә яңгыр теләү йолалары да уздырыла.

ӘДӘБИЯТ

Әхмәтиянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге, II том (М–Я). – Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. – 567 б.

Баязитова Ф.С. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. – Казан: Магбугат йорты, 1997. – 248 б.

Исхаков Р.Р. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начало XX вв.): монография. – Казань: Изд-во «Центр инновационных технологий», 2014. – 332 с.

Кириллова З.Н., Алкая Ә. Керәшен татарлары сөйләшләренең лексик үзенчәлекләре // Татарика. – 2018. – № 2 (11). – Б. 7–30.

Уразман Р. Татар халкының йолалары һәм бәйрәмнәре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 96 б.

G. TUKAY ESERLERİNDE ALINTI KELİMELER

А.И. Конова

Самые ранние произведения Г. Тукая были написаны на старотатарском литературном языке, что соответственно означает употребление большого количества заимствованных слов из арабского и персидского языка. Около 43% лексики, употребленной поэтом в ранний период своего творчества – до 1907 года, – это арабо-персидские заимствования. В некоторых стихотворениях их доля составляет до 54%. Необходимо также отметить, что арабские заимствования составляют примерно 83% всех заимствований в языке анализированных нами произведений.

Ключевые слова: заимствования, арабский, персидский, Г. Тукай, литературный язык, старотатарский.

The early works of G. Tukay – created before 1907 – were written in the Old Tatar literary language, which means the use of a large number of loan words from Arabic and Persian. About 43% of the lexicon, words that poet used in the early period of his life, – are words adopted from Arabic or Persian. In some poems such amount is up to 54%. It should also be noted that in analyzed works, the amount of the Arab adoptions is about 83% of all loan words in the Old Tatar literary language.

Keywords: loan words, Arabic, Persian, G. Tukay, literary language, Old Tatar.

G. Tukay ilk eserlerini XIX yüzyılın ortasına kadar Arapça, Farsça, Çağatay ve Osmanlı Türkçesinin bir karışımı olan Eski Tatar edebiyat dilinde (Türki) yazdı. Bunun nedeni Volga Türklerinin Altın Orda zamanının dilini kullanmasıydı. Eski Tatar edebi dili, Volga bölgesine Orta Asya'yla ticaret, diplomatik ve kültürel ilişkiler yoluyla giren Çağatay edebiyatından etkilendi. Çağatay şairleri iki dil kullanıyorlardı Türk ve Farsça 19. yüzyılın ortalarında şiir için norm olarak kabul ediliyordu. Arapça-Kur'an, edebiyat ve bilim diliydi. Bu dilden çok sayıda alıntılar yapılması nedeni esas olarak alimler, din adamları, aydınlar tarafından kullanılması. Ayrıca, Arap-Farsça ve Tasavvuf edebiyatı Tatar şairlerine etkisinden dolayı Eski Tatar edebi dilinde rastlanmaktadır.

Bununla birlikte 19. yüzyılın sonları ve 20. yüzyılın başlarında, Oğuz, Osmanlı-Türk dillerinden alıntı kelimelerin kullanımı belirgin şekilde artmıştır. Bu Volga bölgesinin kültürel, diplomatik, ticari ilişkilerinin Türkiye ve İran ile gelişmesiyle ilişkilendirilebilir.

1905–1907 devriminden sonra Eski Tatar edebi dilinde Osmanlı-Türk alıntı kelimelerin kullanımı azalmaktadır. Çünkü eserlerin tamamen Tatar dilinde yayınları ortaya çıkmaya başlamasıdır. Basında Modern Tatar edebi dilinin temelini (Eski Tatar edebiyatı veya Tatar dilinin Kazan lehçesi) oluşturması gerektiği tartışılıyor. Sonuç olarak, yazarların çoğu ve G. Tukay, eserleri Eski Tatar edebi dilinde değil de konuşma dilinde yazmaya başladılar. Yavaş yavaş, birçok Arap-Fars, Oğuz-Türk alıntı kelimeler kullanımdan düşmektedir.

Muasır Tatar dili bir kullanıcısı için Eski Tatar edebi dilinde yazılmış G. Tukay'nin orijinal eserlerini anlamak çok zordur. Bu sebepten, 1955'ten başlayarak bu şiirleri modern Tatar diline tercüme etmek için bazı çalışmalar yapıldı. Bu işi yapan tercümanlar arasında aşağıdaki isimler var: R.R. Gaynanov, R.M. Kadirov, Z.G. Mukhametshin. Tercüme, 1975'te (dört ciltte), 1985'te (beş ciltte) ve 2011'de (altı ciltte) yayınlanan G. Tukay'nin eser koleksiyonlarına dahil edildi.

«Фикер» гәзитәсенә генә махсус түгел (1906) şiirinde, Arapça ve Farsça dillerinden birçok alıntı kelimeler bulunmaktadır. Örneğin, şiirden gelen aşağıdaki alıntıda şu kelimeler kullanılmıştır: тәвәллед – doğum, (Ar.) [Большой: 555], әфкяр (افكار) – fikirler (Ar.) [Большой 2010: 50], кяр – iş, (Farsça) [Арабско-татарско-русский 1965: 219], мәгълүм (معلوم) – ünlü (Ar.) [Большой 2010: 293], дәркяр (دركار) – iş (Farsça). [Арабско-татарско-русский 1965: 559], әзәл – sonsuzluk (Ar.) [Большой 2010: 730], мәхбүс (محبوس) – mahkum (Ar.) [Большой 2010: 47], мәәюс (مأيوس) – hayal kırıklığına uğramak (Farsça) [Арабско-татарско-русский 1965: 574].

Bu parçadaki 26 kelimenin 7 tanesi modern Tatar okuyucusuna yabancıdır. Bunlardan 5'i Arapça, 2'si Farsça'dan alıntıdır.

*Чән тәвәллед итсә әфкяр, юлланыр һәр кярәмез, –
Фикрәмез будыр безем, мәгълүмәңез, дәркярәңез.
Та әзәлдин бирле безләр фикрәмез мәхбүс идек,
Кем капамышдыр бези? Мәхбүс идек, мәәюс идек.*

Modern Tatar dilinde bu satırlar tamamen farklıdır:

*Әгәр уйлар тусалар, эшләребез дә үзенә юл табар.
Без шулай уйлыбыз, бу сезгә билгеле һәм ачык
Безнең уйларыбыз борынгыдан бирле тоткан иде,
Безне кем соң тоткын иткән? Тоткын идек, өмитсез идек.*

Bu şiir Eski Tatar dilinde yazılmıştır. 1955 G. Tukay kitaplarının redaktörleri tarafından şiirleri modern okuyucuya uyarlandı.

Şiirde eski Arapça kelime *тәвәллед* (doğum) yerine modern *туу* kelimesi, *әфкяр* (fikirler) yerine *уйлар* modern Tatar diline ait bir kelime kullanılmıştır. Her iki kelime de çoğul olarak kullanılır. Modern Tatar dilinde kullanılmasına rağmen, Arapça kelimesi *мәгълүм*, yerini *билгеле* kelimesi alır. Farsça *дәркяр* kelimesi, modern Tatar dilinde orijinal kelimeye eşdeğer olmayan *ачык* olarak adlandırılır, bu nedenle bağlamsal bir çeviri olarak nitelendirilebilir. Arapça alıntı kelime *мәхбүс* yerine *тоткын* kelimesi kullanılmıştır. Eski Farsça kelimesi *мәәюс* yerine *өмитсез* olarak değiştirilmiştir.

Şiirin iki bölümünün karşılaştırılması da metindeki diğer değişiklikleri göstermektedir. Bunların arasında gramatik bir dönüşüm var, örneğin: eşdizimlilik *тәвәллед итсә*, isim + fiilden oluşuyor, *тусалар* sadece fiil tarafından iletilir, yani *тәвәллед* isim eşdeğer kelime yerine bir fiil şekline dönüşüyor.

Eski Tatar dilindeki (-*мез*, -*ңез*) modern Tatar dilinde (-*без*, -*гез*), karşılık gelen morfemlerin değiştirilmesine dikkat etmek gerekir, örneğin: *кярәмез – эшләребез*.

«Гыйшык бу я!» şiirinden satırları inceleyelim:

*И гүзәл, кәл каршыма, кәл, кыйл тәбәссем лотфиден;
Бән дә хәүләңдә сәнең дәүранаем, дәүранаем.*

Sunulan bölümde Arapça kelime olan *тәбәссем* kullanılmıştır *تبسم* (Ar.) [Арабско-татарско-русский 1965: 114] *gülümse*. Bu kelime modern Tatar dilinde kullanılmadığı için onun yerine *елмаю* kelimesi kullanılmaktadır. *Лотыф* – merhamet, nezaket, (Ar.) [Большой 2010: 235], kelimesi yerine modern Tatar dilinde *рәхим* kullanıldı. *Хәвел* – 1) kuvvet, güç, 2) etrafında, yanında, civarında (Ar.) [Большой 2010: 671], modern dilde eşdeğeri *әйлән* kelimesidir. *Дәүран* – devran, etrafında dolaşım (Ar.) [Арабско-татарско-русский 1965: 119], bunun yerine *әйләнием* sözcüğü kullanıldı.

Coupletlerin modern versiyonları şöyle:

*И гүзәл, кил каршыма, кил, елмайчы рәхим итеп,
Мин дә синең әйләнәңдә әйләнием, әйләнием.*

Modern dilde şiirin ismi «Гыйшык бит бу?» olarak çevrildi.

Yukarıdaki bölümde 13 kelimedən 4ü günümüz Tatar okuyucusuna yabancıdır. Bu kelimeler Arapça'dan alıntıdır. Onları çağdaş dile çevirirken çeviri dönüşümleri uygulandı: mesela; *тәбәссем* kelimesini çevirirken gramer dönüşümü örneği sergilenmektedir yani isim unsuru bir yardımcı fiil olan *кыйл* ile birlikte kullanılmıştır ve *лотфиден рәхим итеп* olarak çevirildi ve isim unsuru yerini birleşik fiil gurubu aldı. 30 heceden oluşan orijinal şiir 32 heceli çağdaş dile aktarıldı.

G. Tukay'ın 1907'den önce yazdığı eserler Eski Tatar edebi dilinde yazılmıştır; bu Arapça ve Farsça dillerinden çok sayıda alıntılar yaptığı anlamına gelir. Şairin ilk dönem çalışmalarında kullandığı kelimelerin yaklaşık % 43'ü Arapça veya Farsça kökenli kelimelerdir. Bazı şiirlerde bu oran % 54'e kadar yükselmektedir. Analiz edilen eserlerinin alıntı kelimelerinin % 83'ünü Arapça kökenli sözcükler oluşturmaktadır.

ЛИТЕРАТУРА

Арабско-татарско-русский словарь заимствований (арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы) / под ред. К.З. Хамзина, М.И. Махмутова, Г.Ш. Сайфуллина. – Казань, 1965. – 794 с.

Большой арабско-русский словарь. 250 000 слов и словосочетаний. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2010. – 640с.

TURKIC BASES OF PRAGMATONYMS

Zh.M. Konyratbayeva

В статье рассматриваются принципы именования прагматонимов (названий жилых комплексов) в ономастической сфере и идентификации их тюркских основ. Целью исследования является изучение принципов наименования жилых комплексов в урбанонимии столицы Республики Казахстан. Исследование показывает, что доминирует процесс топонимики, то есть процесс смены онимов с общего имени на собственное. В статье проведен этимологический анализ системы урбанонимии и определено, что основным источником онимов являются тюркские языковые группы. С этой точки зрения выявление онимового слоя в принципах именования жилых комплексов города можно глубже изучить с помощью диахронического анализа.

Ключевые слова: топонимизация, топосистема, имя собственное, урбанонимия, тюркская основа, этимология, интралингвистический фактор, Казахстан.

The paper discusses the principles of naming the pragmatonyms (names of residential complexes) in the onomastic sphere and identification of their Turkic bases. The aim of the research is to study the principles of naming the residential complexes in the urbanonymy area of the capital of the Republic of Kazakhstan. The study shows that toponymy process that is the process of change of onyms from common name to proper name is dominated. The article conducted the etymological analysis of the urbanonymy system and identified that the main source of onym units belong to the Turkic language group. From this point of view, identifying the onym layer in the principles of naming of residential complexes of the city can be deeper studied through the diachronic analysis.

Keywords: toponymization, toposystem, proper name, urbanonymy, Turkic bases, etymology, intralinguistic factor, Kazakhstan.

There is a change in the lexical character of the linguistic symbols that have been taken from the common name into the proper name in the process of the toponymization. A.V. Superanskaya said about this: «While the change of onyms from common name to proper name, linguistic units keep clear common meaning, however the lexical meaning of the proper name is changed. Most notably, its emotional tone is reduced» [Superanskaya 1973: 24]. This means that the initial meaning of the common name is changed to symbolism. T. Zhanuzak also mentioned that there are many differences in the symbolic character of toponyms. According to the scientist, denotative meaning of the proper name is dominant and it is clear that there is no significant» [Zhanuzak 2004: 39]. The linguistic symbols that have been translated into onyms are considered to be a description of the whole story. Because the past and present of the people is reflected in their language. And this is especially true for the nature of the proper names.

The purpose of the article is to consider the etymological foundations of the names formed from toponimation process, that is change of common names into the proper names in the urban space of the capital of the Republic of Kazakhstan. Describe the scientific views on the origins of some of the onyms derived from the Turkic basis.

We conduct etymological studies to show that urban-onymic content of Astana (including names of residential complexes) consists of an ancient Turkic linguistic group. Because finding historical origin of the linguistic units that obtained proper name meaning and determining which meaning was onomized is crucial for onomastic science. Generally, «no matter what type of names are, whether they are personal names (anthroponyms), god's names (theonoms), geographical names (toponyms), tribes and folk names (ethnonyms) and so on, they all have

ethnographic meaning. Although they are subject to linguistic rules and are subject to the study of linguistic doctrines, their identity can not break through ethnography. That is why the system of onyms also can help to solve various ethnographic issues» [Nikonov 1971: 25].

While studying land names of Kazakhstan from the etymological point of view, T. Zhanuzak mentions that it is a historical process that Kazakh toponyms consist of ancient times and early middle age, medieval and modern-day toponyms. The scientist said: «Some of these names are typical for the Sakh, Kangy, Uysyn, Hun eras, while some are from the period of the Ural-Altai language community, and some of them belong to ancient Turkic languages, and most of them are from Kazakh language, and a small part came from Mongolian, Slavic (Russian, Ukrainian, Polish, etc.) languages. [Zhanuzak 2011: 13]. A. Abdrakhmanov classifies the Kazakh toponyms as follows: «In their composition, the toponyms are composed of two major sections: 1) toponyms based on their native tongue, 2) toponyms based on other languages», – and then classifies toponymises based on native language to the following groups: а) Altai era, б) Old Turkic era, в) Old Kazakh and г) New Kazakh names. The names of the Altai era include the period of the Turkic-Mongolian language community [Abdrakhmanov 1975: 31]. In our research, we are guided by these classifications of the language science. Thus, we want to give clear analysis of the role of the internal resource based on the Turkic language in the toposystem of the capital.

Let us consider the origin of some pragmatonyms (names of the residential complexes) based on the Turkic linguistic group:

Pragmatonym «Aidar» (Aidar-1, Aidar-2) is used in the M. Kashgari's 'Diwani lugat at-turik', which is the rarity of XI century, where the word *aidar* is used as *jalbyz* (jalyg), *maqas jalbygy* (chicken crest) [Kashgari 1998, Vol. 3: 22]. There is a lot of meanings of the word *aidar* in the modern Kazakh language. It can be said that this symbol, which became the active instrument of the language layer in the centuries, has drawn into different styles of the Kazakh language. For instance «1) «long tuft of hair grown from the top of boys's head» which has an ethnographic meaning; 2) «hut, hill»; 3) «a soft red meat that grows on a bird's head» which has a common meaning; 4) variable value is «cattle»; 5) another variable value is «title, rank, dignity, fame»; 6) the common name of the regularly broadcasted topics in the newspapers and magazines [KATS 2006, Vol. 1: 144]. However A. Abdrakhmanov analyzes the word «Aidarly» completely differently: «Indeed it is related to the name of Abdarly, which is common in Iran. Ab (in Iranian – water) + dar (in Iranian – suffix) + ly (in Turkic – suffix of the adjective): Abdarly>Aidarly» [Abdrakhmanov 1975: 53]. Perhaps, according to the toponymic study, the meaning «aquatic land» is more suitable for the onym *Abdar*>*Aidar*. However it is believed to be used as urbanonym because in the modern Kazakh language it has an ethnographic meaning as «long tuft of hair grown from the top of boys's head».

Pragmatonym «Sana». In our language the *sana* lexeme is recognized as the unit of the active layer. The dictionary material also proves this. For example, in the literary dictionary it is seen that *sana* unit has many meanings both in terms of denotation and in terms of motion: «*Sana*. Noun meanings: 1) «the highest form of understanding of the objective reality which is only common to a human being»; 2) «knowledge, understanding» is a variable value; 3) «thoughts, minds» is variable value; 4) «a set of emotions and thoughts» is a psychological meaning; 5) «science, education, training»; 6) «thinking, activity»; 7) «mind, thought, caste» is a variable value; 8) «type of herbaceous medicinal product» is a dialectic meaning of *sana*. In the form of a verb: 1) «money, etc. calculation, accounting of the goods»; 2) «sequential ordering»; 3) «determination of quantity»; 4) the term «come to a definite opinion»; 5) «accounting» is a variable value for *sana* [KATS 2011, Vol. 12: 635–637]. R. Syzdykova says that the meaning of the lexeme *sana* has the meaning of 'consciousness' in the folklore, which is analyzed with specific linguistic data and says that this word is not a loan word, it is one of the common words of Turkic-Mongolian languages [Syzdykova 1994: 135–136].

Pragmatonym «Senym». In M. Kashgari's work it is used as *ynanch* (ynanch), «*ynanch beg*: *ynanch beg* – loyal governer» [Kashgari Vol. 3, 1998: 594]. In this case, the word is formed like this *ynanch* – *ilanyz*(faith) – *senis*(belief) – *senim*(belief), and is a denotative form of the meaning «believe in one thing».

Generally, according to the pragmatic function of pragmatonyms, it can be said that the units *sapa*, *senim* were taken to toponymisation process for advertising reasons.

Pragmatonym «Ulan» – «youngster, young man, adolescence» comes from ancient Turkic origin. In the M. Kashgari's dictionary it is used as *oġla* (ogla) [Kashgari Vol. 1, 1997: 159]. In addition the dictionary describes «*oġlanlyz kuche*: *oġlanlyz kuche* – *ulandy kushtedi*, which means *be violent to the child*» [Kashgari Vol. 3, 1998: 347]. The dictionary of the Kazakh literary lan-

guage opens four different meanings of this word: 1) «adolescence, adolescent, orphan»; 2) variable meaning «great»; 3) the historical meaning «the army of the king guard of the middle-age, the warrior who was armed with a bow and arrow in the Turkic-Mongolian armies in the 13th–14th centuries»; 4) the meaning of «soldier, military unit, heroism, persistence and respect» [KATS 2011, T. 14: 706]. When naming a complex the word *ulan* is used in the meaning of «young». This onym underlines virtuosity of the capital of Kazakhstan – the youngest city in the world.

Consequently, in the process of toponymization of urbanonymy area of the capital, the development of internal resource is dominant. Thus, the onymastic map of the city is shaped on the Turkic bases. As a result, urbanonymic design of the main city of Kazakhstan has become the historical and cultural center that meets the principles of naming/renaming and language policy of the Republic of Kazakhstan.

REFERENCES

- Abdrakhmanov A. Toponymy and etymology. – Almaty: «Science», 1975. – 207 p.
Zhanuzak T. Kazakh Onomastics: Achievements and Prospects. – Almaty: Asia, 2004. – 128 p.
Zhanuzak T. Land names (etymological reference). – Almaty: «Art», 2011. – 496 p.
Dictionary of the Kazakh literary language. Fifteen volumes. – Almaty: Arys, 2006, Vol. 1. – 752 p.
Dictionary of the Kazakh literary language. Fifteen volumes. – Almaty: «The Encyclopedia of the Kazakhs», 2011, vol 12. – 752 p.
Dictionary of the Kazakh literary language. Fifteen volumes. – Almaty: «The Kazakh Encyclopedia», 2011, Volume 14. – 800 p.
Kashkary Turkish dictionary. Three volumes. T. 1. – Almaty: «HANT», 1997. – 590 p.
Kashkary Turkish dictionary. Three volumes. T. 3. – Almaty: «HANT», 1998. – 600 p.
Nikonov V.A. Ethnography and Onomastics (on the material of Ukraine) // Soviet ethnography. – 1971, No. 5. – P. 25-36.
Superanskaya A.V. The general theory is its own. – Moscow: «Nauka», 1973. – 367 p.
Syzdykova R. Spoken words (from the story's history). – Almaty: «Category», 1994. – 272 p.

БОРЫНГЫ ТӨРКИ СҮЗЛЕКЛӘР ТАРИХЫННАН (Мәхмүд Кашгарыйның «Диван-у лөгат әт-төрк» сүзлегә)

Х.Х. Кузьмина, Г.К. Һадиева

Статья содержит контент-анализ древнетюркского словаря XI века «Дивану лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского. Описывается история исследования словаря, дается ссылка на последние его издания, приводятся факты из жизни Махмуда Кашгарского и проводится содержательный анализ самого словаря.

Ключевые слова: тюркские словари, историческая лексикография, тюркский язык, контент-анализ, Махмуд Кашгарский

The article contains a content analysis of the ancient Turkic dictionary of the XI century «Divan lugat at-Turk» by Mahmud Kashgar. The history of the dictionary research is described, a reference is made to its latest editions, facts from the life of Mahmud Kashgar are given, and a meaningful analysis of the dictionary itself is carried out.

Keywords: Turkic dictionaries, historical lexicography, Turkic language, content analysis, Mahmud Kashgar

Төрки халыклар тарихында иң беренче сүзлек-белешмә булып, Мәхмүд Кашгарыйның «Диван-у лөгат әт-төрк» хезмәте санала. Өле хезмәт XI гасырда – 1072–1074 (кайбер мәгълуматлар буенча 1072–1083) елларда төзелгән. Ул ике тел (төрки-гарәп телләре) сүзлегә буларак төзелсә дә, аны гади сүзлек дип кенә атап булмый – хезмәтнең энциклопедик сыйфатта булуын барлык белгечләр дә раслый [Махмуд 2005: 3]. Башка сүзлекләрдән борынгылыгы белән дә, тел материалы белән дә аерылып тора.

«Диван-у лөгат әт-төрк» сүзлегә XX гасыр башында рун язулы истәлекләргә һәм шуңа бәйлә рәвештә төрки телләргә игътибар арткан, дөньякүләм дан казана. Беренче тапкыр ул 1915–1917 елларда Төркиянең Истанбул (Стамбул) шәһәрәндә Килисли Мөгаллим Рифгәт Билгә тарафыннан бастырылып чыгарыла. 1928 елда алман галиме Карл Броккельман әлеге басмага нигезләнен, «Урта төрки тел сүзлегә» хезмәтен яза. 1939–1941 елларда Бесим Аталай Төркиядә әлеге сүзлекнең төрек теленә тәржемәсен һәм сонрак кулъязманың индексацияләнгән факсимилесын бастыра. СССРда исә 1960–1963 елларда Үзбәкстанда Солих Муталлибов тарафыннан эшләнелгән тәржемә дөнья күргәннән соң, сүзлеккә игътибар башлана, 1969 елда аның шактый өлеше «Борынгы төрки сүзлек»кә

кертелө. «Диван-у лөгат эт-төрк» сүзлеге яки анын материаллары Бөөкбританияда (1972), Кытайда (1981–1984), Америка Кушма Штатларында (1982–1984), Төркияда (1990), Казахстанда (1997, 2005), Россияда (2010) басыла, сүзлекнең электрон форматы Төркиянең Türk Dil Kurumu порталында урнаштырылган, ә кулъязмасы исә Истанбулның Милли китапханәсендә саклана.

«Диван-у лөгат эт-төрк» сүзлеген өйрәнүгә өлөш керткән галимнәр шактый. Төрле елларда әлеге хезмәтне К. Брокельманн (1918), Г. Бергштрессер (1921), Ф. Хоммел (1923), В.В. Бартольд (1921), Б. Чобанзаде (1926), П.К. Жузе (1926), Ж. Вәлиди (1927), А. Фитрат (1927), М.Ф. Көпрюлюзаде (1930), А.З. Вәлиди (1932), В. Тоган (1932), А. Геррманн (1935), И.И. Умняков (1940), В.И. Беляев (1939), Б. Аталай (1939, 1941), А.Н. Кононов (1973), О. Прицак (1950), С.Е. Малов (1951), А. Бомбачи (1956), С. Ахаллы (1958), С.К. Ибраһимов (1959), В.С. Храковский (1959), С. Муталлибов (1960–1963), И.В. Стеблева (1972), А.Н. Кононов (1973), Р. Дэнкофф һәм Дж. Келли (1982–1985), Х. Короглы (1988), Р. Эрмерс (1999), В.Х. Хаков (1999, 2003), И. Хавеншилд (2003), М. Биран (2001), Ю.А. Зуев (2002), З.М. Ауэзова (2005), А.Р. Рустамов (2010), И.В. Кормушин (2010, 2016) һ.б. тикшергәннәр. Моннан тыш, борынгы һәм урта гасыр ядкярләрен тикшергән һәрбер галим (шул исәптән татар галимнәре дә) сүзлеккә мөрәжәгать иткән, язма истәлекләренә телен Мәхмүд Кашгарый сүзлеге белән чагыштырып өйрәнгән [Татар 1984, 1: 59]. Сүзлек төрек, алман, инглиз, үзбәк, уйгыр, казах, рус телләренә тәржемә ителгән. Рус теленә беренче тулы тәржемәсе Зифа-Алуа Ауэзова тарафыннан эшләнелгән һәм Казахстанда бастырылган (2005). Зифа ханым Ауэзова бүгенге көндә Голландияда (Нидерландта) яши, Лейден университетында укыта, гарәп, фарсы, төрек телләре белгече, көнчыгыш әдәбиятын өйрәнүче күренекле галим. Әлеге язмада без анын хезмәтендә күрсәтелгән мәгълүматларга таяндык. 2010 елда «Көнчыгыш язма истәлекләре» сериясендә Россия фәннәр академиясе тарафыннан академик И.В. Кормушинның кереш сүзе белән һәм анын редакторлыгында «Диван-у лөгат эт-төрк» сүзлегенә 1 нче томы, 2016 елда 2 нче томы рус теленә тәржемә итеп чыгарыла.

«Диван-у лөгат эт-төрк» сүзлеге безнең көннәргә бердәнбер күчермә кулъязма варианты килеп житкән (оригинал сакланмаган). Ул 239×165 мм үлчәмдәге 319 кәгазьдән тора, анарда XX гасырда тамгаланган 638 бит бар. Һәрбер биттә гарәп язуының нәсех шәкеле белән 17 юл язылган, текстта хәрәкәтләр очрый, алар төрле чорларда редакторлар тарафыннан куелган булырга мөмкин. Текстның соңгы битендәге колофонга таянып, Мәхмүд Кашгарый үзенә хезмәтне һижри ел исәбе белән 466 елда (милади 1074) тәмамлаган, ә табылган кулъязма ике гасыр соңрак – 664 (1266) елларда күчерелгән дип әйтәргә нигез бар. Күчерүченә исем дә билгеле – Мөхәммәд ибн Әбү Бәкр ибн Әбү-әл-Фатыйх әс-Савый, соңрак – әд-Дәмәшк. Кереш өлешендә хезмәтнең Габбас династиясе хәлифе Әбү Касыйм Габдулла ибн Мөхәммәт әл-Муктадыйга багышлануы, төрки халыкларның даны мәңгелек кыйммәт буларак тарихта калсын өчен язылуы турында әйтәләр [Махмуд 2005: 13–16].

Сүзлектә авторның үзе турында да шактый мәгълүмат табарга мөмкин. Кашгарый Мәхмүд ибн әл-Хөсәйн ибн Мөхәммәд (1029–1038 елларда туган булырга мөмкин) – затлы, бай әмирләр нәселенән (Омельян Прицак анын 992 елда Бохараны яулап алган Бограхан нәселенән булу мөмкинлеген күрсәтә), белемле, сугыш алымнарын өйрәнгән («иң оста сөңгә ыргытучы»), әтисе – Кыргызстанның Ыссык Күл янында урнашкан Барсган шәһәрненән, үзе соңрак Карахани төркиләренә мәркәзе булган Кашгар шәһәренә килеп төпләнгән. Сүзлекне төркиләргә яшәгән төрле урыннарны йөрөп чыкканнан соң төзүе турында әйтә. Сүзлектә 41 сөйләш атамасыннан (кабилә теленнән?) мисаллар күрсәтелгән: *аргу, бәжәнәк, баласагун, барсган, булгар, югары һәм түбән сыйн, әсикил, әсумул, йабаку, йагма, йәжүж, йәмәк, йасмил, қай, қарлуқ, қыйрқыйз, кәнжәк, қашгар, қыпчақ, қужса, мәжүж, огуз, сыйн, сайрам, суварин, сугдақ, таңут, татар, тубут, түркмән, түркмән-қарлуқ, тухси, түрки, узрак, уж, уйгур, утлуқ, хақаныйя, хутан, согыд, түркмән-огуз* [Махмуд 2005: 1269–1270]. Үзбәк галиме Мәхмүт Равшанов мәкаләсендә исә сүзлектә 70 кабилә, халык, ил атамалары китерелгән, дигән мәгълүмат бар: *ава (жава), алқа, араб, арамут, аргу, афшар, эзши, әжму, элка булақ, бажат, бажундур, барсган, басмил, башгирт, бектили, бәженәк (бәженә), булақ, булгар, жабарқа (япония), жувалдар, әсумул, жабакү, жазгир, жамақ, жаруқ, жаруқлуг, жасмил, жагма, жәпни, игдар, қаж, қажиг, қара болуқ, қарлуқ, қиник, қирқиз, қифчақ, оғрак, кәнжәк, күчат, огуз, рус, салгур, сувар, суқак (огуз), сугдақ, тат-тат (уйгур һәм башка мөселманнар), тат, татар, тат тавгач (фарсы, төрки, уйгурлар), тәжик, тәнгут, тугар, тутирқа, тухси, тубут, түрк, түркман, уйгур, ундлуг, уч, узрак, фарс, халач, хотан, чаруқ, чигил, чумул* [Равшанов 2012]. Башка чыганаclarда да бу атамаларның

чагылганын исәпкә алсак, чыннан да, Мәхмүд Кашгарыйның тел материалы бик зур территорияне үз эченә алган булуы күренә.

Сүзлек шул вакыттагы гарәп теле сүзлекләре традициясендә төзелгән. Кереш өлешендәге мактау-догалар, хәлифкә багышлау, аларның ритмлы проза белән язылуы да гарәп йогынтысының көчле булуы турында сөйли. Белгечләр хезмәтне шул чордагы сакланып калган гарәп сүзлекләре белән чагыштырып чыккач, аның төрки чыгышлы автор Әбү Ибраһим Исхак ибн Ибраһим әл-Фәрабинның «Диван әл-әдәб фи бәййан лөгат әл-гарәб» («Гарәп әдәби теле жыентыгы») сүзлегенә нигезләнеп төзелгән булуын раслыйлар [Махмуд 2005: 36].

«Диван-у лөгат әт-төрк» сүзлеге эчтәлеккә бәйле исем бирелгән 8 китаптан (бүлектән) тора: 1. «Хәмзә»дән башланган сүзләр китабы (сузык авазларга башланган сүзләр жыелмасы (*am, um, ut* h.б.)); 2. «Дөрес» сүзләр китабы (в, й, хәмзә тартыклары кермәгән, икеләтелмәгән тартык авазлардан торган сүзләр жыелмасы (*шам, қашук, сикир* h.б.)); 3. «Икеләтелгән» тартыклы сүзләр китабы (*қак, сақак, бититте, жсырлатты* h.б.); 4. «Дөрес» сүзләргә охшаган сүзләр китабы (й тартыгына башланган сүзләр (*йат, йәстү, йәси* h.б.)); 5. «Көчсез» аваз уртада килгән сүзләр китабы (сүз уртасында сузыклар яисә дифтонглар килгән сүзләр (*сөт, таш, тайак* h.б.)); 6. «Көчсез» аваз сүз ахырында килгән сүзләр китабы (сүз ахырында сузыклар яисә дифтонглар килгән сүзләр (*бити, сажу, курдай-, башла-* h.б.)); 7. Борын авазлары кергән сүзләр китабы (*таң, тәңри, қуңур, биринж, сиңирлә-* h.б.); 8. Тоташ ике тартыктан торган сүзләр китабы (ике тартыгы хәрәкә белән аерылмаган (икек ясалмаган) сүзләр (*илдрук, түркмән, тарт, қызарт-* h.б.)).

Соңгы ике китапта төрки телләренң гарәп теленнән аермалы булган үзенчәлекләре чагылган, калганнары исә шул вакыттагы гарәп теле сүзлекләрендә сүзләрне урнаштыру шәкелендә төзелгәннәр. Хезмәтнең 18 нче битендә Мәхмүд Кашгарый төрки телләренң грамматикасы буенча да «Китабу жәваһир ән-нәхү фи лөгат әт-төрк» («Төрки телләр нәхүе (грамматикасы) жәүһәрләре китабы») исемле зур хезмәт язуы турында искәртеп үтә, ләкин, кызганыч ки, әлеге хезмәт безнең көннәргә кадәр килеп житмәгән.

Кашгарый еш кына төрки тел үзенчәлекләрен гарәп теле мисаллары белән чагыштыра. Шул ук вакытта сүзлекнең зур өлешендә сүзләренң мәгънәви кулланылышын төрки фольклор үрнәкләре мисалларында аңлата, чөнки кереш өлештә ул инде моны ул үзмак-сат итеп куя: «Мин аңа (сүзлеккә) төрки халыклар сөйләшкәндә, мөрәжәгать иткәндә әйтә торган, берсеннән-берсенә житкерә торган шигырьләр; кайгыда да, шатлыкта да зирәк сүзләр буларак яңгыраган мәкальләр чәчтем» [Махмуд 2005: 40]. Төрки тел материалын Мәхмүд Кашгарый гарәп теленә тәржемә итеп бара. Шул рәвешле, 6727 сүз һәм аларга иллюстратив тел материалы (шигырьләр, жырулар, мәкаль-әйтәмнәр, канатлы сүзләр) бирелә.

Төрки телләренә тасвирлаганда, автор аларның кайсы шивәгә караын күрсәтә. Үзе чыгышы белән Кашгардан (әтисе Баласагун шәһәрәннән) булганга, аның өчен көнчыгыш төрки шивәләр якынрак: ин затлы төрки тел буларак, Мәхмүд Кашгарый хаканлы (карахани династиясе) шивәсен билгели, чөнки бу тел чит телләр йогынтысына бирелмәгән, алынмалар аз. Төрки телләренң сыйфатларын күрсәткәндә дә ул аларны үз теле белән чагыштырып бара, аның өчен карахани (хаканлы) теле үрнәк нигез тел булып тора, шуннан чыгып ул телләренә «дөрес һәм дөрес булмаган», «чиста һәм чиста булмаган» телләргә аера. Телнең чисталыгы ул – фарсы алынмаларыннан азат булуы, дөреслеге – хаканлы теленә якин булуы. Димәк, Кашгарый классификациясендә төрки телләр ике зур төркемгә – сафлыгын югалтмаган көнчыгыш төрки телләргә һәм фарсы теле йогынтысы нәтижәсендә үзгәрешләр кичергән көнбатыш төрки телләргә бүленәләр.

Икенче билге – төрки телләренң фонетик-морфологик күрсәткечләре. Мәхмүд Кашгарый [з~й~d, б~м,з ~с, р~л, к~к, ғ~0] h.б. аваз тәнгәлләкләрен күрсәтә һәм шулар буенча төрки телләрен бер-берсеннән аера.

Шул рәвешле, Мәхмүд Кашгарыйның «Диван-у лөгат әт-төрк» хезмәте гади сүзлек кенә булмыйча, XI гасыр төрки телләренң фонетик-грамматик белешмәлеге дә, тарихы, географиясе, халык авыз ижаты, рухи мирасы буенча энциклопедия дә булып тора. Әлеге энциклопедик сүзлекнең татар теленә мөнәсәбәтле рәвештә монографик планда тикшерелгә хаклы икәнлеге шик тудырмый.

ӘДӘБИЯТ

Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

Равшанов М. Р. Сравнительно-историческая лексикография и методы ее описания в «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари [Электронный ресурс] // Информационно-гуманитарный

YABANCILARA TÜRKÇENİN ÖĞRETİMİNDE YAŞANAN SORUNLAR, GELECEĞİYLE İLGİLİ GÖRÜŞLER VE ÇÖZÜM ÖNERİLERİ

M.M. Кәрулы

Türkçenin yabancılara ikinci veya yabancı dil olarak öğretimi konularında karşılaşılan sorunlar, bu sorunların çözümüne dair önerileri ve yer yer de ilgili alanların geleceğine yönelik öngörülerini ortaya koymak.

Anahtar Kelimeler: Türkçe, Türkçenin Yabancılara Öğretimi.

This paper is about the problems encountered in teaching Turkish as a second or foreign language to foreigners, suggestions for the solution of these problems and predictions for the future of related fields.

Keywords: Turkish, foreign language.

İnsanların ana dillerinden başka bir dili öğrenme isteğinin ardında toplumsal, uluslararası gelişmelerden etkilenen bireysel tercihler bulunur. Bireyin bu türden uzun süreli ve hiç de kolay olmayan bir öğrenme sürecine girmesinde etkili olan, kendisinin dışında başka bireyler için de geçerli sayılabilecek şekilde hedef dile karşı yerleşmiş bazı algılarla karşılaşılır. Bireyin kendisinin dışında başka kişilerin de sahip olduğu bu yerleşik algıların ardında da hedef dilin ana dil olarak konuşulduğu ülkelere yönelik farklı düzeylerde oluşmuş ilgiler, ilişkiler söz konusudur. Belirli dilleri öğrenmeye yönelik ilginin ortaya çıkardığı talebi karşılamak üzere, hedef dili ana dil olarak konuşan ülkeler, söz konusu süreçleri düzenlemek ve yürütmek amacıyla bir dizi bilimsel, eğitimsel temelli araştırma ve uygulama içerisine girer. Türkçenin yabancılar tarafından öğrenilme taleplerini ortaya çıkaran alanlar bakımından değerlendirildiğinde Türkiye'nin ve Türkçenin özellikle bölgesinde ve de dünyada yükselen değer olarak kendisini gösterdiği görülmektedir. Bununla birlikte, Türkçenin yabancılara öğretimi sürecinde karşılaşılan sorunlar ve bu sorunlara dair çözüm önerileri, son olarak da bu alanın geleceğine dair bazı tespit ve görüşler yazının konusunu oluşturmaktadır [Ekmekçi 1983].

TESPİTLER, PROBLEMLER VE YORUMLAR

Dünyada Yükselen Değer Olarak Türkçe

Gördüğü ilgi bakımından ana dil olarak konuşulduğu ülkenin sınırlarını aşabilen dillerin sayısı, dünyada konuşulan dillerin yanında çok azdır. Bu anlamda Türkçe dünya dilleri arasında önemli bir yere sahiptir. Bir dile dair söylenebilecek bu türden bir ilgi, o dilin ana dil olarak konuşulduğu ülke ile birlikte ele alınır. Türkçenin gördüğü ilgi; Türkiye'nin politik, ekonomik, kültürel alanlarda nasıl algılandığı ile doğrudan ilişkilidir. Bu noktada, Türkiye'nin her alanda göstermiş olduğu uluslararası performanstan doğrudan etkilenen Türkçenin yine uluslararası alanda nasıl kabul gördüğü, dünya dilleri arasında bu özelliği bakımından Türkçenin nasıl bir yere sahip olduğu önemlidir.

Türkçe, ağırlıklı olarak 90. yıllardan sonra Türkiye'de ve yurt dışında öğretilmeye başlanmıştır. Bu da dünyada o güne kadar yabancı dil olarak yaygın öğretilen İngilizce, İspanyolca, Rusça, Fransızca vb. dillerin arasında kendisine yer bulmakta zorlanmıştır. Çünkü yeterli materyal ve eğitmeni olmadığı için sıkıntılar yaşamıştır. Bütün bu eksiklikleri devletin ve daha çok ta özel sektörün bu işe eğilmesiyle kısa sürede aşmış ve şu anda dünyada 170 ülkede farklı seviyelerde öğretimi yapılan bir dil haline gelmiştir.

Yabancı dil öğrenme talebini ortaya çıkaran belirli bazı alanlardan vardır. Bir dilin ana dil olarak konuşulduğu ülke vatandaşları dışında başka bir kitle tarafından öğrenilme taleplerini siyasi, ekonomik, ve sosyal etkenlerin sonucu ortaya çıkmaktadır. Söz konusu alanların, öğrencinin hedef dili öğrenme yönündeki talebine etkisinin sınırlarını tam olarak bilmek mümkün değildir. Ama ciddi bir etkisi olduğu kesindir. Bu alanlar şunlardır:

1. Ekonomik Cazibe Merkezi Olarak Türkiye ve Türkçe

Uluslararası Para Fonu'nun (IMF) verilerine göre Türkiye'nin ekonomisi 17. sıradan 16. sıraya yükselirken bu artışın süreci ve Türkiye'nin 2026 yılı itibarıyla dünyanın 13. büyük

ekonomisi olacağı öngörülmektedir. Türkiye'nin hedefi 2023'te ilk 10 içerisinde yer almak. Mevcut büyüklüğü ve büyüme eğilimi bu ülkeyi ve tabii bu ülkenin kültürünü, dilini ilgi çekici hale getirmektedir. Türkiye'nin dünya ekonomisindeki yerine baktığımızda turizm, sanayi, inşaat, enerji, sağlık, eğitim gibi hizmet sektörlerinde başarılı olması da cazip bulunmaktadır.

2. Bölgede Kültürel, Tarihsel Ortaklıklar ve Türkçe

Türkiye'nin tarihsel süreçte doğrudan veya dolaylı olarak ilişkide bulunduğu ülke sayısı çok fazladır. Bu ilişkiler günümüze pek çok siyasi, kültürel ilişkiyi de beraberinde taşır. Özellikle, Türkiye'nin bölge ülkeleriyle olan ilişkilerinde öne çıkan bu durum, Türkiye ve bu ülkeler arasındaki ilişkilerin önemi ölçüsünde kültür, dil meselesine de önem yüklemektedir.

3. Sanat ve Turizm Ülkesi Olarak Türkiye ve Türkçe

Türkiye merkezli dizi filmler, sinema filmleri; şarkıcılar, önemli spor takımları yine özellikle bölge ülkeleri olmak üzere yabancı ülkelerde Türkiye tanıtımı ve Türk kültürüne, Türkçeye bu konuda ilgi oluşturan dikkat çekici unsurlardır. Türkiye'nin Orta Doğu'da, Balkanlar'da, Kafkaslar'da, Orta Asya'da, Kuzey Afrika'da bu alanlarda gördüğü, yoğun ilgiden dolayı Türkçeye de ilgi artmaktadır.

Sorunlar, Çözüm Önerileri ve Yabancılar Türkçe Öğretiminin Geleceğiyle İlgili Görüşler:

1. Türkiye, coğrafi konumu dolayısıyla, kara ve deniz bağlarıyla çok geniş bir bölgede çok geniş bir uluslararası ilişkiler ağı içinde bulunmaktadır. Bu durum hem avantaj hem de dezavantaj oluşturmaktadır.

2. Yabancılar Türkçenin öğretimini de ilgilendirecek şekilde, Türkçenin dünyada nereslerde, hangi ihtiyaçlara göre talep gördüğünü tam olarak ortaya koyan çalışmaların eksikliği görülmektedir.

3. Yabancılar Türkçe öğretirken sunulan dilsel girdi bir başka ifade ile kullanılacak okuma ve dinleme materyallerinin içeriği öğrenci tarafından anlaşılma düzeyine uygun konuları üzerinde önemle durulmalı. Bunların doğru seçilmesi ve doğru bir şekilde uygulanması başarı ve başarısızlığı etkileyecektir. Çünkü bu alanda yayımlanmış kitapların çoğu Türkçe'nin kurslar düzeyinde öğrenilmesine yöneliktir. Bir başka sorun, Türkçe gramer terimleri alanında yaşanan kargaşadan kaynaklanmaktadır. Dil uzmanlarının birbirinden farklı terimler kullanmaları, Türkçe öğrenenleri zor duruma sokmaktadır. Söylediklerimizi kanıtlamak için bir örnek vermek istiyorum. Bilindiği gibi şimdiki kadar isim halleriyle ilgili terim kargaşası devam etmektedir. Türkiye'de dil bilgisi uzmanları halleri çeşitli terimler kullanarak adlandırıyorlar [Meliki].

4. Dünyada eğitim için başka ülkelere giden öğrenci hareketliliği ve yabancıların bu konuda Türkiye'yi tercih etmesi. Eğitim amaçlı ilgiler de, eğitim olanakları bakımından cazip görülen ülkelerin dillerine yönelik bir talebi ortaya çıkarabilir.

5. Öğretim Yöntemi Meselesi ve Türkçe Öğretimi. Öncelikle, sadece yabancılar Türkçe öğretimi alanında değil, dünyada bir dilin yabancılar öğretim süreçlerinde yöntem seçiminde, dil öğretimi elamanları arasında, her durumda en verimli şekilde uygulanabilecek bir yöntemin olamayacağına dair yaygın inancın bulunduğunu belirtmek gerekir. Bu bilgiler ışığında hedef kitleye göre farklı yöntemler belirlenmelidir [Karababa 2009].

6. Homojen sınıflar oluşturmanın zorluğu. Türkçeyi yabancı dil olarak öğrenenlerin oluşturduğu sınıflarda, özellikle Türkiye'de, çoğu zaman, farklı dil ailelerinden bir dilin konuşurları; bunun yanı sıra, Türk kültürüne farklı uzaklıklarda veya farklı Türkiye imajına sahip ülkelerden kişiler yer alabilmektedir. Bu sınıflarda yer alan kişiler arasında, öğrenci motivasyonunu, öğrenme hızını, dolayısıyla öğrenme süreçlerini doğrudan etkileyen mesafeler ne kadar az olursa, bir başka ifade ile sınıflar ne kadar homojen olursa, öğretme faaliyetleri o kadar başarılı olur.

7. Yaygın olarak kullanılan basılı ders materyallerinin, öğrencilerin kendi başlarına kullanımlarına uygun olmaması.

Sonuç:

türkiye'nin belirtilen bu siyaset, ekonomi, kültür, eğitim alanlarındaki uluslararası varlığı ve etkinliği gelişiminde yabancıların Türkçe öğrenme talepleri de artmakta veya azalmaktadır.

Dünyadaki dijital teknoloji ve gelişmeler her alanda etkili olduğu gibi yabancı dil öğretimi ni de hem olumlu hem de olumsuz etkilemektedir. Olumsuz etkileri baskın olan yabancı dillerin (İngilizce gibi) diğer dillerin başka birey ve toplumlar tarafından öğrenilme istek ve talebini azaltmaktadır. Bunun yanında internet ve iletişim imkanlarının artmış olması dil öğretimi ni daha kolay yapılabilir hale getirmektedir.

Türkçenin yabancılar için öğretimi alanında yürütülen faaliyetlerin, teknoloji destekli olduğu ölçüde uluslararası rekabet gücüne sahip kabul edileceği düşünülebilir. Her geçen gün, teknolojinin büyümesinde tercihlerini ortaya koyan bireylere ve toplumlara, pazarı büyük ölçüde yurt dışında bulunan bir ticari alan olarak yabancılar için Türkçe öğretiminde de bu yönde sunum araçları geliştirmek, diğer dünya dilleri arasında yabancı dil olarak Türkçenin öğretimindeki rekabet gücünü ve ilgiyi artıracaktır [Kara 2010].

КАЙНАКҶА

Ekmekçi F.Ö. (1983). Yabancı Dil Eğitimi Kavram ve Kapsamı, Türk Dili dergisi, s. 379–380. 106–115.

Karababa Z.C. (2009). Yabancı Dil Olarak Türkçenin Öğretimi ve Karşılaşılan Sorunlar, Ankara Üniversitesi Eğitim Bilimleri Fakültesi Dergisi. s. 265–277.

Kara M. (2010) Gazi Üniversitesi TÖMER Öğrencilerinin Türkçe Öğrenirken Karşılaştıkları Sorunlar ve Bunların Çözümüne Yönelik Öneriler, Gazi Üniversitesi Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. s. 661–696.

Meliki T. 'Rusya'da Türkçenin Eğitim Sorunları. <https://www.turkceindirilisi.com/turkce/rusya-da-turkce-egitim-sorunlari-prof-dr-tevfik-melikli-h96568.html>.

ЛЕКСИКА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Д.Э. Лутфуллаева

В этой статье анализируется лексический состав официально-делового стиля узбекского языка. Научно обоснованы факторы, влияющие на развитие лексического пласта делового стиля, изучены существенные изменения лексического пласта официально-делового стиля после обретения республикой независимости.

Ключевые слова: функциональные стили речи, официально-деловой стиль, деловая документация, лексические, грамматические средства официального стиля, текст документов, жанровая характеристика официального стиля, синтаксические шаблоны.

This article is dedicated analysing the lexical structure of the official business style of the Uzbek language. The factors influenced the development of the lexical layer of the business style are scientifically substantiated; significant changes in the lexical layer of the official business style after the republic gained independence have been studied.

Keywords: functional styles of speech, official business style, business documentation, lexical, grammatical means of official style, text of documentation, genre characteristic of official style, syntax patterns.

Официально-деловой стиль – это стиль речи, который служит для выражения официальных отношений между людьми и учреждениями в экономических, политических, правовых, культурных и социальных сферах.

Разнообразие жанров, в том числе текстов в официальном стиле, использование в нём особых лексических, грамматических единиц; высокий уровень пользования стандартного синтаксического строя, и в то же время строгое соблюдение всех норм литературного языка указывает на то, что этот стиль является необыкновенно сложным.

1. В мировом языкознании подробно изучены функциональные стили речи: сущность и функция официального стиля, история образования, создание деловых документов, жанровые характеристики официального стиля и т.д. В этой области узбекского языкознания также проведены некоторые исследования. Языковые особенности официального стиля были впервые изучены Д.Бабахановой [Бабаханова 1987: 21]. К. Омонов исследовал историческое образование и развитие официального стиля узбекского языка [Омонов 2016: 73]. Кроме того, в некоторых источниках, посвященных речевой культуре и методологии деловой документации, уделяется большое внимание обзору официального стиля [Содиқов 2010: 191]. Тем не менее, необходимо развитие официального стиля в период независимости Республики Узбекистан. Необходимо проанализировать в нем лексические, морфологические и синтаксические изменения. Кроме того, выражение прагматической интенции, а также социальные и гендерные аспекты текста официально-деловых документов требуют антропоцентрической интерпретации данного стиля.

В последние годы в стране проводится радикальная реформа в системе управления, в экономике и культурной жизни. Достижения успехов в области науки и техники, развитие компьютерных технологий сыграли важную роль в развитии официального делового стиля. За последние десятилетия во всех функциональных стилях речи произошли серьезные

изменения в его лексическом составе. Появление страны на мировой арене, установление международных отношений, обеспечение статуса государственного языка обусловили необходимость совершенствования, организации и перестановки официально-делового стиля. В результате на протяжении многих лет в официально-деловом стиле узбекского языка произошли некоторые изменения. Многие слова с русского происхождения были заменены узбекскими альтернативами (*справка – маълумотнома, акт – далолатнома, доверенность – ишончнома, автобиография – таржимаи ҳол, характеристика – тавсифнома* и т. д.).

В официально-деловом стиле были созданы новые синтаксические шаблоны, были внесены некоторые изменения в процедуру написания текста документаций. Появление этих новых изменений в официально-деловом стиле требуют тщательного анализа и изучения экстралингвистических факторов, влияющих на развитие стиля, включая воздействие русского официального стиля на узбекский официально-деловой стиль.

В официально-деловом стиле встречаются различные типовые тексты, которые часто пишутся по-разному. Поэтому необходимо разработать методологические стандарты для деловых документов и правила обучения переписки.

Известно, что лексический слой официально-делового стиля узбекского языка сформировался в течение многих лет. Сегодня деловые документы имеют свою лексическую систему, которая выражает официальные правоотношения людей. Однако в лексическом слое данного стиля существуют различные изменения, основанные на социальных факторы. Одним из таких факторов является радикальное изменение в общественной жизни, возобновление и преобразование официальных отношений. Любое политико-правовое потрясение в жизни общества, в первую очередь, отражается в его официально-деловых документациях. Пример тому, что в 1991 году независимость нашей страны нашла свое отражение в официальных документах: «Декларация Независимости» и «Конституции Республики Узбекистан». Благодаря этим документам новый термин вводится в официальный стиль.

В официальном стиле вопрос о выборочном использовании слова воспринимается серьезно. Говоря о лексической картине официального стиля, А.Бобоева отмечает: «Формальный стиль лексики широко варьируется в зависимости от содержания этого материала, непосредственно связанного с конкретными экстралингвистическими основами каждого текста. Поэтому имеется стилистическая характеристика каждого жанра и особые стандартные средства» [Бобоева 1988: 157].

Действительно, каждая форма официально-делового стиля имеет свои лексические единицы, которые активно используются в деловых текстах. Например, в заявлении активно используются, независимо от содержания или размера в нём лексических единиц как *сўрайман, сўраймиз, илтимос қиламан, илтимос қиламиз (прошу, просим)*. В каждой автобиографии, обязательно, используются слова *мен, тузилдим, ота, она, ишлайман ёки ўқийман, оилам (я, родилась / родился, отец, мать, работаю или учусь, моя семья)*.

Характерно, что такие лексические единицы, которые используются в определенных типах официально-делового документа, которые тесно связаны друг с другом, и ассоциативно отражаются в памяти человека. Например, в тексте каждого завещания повторяется ассоциативные лексические единицы, как *мен, васият қиламан, васият қилувчи, мол-мулк, уй-жой, мерос, нотариус, нуха, имзолайман, фуқаро, тасдиқлайман (я, завещаю, наследователь, имущество, дом, нотариус, копия, подпись, гражданин, подтверждаю)*.

Одной из характерных особенностей официально-делового стиля является то, что в нём запрещено свободно использовать любую лексическую единицу. Другими словами, официально-деловой стиль работает с ограниченным числом лексических единиц.

В тексте официально-деловых документов уровень нейтральной лексики выше. Однако некоторые нейтральные единицы иногда можно заменить специальной лексикой. Например, акт и завещания пишется определенными лицами, но в тексте слово *ёзмоқ* заменяется со словом *тузилмоқ* (в форме *тузилди – составить*). В письме вместо слова *ёзмоқ* используется слово *жўнатилмоқ* (в форме *жўнатилмоқда – отправляется*). А в справке данное слово заменяется словом *берилмоқ* (в форме *берилди – дана*). Что интересно, слово *берилмоқ* в текстах предупреждения и выговора заменяется словом *эълон қилинсин (объявлять)*. В тексте присуждения слово *берилмоқ* заменяется со словом *тавсия этилсин (рекомендовать)*.

В официально-деловом стиле строго ограничено использования лексических единиц следующих типов:

1. Лексические единицы, обозначающие отношение оценки.
2. Неологизмы. Но в некоторых документах используются неологизмы. В это время его значение интерпретируется в скобках.

3. Историзмы.
4. Диалекты.
5. Синонимы. Иногда можно использовать синонимы, но они даются в скобках.
6. Эвфемизмы, жаргоны и аргументы.
7. Варваризмы, слова-паразиты.
8. Фразеологизмы.

Таким образом, в официально-деловом стиле имеется свой лексический пласт. В официальную лексику не вступают каждые неологизмы или новые слова. Однако официально-деловой стиль каждого языка может быть подвержен значительным изменениям, основанным на революционных переменах.

В то же время в лексическом составе официально-делового стиля узбекского языка произошли следующие существенные изменения: 1) несколько лексических единиц переведены с русского на узбекский язык; 2) образованы новые слова в лексической системе официально-делового стиля; 3) некоторые слова устарели и вышли из строя; 4) некоторые архаизмы были перестроены и используются свободно в официальном стиле.

Таким образом, масштабные изменения в лексике официального стиля узбекского языка после обретения независимости нашей республики требуют своих разработок.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаханова Д.А. Официально-деловой стиль современного узбекского литературного языка: Автореф. канд. филол. наук. – Ташкент, 1987. – 21 с.

Бобоева А. Расмий услуб / Бегматов Э., Бобоева А., Асомиддинова М., Умуркулов Б. Ўзбек нутки маданияти очерклари. – Тошкент: Фан, 1988. – Б. 157.

Омонов Қ. Туркий расмий услубнинг юзага келиши ва тақомили (илк ва ўрта асрлар): Филол. фан. докт. ... дис. автореф. – Тошкент, 2016. – 73 б.

Содиқов Қ., Омонов Қ. Ўзбек тилининг ёзма услублари тарихидан. – Тошкент, 2010. – 191 б.

СТЕРЕОТИП И СРАВНЕНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В.А. Маслова

В статье показано, каким образом стереотип и сравнение могут стать представителями той или иной лингвокультуры, чем отличаются автостереотипы от гетеростереотипов. Отдельное внимание уделяется также сравнениям, которое в широком смысле есть часть проблемы тождества и различия. И стереотип, и сравнение выступают как способ познания мира.

Ключевые слова: стереотип, сравнение, лингвокультура, когнитивная лингвистика, национальный характер, анекдот как материал.

The article reveals the way in which stereotype and comparison may become the representatives of one or another linguoculture; the difference between auto- and hetero stereotypes. Special attention is given to comparisons which are the part of the problem of similarity and difference. Both stereotype and comparison are the ways to explore the world.

Keywords: stereotype, comparison, linguoculture, cognitive linguistics, national character, anecdote as the source.

Оба феномена, вынесенные в заголовок статьи, обладают интердисциплинарным характером. Стереотип, например, проблема для целого ряда наук: лингвистов, социологов, этнографов, когнитологов, лингвокультурологов, психологов, этнопсихолингвистов (У. Липпман, И.С. Кон, Ж. Коллен, Ю.Д. Апресян, Ю.А. Сорокин, В.А. Рыжков, Ю.Е. Прохоров, В.В. Красных, П.Н. Шихирев, А.В. Михеев, С.М. Толстая, Е. Бартминский, А.К. Байбурун, Г.С. Батыгин, С.В. Силинский и др.).

Представители каждой из названных наук выделяют в стереотипе те его свойства, которые они замечают с позиций своей области исследования, а потому выделяются социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы, этнокультурные стереотипы и т.д. Например, социальные стереотипы проявляют себя как стереотипы мышления и поведения личности. Этнокультурные стереотипы – это обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ; *немецкая аккуратность, русский «авось», китайские церемонии, африканский темперамент, вспыльчивость итальянцев, упрямство финнов, медлительность эстонцев, польская галантность* – стереотипные представления о целом народе, которые распространяются

на каждого его представителя. На учете стереотипных представлений основано большинство анекдотов о национальном характере.

Существуют автостереотипы, отражающие то, что думают люди сами о себе, и гетеростереотипы, относящиеся к другому народу, и как раз они более критичны, их сравнения как раз и интересны для исследователя. Например, то, что у своего народа считается проявлением расчетливости, у другого народа – проявление жадности, что у других лень – у своего народа – ум: *Решил татарин на работу устроиться. Пошел в отдел кадров одной фирмы с спрашивает: У Вас татары работают? Да, работают, пять человек. Тогда я к вам не пойду на работу. Приходит в другую фирму: У Вас татары работают? Нет, не работают. Устроился он туда. Ходит он по заводу довольный, руки в брюки. У него мастер спрашивает: Ты почему не работаешь? – А мне в отделе кадров сказали, что у вас татары не работают!*

Люди воспринимают этнокультурные стереотипы как образцы, которым надо соответствовать, отсюда их довольно сильное влияние на людей. Оно стимулирует у народа формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе.

Специалисты по этнической психологии, изучающие этнокультурные стереотипы, отмечают, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчеркивают у себя такие качества как ум, деловитость, предприимчивость, а нации с более отсталой экономикой – доброту, сердечность, гостеприимство. Подтверждением сказанному может служить исследование С.Г. Тер-Минасовой, согласно ее результатам, в английском обществе более ценятся профессионализм, трудолюбие, ответственность и т.д., а в русском – гостеприимство, общительность, справедливость [Тер-Минасова 2000: 255].

Впервые понятие стереотипа использовал У. Липпман еще в 1922 г, который считал, что это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира [Lippman 1922]. При таком понимании стереотипа выделяются две его важные черты – детерминированность культурой и способность к экономии трудовых усилий, и соответственно, языковых средств. Если алгоритмы решения математических задач экономят мышление человека, то стереотипы «экономят» саму нашу жизнь, упрощают общение, экономят силы коммуникантов.

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, т.е. понимается как ментальный стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира». Такое понимание стереотипа встречаем в работах Е. Бартминского и его школы [Бартминский 1995]: языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся у него как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира.

Мы же считаем языковым стереотипом не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и т.д.: *лицо кавказской национальности, седой как лунь, новый русский*. Употребление таких стереотипов облегчают и упрощают наше общение.

Оригинальная концепция стереотипа у В.В. Красных [1998: 127–155]. Она делит стереотипы на два вида – стереотипы-образы и стереотипы-ситуации. Примеры стереотипов-образов: *пчела --- труженица, баран --- упрямый*, а стереотипов-ситуаций – *билет --- компостер, аист --- кауста*.

Оба вида стереотипов всегда национальны, т.е. отражают национальное мировидение. Например, феномен прощания в разных лингвокультурах: *англичане уходят не прощаясь, а татары прощаются и не уходят*.

Итак, стереотип – это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная «картинка», устойчивое культурно-национальное представление (по Ю.Е. Прохорову, «суперустойчивое» и «суперфиксированное» [Прохоров 1996: 75] о предмете или ситуации. Стереотип – это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка. Продемонстрируем далее особенности национального стереотипа на материале анекдота: *Судились еврей и татарин. Прокурор получил 10 лет строгого режима*.

Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе. Пример: *Русский посадил березку, чтобы любоваться ею из окна. На утро пришел татарин и срубил березку. Русский спрашивает: Зачем ты это сделал? – Она на степь смотреть мешала!*

Стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные

составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя «своим» и одновременно опознать «своего». Пример: *Слыхал? Президент Путин, оказывается, татарин! Не может быть! Я знаю, что его отец и мать русские! Ну и что? У Марата Сафина оба родителя чистокровные татары, а его самого во всем мире русским считают.*

В основе формирования этнического сознания и культуры в качестве регуляторов поведения человека лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы – культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом, определенной культурой и осознавать себя его элементом. Стереотипным представлением о евреях стала их хитрость. Однако татарин считает себя еще более хитрым: *Старый еврей едет на осле мимо татарского села. На дороге играет маленький мальчик, которого еврей просит помочь ему и говорит: вот тебе рубль, мне нужно поесть, накормить осла и еще взять еды с собой на дорогу. Мальчик забрал рубль и ушел в село. Приносит арбуз на 10 копеек и говорит: Ты арбуз съешь сам, корки отдай ослу, а семечки по дороге погрызешь. С тех пор евреи в Татарстане не живут.*

Вероятно, механизмом формирования стереотипов являются многие когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют ряд когнитивных функций – функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии и т.д. Например, данный анекдот построен на автостереотипе татар о собственной смелости, воинственности и непобедимости: *Служит татарин на китайской границе. Выходит он к самой границе и кричит: Эй, китаец, пойдем драться. Китаец вышел и больше не появился. Назавтра татарин снова подходит к границе и кричит: Эй, сто китайцев, пойдем драться. Снова ни один китаец не вернулся. На третий день снова подходит татарин к границе и кричит: Эй, сто тысяч китайцев, выходите драться. Только собрались китайцы, как из-за сопки выползает раненый китаец и кричит: Не ходите, это засада – их там двое!*

На стереотипе непобедимости основан и следующий анекдот: *Приходят русские к Алеше Поповичу и говорят: Алеша, помоги, татары идут! Алеша думал целый день и отказал им. Пошли они к Добрыне Никитичу и обратились с просьбой о помощи. Тот думал 3 дня и отказал. Пошли они к Илье Муромцу. Тот долго не думая вскочил на коня. Народ удивился и спрашивает: Ты что, даже думать не будешь? А что тут думать, сваливать нужно, – закричал Илья Муромец.*

Мы живем в мире стереотипов, навязанных нам культурой. Устойчивость культуры, ее жизнеспособность обусловлены тем, насколько развиты структуры, определяющие ее единство, целостность. Целостность культуры предполагает выработку стереотипов культуры – стереотипов целеполагания, поведения, восприятия, понимания, общения и др., т.е. стереотипов общей картины мира. Важную роль в формировании стереотипов играет частота встречаемости определенных объектов, явлений в жизни людей, нередко выражающаяся в более продолжительных человеческих контактах именно с данными объектами по сравнению с другими, что и приводит к стереотипизации подобных объектов.

Стереотип поведения – важнейший среди стереотипов, он может переходить в ритуал. И вообще стереотипы имеют много общего с традициями, обычаями, мифами, ритуалами. Но стереотипы отличаются следующими в основном психологическими чертами: традиции и обычай характеризует их объективированная значимость, открытость для других, а стереотипы остаются на уровне скрытых умонастроений, которые существуют в среде «своих».

Итак, стереотип – характерен для сознания и языка представителя культуры, он своего рода стержень культуры, ее яркий представитель, а потому опора личности в диалоге культур.

Специфическое национальное мировидение, национальный характер, национальное поведение зафиксировано не только в стереотипе, но и в семантике сравнения.

Культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это часть проблемы тождества и различия. О. Мандельштам писал в «Разговоре с Данте»: «Я сравниваю – значит живу».

По определению М.Фуко сравнение (сходство) – «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания... и гарантирующий богатство его содержания» [Фуко 1994: 66].

Научная литература по сравнению необозрима: в филологии оно рассматривается как один из видов тропа, в психологии как один из мыслительных процессов, в философии – как мощное средство познания мира и т.д. Особенно много работ посвящено изучению сравнения в структурно-типологическом и семантико-функциональном аспектах, в то

время как исследований в когнитивном, лингвокультурном и прагматическом аспектах почти не ведется.

Теоретическое осмысление устойчивых сравнений в лингвистике началось в 60-е годы XX века. Одним из первых на них обратил внимание В.В. Виноградов как на особый тип фразеологических конструкций [Виноградов 1969: 15].

Именно сравнение как момент подобия вещей рождает метафоры, символы, обнаруживают мифологичность сознания. Многие загадки, анекдоты (анекдоты армянского радио), паремии основаны на сравнении. Еще в 1918 г. Е.Д. Поливанов, изучая японские загадки выделил такой тип, как «загадки-сравнения», которые выглядят так: вопрос: «С чем можно сравнить бездельника?» – Ответ: «С бумажным фонарем, ибо оба без толку болтаются».

Л.А. Лебедева в своей ДД и последующих работах выделила 16 идеографических полей для характеристики человека [Лебедева 1999]: «Внешность» (*волосы мягкие как шелк, черные как смоль, лицо круглое как блин, глаза черные как агат, голова круглая как арбуз, пальцы толстые как обрубки, чумазый как черт*), «Физические качества» (*сильный как бык, крепкий как дуб, ловкий как обезьяна, видеть как кошка, нюх как у собаки*), «Физиологические состояния» (*горячий как печка, свежий как огурчик, замерзнуть как бобик, выжатый как лимон*), «Физические действия» (*вертеться как вьюн, подпрыгивать как мячик, глотать как акула*), «Движение – Неподвижность» (*нестись как метеор, стоять как столб, вертеться как белка в колесе, ходить как неприкаянный*), «Черты характера, моральные и деловые качества» (*смирный как агнец, трусливый как баба, хитрый как лиса, аккуратный как немец*), «Умения, способность» (*плавать как рыба, нырять как утка, писать как курица лапой, петь как соловей*), «Поведение» (*умирать как герой, вести себя как скотина, держаться как хозяин, молчать как сыч*), «Отношения между людьми, чувства» (*убить как собаку, обращаться как с маленьким, смотреть как на чудака, нужен как рыбе зонтик*), «Умственные способности» (*глупый как ребенок, глупый как пень, умный как бес, смотреть как баран на новые ворота*), «Речевая деятельность» (*орать как оглашенный, говорить как по писаному, болтать как сорока, шипеть как змея*), «Чувствосостояния» (*ходить как в воду опущенный, хохотать как безумный, ржать как лошадь*), «Образ жизни» (*жить как барин, жить как бирюк, жить как белый человек, жить как дикарь*), «Груд – Безделье» (*трудиться как вол, работать как лошадь, работать как муравей, сидеть как в гостях*), «Бедность – богатство» (*беден как церковная мышь, нищий как Иов, богатый как Крез*), «Мысли, чувства, представления» (*пронзить как мечом, застрять в голове как гвоздь, помнить как в тумане, блеснуть как молния – о мысли*).

Нас интересует национальная специфика выбора сравнения для номинации человека. Эта проблема сейчас актуальна, ибо все национальные проблемы долгое время подвергались нивелировке, сглаживанию, теперь же интерес к ним резко возрос.

Мы провели эксперимент с носителями киргизского языка, который позволил выделить ряд типичных для данного народа сравнений. Эти сравнения связаны: а) с географическими особенностями местности: *величественный как Ала-Тоо; глаза блестящие, как Иссык-Куль; лицо ясное, как родник; рот большой, как пещера*; б) с особенностями растительного и животного мира: *ног горбатый, как у беркута; стройный, как чинар, арча; стройный, как марал*; в) широко распространены у киргизов сравнения со сказочными героями национального эпоса: *голова умная, как у Каныкея; храбрый, как Чолпонбай, как Дуйшенкул; сильный, как Манас; голос грудной, как у Конурбая; лицо белое, как у Акмоор; рука большая, как у Бакая*; г) семантика сравнений связана со спецификой хозяйственной и культурной жизни народа: *волосы длинные, как аркан; голова большая, как казан; голос приятный, как звуки комуза; лицо красивое, как Луна; нос прямой, как комуз*.

Поэтические сравнения – еще более простой способ уловить национальную специфику видения конкретного предмета, явления. Так, известный киргизский поэт Дж. Бокомбаев пишет:

*Тянь-Шань похож на спящего верблюда.
А среди хребтов в горбатом их кольце
Сверкает Иссык-Куль – живое чудо –
Как родинка на девичьем лице.*

Здесь отражена типичная для представителя восточной культуры ситуация, когда родинка (дефект, с точки зрения славянина) воспринимается как нечто прекрасное, с чем можно сравнить красивейшее озеро мира – Иссык-Куль.

В тюркоязычной поэзии сравнение имеет свою специфику, обусловленную особенностями народного мировосприятия – его мифологическими и мистическими формами.

Например, у известного киргизского акына Боогачы (конец XIX – начало XX в.) есть такое сравнение: «*Ийилген чыбык талдайсын, ичуучу балдайсын, этин аппак кардайсын, эзилген казы, жалдайсын*» («Ты как гибкий ивовый пруттик, как хмельной мед сладкая, телом белая, ты как разваренное казы, подгривное мясо»). Последнее «гастрономическое» сравнение было бы неприемлемо в русской и белорусской культуре, где еда никогда не имела особой мистической функции (как, например, поедание врага в некоторых культурах).

Казахский поэт и просветитель XIX века Абай Кунанбаев приводит такое сравнение – «Мир – огромное озеро, время – порывистый ветер, передние волны – старшие братья, задние волны – младшие братья, умирайте по очереди, пусть все идет своим чередом». Здесь нет эксплицитно выраженного признака сравнения, но его можно реконструировать, опираясь на фоновые знания реципиента (читателя). Такие реконструкции придадут особую экспрессивность поэтическому тексту. Санскритская поэтическая традиция рассматривает такие сравнения как средство не убедить, а поразить читателя красотой, глубиной, необычностью поэтического языка. Восточные (тюркоязычные) поэты были убеждены, что если не прибегнуть к помощи метафор, сравнений, аллегорий и других тропов, то поэтическое произведение не будет отличаться от обычной разговорной речи, не приобретет поэтического характера.

Следовательно, и стереотип, и сравнение выступают как способ познания мира, способ закрепления результатов этого познания в языке и культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа: результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993 – 1994 гг. // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. М., 1995.

Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М., 1969.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар, 1999.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

Тер-Минасова С.Г. Язык и национальный характер // Слово и текст в диалоге культур. М., 2000.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Bartminski, 1985.

Lippmann W. Publik Opinion. NY, Harcourt, 1992.

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Н.М. Махмудов

В данной статье автором обозначены основные проблемы определения единицы лексического яруса языка – слова в тюркских языках с учетом их национальных особенностей. Определены основные недостатки тюркских грамматик, что является результатом их создания по моделям европейских: разграничение самостоятельных и вспомогательных слов, неуместность разграничения прилагательного и наречия, определение границ слова и аффикса. Также автором вкратце освещена история узбекской лексикографии, указаны основные достижения современной узбекской лексикографии, базирующейся на антропоцентрической парадигме, обозначены перспективные направления тюркской лексикографии.

Ключевые слова: слово, заимствование, антропоцентризм, тюркская лексикография, терминоэлемент, устойчивые сравнения, энантиосемия.

In this paper, the author identifies the main problems of determining the unit of the lexical tier of the language – words in the Turkic languages, by their national peculiarities. The main disadvantages of the Turkic grammars are determined, which is the result of their creation according to European models: the distinction between independent and auxiliary words, the inappropriateness of distinguishing adjectives and adverbs, defining the boundaries of words and affixes. The author also briefly illuminated the history of the Uzbek lexicography on the basis of achievements of the modern Uzbek lexicography, based on the anthropocentric paradigm, and indicated the perspective sphere of the Turkic lexicography.

Keywords: word, borrowing, anthropocentrism, Turkic lexicography, term-element, stable comparisons, enantiosema.

Любые изменения и преобразования в жизни общества, прежде всего, находят свое точное отражение в его словарном составе. Поэтому, именно с этой точки зрения, язык

исследователями оценивается как «самый точный и чуткий барометр социальной жизни любого человеческого общества» [Маковский 1980: 3].

Проблема значения слова и его развития является одной из важных и центральных проблем языкознания. Начиная с древних времен истории языкознания неустанно продолжаются споры о природе связи значения с выражающей его языковой единицей. Безусловно, в непрерывном процессе развития языка языковые единицы подвергаются различным изменениям не только в плане формы, что проявляется в его фонетической и морфологической структуре, но и в плане семантики. Несомненно, развитие и совершенствование языка не является самоорганизующимся, совершенно хаотичным процессом, решающую роль в нем играют потребности, стремления носителя языка, его отношение к миру, то есть в процессе таких преобразований когнитивная деятельность носителя языка выполняет координирующую функцию, ибо в основе когнитивной деятельности несомненно лежат значение и содержание.

В основе общего развития языка, прежде всего, лежит значение и его развитие. Русский языковед Ю.В. Фоменко считает семантику «альфой и омегой всего языкового бытия» [Фоменко 2010: 118], хотя в этих словах есть определенное преувеличение, но в них существует, безусловно, большая доля истины.

В узбекском языкознании основательно изучены проблемы лексикологии, в частности, значения слов в современном языке, семантическая структура слова, разнообразные процессы в структуре слов, различные изменения, в целом, законы развития семантической структуры.

Естественно, формальная манифестация значения, формально-содержательное взаимоотношение, проявляющееся в языковых единицах, изменения значения в них являются сложными процессами, поэтому выявление закономерностей данного процесса остаётся извечными задачами в науке о языке. Как метко выразился известный американский лингвист У.Л. Чейф, «если бы в языке всегда обнаруживалась такая прямая связь между значением и звучанием, то у лингвистов было бы гораздо меньше дела, чем сейчас». Наряду с многими языковедами, У.Л. Чейф справедливо считает семантическую структуру «главным компонентом языка» и отмечает, что «не познав природы семантической структуры, мы не можем сколько-нибудь адекватно описать постсемантические процессы, воздействующие на нее, поскольку мы ничего не знаем о том, что питает эти процессы». Не определив сущность семантической структуры, приступить к исследованию постсемантических явлений, по его образному выражению, равносильно «описанию производства молока без учета коровы» [Чейф 1975: 30, 90]. Эти размышления, приведенные известным американским лингвистом пятьдесят лет тому назад (в 1961 году) перекликаются с основами укрепившейся на сегодняшний день антропоцентрической парадигмы.

Любой язык развивается вместе с его носителем, в ногу с умственным, социальным и культурным развитием его народа. А семантическое развитие языка является одним из основных моментов цельного развития языка. В целом, неопровержимым фактом является чрезвычайная важность семантической структуры, которая развивается, совершенствуется соответственно рационально-социальной динамике общества и носителя языка. Именно поэтому антропоцентрический подход должен доминировать и в исследованиях семантического направления. При оценке семантической сущности языковой единицы, не следует забывать об этнокультурных и социальных особенностях носителей данного языка, языкового общества. Без этого лексикологические исследования не могут претендовать на научную полноценность и объективность.

Издано немало лексикологий конкретных тюркских языков, отражающих современное состояние языкознаний в этом направлении. Создана общая историческая лексикология тюркских языков известным тюркологом проф. К. Мусаевым ещё в 1984 году, в этой фундаментальной работе глубоко освещены основные проблемы тюркской лексикологии. Академическое издание «Лексикологии узбекского языка» осуществлено в 1981 году. Также существует немало работ по лексикологии отдельных языков тюркской семьи.

Однако до сих пор не определена природа основной единицы лексики – слова на материале тюркских языков. До сих пор используются классификации слов, принятые в индо-европейских языках. В них не учтена специфическая природа самостоятельных и вспомогательных слов в тюркских языках, а также слов, употребляемых как самостоятельная, так и вспомогательная единица. Последнего остаются за пределами подобной классификации. Определение границ слова и аффикса также не свойственно природе тюркских языков. Скажем, единицы *-ми*, *-гина*, *-оқ* определены как слова. Действующие классификации частей речи также не соответствуют природе тюркских языков. Приведем

яркий пример: в узбекском языке, в целом, тюркских языках нет потребности в разграничении прилагательного и наречия. Такое разграничение свойственно морфологизированным языкам.

Недостаточно исследованы такие факторы, как семантический состав слова в тюркских языках, связь денотативного и коннотативного значения в слове, роль социально-индивидуального статуса, национальной культуры и другие особенности личности в правильном толковании слова (например, существует неточность в толковании значения слова *буйроқ* ('приказать'), то есть, обычно, в толковании не указывают, кто может приказывать). Серьезного исследования ожидают прагматические особенности языка. Все это является результатом недостаточности антропоцентрического подхода в толковании тюркского слова.

Очень важно определение, исследование общих и частных сторон в лексике современных тюркских языков. Скажем, составление сравнительного толкового словаря тюркских языков, например, узбекского и татарского, узбекского и уйгурского языков имеют как практическую, так и теоретическую важность.

В современную эпоху глобализации невозможно представить изолированное развитие языков, несомненно языки заимствуют слова из других языков. В языкознании параллельно используются термины «олинма сўз» и «ўзлаштирма сўз». Тогда как эти термины следует отличать друг от друга. Если перенимаемое слово заимствовано в язык в той форме, какой оно употребляется в языке-доноре, (и не адаптируется фонетическим законам принимающего языка), такое иностранное слово целесообразно обозначать термином «олинма сўз» (перенятое слово), если же слово при заимствовании подчинено фонетическим законам принимающего языка, (или же идентичны с изначальной фонетической структурой слова) такое слово следует называть термином «ўзлаштирма сўз» (заимствованное). Национальный облик языка не нарушается, когда заимствование происходит согласно второму типу, не наносится урон общей национальной картине лексического запаса языка. В узбекском языке перенятых слов было больше по сравнению с заимствованными.

Бесусловно, такие требования, предъявляемые для общей лексики языка не уместны для терминологии, потому что в создании терминов необходимо осознанное вмешательство ученых, научная деятельность, субъективные факторы. Греческо-латинские терминологические элементы получили статус международных не только для европейских языков, но и других языков мира именно потому, что они являются нейтральной терминологической базой.

Учеными Института узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз в рамках фундаментального научного проекта «Развитие лексики и терминологии узбекского языка периода независимости» изменения в лексических и терминологических единицах исследованы с точки зрения антропоцентрического языкознания. Результаты этого исследования наглядно демонстрируют, что суть языка, причины изменений в его словарном составе можно объективно раскрыть не на основе системно-структурного направления, а антропоцентрической парадигмы.

Узбекская лексикография имеет древние истоки. Она как и другие тюркские лексикографии имеет древние традиции и богатый опыт. Независимость Узбекистана наряду с другими сферами науки раскрыла двери и для развития лексикографии. Узбекская лексикография достигла значительных результатов в период независимости страны. Составлен новый толковый словарь узбекского языка в пяти томах, орфографический словарь, двуязычные словари, терминологические словари по разным отраслям, первый этимологический словарь узбекского языка, а также разнообразные специальные словари [Мадвалиев 2018: 3–14].

Антропоцентрическая парадигма, сформированная в узбекском языкознании в начале века, привела к новому толкованию и исследованию множества проблем языкознания. Впервые в тюркском языкознании создан «Краткий толковый словарь лингвокультурологических терминов» на узбекском языке (Ташкент, 2015), автором которого является Д. Худойберганова. В качестве первых результатов лингвокультурологического подхода к языковым единицам появился на свет «Толковый словарь поэтонимов узбекского языка» (Ташкент, 2016), составленный Д. Худойберганоной и Д. Анданиёзовой. Впервые в тюркологии учеными Института узбекского языка, литературы и фольклора составлен «Толковый-иллюстративный словарь международных терминологических элементов» (Ташкент, 2019).

Общеизвестно, что устойчивые сравнения имеют особую лингвокультурологическую ценность в каждом языке. Именно поэтому созданы толковые и двуязычные словари устойчивых сравнений в русском, французском, украинском, белорусском, чешском, болгарском, польском и других языках [Махмудов, Худойберганова 2013: 17]. Однако в тюр-

кологии, в частности татарском языке только приступили к созданию таких словарей. А в узбекском языке такой словарь составлен и издан Н. Махмудовым и Д. Худойбергеновой. Данный словарь охватывает структурально-семантические, лингвокультурологические и лингвопоэтические толкования более 530 устойчивых сравнений. Составление словарей такого типа на сравнительном материале тюркских языков несомненно даст новые импульсы для развития тюркской лексикологии и лексикографии XXI века.

Ни в русской, ни в другой лексикографии по настоящее время не созданы толковые словари энантиосемических слов, по крайней мере, мы не располагаем информацией о создании подобных словарей. Известно лишь, что немецкий ученый XIX века К. Абель в своих работах использовал книгу арабского филолога и хадисоведа Абу Бакр ибн ал-Анбари (умер в 936 году) «Китоб ал-аздад» («Книга слов с противоположными значениями»). Энантиосемические слова заслуживают внимания как чрезвычайно важные и ценные единицы, свидетельствующие о древности и своеобразном развитии языка, о его нескончаемых выразительных возможностях. В словаре, подготовленном и изданным Н. Махмудовым и Ё. Одиловым, собраны более 300 энантиосемических единиц узбекского языка [Махмудов, Одилов 2014: 131–283]. В словаре в толкованиях значений превалирует антропоцентрический подход.

В целом, в настоящее время общепризнана перспективность следования антропоцентрической парадигме в основных исследованиях и определениях в тюркской лексикологии и лексикографии XXI века, это даст возможность получения новых научных и практических результатов.

ЛИТЕРАТУРА

Мадвалиев А. Ўзбек лексикографиясининг мустақиллик даври тараккиёти // Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 2018. – № 5. – Б. 3–14.

Махмудов Н., Худойбергенова Д. Ўзбек тили ўхшатишларининг изоҳли луғати. – Тошкент: Маънавият, 2013.

Махмудов Н., Одилов Ё. Сўз маъно тараккиётида зиддият. Ўзбек тили энантиосемик сўзларининг изоҳли луғати. – Тошкент: Akademnashr, 2014.

Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. – М.: Наука, 1980.

Фоменко Ю.В. Мифы современной лингвистики. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТАТАРСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПРОЗЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Р.Ф. Мирхаев

В статье на примере первого татарского романа «Хисаметдин менла» М. Акъегета рассматриваются вопросы изучения лексической структуры произведений татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв. Извлеченный фактический материал рассматривается в парадигматическом и синтагматическом аспектах.

Ключевые слова: лексическая структура текста, парадигматический аспект, синтагматический аспект, язык татарской просветительской прозы, старотатарский письменно-литературный язык, синонимы, лексический ряд.

In the article on the example of the first Tatar novel Hisameddin menla» of M. Akyigit discusses the study of lexical structure of works of Tatar educational prose of the end XIX – beginning XX centuries. The extracted factual material is considered in paradigmatic and syntagmatic aspects.

Keywords: lexical structure of the text, paradigmatic aspect, syntagmatic aspect, the language of the Tatar enlightening prose, old Tatar written and literary language, synonyms, lexical set.

В современном языкознании понятие лексической структуры текста определяется в парадигматическом и синтагматическом аспектах. При этом под лексической парадигматикой понимается установление фрагмента лексической системы языка, отобранного для производства данного текста и способов его отбора, а именно «словник, количество разных слов и словоупотреблений, тематические группы лексики, используемые в тексте, включая синонимику и подобные явления, а также семантические, грамматические, частотные, морфологические, фонетические, стилистические факторы отбора лексики и т.п.» [Супрун 1995: 55–62]. Другими словами, изучение лексической структуры того или иного текста в данном аспекте предполагает раскрытие ее отношений к лексической системе языка как своеобразной микросистемы.

Синтагматический аспект же предполагает исследование использованных в тексте лексических повторов, перечислений, различного типа текстовых замен (оказиональная синонимия), лексическую сочетаемость, распределение слов по тексту и факторы, его определяющие и т.д. По мнению ученых, каждый из них заслуживает специального рассмотрения [Там же].

Не имея возможности раскрыть в рамках одного доклада лексическую структуру всех произведений татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX в., мы остановились на романе М. Акъегета «Хисаметдин менла» (1886), который в истории татарской литературы считается первым образцом данного жанра и первым опытом татарских авторов в области беллетристики. Рамки анализа были ограничены лексическими единицами, посредством которых в источнике репрезентируется понятие «кеше» («человек»).

В парадигматическом плане лексическая структура романа представляет собой микросистему, которая включает в себя как традиционные для старотатарского письменно-литературного языка общетюркские и собственно татарские слова, так и арабо-персидские заимствования и лексические единицы османско-турецкого происхождения. Об этом не раз отмечал в своих трудах по истории татарского литературного языка В.Х. Хаков [Хаков 1993: 247]. Все это в определенной степени находит свое отражение и в лексическом ряду репрезентационных средств рассматриваемого понятия. Здесь в большинстве случаев автор использует лексему древнетюркского происхождения *кеше* (22 словоупотребления), слова арабского происхождения *адам* (24 словоупотребления) и *инсан* (20 словоупотреблений). Анализ зафиксированных в тексте романа словоформ данных лексем не выявил каких-либо особенностей в плане их соотношения с грамматическими категориями имени существительного. Особенности наблюдаются в реализации их семантики в тексте романа.

В толковом словаре современного татарского языка за словом *кеше* закреплены следующие значения: 1) лицо, живое существо, личность, которое в отличие от животных обладает способностью мышления, речи, создавать орудия и использовать их в труде; 2) лицо, которое занимается каким-либо делом; 3) лицо, олицетворяющее эталон высшей морали и духовных ценностей; 4) кто-нибудь, кто-либо, кто-то, некто; 5) единица счета и т.д. [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге 2017: 235–237]. Как показало исследование, в романе оно употребляется в первом и втором значениях, которые осложняются еще оттенком абстрактности: *Йә улем түшәгендә йатан бер кеше күрсәк, күземезә йәш, күңлемезә мәрхәмәт кәлер* ‘Если увидим человека, лежащего на смертном одре, наши глаза наполняются слезами, а души – милосердием’ [Акъегет 1886: 5]; *Йәш әфәнде чүкәдан бу кеби кеше илә таныш улмақ эстийур иде* ‘Молодой человек давно хотел познакомиться с этим человеком’ [Акъегет 1886: 8]; *Кеше ақчасы илә эи башиламақ йегетлек дәгел* ‘Не подобает начинать дело с деньгами другого человека...’ [Акъегет 1886: 33].

В более ранних старотатарских письменных текстах слово *кеше* в основном употребляется в религиозном контексте [Мирхаев, Гумеров 2017: 70–71], что характерно и для произведения М. Акъегета: *Бер кемсә халәл кәсеб қылмақындан арыб кич үткәрсә, вәҗеб булыр аңа жәннәт вә кич үткәреп икән, Алла ул кешедән разыйдыр* [Акъегет 1886: 23] ‘Если кто-то будет проводить вечера, уставший от праведных трудов, то удостоится рая, после этого Аллах будет доволен этим человеком’; *Ай углым, нә сөйләрсен сән, әлбәттә, тәсбиһ вә чалмалы кеше изге кеше буладыр* [Акъегет 1886: 49] ‘Сынок, что ты говоришь, человек с тасбихом в руках и чалмой на голове – конечно же, святой’.

В то же время в романе его семантика обогащается и коннотацией социального характера, которую оно приобретает в сочетании с прилагательными *яхшы* ‘хороший’ и *бай* ‘богатый’: *<...> ханәнең, аш вә йәмәкнең тәмизлеге яхшы вә байырак кешеләрне жәлеп идәр иде* ‘<...> чистота гостиницы, качество еды привлекали хороших и богатых людей’ [Акъегет 1886: 9].

Далее данное слово в сочетании с лексемой *гәвам* ‘простонародье, простолюдые, чернь’ используется автором и для передачи значения ‘простолюдин’: *Қарынына итагәтле гәвам кеше уруж вақытында ничек көннең кичмәсене көтәдер, <...>* ‘Подобно тому как покорный своему желудку простолюдин во время поста ждет окончания дня, <...>’ [Акъегет 1886: 25].

Для слова *адам*, которое этимологическом плане восходит к имени первого человека и пророка [Әхмәтьянов 2015: 75], в романе больше всего характерно употребление в социальных контекстах: *ижәтиһадлы вә хезмәт сәвән адам* ‘предприимчивый и трудолюбивый человек’ [Акъегет 1886: 2]; *татарлары чүқ сәвән адам* ‘человек, который очень любит татар’ [Акъегет 1886: 5]; *милләтпәрвәр адам* ‘патриот (досл. человек, любящий свою нацию)’ [Акъегет 1886: 30] *бийүк вә бай адәмләр* ‘важные и богатые люди’ [Акъегет 1886: 36].

Кроме этого данное слово в сочетании с такими прилагательными как *инсанийэтле* 'человечный', *йахшы* 'хороший' и выражением *ике йөзле* 'двуличный' употребляется в значении 'лицо, олицетворяющее эталон высшей морали и духовных ценностей': *Хисаметдин менлаң атасы хақикәт инсанийэтле, йахшы адәм иде* 'Отец Хисаметдина менлы на самом деле был хорошим человеком' [Акьегет 1886: 49]; *Ике йөзле адәм дэгел* 'Он не двуличный человек' [Акьегет 1886: 56].

Далее в составе словосочетания *исерек берничә йарамаз адәмләр* 'несколько пьяных непутевых людей' [Акьегет 1886: 57] оно используется и в отрицательном значении.

В своем романе М. Акьегет в качестве синонима слова *кеше* и *адәм* использует также лексему арабского происхождения *инсан*, которая в ранних старотатарских письменных текстах имеет ограниченное употребление. В старотатарской литературе она активизируется именно во второй половине XIX века в произведениях писателей-просветителей. Это можно объяснить как результат возросшего влияния на старотатарский письменно-литературный язык османско-турецкого языка, в котором посредством именно данного слова передаются все смысловые оттенки понятия «кеше» («человек») [Турецко-русский словарь 1977: 458]. В рассмотренном нами тексте данная лексема в основном выступает в составе таких словосочетаний и конструкций как *галым инсан* 'ученый человек' [Акьегет 1886: 13], *бу инсан, укымыш улыб* 'этот человек, будучи образованным' [Акьегет 1886: 19], *тугры инсан* 'честный человек' [Акьегет 1886: 26], *гилем вә укымақ сәвгән инсан* 'человек, который любит знания и образование' [Акьегет 1886: 28], *йахшы күңелле инсан* 'добродушный человек' [Акьегет 1886: 31], *зиһенле инсан* 'умный человек' [Акьегет 1886: 50], *ихласлы милләтпәрвәр инсан* 'искренний патриот' [Акьегет 1886: 61].

Другой особенностью идиостиля автора заключается в употреблении данного слова в форме множественного числа в одном ряду с лексемами *милләт* 'нация' и *кәшем* 'племя': *Бер инсана нотық вә дил ниқәдәр кирәк исә, чуқ инсанлара, йәгни бер милләтә, бер кәшемә матбузат ул дәрәжә кирәкдер* 'Подобно тому как одному человеку нужны речь и язык, в той же степени массе людей, то есть одной нации, одной племени нужна пресса' [Акьегет 1886: 6].

Далее М. Акьегет расширяет рассматриваемый синонимический ряд за счет лексем *зат* 'человек, личность, лицо' (6 словоупотреблений), *кемсә* 'некто, кто-либо' (7 словоупотреблений) и *кемсәнә* 'некто, человек' (3 словоупотребления): *Москва төҗҗарлар вә фабрикчылары илә эш тотар кемсәнә иде* 'человек, который имеет дело с купцами и фабрикантами Москвы' [Акьегет 1886: 12], *бер кемсә сурмақдан бер қапы ачса* 'если кто-то откроет дверь от попрашайничества' [Акьегет 1886: 17], *исламдан мәглүмәте мәғишииә тәхсил идән зат* 'человек, который осваивает практические знания по исламу' [Акьегет 1886: 43]. Хотя все три лексемы и являются традиционными элементами старотатарского письменно-литературного языка, присутствовавшими в нем во всех этапах его развития, активизация последних двух начинается со второй половины XIX века, что, по нашему мнению, также было обусловлено влиянием на старотатарский письменно-литературный язык османско-турецкого языка, в котором они имели более широкую сферу применения.

Таким образом, как показало исследование, в лексической структуре романа М. Акьегета «Хисаметдин менла» нашли свое отражение явления и тенденции, имевшие место в татарском литературном языке в конце XIX – начале XX веков, которые определили переход от устоявшихся в течении многих веков письменных норм и традиций, а также расширили границы художественного словоупотребления и обогатили его новыми формами.

ЛИТЕРАТУРА

Акьегет М. Хисаметдин менла. Милли роман яки хикәя. – Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1886. – 70 б.

Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленәң этимологик сүзлегә: Ике томда. I том (А–Л). – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 543 б.

Мирхаев Р.Ф., Гумеров И.Г. Татарская религиозно-языковая картина мира: эволюция культурных и духовно-ценностных ориентиров. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 120 с.

Супрун А.Е. Лексическая структура текста и лексическая синтагматика // V nemzetközi szlavisztikai napok 1994 / Международные дни славистики. – 1. kötet. – Szombathely, 1995. – С. 55–62 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/suprun-95a.htm> (дата обращения: 14.06.2019).

Татар теленәң анлатмалы сүзлегә: III том: К / төзүче авторлар: И.И. Сабитова, А.Ф. Гайнетдинова, Ю.Ф. Борханова һ.б. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – 744 б.

Турецко-русский словарь / авторы: А.Н. Баскаков, Н.П. Голубева, А.А. Кямилева и др. – М.: Русский язык, 1977. – 966 с.

Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. – 325 б.

ТЮРКСКИЕ ОСНОВЫ РУССКИХ ЛАНДШАФТНЫХ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

Е.А. Мошина

В данной статье рассматриваются номинации ландшафтных и сельскохозяйственных реалий, объективирующих концепт «земля» русской языковой картине мира, имеющих тюркское происхождение. Представленные в статье лексические единицы сопровождаются этимологическим комментарием и примером употребления в русскоязычных источниках.

Ключевые слова: заимствование, номинация, тюркизм, этимология

The article observes nominations of the landscape and agricultural realities, the representing a concept «earth» in the Russian language picture of the world, which have Turkic origin. The lexical units presented in article are followed by the etymological comment and an example of the use in Russian-speaking sources.

Keywords: loan words, nomination, Turkic words, etymology.

Возникшая издревле связь между русским и тюркскими народами, их тесный контакт, обусловленный территориальной близостью и жизненной необходимостью поддерживать торгово-экономические взаимоотношения, потребовали от народов, носителей этих языков, практического знания языков своих соседей. Более того, исследователи А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский, отмечая значительное количество слов тюркского происхождения в русском лексиконе, пришли к выводу, что «...вообще, тюркский язык был, вполне вероятно простонародным языком наших предков» [Носовский, Фоменко 2010, 5: 99]. Идею существования тюркских основ в русскоязычных словах, в том числе и именах собственных (фамилии) развивает и обосновывает в своем фундаментальном труде «Словарь тюркских основ русского языка» Н.Н. Хусаинов [Хусаинов 2012]. В качестве еще одного источника фактического материала послужил «Словарь тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой [Шипова 1976].

Этимологический анализ слов языка дает возможность проследить историю развития и мотивированность появления того или иного языкового знака. Внутренняя форма слова дает толчок образованию ментальных конструкторов-концептов, которые обрастают чувственными образами, а в последствии формируют абстрактные понятия.

Цель данной статьи представить некоторые элементы семантического поля «земля», объективирующих одноименный концепт в русской языковой картине мира с точки зрения их происхождения, в частности, привести примеры ландшафтных и сельскохозяйственных номинаций, имеющих тюркские корни и проиллюстрировать их употребление в современном русском языке.

Концепт *земля* занимает особое место и имеет особое значение в русской культуре, а также длительную историю своего развития. Понятийная составляющая концепта только по данным лексикографических источников насчитывает около 17 когнитивных признаков [Мошина 2018: 70].

Значимость какого-либо феномена (явления) в культуре выражается в форме его тщательной, детальной категоризации в сознании носителей языка, а в дальнейшем подробной номинации всех компонентов данного явления.

В данном случае термином «номинация», мы обозначаем процесс образования языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Кроме того, под этим термином мы понимаем и результат процесса номинации – значимую языковую единицу.

Анализ литературы по данной теме позволяет констатировать наличие следующих способов номинации: 1) звукоизобразительность, 2) переосмысление или семантическая деривация (метафора, метонимия), 3) реорганизация (составление новых единиц из готовых элементов по определенным моделям, 4) заимствование лексических единиц [Шмелев 1982].

В рамках представленного исследования, мы рассматриваем наименования сельскохозяйственных и ландшафтных реалий в русском языке, которые этимологически представляют собой тюркские заимствования.

Тюркские заимствования или «тюркизмы» определяется словарями [Ефремова 2000] как слова или выражения, заимствованные из тюркских языков, или обороты речи, построенные по образцу или под влиянием тюркских языков. Для них характерны ударе-

ние как правило на последнем слоге, сингармонизм гласных, отсутствие сочетаний согласных в начале слова.

Однако, фактически, термин используется еще в двух значениях:

1. Слово, заимствованное из тюркских языков, независимо от его происхождения (многие слова арабского и персидского происхождения попали в русский язык из тюркских и потому являются тюркизмами)

2. Слово тюркского происхождения, заимствованное из любого другого языка (в том числе из старославянского, украинского, французского и т.д.)

Отобранный материал был разделен нами на 5 тематических групп. К сожалению, за рамки статьи пришлось отнести примеры из областных диалектов, которые не представлены в текстах национального корпуса русского языка.

1. Элементы ландшафта:

елань (елань), ж., обл. (твер., ряз., тамб.) луг, пастбище, пажить, пожня, ровное, потное, но не поемное, травное место (Даль 1, 10); низменное травянистое место, удобное для пастбищ и покоса. Тур. alan поляна, прогалина, лужайка; тат. alan поляна, просека, прогалина в лесу, см. ялань (Фасмер 1, 68). Ср. Радлов alan (казан., тур.), ср. ala uär (тел.) открытое место в лесу, поляна (1, 359); ср. елань, ялань. Каз. алац площадь, поляна; тат. alan, alanlyk поляна, прогалина, перелесье. *На кудыкину, говоришь, гору. И правда, потащил меня в гору, на елань, показал поля, пустоши – все кругом показал, рассказал, до самого вечера ходили.* [Валентин Распутин. Живи и помни (1974)]

буерак (Даль 1, 137). Баерак, байрак овраг обл., боерак, барак – то же (дон.); укр. байрак лощина; болг. байрак берег; польск. bajog лужа, заимств. из тюрк.; тур. baiug обрыв, гора; карач. baiṛak гора, холм (Фасмер 1, 104). Ср. Радлов ба'гр (чаг., туркм.) пустыня, косогор, холм, бугор (4, 1424); баураг (каз.) спуск с горы, отлогость (4, 1432). *Двоим-то одурить их вольготнее. Ежели хватать будут – прыгай в буерак...* [Ф.В. Гладков. Повесть о детстве 1948];

балка, ж., обл. (курск., южн., дон., ряз.) долина, ложбина, длинный и широкий овраг в степи (СРНГ 2, 82); (южн.; тат.) дол, долина, раздол, ложбина. Балка проходила под ними, она была глубокой и растянулась на несколько километров. Она образовалась как русло талых и дождевых вод, которые, бывало, пронесли по ней с ревом горной реки. Кое-где на стенках ее, зацепившись корнями, поднимались деревца и кусты. [Зинаида Синавская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013];

бархан, м. материковый, песчаный нанос, образуемый действием ветра в пустынях и степях; каз. бархан материковые дюны (Сл. Акад., 1950, 1, 285); барханы, мн. (оренб.) холмистые степные пески (Даль 1, 51); в словаре Ушакова бархан приведено как областное слово, из туркм. baṛṇan (1, 92). Дмитриев относит бархан к словам, причисляемым к тюркизмам в порядке гипотезы: «...или от сиб.-тюрк. парган 'идуший, подвижной холм', или от уйг. барган (ic тем же знач.)» (Дмитриев 1958: 44). То же см. у Фасмера, 1, 129. Наиболее точным нам представляется высказывание Шанского, что слово бархан заимствовано из каз. языка... каз. бархан песчаный холм возникло морфолого-синтаксическим путем на базе действ, прич.; ср. уйг. барган идуший, подвижной холм от бар – двигаться (1 Б, 49). *Переплывешь озеро, и прямо от береговых верб встает песчаная круча. Поднимешься на нее: до самого горизонта горбатятся бархан за барханом. В песках летом – палящий зной, в иную пору – ветер и ветер. Пески под солнцем сияют желтизной и медью, слепят глаза.* [Борис Екимов. На хуторе // «Новый Мир», 2002];

волость, ж. заимств. из тюрк. «улус», широко распростран. «в (б, п)»-протезой. (Хусаинов). улус, м., устар. становище кочевников, табор юрт, кибиток; аул, селение; деревня, район || у якутов и калмыков - род, родовая община и территория при одном старшине || обл. (пек., твер.) уловки; закоулки || улусы (ар-ханг.) ряд полей, пашен в прямых межниках. Др.-рус. улусь (с 1315 г.) селение (у татар) || (1315 г.) владение, подвластная страна у татар; улусьникъ (с 1380 г.) подвластный владетель (в татарском управлении); улусьнии (с 1351 г.), прил. от сл. улусь: улусьнии князь правитель подвластной татарам земли (Срезневский 3, 1198, 1199); Вейсманн, 1731, 232 улус; Сл. Акад., 1794 улусник, улусный; Даль, 4, 489; Ушаков, 4, 933 улус (монг. ulus). Богородицкий относит улус к «словам татарского и монгольского происхождения» в рус. языке (1935, 352). Улус встречается в Codex Cumanicus: улус (уйг.; чаг.; алт.) народ (ulusga, 146, 8). Радлов улус (тел., алт., ком., уйг., тур., аз., кар., ср. монг.) 1. народ; 2. (тур.) соединение нескольких великих племен (1, 1696, 1697); улус (чаг.) = улус, улуш (уйг., кар.) = улус народ (1, 1697). Ср. узб. улус, ист. улус (название большого государственного образования в Ср. Азии); устар. народ; страна; улуш 1. часть, доля, пай; 2. надел земельный (Узб.-рус. сл.,

1959, 475); тур. ulus 1. нация; 2. племя, улус (Магазаник 1945, 637); каз. улес доля, часть (Каз.-рус. сл., 1954, 482). См. Фасмер, 4, 160. *Появлялись они в деревне не часто, раза два или три в год. Ареал их кормления, если можно так выразиться, был у них довольно большой, может, даже целая волость.* [Д.И. Саврасов. Из тумана далёкого прошлого 2003–2008];

буян, м., обл. (тул., таб., ярсл.) ровное, возвышенное место, открытое со всех сторон || торговая площадь, базар, рынок || пристань речная, место выгрузки товаров; буйдан, майдан – то же (Даль 1, 147; СРНГ, 3, 334). «Этот вариант, а также специфическое значение ‘базарная площадь’ ... позволяют видеть в буян/буйдан тюркизм, родственные майдан...» (Фасмер 1, 257). *Пароходную пристань вот тут, а повыше буян для склада всяких товаров... Вот что! – А пароходы где?* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб 1895];

курган, м., стар.

1. крепость, высокая земляная насыпь в Древней Руси для пограничного надзора;

2. могильный холм, древнее захоронение;

3. холм, небольшая горка;

курганый, прил. Др.-рус. кургань (с 1224 г.) крепость, высокая насыпь; (с 1548 г.) могильный холм (Срезневский, 1, 1377); Даль, 2, 221; Рос. Целлариус, 1771, 255 курган; Ушаков, 1, 1551 из тур. kurgan крепость (Сл. Акад., 1956, 5, 1858). «Орх. курган Befestung в Codex Cumanicus означает Grabhügel, в чаг. укрепление, крепость, в алт., каз. крепостная стена (Корш, Arch, f. slav. Philol, 9, 511)» (Дмитриев 1958, 28). Огиенко относит курган к заимствованиям древнего времени из персидского курган (1915, 33, 28). «Курган как крепость заимствовано наверняка, а курган могильный холм – вероятно, из др.–тюрк. kurgan крепость...» (Фасмер 2, 424). Радлов курган (тар., тур., устар. чаг.) – корган крепость, укрепление (2, 940); корган (каз., тар., ча.т.) = курган (южн. диал.) укрепление, крепость, укрепленный город (2, 570); коргон (тжрг.) – корран укрепление, крепость (2, 572). *А за окном тянулась поздняя осень. Дождь временами переставал, а потом снова сеялся, и тогда затягивало серой невидьей высокий курган за хутором, крутую дорогу через него* [Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996];

майдан, ж., обл. базарная площадь, открытое место, где собирается народ, устар. место, площадка для выгонки дегтя, производства поташа и др., лесная смолокурня || (южн.) курган, древняя могила; майданный курган; майданище род городища, особ. в лесу, и смолевой майдан \ майданщик (арго) содержатель тайного кабака или игорного дома; майданить, гл. быть майданщиком, мошенничать, промышлять игрой (Даль, 2, 290). Яновский, 1804 майдан; Сл. Акад., 1814 майдан; тюрк. майдан из ар. maidan, mainan от mada быть движимым (Сл. Акад., 1957, 6, 499). Заимств. из тюрк. (Фасмер 2, 559). «Перс. майдан ‘площадь, арена’, откуда тур., тат. и др. Радлов магдан (ком., каз., туркм., хив., узб.) = мсИдан 1. равнина, лужайка; 2. площадь для борьбы (4, 1990); магдан (тур., крым., туркм., хив., узб. из перс.) = магдан 1. равнина, площадь; 2. публичность (4, 2069). Ср. аз. мейдан площадь, арена, поле сражения. *На следующий день утром березку срубают (на ее место сразу сажают три новых деревца), и парень в окружении трех всадников несет ее в деревню на майдан. Здесь и разворачивается праздничное действо, которое меньше всего напоминает популярный Сабантуй, а скорее походит на встречу людей, принадлежащих к одному роду. А к вечеру, когда с пастбища пригнали скотину, все закончилось, деревня приобрела обыденный, тихий вид, ничего уже не напоминало о том, что совсем недавно майдан был заполнен деревенским людом и гостями* [Крещеный колхоз // «Сельская новь», 2003.09.16];

юр, м. возвышенное и открытое со всех сторон место || разг. бойкое открытое место, где толпится народ; в сочет. на юру на открытом, ничем не защищенном месте || на виду у всех. Сл. Акад., 1794 юр; Даль, 4, 668 (на сл. юрить) (Сл. Акад., 1965, 17, 1996, 1997). Радлов ур (казан., тоб.) = бр, орд 1. (тоб.) выше лежащая часть; 2. постепенное возвышение; постепенно поднимающийся; 3. маленькое возвышение, холм; ур (тел., алт., каз., саг, койб., кач.) = 1. куча, толпа, стадо, табун; 2. общество, знакомство, родство (1, 1823–1825); ура (тел., алт.) стадо, партия, толпа (1, 1826). *Мне ответили – «конец большого леса». А Щелья-юр, куда мы должны были прийти к вечеру, значит «начало большого леса». От начала до конца, выходит, двенадцать часов пути. Чем дальше, тем глуше Печора.* [Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий 2002];

яр, м. крутой, обрывистый берег реки, озера, склон оврага; обрыв. (Вейсман, 1731, 618) яр; (Даль 4, 680), на сл. ярый (тат.) круть, обрыв; (Ушаков 4, 1463) < тюрк. yar (Сл. Акад., 1965, 17, 2086). Во многих тюркских языках означает ‘отвесный крутой берег’ (очевидно, от глагола яр – рассекать пополам’, ‘грубить’). Отсюда же и русское яр,

вошедшее и в собственные имена (Красноярск, Крутой яр и т.д.)» (Дмитриев 1958, 37). Согласно Фасмеру, также заимств. из тюрк., даются ссылки на Радлова (3, 99), Мелиоранского (ИОРЯС 7, 2, 302), Миклошича (Ми., EW, 100, 425; TE1, 1, 316), Бернекера (1, 445) и др. Радлов уаг (алт., тел., леб., тар., кюэр., тоб., тат., чаг, тур.) 1. крутой берег, крутизна; 2. (тур.) пропасть, отвесная окала (3, 99, 100). Кирг. жар яр, обрыв, крутой берег; жар таш утёс (Юдахин, 1965, 232); каз. жар яр; берег; обрыв; крутизна (Каз.-рус. сл., 1954, 161); аз. ярган овраг (Аз.-рус. сл., 1941, 377); тур. уаг пропасть, бездна; пучина (Магазаншс 1945, 665); туркм. жар 1. овраг; 2. русло (реки) (Туркм.-рус. сл., 1968, 321). *Самарово – это селение при впадении Иртыша в Обь. Голубев вышел на берег, поднялся на высокий яр. Слияние больших рек – всегда явление, а таких, как Иртыш и Обь, – явление редкостное. Голубев любовался слиянием и вдруг увидел: «МИ-24» бегают по воде, она взлетает!* [Сергей Залыгин. Экологический роман // «Новый мир», 1993];

2. Леса:

тайга, ж. густой, непроходимый, обычно хвойный, лес. Сл. Акад., 1847 тайга; Опыт, 1852 тайга; Доп., 1858 таёжник, таежный; Даль, 4, 385-386 таёжник, таёжный; Ушаков, 4, 635 таёжный, тайга (як. taiga лес); от мозга1, oi tajra (Сл. Акад., 1963, 15, 32, 24). «Согласно Рясняну («Tojvonon Festschrift», 131), заимств. из алт., тел., леб., шор., саг. taiga /скалистые горы', ойрот, taika... Он считает первоисточником монг. и родственным тур. dağ 'гора*', тат. тау – то же» (Фасмер 4, 1.1). Радлов тага (тел., леб., шор., саг., кюйб., < чул.) = тажа скалистые горы; тата (алт.) = гшга скалистые горы (так называют беслесные горы к западу от р. Катуня; противоположность: горы, покрытые лесом, к востоку от Катугай черновой лес, чернь [ыш]; таька (алт.) – таька (3, 767);] ыш (алт., леб., тув.) горы, покрытые лесом, чернь (сиб.) тайга, алт. тайга скалистые горы (3, 497). Тат. тайга тайга (Тат.-рус. сл., 1950, 228); монг. тайга 1. тайга, 2. горный лес (Монг.-рус. сл., 1957, 385). По-видимому, из палеазиатских или тунгусских языков. *И звали его «Золотая Кольма». Там была тайга, глухая темень, болота, лесные речки, медведи, глухомань.* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение 1964];

тугай, м. пойменный лес речных долин пустынной и полупустынной зоны. БСЭ, 1950, 43, 360 тугайные леса (Сл. Акад., 1963, 15, 1092, 1093). Радлов тогаг (чаг., каз., бараб., тоб.) 1. (чаг., тоб.) луг, низменность, покрытая лесом; 2. (бараб.) извилины реки; 3. (каз.) лес; 4. (каз.) множество; тогашЫ (чаг.) лесистое место на реке (3, 1158, 1159); токаг {чвт.) = тога1 леса в низменностях, в извилинах реки (3, 1147); токог (алт., тел., леб.) = гок-ког, токаь, ТОГо1 острова и полуострова в реке, обросшие лесом и кустарником (3, 1148); тугаг (казан.) омут (3, 1430). Ср. тат. тугай лука (на реках), извив, излучина, выгиб; покосные места, сенокосные луга, пойма (Тат.-рус. сл., 1950, 245); кирг. такой 1. лес; 2. тугай (заросли кустарника, часто смешанного с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озер, на болотистых местах) (Юдахин 1965: 743). *Она оглянулась, еще раз посмотрела на мальчишка. Маралы вошли в тугай, пошли через кусты. Красные ветви качались над ними, и осыпались красные листья на их ровные, упругие стины. Потом онипошли по тропке вверх, поднялись на обрыве* [Чингиз Айтматов. Белый пароход 1970];

урема, ж., обл. (казан., оренб.) поемный лес и кустарник по берегу речек, поросшая кустарником низменность по руслу рек (тат.); урёмный лес (Даль 4, 508). Опыт, 1852 урема; Ушаков, 4, 978 урема и урема (тат. эгэтэ) (Сл. Акад., 1964, 16, 819). «Русское урема, – пишет Дмитриев, – в литературе известно, очевидно, со времени С.Т. Аксакова, а в быту русских обитателей Поволжья значительно ранее, восходит к поволжско-татарскому и башкирскому огэтэ, что значит: 'перелесок', 'мелкие лесные заросли' (1958, 10, 33). Фасмер подтверждает и уточняет тюрк. этимологию: «Из чув. * угата, тат., мишар. агата низкое место около реки, поросшее ольхой... Из того же источника заимств. морд. э. угата – то же» (4, 167). См. Радлов арама (казан.) мелкий и частый кустарник (1, 760). *Тут Насягай был еще невелик, но когда, верст через десять, мы переехали его в другой раз, то уже увидели славную реку, очень быструю и глубокую; но все он был, по крайней мере, вдвое меньше Ика и урема его состояла из одних кустов* [С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники 1858];

урман, **урмань**, м., обл. (тоб.) лес, особенно хвойный; дремучие, обширные леса по болоту || (зап.чшб.) урман в знач. тайга, дикие необитаемые леса; урманый, прил. (тат.) (Даль 4, 508). Опыт, 1852 урман; Ушаков, 4, 978 урман (тюрк. игман лес) (Сл. Акад., 1964, 16, 821). Согласно Дмитриеву, «тат., башк. урман 'лес'. В районе Оренбурга означает 'ельник' (Будагов, Словарь, 1, 126). На Алтае местные русские постоянно употребляют два слова: урман 'лес' и чернь 'лесостепь' – тюркское йыш, от последнего произошел распространенный до революции термин 'черневые татары'. *И тогда отец, чтобы не шел брат*

на брата и сын его на его же сына, увез обоих в **урман**, поселил в какой-то скит либо престо в охотничью заимку [Сергей Залыгин. Соленая Падь 1967];

бор, заимств. из тюркс. «ора», «ура» – лес возле гор или на побережье; татар. диал. «ур» – лесистое ущелье («б» – протеза) > бор (Хусаинов). *Последним, заметно отстав, шёл с немало нагружённым вещмешком и санитарной сумкой фельдшер Тумаи. Сосновый, пронизанный солнцем бор вызывал тихое умиление в душе уставшего фельдшера, до того воевавшего на знойном степном пыльном юге* [Василь Быков. Болото 2001];

бурелом, заимств. из тюркс. «буран» и «ломать» (см.). Однако есть место для «обогащения» семантики слова из другого тюркс. корня: алт. «бур» – хвоя, листва, поросль; тат. диал. «бере», «бөре» – сырой хворост (Хусаинов). *Я вывалил грибы и пошел краем луга, но он все не кончался, пасмурность нагнала особенной темноты, я завяз в своем продвижении, постоянно спотыкался, теряя границу леса; я не решился идти по открытому пространству, боясь потеряться в нем, и не то чтобы берегся попасть в трясину, а чтобы не вымокнуть по пояс. Однако скоро я заплутал в кромешной чаще, чистый лес давно кончился, я ломился через бурелом...* [Александр Иличевский. Костер // «Октябрь», 2008];

3. Почва:

дерн, заимств. из тюркс. «тарнау» – луг, поле, пашня. Возможно, в контаминации с «чирэм» – тж. (Хусаинов). *Поле рядом с птицефабрикой было местом, куда вываливали отходы производства, птичий помет. Часть его разровняли, часть лежала холмами, которые уже покрыл дерн* [Герман Садулаев. Шалинский рейд (2009) // «Знамя», 2010];

кил, м. род белой глины с большим содержанием щелочей, употр. для мытья (тур. kil из перс. глина) (Ушаков, 1, 1353); Сл. ин. слов, 1964, 297; Сл. Акад., 1909 (Сл. Акад., 1956, 5, 940). У Фасмера нет. Радлов kil (тур.-перс.) белая глина, которая считается лекарством (2, 1366). Аз. кил глина; особый сорт глины, изобилующий щелоком и употребляемый как мыло (Аз.-рус. сл., 1941, 181). *Я отковырял несколько кусочков синей глины и попробовал потереть ею мокрые руки. Руки покрылись слизью. Я смыл слизь и увидел под ней совершенно чистую кожу. – Это кил! – крикнул я Кире. – Кил, кил, кил! – впервые закричала она, прыгая около меня на здоровой ноге. Кира собирала кил, размачивала его, месила, как тесто, лепила из этого теста маленькие бруски и сушила их на солнце* [К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий 1958];

4. Орудия земледельцев:

борона, «борозда», посредством суфф. «-на» (КЭСРЯ). заимств. из тюркс. «боронлы»; у татар про зуб бороны, граблей говорят «тырма борыны», т.е., клюв (= нос), граблей (бороны). Дословно «боронлы» – с клювом, (с носом), т.е. с зубьями (Хусаинов). *Девушки постыжили за ними. Во дворе громоздилось разное хозяйственное старье: и плуг, и борона, и косилка, и колесный трактор, и аэросани, с деревянным пропеллером, с кабиной, закрытой мутным плексигласом; стояли две ржавые железные кровати с панцирной сеткой.* [Александр Иличевский. Горло Ушулука // «Октябрь», 2007];

кирка, ж. род мотыги, топорика для земляных, огородных или каменных работ; киркать виноградинку обрабатывать, разрыхлять киркой; кирочный черен рукоятка кирки; кирочник работник с киркой (Даль 2, 109). Др.-рус. кирка мотыга; ср. греч. крйкос = кйркос (Срезневский 1, 1209); Поликарпов, 1704 кирка. Фасмер считает, что «возможно, заимств. из тур. kirkak лопата» (2, 238). Радлов керкг (кирг.) = карта мотыга (2, 1100); каргг (бараб.) = каркі заступ (2, 1101); кврок (казан.) – курак лопата (2, 1329); ср. карт (ком.) = сьегсМ топор (2, 1100); картн (тел.) большой кинжал. Ср. узб. кирка кирка; курак 1. деревянная лопата; 2. анат. лопатка (Узб.-рус. сл., 1959, 214, 224). *Черно копают постоянно. Размах разный – от семейного подряда (кустарная штольня, кирка, веревка, ведро, стенки укрепляются гнилыми досками, обвалы, отравления, взрывы, смерти) до промышленной нелегальной добычи с привлечением экскаваторов, самосвалов и прочей тяжелой техники* [Дмитрий Данилов. Черные копатели Прокопьевска // «Русская жизнь», 2012].

сабан, м., обл. древний примитивный тип двухколесного плуга (Сл. ин. слов, 1937); Даль, 4, 126 сабань, ж., обл. (перм.) сошник или ральник, лемех сабана || сабан или сабан-байрам татарский праздник перед яровою пашней; сабанщик пахарь; Нордстет, 1782 сабан; Ушаков, 4, 18 сабан (тюрк. saban) (Сл. Акад., 1962, 13, 26); Фасмер, 3, 54:1. «[Сабан]... встречается в «Codex Cumanicus» и почти во всех тюркских языках: тур., тат., башк., аз. и др. Связано с интереснейшим вопросом о переходе тюрков от скотоводства к земледелию. Проникло в областную речь русских крестьян» (Дмитриев 1958, 29, 12). Радлов сабан (тур., крым., ком., тат., каз.; кар. т.) = сапан плуг, соха (4, 414); сапан (тур., аз.) плуг (4, 404). Тат. сабан плуг, сабанчы пахарь (Тат.-рус. сл., 1950, 206). Узб. сабон, устар. плуг; соха (Узб.-рус. сл., 1959, 348). *Примется пахать, так куды мужику, не угнаться...*

Могутный из себя, навалится на **сабан**, так лошадь-то только-только не закричит, едва выворотит полосу-то. Важно пашет... А примется косить илисено метать, или молотить – только успевай глядеть [Д.Н. Мамин-Сибиряк. «В худых душах» 1882];

цапка, ж., обл. (яросл.) род кирки на долгом черене у огородников, садовая мотыга || (костр.) цапка, ж. сквородник || цапки, мн. западня, клепа для ловли лтиц < Даль 4, 570). Опыт, 1852 цапка (сквородник); Сл. Акад., 1965, 17, 533, 534 цапка то же, что сапка в знач. кирка, мотыга. «Можно допустить тюркское происхождение» (Фасмер 4, 289). Радлов чапки (тур., казан., тел., алт. от чап+кы) 1. (казан.) тяпка для рубки капусты; 2. (тел.) коса, горбушка; 3. ловушка для дичи; 4. нападение (3, 1922). *Правильно, откликнулась Катерина, они с отцом у себя в Бурятии тоже вырубали сорняки топорами; эти сорняки никакая цапка не брала.* [Аркадий Львов. Двор 1981];

5. Посевы:

баштан, заимств. из укр. яз. в XIX в. Укр. «баштан» – заимств. из татар., в котором «бостан» – огород представляет собой переоформление персид. «бустон» – плодовый сад (КЭСРЯ 38). *Сегодня они с Ленкой пойдут на баштан за арбузами. Девочка бежит через сад к лазейке и, нырнув в нее, мчится по дорожке.* – Макака! [Валентина Осеева. Динка 1959];

бахча, бакча, ж., обл. (астрах., оренб., дон.) поле, расположенное в степи, засеянное арбузами, дынями; баштан < перс. багса садик (Ушаков 1, 97). Сл. Акад., 1789 бахча; Сл. Акад., 1847 бакша и бахча; Даль, 1, 56; СРНГ, 2, 158 бахча и бакча; тур. bahca. Сл. Акад., 1950 бахча и бакча, перс. багса садик. Согласно Дмитриеву, бахча заимств. из тат. языка. «Русская форма (в спец. знач.) заимствована, скорее всего, из крым.-тат. бахча, что согласуется и с экономикой Крыма» (Дмитриев 1958, 20). См. также Шанский 1 Б, 60, 61; Фасмер 1, 111 бакча; Огиенко 1915, 34; Корш 1903, 8, 4, 40. Радлов бахча (кар.) = бакча огород (4, 1464); бакча (уйг., тат. из перс.) огород; гел бакчасы (тат.) цветочный сад, бакчы (крым.) = бакча; бакца (тар., ком.) = бакча (4, 1445); багча (чаг., туркм., хив., крым.) = бакча сад, садик (4, 1461); багча (тур.) – багча сад (4, 1461); багчы (тур. от баг+чы) садовник, виноградарь (4, 1461); баг (тур., крым., ком., чаг., тар. из перс.) сад, виноградник (4, 1446). Каз. бакша 1. фруктовый сад; 2. огород. *У каждого дома по огромному саду, обновляемому по весне новыми саженцами, небольшая бахча. Дом в Сальянах включает птичник, гектар земли с садом и бахчой, в конце концов глубокой ночью мытам окажемся* [Александр Иличевский. Перс 2009];

богара, ж. (тюрк.) посевы на неполивных землях в районах орошаемого земледелия; наибольшее распространение имеет в среднеазиатских республиках (Сл. ин. слов, 1964, 109; Сл. Акад., 1950, 1, 529). Радлов баһар (тур., туркм.) < перс. (4, 1465). Ср. узб. бахори 1. весенний; 2. яровой; бахорикор богарный, неполивной; бахорикорерлар богарные земли, богара; каз. баһар ранняя весна; баһар егш 1. весенний сев; 2. богарные посевы. Зачастую с мая по октябрь – ни единой капли. **Богара** сгорает, не дождавшись влаги. В краю, столь обделённом водой, неполная пиала является напоминанием и символом. *Вопрос о «су» – вопрос жизни и смерти* [С.Д. Кржижановский. Салыр-Гюль 1933];

грядка (гряда), заимств. из тюркс. хак. «къра»; тат. диал. «кърач» – поле, грядка (татар. диал. «къраз» – сухое место среди болота) > кряз > гряд-ка (Хусаинов). *Их обучали не только техническим навыкам, но и литературе, музыке. Летом у каждого в огороде была своя грядка. Каждый месяц возили в театр, они и сами играли в домашних спектаклях* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

Таким образом, заимствованная лексика в любом языке является наиболее красноречивым свидетельством исторического диалога культур народов. По некоторым данным тюркские заимствования в русском языке, составляют четверть всего его словарного состава. Значительную часть этих тюркизмов составляют термины, связанные с земледелием. Данный факт еще раз подтверждает наличие оседлой части тюркских народов, а также тот факт, что сосуществование славянских и тюркских этносов, их образ жизни имел много общего и носил мирный характер. Следует отметить, что большинство представленных в статье тюркизмов настолько освоены за тысячелетия активного использования, что их первичная форма не осознается носителями русского языка инородной.

ЛИТЕРАТУРА

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный – М.: Русский язык, 2000. – в 2 т. – 1209 с.

Мошина Е.А. Базовые понятийные признаки в структуре ландшафтного концепта *земля* // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры. Сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – СПб., 2018. – С. 67–71.

Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим. Русско-Ордынская империя на страницах Библии. Т. 5. – М.: Астрель АСТ, 2010. – 352 с.

Способы номинации в современном русском языке / под ред. Д.Н. Шмелёва. – Москва: Наука, 1982. – 296 с.

Хусаинов Н.Н. Словарь тюркских основ русского языка: Изд. пятое, дополненное и исправленное. – Уфа: Полиграфдизайн, 2012. – 638 с.

Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.

ГАИЛӘДӘГЕ ШӘХЕСАРА МӨНӘСӘБӘТЛӘРНЕ ЧАГЫЛДЫРУЧЫ ТАТАР ҺӘМ КАЗАХ МӘКАЛЬЛӘРЕ

Г.Р. Мөгьтәсимова

Проведенный в статье анализ выявил как сходства, так и различия в объективации действительности, представленной в пословицных единицах. Пословицы отражают систему идеалов, укоренившуюся в семейно-бытовых отношениях народов – носителей языков, идеалов, универсальных для обеих культур, но при этом обладающих национально-специфичными чертами. Пословицы исследуемых языков отражают систему ценностей и норм поведения, которые сложились исторически и передаются из поколения в поколение. В обеих культурах семья рассматривается как ценность, предопределенная свыше.

Ключевые слова: татарский язык, казахский язык, пословица, семантика, семья.

The analysis carried out in the article revealed both similarities and differences in the objectification of reality presented in proverbial units. Proverbs reflect a system of ideals rooted in the family and domestic relations of peoples – native speakers of languages, ideals, universal for both cultures, but with national-specific features. The Proverbs of the studied languages reflect the system of values and norms of behavior that have developed historically and are transmitted from generation to generation. In both cultures, the family is seen as a value predestined from above.

Keywords: Tatar language, Kazakh language, proverb, semantics, family.

Элек-электән гаилә тулы канлы тормыш итү һәм имин картлыкның бердәнбер формасы булып торган. Татарларда һәм казахларда, башка төрки халықлардагы кебек, гаиләле булу хөрмәт ителгән, ә никахлашу зарури шарт кына түгел, мөселманнар өчен Ходай хакына башкарылуы изге гамәл дип тә саналган. Өйләнешүгә булган уңай мөнәсәбәт мәкальләрдә дә чагылыш тапкан: *Өйләнү – көйләнү; Өйләнми картайганнан акыл сорам; Өйләнмәгәннең тамыры корыр; Өйләнү – жаныңа жасап, башыңа савап; Өйләнү белән өй салуга Алла юн бирә* һәм башкалар. Татар халқы өйләнгән кешене тормышы жайга салына дип уйлаган. Татарлар яратып кына кияүгә чыгарга киңәш итәләр: *Мәхәббәтсез семья – тамырсыз ағач; Ашны ачыкканга бир, кызны гашийгына бир.*

Мәкальләр аша казахлар өчен дә гаилә иң зур байлык булуы ачыклана. Элек-электән өйләнешү, никахлашу гаилә кору, халык киләчәге, нәсел дәвам итү өчен дә, кешене бәхетле итәр өчен дә кирәк дип санала. Халык традицияләрендә һәм фольклорында да мондый чагыштыру чагылыш таба. Казах халкында өйләнгүгә, никахлашуга багышланган мәкальләр бар: *Үйлену – оңай, Үй болу – қиын; Екі жарты бір бүтін; Теңін тапса, тегін бер; Бірінші байлық – денсаулық, екінші байлық – ақ жаулық, үшінші байлық – он саулық; Әркімдікі өзіне, ай көрінер көзіне. Өзің сүйгенді емес, өзіңді сүйгенді ал; һ.б.* Казах халқының паремиологик фондында никахта мәхәббәтнең тәәсире күзәтелми.

Татар һәм казах мәдәниятендә никахның кешеләр тормышында бик мөһим булуы әйтелә. Мәкальләренең дөнья сурәтендә гаилә – бәхетле тормыш нигезе. Мәсәлән, *Семья – бәхет ачкычы.* Казах халқы өчен гаиләдә татулык мөһимлеге турында әйтелә: *Отбасы тату болса, байлықтын да керегә жоқ.*

Кияү һәм килән турында да мәкальләр бар. Кияү һәм килән сайлауга караган киңәшләр тупланган аларда. Татарларда килән мондый була: *Аш бул да таш бул!; Балыкның – ике күзе, киләннең бер күзе сукур; Килән кеше – ким кеше, Алабай белән тиң кеше; Килән кеше – чит бавыр; Килән килбәтсез була* һәм башкалар.

Казахлар да исә болай диләр: *Жақсы келін келін, жаман келін өлім; Келін жаман емес, келген жері жаман; Келін қыз болмас, күйеу ұл болмас* һәм башкалар. Элек казахларда килән иренең туганнарының исемнәрен әйтә алмаган. Үл үзенең барлык яңа туганнарына исемнәр уйлап табарга тиеш булган. Бу гадәт ат тергеу дип аталган. Бу йола нигезендә иренең өлкән туганнары өчен исемнәр уйлап тапкан. Мәсәлән, бай атам – бай кайната,

би атам – хөкемдар кайната, мырза кайнаға – морза кайнаға, шебер шешей – оста эни, ак әже – ак әби.

Татар халык мәкальләрәндә кияүнең сыйфатлары турында болай язылган: *Кияү – ат шикелле: караңгы товар; Кияү – камчат бүрек; Кияү – кеи тун; Кияү көл астыннан; Кияү каениш туфрагыннан; Көзгә көннең акылы – кияүләр акылы* һәм башкалар.

Казахларда исә кияү хатынының туганнары арасында жәберләнгән хәлдә хис итә. Гаиләдә уза торган чараларда аларның өстәл артында мактаулы урыны булмый: *Пайгамбар да күйеу баласын сыйлаган*. Әлбәттә, кияүләр гомер буге ишек төбәндә утырмыйлар. Вақытлар узган саен аларның абруе арта, торган саен хөрмәткә ия булалар. Менә шул турыда түбәндәге мәкальләр сөйли: *Күйеу қартайса құда болады; Жиырма жылдан кейін күйеу құда болады; Әкенің жақсысы жездедей-ақ*. Кияүләр хатыннарының туганнарында кунак булырга яраталар, әмма яшәмиләр. Мәкаль арасында хатынының туганнарында яшәүче кияүләр турындагысы да бар. Мәсәлән, *Жаман күйеу қайынсақ; Есі бар жігіт елін табар; Қайындығы күйеуден қарғылаған тазы артық*.

Казахларда да, татарларда да хатынның һәм ирнең гаиләдәге урынын билгели торган мәкальләр шактый күп. Алар гаилә тормышының үзәгән тәшкил итәләр. Мәкальләрдә алар һәрвакыт бергә. Алга таба без аларны берничә төркемчәгә бүлеп қарарбыз.

Беренче төркем – хатынның һәм ирнең бер бөтен булуын күрсәтүче мәкальләр. Мәсәлән, *Бизмән белән гер бергә, хатын белән ир бергә; Ир белән хатын арасына қыл да сыймый; Ир белән хатын икесе бер чыбыктан сөрелгән; Ир белән хатын керешеп беткән; Ир белән хатын куш тирәк, төбе бер дә тамыры бер; Ир белән хатын – игезәк әжан; Екі жарты бір бүтін* һәм башкалар. Казах мәкальләре арасында бу төркемгә қараучылары күп күзәтелмәде. Рухи бергәлек ир белән хатын арасындагы бәйләнешнең ныклыгын күрсәтеп тора. Гаилә проблемалары бергә хәл ителүе турында сөйли. Татар халык мәкальләре ир белән хатын арасына чит кешеләрнең қысылмавын киңәш итә: *Ир белән хатын арасына кергәнче, қылыч белән қылыч арасына кер; Ир белән арасына кергәнче, утқа кер; Ерлі-зайыптының арасына есі кеткен түседі; Ир белән хатын арасына күзе чыккан керер*.

Икенче төркем – гаиләдәге бәхәсләр турында мәкальләр. Бу турыда татар халқы болай ди: *Атына ачуланған хатынын қыйнаған; Ахмак хатыны белән булашыр; Ир белән хатын талашыр, түшәгендә ярашыр; Ир қакканны ил қағар; Ирне үзеннән чығарма!* һәм башкалар.

Өченче төркем – гаиләдә ирләрнең баш булуы турындагы мәкальләр. Гаиләдә ирләрнең баш булуы, ә хатыннарның буйсынып яшәве қазах мәкальләрендә дә, татар мәкальләрендә дә чағылыш тапқан. Мәсәлән, *Ир – баиш, хатын – муен; Ир – беләк, хатын – терәк; Ир – келәт, хатын – йозак, Ир хақы – тәңре хақы; Еркек – бас, әйел – мойын* һәм башкалар. Мәкальләрдә ир кешенең гаиләдә баш булуы уңай дип қаралса, хатыннарның баш булуы – бик тискәре күренеш. Мәсәлән, *Заман ахыры булганда, һәркем хатын сүзе белән йөрер имеш; Ире басынқы булса, хатыны дуамал булып; Ир кеше үз вазиғасын белмәсә, аңа хатыннар баиш була, ди; Хан жарлығынан қатын жарлығы күшти*.

Дүртенче төркем – хатыннарның гаилә терәге булуы турындагы мәкальләр. Чыннан да, гаилә учагын сақлауда хатын-қыз аерым урын тотта: *Йорт тотқан да хатын, йорт бетергән дә хатын; Хатын булмый, өй булмас; Хатынсыз йорт – ел кебек; Жақсы болса алғаның, үйіңнен кісі кетпейді. Жаман болса алғаның, шын досың да шеттейді; Жақсы әйел жарының жақсысын асырар, жаманын жасырар; Еріне жаққан әйел еліне де жағай* һәм башкалар.

Мәкальләрдә ата-аналар һәм балалар арасындагы мөнәсәбәт тә ачық чағыла. Әлбәттә, монда әнинең роле бик зур икәне ачықлана. Қыз яки хатын белән чағыштырғанда, ана гаиләдә бик зур йогынты көченә һәм абруйға ия. Бу, әлбәттә индә, халык авыз ижатында да чағылыш таба: *Ана хақын үч төбәндә тәбә қыздырып ашатсаң да қайтара алмассың; Ананың бер доғасы жиде мулла доғасына житә; Қояш янында – жылылық, ана янында – изгелек* һәм башкалар. Монда анасын қадерләгән, хөрмәт иткән кеше генә бәхәткә лаек була алуы турында ассызықлана.

Казахларның төп байлығы – гаилә, туганнар, туып үскән йорты. Һәр қазах өлкәннәрне хөрмәт итә. Ата-аналар – абруйға лаек кешеләр. Қазах мәкальләрендә әти – қыя, әни – аның янында аға торған чишмә, балалар – сулық янында үсә торған қамышлар: *Ата – асқар тау, ана – бауырындағы бұлақ, бала – жағасындағы құрақ*.

Ата-ана дигәндә аға сүзе алға қуелған. Әти кеше гаиләне яшәтүче, тукландыручы, сақчысы булып санала. Татар һәм қазах халқында ир, егет, балалар – әтиләре янында, қыз бала әниләре янында, аларның үрнәгендә үсәргә тиеш дигән қараш яши. Мәсәлән, *Ата арқасы – қала арқасы; Атаңа ни қылсаң-алдыңа шул қилер; Атасына күрә баласы; Ата*

булмаган ата кадерен белмәс; Әкені көріп ұл өсер, шешені көріп қыз өсер; Атаға тартып ұл тумас, анаға тартып қыз тумас; Анасын көріп қызын ал; Атаның ойы балада, баланың ойы далада һәм башкалар. Әлеге мәкальләр эти белән әнинен гаиләдәге абруен, хөрмәтен күрсәтә. Яшь чактан ук алар балаларда олыларга карата хөрмәт хисе, мөхтәрәмлек хисе тәрбиялиләр. Нәр кешедә жиденче буынга кадәр үзенең ата-бабаларын белергә тиеш. Баласыз өй тулы булмый. Балалары булмаган гаилә бхетсез гаилә булып санала. Әгәр дә гаиләдә балалар булмаса кешеләр аны бозым яки каргыш белән аңлаталар. Бала чактан ук казахлар йорт хужалыгын алып барырга өйрәнәләр. Малай һәм кызларны биш яшеннән үк атка утыртканнар. 7–8 яшеннән малайлар олылар белән бергә көтү көтәргә, мал-туар карарга өйрәнә. Кызларны әни белән әбиләре өй хужалыгын алып барырга, аш-су эзерләргә өйрәтә. Шулай ук яшь балаларны карау да алар өстенә төшә. Шуңа күрә яшүсмер чагына кыз бала инде бар эштә дә әнисенә ярдәмче. Кияүгә чыккач ул ире гаиләсенә күченә. Анда ул кайана сүзен тыңларга тиеш һәм үзенең эш сөнчәнлеге белән ихтираам яулап алырга тиеш. йорт хужалыгын алып бару тәжрибәсен туплап балалар үстереп ул тулы хокуклы хужабикә була. Казах телендә гаилә һәм гаиләнең көнкүреше темасы белән бәйләнгән күп кенә мәкаль әйтемнәр бар. Аларда традицион гаилә моделе, рухи байлыктар чагылдырыла.

Мәкальләренң төп эчтәлеге өлкәннәргә охшарга тырышуга кайтып кала. Кияүгә чыкмаганнар – киләннәргә, әнеләре – абыйларына, кызлары – әниләренә, уллары әтиләренә охшарга тырыша: *Әкені көріп ұл өсер, ананы көріп қыз өсер (Әтисен күрәп ул үсәр, әнисен күрәп қыз үсәр); Ағасына қарай іңісі, апасына қарай сіңлісі (Әнесе абыйсына карый, сеңлесе апасына карый)*. Шундый ук мәгънәле мәкальләрне татар телендә дә орагырга була: *Аганы күрәп, эне үсәр, апаны күрәп сеңел үсәр*. Әле тагын казах халкы болай ди: *Жеті атасын білмеген жетесіз (Жиде буынын белмәгән юлсыз) Жеті атасын білмеген – жетімдіктің белгісі (Жиде буынын белмәгән – ятим)*.

Гаиләдә улларның варис булуын, ә кызларның бернинди хокуктары да булмавын мәкальләр дә күрсәтеп тора. Мәсәлән, *Атадан ұл қалса, өзі қалғаны, қыз қалса, ізі қалғаны; Ұл тұғанға – күн туар (Ұл туганға көн туар)*. Татар халқында да остарак итеп әйткәннәр: *Ир бала туса, сөнече күбрәк була; Ұл туганға көн туа*.

Тикшеренүчеләр этномәдәният трансмиссиясендә гаилә әгъзалары арасында рольләр бүленешенә аерым үзенчәлекләре булуын билгеләп үтәләр.

ӘДӘБИЯТ

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Өч томда. Казан: Татар. кит. нәшр., Т. 1. – 1959. – 913 б.; Т. 2. 1963. – 959 б.; Т. 3. 1967. – 1013 б.

Казахские пословицы. Мақал, мәтелдер туралы – URL: <http://proverb.kazakh.ru>

Казахские пословицы и поговорки на казахском языке с переводом на русский язык – URL: http://www.bilu.kz/poslovicy_pogovorky.php

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО МИГРАЦИЙ НОСИТЕЛЕЙ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

О.А. Мудрак

*Данная работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00160
«Внутренний этимологический словарь нахских языков. Нахские основы»*

Наличие больших пластов заимствований из неконтактирующих языков в культурной лексике карачаевцев и балкарцев позволяет определить их промежуточную прародину до миграции в Приэльбрусье. Предположительно это исторический район Салатавия в нынешнем Дагестане.

Ключевые слова: карачаевский, балкарский, карачаево-балкарский, тюркский, культурная лексика, заимствования, нахский, аваро-андийский, прародина

The analysis of cultural loanwords borrowed in mass from languages disposed far away from a contact zone gives us a possibility to establish the intermediate homeland of ancestors of modern Qarachay and Balqar Turkic people. Presumably it was a historical area called Salatawia in modern NW of Daghestan Republic.

Keywords: Qarachay, Balqar, Qarachay-Balqar, Turkic languages, cultural words, loanwords, Nakh languages, Avar-Andi languages, homeland

То, что к настоящему времени считается знаковым и наиболее характерным для традиционной национальной культуры, в языке носителей этой культуры выражается специальными лексемами. Их изучение позволяет оценить уровень разработанности терминологической лексики и, соответственно, уровень достижений в этом (ставшим традиционным) хозяйстве. Многие термины имеют свою прозрачную этимологию, и при владении материалом исторической грамматики языка и этимологического словаря данной семьи их легко отследить. При обретении навыков новой хозяйственной деятельности вместе со специфическими реалиями, довольно часто, заимствуются их наименования от народа-донора.

Для изучения контактной лексики карачаево-балкарского языка была выбрана коллективная монография «Карачаевцы. Балкарцы», в которой тщательно рассмотрена традиционная культура карачаевцев и балкарцев, а описание реалий снабжается их лексическим наименованием в карачаево-балкарском языке. Была выписана вся нетюркская по происхождению лексика из следующих глав: 4. Хозяйство, хозяйственный быт и материальная культура, 5. Социально-правовой уклад, 6. Религиозные представления, 7. Обряды жизненного цикла, 8. Фольклор, музыкальное наследие и народные знания. Это охватывает объем с 138 по 683 стр. данной книги.

Исследуемая лексика для анализа была разбита на семантические поля и снабжена соответствующими пометами, включая некоторые грамматические пометы: **abs** – общие наименования, **adj** – прилагательные, **air** – небо, воздух, **arch** – строения, строительство, **beast** – звери, **bird** – птицы, **body** – части тела, **cloth** – материя, одежда, **da** – домашние животные, **dp** – домашние растения, **fire** – огонь, **food** – пища, **land** – земля, **liq** – жидкость, **myth** – мифология, **plant** – растения, **soc** – общественные и семейные отношения, **top** – топонимы, **tool** – инструменты, **tree** – деревья, **verb** – глаголы, **vess** – ёмкости, сосуды, **war** – война, **word** – речь, слова, **worm** – черви, змеи. Некоторые слова могут иметь несколько помет, как правило, – две.

Среди терминологической лексики обнаружилось довольно много лексем, которые не имеют тюркской этимологии, а являются заимствованиями из соседних языков. Наибольшее количество заимствований идет из дигорского осетинского языка, через его посредство попало более 300 слов, представленных в указанной коллективной монографии. Вторыми по численности стали заимствования из западнокавказских языков – их 61 слово. Основную массу составляют кабардинские и абазинские заимствования, хотя редко отмечаются адыгейские, а также убыхские слова. Данного типа заимствования довольно известны (см. как одну из самых первых работ Абаев 1949) и объясняются или старой ассимиляцией населения, или текущими непосредственными контактами. Однако в списке источников чужой лексики далее по представленности следуют заимствования из нахских и аваро-андо-цезских языков.

Выявлено 23 нахских заимствования, которые отсутствуют в осетинском языке. Из них наибольшее количество принадлежит полю **tool** (инструментов и приспособлений) – 5. Не менее 3-х заимствований в полях **body** (части тела), **dp** (домашние растения), **food** (пища), **soc** (общественные отношения). По 1-2 заимствования есть в полях **air** (небо, воздух), **arch** (строения, строительство), **beast** (звери), **bird** (птицы), **cloth** (материя, одежда), **da** (домашние животные), **land** (земля), **myth** (мифология), **vess** (ёмкости, сосуды), **war** (война). Ср. ниже некоторые примеры из этих полей (в скобках после цитации карачаево-балкарского слова и его значения указываются страницы его фиксации в коллективной монографии «Карачаевцы. Балкарцы», примеры из северокавказских языков даются в единой кавказоведческой транскрипции):

I группа

tool **голия** ‘стрела’ (189); [при значениях в КБРС **голия** ‘помёт; кал, пришлёпина’] < ПНах. *gulНо ‘кряж; ком, комок; шарик для пращи’ (> *аккин.* gulе ‘шарик для пращи’);

tool **чара** ‘чаша (плоскодонная)’ (184, 213) < ПНах. *čaraŋa ~ *čaravna ‘таз (большой медный и плоский)’ (> *чеч.*, *аккин.* čaŋa, *инг.* čara);

tool, cloth **чюйке** в **чоллакь чюйке** ‘челнок (ткацкий)’ (178); [КБРС **чюйке** ‘шпулька (швейной машины)’] < ПНах. *čuvŋer ‘шомпол; спица; шпулька, челнок (швейной машины)’ с характерным по облику инг. и аккин. диминутивным показателем -k, при *инг.* рефлексе čij, *кист.* čij, но *чеч.* ču; и т.д.

II группа

body **кегей** «четыре нижних позвонка» (268); [при КБРС **кегей** ‘спица колеса’, но есть устойчивое словосочетание **кегей омрай** – название позвонка] < ПНах. *kege-re ‘зад, задница’;

body ногъана «первые три ребра» (155); [нет в КБРС] <? ПНах. **naqeva* ‘грудь; грудная клетка’ и др.

др дух ‘небольшой сноп’ (681); [нет в КБРС] < ПНах. **duxvo-* ‘отходы при молотье’;
др гин ‘укроп’ (149, 271); [КБРС **гин-гёлендир** ‘специи’] < ПНах. **genHar* ‘семечка, косточка’ и др.

food как в **тюй как** ‘каша из пшена’ (268); **каклыкь** ‘кукурузная мука’ (354); [КБРС **тюй** ‘пшено, пшёный’, **как** ‘мамалыга’] < ПНах. **kegHe* ‘мякина, полова; труха’;

food **мурзай, мырзай** ‘сушёная пастила’ (272); [КБРС **мырзай** ‘фруктовая пастила (чаще из алычи и сливы, в форме тонких высушенных пластов)’] < ПНах. **marze-n*, **marzayna*, **marzon* ‘сладкий; сладость’ и др.

soc **тукъум** ‘род’ (332); [КБРС **тукъум** ‘род, фамилия; фамилия; порода, вид; сорт, тип’] < ПНах. **tuqomo* ‘род, племя’, ПАвар. **təqumə-* ‘народ, племя’ – здесь характерен именно смычный срединный согласный при -χ- в остальной массе кавказских языков;

soc, land **метлеринге** «в имении твоём» (429) (pl.+3sg-dat.) < ПНах. **motte(j)* ‘место; местность’, loc. *mette-* (косвенная основа) и др.

III группа

beast, myth **Саруубек, Сарыуек** ‘Дракон, Змей’ (399) < ПНах. **sarmekə* ‘дракон’;

cloth **мелте** ‘вощёная ткань’ (164); [КБРС **мелте** ‘грязный, заношенный; засаленный; промасленная лента’] < ПНах. **milte* ‘фитиль’;

da **къаспар** ‘порода лошадей’ (157); [КБРС **къаспар** *устар.* ‘каспар (название породы лошадей в старом Карачае)’] < ПНах. **qaspara* ‘кляча’ (старый иранизм);

da, bird **бабуш** ‘утка’ (162); [КБРС **бабуш** ‘утка’] < ПНах. **baboš-* ‘утка’ (при *dig. бабуз* ‘утка’);

vess, food **былкындакь** ‘кадушка с рассолом’ (269); [КБРС **былкылдау** ‘бульканье’] < ПНах. **bulqo-*, **buqHoro* ‘отстой, осадок; пузырьки в жидкости’ и др.

Также 23 заимствования, отсутствующих в осетинском языке и присутствующих в культурной карачаево-балкарской лексике, происходят из языков традиционно выделяемой аваро-андо-цезской подгруппы. Наибольшее количество заимствований (6 примеров) присутствует в поле **da** (домашние животные). Вторым по представленности является поле **tool** (инструменты, приспособления) – 5. В полях **cloth** (материя, одежда), **vess** (ёмкости, посуда) отмечено по 3 заимствования, а в полях **bird** (птицы), **dp** (домашние растения), **food** (пища), **liq** (жидкости), **myth** (мифология), **plant** (растения), **soc** (социальные и семейные отношения), **tree** (деревья) – по 1-2 заимствования. Ср. примеры:

I группа

da **мирчи** ‘барашек (3 месяцев)’ (681); [КБРС **мирчи** *балк.* ‘молодой баран’] < ПАнд. **miñčä-uj* -nā- ‘молодой; молодежь, юноши, парни; молодец, герой; бычок’

da **парий** ‘овчарка’ (161); [КБРС **парий** ‘волкодав’] < ПАвар. **b:ahñiˈv* (b: = p:) ‘собака (бродячая)’;

da **чемич** ‘козлёнок на втором году’ (681); [КБРС **чемич** ‘коза (по второму году)’] < ПАвар. **č:ümjau?* > **č:imə?* ‘козлёнок (годовалый)’ и др.

tool **грас** ‘деревянный крюк для туши’ (215) < ПАвар. **gəras:i?* ‘вешала, жердь с сучьями’;

tool **гюренке** ‘железные или медные пластинки с печатью (типа денег)’ (165), **геренке** (671) < ПАвар. **girwanka-* ~ **girawka.v* ‘гиря, фунт’, при *ирон.* **джиранка**;

tool **харсы** ‘колотушка’ (273) < ПАвар. **χars:i?* ‘молот (деревянный), киянка; обух; дубина’ и др.

II группа

cloth **сыпнакь** (-пп- < -бб-) ‘палас’ (175); [нет в КБРС] < *авар.* *sumaq* ‘ковёр без ворса’

cloth, vess **къалта** ‘кисет из бараньей мошонки’ (677); [КБРС **къалта** *редко* ‘карман’] < ПАвар. **qal̥t|auv* ‘толстая кишка’ или ср. *абаз.* *qoltas* ‘яички’;

vess **чинак** ‘деревянная чаша’ (675); [нет в КБРС] < ПАвар. **čanə?* ‘чан’, **čənəkə?* ‘большая деревянная кружка’ и др.

III группа

da, bird **гурий** ‘индюк’ (162); [КБРС **гура** *балк.* ‘индюк’] < ПАнд. **gurgurā-uj* ‘индюк’;

dp **аракь** ‘скирда’ (680); [КБРС **аракь** ‘скирда’] < ПАвар. **ʒəraqi?* ‘омёт, скирда’;

food, liq **чагыр** ‘плодово-ягодное вино’ (274) < ПАвар. **čavigo?* ‘вино’;

plant **ханча таикь** «обрубок веточки с тремя ответвлениями (оберег)» (402); (ср. лит. **таякь** ‘палка; дубинка’ для второго слова) < ПАвар. **qančī?* (q) ‘крест, идол’;

plant, tree чынар ‘бук’ (182) < ПАвар. *činari’ - ‘кавказский платан’;
сос гына-къатын «самая младшая жена» (376); [нет в КБРС] < ПЦез. *vīnāy / *vīnēny ‘женщина, жена’;

сос харс подбадривание при танце (273); [КБРС **харс** ‘харс; хлопки в ладоши (в такт музыке во время танцев); аплодисменты’] < ПАвар. *hars(:)ə- подбадривающий крик (при танце);

vess чинак ‘деревянная чаша’ (675); [нет в КБРС] < ПАвар. *čanə? ‘чан’, *čənəkə? ‘большая деревянная кружка’;

verb уппа ‘поцелуй’ < ПАвар. **ub:aḷ-, *ubaḷv ‘поцелуй’ и др.

Среди заимствованной лексики из этой языковой подгруппы абсолютно преобладают аварские по происхождению слова – 18 случаев, далее идут слова андийских языков – 6 случаев, и отмечено 1 цезское, по своему облику, заимствование. И это показывает исторический уровень контактов с носителями этих языков, т.е. преобладающий с аварцами и довольно активный с андийцами, а цезское слово как жаргонизм могло попасть через посредство андийских языков.

Таким образом, вырисовывается ареал, где могли практически одновременно проникать в результате контактов как аварские, так и нахские слова. Заметим, что довольно много специфических названий домашних животных попало из аварского и андийских, а названий домашних растений и пищи – из нахских языков. Это показывает, что зона контакта находилась в непосредственной близости с животноводческими районами аварцев и андийцев. На место расселения предков карачаево-балкарцев до миграции в большое Приэльбрусье претендует район исторической Салатавии к северу от хребта Салатау, ограниченный с запада рекой Акташ, а с востока – рекой Сулак. Северная граница не ясна, но она могла проходить вплоть до нижнего течения Аксая или даже Терека. Сейчас на этих территориях проживают как кумыки, так и переселенцы из внутренних районов Дагестана. Кумыкский язык является ближайшим родственником для карачаево-балкарского языка и их распад падает на последние десятилетия XIV в. во времена кавказских походов Тимура. С правой (восточной) стороны вплоть до Чир-юрта и далее до Темир-аула (Кизил-юрта) проживали носители северных аварских диалектов, а с левой (западной) стороны носители нахского аккинско-го (ауховского) диалекта вплоть до Эндирея (недалеко от современного Хасав-юрта). Этот диалект имеет характерные фонетические, грамматические и лексические черты, которые сближают его с ингушским языком и кистинским диалектом. К югу через хр. Салатау расположена историческая область Гумбет, в которой в настоящее время представлено население, говорящее на аварском языке, но не исключено, что нижняя часть левобережья р. Андийское Койсу в те времена говорила на андийском или близкородственном ему языке, а аварские поселения в том районе были единичны. Данный хребет довольно высок (2000–2700 м) и сомнительно, чтобы коневодческое население его свободно преодолевало и расселялось в Гумбете. Миграция предков карачаево-балкарцев на запад не обязательно является следствием походов Аксак-Тимура. Вполне можно предполагать, что часть диалектной салатавской общности освоила западные территории ранее, но прерывание контактов с родственниками по языку и дальнейшее обособленное развитие связано именно с политической ситуацией, сложившейся на Северном Кавказе к рубежу XV в. Необходимо также помнить, что появление кыпчакских тюркских языков в Предкавказье происходило не раньше начала XI в. и, соответственно, контакты с акинцами и аварами попадают на первые века II тыс.

Стоит отметить, что довольно сильно переоценено влияние древнего болгарского тюркского языка на карачаево-балкарский язык. Из всей культурной лексики, фигурирующей в монографии «Карачаевцы. Балкарцы», попало всего 6 слов, для которых существуют болгарские параллели. Это следующие слова:

др, tool гюрбе ‘хлебные закрома’ (147), ‘ящик для хранения муки и зерна’ (183); [КБРС **гюрбе** *карач.* ‘закром, ларь; житница’] < булг. при чув. **кёрпё** ‘крупа’;

food тылы ‘тесто’ (267) [+ КБРС] < булг. при чув. **туля** ‘пшеница’;

food, liq сыра ‘пиво’ (213) [+ КБРС] < булг. при чув. **сәра** ‘пиво’;

land ыран джол ‘тропа по скальным террасам’ (275) < булг. при чув. **ыран** ‘грядка’;

myth Хыртача-хан «Покровитель пчёл» (437) < булг. при чув. **хурт** ‘червь; пчела’, **хуртсә, хуртәс** ‘человод’

сос -джур в джар-джур «общее наименование крепостных крестьян» (282); [в первой части сложения присутствует корень, как в **джарлы** ‘бедный, неимущий, бедняк; несчастный, горемыка’, КБРС] <? булг. при чув. **чура** ‘раб, невольник’.

Как видно, в основном представлена пищевая лексика, что скорее говорит о торговле, а не о прямом культурном контакте. Проникнуть эта лексика в язык могла как на

территории верхнего Прикубанья, так и Прикумья, если учитывать миграцию с востока на запад через район южного Ставрополя. В количественном отношении такое число соотносимо с булгаризмами в осетинском и в нахских языках.

Данные материалы получены при анализе сводного труда по этнографии, и опираются на выделенный значимый материал, собранный в первую очередь этнографами. Однако общая картина, включая детали, станет ясна лишь после составления большого этимологического словаря всего карачаево-балкарского языка, учитывая все зафиксированные словарные материалы. Но, представляется, что в общих и основных чертах выводы, полученные в этом исследовании, не претерпят существенных изменений.

СОКРАЩЕНИЯ

dat.	дательный падеж	КБРС	Карачаево-балкарско-русский словарь
gen.	родительный падеж.	ПАвар.	пра-аварский язык
loc.	местный падеж	ПАнд.	пра-андийский язык
pl.	множественное число	ПНах.	пра-нахский язык
sg.	единственное число	ПЩез.	пра-цезский язык

Языки и диалекты

абаз.	абазинский	ирон.	иронский
авар.	аварский	карач.	карачаевский диал.
аккин.	аккинский диал.	кист.	кистинский диал.
балк.	балкарский диал.	лит.	литературный
диг.	дигорский	осет.	осетинский
инг.	ингушский	чеч.	чеченский

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I–IV, «Наука», Москва-Ленинград 1958, Ленинград 1973, Ленинград 1979, Ленинград 1989.

Абаев В.И. Об аланском субстрате в балкарско-карачаевском языке // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов, Нальчик, 1960.

Абаев В.И. Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черема // Осетинский язык и фольклор, т. 1, Изд-во Академии наук СССР, Москва-Ленинград 1949.

Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов, Чечено-Ингушское книжное изд-во, Махачкала 1975.

Гимбатова М.М. ред., Аварско-русский словарь. (рукопись 36 000 слов) Махачкала 2006.

Гочияева С.А., Суянов Х.И. Карачаево-балкарско-русский словарь, «Русский язык», Москва 1989.

«Карачаевцы. Балкарцы», серия «Народы и культуры», «Наука», Москва 2014.

Куркиев А.Х. Ингушско-русский словарь, «Сердало», Магас 2004.

Мацев А.Г. Чеченско-русский словарь, Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, Москва 1961.

Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля), Родной язык. Лингвистический журнал, № 1 (2), Москва 2014.

Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «скот», «коневодство»), Родной язык. Лингвистический журнал, № 2 (5), Москва 2016.

Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «оружие», «горы и горный промысел», ткани, одежда»), Родной язык. Лингвистический журнал, № 1 (6), Москва 2017.

Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «тело», «люди»), Родной язык. Лингвистический журнал № 1 (8), Москва 2018.

Мудрак О.А. «Карачаевский» и «ногайский» переводы молитвы «Отче наш» в записях Ю. Клапрота, Родной язык. Лингвистический журнал, № 1, Москва 2019.

Мудрак О.А. Классификация тюркских диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике, *Orientalia et Classica XXIII*, Изд-во РГГУ, Москва 2009.

Мудрак О.А., Хисамитдинова Ф.Г. Кыпчакские языки Урало-Поволжья, «Гылым» баспасы, Астана 2018.

Мудрак О.А. Этимологическая компьютерная база данных аварского языка (avaret более 3800 этимологий).

Мудрак О.А. Этимологическая компьютерная база данных андийских языков (andet более 3200 этимологий).

Мудрак О.А. Этимологическая компьютерная база данных нахских языков (nahet более 3200 этимологий).

Мудрак О.А. Этимологическая компьютерная база данных цезских и дидойских языков (cezet около 2300 этимологий).

Саидов М. Аварско-русский словарь. Москва, 1967.

ЛИНГВОПОЭТИКА АНТОНИМОВ (на примере произведений Уткира Хошимова)

З.Р. Мукимова

В статье раскрывается мастерство известного узбекского писателя Уткир Хошимова в использовании контрастных единиц. Автор на примере произведений Уткира Хошимова «Дунёнинг ишлари» (повесть), «Баҳор қайтмайди» (повесть), «Умр савдоси» (рассказ), «Дафтар хошиясидаги битиклар» раскрывает роль, специфические особенности применения и лингвопоэтические особенности некоторых контрастных языковых единиц – антонимов, антонимических фразеологизмов, предложений с противоположными значениями, служащих повышению экспрессивности и поэтической ценности произведения. В статье автор на примере анализа некоторых контрастных единиц в произведениях Уткира Хошимова пытается продемонстрировать неограниченные поэтические возможности узбекского языка.

Ключевые слова: антоним, антитеза, антонимический фразеологизм, языковой антоним, контекстуальный антоним (речевой антоним), антонимическая пара.

The article reveals the mastery of the famous Uzbek writer Utkir Khoshimov in the use of contrasting units. The author on the example of the works of Utkir Khoshimov «Dunyoning ish-lari» (story), «Bahor qaytmaydi» (story), «Umr savdosi» (story), «Daftar hoshiyasidagi bitiklar» reveals the role, the specific features in using and the linguistic and poetic features of some contrasting language units – antonyms, antonymic idioms, sentences with opposite meanings, which serve to increase the expressiveness and poetic value of the work. In the article, the author tries to demonstrate the unlimited poetic possibilities of the Uzbek language using the example of the analysis of some contrasting units in the works of Utkir Khoshimov.

Keywords: antonym, antithesis, antonymic idiom, linguistic antonym, contextual antonym (speech antonym), antonym pair.

В данной статье нами проведен анализ поэтических возможностей некоторых антонимов в произведениях Уткира Хошимова.

Как известно, антонимы являются одним из действенных способов обеспечения выразительности, экспрессивности, пронизательности поэтического текста. «С помощью вертикального использования антонимов противопоставляются понятия, признаки, явления, образы. Благодаря тому, что в художественном тексте противопоставляются языковые, контекстуальные или речевые антонимы, особое внимание уделяется этому противопоставлению, в результате чего оба элемента антонимической пары получают художественно-эстетический груз» [Иўлдошев 2002: 221].

Подобное явление можно отметить и в повести У.Хошимова «Дунёнинг ишлари». Повесть «Дунёнинг ишлари» имеет автобиографический характер. Изменены лишь имена отдельных персонажей. В повести в определенной степени отражается биография автора. Первый рассказ повести начинается с рассказа «Белые, лунные ночи». В рассказе «Белые, лунные ночи» автор уместно и продуктивно использует антонимы; элементы антонимической пары имеют художественно-эстетический груз. В заголовке «Оқ, ойдин кечалар» (Белые, лунные ночи) слова *оқ*, *ойдин* и *кеча* вступают в антонимические связи со значениями «светлость» и «темнота». Образная мысль, извлекаемая из заголовка, аккумулирует основную идею-мысль, выражаемую в художественном тексте. Уже знакомясь с заголовком, читатель представляет основную идею текста.

«Мы познаем окружающий нас мир с помощью информации, передаваемой нашими органами чувств в головной мозг. В процессе познания важное значение имеет противопоставление предметов и явлений, действий-состояний, установлению их общих и отличительных сторон. Можно смело заявить, что сегодня наша познавательная деятельность основана на противопоставлениях. Как утверждает Джалолиддин Руми, ценность каждого предмета находится вне возможности характеристики не противоположного предмета. Бог создал этот темный мир, дабы мы постигли суть светлого... Примером могут служить Дьявол, противопоставленный Адаму, Фараона, боровшегося против Моисея, Намруда против Авраама и Абу Джахла против Мустафы» [Нурмонов 2012: 232]. Такие контрасты способствуют раскрытию цели писателя в главе «Белые лунные ночи» повести «Дунёнинг ишлари». Доказательством могут послужить следующие мысли: *«Затем на небе, полночь больших звезд, появлялась тоненькая словно бровь красавицы луна... Самая яркая из всех семи звезд – моя... Ладно, сыночек. Пусть эта звезда будет твоей. Вон та четвертая – моя. Почему же мама, четвертая ведь самая маленькая! Поэтому она и моя. Четвертая*

звезда – сирота. Видишь она недоразвита. Сирот нужно жалеть. ...Небо и земля полны тайн. ...только что ярко светившая звездочка внезапно угасала и исчезала, оставив за собой тонкий след». Использованные в данном тексте контекстуальные антонимы «осмон-ер» (небо-земля), «ёруз-кичкина» (яркая-маленькая) «ёруз и етимча» (яркая и сирота) поэтически актуализируются в приведенном выше тексте, и служат повышению экспрессивности текста.

«Наличие в языке слов с противоположными значениями является действенным способом обеспечения выразительности, экспрессивности, пронизательности художественного текста» [Иўлдошев 2002: 8]. В литературе, а точнее в восточной литературе широко применяли эти выразительные средства языка – антонимы. Мастерство У. Хошимова в использовании антитез можно проанализировать на примере нескольких исконных и контекстуальных антонимов: «*Айтману ўйлайман: онанинг ёш-қариси бўладими? Мехрунги ёш қариси бўладими? Шафқатнинг-чи? или «Фақат бир нарасага – Мехрга тўймайди. Бу масалада шоҳу гадо баробар»*. Несомненно, в приведенном определении матерей неважен их возраст – молоды они или стары, а антоним «шоҳу гадо» имеет значение «равны все», с помощью этого противопоставления усиливается экспрессия текста.

Читатель, знакомясь с изображением природного пейзажа, невольно проникает в душевное состояние героя, соприкасается с его чувствами и переживаниями, разделяет его мысли и идеи. Он на себе чувствует временами спокойные словно осенний воздух, буйные словно весенний дождь, иногда горячия словно летний воздух треволнения души, проникает в них. В переживаниях героев произведения проявляются и контрастные ситуации, словно душевные метания между радостью и тревогой непосредственно связаны с судьбой героя: *В весенние дни происходят необычные явления. Внезапно идет ливень и все вокруг утопает в воде. Затем вдруг выглядывает солнце. Весь мир озаряется. Небо и земля наполняются благоухающим запахом – запахом весны. То же произошла и в жизни Хуршиды* (Рассказ «Умр савдоси»). Здесь предложение *Внезапно идет ливень и все вокруг утопает в воде* противопоставляется предложению *Затем вдруг выглядывает солнце. Весь мир озаряется*, что приводит к повышению экспрессии текста. В произведении писателя широко применяется и антонимия предложения (текста) – противоположность значений. Легко и быстро завоеванное счастье недолговечно словно весенняя погода, оно может так же легко уйти с рук, что в произведении связывается с судьбой героя произведения Хуршиды, вы можете удостовериться этому, прочитав произведения до конца.

В некоторых микротекстах писателя последовательно применяются слова-антонимы, что повышает их эстетическое воздействие. С помощью противопоставления противоположных понятий, признаков, явлений еще больше уточняется их значение. Это можно увидеть и в произведении писателя «Дафтар хошиясидаги битиклар». В частности, мысль нашу может подтвердить следующий фрагмент: *В мире нет ничего более благородного, чем получить признание народа. В мире нет более тяжкого греха, чем быть проклятым народом*. Или ярким примером может послужить микротекст «Бой ва камбагал» (Богатый и бедный): *Бой гердайса – салобат. Камбагал таъзим қилса – хушомад. Бой гапирса – донолик. Камбагал сукут сақласа – нодонлик. Бой «Мерседес» олса – камтарлик. Камбагал велосипед олса – манманлик. Бой жиноят қилса – «шўхлик». Камбагал шўхлик қилса – жиноят. Бой ўлса – мотам. Камбагал ўлса – «ҳа, энди, бандалик»...* (*Если задирается богатый – авторитет. Если бедный кланяется – подхалимство. Если говорит богатый – мудрость. Если молчит бедный – недоумство. Если богатый покупает «Мерседес» – скромность. Если бедный ездит на велосипеде – зазнайство. Если богатый совершает преступление – это шалость. Если шалость совершает бедный – преступление. Когда умирает богатый – траур. Если умер бедный – божья воля*). Во всех предложениях выше приведенного текста используются слова с противоположными значениями, с помощью которых ясно и полно передается художественная цель писателя. Также следует отметить, что некоторые из выделенных антонимов изначально существуют в языке как антонимы, или же использование одного поневоле напоминает другое, автор с таким мастерством использует их, что в результате противопоставление находит свое новое, своеобразное применение, в результате чего повышается содержательность текста.

В произведении «Дафтар хошиясидаги битиклар» очень часто противопоставляются лексемы *яхши* и *ёмон* (хороший и плохой), *яхшилик* и *ёмонлик* (добро и зло), *гуноҳ* и *савоб* (грех и благое дело), *ҳалол* и *ҳаром* (честный и нечестный). Например: *Яхшигаям, ёмонгаям бирдек яхши кўринишга уринадиган одам энг хафли одамдир!*, ...*Савобинг ортиқ бўлса,*

жаннатга, гуноҳинг ортиқ бўлса, дўзахга тушасан..., бу дунёда ёмонликка яхшилик қиладиганлардан кўра яхшиликка ёмонлик қиладиганлар кўпроқ.

Анализируя поэтические возможности лексических единиц в произведении «Дафтар хошиясидаги битиклар», может удостовериться, что почти все образованы с применением антонимов. Обратите внимания на следующие заголовки: «Человек и Шайтан», «Процветание и упадок», «Смех и плачь», «Черный и белый», «Правда и ложь», «Начало и конец», «Мудрец и недоумок».

Количество использования антонимов зависит также и от содержания художественного произведения [Қиличов 2002: 44]. Несомненно, в сборнике «Дафтар хошиясидаги битиклар» собраны жизненные взгляды, умозаключения, философские размышления автора, в силу чего в этой книге очень много использовано антонимов. С помощью них, в результате сравнения автору удается усилить значение.

В произведениях писателя мастерски использованы не только антонимы, но и фразеологизмы с противоположными значениями (*огзи қулогиди – кўнгли чўкмоқ* (веселый – грустный); *чехраси ёришмоқ – кўнгли чўкмоқ* (радоваться – грустить), с помощью них усиливается эмоционально-экспрессивное воздействие текста: *Муқаддам шу ерга – Бўстон гузаридаги дўхтирхонага ҳамшира бўлиб келибди... «Ҳа, шунинг учун огзи қулогиди экан-да!» Алимардоннинг кўнглида яна ўша чалкаш туйғу уйғонди; ...У севинчдан чехраси ёришиб, ўрндан турди. Муқаддам дераза олдида тик турганча шуларни ўйлар. Ўйлаган сайин кўнгли чўкарди* («Баҳор қайтмайди»).

В произведениях Уткира Хошимова в одном тексте совмещены как лексические, так и фразеологические антонимы, а также отмечается контраст предложений в микротексте. Мысль нашу может подтвердить микротекст «Двадцатый век»: *В двадцатом веке нашли пути исцеления от таких неизлечимых ранее недугов, как туберкулез, малярия, краснуха и удалось сохранить жизнь миллионов людей. В двадцатом веке появилась неизлечимая болезнь «спид» и жизни миллионов людей остались под угрозой.*

В двадцатом веке распался режим неверующих и миллионам людей вернулась вера. В двадцатом век стал развиваться религиозный экстремизм, и миллионы людей живут в страхе.

В двадцатом веке ликвидирован колониализм и миллионы людей вышли на свободу. В двадцатом веке развивается фашизм и тоталитаризм. Миллионы людей стали жертвами тюрем Гитлера и Сталина...

Двадцатый век – век мудрецов.

Двадцатый век – век дураков.

Примечательно, что данный текст состоит из семи микротекстов, во всех них использована антитеза (*наши исцеления, появилась болезнь; сохранена жизнь, жизнь осталась под угрозой; распался, стал развиваться; мудрецы, дураки*); если первые пять микротекстов состоят из противоположных по значению предложений, то последние – пятый и шестой микротекст противопоставлены друг другу по содержанию.

Уткир Хошимов почти во всех произведениях мастерски использует слова с противоположными значениями, с помощью них добивается повышения экспрессии текста, ярко и точно передает художественную цель писателя, преследуемая цель быстро и легко донесена до читателей.

ЛИТЕРАТУРА

Йўлдошев М. Чўлпон сўзининг сирлари. – Тошкент: Маънавият, 2002.

Йўлдошев М. Бадий матннинг лингвопоэтик тадқиқи. Филол.фан. д-ри дисс. – Тошкент, 2009.

Нурмонов А., Собиров А., Юсупова Ш. Ҳозирги ўзбек адабий тили. – Тошкент: «Илм зиё» нашриёт уйи, 2013.

Қиличов Э., Қиличов Б. Нутқ маданияти ва услубият асослари. Бухоро давлат Университети, 2002.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Ф.Т. Мусаева

В данной статье автор приводит лингвокультурный анализ диалектных единиц узбекского языка, обосновано особое видение мира диалектоносителей. На основе изучения диалектных метафор узбекского языка характеризуются основные особенности диалектной языковой картины мира, обоснована роль диалекта в восприятии окружающего мира.

Ключевые слова: диалектная лексика, лингвокультурная единица, концептуальная метафора, гендерная метафора.

In this article, the author provides a linguocultural analysis of dialectal units of the Uzbek language, and a special vision of the world of dialect carriers is substantiated. On the base of studying dialectal metaphors of the Uzbek language, main features of the dialectal language picture of the world are characterized, the role of the dialect in the perception of the surrounding world is substantiated.

Keywords: dialectal linguocultural, linguocultural unit, conceptual metaphor, gender metaphor.

Диалект для его носителя – не только средство коммуникации, способ общения и выражения мысли. Это – идентификатор личности, способ самоутверждения. Ибо, в зависимости от того, как говорит человек, можно определить откуда он, представителем какого говора или диалекта он является. На основе особенностей (фонетических, грамматических, лексических) своего языка человек соотносит себя с определенным языковым сообществом. С лингвокультурологической точки зрения, диалект как территориальная единица языка представляет собой аккумуляцию знаний культуры, так как «будучи сложной знаковой системой, язык может быть средством передачи, хранения, использования и преобразования информации» [Воробьев 2006: 12]. Поэтому в центре лингвокультурологических исследований стоит триада «язык – нация (национальная личность) – культура».

Узбекские диалектологи истоки узбекской диалектологии по праву связывают с именем великого среднеазиатского лингвиста Махмуда Кашгари и его книгой «Словарь тюркского языка», в которой приведены ценные сведения о языке различных тюркских племен. «Главная ценность работы Кашгари в том, что впервые в исследовании языков средневековых тюркских племен на основе лингвистических и ареальных методик была создана первая карта тюркоязычного мира, рассмотрены языковые и географические границы тюркских племен, особенности языковых контактов» [Исабекова 2017: 301].

В свете формирования в узбекской лингвистике новой исследовательской парадигмы – антропоцентрической, где изучение языка осуществляется с учетом человеческого фактора, все более актуальной становится изучение территориальной единицы языка – диалекта, имеющего важную практическую ценность как аккумулятор культурных ценностей. «Народ в ходе своей истории строил свой язык, закладывал в него то, что представлялось ему ценным в его внутренних и внешних судьбах, в его исторических и географических условиях, в процессе становления и роста духовной и материальной культуры для того, чтобы осмыслить мир и овладеть им» [Вейсгербер 1993: 117].

Анализ диалектологических материалов узбекского языка свидетельствует о том, что диалекты по сравнению с литературным языком более ярче передают культуру народа, отражают его культурные ценности и особый способ восприятия мира. Например, при приветствии узбеки всегда спрашивают о здоровье друг друга, поэтому слова приветствия в узбекских диалектах сформированы на основе этого обычая. Например, во многих диалектах при приветствии спрашивают «Яхшимисиз?» (Хороши ли вы – как вы?), в Кашкардарье вопрошают «Зўрмисиз?» (Отличны ли вы – как вы?), а в Хорезме обращаются следующим образом: «Жонлимисиз?» (Оживлены ли вы – как вы?) Поэтому один из синонимов слова *саломлашмоқ* «здороваться» в узбекском языке происходит от слова «сўрашмоқ», который на русский язык можно перевести как «спрашивать друг у друга», то есть «спрашивать друг друга о здоровье». А в литературном языке используется заимствованная из арабского языка форма приветствия «Ассалому алейкум», который можно перевести как «желаю здоровья». Желание здоровья человеку свойственно и приветствованию русского народа, поэтому в русском языке для приветствия используется повелительное наклонение глагола – «Здравствуйте». Происхождение диалектального глагола «омонлашмоқ» иканского диалекта узбекского языка в значении «здороваться» также связано с этим обычаем узбеков. Ибо, узбеки, здороваясь, спрашивают друг друга «Эсонмисиз? Омонмисиз?» (Живи-здоровы ли вы?) Поэтому иканцы употребляют слово «омонлашмоқ» в значении «здороваться» – т.е. «говорить «омонмисиз?»».

То, что каждое языковое сообщество реализует в языке собственное видение мира, можно продемонстрировать и на примере анализа концепта «обмывать» (синоним «праздновать») в узбекских диалектах. В диалектах узбекского языка данный концепт передается разными словами, что связано с их многовековой историей, укладом жизни и своеобразным образом мышления. Представители хорезмского диалекта передают его с помощью глагола *жушмоқ* (кипеть, бурлить, бушевать). *Жушасанми?* – вопрошают они. Слово

жўшмоқ в литературном языке имеет значения: 1) кипеть, бурлить, бушевать; 2) взволноваться, возбуждаться, приходиться в восторг [Ўзбек 2006: 157]. Безусловно, диалектальное значение «обмыть» восходит к первичным значениям данной лексемы. Хорезмский регион считается родиной «Авесты» – священной книги зороастрийцев, огнепоклонников, у которых праздник, торжество ассоциируется с огнем, бурными танцами вокруг него. Тогда как у городского населения, например, ташкентцев, это значение передается словом *эримоқ*, что в переводе означает «таять». Не секрет, что городской образ жизни подразумевает строгий контроль денежных средств, ибо горожане вынуждены покупать всё, в отличие от жителей деревни, имеющих «свой огород», и поэтому очень трудно заставить горожанина раскошелиться. Если же он решился на это, значит «его растопили». Ташкентцы говорят «*Бугун мен эрийман*» (Сегодня я «растаю», т.е. сегодня я что-либо обмою). А кашкардарьинцы говорят *ҳақ берман*. Одно из значений слова *ҳақ* – оплата, вознаграждение. Жители южного региона Узбекистана (кашкадарьинцы, сурхандарьинцы) славятся широкой натурой, щедростью. Поэтому понятие «обмывать» у них ассоциируется с щедростью, т.е. преподнесением какого-либо подарка. Примечательно, что в литературном узбекском языке это значение передается словом *ювмоқ* (обмывать), которое никак не отражает ментальную картину узбекского языка, а является семантической калькой русского «обмывать».

Каждому народу свойственен самобытный национальный образ мышления... Каждый народ видит, слышит и наслаждается по-своему [Махмудов 2015: 5]. Следовательно, различное видение мира характерно и для диалектоносителей. Носители литературного узбекского языка и носители узбекских диалектов не только по-разному пользуются языком, но и по-разному реализуют в языке свои представления об окружающем мире. Рассмотрим передачу понятия «дарить деньги на свадьбе» в узбекских диалектах. Танцы являются неотъемлемой частью всех узбекских свадеб. Танцуют гости, родители, молодожены. Обычай дарить деньги танцующим также существует почти у всех диалектальных групп. Однако представители разных диалектов по-разному передают это, так как по-разному видят этот процесс. Например, основная часть узбекских диалектов передает этот процесс глаголом *қистир-қистир*, потому что деньги танцующим обычно подсовывают, прикрепляют к тюбетейке. Глагол *қистирмоқ* имеет значение «всунуть, подложить». А наманганцы видят конец этого процесса: когда танцующий после танца подсовывает свои деньги другому танцующему, а тот, в свою очередь, следующему. Таким образом, деньги ходят по кругу, поэтому наманганцы называют их *саргардон* – слово, заимствованное из таджикского языка, означает «блуждающий, мытарящийся».

Языковые сообщества не только по-разному видят, репрезентируют в языке увиденное, но и по-разному слышат. Поэтому могут различаться даже слова, образованные на основе звукоподражательных слов. Например, Н. Махмудов пишет: «узбек звук, издаваемый цыпленком, слышит как «жип-жип», поэтому называет его *жу́жа*, а русский человек слышит его как «цып-цып», поэтому обозначает его словом *цыплёнок*» [Махмудов 2015: 5]. По-разному слышат не только разные народы, но и различные диалектоносители одного народа. Например, основная масса узбекского народа звук, издаваемый индюком слышит как «курк-курк», поэтому называет его «курка», а отдельные диалекты Самаркандского региона слышат этот звук в форме «гул-гул», поэтому индюка в этих диалектах называют *гулгултовуқ*, т.е. «курица, издающая звук гул-гул». Или же проанализируем диалектальные глаголы со значением «клеветать, сплетничать». Например, жители кишлака Камай Кашкардарьинской области звуки во время сплетни слышат как «ғит-ғит», поэтому действие «сплетничать» образуют от данного звукоподражательного слова – *ғитғитламоқ* [Нафасов 2010: 448]. А сельчане из кишлака Давтош понятие «оговаривать, сплетничать, натравливать» обозначают словом *кишкишламоқ*, поскольку звуки, издаваемые во время сплетен, слышат как «киш-киш» (Нафасов 2010: 149). Стоит особо отметить, что в литературном узбекском языке значение «натравливать» обозначается словом *ғижғижламоқ*, который тоже происходит от звукоподражательного слово – гиж-гиж.

Одним из действенных способов познания мира является метафора [Махмудов 2015: 5]. Метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида [Лакофф, Джонсон 2004: 27]. По мнению В.Н. Телия, метафора успешно выполняет роль призм, через которую человек видит мир, ибо метафоры проявляются национально-специфичным образом во фразеологическом фонде языка, а также в мифологемах, архетипах и т.д. Анализ диалектных метафор показывает, что носители диалектов воспринимают окружающий мир согласно моделям, принятым в их

языковом сообществе; оценка языковых явлений происходит через их собственную призму мышления. Большинство диалектных метафор непосредственно связаны с образом жизни народа, повседневно бытом. В силу того, что узбекский народ издревле занимается скотоводством (наряду с земледелием), лексика узбекского языка изобилует единицами, непосредственно связанными с названиями животных, образованными от слов, касающихся скотоводства. В свою очередь, большинство из них являются продуктами вторичной номинации – метафорами. Например, узбекское слово «отланмоқ» происходит от слова *от* «лошадь» и вначале обозначало действие снаряжения лошади. На основе этого значения позднее появилось метафоричное значение «собираться в дорогу», «готовиться». Аналогичным образом происходит и диалектное слово «отқармоқ» иканского диалекта в значении «выполнить все на высочайшем уровне». В «Словаре тюркских языков» Махмуда Кашгарского это слово зафиксировано в значении «усадил верхом на коня» [Девону 1967: 134]. Следовательно, иканцы понятие «выполнить все на высоком уровне» ассоциируют с умением усадить кого-либо на коня. В хорезмском диалекте, для выражения понятия «быть бдительным, настороженным» также используется слово, связанное с животноводством, а точнее коневодством – «айилмоқ». Айил – это подпруга для лошади, широкий ремень, затягиваемый под брюхом лошади и служащий для укрепления седла или седёлки, следовательно «айилмоқ» изначально означало «затянуть подпругу», а затем хорезмцы начали употреблять его в переносном значении. Подобные метафоры глубоко проникли в нашу речь; иногда «трудно обнаружить, что метафора что-то скрывает, не осознается даже сама метафора. Это настолько привычный способ восприятия языка, что иногда трудно представить себе, что что-то здесь не соответствует реальности» [Лакофф, Джонсон: 32].

Особую лингвокультурную ценность имеют гендерные метафоры – «метафоричное слово и словосочетание, употребляемые лишь относительно определенного пола» [Худойберганава 2015: 23]. Метафоричное изображение женщин или мужчин также базируется на национальных ценностях, народных традициях, сформированных в течении тысячелетий. Например, для обозначения мужчины, мальчика узбекский народ использует метафору «чинара»: *Чиройинг борида, чинорингни топ* (Пословица). (Ўзбек 2008: 489). А представители хорезмского диалекта для образного выражения мужчины используют название дерева а не менее раскидистой и густой кроной – «гужум» (вид кайрагача): *...бу муаттар гулшанда Курбон Муҳаммадризо деган ... гужум бор.*

В целом, из выше изложенного следует, что лексика узбекских диалектов дают широкий материал для изучения связи языка и культуры, выявления механизмов национального восприятия окружающей среды. В этом плане, для современных лингвокультурных исследований следует все больше привлекать диалектный материал.

ЛИТЕРАТУРА

- Вейсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Астрель, 1993. – с. 387.
 Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М., 2006. – с. 112.
 Девону луғатит турк. Индекс-луғат. (Ф.А.Абдурахмонов ва С.Муталибов иштироки ва тахрири остида). – Тошкент: Фан, 1967. – 550 б.
 Исабекова У.К. Махмуд Кашгари – основоположник ареальной лингвистики // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – Москва, 2017. – № 8. – С. 301–308.
 Кошғарий Махмуд. Девону луғат-ат-турк. 1-жилд. – Тошкент: Mumtoz so‘z, 2016.
 Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
 Махмудов М. Термин, бадий сўз ва метафора // Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 2013. – № 4. – С.3–8
 Махмудов Н. Оламининг лисоний манзараси ва сўз ўзлаштириш // Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 2015. – № 5. – С. 3–12.
 Нафасов Т. Қашқадарё ўзбек халқ сўзлари. – Тошкент: Мухаррир, 2010. – 468 б.
 Худойберганава Д. Лингвокультурология терминларининг қисқача изоҳли луғати. – Тошкент, Турон-замин-зиё, 2015. – 42 б.
 Шоабдурахмонов Ш. Ўзбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари. – Тошкент, 1962. – 372 с.
 Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 2-жилд. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006. – 672 б.
 Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 4-жилд. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008. – 608 с.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКОЙ ВЕРСИИ ДАСТАНА «КУР УГЛЫ»

Л.Х. Мухаметзянова

Исследование посвящено сравнительному изучению языковых особенностей тюркских и татарской версий и вариантов дастана героико-приключенческого характера «Кур углы». Обращаясь к многочисленным национальным версиям и распространенным среди татар вариантам, автор с позиций фольклориста и диалектолога определяет степень продуктивности дастанных текстов на знаменитый сюжет. В статье выявляются и анализируются тождества и различия антропонимических, топонимических названий, упомянутых в различных вариантах тюркских и татарской версии дастана, дается характеристика синтаксико-стилистических, фонетических особенностям языка эпоса.

Ключевые слова: дастан «Кур углы», вариант, версия, языковые особенности, национальный, текст.

The present study is devoted to the study of the linguistic features of the dastan of the heroic-adventure character «Kur's son». Turning to the numerous national versions and the variants distributed among the Tatars, the author, from the positions of a folklorist and dialectologist, determines the degree of productivity of the texts given to the famous story. The article identifies and analyzes the identities and differences of anthroponymic, toponymic names, which were mentioned in different versions and variants of dastan, and describes the syntactic-stylistic, phonetic features of the language of the epic.

Keywords: dastan, «Son of Kur», variant, version, language features, national, text.

Дастан с именем «Кур углы» был популярен в Сибири, Средней Азии и Казахстане, Ближнем Востоке, на Кавказе, и даже частично в Европе. Дастан на этот знаменитый сюжет у таких народов, как туркмены, узбеки, таджики, казахи, каракалпаки, азербайджанцы, турки, аджарцы, абхазцы, кумыки, курды, армяне, грузины, арабы и др. был известен как произведение эпического фольклора. Несмотря на некоторое сюжетное сходство, у каждого народа он обладает своими особенностями. Дастан известен под названиями «Кёр углы», «Кёроглы», «Кер углы», «Кур углы», «Гёр углы», «Гёроглы», «Гороглы», «Гур углы», «Гургули», «Гургули-шо» и др. Уже в названии нашло отражение различное фонетическое звучание, связанное с языковыми особенностями разных народов. У каждой национальной версии разная поэтика, стиль, сюжетный состав и объем. Но есть немало общего, характерное для большинства из национальных версий. Национальные версии являются богатым источником в сравнительном изучении родственных языков, на которых созданы эти удивительные эпические памятники.

«Кур углы» в свое время было широко распространено и среди дисперсно проживающего татарского народа. Бытовавший среди разных этнических групп татар в нескольких вариантах, национальная татарская версия вызывает к себе особенный интерес как источник диалектологического материала.

У популярного у различных народов «Кур углы» в основе сюжета лежат некогда реально происходившие события, образ главного героя восходит к исторической личности. Наличие фактов, касающихся событий дастана, дают основания полагать, что произведение не могло возникнуть ранее XVII–XVIII вв. Отсюда следует, что появление «Кур углы» у татар относится к еще более позднему времени. Время становления эпоса и дальнейшие изменения в зависимости от хронологических и географических факторов непосредственно сказываются на языке «Кур углы».

Версии и варианты дастана прежде всего интересны приобретенными в стадии развития дастана удивительным языковым синтезом. Например, в азербайджанской версии туркмены-теке упоминаются достаточно своеобразным образом – лишь в связи с Айвазом и арабом Райхан, а в турецкой версии о туркменах вообще нет ни слова. Возможно, такие изменения в более поздних версиях дастана, созданных под влиянием первой версии, могут являться местными диалектическими признаками. Кроме того, в различных тюркских версиях очень сильно напутана топонимика. Например, в них бахши названия незнакомых ему городов по-своему изменяет. В туркменской версии дастана один город, имеющий два названия (официальное и принятое в народе), описывается как два города. Среди городов находящихся во владениях Хункара, упоминаются Испыхан, Нусбыджахан. Испыхан – город в центральном Иране, был столицей Сефевидов. Нусбыджахан – определение этого города, означающее «полмира», данное ему народом. Также термин «госман» («осман»), означающий в эпосе турецкую династию, закрепился как географический термин.

Но нельзя отрицать и того, что большинство топонимов тюркских версий реально исторические. В плане времени и места в дастане не могли не отразиться исторические события, политическое и религиозное противостояние, и, в связи с этим, следовательно, большое значение имеет и соответствующая терминология того времени.

Независимо от того, какие исторические события каких народов отразились в дастане, кем бы ни был прототип главного героя, здесь ценно не выяснение исторической достоверности, а сам факт функционирования этого эпического памятника и его версий в народном творчестве, сохранение антропонимических и топонимических данных, таких важных в изучении эволюции и закономерностей развития того или иного языка. По мере хронологического, географического и этногенетического отдаления событий действительности, их отражение в версиях дастана утрачивают свою историческую значимость, при этом служат ценным источником для языковедов.

Переписываемые и читаемые у татар варианты – это памятники, пришедшие к нам в письменном виде в ходе обмена духовной культурой с другими тюркскими народами. Народ его принял в первую очередь из-за увлекательного сюжета, приспособил к своим фонетическим особенностям этнонимы, топонимы и антропонимы, внес в него различные изменения, сделав кое-где сокращения или фонетические поправки. В отличие от западных и восточных версий, татарский вариант не так велик, и сюжетная система по сравнению с ними компактнее. В то же время важно то, что исследование историчности общего сюжета вносит достаточную ясность и в татарские варианты. События, описанные в татарских текстах, запечатленная в них история топонимических и антропонимических сведений во всей полноте раскрывается лишь опираясь на эпизоды, отраженные в других версиях.

Среди татарских вариантов особое место занимает вариант, записанный В.В. Радловым в Сибири. Дастан «Кур углы» В.В. Радлов записал в конце XIX в. у сибирских татар, проживающих в Тюменской области [Радлов 1872: 258–262]. Дастан носит прозаический характер, за исключением нескольких диалогов в поэтической форме. Основная часть текста состоит из коротких прозаических строк. Объем текста сравнительно невелик, не превышает четырех листов. Построение сюжета не сложное, представляет собой одну сюжетную линию, основанную на деяниях и поступках главного героя.

Происхождение имени «Кур» Б.А. Каррыев объясняет двояко: слово «гур» («гүр» – могила) (в таджикской и узбекской версиях главный герой, действительно, рождается от матери в могиле) в некоторых тюркских языках это слово означает «слепой» [Каррыев 1968: 227]. В варианте В.Радлова присутствует другое объяснение, т.е. сына, рожденного от ослепленного пашой слепого, назвали Куром, что более убедительно, а мотива могилы здесь нет. И все же в большинстве тюркских версиях дастана слово «кур / гүр / кер» использовано в значении могила, и вероятность того, что именно это имеет отношение к имени героя, более убедительна. Вполне возможно и то, что у этого имени могут быть исторические корни.

Если обратиться к языку, стилю и поэтическим особенностям дастана, то подтверждается, что это произведение было записано под диктовкой некоего Исали сына Руси. Повествовательный его язык отличается смешанным, синкретическим характером, т.е. текст включает в себя как выражения устной, разговорной речи, так и обороты, характерные для письменной прозы того времени. Например, «*Истанбул патшасы эйтте*», «*Күрнең улы эйтте*», «*Туры атка менеп, Истанбулга барды*», «*Күр улы атын һәм бэйләде*», «*Тоттылар Күрнең улын, аягын-кулын бэйләделәр, алып киттеләр, зинданга салдылар*» – «Сказал царь Истанбула», «Сказал сын Кура», «Сев на гнедую, приехал в Станбул», «И сын Кура привязал свою лошадь», «Поймали сына Кура, связали руки и ноги, унесли, посадили в зиндан» – здесь порядок слов, в частности, месторасположение связки «һәм» (и) подчиняется литературному канону. Язык дастана больше тяготеет казанскому говору и довольно далек от разговорного диалекта сибирских татар. Это явное следствие влияния языка и культуры татар Поволжья.

Касаюсь происхождения данного варианта, следует сказать следующее: соседство со Средней Азией обеспечивало сибирских татар восточными письменными источниками. Тобольские татары в первую очередь под влиянием мусульман Средней Азии в XVI в. приняли ислам, а под влиянием переселившихся туда казанских татар постепенно потянулись к письменной культуре. Этим и объясняется скрещивание в дастане завезенных извне письменных и местных устно-вербальных традиций, а также смешение или параллельное использование лексики и оборотов диалектального и литературного характера.

В период конца XIX – начала XX вв. в татарских пограничных со Средней Азией областях наблюдалась картина двуязычия. Известны и импровизаторы, знавшие эпосы

нескольких родственных народов. Например, в архиве Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана хранится текст дастана «Алпамыш», записанный от одного и того же информанта на татарском и казахском языках [Фонд Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ]. В целом среди родственных тюркских народов наличие двуязычных чичанов и их умение исполнять на двух родственных языках было привычным явлением. На примере таджиков и узбеков В.М. Жирмунский также писал об этом: «Взаимопроникновение языков обусловлено этническим смешением таджиков и узбеков (в Самаркандской и Бухарской областях и в соседних районах Таджикской ССР), широкораспространенным двуязычием вообще и наличием двуязычных сказителей» [Жирмунский 1974: 20].

Тобольский вариант татарского дастана выполняет функцию своеобразного объединения традиций чичан Сибири и Средней Азии с реалиями письменной культуры казанских татар. В стилистическо-языковом отношении он интересен как произведение синкретического характера, которое объединяет в себе особенности восточного диалекта и литературно-письменного языка казанских татар.

Кроме варианта сибирских татар имеется рукописный вариант дастана, найденный в Татарстане. По данным информации М.И. Ахметзянова, рукопись найдена в 1980 году во время фольклорной экспедиции С.Мухаметнуровым на территории Татарстана в татарской деревне, передана архиву ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ и описана М. Ахметзяновым [Әхмәтжанов 2000: 187].

Сегодня рукопись хранится в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ [Фонд Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ]. Рукопись на арабской графике, состоит из двух листов. Записан фиолетовыми чернилами на бумаге, произведенной в 1920-х гг., носит фрагментарный характер. Текст включает 26 стихотворных строк.

Несмотря на то, что это всего лишь фрагмент, рукопись можно оценивать как один из вариантов «Кур углы». Текст построен не на многострофичной тираде, а на четверостишные строфы, заканчивающиеся одинаковым рефреном («или победят, или погибнут»). Стихосложение выделяется устойчивым, силлабическим метром, как это свойственно неимпровизационному стиху. По своему сюжету этот вариант отличается от сюжета дастана, записанного у сибирских татар. Антропонимическая и топонимическая общность в этом случае играет роль сближающего фактора. Единые мотивы (у Кур углы нет детей и т.д.), пересказанные в двух вариантах по-разному в синтаксическо-стилистическом отношении, а также лексические общности позволяют собрать два сюжета воедино.

Данный рукописный фрагмент дастана «Кур углы» созвучен с изданным вариантом дастана [Хикяте 1894]. (В казанских типографиях в конце XIX – начале XX в. неоднократно было отпечатано крупное произведение «Хикайте Кур углы солтан». В период 1889–1916 гг. оно выдержало 11 изданий). На языке изданного «Хикайте Кур углы солтан» преобладают арабо-персидские заимствования и текст в целом сегодняшнему читателю малопонятен. Объем достаточно велик и составляет 90 листов на арабской графике. Произведение излагает историю ханов в форме предания, в хронологическом порядке перечисляет имена некоторых ханов, сообщает, что Кур углы стал правителем в пятнадцать лет. Дастан останавливается лишь на некоторых событиях жизни Кур углы. Сказать, что эти события в других национальных версиях всегда излагаются последовательно, невозможно, одни и те же имена, схожие события по разному поводу встречаются в разных местах сюжета. В отличие от туркменской, таджикской, азербайджанской и др. версий, татарский дастан на новой почве составлен по-новому, в творческом процессе был подвергнут большим изменениям.

Итак, несмотря на обширность регионов бытования дастана на сюжет о Кур углы, в поэтическом стиле и стихотворных текстах различных версий и вариантов обнаруживаются поразительные совпадения. Татарским вариантам «Кур углы» свойственно множество лексико-стилистических или же фонетических общностей и особенностей в сравнении с друг другом и другими национальными версиями. По построению сюжета, подаче образа-персонажей, последовательности событий, объему татарский «Кур углы» не повторяет версии других народов. «Кур углы» – бесценный источник для изучения не только этнической истории и тюрко-татарских культурно-литературных связей, тексты дастана весьма интересны и в плане сравнительного изучения тюркских языков и диалектных особенностей татарского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Әхмәтжанов М.И. Татар кулъязма китабы. – Казан: Татар. кит. нәшр, 2000. – 270 б.
Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – 728 с.
Каррыев Б.А. Эпические сказания о Кер-оглы у тюркоязычных народов. – М.: Гл. ред. восточ. лит-ры, 1968. – 260 с.
Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. IV. Наречия барабинцев, тюркских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872. – 401 с.
Фонд Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, колл. 39, ед. хр. 5013.
Хикәяте Күр углы Солтан. Казань: Типо-лиитография Имп-го ун-та, 1894. – 90 б.

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В. ЗА СЧЁТ ВНУТРЕННИХ РЕСУРСОВ

Р.Х. Мухиярова, Р.А. Закиров

В статье анализируются основные тенденции развития лексики современного татарского литературного языка за счет внутренних ресурсов. Наиболее продуктивными являются образование новых и расширение значений уже имеющихся слов для обозначения новых реалий или замены русских и западноевропейских заимствований. Наблюдается также активизация ряда перешедших в советское время в пассивный словарь лексем тюркского или арабско-персидского происхождения и переход в общеупотребительную лексику некоторых диалектизмов. Отмечается, что эти процессы преимущественно характерны для книжного стиля.

Ключевые слова: активный словарь; заимствование; калька; лексика; литературный язык.

In the article the main tendencies of development of lexicon of the modern Tatar literary language at the expense of internal resources are analyzed. The most productive are education of new and extension of values of already available words for designation of new realities or changeover the Russian and West European loans. Also activation of a row transferred in Soviet period in the passive dictionary of lexemes of a Turkic or Arab-Persian origin and transition to common lexicon of some dialecticisms are watched. It is marked that these processes are preferentially characteristic for book style.

Keywords: the active vocabulary; loan; tracing-paper; lexicon; literary language.

Процессы перестройки, демократизация общества и рост национального самосознания, начавшиеся с середины 90-х годов XX века, положили начало новому этапу в развитии лексики татарского литературного языка. Это в первую очередь проявляется в резком оживлении процесса обогащения лексики за счет исконных внутренних ресурсов.

Наблюдения за языком татарской периодической печати последних десятилетий позволяют выявить пять основных направлений развития лексики татарского литературного языка за счет внутренних ресурсов:

- 1) изменение значения исконных тюрко-татарских слов;
- 2) образование новых слов;
- 3) активизация отдельных устаревших слов;
- 4) переход диалектизмов в общеупотребительную лексику;
- 5) образование новых калек и полукалек.

Отдельно рассмотрим эти направления.

Изменение, расширение, обогащение значений уже существующих слов особенно характерно для современного этапа развития литературного языка. Например, слово **эшкура** «делец», который в толковом словаре татарского языка 1981 года еще толкуется с явным отрицательным оттенком как «человек, который ловко ведет дела (особенно коммерческие), не стесняясь в средствах» [Татар 1981: 597], ныне очень широко употребляется без пейоративной окраски или даже с одобрительным оттенком для обозначения людей, занимающихся предпринимательством: *Әмма бу хакта бер генә эшкура да белгертергә теләми* (М.ж., 2009, 11 сент.).

В этом же значении стало употребляться и слово **эшмәкәр**, которое в словарях 80-х годов XX века зафиксировано в значении «деловой» с пометкой «диалектное»: *Эшмәкәрләрне министрлык кайгыртачак* (В.Т., 2012, 12 окт.).

Такому же расширению, появлению новых значений подверглись слова **жир-лек** «почва, основание; поселение», **килешү** «ладить; соглашение, контракт», **кул-тамга** «подпись; автограф», **берлек** «единица, единство; союз», **тугра** «ханская печать; герб» и другие: *2002 елда ул балалар әдәбияты өлкәсендәге казанышлары өчен Татарстан язучылар берлегенең А.Алиш исемендәге бүләгенә лаек булды* (К.у., 2005, № 11). *Татарстан Республикасы Менделеев муниципаль районы Псэй авыл жирлеге Советы... жир биләмәләрен торак төзү өчен бүлеп бирде* (В.Т., 2010, 2 июнь). *Инде Италия белән килешү төзелә* (Ш.Ч., 2012, 12 окт.). *Алабуганың Әби патша тарафыннан XVIII гасырда ук расланган тузрасы бар иде инде* (М.ж., 2018, 22 июнь).

Расширение значений слов, как видно и из вышеприведенных примеров, часто сопровождается их переходом из стилистически ограниченной лексики в межстилевую, из лексики ограниченного употребления в общеупотребительную.

Активизировался и процесс словопризводства на базе собственных слов для обозначения новых явлений в общественной жизни или замены соответствующих русских или западноевропейских заимствований. В частности, в качестве собственно татарских неологизмов можно указать слова,

1) образованные способом аффиксации: **ашчы** «повар», **кертем** «вклад», **нәкышчы** «гравёр», **нигезләмә** «обоснование, положение», **салымчы** «налоговик», **санак** «калькулятор, компьютер», **тернәкләндерү** «реалибитация» и др.: *Бу күргәзмәдә без Алсу Тимергалинаны **сәнакчы** рәссам буларак таныдык* (С-ә, 1995, № 6, 34 б.). *Балалар су коенган арада **санакларда** эшләп, төрле уеннар, ярышларда катнашып, ... чын-чынлап, «Сәләт»легә әвереләчәк* (Т.я., 1997, 6 февр.). *«Изгелек» инвалидларны **тернәкләндерү** үзәгенә, Боз сараена, «Бердәм Россия» физкультура-сәләмәтләндерү комплексына Россиядә тиңнәр юк* (Ш.Ч., 2007, 15 авг.).

2) образованные способом сложения: **жанатар** «болельщик», **жанисәп** «перепись», **илбаш** «президент», **кулчатыр** «зонтик» и др.: *Илбашның һәйкәлне күрергә киләсен аларга төнге 11 дә генә телефон аша хәбәр итәләр* (М.ж., 1997, 22 авг.). *Инде 1700 ел буге **кулчатырлар** безне яңгырдан саклый* (М.ж.). *Октябрь аеннан илдә **жанисәп** башланчак* (Я.ю., 2010, 9 апр.).

3) парные слова: **баш-сын** «бюст», **белгеч-кадр** «специалист», **бизәк-нәкыш** «узор», **өндәмә-шигарь** «лозунг, призыв» и др.: *Бер баитан бүлтәп чыккан ике авыздан гыйбарәт **баш-сын** (бюст) бүгенге көндә чишелә алмый торган фәжигәле дуализмга ишарәли* (С-ә, 1996, № 2, 34 б.). *Бу институтның татар теле һәм әдәбияты кафедрасы тулы штатка эшләүче **белгеч-кадрлар** кытлыгы кичерә* (В.Т., 1997, 21 февр.). *Ике **шигарь-өндәмәне** файдалану да зарурдыр* (В.Т., 1996, 17 май).

В связи с возрождением национальных обычаев, а также в целях стилизации многие полузабытые устаревшие тюрко-татарские слова (включая давно усвоенные слова арабо-персидского происхождения) постепенно возвращаются в активный словарь: **алгарыш** «прогресс», **әбүнәче** «абонент», **басмаханә** «типография», **иганәче** «спосор, меценант», **качак** «беженец», **корылтай** «съезд», **салым** «налог» и др.: *Безнең эшнәң нигезендә **әбүнәчеләр** санын арттыру тора* (К.т., 1995, 24 март). *Шуңа күрә... малтабарларны, кооператорларны, конкурсның **иганәчеләре** булырга чакырабыз* (С-ә, 1992, № 3, 6 б.). *Татарстан Язучылар берлеге идарәсенә XV **корылтайдан** соңгы беренче утырышы булды* (К.у., 2005, № 8, 190 б.).

Активно входят в литературный язык в последние годы и некоторые диалектизмы: **жәйгор** «радуга», **жәтрәк** «быстрее», **ихата** «двор», **матавык** «хлопоты», **пима** «валенки» и др.: *Жәйгор канат жәйгән жәйнең иртәсендә...* (К.у., 2007, № 10, 105 б.). *Дәресләргә әзерлибез дә **жәтрәк** урамга ашыгабыз* (С-й, 1995, 8 март). *Әртилдә акчага эшли, итеклар тегә, **пималар** төпли* (К.у., 1995, № 7, 66 б.). Это свидетельствует о том, что демократизация общественной жизни напрямую содействует и демократизации литературного языка, ее обогащению за счет разговорной и диалектной лексики, хотя, разумеется, не все диалектизмы закрепляются в литературном языке.

Тенденция замены иноязычных слов «своими», а также необходимость обозначения новых предметов и явлений, появившихся в связи с большими изменениями в экономической и социальной жизни, привели к появлению большого количества разных типов калек и полукалек: **базар икътисады** «рыночная экономика», **бөке** «пробки на дорогах», **кайгыртучылар** «попечители», **мәгълүматлаштыру** «информатизация», **пәрәвез** «паутина, интернет», **тәнсакчы** «телехранитель», **видеоэлемтә** «видеосвязь», **кече бизнес** «малый бизнес», **компьютерлаштыру** «компьютеризация», **салым полициясе** «налоговая полиция» и др.: *Юлдагы **бөкеләр** аркасында бик күп кеше соңга кала* (Ш.Ч., 2009, 19 февр.).

Соңгы елларда барган глобальләштерү, мәгълуматлаштыру процесслары укытучыны заман белән бергә атларга этәрә (М., 2009, 2 окт.). Технология компьютерлаштырылган (Т., 2005, № 4, 22 б.). Кадафи тәнсакчысы һичшиксез гыйффәтле булырга тиеш (М.ж., 2009, 26 июнь). Көтү залында видеолемтә өчен махсус бүлмә әҗһазландырылган (М.ж., 2018, 14 дек.).

Следует отметить, что такая тенденция развития лексики за счет собственных ресурсов характерна для литературного языка, то есть языка средств массовой информации и художественной литературы. А в разговорном стиле при обозначении новых реалий преобладают русско-европейские заимствования. К тому же, касающиеся всех языков мира процессы глобализации и интернационализации всех сторон жизни обуславливают существенное увеличение фонда интерлексем, то есть общих для многих языков слов обычно английского происхождения и в лексике современного татарского литературного языка. Однако тенденция преимущественного использования исконных слов и арабско-персидских лексем вместо русизмов и интернационализмов в литературном татарском языке стабильно сохраняется в течение трёх последних десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – 3 т. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- В.Т. – газета «Ватаным Татарстан»
К.т. – газета «Кызыл таң»
К.у. – журнал «Казан утлары»
М.ж. газета – «Мәдәни жомга»
С-й – газета «Сабантуй»
С-ә – журнал «Сөембикә»
Т. – журнал «Татарстан»
Т.я. – газета «Татарстан яшьләре»
Ш.Ч. – газета «Шәһри Чаллы»
Я.ю. – газета «Якты юл»

ORTAÇAĞ AZERBAJCAN LEKSİKOĞRAFİSİ TARİHİNE GENEL BİR BAKIŞ

M.Z. Nağısoylu

Sözlükçülük geniş ve kapsamlı bir dilbilim alanı olarak Türkçenin en eski ve zengin kelime katını ihtiva etmektedir. Türkolojiye aid yazılan ilk kitab olan ve dünyada ilk türkdilbilimci gibi kabul edilen Kaşgarlı Mahmud'un «*Divanü Luğati'l-Türk*»ü daha çok Türk leksikografisinin temel eseri olarak algılanması bu olgunun en bariz kanıtıdır.

Ortaçağ Azerbaycan'ında da sözlükçülük geleneği yaygınlaşmış ve henüz 13. yüzyılda bir çok değerli örnekleri ortaya çıkmıştır. Bu dönemin ilk Farsça-Türkçe sözlüklerinden olan ve XIII.y.y.-da yaşamış *Hüsametdin Hoyi*'nin «*Töhfe-i Hüsam*» adlı eseri genellikle öğrenciler için düzenlenmiştir. «*Töhfe-i Hüsam*» manzum sözlüktür ve hacim olarak küçüktür. XIII.–XIV. y.y.-da yaşamış *Hinduşah Nahçıvani*'nin «*Es-Sihahu'l-Ecemiyye*» adlı sözlüğü ise hacim olarak daha kapsamlıdır ve düzyazı şeklinde kaleme alınmıştır. Beş binden çok (5117) Farsça kelime ve onların karşılığı olarak yaklaşık on bine yakın (10.000) Türk kökenli kelimeyi kapsayan sözlük Arap alfabesine göre düzenlenmiştir ve 20 babdandır. Farsça-Türkçe klasik sözlük örneği olan «*Es-Sihahu'l-Ecemiyye*» Türkçe'de kelime üretimini araştırmak açısından değerli dil kaynağıdır. Eserle ilgili yürütülen incelemeler *Hinduşah Nahçıvani*'nin kendisinin morfolojik ve sözdizimsel yöntemlerle bir dizin sözcük oluşturduğunu ve Türkçe'nin kelime hazinesinin zenginleşmesine hizmet etmiş olduğunu göstermektedir. Yeni bir kavramı karşılamak için morfolojik yöntemle kelime türetiminde en çok *-ci*, *-lı*, *-lık*, *-ıcı* ve *-iş* eklerinin kullanıldığını görmek mümkündür. Bir grup birleşik kelimenin sözlükte basit kelimelerle *-ıcı*, *-lı* ve *-acak* ekli sözcüklerin bir araya gelmesi yoluyla oluşumu dikkatçekiçi hususlar arasındadır. Sözlükde çağdaş Türkçemiz için arkaik nitelik arz eden birtakım eski Türkçe kelimeler de kullanılmıştır.

Ortaçağ, genellikle 13.–14. y.y. Farsça-Türkçe Sözlükler Türkçemizde kelime türetimini tarihi gelişim sürecini ve aşamalarını, aynı zamanda Türkçenin zenginleştirme yollarını tetkik etmek bakımından değerli dil tarihi olguları içermektedir.

Anahtar kelimeler: Türkçe, Azerbaycan, Sözlük, Ortaçağ, Farsça, Morfolojik

Lexicography as very large and comprehensive field of linguistics contains the oldest and richest layer of Turkish. Being the basic work of Turkish lexicography the book «*Divanu-Lugati t-Türk*» written by Kashgarlı Mahmud is the best and most important fact.

In medieval Azerbaijan the tradition of lexicography was widespread and several valuable samples emerged. Being the first Persian-Turkish dictionary «*Tohfe-yi-Husam*», the work of Husamettin Hoyi who lived in XIII century was prepared generally for students. «*Tohfe-yi-Husam*» is a verse dictionary and not large in volume. *Hindushah Nakhchivani's* dictionary named as «*Es-Sihahul-Ajemiyye*» is more extensive in volume and was written with plain writing. Containing 5117 Persian words and their translations, there were approximately 10.000 words of Turkish origin. The dictionary was prepared according to the Arabian alphabet and consisted of 20 babs. Being classic dictionary sample «*Es-Sihahul-Ajemiyye*» is very valuable historical source for investigating the word derivation in different contexts in the Turkish language. The researches on the mentioned work confirm that *Hindushah Nakhchivani* created a group of words himself with morphological and syntactical methods and served to enrich Turkish vocabulary. With morphological methods he created new words mostly with the help of such suffixes as *-ci, -li, lik, ıcı, and -ış*. Creating a group of composed words by the simple words merging to the derivative words with the suffixes *-ci, -li* and *-acaq* is among the issues caused great interest. Several Turkish archaic words for modern Turkish were also used in that dictionary.

Generally, Persian-Turkish dictionaries include valuable historical linguistic facts for analyzing the word derivation history in Turkish meanwhile they are very important from the point of investigating the enrichment ways of the Turkish language.

Keywords: Turkish, Azerbaijani, Dictionary, Persian, Morphological

Dilbilimin başlıca alanlarından biri olan sözlükçülüğün Azerbaycan'da eski tarihi ve zengin gelenekleri vardır. Sözlükler her bir halkın yaşam tarzının, gelenek ve göreneklerinin, dilin söz hazinesinin tarihi açıdan incelenmesi açısından büyük önem taşıyor. Sözlükçülük geniş ve kapsamlı bir dilbilim alanı olarak Türkçenin en eski ve zengin kelime katını ihtiva etmektedir. Klasik Azerbaycan türkçesi edebi metinleri Ortaçağ'ın taleplerince Müslüman Doğu'da genel olarak üç dilde: Arapça, Farsça, Türkçe yazıldığı gibi, Ortaçağ Azerbaycan sözlükleri de bu üç dili kapsamış, bu dillerin özelliklerini kendisinde içermiştir.

Mevcut kaynaklara göre Azerbaycan sözlükçülüğünün ilk örneği gibi ünlü Azerbaycan şairi, Farsça mükemmel «*Divan*» sahibi olan Katran Tebrizi'nin (1012–1091) 1046 yılında kaleme aldığı «*Tefâsîr*» («*Izahlar*») eseri kabul edilebilir. Fars dilinin ilk izahlı sözlüğü olan bu kitapta Katran Tebrizi yaklaşık üç yüz eski ve zor anlaşılabilir fars kökenli kelimenin anlamlarını sunmuştur. Kelimelerin ilk ve son harfine göre hazırlanmış en eski Azerbaycan sözlüğü olan «*Tefâsîr*» kısmen öğrenilse de, yayınlanmamıştır. Bunun da başlıca nedeni eserin yazmalarının günümüze kadar ulaşmamasıdır. Fakat sonraki yüzyıllara ait birçok fars sözlüklerinde «*Tefâsîr*»den örnekler yer verilmiştir ki, bu da onun bir zamanlar mevcut olmasını kanıtlıyor.

XI yüzyılda Esedi Tusi Nahçıvan'da «*Luğat-name*» («*Sözlük*») veya «*Sihahü'l-Furs*» («*Fars dilinin düzgün sözlüğü*») adlı bir sözlük hazırlamıştır. Katran Tebrizi'nin «*Tefâsîr*»i gibi fars dilinin izahlı sözlüğü sayılan bu kitapta bin yedi yüz fars kökenli kelimenin izahı verilmiştir. Bu kelimeler arasında Katran Tebrizi'nin kitabında izahı verilen leksik birimler de yer almıştır ki, bu faktör de yazarın «*Tefâsîr*»den esinlendiğinin kanıtıdır. Esedi Tusi Sözlüğü'nün eski bir nüshası günümüze kadar ulaşmış ve Tahran'da yayınlanmıştır. İster Katran Tebrizi'nin, isterse Esedi Tusi'nin sözlüklerinde X yüzyılın sonlarında yaşamış Türk asıllı büyük leksikograf İsmail Cevheri'nin «*Sihah*» («*Arap dilinin izahlı sözlüğü*») eserinin etkisi duyulmaktadır. Türkoloji bayraktarı Mahmut Kaşgarlı da Katran Tebrizi ve Esedi Tusi'nin çağdaşı olmuş ve kendisinin meşhur «*Divanü Lügati t-Türk*» eserini kaleme almıştır. Bu olgular XI yüzyılda Müslüman Doğu'da sözlükçülüğe hangi boyutta önem verildiğini ortaya koymaktadır.

M. Kaşgarlı'nın eşsiz dil yapıtı olan bu eseri Sovyetler Birliği döneminde Azerbaycan Türkçesi'ne tercüme olursa da, yayınlanmamış ve bu nedenle ülkemizde uzun süre sözlüğün Besim Atalay tarafından Türkçeye yapılmış çevirisi kullanılmıştır. 2006 yılında M. Kaşgarlı'nın adı geçen eseri Ramiz Asker'in tercümesinde Bakü'de yayınlanmıştır [Kaşgarlı 2006].

Azerbaycan yazarlarının kaleminden çıkmış olan klasik sözlüklerden biri dönemin ünlü bilgini gibi tanınan Hübeş Tiflisi'nin (v. 1203) 1153 yılında tamamladığı «*Kanunü'l-edeb*» adlı eseridir. Arapça-Farsça sözlük olan «*Kanunü'l-edeb*» kitabında yazar 48 kaynaktan faydalanmıştır ki, bunların arasında Türk asıllı filozof ve bilim adamı Carullah Zemahşeri'nin (1074–1143) Arapça yazdığı «*Mükaddimatü'l-edeb*» eseri özellikle dikkat çekiyor. Katran Tebrizi'nin sözlüğünden farklı olarak Tiflisi'nin bu sözlüğünün birçok yazmaları mevcuttur ki, bunlardan da en eskisi yazarın sağlığında hazırlanmış 1153 tarihli değerli bir nüshadır (İstanbul Süleymaniye Kütüphanesi, Mehmet Hafız Efendi, N. 434). Tiflisi'nin «*Kanunü'l-edeb*» eserini Osmanlı yazarı

Sadeddin Müstakimzade h. 1182 / m. 1769 yılında «*El-lügat selasat*» ismiyle Türkçeye tercüme etmiştir.

Önceki yüzyıllardan farklı olarak XIII. yüzyıldan itibaren Azerbaycan'da Türk kelimelerinin kapsayan sözlükler de ortaya çıkıyor. Bu türden ilk sözlük aslen Güney Azerbaycan'ın Hoy şehrinde olan ve hayatının büyük kısmını Osmanlı topraklarında, daha doğrusu, Kastamonu'da Çobanoğulları Beyliği Sarayı'nda geçirmiş Hüsametdin Hasan bin Abdülmömin Hoyi'nin «*Töhfe-i Hüsam*» adlı eseridir. Ünlü Türk bilgini Zeki Velidi Toğanın yazdığı gibi, Hüsametdin Hoyi Arapça ve Farsça fesih (beliğ) divan dilini ve her ikisinin edebiyatını mükemmel bilmiş ve Selçuklular ve İlhanlılar döneminde Anadolu'da gelişen İslam kültürünü Kastamonu'da layıkıyla temsil etmiştir. Hoyi'nin «*Töhfe-i Hüsam*» eseri Azerbaycan sözlükçülüğü tarihinde nazımla kaleme alınmış ilk Farsça-Türkçe sözlük olarak kabul edilir [Alesgerova, Sadıqova 1996: 20]. Ortadoğu'da ilk manzum sözlük Abu Nasr Ferahi'nin 1220 yılında tamamladığı «*Nisabü's-sıbyan*» («*Çocuklar için malzeme*») isimli kitabıdır [Alesgerova, Sadıqova 1996: 14–15]. Arapça-Farsça bu manzum sözlük yazıldığı dönemden Ortadoğu'da geniş yaygınlaşmış ve ona çok nazireler yazılmıştır. Hüsametdin Hoyi de çağdaşı Ebû Nasr Ferahi'nin sözlüğüne nazire olarak «*Nasibü'l-fıtyan*» («*Gençlerin payı*») isimli Arapça-Farsça bir manzum sözlük hazırladı. Hüsametdin Hoyi'nin «*Töhfe-i Hüsam*» eserine gelince, önce kaydedelim ki, eser sadece Azerbaycan'da değil, genel olarak Ortadoğu'da ilk manzum Farsça-Türkçe sözlüktür [Alesgerova, Sadıqova 1996: 20]. 20 babdan oluşan bu değerli sözlükteki beyitlerin sayısı çeşitlidir: en az 6 beyt, en fazla 32 beyt. Beyitlerin toplam sayısı 302 civarındadır. Sözlük aşağıdaki beytlerle başlıyor:

*Hoda – Tanrı, tevanger menisi bay,
İşe buyrukedici – karfermay.
Setare – yıldız – o horşid – güneş,
Zemin – yer, asiman – göğ, mahdur ay.
Teber – balta, kılıc – şemşir-o-tir – ok,
Seper – kalkan, kemin – busu, keman – yay.
Şoş – öyken, korde – böyrek (böbrek), dest eldür,
Zeban – dil, del – könül, ser – baş, ayak – pay.*

Örnekten de görüldüğü gibi, Hüsametdin Hoyi basit bir şiir dili ile genel olarak Farsça sözcükleri kaydetmiş, sonra ise onların Türkçe karşılıklarını vermiştir. Lüğatin nazımla olmasına gelince, bu, yazarın soydaşlarına, özellikle de çocuklara ve gençlere kolay bir yolla fars dilini öğretmeği amaçlamasından kaynaklanmaktadır.

Diğer eski manzum sözlüklerde olduğu gibi, Hüsametdin Hoyi'nin adı geçen eserinde de alfabe sıralaması gözlenmiş olduğunu belirtelim. Sözlükte yer alan Türkçe kelimelere gelince, onların büyük kısmı fiillerden oluşsa da, isim, sıfat, say ve zamirlere ait örnekler de mevcuttur. Sözlükteki Türkçe kelimeler sırasında insan ve sıhri anlamlı sözcükler, çeşitli eşya isimleri, flora ve fauna alemine ait sözcüksel birimler daha fazladır. Sözlükte yer alan bir çok sözcükler çağdaş Azerbaycan dili açısından arkaik özellik arz ediyor. Örneğin: *ayıtmaq* (söylemek), *alp* (yiğit), *ısırik* (ısırmak), *otaçi* (doktor), *sin* (kabir), *tutuq* (perde), *uçmak* (cennet) vb. Sözlükte kelimelerle yanı sıra, bir çok deyim ve basit cümlelerin kullanılması da dikkat çekiyor. Hüsametdin Hoyi adı geçen değerli sözlüğünde gerek Fars, gerekse Azerbaycan Türkçesine mahsus bazı atasözleri de kullanmıştır. Örneğin: *Her ke cuyed yabed – İsteğen bula; Her ke ba qol setized, ağebet beçined har – Kim güle irişürse, sonucu diken deredi.*

Hüsametdin Hoyi aynı zamanda Ortadoğu'da yaygın olan Münşeat (inşa, mektuplar) türüne ait Farsça ve Arapça iki eser de yazmıştır. Kaynaklarda Hoyi'nin Farsça divan sahibi olmasına dair bilgiler verilmesine rağmen, yazarın bu eseri günümüze kadar ulaşmamıştır. Hoyi'nin elde olan Farsça şiirleri sadece birkaç kaside ve rübaiden oluşmaktadır.

Hüsametdin Hoyi'nin esas eseri olan «*Töhfe-i Hüsam*» sözlüğü Ortaçağ'da büyük ün kazanmış ve ona atıfta bulunarak birkaç sözlükçe de yazılmıştır. Bu sözlükçelerden en ünlüsü Osmanlı şairi ve alimi İbrahim ibn Hodaydad Şahidi Movlevi'nin 1514 yılında yazdığı «*Töhfe-i Şahidi*» isimli Türkçe-Farsça manzum sözlüğüdür. Şahidi Sözlüğü'nün önsözünde bu kitabın «*Töhfe-i Hüsam*» a yazılmış bir nazire olduğunu şöyle dile getiriyor:

*Okudum evvela Töhfe Hüsamı
Müetter oldı anınla can meşamı.
Huda şad eyleye ruhun Hüsam'ın
Verə cennette alasin mekamin
Getürdi nazme bunca dürri-meknun
Selis – o şuh, rengamiz – o mouzun*

*Cehanda yakdı bir şemi-münevver
Ki sönmez haşredeki nefin görenler
Dilerdim ki yazam bir hoşca name
Nazire ola ol Töhfe Hüsame.*

Hüsametdin Hoyi'ye büyük saygı duyan Şahidi bu nedenle kendi oğluna Hüsametdin ismini koymuştur. Şahidi'nin oğlu Hüsametdin Şahidzade de «*Töhfe-i Hüsami*» isimli küçük hacimli Farsça-Türkçe bir manzum sözlük hazırlamıştır. Bu sözlükte dilbilgisi kurallarının izahına daha fazla yer ayrılmış olduğunu da belirtmek isterim.

«*Töhfe-i Şahidi*» lügatinden verdiğimiz örneklerle ilgili olarak şunu da ifade edelim ki, Şahidi'nin bu mısraları o dönemin gerek Osmanlı okuru, gerekse de Azerbaycan okuru için aynı boyutta anlaşılabilir bir dille kaleme alınmıştır. Nitekim, Yunus Emre'nin, Kadı Burhaneddin'in, İmadeddin Nesimi'nin, Muhammed Fuzuli'nin ve diğer söz ustalarının dili çağdaş Türk okuru ve araştırmacıları için aynı düzeyde anlaşılabilir ve sevilendir. Ünlü Türk bilgini Agah Sırrı Levend bu konuya dikkat ederek ortaçağda Türkiye ve Azerbaycan türkçeleri arasında ciddi bir fark olmadığını vurguluyor [Levend 1988: 93]. Bu iki dil arasında yakınlık XIX yüzyılın sonu ve yirminci yüzyılın başlarında yeniden güçlü bir şekilde devam ettiğini belirtmek gerekir. Örneğin, o dönemin Azerbaycan okuru ve aydınları Namık Kemal'in, Rıza Tevfik'in, Tevfik Fikret'in ve diğerlerinin eserlerini kendi şair ve yazarları sanmış ve onları kolaylıkla okuyup severek etkilendikleri gibi, Türkiye aydınları da Azerbaycan'da yayınlanan «*Füyuzat*» ve «*Molla Nasreddin*» dergilerini, Azerbaycan şair ve yazarlarından Ali Bey Hüseyinzade'nin, Hüseyin Cavit'in, Muhammed Hadi'nin ve diğerlerinin eserlerine büyük saygı ve sevgi göstermişler.

XIII–XIV yüzyıllarda yaşamış Hinduşah bin Sencer Nahçıvani'nin yaklaşık 1280–1300 yılları arasında kaleme aldığı «*Es-sihah-el Ecemiye*» («*Farsçanın düzgün sözlüğü*») adlı değerli eseri klasik Azerbaycan sözlükleri sırasında özel bir mevkiye sahiptir.

Hinduşah Nahçıvani bu sözlüğünde Fars dilbilimi tarihinde ilk kez Farsçanın morfolojik kurallarının, özellikle de fiil konusunun bilimsel bir şekilde izahını da vermiştir. Sözlüğün bu bölümü Arapçadır. Sözlük genel olarak, üç bölümden oluşmaktadır:

1. *Arapça mukaddime;*
2. *Farsca-türkçe lügat;*
3. *Fars dilinin grameri (arapça).*

Türk leksikografi tarihinin araştırılmasında, Fars ve Türk dillerinin söz varlığının XIII–XIV yüzyıllardaki genel manzarasının öğrenilmesinde bu eser eşsiz bir dil tarihi kaynağıdır. «*Es-sihah-el Ecemiye*» hakkında şimdiye kadar çeşitli makaleler yazılmış [İbn Mühenna 2008; Alesgerova, Sadıqova 1996; Nahçıvani 1993; Memmedova 1972] ve sözlüğün metni ilk kez kusurlu bir elyazması temelinde Azerbaycan alimi Gulamhüseyin Begdeli tarafından 1983 yılında Tahran'da yayınlanmıştır [Kahramanov 1976]. Azerbaycan alimlerinden Cemile Sadıkova ve Teyyibe Alesgerova ise 1993 yılında «*Es-sihah-el Ecemiye*»nin üç eski yazma nüshası esasında ilmi tenkitli metnini yayına hazırlamışlar [Hacıyev 2015]. Bu mükemmel yayında yazarların Hinduşah Nahçıvani ve yaşamı, bilimsel-sanatsal faaliyeti hakkında kapsamlı ve değerli bilgileri içeren giriş makalesi de yer almıştır.

Farsça-Türkçe nesirle yazılmış ilk sözlük sayılan «*Es-sihah-el Ecemiye*» eserinde kelimelelerin toplam sayısı beş binden fazladır ki, onların sırasında Türkçe kelimelerin sayısı daha çoktur. 1280–1300 yılları arasında düzenlenmiş bu değerli sözlüğün en başlıca özelliklerinden biri burada Arapça olan gramer bilgilerinde farsçanın morfolojik kurallarının, özellikle de fiillerin kapsamlı bir biçimde ve ilmi şekilde açıklanmasıdır.

Hinduşah Nahçıvani fars kökenli kelimeleri isimler ve fiillere ayırarak onların temel özelliklerini anlatmıştır. 21 bab ve 393 bölümden oluşan eserde Farsça kelimeler son harfler üzere alfabe sıralaması ile düzenlenmiştir.

Hinduşah Nahçıvani'nin «*Es-sihah-el Ecemiye*» sözlüğü iki açıdan özellikle büyük önem taşımaktadır. Birincisi, eser Ortadoğu'da, genel sözlükçülük tarihi ve geleneklerinin, klasik sözlükler hazırlama ilkelerinin öğrenilmesi açısından eşsiz, değerli kaynaktır. İkincisi H. Nahçıvani'nin bu sözlüğü gerek fars leksikolojisinin, gerekse de Azerbaycan-Türk leksikolojisinin tarihi açıdan incelenmesi yönünden değerli bilgileri içeren önemli bir eserdir. Yani burada hem modern Farsça, hem de çağdaş Azerbaycan türkçesi için arkaik özellik arzeden bazı kelimeler, aynı zamanda dönemin etnografi manzarasını kendisinde yansıtan bir dizin leksik birimler yer almıştır. Sözlükteki çağdaş Azerbaycan türkçesi için arkaik özellik taşıyan sözler sırasında: *ağ (tor)*, *ay ağılı (ayın dairesel şekli)*, *demren (ok ucu)*, *ekşi, (ekşi)*, *ekşimek (asit)*, *gedik (noksan, travma, delik)*, *evmek (acele)*, *ırlayıcı (sanatçı, hanende)*, *ısırtık (ısırtmak)*, *kırğıl (orta yaşlı erkek)*, *süci (şarap)*, *toğancı (kuş avcısı)*, *üre (disiplin)*, *ulaşmak (ulaşmak, varmak)*, *üyez (sinek)*, *yelmek*

(*acele*), *yıldır* (*ışıldı*) vb. belirtebiliriz. Bu kelimelerin çoğu ortaçağa ait Azerbaycan Türk yazılı metinlerinin dili için de aktif sözcük birimleridir.

Sözlükte geçen etnografi karakterli ve halk dilinden gelen bir kelime de dikkat çekiyor. Örneğin, H. Nahçıvani Farsça olan «*abesten*» (hamile) kelimesinin Türkçe karşılığını «yükülü» olarak belirtmiştir. Bilindiği üzere bu sözcük şimdi de Azerbaycan'da halk konuşma dilinde aynı anlamda kullanılmaktadır. Etnografi özellik taşıyan sözcükler sırasında «*şane*» (tarak) kelimesinin karşılığı olan «*denge*», eski Fars sözcüğü olan «*sor*» (ayakkabı) leksemnin Türkçeye tercümesinin «*iple kıldan olan pabuç*» gibi verilmesini belirtebiliriz. Bu örnekler XIV. yüzyıl Azerbaycan Türkçesi nesir dilinin, özellikle de ilmi üslubiyatının incelenmesi açısından da önemlidir. Şunu da belirtelim ki, birinci örnekte verilen karmaşık yapıli fars kelimesi arkaik özellik taşımaktadır: ona çağdaş fars dilinin izahlı sözlüklerinde rastlamıyoruz. Yeri gelmişken şunu da belirtelim ki, sözlükteki bu türden olan açıklamalar H. Nahçıvani'nin eserinde izahlı sözlüklere ait özelliklerin de yer aldığı kanıtıyor.

Sözlükte bazı karmaşık yapıli fars kökenli kelimelerin karşılığı olarak onların Türkçe'ye edebi çeviri biçiminde verilmesi makamları dikkati çekiyor. Kanaatimizce, aşağıdaki Türk kökenli kelimeleri H. Nahçıvani farsçadan edebi çeviri şeklinde dilimize çevirerek kendisi oluşturmuş ve ilk kez adı geçen sözlüğünde kullanmıştır: *Barkeş – kamyon; Bedkiş – yaramaz dinli; Çaharpa – dört ayaklu; Dilrüba – gönül Kapıcı; Harkeş – tobrak çekerek; Cameşuy – ton yuyucu; Mordeşuy – ölü yuyucu* vb.

Tüm bu örnekler, gerçekten de, Azerbaycan sözlüçülük tarihi, edebi dil tarihi için ne kadar değerli bir kaynak olduğunu açıkça göstermektedir.

Sözlükte bazı farsça söz birleşimlerinin Türkçeye karşılığı olarak söz birleşimi şeklinde verilmesi makamlarına da rastlıyoruz. Örneğin: *Tir-e keşti – gemi okı, çub-e seti – el ağacı* vb.

Hinduşah Nahçıvani çok nadiren bazı farsça sözcüklerin karşılığını verirken onların ana dilinde mecaz anlamda kullanılan seçeneklerini de vermiştir. Örneğin: *çaplusi (yağcılık) – dilküçilik, çiregi – yüzüzlük* vb. Bu sözlerden birincisi (dilküçlük) günümüzde *tilkilik* şeklinde, *diğeri ise (çiregi) sığlığı, hayazışlık* şekillerinde kullanılıyor.

Hinduşah Nahçıvani'nin sözlüğünde farsça kelimeler isimlere ve fiillere bölünmüş, sonra ise onların Türkçe karşılıkları belirtilmiştir. Farsça kelimeler son harfler üzere dizilerek bablarda ayrılmıştır. Bablardaki sözler de ilk harfler üzere alfabetik sıralamada bölümlere ayrılmıştır. Eser 21 bab ve 393 bölüm üzere tertip edilmiştir. Hinduşah Nahçıvani'nin bu değerli sözlüğü XV–XVI. yüzyıllarda ortaya çıkan bir çok Farsça–Türkçe sözlüklere büyük etkisi göstermiştir. Örneğin: Karahisari «*Şamili'l-luğat*», Hatip Rüstem Mevlevi «*Vesiletü'l-Mekasid*», Nimetullah bin Ahmed Rumi «*Lugat i-Nimetullah*» isimli sözlüklerinde Nahçıvani'nin adı geçen eserinden yeterince yararlanmışlardır.

Hinduşah Nahçıvani'nin Arapça düzenlediği «*Mevaridü'l-Arap*» («*Arapın yeri ve kökü*») antolojisi, Farsça yazdığı «*Tecaribü's-selef*» («*Seleflerinin deneyimleri*») adlı tarihe dair eseri ve Farsça birkaç şiiri de günümüze kadar ulaşmıştır.

Hinduşah Nahçıvani'nin oğlu, ünlü tarihçi Şemseddin Muhammed bin Hinduşah Nahçıvani de sözlüçülükle uğraşarak 727/1317–728/1328 yıllarında «*Sihahü'l-Fürs*» («*Farsçanın düzgün sözlüğü*») isimli sözlük tasarladı. İki bin üç yüz fars kökenli kelimenin yorumu verilmiş bu sözlükte 150 civarında farsdilli şairin eserleri kullanılmıştır ki, onlar sırasında yazarın hmvatanları olan Azerbaycan şairlerinin kaleminden çıkmış şiir örnekleri de vardır. Muhammed Nahçıvani'nin bu değerli sözlüğü 1344/1966 yılında Tahran'da yayınlanmıştır [Memmedova 1976].

XIII. yüzyılın değerli sözlüklerinden biri de Seyyid Ahmed Cemaleddin ibn Mühenna'nın «*Hilyetü'l-insan ve helbetü'l-lisan*» («*İnsanın süsü ve dilin meydanı*») isimli eseridir. Sözlük mevcut geleneğe göre Arapça yazılmasına rağmen, temel araştırma objesi eski Azerbaycan Türkçesi, onun sözlüğü ve gramer özellikleridir. Sözlükte yer alan Türkçe kelime ve deyimlerin ekseri çağdaş Azerbaycan edebi dilinde, şivelerinde kullanılmaktadır. Daha çok «*İbn Mühenna Sözlüğü*» ismiyle tanınan bu değerli kitapta dönemin Türkçesi ile birlikte, yazıldığı çağın kültürü, ilmi, devletçiliği ve insanların günlük hayatı ile ilgili değerli bilgiler de yer almıştır. Sözlük ilk kez 1900 yılında ünlü Rus türkologu Platon Melioranski tarafından «*Arap Filologu Türk dili hakkında*» ismiyle yayımlanmıştır. Melioranski'nin kanaatince anonim yazarın kaleminden çıkmış bu eser XIII. yüzyılın ortalarında Memlükler–Hülaküler zamanında İran'ın Kuzey-Batı semtinde – Güney Azerbaycan'ın Urmiye bölgesinde yazılmıştır. Alim bu görüşünü kitabın (sözlüğün) üç dili: Türkçe'yi, Moğolca'nı ve Farsça'yı kapsamı ile iasbatlıyor. Çünkü o devirde yerel halk ve ordunun belli bir kısmı Türkçe, İlhanlılar Moğolca ve nüfusun büyük bir kısmı da Farsça konuşmuşlar. Sözlüğe büyük değer veren Melioranski yazıyor: «*Burada seslerin paydası hakkında verilen bilgiler bugün Avrupa dilbilimin laboratuvar tecrübesine dayanan teorik araştırmalar kadar mükemmeldir*» [Hacıyev 2015]. Melioranski «*genellikle, XIII–XIV yüzyılların*

Şark ve Türk Dilbilimi XIX yüzyılda Avrupa'da ortaya çıkan tarihi karşılaştırmalı dilbilimden hiç de geri kalmadığını da ekliyor [Hacıyev 2015: 8].

İbn Mühenna sözlüğünü 1934 yılında Türkiye'de (İstanbul'da) yayımlatan Abdullah Battal da bu görüştedir ki, kitaptaki kelimelerin temelinde eski Azerbaycan Türkçesi dayanıyor. Üç bölümden oluşan sözlükte önce Fars, sonra Türk dili ve en sonda Moğol dili ile ilgili değerli bilgiler verilmiştir.

Birinci bölüm Arapça-Farsça sözlükten oluşuyor. Sonraki iki bölüm ise Arapça-Farsça ve Arapça-Moğolca sözlüktür. Bu bölümlerin her biri iki yarım bölümden oluşturulmuştur. Birinci yarım bölümde adı geçen üç dilin fonetik, morfolojik ve leksikoloji özellikleri açıklanmıştır. İkinci yarım bölümde ise bu dillere ait kelimelerin Arapçaya tercümesi verilmiştir.

İbn Mühenna'nın belirttiği üzere o, bu kitabı adı geçen dilleri öğrenmek isteyenlerin isteği üzerine kaleme almıştır. Yazar kitabı yazarken hem halk konuşma dilinden, hem de çeşitli yazılı kaynaklardan faydalandığını da yazıyor.

Sözlükte yer alan Türkçe kelimeler semantik anlamlarına göre 24 bölüme ayrılmıştır. Bu bölümler arasında vücut organ isimleri, hastalıklar ve ilaçlar, yiyecek ve içecekler özellikle büyük ilgi çekmektedir.

Sözlüğün farklı yazma nüshalarında yer alan kelimelerin toplam sayısı 1700–1920 civarındadır.

İbn Mühenna'nın bu değerli sözlüğünü 2008 yılında ünlü Azerbaycan bilim adamı, türko-log Tevfik Hacıyev Azerbaycan diline tercüme etmiş ve yayına hazırlamıştır. Mütercim sözlüğün Azerbaycan Türkçesine tercümesinde P. Melioranski'nin yayına hazırladığı kitabı esas almakla birlikte, A. Battalın neşrinden de faydalanmıştır. Bu sözlüğün Azerbaycan diline mealindeki Türkçe kelimelerin toplam sayısı 2839 civarındadır.

Ünlü bilim adamı Nihat Sami Banarlı «*Resimli Türk Edebiyatı Tarihi*» kitabında tüm Türk dünyasının büyük şairi Fuzuli hakkındaki bilgilerinde ona atfedilen Farsça-Türkçe bir menzum sözlüğünden de bahsediyor. Banarlı'nın yazdığına göre, Fuzuli'nin bu manzum sözlüğü Pakistan'ın Lahor kentindeki Pencap Üniversitesi kütüphanesindeki yazma koleksiyonunda yer almıştır. Banarlı türk alimi Fahir İz'e istinaden Fuzuli'nin manzum sözlüğünden bu beyitleri örnek olarak vermiştir:

*Yer-zemin, gög-asiman, gün-aftab-o ay-mah,
Ruz-gündüz, gece-şeb, yıldız-sitare, söz-sohen
Yetar-miresed dan, yoldın-ze rah
Gediş-reften est o geliş-ameden
Yüregim yandı geminden-suht ğelbem ez ğemet
Sormadun halum-neporsidi bedan hal-e mera.*

Görüldüğü gibi, bu örnekteki ilk beyitler Hüsamettin Hoyi'nin «*Töhfe-i Hüsam*» sözlüğünde biraz farklı şekilde yer almıştır. Burada dikkat çekici daha bir nokta örnekteki son beytin Fuzuli'nin bu mısraları ile eşleşmesidir.

*Perişan halın oldum, sormadın hal-i perişanım,
Qeminden derde düşdüm, qılmadın tedbir-i dermanım.*

Bununla birlikte, adı geçen sözlüğün Fuzuli kaleminden çıkması hakkında kesin bir fikre gelmek için ayrıca bir bilimsel araştırmaya ihtiyaç olduğunu düşünüyorum.

Adını çektiğimiz görkemli Azerbaycan alimi Hübeş Tiflisi'nin Rüya yorumları hakkında yazdığı «*Kamilü't-tabir*» eserini 1548 yılında Türkçeye çeviren Hızır bin Abdulhadi Bevacici'nin «*Kevamilü't-tabir*» isimli tercümesi de bir bakımdan Arapça-Türkçe-Farsça sözlük gibi değerlendirilebilir. Öyle ki, Bevacici'nin çevirisinde 1780 civarında Türk kökenli kelimenin Arapça ve Farsça karşılıkları da verilmiştir.

XVII. yüzyılda Azerbaycan dilbilimcileri bir dizi sözlükler tertip etmişlerdir ki, onlar sırasında Muhammed Hüseyin bin Halef Burhan Tebrizi'nin 1651 yılında tamamladığı «*Bürhan-ı Katı*» («*Kesin kanıt*») isimli muhteşem sözlüğü özellikle önemli dil tarihi kaynaklarındandır. Farsça Açıklamalı sözlük olan bu değerli kitap iki açıdan önceki sözlüklerden: Birincisi, o, hacmi önceki sözlüklerle karşılaştırıldığında en büyüktür. Yani burada 20.000 civarında kelime yer almış, aynı zamanda onların hangi dile mensubluğu da gösterilmiştir. İkincisi, sözlükte alfabenin her bir harfine ayrıca bir bölüm ayrılmıştır ki, onların sayısı Arap alfabesindeki harflerin sayısı kadardır, yani 28'e beraberdir. Muhammed Tebrizi sözlükte 28 bölümden sonra ek bir bölüm yazarak, burada sözlüğü düzenlenirken unuttuğu sözcükleri kaydetmiştir.

«*Bürhan-ı Katı*» sözlüğü yazıldığı zamandan itibaren Yakın ve Orta Doğu'da büyük ün kazanmış ve sonraki dönemlerde ortaya çıkan bu tür sözlükler için başlıca kaynak rolünü oynamıştır. Çağdaş İran sözlüklerinde de en çok başvurulan kaynak Muhammed Tebrizi'nin

bu kitabıdır. Sözlük Osmanlı Türkiye'sinde de büyük ilgiyle karşılanmış ve 1797 yılında ünlü mütercim Asım Efendi tarafından Osmanlı Türkçesine çevrilmiştir. Asım Efendi bu çeviri üzerinde 6 sene çalışmış ve Türkçe metne eklemeler de yapmıştır. Bu değerli tercüme 1799, 1835 ve 1870 yıllarında İstanbul'da yayınlanmıştır. Muhammed Tebrizi'nin «*Bürhan ı-Katı*» kitabı birkaç kez yayınlanmıştır ki, onların sırasında ünlü İran alimi Muhammed Müinin hazırladığı beş ciltlik Tahran baskısı (1963) özellikle büyük önem taşıyor. Alim bu yayına kendisinin değerli kayıtlarını da eklemiştir.

«*Bürhan-ı Katı*» sözlüğünde birçok tarihi kimlik ve yer adlarının yorumlarını da belirtmiştir ki, aralarında Türk kökenli kelimeler de vardır. Muhammed Tebrizi, genellikle, fars dilinde kullanılan Türk kökenli sözleri ayrıca kutluyor.

Böylece, Ortaçağ Azerbaycan sözlükleri hakkındaki bu küçük adı geçen dönemde Azerbaycan'da sözlükçülük geleneğinin geniş yayıldığını, büyük bir tarihi yol geçerek geliştiğini açık bir şekilde kanıtlamaktadır.

KAYNAKÇA:

- Hacıyev, Tofik. *Dilçiliyimiz ve Dilçilik institutumuz*. Türkologiya. 2015. № 3.
- İbn Mühenna, Seyid Ahmed Cemaləddin. (2008). Hilyetü'l-insan ve helbetü'l-lisan. (Tercüme, yayına hazırlayan, kayd ve şerhlerin müellifi: Tofiq Hacıyev). Bakı, BSU Yayınları.
- Alesgerova, T., Sadiqova C. Hüsameddin Hoyi «Töhfe-yi-Hüsam». Bakı, İrşad Yayınları, 1996.
- Nahçıvani, Hinduşah. Es-Sihah-el Ecemiyye, (Giriş, elmi-tenkitli metin, ilave, sözlük dr. C.A. Sadiqova və T.A. Alesgerova). Bakı, Şerq-Qerb Yayınları, 1993.
- Memmedova, M. *Katran Tebrizi'nin «Tefasir» adlı eseri // Elyazmalar hazinesinde*. 1972. № 3. S. 63–72.
- Memmedova, M. *XIII–XIV asırlarda yaşamış azerbaycanlı leksikograflar // Elyazmalar hazinesinde*. 1976. № 4. S. 94–110.
- Kahramanov, C. *Hinduşah Naxçıvani'nin «Sihah el-Ecem» lüğətindən fragmentler / Elyazmalar hazinesinde*. 1976. № 3. S. 121–140.
- Kaşğarlı, Mahmud. *Divanü lüğat it-Türk*. (Azerbaycan diline tercümə eden: Ramiz Asker), 4 cildde, Bakı: Ozan Yayinevi, 2006.
- Levend, A.S. *Türk Edebiyatı Tarihi*. I cilt, 2 baskı. İstanbul, 1988.
- Sihah-ol-ecem. *Be-ehthemam-e Golamhoseyn Begdeli*. Merkez-e neşr-e Daneşqahi. Tahran, 1361.
- Zerinezade, H. «*Sihah-el Ecem*» ve «*Siyah-el-Fürs*»ün *mükayesesi* / İran filologiya meseleleri. Bakü, 1973. II cilt.

ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНДА МЕДИЦИНА ЛЕКСИКАСЫНЫҢ КУЛЛАНЫЛЫШ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

А.Р. Назырова, Г.Н. Мөхәрләмова

В татарской литературе отдельное место занимают произведения, которые посвящены жизнеописанию врачей или явлений, связанных с областью медицины. При повествовании о рабочих буднях докторов, описании того иного заболевания, состояния больного, врачебных действий при осмотре, медицинских операций, то есть при создании производственной картины писателями в текст произведения вводится определенная медицинская лексика, которая представлена медицинскими терминами, понятиями, названиями медицинских явлений. В статье они рассматриваются с точки зрения сферы использования, функциональности и художественной стилистики.

Ключевые слова: медицинская лексика, медицинские термины, терминология, околомедицинская лексика, литературное произведение, стилистика.

In Tatar literature, a particular place is occupied by works that are dedicated to the biography of doctors or phenomena related to the area of medicine. When narrating about the working days of doctors, describing a particular disease, patient's condition, medical actions during examination, medical operations, that is, when creating a production picture by writers, certain medical vocabulary is introduced into the text of the work, which is represented by medical terms, concepts, and names of phenomena. In the article they are considered from the point of view of the scope of use, functionality and artistic style.

Keywords: medical vocabulary, medical terms, terminology, literary works, stylistics.

Татар әдәбиятында аерым урынны табиблар тормышы турында сөйләгән яки медицина өлкәсенә кагылышлы күренешләр кәргән әсәрләр алып тора. Хастаханә хәлләрен, анда эшләүче табиблар язмышы турында бәян иткән Г. Әпсәләмовның «Ак чәчәкләр» романында медицина хезмәткәрләренең фидакарь хезмәте, авыруларның сәламәтләнүе өчен бар көчләрен куеп, күнелләрен күреп ярдәм итәргә тырышулары, шулай ук бу һөнәр

ияләрнең яшәү рәвешләре, үзара мөнәсәбәтләре, шәхси кичерешләре тасвирлана. Танылган язучы М. Маликованың «Шәфкать» исемле романы да табиблар тормышына багышлап язылган. Шулай ук Э. Шәрифуллинаның «Жанлыдан жан яралгач» исемле повестенда медицина белән бәйле тематика өстенлек итеп, әсәрнең күп өлешен бала тудыру йортында булган вакыйгалар тәшкил итә. Ф. Яруллин да «Жилкәннәр жилдә сынала» автобиографик әсәрендә авыруына бәйле үзенең кичерешләрен, күргән-белгәннәрен укучы белән уртаклаша.

Алда әйтәп үтелгән әсәрләрдә, темасына бәйле рәвештә, медицина өлкәсенә караган төшенчәләр, терминнар, күренеш һәм атамалар урын алган. Язучылар медицина лексикасын ни рәвешле кулланганнар, кайсы төр терминнарга өстенлек биргәннәр – тикшеренүебезнең максаты да шул проблеманы күзәтү.

Әдәби әсәрләрдә медицина терминнары һәм әлеге өлкәгә караган атамалар нигездә табибларның эш көннәре һәм тормышларынын аерым күренешләренә тасвирлаганда, авыруларны дөвалау барышында табиб хәрәкәтләрен, операцияләрен сурәтлөгәндә кулланылалар. Алар әдәби геройларның сөйләмәндә дә еш күз күзәтелә.

Әйтәргә кирәк, бүгенге көндә татар телендә медицина терминологиясе чагыштырмача өйрәнелгән, тикшерелгән өлкә. Галимә Р. Шәмсетдинова билгеләве бунча, «Татар медицина терминологиясен бүгенге көндә инде формалашкан диеп санарга мөмкин, шул ук вакытта дәрәслек һәм төгәллек күзлегеннән чыгып караганда, биредә күпмәгънәле терминнарның һәм термин элементларының, параллель конструкцияләренә яшәве, синонимлык, вариативлык кебек күренешләрен, күләмле термин-тасвирламаларның булуы, төгәл булмаган һәм хәтта ялган, хаталы терминнарның барлыгы күзәтелә, медицинаның яңа өлкәләрендәге терминологиянең эшләнмәве, бер үк терминның төрле тәржемәләре булуы да билгеле бер төгәлсезлекләр тууга китерә» [Шамсутдинова 2001: 3–4]. Шулай итеп, медицина өлкәсенә караган тел берәмлекләренә атамаларындагы күптөрлелек, кайбер медицина терминнарының кагълаулы конструкцияләре, аларның күләменә бәйле мәсьәләләр жентекле тикшерү таләп итә. Моннан тыш, медицина өлкәсенә караган лексиканың матур әдәбиятта, аерым алганда татар әдәбиятында, функциональ, стилистик яктан кулланылышы тиешле дәрәжәдә өйрәнелмәгәнлеген дә истә тотарга кирәк.

Билгеле булганча, татар телендә медицина терминнары мәсьәләсен килгәндә, аларның татар теленең үз сүзләре нигезендә ясалганнары да, рус теленнән, рус теле аша чит телләрдән кергәннәренә дә актив кулланылуы күзәтелә. Шул ук вакытта анализланган әсәрләрдә урын алган медицина терминнарының күпчелеген татар теленә рус теле аша кергән интернациональ сүзләр тәшкил итә. Биредә искәртеп үтәргә кирәк, медицина терминнары татар теленә күпләп революциядән соңгы чорда керә башлый: «1917 елгы революция, 1920 елда Татарстан Автономияле Республика төзелү тормышта шактый үзгәрешләргә китерә, бу үзгәрешләр медицинада да чагылыш таба: шәхси хастаханәләр, шифаханәләр, даруханәләр тулысынча дөүләт карамагына күчерелә. Республикабызда медицина фәненең үсеше, урта һәм югары медицина белеме бирүче уку йортлары ачылу, анда югары, урта белемле медицина хезмәткәрләре әзерләү медицина бунча татар телендә дәрәслекләр, белешмәләр, сүзлекләр, махсус фәнни әдәбият язу, чыгаруны, ә бу, үз чиратында, медицина терминнарын эшләү, эшкәртү мәсьәләләрен көн тәртибенә бастыра» [Шамсутдинова 2004: 344–345].

Әсәрләрдә медицинаның төрле өлкәләренә һәм бүлекләренә карый торган гомум-медицина терминнарына урын бирелә: *диагноз, диагностика, операция, клиника, больница, шприц, укол, температура* [Әпсәләмов 1989]; *обход, авыру, дөва, халат, кан юлына тамызып торучы система, яра, жөй, микроб* һ.б. [Шәрифуллина 20]; *больница, авыру, авырту, операция, яра, укол, пульс, больница палатасы, халат, инфекция, авыру тарихы, диагноз, чир* һ.б. [Яруллин 1994]; *кабул итү, клиника, операция, яра, хаста, дөвалау тәртибе* һ.б. [Маликова 2007]. Шул ук вакытта тар специализация, ягъни «Ак чәчәкләрдә» йөрәк авырулары белән бәйле терминнарының, мәсәлән, *миокард инфаркты, комбинированный порок, нитроглицерин* һ.б. [Әпсәләмов 1989] өстенлек итүен күрәбез. «Жилкәннәр жилдә сынала» повестенда әсәр герое имгәнү аркасында хәрәкәтсез калу сәбәпле әсәрдә шул авыру белән бәйле атамалар кулланылган. Мәсәлән: *нейрохирург, өзелгән нерв, параличлану, дөвалау физкультурасы, спастика-куырылу, көзән жыеру* һ.б. [Яруллин 1994]. Э.Шәрифуллинаның «Жанлыдан жан яралгач», М. Маликованың «Шәфкать» әсәрләрендә бала табу, авыру баланы дөвалау белән бәйле атама, күренешләрен, мәсәлән, *бала табу йорты, тулгак тоту, баланы ярып алу* [Шәрифуллина 2007]; *акушер-гинеколог, акушерка, токсикоз, бала тудыру бүлеге, карындагы бала, сабылар бүлеге* [Маликова 2007] күп кулланылуы күзәтелә.

Э. Шәрифиллина әсәрендә: «Тулгак тоту – бөтен эч-бавырларыңны кузгатып баланың юлга чыгуы ул. Тәмуг газабы белән тиңлиләр аны» [Шәрифиллина 2007: 41] дип хатын-кыз өчен тулгак тотуның образлы тасвирламасын бирә.

Матур әдәбиятта урын алган терминнарны кулланылыш сферасы буенча берничә төркемгә бүлүргә мөмкин:

Авыру-чирләр, шулар белән бәйлә медицина билгеләмәләре, авыруларның гомумиләштерелгән төшенчәләре әсәрләрдә түбәндәгечә тәкъдим ителәләр: *йөрәк авыруы, миокард инфаркты, ревматизм, йогышлы чир, гипертония, ваба чире, кызылча, грипп, шеи, ми шеие*, һ.б. [Әпсәләмов 1989]; *ютәл, стафилококк ялкынсынуы* [Шәрифиллина 2007]; *йөрәк чире, токсикоз, менингит, микроинфаркт* [Маликова 2007]. Ф. Яруллин повестенда исә чир исемнәре очрамый диярлек. Шулар ук вакытта язучы организмда барган авырту процессларының симптомнарын белдерү өчен *йөрәк кысылу, сулыш ешаю, үпкәнең ялкынсынуы* һ.б. [Яруллин 1994] кебек атамалардан файдаланган. Авыру-чирләрнең симптомнары башка әсәрләрдә дә күпләп очрый: *приступ, спазм, йөрәк кысу, йөрәк чәнчү, сулыш ала алмау, йөрәк параличы, сулыш параличы* һ.б. [Әпсәләмов 1989]; *тулгак тоту, тән ут кебек яну, тын кысылу* [Шәрифиллина 2007]; *йөрәк кагу, тын бетү, аяклар әчилсенү* [Маликова 2007].

Дәвалау методикасы һәм тикшерү юллары, төрле манипуляцияләргә караган атамалардан: «Ак чәчәкләр»дә – *электрокардиография, ангиокардиография, дезинфекция, гипс, новокаи блокдасы* һ.б. [Әпсәләмов 1989]; Э. Шәрифиллинаның «Жанлыдан жан яралгач» әсәрендә *баланы ярып алу, температура төшерү, үпкә сурәте ясау, рентген, кварц, ингалятор, анализ алу, пункция, зонд аша тукландыру, кан алыштыру, кан алу* [Шәрифиллина 2007]; «Жилкәннәр әйләдә сынала» әсәрендә *гомуми наркоз, перьевязка, массаж, нервларны ялгау, дәвалау* [Яруллин 1994]; М. Маликованың «Шәфкать» романында *кабул итү, иртәнге обход, йөрәккә массаж ясау* [Маликова 2007] кебекләргә күзәтәбез.

Дару исемнәре: *нитроглицерин, морфий, атропин, кордиамин, кислород, камфара, гормон, антибиотик, солицилат препараты, резерпин, строфантин, доза, сидекчә* һ.б. [Әпсәләмов 1989]; *бор кислотасы эремәсе, мамык, бинт, наркоз, өшетү, фурацилин, йөрәк даруы* [Шәрифиллина 2007]; *аспирин, анальгин, бессалол, аллохол, норсульфазол, холосас* [Маликова 2007]. «Жилкәннәр әйләдә сынала» әсәрендә *таблетка, дару, тальк* [Яруллин 1994] кебек препаратлардан тыш башка дару исемнәре табылмады.

Медицинага караган кайбер инструмент һәм жиһаз атамалары: *фонендоскоп, кислород мөндәре, стетоскоп, рентген снимогы, негатоскоп, препарат, рентген аппараты, электростерилизатор, электр белән дәвалау жиһазлары, диагностика аппараты, ялкынлы фотометр, Ривва-Роччи аппараты, марля, анализ, ясалма сулыш аппараты* һ.б. [Әпсәләмов 1989]; *пинцет, стерилизовать итү, рентген снимоклары, анализ, авыртуны баса торган укол* [Яруллин 1994]; *шприц, тимер энә, скальпель, түгәрәк көзгә, тәгәрмәчле ятак, носилка, перчатка, битлек, бөркәнчек, ак халат, ак башлык, сулыш алу аппараты, кан алу жайланмасы* һ.б. [Маликова 2007].

Әсәрләрдә медицина өлкәсенә караган һөнәр исемнәре дә еш очрый. Шулардан *медик, врач, доктор, өлкән сестра, санитарка, физиотерапевт, невропатолог, фельдшер, практик врач, патологоанатом, рентгенолог, онколог, травматолог* [Әпсәләмов 1989]; *табиб, баш табиб, өлкән табиб, дәвалаучы табиб, өлкән шәфкать туташы, участок терапевты* [Шәрифиллина 2007]; *врач, сестра, нейрохирург* [Яруллин 1994]; *табиб, участок врачы, палата врачы, хирург, инфекционист, акушер-гинеколог, терапевт, анестезиолог, анестезия сестрасы, лаборант* [Маликова 2007] кебекләрен күрсәтә алабыз. Әйтәп үтәргә кирәк, «Шәфкать» романында терминнар бирелешендә синонимия күренеше дә күзәтелә: *лор – отоларинголог – колак, борын, тамак авыруларын дәвалаучы табиб* [Маликова 2007].

Медицина оешмалары: *поликлиника, больница, клиника, терапия бүлеге, ординатура, хирургия, урология бүлеге, лаборатория, хирургия клиникасы, амбулатория, медсанбат, госпиталь* [Әпсәләмов 1989]; *хастаханә, бала тудыру йорты, йогышлы авырулар хастаханәсе, процедура бүлмәсе* [Шәрифиллина 2007]; *больница, район больницасы, санаторий, медучилище, мединститут, хирургия, врач бүлмәсе, больница палатасы* [Яруллин 1994]. Биредә шуны әйтәп үтәргә кирәк, әсәрләр 70–80 нче елларда язылу сәбәплә, күп кенә атамаларның русча вариантлары кулланыла, бүгенгә көндә исә аларны татарча терминнар алыштырды.

Кеше организмы белән бәйлә атамалар группасы шулай ук күпләп очрый. Мәсәлән, *йөрәк, йөрәк тибеше, баш сөяге, кан составы, тамыр тибеше, сульжак калак сөяге, сөяк,*

буын, нерв системасы, эчке органнар, кан басымы, бавыр, кабырга, үпкә һ.б. [Әпсәләмов 1989]; кан тамырлары, күзәнәк, сөяк, эчке әгъзалар, арка мие, кан тамырлары, үпкә, кабырга, умыртка, муен умырткасы, нерв күзәнәкләре, мускул, кимерчәк, жәпсел һ.б. [Яруллин 1994]; кан тамыры, йөрәк тибеше, эчәк, ашказаны-эчәк системасы [Маликова 2007].

Мисаллардан күренгәнчә, әсәрләрдә катнаш атамалар шактый күп. Алар интернациональ һәм татар теленең үз сүзләренең кушылуы нәтижәсендә барлыкка килгән терминнар: *бронхлар авыруы, йөрәк параличы, сулыш параличы, кислород мөндәре, ялкынлы фотометр, ясалма сулыш аппараты, өлкән сестра, терапия бүлеге, эчке органнар* һ.б. [Әпсәләмов 1989]; *гинекология бүлеге, ординаторлар бүлмәсе, иртәнге обход, дежур табиб* [Маликова 2007] һ.б.

Шул ук вакытта терминнар арасында татар теленең үз сүзләре һәм гарәп-фарсы алынмалары белән белдерелгән терминнарда да күпләп файдаланылган. Әйттик, *йөрәк авыруы, йогышлы чир, ваба чире, кызылча, үпкә ялкынсынуы* [Әпсәләмов 1989]; *табиб, шәфкать туташы, хастаханә, өшетү, үпкә сурәте, дару үләннәре, күзәнәк, кан тамыры*, [Шәрифуллина 2007]; *йөрәк тибеше, бөркәнчек, битлек, кан алу жайланмасы, ашыгыч ярдам, авыру тарихы* [Маликова 2007] һ.б. шундыйлардан. Ләкин терминнарның зур өлеше тәржемә ителмичә кулланыла: *вена, порок, приступ, спазм, обход операция, пункция, ингалятор, рентген, стафилококк* һ.б. *Врач, больница, рентген снимогы, сестра* русча бирелә, гәрчә телебездә *табиб, хастаханә, рентген сурәте, шәфкать туташы* кебек үз татар атамалары булса да. Шул ук вакытта, мондый кулланылыш әсәр язылган чор белән бәйле, чөнки бу сүзләрнең татарча атамалары XX йөзгә ахырында гына киң кулланылышка керә башлый. Ләкин гади халык сөйләшкәндә әле дә *врач, больница, медсестра* дигән атамалар яши бирә.

Әсәрләрдә интернациональ сүзләрнең татар сүзләре белән кушылуы нәтижәсендә туган терминнарны да очратып була: *процедура бүлмәсе, кан юлына тамызып торучы система, хирургия бүлеге* һ.б. Әйтергә кирәк, теге яки бу күренешнең русча атамаларын, мәсәлән, *самолечение, осложнение* сүзләрен авторлар махсус рәвештә персонажлар сөйләмәнгә кертәп җибәрә.

Шулай ук әсәр геройлары сөйләмәндә интернациональ сүзләрнең гадиләштереп, татарчалаштырып бирелүенә дә мисаллар табабыз: *духтыр, ревматиз, больнис*.

Әсәрләрдә табигийлек, экспрессивлык, эмоциональлек төсмерен алган, «медицинага яқын лексика» («околомедицинская лексика») да очрый: *«Карынымдагы балам бу газәпләргә түзә алмыйча урыныннан кузгалды, вакыты җитмәгән килеш дөньяга килергә талпына...»* [Маликова 2007]; *«Барысы да тын алмыйча йөрәкнең «кабынуын» көттеләр», «Илдар, мин бөтенләй чирләшкә!»*. «Медицинага яқын лексика» авыруның халәтен тасвирлаганда да кулланыла: *«Кичтән тыны кыскан, хәзер йөрәгә эчтән сыкрап авырта»* [Әпсәләмов 1989].

Шулай итеп, матур әдәбиятта теге яки бу өлкәгә караган терминологик лексика әһәмиятле урын алып тора. Аларны авторлар әсәрдә сурәтләнә торган даирәнең, анда барган вакыйгаларның тулы картинасын тудыру максатында файдалана. Язучылар бу максатка тулысынча ирешкән, аларның югарыда телгә алынган әсәрләрендә медицина терминнары үзләренең ласкылы урыннарын алганнар. Әлеге мәкаләдә тикшерелгән мәсьәләләр, беренчедән, XX гасырда медицина лексикасын куллану үзенчәлекләрен күз алдына китерергә мөмкинлек бирсә, икенчедән, киләчәктә бу юнәлештә фәнни тикшеренүләр алып бару юлында бер этәргеч булып дип ышанабыз.

ӘДӘБИЯТ

- Әпсәләмов Г. Ак чәчәкләр: Роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 510 б.
Маликова М.Г. Шәфкать: романнар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 400 б.
Шамсутдинова Р.Р. Медицинская терминология в татарском языке. – Казань: «Регентъ», 2001. – 188 с.
Шәмсетдинова Р.Р. Татар медицина терминологиясе барлыкка килү һәм үсешенең кыскача тарихы // Русско-татарский толковый словарь медицинских терминов: около 10 000 слов. – Казань: Магариф, 2004. – Б. 340–348.
Шәрифуллина Ә. Жанлыдан жан яралгач // Мәхәббәтнең җиде төсе: повестлар, эсселәр, хикәяләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – Б. 37–80.
Яруллин Ф. Җилкәннәр җилдә сынала // Сайланма әсәрләр, III томда: Повестлар, кереш сүз. – Казан: «Мирас» нәшр., 1994. – Б. 190–371.

ПЕРЕВОД ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ С АНГЛИЙСКОГО НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Г.Р. Насибуллова

Статья посвящена рассмотрению эмотивной лексики и особенностям ее перевода с английского на татарский язык на материале художественного произведения Р. Киплинга «Маугли». В статье подчеркивается, что эмотивность представляет определенную трудность не только при анализе, но при переводе текстов с одного языка на другой.

Ключевые слова: эмоции, оценочность, эмотивная лексика, перевод, эквивалент, художественный текст.

The article is devoted to the consideration of emotive vocabulary and the peculiarities of its translation from English into Tatar on the material of R. Kipling's «Mowgli». The article emphasizes that emotiveness is a certain difficulty not only in the analysis, but in the translation of texts from one language to another.

Keywords: emotion, appraisal, emotive vocabulary, translation, equivalent, artistic work.

Хис-кичерешләр, эмоцияләр өлкәсе гаять катлаулы һәм үзенчәлекле, алар халыкның мәданиятын һәм рухи кыйммәтләрен чагылдыра. Кешенең эмоцияләре һәм аларның лингвистик бирелеше һәрвакыт фән өлкәсендә кызыксыну уята. Текстларның укучыны дулкынландырырга, тәсир итәргә, эчтәлек белән бергә борчылырга, шатланырга яисә кайгырырга мәжбүр итә алу сәләте аның үзенчәлекле сыйфаты булып тора. Эмоцияләр концептуаль һәм тел дөнья картинасында мөһим урын алып тора. Эмоцияләренә, хис-кичерешләренә фәнни дәрәжәдә өйрәнү белән гуманитар өлкәнең берничә юнәлеше шәгыльләнә: психологлар, фәлсәфәчеләр, лингвистлар һәм психолингвистлар. Безнең ил һәм чит ил лингвистикасында эмоцияләренң телдә бирелешен өйрәнүче тулы бер юнәлеш барлыкка килде. Күпчелек лингвист-эмотиологлар эмоцияләренң вербальләшүен төрле лингвокультураларда чагыштырып өйрәнү мөһим дип саныйлар. Лингвистикада да, психологиядә дә эмоцияләренң классификацияләрен төзү омтылышлары булса да, аларның берсе дә киң жәмәгәтчәлек тарафыннан кабул ителмәгән һәм эзләнүләрдә универсаль инструмент буларак кулланылмый.

Галимнәр эмотивлыкка төрлечә бая бирәләр. И.В. Арнольд фикеренчә, «эмоциональ компонент узуаль яки окказиональ булырга мөмкин. Әгәр сүз нинди дә булса эмоцияне яки хисне белдерә икән, ул эмоциональ компонентка ия». Күп лингвистлар сүзләрдә хис-кичереш элементларын кире кага. Сүзләренң эмоциональ мәгънәсе бунча квалификация төзү гаять катлаулы. Бу беренче чиратта бер үк эмоциянең төрле сүзләр белән белдерелүе, шулай ук теге яки бу төшенчә эмоциянең телдә инде булган интенсив дәрәжә аңлатмасы булып чыгуы белән аңлатыла (мәсәлән, шатлык, куаныч, сөенеч һ.б.). Эмоциянең вербальләшүе һәрбер тел культурасында үзенчә башкарыла. Универсаль һәм универсаль булмаган эмоцияләр дә эшне шактый катлауландыра. Базис эмоцияләренә, ягъни төп эмоцияләренә универсаль дип атарга мөмкин (кешенең дөньяны кабул итүенә нигезләнгән психик процесслар, мәсәлән, курку). Эмма социальләшкән (башкача әйткәндә, мораль яки эстетик) эмоцияләр дә бар. Алар кешеләренң культурасын чагылдыра. Галимнәр төп, базис эмоцияләренң санын төрлечә китерәләр – икедән алып унга кадәр, ләкин барысы да диарлек бу санга курку, шатлык, ачу һәм кайгыны кертә. Лингвистика өлкәсендә эмоцияләренң категорияләрен Л.Г. Бабенко, Н.А. Багдасарова, Л.С. Бархударов, Л.Ю. Буянова, Э.А. Вайгла, А.Б. Зотова, В.Н. Комиссаров, Т.В. Ларина, Н.А. Лукьянова, Е.В. Стрельницкая, Т.А. Трипольская, О.А. Турбина, В.И. Шаховский һ.б. өйрәнәләр. Теге яки бу телдә эмоцияләренң вербальләшүен өйрәнү өчен әдәби текст иң кулай жирлек булып тора. Нәкъ әдәби текстның төп өлешен кешенең хисләрен, борчулуларын һәм теләкләрен сурәтләү алып тора.

Эмоциональ концептларның катлаулылыгы, төгәлсезлеге, күптөрлеге аларның вербальләшүенә тәсир итә һәм әдәби текстны тәржемәнең иң катлаулы һәм «югалтуларга» иң күп дучар булган төренә әверелдерә. Әдәби тәржемә – «оригиналь әдәби ижат төре. Нәтижәдә бер телдә булган әдәби әсәр максималь рәвештә якын килеп башка телдә, аның әдәби чаралары ярдәмдә, эчтәлек һәм форманың яңа бердәмлеге булып башка тел һәм этнокультура шартларында интерпретацион сәнгатьнең тулы әдәби әсәре буларак яңадан тудырыла. Әдәби тәржемә оригиналга укучыга интеллектуаль һәм эмоциональ тәсир итү көче ягыннан тулысынча туры килергә тиеш» [Шаховский 1987: 28]. Эмоциональ катламы белдерә торган лексик чаралар беренчел, икенчел һәм турыдан-туры аңа карамаган булырга мөмкин. Эмоцияләр дөньясын сөйләмгә күчерүче лексемаларны туры номинантлар, дескрипция һәм экспликация төрләренә бүлеп карарга мөмкин [Модестов 2006: 127].

Телнең бүгенге көн үсеш этабында эмоцияларне вербальләштерү чаралары арасында икенчел һәм турыдан-туры аңа карамаган төрләре киң кулланыла. Болар – метафора, метонимия, функциональ күчешләр, эвфемизмнар. Әлеге факт бу төрләрнең хәзерге телдә киң таралуы һәм продуктивлыгы белән аңлатыла.

Кыска вакыт аралыгында эчке кичереш эмоция дип атала. Мәсәлән, шатлык, борчылу, канәгатьлек, гажәпләнү, күрәлмәү, ә хис – ул тотрыклырак мөнәсәбәт: мэхәббәт, нәфрәт, хөрмәт һ.б.

Берничә телдә эмоциональ халәтнең бирелешен өйрәнү, аларны чагыштыру, шулай ук тәржемә мөмкинлекләрен күзәтү эмоциональ концептосфераның вербальләшү ысулларын киңрәк күзалларга ярдәм итә. Без инглиз һәм татар телләрендә хис-кичерешләрнең вербальләшүен Р. Киплингның «Маугли» әсәре мисалында тикшердек. Әлеге инглиз әсәрен татар телендә Разил Вәлиев тәржемә итә. Ул аны рус теле аша башкара, шуңа күрә тәржемәдә оригинальдән читләшү дә ачык сизелә. Р. Киплингның «Маугли» әсәре – әдәби әкият. Кечкенә малайның, джунглига элгеп, бүреләр өнендә үсүе хакында сөйләнгән әлеге әсәр хис-кичерешләргә бик бай. Геройның эчке халәтен белдерә торган эмоцияләр телнең төрле дәрәжәдәге берәмлекләре белән белдерелгән мөмкин. Иң беренче чиратта, хис-кичерешләр, эмоцияләр ымлыклар белән белдереләләр. Алар персонажның эчке халәтен тасвирлауда түгел, ә аның туры сөйләмәндә очрыйлар. Гадәттә ымлыклар бер телдән башка телгә аның эквиваленты белән тәржемә ителә:

«**Augrh!**» said Father Wolf. «It is time to hunt again.» / **Уф!** – диде Ата Бүре. – Тагын ауга чыгарга кирәк.

Шулай ук ымлыкларны төшереп калдыру очраklары да еш күзәтелә:

«**H'sh.** It is neither bullock nor buck he hunts to-night», said Mother Wolf. «It is Man.» / Буйвол да, болан да ауламый ул хәзер, – диде Ана Бүре. – Кеше аулый ул.

«Man!» – said Father Wolf, showing all his white teeth. «Faugh! /Кеше аулай! – диде Ата Бүре ак тешләрен ыргайтып.

Яки телдәге башка ымлык белән алыштырыла:

The purr grew louder, and ended in the full-throated «Aaarh!» of the tiger's charge. / Брылдау авазы һаман көчәя барды, һәм кинәт күк күкрәгәндәй булды: «А-а-а!».

Ымлыклар, эмоциягә турыдан-туры күрсәтеп, ауентик төгәл атмосфера тудыра. Моннан тыш күччелек ымлыкларның калыпласкан мәгънәсә бар һәм алар персонажның эчке халәтен тиз һәм төгәл ачыкларга ярдәм итәләр.

Эмоцияларне морфологик чаралар ярдәмдә дә белдерергә мөмкин. Тәржемәче эмотив төсмер өсти торган аффиксларны актив куллана:

«I told him on that day, when he crammed his head and shoulders into thiscave, hunting for thy life, **Little Frog** – I told him that the hunter would bethe hunted. It is well done». / **Бакачыгым**, теге сине аулаган көнне башын безнең өн авызына тыккач, кайчан да булса аның аучыдан табышка эйләнәчәген әйткән идем. Син дөрес эшләгәнсең.

Тәржемәче лексик чаралар белән белдерелгән эмоцияларне татар телендә күччелек очракта эквиваленты белән бирергә тырыша. Әдәби әкият текстында уңай һәм тискәре эмоцияләр еш очрый:

Mother Wolf lay with her big gray nose dropped across her four tumbling, **squealing** cubs, and the moon shone into the mouth of the cave where theyall lived. / Ана Бүре дәү башын дүрт баласы өстенә куеп йокымсырап ята, ә тегеләре **кыймылдашалар, чинашалар**.

It was the jackal – Tabaqui, the Dish-licker – and the wolves of India **despise** Tabaqui because he runs about making mischief, and telling tales, and eating rags and pieces of leather from the village rubbish-heaps. / Бу – шакал, Ялагай Табаки иде. Һиндстан бүреләре, телгәсә кайда тыкшынып, коткы таратып, чүплекләрдә казынып йөргәнә өчен, Табакины **күралмыйлар иде**.

But they are **afraid of him** too, because Tabaqui, more than anyone else inthe jungle, is apt to go mad, and then he forgets that he was ever **afraid of anyone**, and runs through the forest biting everything in his way. / Үзләре табакидан **куркалар** да, чөнки ул котыру авыруы белән джунглида барыннан да ешрак авырый һәм андый чакта урман буйлап **шашынып чаба**, юлда очраган берсен тешләми калмый.

«Enter, then, and look», said Father Wolf **stiffly**, «but there is no food here». / Алайса, кер дә үзең кара, – дип **коры гына дәште** Ата Бүре.

«For a wolf, no», – said Tabaqui, – but for **so mean a person as myself** a drybone is a good feast. **Who are we**, the Gidur-log [the jackal people], to pick and choose?» / Бүрегә юк, – диде Табаки, – ә миндәй **мескеннәргә** коры сөяк тә – бәйрәм мәҗлесе. Без, шакаллар, алай **назланып тормыйбыз**.

Ике телнең форма һәм семантик яктан төрле булуына карамастан, тәржемәчегә төгәллеккә ирешү өчен күпсанлы телара тәржемә трансформацияләре белән эш итәргә туры килә.

Һәр эмоциональ мәгънәгә ия сүз сөйләүченең хис-кичерешләрнең генә белдереп калмый, ә үзенә адресатына да тәэсир итә, аңа җавап бирергә мәҗбүр итә. Экспрессив лексиканы, ягъни хисләр, эмоцияләр, кешеләрнең теләкләрен белдергән лексиканы тәржемә иткәндә иң мөһиме һәм катлаулысы – стилистик форманы саклап калу. Әдәби әсәрдә эмотив берәмлекләр мөһим функция үти. Алар әдәби образ тудырырга ярдәм итә. Аларда халыкның мәдәнияте дә чагылыш таба. Шуңа күрә эмотив лексиканы тәржемә иткәндә төгәллек бик мөһим роль уйный.

ӘДӘБИЯТ

Kipling R. Just so Stories. – М.: Progress Publishers, 1972. – 254 p.

Киплинг Р.Дж. Маугли: балалар өчен әкият / тәрж. Разил Вәлиев. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2015. – 96 б.

Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика. – М.: Изд-во Литературного института, 2006. – 464 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 192 с.

БАШКОРТСТАНДА ТАТАР ЛЕКСИКОГРАФИЯСЕ

И.С. Насипов

В данном сообщении рассказывается о деятельности татарских и башкирских лингвистов в составлении разных типов словарей татарского языка и разработке ими теоретических проблем лексикографии. Проанализированы образцы лексикографических трудов Г.Х. Ахатова, Р.Г. Ахметьянова, А.А. Нугумановой, Л.Р. Сагидуллиной, Л.Г. Хабибова, А.Г. Шайхулова.

Ключевые слова: Башкортостан, татарский язык, татарская лексикография, словарь, тезаурус, фразеологический словарь, диалектологический словарь, идеографический словарь, культурологический словарь, этимологический словарь.

This report describes the activities of Tatar and Bashkir linguists in compiling different types of dictionaries of the Tatar language and their development of theoretical problems of lexicography. Analyzed samples of lexicographical works of H.G. Akhatova, R.G. Ahmedjanova, A.A. Nugumanova, L.R. Sagidullin, L.G. Habibov, A.G. Sajhulova.

Keywords: Bashkortostan, Tatar language, Tatar lexicography, dictionary, thesaurus, phraseological dictionary, dialectological dictionary, ideographic dictionary, culturological dictionary, etymological dictionary.

Башкортстанда яшәүче татарларның матди һәм рухи дөньясын киң даирәдә фәнни өйрәнү белән шөгъльләнгүче үзәкләр булып республиканың югары уку йортларында эшләп килүче татар филологиясе кафедралары санала. Аларны чын мәгънәсендә татаристика үзәкләре дип атап була. Кафедраларда эшләүче белгечләр нигездә татар теле, әдәбияты һәм мәдәнияте проблемалары белән кызыксынып, жирле татарларның этно-мәдәни торышын фәнни өйрәнүдә төп эшне дә башкаралар. Ә инде республикада татар лексикографиясе үсешен барлаганда, шулай ук бу кафедраларның эшчәнлегенә бәйле хезмәтләренә тасвирларга кирәк.

Башкорт дәүләт университеты профессоры филология фәннәре докторы Г.Х. Әхәтовның гыйльми эшчәнлегенә даирәсе бик киң, ләкин ул барыннан да элек татар теленең фразеологик системасын тасвирлауга, аның фәнни-теоретик нигезләрен эшләүгә зур өлеш керткән галим. Бу яктан аның гыйльми хезмәтләре галимнәр арасында зур бәяләнә. Мәсәлән, аның кандидатлык диссертациясе турында ук атаклы телче Б.А. Сереберенников болай дип язды: «...Ул татар телчеләреннән беренче булып татар теленең фразеологик әйтelmәләрен теоретик төзек һәм системалы тасвирлады...» [Гарданов 1977: 141–142]. Барыннан да элек, Г.Х. Әхәтовның «Татар теленең фразеологик әйтelmәләре сүзлеген» татар лексикографиясе үсешендә яналык булды [1982]. Сүзлек, нигездә, татар классик язучыларның әсәрләреннән тупланган материалларны үз эченә алган. Анда татар әдәби телендә актив кулланылыштагы 2500 якын образлы фразеологик берәмлек тупланган, һәр фразеологик әйтelmәнәң аңлатмасы бирелгән. Бу хезмәт, нигездә, өлкән класс укучылары, укытучылар, студентлар өчен чыгарылып, шулай ук тәржемәчеләр, редакторлар, журналистлар өчен дә файдалы булып, дип билгеләнсә дә, аның фәнни тикшеренүләр өчен кирәкле бай гамәли чыганак буларак әһәмияте зур. Аны татар укучылары бүген дә саллы чыганак буларак яратып файдаланалар.

Г.Х. Әхәтов татар телнең антонимнар сүзлеген төзү принципларының да фәнни-теоретик нигезләрен эшләүгә зур өлеш кертә. Бу принциплар галимнең аспиранты Л.Г. Хабибов тарафыннан татар телендә антонимнарның структур-семантик үзенчәлекләрен өйрәнгә багышланган кандидатлык диссертациясендә һәм башка күпсанлы хезмәтләрендә ныгытыла, ә күпкә соңрак алар татар теленең антонимнар сүзлегендә урын ала [Хабибов 2018]. (Автор соңнан ул озак еллар М. Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт педагогия университеты профессоры булып эшәде). Сүзлек башта Казанда Татарстан Республикасы мәгариф һәм фән министрлыгы тарафыннан электрон вариантта укытучыларга һәм укучыларга тәкъдим ителгән иде [Хабибов 2017]. Бу сүзлек гамәлдәге татар антонимнар сүзлекләреннән (Ф.С. Сафиуллина, Л.М. Ризванова, 1997; Ф.С. Сафиуллина, 2003, 2005) ииллюстратив-гамәли материалның зур күләмле булуы белән аерылып тора. Хезмәттә татар матур әдәбияты әсәрләреннән, шул исәптән Башкортстанда ижат итүче язучыларның һәм шагыйрьләрнең әсәрләреннән актив кулланылыштагы антонимнары кәргән мисаллар тәкъдим ителгән.

Сүзлек корпусы телебездәге саф лексик антонимнарны гына үз эченә ала. Бу сүзлекнең сүзлек мәкаләсенең аермасы шунда: антоним парлардагы һәр сүзнең аңлатмасы бирелгән; күпмәгънәле сүзләрнең аерым мәгънәләренә антонимик мәгънәле сүзләр китереләп, алар кәргән иллюстратив материал бирелгән; сүзлектә антонимнарның омонимнар һәм синонимнар белән бәйләнеше дә чагылыш тапкан. Сүзлекнең фәнни-гамәли эһәмиятен сүзлек корпусынан соң бирелгән кушымта да арттыра. Анда антонимнарга нигезләнгән гыйбарәләр, оксюмороннар, энантиосемияле сүзләр тупланмасы бирелгән. Алар капмакаршылык төшенчәсенә киң булуын күрсәтеп тора. Кушымта азагында иллюстратив материалы әлегә табылмаган антоним парлар тәзмәсе дә бирелгән. Ул телебездәге антонимнарның ифрат күп булуын күзалларга мөмкинлек бирә. Бу сүзлек вакытлы төзеләп, андагы материаллар татар теленең антонимия күренешен тагын да ныграк танып белергә ярдәм итә.

Башкорт дәүләт университеты профессоры филология фәннәре докторы А.Г. Шәйхулов лексикография өлкәсендәге эшчәнлеген югары уку йортларында сирәк була торган фәнни-тикшеренү лабораториясе төзүдән башлый. 1987 елда аны рәсмиләштереп, ул «Идел-Кама-Урал этнолингвистик регионнда төрки, монгол, фин-угор һәм һинд-европа (славян) халыкларының рухи мөдәнияте» вузара фәнни-тикшеренү (уку-укуту) лабораториясе атамасын йөртә [Насипов 2010: 13–15]. Галим лаборатория картотекасында тупланган лексик берәмлекләренә тәртипкә салуда нигездә немец галимнәре Р. Халлинг һәм В. Вартбург тәкъдим иткән идеографик принципларга таянып эшли, аларны системалаштыруда бу синоптик төркемнәренә камилләштереп, дүрт зур лексик-семантик төркемдә – Галәм (Вселенная), Кеше (Человек), Жәмгыять (Общество) һәм Танып белү (Познание) – анализлауны тәкъдим итә.

Лабораториядә тупланган якынча 1,5 млн. лексик берәмлекнең берникадәр өлеше А.Г. Шәйхуловның һәм аның шәкертләренең диссертацияләре һәм күп санлы фәнни хезмәтләре нигезенә салынган. Шулай, кандидатлык диссертациясе яклаганчы ук А.Г. Шәйхулов «РСФСР халыкларының шәхси исемнәре буенча белешмә» төзүдә катнаша. Бу сүзлек берничә басмада янартылып, өстәлмәләр белән нәшер ителде һәм бүгенге көндә дә актив кулланылышта. Китапка кәргән «Башкорт исемнәре» һәм «Татар исемнәре» бүлекләрендә башкорт һәм татар халыкларының бай антропонимиконаы бирелгән [Справочник 1970: 66–102, 126–165]. Соңрак башкорт һәм татар исемнәре буенча махсус сүзлек тә басылып чыга [Шәйхулов, Раемгужина 2006]. Шулай ук ономастика өлкәсенә кәрган «Урал-Идел бие топонимнар сүзлеге»н дә искә алырга кирәк [Краткий 2005].

А.Г. Шәйхулов Төрөк Республикасы Мәгариф министрлыгы соравы буенча күптәллә төрки телләре сүзлеген төзүдә катнаша. Сүзлек «Төрки телләренң чагыштырма сүзлеге: китап-белешмә» исеме белән Анкарада ике томлы булып сүзлек телендә басылып чыга [Türkiye türkçesindeki 2007]. Галим башкорт һәм татар телләренең сүзлек материалын гына түгел, китапка кәргән «Татар теле: лексика һәм кыска грамматика» өлешен дә язаган.

Уфада А.Г. Шәйхулов житәкчелегендә авторлар коллективы күптомлы «Татар теле диалектларының идеографик сүзлегенә материаллар»н төзи. Ләкин хезмәтнең беренче томының ике кисеге генә басма дөнья күрә [Материалы 2005]. Бу китапларда татар телнең урта (казан-татар) диалекты һәм көнбатыш (мишәр-татар) диалекты материаллары идеографик принципка корылган сүзлектә бирелә. Авторлар ул вакытта кулланылышта булган «Татар теленең диалектология сүзлек»ләреннән ижади файдаланганнар (Казан, 1969; Казан, 1993). Ләкин яңа басмада төзүчеләр А.Г. Шәйхулов житәкчелегендәге лабораториянең бай картотекасынан да бик күп лексик материал бирәләр. Бигрәк тә Көнъяк Урал буенда кыр методы белән тупланган жирле халык сөйләшләренең бай материалы бу китапларга урнаштырыла.

«Бер тамырлы нигезләрнең сүзлек-тезаурус тәҗрибәсе (структур һәм идеографик парадигматика)» – А.Г. Шәйхуловның иң мөһим лексикографик хезмәте. Бу хезмәт Төрки академия ярдәме һәм редакциясендә «Төрки сүзлекләре» сериясендә дөнья күрә [Шайхулов 2012]. Аның баш редакторы Шәкир Ибраев, жавашлы сәркәтибе Бакытҗан Жумагулов. Бу китапта автор Урал-Идел буенда кыпчак төрки телләрдә (башкорт һәм татар телләрендә – И.С.) бер тамырлы нигезләрнең фоносемантик структур үзенчәлекләре тасвирлана һәм аларның парадигматикасы ареаль, төркиара һәм гомумтөрки лексика континуумында бирелә. Хезмәттә тезаурус төрөндәге сүзлек контекстында лексик системаларның когнитив сферадагы синопсисы һәм таксономиясе беренче тапкыр теоретик һәм методологик аспектларда характерлана. Бу сүзлек көнчыгышны өйрәнүчеләргә һәм түркологларга тәгаенләнгән; шулай, ул югары уку йортлары дәрәҗәләрендә һәм академик грамматикаларда тарихи фонетика, фонология һәм сүзъясалышы өлкәләрен тасвирлау өчен кыйммәтле чыганаҡ булып тора.

Автор фикеренчә, тел чынбарлык турында белемне кеше акылында туплау, саклау һәм күчерү коралы санала һәм мәгълүмат агымын жыеп тора. Шуңа күрә дә ул даими үсештә-үзгәрештә була. Бу сүзлек-тезауруста Урал-Идел бие кыпчак төрки телләрендә бер тамырлы нигезләрнең структур һәм идеографик прадигматикасы характерлана, ул ареаль, төркиара һәм гомумтөрки лексика континуумында «Табигать» (жанлы һәм жансыз) когнитив сфераның синопсисын һәм таксономиясен аңлы кабул итүдә беренче тәҗрибә санала. Бу фундаменталь проблематиканы өйрәнүнең актуальлегә төрки тамырның формалашуын һәм эволюциясен ачыкларга, аерым алганда, башкорт һәм татар телләренең моносиллабларын өч дәрәҗәдә – фонологик, морфологик һәм семантик – структур яктан сыйфатлау кирәклегә белән билгеләнә. Мондый яңа аңлам хәзергә фәнни методологиядә яңа теоретик танып белүгә таянып (когнитив) эш итүгә омтылышны хуплый. Бу телгә иманент якын килүдән арынып, аны аң, фикерләү, мәдәният, кешенең предмет-гамәли эшчәнлегә белән тыгыз бәйләнештә, ягъни антропологик лингвистика аша карау кирәклеген алга сөрә.

Бу китап куелган проблематиканың теоретик нигезләрен дә ачып бирү ягыннан эһәмиятле чыганаҡ булып тора. «Төрки телләрдә дөнья тәҗрибәсе чагылышы» бүлегендә автор тикшеренүнең максатларын һәм методологиясен тасвирлый. Монда А.Г. Шәйхуловның бик күп төрөнтә фикерләре асызлыклана. «Дөнья картинасы» төшенчәсенә аңлатма биреп, ул идеографик сүзлекнең дөнья тел картинасын чагылдыруда ролен билгели. Аның бу өлкәдәге фикери тупламнарын фәлсәфә фәннәре докторы, профессор А.Р. Абдуллин махсус бүлектә анализлай.

Сүзлек-тезауруста «Табигать» когнитив сферасы жанлы һәм жансыз төркемнәргә бүлеп тупланган лексик берәмлекләргә анализлап бирә. Аларның һәрберсе вагырак тематик төркемнәргә бүлеп тасвирлана. Бу сүзлек-тезаурус тәҗрибәсе соңрак фәнни-теоретик яктан махсус хезмәттә тасвирлана [Шайхулов 2013]. Моңысында А.Г. Шәйхулов «Табигать» сферасы белән чикләнми, «Кеше», «Жәмгыять» һәм «Танып белү» сфераларын да алган. Шулай ук ул казах телне материалын да жәлеп иткән.

Шулай итеп, А.Г. Шәйхулов татар лексикографиясен сүзлекләр төзү эшен теоретик нигезләүгә дә, ономастик һәм идеографик сүзлекләр төзү эшенә дә зур өлеш кертә. Аның бу хезмәтләре татар телен төрле аспекта тикшерү өчен бай һәм эһәмиятле чыганаҡ булып тора.

Башкортстанда басылган иң үзенчәлекле сүзлекләрнең берсе – «Татар теленең кире сүзлегә» [Әхтәмов 1999]. Бу сүзлекнең авторы күренекле башкорт телчесе – филология фәннәре докторы, профессор М.Х. Әхтәмов. Ул башта башкорт телнең кире сүзлеген төзеп, зур тәҗрибә туплай. Мондый сүзлекләр бик күп телләрдә күптән булса да, башкорт һәм татар телләрендә юк иде. Андый сүзлекләрнең төзелеш принциплары бүген галимнәр өчен якын таныш. Анда сүзләр киредән алфавит тәртибендә бирелә. Аларда ахры бертөрле булган сүзләр янәшә урнашып, телчеләргә сүзләрнең морфологик, фонетик, фонологик үзенчәлекләрен билгеләргә ярдәм итәләр. Аның ярдәмендә татар телендә сүз азагы закончалыклары ачыклана, тамыр һәм кушымча мөнәсәбәтләре, аларның ярашуы, нинди кушымчаларның, морфемаларның активлы-пассивлы күренә, кушымчаларда омонимия һәм синонимия күренешләре чагыла һ.б. Бу сүзлек берүк вакытта грамматик сүзлек вазыйфасын үти ала. Чөнки автор һәр сүзнең нинди сүз төркеменә караганлыгын күрсәтеп, аларның категорияль үзенчәлекләренә дә ачыклык кертә. Хезмәтнең тагын бер кыйммәте – аның ахрына урнаштырылган ун статистик таблицаларда [Миңнеәхмәтов 2000]. Аларда татар телнең бик күп сүз ахры закончалыклары чагыла. Кызганычка каршы, бу сүзлек татар галимнәренә киң билгеле чыганаҡ түгел.

Башкортстанда яңа төр сүзлекләр дә эшләнелә. Мондый сүзлекләр исәбенә Башкорт дәүләт университеты галимәсе Л.Р. Сәгыйдуллина төзегән лингвокультурологик сүзлекне

кертергә мөмкин [2013]. Бу хезмәттә татар милли дөнья картинасын чагылдыруда мөһим урын тоткан 95 лингвомәдәни сүз-концептлар бирелә. Алар «кеше», «кешенең рухи дөньясы», «кешенең материал дөньясы», «дөньяны танып белү барышы» кебек төп концептуаль аңламнарның халык тормышында, телендә, мәдәниятендәге ролен реконструкцияләргә мөмкинлек бирә. Сүзлектә жыелган әдәби текст фрагментларының күпчелеген поэтик әсәрләрдән алынган өзекләр тәшкил итә. Чөнки, автор фикеренчә, «...нәкъ поэтик текстларда концепт эчәлегенә тыгызлыгы – концентрациясе максимальлекә омыла, концепт поэтик образ дәрәжәсен ала» [Сәгыйдуллина 2013: 8]. Бу лингвомәдәни сүзлекнең төп үзенчәлеге – хезмәттә авторның Башкортстан белән бәйлә булган әдипләрнең әсәрләренә өстенлек бирүендә. Чөнки Башкортстан бу «...авторлар өчен я туган жир, я торган жир, я ижат төяге, күпчелеге өчен – өчесе бербөтен хасил итә» [Сәгыйдуллина 2013: 7–8]. Бу хезмәт, чын мәгънәсендә, татар лингвокультурологиясе өчен кыйммәтле чыганак булып тора, һәм аны киң каглам укучы бик теләп отышлы файдалана.

Башкортстанда дөнья күргән тагын бер үзенчәлекле лексикографик басма – «Татар теленең эпитетлар сүзлеге». Аның авторы М. Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт педагогия университеты галимәсе А.А. Нугуманова [2016]. Автор «эпитет» төшенчәсен киң аңламда кулланып, сүзлеккә образлы аергычларны гына кергү белән чикләнмичә, предмет-күренешләрнең асыл сыйфатларын да, нисби сыйфатларын кергән. Хезмәттә әдәби телнең (кайвакыт әдәби булмаганны да) бик күп аергычларын читтә калдырмыйча, укучыга тәкъдим ителә. Материал туплау өчен төп чыганаclar булып борынгы чордан башлап бүгенгә көнгә кадәр ижат ителгән матур әдәбият әсәрләре, сирәк очракта ижтимагый-публицистик әсәрләр тора, шулай ук татар халык авыз ижаатыннан да байтак үрнәкләр алынган. Бигрәк тә татар халык жырларының, мәкаль-әйтемләрнең эпитетларга бай булуы чагыла. Тагын бер үзенчәлек – сүзлектә гомумтел, гомумпоэтик һәм сирәк очрый торган индивидуаль-автор эпитетлары – барысы да урын алса да, алар махсус рәвештә аерылып каралмаган.

Сүзлек мәкаләсе баш сүз – баш килеш формасындагы исем белән ачыла. Сүзлек мәкаләсе өчен баш сүзләргә сайлауда ике принцип исәпкә алынган: 1) сүзнең кулланылышы; 2) шул сүзгә карата кулланылган эпитетларның күп булуы һәм аларның күптөрлелеге. Кайбер очракта, эпитетларга бай булмаса да, сүзлек мәкаләсе өчен сайланган баш сүзләр исемлегенә татар халкының дөнья теле картинасын, аның менталитетын ачык күрсәтә алырдай лексик берәмлекләр дә кертелгән. Мәсәлән, *калфак*, *бишек* һ.б. сүзләргә сүзлеккә кергү аларның поэтик сөйләмдәге үзенчәлекле рольләренә бәйләнгән. Сүзлек мәкаләсендә бирелгән баш сүздән соң алфавит тәртибендә аңа караган эпитетлар китерелә. Аннан эпитетлар рәтеннән соң әдәби әсәрләрдән мисаллар тәкъдим ителгән. Мондый төр сүзлек татар телендә беренче тапкыр басыла. Ул мәктәп укучыларына, студентларга һәм укучыларга тәгаенләнгән.

2015 елда татар лексикографиясе зур казанышка ия булды – Р.Г. Әхмәтъянов «Татар теленең этимологик сүзлеге» ике томда дөнья күрдә. Аны бастырып чыгаруга Г. Ибраһимов исемендәге ТӘСИ директоры К.М. Миннуллинның һәм лексикография бүлеге галимнәренә өләше зур булды. Ләкин күпләр белми дә: Р.Г. Әхмәтъяновның дүрттомлык этимологик сүзлегенә беренче томы Башкортстанда Бөрә шәһәрндә 2005 елда дөнья күрә [Әхмәтъянов 2005]. Ул А–Й хәрәфләрен үз эченә ала һәм, нигездә, автор редакциясендә гамәлгә куела. Бу хезмәт авторның күп еллар дәвамында алып барган фәнни тикшеренү, эзләнү нәтижеләрен, аның бу өлкәдәге уңышларын чагылдыра. Әлеге сүзлек – төрки-татар этимологиясе мәсьәләләрен жентекле һәм этрафлы тикшерү-өйрәнүгә ярты гасырдан артыграк гомерен багышлаган авторның иң зур казанышы.

Бу чорда автор Бөрә дүләт социаль-педагогия академиясе профессоры буларак эшли. Югары уку йорты ректоры профессор С.М. Усманов һәм рус әдәбияты кафедрасы мөдире профессор И.Ш. Юнусов ярдәме белән башкарылган эш, төрле сәбәпләр нәтижәсендә тукталып, сүзлекнең башка томнары басылмый кала. Һәрхәлдә, алар басмага эзер булсалар да. Бу дүрт томлык хезмәт сонрак ике томлы сүзлекнең нигезенә алына, аның төп структур-төзелеш үзенчәлекләре саклана. Ул хәзерге лексикографиядә кабул ителгән принципларга таянып, аеруча этимологик сүзлекләргә куела торган таләпләргә исәпкә алып эшләнелгән була. Сүзлекне, иң элек, төрки тамырлы сүзләр, шулай ук күпсанлы диалекталь берәмлекләр тәшкил итә. Татар теле тарафыннан күптәннән үзләштерелгән рус сүзләре, чиклән-гән күләмдә гарәп-фарсы алынмалары да бу сүзлек кысаларында тикшерү-тасвирлау объекты булып торалар. Вокабула итеп теркәлгән сүзләр арасында автор үзе реконструкцияләгән, ягъни тел закончалыкларына таянып, телдә сакланып калган дериватлар нигезендә тергез-гән сүзләр дә бар. Текстта алар йолдыз тамгасы белән бирелгәннәр.

Баш сүз итеп алынган берәмлекләр алфавит тәртибендә урнаштырылганнар. Төп сүз янында, еш кына, аның диалекталь вариантлары һәм аларны теркәгән чыганаclar күрсәтелгән. Төрки тамырлы яки күптәннән үзләштерелгән сүзләргә кардәш һәм кардәш булмаган телләрдән параллельләр, ясалыш модельләре китерелеп, аваз күчешләре, семантик үзгәрешләр һ.б.лар теркәлгән. Алынма сүзләрнең исә, кагыйдә буларак, чыганаc теле генә күрсәтелгән.

Сүзлек гамәлдәге орфография нигезендә эшләнгән. Шулай да, аерым сүзләрнең язылышында авторның үз позициясе дә чагылыш тапкан. Андый очраclar вокабула сыйфатында норма буларак кабул ителгән сүздән соң аның язылыш вариантын күрсәтү юлы белән белдерелгән. Язылышы белән укылышы арасында аерма булган баш сүзләрнең транскрипциясе дә бирелгән. Текстта автор, хәзерге әдәби тел нормалары югарылыгынан караганда, искергән яки үтә диалекталь дип кабул ителгән үзенчәлекле берәмлекләргә еш кулланган, аерым урыннарда яңарак терминнар да тәкъдим иткән.

Сүзлекнең төп өлешеннән тыш, тел гыйлеменә зур бер тармагы буларак, этимология фәне турында күләмле теоретик мәгълүмат та китерелгән. Анда этимологиянең максат-бурычлары, тикшерү методикасы һәм ысуллары, этимологик анализның асылы, үзенчәлекле яклары һ.б. күпсанлы мисаллар нигезендә тәфсилләп баян ителә. Автор хәзерге төрки-татар этимологиясендә булган аерым бәхәслә карашларга да үзенең мөнәсәбәтен белдереп узган. Ахырдан гомумэтимологиягә нисбәтле хезмәтләрнең, кулланылган һәртөрле чыганаclarның зур исемлеге китерелгән. Кыскасы, сүзлеккә кушып бирелгән бу бай теоретик һәм фактик материал төрки-татар этимологиясе өлкәсендә үзе бер мөстәкыйль уку-укыту әсбабы һәм библиографик чыганаc була ала.

Ләкин икетомлы сүзлектә зур аермалыclar да бар: беренчедән, материалны автор берникадәр тулыландыра, икенчедән, лексикография бүлеге галимнәре тарафыннан ныклы редакцияләнгән, техник һәм граматалык хаталары төзәтелә, сүзлек фәнни аппаратына зур үзгәрешләр кертелә. Бу басмада, вариантларынан тыш, 10300 чамасы сүз теркәлеп, аларга аңлатмалар бирелгән. Гомумән, эзлекле фәнни принципларга таянып, жентекләп тикшерелгән, өйрәнелгән һәм сүзлеккә теркәлгән ифрат дәрәжәдәге бай тел материалы төрле тарихи чорларда башка телләрнең татар теленә булган тәэсирен, аның масштабын күзалларга мөмкинлек бирә, димәк, татар халкының үткәннен яхшырак аңларга һәм аның асылына төшенергә ярдәм итә.

ӘДӘБИЯТ

- Гарданов Х.Ш. Остазларның өйрәнчеге була // Казан утлары. – 1977. – № 5. – Б. 141–142.
- Әхтөв Г.Х. Татар теленәң фразеологик әйтәлмәләр сүзлегә. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. – 176 б.
- Әхтәмөв М.Х. Татар теленә кире сүзлегә: 32000 якын сүз. – Уфа: Башк. ун-т, 1999. – 196 б.
- Краткий топонимический словарь Урало-Поволжья. Материалы и методические указания к спецкурсу «Ономастика в краеведении Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона»: в 2-х ч. – Уфа, 2005. – Ч. 1. – 510 с.; Ч. 2. – 506 с.
- Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт.-сост. А.Г. Шайхулов, Л.У. Бикмаева, З.Р. Садыкова. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – Т. I. – Ч. 1. – 512 с.
- Миңнәэхтәмөв Р. Игәлекле хезмәт // Өмет. – 2000. – 10 июнь.
- Насипов И.С. Алмас Галимзянович Шайхулов (К 65-летию со дня рождения) // Вестник Башкир. ун-та. – 2010. – Т. 15. – № 4. – С. 13–15.
- Нугуманова А.А. Словарь эпитетов татарского языка: учебный справочник. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. – 116 с.
- Сәгыйдуллина Л.Р. Татар лингвомәдәни концептлар сүзлегә. – Уфа: БашДУның РНУ, 2013. – 224 б.
- Справочник личных имен народов РСФСР / отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Русский язык, 1970. – 571 с.
- Хабибов Л.Г. Словарь антонимов. Электронный вариант. – Казань, 2017. – 400 с.
- Хабибов Л.Г. Структурно-семантические особенности антонимов в татарском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1984. – 251 с.
- Хабибов Л.Г. Татар теленәң антонимнары: сүзлек. – Уфа: БР МҮИ нәшр., 2018. – 268 б.
- Шайхулов А.Г. Опыт словаря-тезауруса односложных корневых основ (структурная и идеографическая парадигматика). – Алматы: Кантана-Пресс, 2012. – 704 с.
- Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в тюркских языках Урало-Поволжья и Казахстана. – Астана: Posper Print, 2013. – 556 с.
- Шайхулов А.Г., Раемгужина З.М. Башкирские и татарские имена собственные. – Уфа, 2006. – 92 с.
- Türkiye türkçesindeki türçe sözcüklerin köken sözlüğü: Etimolojik Sözlük Denemesi / Prof. Dr. Tuncer Gülensoy. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007. – Т. I (A–N). – 608 p.; – Т. II (O–Z). – 502 p.

ЯПОН ГАЛИМЕ СИРО ХАТТОРИ ҺӘМ АНЫҢ ТАТАР ТЕЛЕ ГЫЙЛЕМЕ ӨЛКӘСЕНДӘГЕ ЭШЧӘНЛЕГЕ

Г.Ә. Нәбиуллина, Ю. Хисияма

Статья посвящена изучению научных трудов выдающегося японского учёного Сиро Хаттори в области татарского языкознания. Определяются теоретические положения С. Хаттори, которые послужили прочной базой для развития тюркологии.

Ключевые слова: Сиро Хаттори, татарский язык, тюркология.

The article is devoted to the study of scientific works of outstanding scientist Shiro Hattori in Tatar language. Defines theoretical provisions Shiro Hattori, which became a solid base for the development of Turkology.

Keywords: Shiro Hattori, Tatar language, Turkology.

Япон галиме Сиро Хатториның исеме Россиядә бик үк билгеле түгел. Бу шәхесне татаристика дөнъясына беренчеләрдән булып тарихчы галимнәр Д. Усманова, Л. Усманова, М. Гыйматдиновлар танытты. Алар тарафыннан галим С. Хатториның шәхси архивында сакланган төрки-татар тарихына, татар тел гыйлеменә бәйле материаллар өйрәнелгән [Усманова 2010; Гибатдинов 2015]. Ләкин япон галименә тюрколог буларак эшчәнлеге, татар тел белеменә һәм, гомумән, төрки тел гыйлеменә керткән өлеше бөтенләй диярлек тикшерелмәгән.

Сиро Хаттори (1908–1995) Япониянең Токио шәһәрндә, Миэ префектурасында туган. Ул Токио университететының филология факультетының лингвистика бүлеген тәмамлый. 1931 елда «Япониянең фән үсешенә ярдәм жәмгыятенә» финанс ярдәме белән урал-алтай телләрен өйрәнүне камилләштерү максатыннан өч елга Маньчжуриягә китә. Маньчжуриядә Хаттори монгол, бурят һәм татар телләрен өйрәнә, рус һәм инглиз телләре белән кызыксына. 1943 елда Токио император университетында иске монгол теленә килеп чыгышын өйрәнүгә багышланган докторлык диссертациясен яклый. Сиро Хаттори озак еллар Токио университетының шәрәфле профессоры була, Япон лингвистик жәмгыятен житәкли. Фәнни һәм укыту эшчәнлеге өчен япон императоры тарафыннан илнең югары бүлгә саналган дәрәжәле орден белән бүләкләнә. Алтаистика халыкара жәмгыятенә тел гыйлеме өлкәсендәге уңышлары өчен Сиро Хатторины алтын медаль белән бүләкләве билгеле [Усманова 2010; Гибатдинов 2015; Hattori 1992: 177].

Сиро Хаттори берничә тел, шул исәптән татар телен дә белгән. Татар теле дәрәсләрен ул, Харбинда яшәгәндә, татар шагыйре эмигрант Хөсәен Габдүшевтан ала. Берникадәр вакыт Сиро Хаттори Хайлар шәһәрндә татар бае эмигрант Мөхәммәтшах Агеев йортында яши, шунда үзенә булачак хатыны Маһира белән таныша. Бу танышу һәм татар кызына өйләнәп гайлә кору Сиро Хатторины татар теленә тагын да якынайта.

Сиро Хатториның үз исталякларенә караганда, Маһира Агиева 1912 елда Пенза губернасының Краснослобода уездының Усть-Рахманов волостының Нагур (Русча Подгорный Шуструй) авылында туган. Сиро Хаттори язмаларында Маһираның мишәр диалекты вәкиле булуы күрсәтелә. Маһира Агиеваның эти-бабалары, әнисе дә шушы яклардан булган. 1916 елның августында зур гайлә Нагур авылыннан күчеп китеп, төньяк Маньчжуриянең Хайлар шәһәрненә барып төпләнгән була [Hattori 1983: 303; Hattori 1992: 177].

Сиро Хатториның алтаистика буенча язмалары тупланган дүрт томлык «Алтай телләрен тикшерү. Сиро Хатториның сайланма мәкаләләре» (Токио, 1986–1993) хезмәте билгеле. Бу томлыктар Япониянең төрле университет китапханәләрендә саклана. Әлеге томлыктарда татар теле гыйлеменә, аерым алганда, татар фонетикасы, тел тарихына караган япон, инглиз һәм рус телләрендә 5 мәкалә басылган. Безнең максат – япон галиме Сиро Хатториның татар теле гыйлеми һәм, гомумән, төрки тел белеме өчен шактый әһәмиятле булган әлеге фәнни мәкаләләрен барлау, күзәтү ясау һәм хәзерге тел гыйлеми өчен әһәмиятен билгеләу.

«Татар саннарында басым» (инглизчә исеме: The accent of the Tatar Numerals) дип аталган беренче мәкаләсе 1940 елда язылган. Бу мәкалә дүрт томлык басмасының I томында урын алган һәм япон телендә язылган. Әлеге мәкаләдә Сиро Хаттори, Харбин шәһәрндә яшәгән татар кешесе Хөсәен Габдүшненә әйтелешен тыңлап, язып калдырган дәфтәренә нигезләнәп, татар теленә саннарындагы басым мәсьәләсен тикшергән [Hattori 1986: 236–249].

Сиро Хатториның икенче хезмәте татар телендә зат кушымчалары һәм басым турында (японча исеме: Tatarugo no jutsugo-ninsho-gobi to akusento). Мәкалә 1940 елда

япон телендә язылган һәм сайланма хезмәтләрнең II томында дөнья күргән [Hattori 1987: 1–23].

Галимнең өченче мәкаләсе – татар һәм чуаш телләренең формалашуы турындагы японча мәкалә. Аның инглизчә, төрекчә һәм русчага тәржемәләре IV томда басылган. 1972 елда язылган әлеге мәкаләнең русчага тәржемәсе «О формировании татарского и чувашского языков» дип исемләнгән. Аны англиз теленнән Н.Б. Омелянович тәржемә иткән [Hattori 1989: 140–156].

Сиро Хатториниң тагын бер «Phonological interpretation of Tatar high vowels» дип исемләнгән мәкаләсе татар теленең тар сузыклары турында. Ул 1975 елда язылган шулай ук IV томда басылган. Әлеге мәкаләдә Сиро Хаттори, татар теленең тар сузыклары (у, и, ү) озын булганлыктан, аларның фонологик яктан /əw/, /ej/, /ew/ булырга мөмкинлеге турында аңлата [Hattori 1993: 256–264].

Галимнең бишенче «Vowel harmony or consonant harmony?» дигән мәкаләсе сингармонизм мәсьәләсен тикшерүгә багышланган. Мәкалә 1983 елда язылган, шулай ук 4 нче томда басылган. Бу хезмәтнең Сиро Хаттори, урта һәм мишәр диалектларыннан мисаллар китереп, сингармонизм законының сузыкларга гына түгел, кайбер тартыкларга да кагылуын күрсәтә [Hattori 1993: 319–327].

Фәнни мәкаләдә без Сиро Хатториниң төрки телләр тарихына, аерым алганда, тарихи фонетикага багышланган һәм фәндә зур кызыксыну уятырдай «Татар һәм чуаш телләренең формалашуы турында» дигән мәкаләсенә киңрәк тукталырбыз. Аңлашылганча, Сиро Хатториниң бу мәкаләсендә сүз татар һәм чуаш телләренең килеп чыгышы турында бара. Галим күренекле тюркологлар А. Самойлович, А. фон Габен, Н. Поппе, К.Х. Менгес классификацияләрен нигезләнеп, чуаш теленең башка төрки телләрдән нык аерылып торуын искәртә. Шуннысы кызыклы, татар теле дигәндә, С. Хаттори татар телен башкорт теле белән янәшә куеп карый һәм башка төрки телләр арасында аерым урын тотуын күрсәтә. Сиро Хаттори фикеренчә, татар һәм башкорт телләре кыпчак төркеменә керсә дә, фонетик яктан түбәндәге үзенчәлекләре белән аерылып торалар: сүзнен 1 нче ижегендә башка төрки телләрдәге *ä, ö, o, i, ü, i, u* татар һәм башкорт телләрендә *i, ü, u, e, ö, ə, o* була. Галим схематик рәвештә татар һәм башкорт телләрендә сузыкларның үзгәргән кебек күренүен аңлата, шул ук вакытта андый диахроник үзгәрешләр булырга мөмкин түгеллеген искәртә. Мондый тикшеренүләр тува-хакас, чагатай, огуз, кыпчак төркемнәре һәм чуаш телләре мисалында да бирелә [Hattori 1993: 319–320].

С.Хаттори, тар сузыклар башка сузыклардан кыскарак булып, кайбер телдә алар редуцияләнгәндер дип аңлата. Аның фикеренчә, борынгы төрки телләренң үсеш-үзгәреш чорында югары күтәрелешле сузыклар *i, ü, i, u* кыскарып, хәзерге төрки телләрдә, шул исәптән татар һәм башкорт телләрендә редуция күренеше барлыкка китергән булса кирәк. Галим татар һәм башкорт телләренең тар сузыклары озын, фонологик яктан /ej/(i), /ew/(ü), /əj/(ü), /əw/(u) булып, шунлыктан борынгы төрки тел белән чагыштырганда, үзгәрешләр китереп чыгарырга мөмкин булуын фаразлый [Hattori 1993: 321–323].

Галим диахроник һәм синхроник планда кыпчак төркеменә кергән татар һәм башкорт телләрен чуаш теле белән чагыштыра, башка төрки телләргә охшаса да, чуаш теленнән нык аерылып торуын ассызыклай. Күпсанлы мөстәкыйль сүзләрен мисалга алып, сүзләренң фонетик яктан аермасын, сузыкларның нинди үзгәрешләр кичерүен дәлилли [Hattori 1993: 323–324].

Мондый тикшеренүләр С. Хатторига чуаш һәм татар, башкорт телләренң килеп чыгышын, формалашу тарихын күзаллауда нигез булып тора. Тарихи чыганакларга нигезләнеп, галим Урта Идел, Кама буенда XII–XIV гасырларда Болгар дөләте булуын һәм анда яшәүче халыкларның теле хәзерге чуаш теленә охшаган булуын искәртә. Борынгы төрки язма истәлекләргә, аерым алганда, «Диване лөгатет-төрк» һәм XIII–XIV гасыр Идел бие болгарларының эпиграфик язмаларына таянып, идел-болгар теле турында фикер йөртәргә мөмкин дип аңлата. Галим карашынча, Болгар дөләте чорында идел бие болгарлары һәм чуашларның борынгы бабалары генетик яктан бер-берсенә бик якин торсалар да, ике төрле халык булган. Идел бие болгарлары VII гасырда Идел белән Кама кушылган районнарда килеп төпләнгәннәр, бу вакытта чуаш кабиләләре әлеге жирлектә инде урнашкан булалар [Hattori 1993: 324–326].

Идел бие болгарлары белән чуашларның борынгы бабаларының теле бик нык охшаш булсалар да, шул ук вакытта берникадәр аерылып торганнар, дип искәртә С. Хаттори һәм XIII гасырларда борынгы чуаш телендә болгар телләрендәге *b z* туры килгән *p* һәм *s* авазлары инде кулланылышта булу ихтималлыгын фаразлай. Шул рәвешле галим сузык авазлар өлкәсендә дә үзгәрешләр килеп чыккан булуын дәлилләргә омтыла [Hattori 1993: 319–327].

Шулай итеп, япон галиме С. Хаттори фаразлавында чуаш кабиләләре гуннарға барып тоташа. Галим үзалдына «Ни өчен чуашлар төрки-татар телен кабул итмәгәннәр соң?» дигән сорау куеп, жавабын да табарга тырышкан: бу вакытта инде алар болгарлардан аерым халык булып торганнар. Галим чуаш һәм башка төрки телләрен фонетик ярашуын билгеләү кыенлыгын чуаш теленң идел-болгар, татар һәм башка төрки телләренң бәлки әле урал телләренң дә тәэсиренә дучар булу мөмкинлеге белән аңлата [Hattori 1993: 326–327].

Тикшеренүләрдән күренгәнчә, япон галиме, Япониядә төрки тел гыйлемен өйрәнүгә нигез салучыларның берсе, тюрколог-компаративист Сиро Хаттори төрки телләренң чагыштырма-тарихи фонетикасы, морфологиясе, татар һәм башка төрки телләренң килеп чыгышы, тарихи мәсьәләләре белән кызыксынган. Күренекле тюрколог галимнәренң фәнни карашларына нигезләнеп, үз фикерен, үз гипотезасын булдырган. Сиро Хатториның фикер тирәнлегенә ия, фактик материалга нигезләнеп язылган күләмле фәнни мәкаләләре киләчәктә тирәнтен өйрәнүгә лаек.

ӘДӘБИЯТ

- Усманова Л. Тюркские связи японского лингвиста Хаттори Сиро // Эхо веков. – 2010. – № 3/4.
Гибатдинов М., Усманова Д.М., Усманова Л.М. Тюрко-татарские материалы в архиве Хаттори Сиро университета префектуры Симанэ // Shimane Journal of North East Asian Research. Vol. 26. – March 2015. – Pp. 41–49, 128.
Shiro Hattori. The accent of the Tatar Numerals (1940). Studies in Altaic languages-vol. 1. 1986. 236–249. Tokyo: Sanseido.
Shiro Hattori. Tatarugo no jutsugo-ninsho-gobi to akusento [Tatar predicative personal endings and accent] (1940). Studies in Altaic languages-vol. 2. 1987. 1–23. Tokyo: Sanseido.
Shiro Hattori. The formation of Tatar and the Origin of the Chuvash people (1972). Studies in Altaic languages-vol. 3. 1989. – 140–156. Tokyo: Sanseido.
Shiro Hattori. Phonological interpretation of Tatar high vowels (1975). Studies in Altaic languages-vol. 4. 1993. – 256–264. Tokyo: Sanseido.
Shiro Hattori. Vowel harmony or consonant harmony? (1983). Studies in Altaic languages-vol. 4. 1993. 319–327. Tokyo: Sanseido.
Shiro Hattori et al. Prof. Dr. Hattori Shiro reminisces of his long life devoted to the study of Altaic languages (1992). Institute of Eastern Culture. Eastern studies (83). – 177–207.

МӘХМҮД БОЛГАРИНЫҢ «НӘҖЖЕЛ-ФӘРАДИС» (1358) ӘСӘРЕНДӘ КУЛЛАНЫЛГАН РИЗЫК АТАМАЛАРЫ

Ф.Ш. Нуриева

Статья посвящена изучению наименований пищи в языке произведения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис», написанного 1358 году. Вводится в научный оборот целый пласт предметно-бытовой лексики из средневекового художественного произведения, даются сведения о фиксации наименований зерновых, бобовых, огородных и садовых растений, названия пищи животного происхождения, молочных продуктов, названия напитков. Проведенное исследование позволило сделать выводы о языковых средствах старотатарского языка для наименований материальной культуры. Названия пищи принадлежат к наиболее архаичной лексике, арабо-персидские заимствования использованы в качестве синонимов или составляют экзотическую подгруппу в наименованиях пищи.
Ключевые слова: золотоордынский, «Нахдж ал-Фарадис», лексика, наименования, пища, зерновые, продукты.

The article deals with the study of food names in the language of Mahmud al-Bulgari work «Nahj al-Faradis» written in 1358. A whole layer of household vocabulary from the medieval literary work is introduced into scientific discourse; the article contains information about names of grains, legumes, and garden plants, food names of animal origin, dairy products and beverages. The study made it possible to draw conclusions about the linguistic means of the Old Tatar language for the names of material culture. Food names belong to the most archaic vocabulary; Arab-Persian borrowings are used as synonyms or constitute an exotic subgroup in food names.

Keywords: Golden Horde, «Nahj al-Faradis», vocabulary, names, food, grains, products.

Мәхмүд Болгариниң «Нәҗжел-фәрадис» әсәре Алтын Урда чоры татар әдәбиятының, мәдәниятенң, сәнгатенң күренекле әсәрләреннән берсе. Ул танылган Алтын Урда чоры

язма истәлекләре арасында үзенә сәнгати камиллеге, идея-тематик яктан бай булуы белән аерылып тора. Дүрт бүлектән торган бу әсәр йөзләгән гыйбрәтле хикәятләргә корылган. «Нәһжел-фәрадис» әсәрнең өйрәнгән телче, тарихчы, әдәбиятчы галимнәр фикерләреннән күренгәнчә, әсәрдә Алтын Урда чоры яшәшән, тормыш-көнкүреш лексикасын чагылдырган бай сүзлек составы урын алган.

Мәкаләдә Мәхмүд Болгаринның «Нәһжел-фәрадис» әсәрнедә урын алган ризык атамалары өйрәнелде. Хәзерге тел тарихы фәне алдында татар теленең тарихи лексикологиясен үстерү бурычы тора һәм аны тарихның теге яки бу чорында язылган истәлекләреннән сүзлек составын өйрәнү аша тормышка ашырырга мөмкин. Алтын Урда чорына караган тормыш-көнкүреш лексикасын өйрәнү шул чор кешеләреннән көндәлек материалъ ихтыяжларын ачыкларга ярдәм итә.

Тормыш-көнкүреш лексикасының телнең бай катламнары эчендә ризык атамалары мөһим төркем тәшкил итә. Әдәби текстта кулланылган ризык атамаларын берничә төркемчәгә бүлеп карый алабыз.

Ризыкны белдерә торган гомуми атамалар. Эзерләнгән ризыкның гомуми атамасын аңлату өчен *аш* сүзә кулланылган. Мисаллар: *аш пишти* (43a2); *бир кәрсән аш тәкый йәти әтмәк бирүңнәр* (15b11); *евендә отун йоқ аш пиширмәккә* (123b6); *үч мин киши жәмләсе тойдылар тәкый күвәч ашы андагук әрди* (15b13) һ.б. «Нәһжел-фәрадис» текстында шулай ук әлеге сүзнең синонимнары булган *йем*, *йемәк* сүзләре дә очрый: *йемәк: йемәк ичмәк тиләр* (31b1).

Ашамлыklarның гомуми атамасын белдерү өчен текстта шулай ук гарәп теленнән кәргән *тәгәм* – طَعَامٌ, *гиза* – غِذَاءٌ, *гуддә* – غُدْدَةٌ һәм *ризык* – رِزْقٌ сүзләре кулланылган. Әлеге сүзләреннән жәмлә эчендә синонимик кулланылуын күрергә мөмкин. Мәсәлән: *тәгәм: ул куәт раббани ирде, тәгәм тәкый гизадин түгел ирде; бир күн тәгәм пиширдүк һич татмады* (13b8); *гиза: тәкый қайу бир гиза ким ол гилләткә зийан қылур аны тәкый бәйан қылды* (212b13); *гуддә: мән бу күндин соң сизгә читүк үчүн һич гуддә бирмәгәймен* (157a11); *ризык: ризыкны тәнавәл қылдылар* (222a4).

Төрки-татар сүзә *аш* сүзә хәзерге татар әдәби теленең актив лексик байлыгын тәшкил итә, гарәп теленнән кәргән *гиза* һәм *гуддә* сүзләре кулланылыштан төшеп калган, *тәгәм* һәм *ризык* сүзләре исә үз мәгънәләрен саклап бүгенгә көндә дә татар теленең актив лексикасын тәшкил итәләр. *Тәгәм* сүзә күпчелек очрақларда әдәби әсәрләр телендә кулланыла. *Йемәк* сүзә исә архаиклашкан, әлеге лексема кайбер төрки телләрдә *ризык*, *ашау* мәгънәләрендә кулланылуын дәвам итә, татар телендә *жым* сүзә кош-кортлар ризыгы атамасын белдерә.

Төрки-татар сүзә булган *азық* сүзә дә ризык атамасының гомуми мәгънәсен белдереп килгән: *азықлары түгәнди* (11b17); *йә Хәдичә мәңә азық қылу биргел* (4b8) һ.б.

«Нәһжел-фәрадис» әсәрнедә бөртекле ашлык һәм аны эшкәртүгә бәйлә булган ризык исемнәре киң таралыш алган. *Ашлык* сүзә урта гасырларда да ашлык, азык мәгънәләрен белдергән: *Қабил игинчи ирде ашлықларында йаманрақуны кәлтүрдә* (168b14); *Қабилның ашлыкыны кабул қылмады* (169b15) һ.б.

Бугдай лексемасы бүгенгә көндә дә актив лексиканы тәшкил итә, әлеге сүз бары тик фонетик үзгәреш кенә кичергән, *бодай* буларак кулланыла: *бугдай йыгачынга йавумаң* (14a6); *һәр күн төрт мин ишәк йүги бугдай харәж булур ирде тәкый төрт мин сыгыр һәр күн богузланыр ирде* (106b1);

Арпа сүзә хәзерге телдә үзгәрмичә саклаган: *евдә төрт батман арпа вар* (15a11); *ол арпадин әтмәк қылды* (71a14) һ.б.

Тары сүзә шулай ук бары фонетик үзгәреш кичереп бүгенгә телдә сакланып калган һәм тары буларак кулланыла: *бизим илдә тарыгдин нәрсә қылурлар* (182a17) һ.б.

Тутурган: *мән игинчи әрдим тутурган игәр әрдим* (123b12). *Тутурган* сүзә архаиклашкан, хәзерге татар әдәби телендә әлеге мәгънәдә *дөге* лексемасы кулланылышка ия.

Тарттырылган ашлык һәм аннан ясалган ризык атамалары да әсәр телендә еш очрый, *ун*, хәзерге телдә он, бик актив берәмлекләрдән. Мисаллар: *бир тагарчуқ ун тултырды* (12a24); *ул унның хамиры кәлдими* (161a6); *әгәр ол қум төпәси ун булса әрди мән хақиқәт билүрмән* (205b11) һ.б. Гарәп теленнән кәргән *хамир* (خمير) бүгенгә көндә камыр буларак кулланыла: *салих евидин хамир майа алып әтмәк биширдә* (44b3); *ул унның хамиры кәлди* (161a6); *тәкый евгә оглақ кериб ол хамирны йемши* (209a7) һ.б.

Текстта оннан эзерләнгән ботка мәгънәсендәге *буламақ* сүзә дә урын алган: *Ғомәр буламақ қылды* (54b14); *буламақ пишти ол зәгифә бу нарасидә йәтимләргә ол буламақдин бәрди* (145a4).

Этмәк сүзе борыңгы язма истәлекләрдән алып хәзергәчә актив кулланылышта, «Нәһжел-фәрадис» әсәрендә дә әлеге сүз 63 тапкыр кабатланган: *бир чанақ бирлә аш кәлтүрми тәккый әкки этмәк кәлтүрмиш (68а3); арпа этмәгини тойа йәди әрсә (12365) һ.б.*

Ризык әзерләүдә кулланылган кузаклы үсемлекләр атамалары: *йасмуқ: әкки таиш бар йасмуқдин улуграқ (2261), бурчақ: алнындан бурчақ мәнизлек гарақ кәлүр әрде (209616); нухут: нухутдин кичигрәк (2261)*. Кузаклы үсемлек атамаларына бәйлә булган лексика текстта күбрәк сурәтләү чарасы буларак охшагу-чагыштыру өчен кулланылган.

Бакча үсемлекләреннән текстта *сарымсақ, зәйт* сүzlәре теркәлгән: *тәгәмдә бурнумга сарымсақ йызыгы кәлдә (13610); ашыңга үкүш сарымсақ қатмыш (21164); этмәк тәккый зәйт кәлтүргил ифтар қыларың (12768)*.

Жиләк-жимеш атамалары. Жиләк-жимеш атамаларын белдерүдә *йемиш* сүзе кулланылган. Аерым бер жиләк-жимеш атамаларыннан алма сүзе кулланылган: *бизкә килүр болса йеңигә ики алма алып килүр әрди (8664)*. Көнъякта үскән жиләк-жимешләрдән: *хөрмә, үзүм, бадәм* атамалары очрый: *бағ тарафларында төкүлгән хөрмә саграқларыны йыгып аны төгүп аның бирлә әфтар қылу әрди (156а13); мәңә бир авуч бадәм бәрди (218а10), үзүм ләззәтин бағ әйәси билмәс билмәс (44а3); бәгзы гарифләр үзүм йемәз әрди (149611)*. Йөзем сүзенең синонимы буларак *так* лексемасы теркәлгән: *тәккый тақ йапрақындин йеди (149а8)*.

Ит һәм балык һәм алардан әзерләнгән ризык атамаларыннан *әт* һәм *балык* сүzlәре очрады: *пәйгамбәр қой әтидән чәйнәйү башлады (17615); агулуғ әтни чәйнәп бырақтым әрди (18а12); гәмри барынча ол Дәжлә балықындин татмады (111а16) һ.б.*

Иттән әзерләнгән ризык атамасын белдерү өчен гарәп теленнән кергән алынма сүз *шүрбә* (شربة) кулланылган: *әт берлә шүрбә қайныйур әрди (12262); бир йармақ әт алмадыңыз евдә шүрбә пишүрмәдиңиз (127610)*.

Кыздырылган ит гарәп телендәгә *кәбаб* (كباب) сүзе белән бирелгән: *үч күн болды кем андишә ичиндә тәккый қазғу ичиндә бәгрим кәбаб болды (108а17)*. Бу очрақта метафора буларак кулланылган.

Йағ сүзе хәзерге телебездә *май* сүзен белдерә торган лексик берәмлек: *йағдин тәккый йумшағрақ әрди (58а12)*.

Сөглә ризык атамаларыннан *сүт* сүзе әсәр телендә киң кулланылыш тапкан: *қуйларымыз мунда болса әрди сизләргә сүт бәргәй әрдим (12а4); сүв сүтдин ақ турур (32а6)*. Эчемлекләре белдергән гомуми төрки сүз буларак *ичим* сүзен күрсәтергә мөмкин: *бир ичим сүт бу ывуқдан ичмәгим сәвүклүгрәк (76а5)*. Гарәп теленнән кергән *ширбәт* (شربات), *гасал* (عسل) эчемлек төрләрен белдереп килгәннәр: *балдин ширбәт қылып чығарды (2362); ширбәти ев изисиниң йүзингә урды (15568)*. Төрки-татар *бал* сүзе дә эчемлек мәгънәсендә кулланылган: *сүв тиләдим әрсә ол кем әрсә балдин ширбәт қылып чықарды (50611)*.

Исерткәч эчемлекләрдән *хәмр* (гар. خَمْرُ), *шәраб* (гар. شراب) лексемалары билгеләнде: *бириниң ичиндә хәмр бар әрди (2969); тәккый шәрабы ул қандин болгай (183а4); мәним үчүн тәккый тәгәмини тәккый шәрабыны тәрк қылды (133а4)*. Төрки-татар чыгышлы *чақыр* сүзе арақы, исерткәч мәгънәсендә йөри: *сүв орынга улаш ақты чақыр бал (45а3)*.

Баллы ризык атамаларыннан язма истәлектә гарәп теленнән кергән «*хәлүә*» (حلو) сүзе генә теркәлгән: *әтмәги үзәсиндә бир нарә хәлүә бар (152а3)*.

Мәхмүд Болгариниң Алтын Урда чоры язма истәлеге «Нәһжел-фәрадис» әсәрендә тормыш-көнкүрештә кулланылган ризык атамалары үзләренең күптөрлелеге белән аерылып тора. Билгеле булганча, ризык халык тарихының мөһим өлешләренең берсе, ашамлык төрләре һәм атамалары гасырлардан-гасырларга күчеп килә, яңалары өстәлә тора. Әсәрдә ашамлык атамаларының күп төрләре теркәлгән. Алар арасында ризыкны белдерә торган гомуми атамалар, бөртекләләр, тарттырылган ашлык һәм аннан ясалган ризык атамалары, ит һәм балык һәм алардан әзерләнгән ашамлыklar, эчемлек атамаларын белдергән сүzlәр бар.

Мәхмүд Болгариниң «Нәһжел-фәрадис» әсәрендә урын алган ризык атамаларын өйрәнү, шул дәвердәгә халыкның яшәешен, көндәлек тормышын һәм хужалык эшчәнлеген ачықларга ярдәм итә. Әсәр телендә кулланылган берәмлекләренң күпчелеге хәзерге татар әдәби телендә, аның сөйләшләрендә сакланган. Алтын Урда чорында Көнчыгыш цивилизацияләре белән бәйләнеш көчле булганга, гарәп-фарсы алымалары очрый, күпчелек очрақта алар төрки-татар сүзләренең синонимнары буларак урын алган. Исерткәч эчемлек атамалары гарәп теленнән кергән алынмалар, төрки чыгышлы *чақыр, бал* сүzlәре белән белдерелгән.

Әдәби текстта ризык атамасын белдергән сүзләрнең күп санда кулланылуы татарларда аш-су әзерләү культурасының озын тарихы булуын күрсәтә.

ЧЫГАНАК

Nehcü'l-Feradis. – I. Tipki Basim. – Ankara, 1956. – 444 s.

ӘДӘБИЯТ

Баязитова Ф.С. Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы. – Казан: Дом печати, 2007. – 480 б.
Замалетдинов Р.Р., Хуснуллина Г.Н. Лингвокультурологические особенности наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура, 2014. – № 4 (38). – С. 95–100.
Лукина Г.Н. Предметно-бытовая лексика древне-русского языка. – М., 1990. – 180 с.
Нуриева Ф.Ш. «Нахдж-ал-Фарadis» Махмуда ал-Булгари. – Казань: Фэн, 1999. – 208 с.

ТАТАР ТЕЛ БЕЛЕМЕНДӘ КҮПТЕЛЛЕ СҮЗЛЕКЛӘР

Р.С. Нурмөхәммәтова, Ф.Р. Нурмөхәммәтов

Татарская лексикография имеет богатую историю. На сегодняшний день в библиографических справочниках и библиотечных каталогах насчитывается более 400 трудов, среди которых огромное количество переводных словарей. В данном исследовании внимание уделяется многоязычным словарям татарского языка XIX–XXI вв.

Ключевые слова: татарская лексикография, словари, переводные словари, многоязычные словари.

Tatar lexicography has a rich history. There are more than 400 works in bibliographic references and library catalogs today, including a huge number of translation dictionaries. This article is devoted to study the multilingual dictionaries of the Tatar language of the XIX–XXI centuries.

Keywords and phrases: Tatar lexicography, dictionaries, translation dictionaries, multilingual dictionaries.

Татар теленә нисбәтле сүзлекләр төзү бик борынгы чорларга карый. Мондый хезмәтләр башта гамәли максатларны күздә тотып, кулъязма формада төзелсәләр, соңрак типографияләр барлыкка килү белән, йөзләрчә-меңнәрчә тираж белән басылып, халык арасына таралганнар. Библиографик белешмәлекләр [Миңнуллин 1998], китапханә каталоглары буенча фикер йөрткәндә, татар теленең басма лексикографик байлыгы бүгенге көндә 400 дән артык исемне берләштерә.

Филологик сүзлекләргә барлаганда, иң элек бер һәм ике тел (тәржемәле) сүзлекләре игътибарга алына. Тәржемәле сүзлекләр татар лексикографиясе тарихында шактый зур урын алып тора. Бу төр хезмәтләр ике яки берничә тел материалында төзелгәргә мөмкин. Ф.С. Сафиуллина фикеренчә, «иң күп таралган ике телле сүзлекләрдән татарча-русча, русча-татарча сүзлекләргә күрсәтергә кирәк» [Сафиуллина 1999: 173].

Берничә тел сүзлекләр төзү практикасы да татар лексикографиясендә шактыйдан башланган. Тарихка күз салсак, алар арасында өч, дүрт һәм аннан да күбрәк тел параллель куелган хезмәтләргә күрергә мөмкин.

М. Ногманның «XVII–XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр» хезмәте татар лексикографиясенә башлангыч чорына берникадәр ачыклык кертә [Ногман 1969]. Анда күрсәтелгән чорда төзелгән 13 хезмәتكә жентекле лингвистик анализ бирелә. Шулар арасында дүрт күптелле сүзлек игътибарга алына: Сембер провинциясендә төзелгән *русча-татарча-чувашча-мордвача* чагыштырмалы глоссарий (1738); *русча-татарча-чыгтайча-фарсыча* глоссарий (Казан, 1737–1738 еллар); Самарадагы татар-калмык мәктәбе каршында П.И. Рычков һәм Мәхмүд Габдрахманов тарафыннан төзелгән *русча-татарча-калмыкча* сүзлек (1740 еллар); Нижегород духовный семинариясе укучылары тарафыннан төзелгән *русча-татарча-чувашча-мордвача* чагыштырмалы сүзлек (1785). Соңгысын лингвистик әдәбиятта Дамаскин сүзлегә дип йөртү кабул ителгән.

XIX йөздә татар басма лексикографиясе тарихы башлана. Бу чорда түбәндәге берничә тел сүзлекләре басылды: «Өч йөз житмешләп дөва үләннәренен исемнәре русча, латинча, мөселманча» (1886, 1894), Хәбирә бинте Габделкави Насырийның «Фарсы-гарәби һәм төрки лөгате» сүзлегә (1902); М.-С.Иманколының «Тәржемә руси вә фарси вә төрки» дип аталган русча, фарсыча һәм төркичә үзәйрәткече (1909), анын 1913, 1917 елларда тагын ике басмасы нәшер ителә; 1893 елда Г. Баруди «Лөгате сөлләһәсә зөбән өч тел» исемендә гарәпчә, фарсыча, төркичә (татарча) сүзлек төзеп бастыра. Сүзлекнең 1897, 1902, 1907, 1911, 1916 елларда берничә басмасы дөнья күрә.

XX йөздә мондый типтагы хезмәтләр төзелү дәвам итә. Мисал өчен, Ш. Тукавий авторлыгындагы сүзлек гарәп, татар, рус телләре материалында эшләнә (1913), Н. Максудиның 1927 елда басылган «Фәнни камус»ны русча, татарча һәм төркиячә фәнни жынтыклардан тупланган 10000 терминны үз эченә ала; «Урысча, латинча һәм татарча атамалар сүзлеген. Кеше морфологиясе (анатомия, гистология)» (1931) хезмәте яңа чордагы беренче терминологик хезмәт буларак билгеләнә ала.

Күптелле сүзлекләр төзү ике дистә ел чамасы тукталып торганнан соң, бу эш Г. Ишмөхәмәтовның алты тел материалында эшләнгән «Төрки, фарсы, гарәп һәм казахча, татарча, русча сүзлекчә»се белән жанланып китә (1954). 1965 елда «Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеген» татар жәмәгәтчелеге тарафыннан күптән көтелгән хезмәт буларак кабул ителә, 1993 елда аның тагын бер басмасы нәшер ителә.

Алдагы елларда татар теле янәшәсенә рус теленнән тыш, төрек, инглиз, немец теле һ.б. куела башлый: «Татарча-русча-төрөкчә сүзлек» (1992), «Физика, химия һәм химик технологияләр буенча русча, татарча һәм инглизчә аңлатмалы сүзлек» (1995), «Инглизчә-русча-татарча физик терминнар сүзлеген» (1996), «Инглизчә-татарча-русча гомуми-төзелеш лексикасының уку-укуту сүзлеген» (1996), «Немецча-татарча-русча гомуми-төзелеш лексикасының уку-укуту сүзлеген» (1996) һ.б. моңа ачык мисал булып тора.

XXI гасырда (2000–2017) күптелле татар лексикографиясе төрле өлкәләргә һәм фәннәргә колачлый. Билгеләнгән елларда шундый 25 сүзлек дөнья күрә, китап киштәләргә, нигездә, инглиз, рус, татар телләре материалында эшләнгән сүзлекләргә байый (сүзлек исемнәре татарчага тәржемә итеп бирелде): «Информатика буенча инглизчә-татарча-русча сүзләмә» (2000), «Татарча-русча-французча сүзлек» (2001), «Татарча-русча-латинча үсемлек атамалары сүзлеген» (2002), «Менеджмент буенча татарча-инглизчә-русча сүзлек» (2006), «Информатика һәм информация технологияләр терминнары: инглизчә-татарча-русча аңлатмалы сүзлек» (2006), «Русча-татарча-инглизчә медицина терминнарының кыскача аңлатмалы сүзлеген» (2009), «Инглизчә-русча-татарча икътисади терминнар сүзлеген» (2010), «Математика: русча-татарча-инглизчә терминологик сүзлек» (2014), «Татарча-русча-инглизчә әдәбият белем терминнары сүзлекчәсе» (2014), «Татарча-русча-инглизчә тел белем терминнары сүзлекчәсе» (2014), «Икътисад: русча-татарча-инглизчә терминологик сүзлек» (2014), «Геодезия: русча-татарча-инглизчә терминологик сүзлек» (2014), «Инглизчә-русча-татарча компьютер терминнары сүзлеген» (2015), «Өчтелле педагогик сүзлек (русча-татарча-инглизчә)» (2015), «Информатика һәм ИКТ: русча-татарча-инглизчә компьютер лексикасы глоссарие» (2017) һ.б. Мисаллардан күрәнгәнчә, терминологик сүзлекләр, нигездә, төгәл фәннәргә багышлана һәм өч тел белән чикләнә.

Болардан тыш, сүзлекчеләр кече яшьтәге балаларны да, мәктәп укучыларын да онытмый. Бу аңлашыла да, чөнки яңа чор яшьләргә берничә тел белүен таләп итә: «Татарча-русча-инглизчә рәсемле сүзлек» (2009), «Мәктәп укучылары өчен французча-русча-татарча сүзлек» (2013), «Татарча-русча-инглизчә мәктәп сүзлеген» (2013, 2014), «Нәниләр тел өйрәнә: татарча-русча-инглизчә рәсемле сүзлек» (2014) һ.б.ш.

Һәр телнең фразеологик системасы үзенчәлекле өлкәгә тәшкил итә һәм бу байлык тәржемәдә аерым кыенлыктар тудыра. Алда атап үтелгән сүзлекләр нәкъ менә шул яктан аеруча кыйммәтле: «Русча-инглизчә-немецча-төрөкчә-татарча фразеологик сүзлек» (2008), «Идеографик фразеологик сүзлек (татар, рус һәм инглиз теле материалында)» (2010).

Тикшеренү материаллары буенча нәтижә ясаганда, күптелле сүзлекләрдә беренче урында татар һәм рус телләре тора, ә өченче, дүртенче тел буларак берәр европа теле (инглиз, сирәгрәк француз, немец телләре) алына. Бу фонда күрше халыкларның тел материалына мөрәжәгать иткән хезмәтләр аерылып тора һәм игътибарны үзләренә жәлеп итә: «Татарча-русча-мукшыча-эрзяча сөйләүлек» (2012), «Русча-удмуртча-татарча сүзлек» (2013). Аларның саны күп булмаса да, татар телендә берничә тел сүзлекләре төзүнең киләчәккә юнәлешен билгеләргә мөмкинлек бирә.

ӘДӘБИЯТ

- Миңнуллин К., Вәлиуллин Р. Татар теле – сүзлекләрдә. – Казан: Мастер Лайн, 1998. – 56 б.
Ногман М. XVII-XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969. – 112 б.
Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология (югары уку йорты студентлары өчен). – Казан: Хәтер, 1999. – 288 б.

ТАТАР ҺӘМ УЙГУР ТЕЛЛӘРЕНДӘГЕ ХАТЫН-КЫЗ БАШ КИЕМНӘРЕ АТАМАЛАРЫНА КЫСКАЧА КҮЗӘТҮ

Р.С. Нурмөхәммәтова, Х. Нуэрсяти

Названия головных уборов отражают процессы развития материальной и духовной культуры татар и уйгуров, и способствуют пониманию и изучению быта этих родственных этносов. Несмотря на то, что система наименований этих предметов одежды во многом схожа с системой других тюркских народов, в процессе их формирования и существования в языке проявляются структурно-семантические и лингвокультурные особенности. Поводом для написания данной статьи стало то, что лексический состав выбранных языков мало изучена в сравнительном аспекте. Работа является первым опытом в этом направлении, в ней рассматриваются лишь некоторые наименования женских головных уборов татарского и уйгурского языков.

Ключевые слова: татарский язык, уйгурский язык, названия головных уборов, сравнительное изучение.

The names of headdresses reflect the development of the material and spiritual culture of the Tatars and Uighurs, and promote understanding and studying the life of these kindred ethnic groups. Despite the fact that the system of names of these items of clothing is in many respects similar to the system of other Turkic peoples, in the process of their formation and existence, structural, semantic, and linguocultural features appear in the language. The reason for writing this article was the fact that the lexical system of the selected languages was poorly studied in a comparative aspect. The work is the first experience in this direction; only some of the names of women's hats of the Tatar and Uygur languages are considered.

Keywords and phrases: Tatar language, Uyghur language, headwear names, comparative study.

Тикшерелә торган һәр ике телдә дә баш киеме атамалары киём-салым лексикасы эчендә шактый киң катламны колачлый. Бу берәмлекләр сүзлек составының эһәмиятле өлешен били һәм ул тормышта үтә дә зарури булган эһәмиятле төшенчәләрне билгеләү белән байле. Ике кардәш тел лексикасының әлеге өлкәсен тикшерү лексик-семантик үзенчәлекләрне, лексиканың әлеге катламның функцияләшү характерын ачыклаудан бигрәк, халыкның матди һәм рухи мәдәнияте, аның бүгенгесе һәм тарихи үткәне белән танышырга мөмкинлек бирә. Мондый чагыштырма характердагы фәнни эзләнүләр телләр һәм халыклар арасындагы кайбер охшаш һәм аермалы якларны ачыкларга мөмкинлек бирәләр.

Татар хатын-кыз баш киёмнәре бүгенге көндә зур төрлелеге белән аерылып тормый. Әмма сүзлекләргә мөрәжәгать иткәндә телдә бу төр киём-салымны белдергән сүзләрен шактый булуы ачыклана. Мисал өчен, «Татар теленәң аңлатмалы сүзлеге»ндә (алга таба ТТАС) түбәндәге берәмлекләр урын алган: *кашбау / кашмау, калфак, кирәч, косынка, кыекча, такыя, тастар, сүрәкә, чачак, шәл, яулык* һ.б. Кайбер атамаларның эчтәлеген карап үтик.

Тастар – кияүгә китәсе кызлар башларына сарып йөри торган озынча ак киндер яулык [ТТАС 2005: 521]. Татарларда чигелгән тастарлар киң таралган була. Тастарны башка шарф төсле ураганнар, ул хатын-кызның башын гына түгел, ә жылкәләрен дә каплап торган. XX гасыр башында фабрикада тегелгән яулыклар һәм шәлләр барлыкка килү белән, әлеге баш киеме кулланылыштан чыга.

Калфак – сәйлән яки энже белән чигелеп, бәрхетән тегелгән, маңгай турысына киелә торган хатын-кыз баш киеме [ТТАС 2005: 226]. Гадәттә, аларны зур кызлар һәм яшь хатын-кызлар кигәннәр. Аны кечерәк яулык белән дә каплаганнар. Калфакларның төрләре шактый булган.

Кашбау, кашмау – алгы ягы сәйлән, энже, асылташлар белән бизәлгән тасма яки такыясыман хатын-кыз баш киеме [ТТАС 2005: 244]. Кашбауны, нигездә, кияүгә чыккан хатын-кызлар кигән. Кашбауның түбәсе ачык, аркага төшеп торган тар тасмасы бар. Бу тасма хатын-кызның чәчләрен тулаем капларга тиеш булган. Кашбау кызыл, куе (кара) кызыл яисә көрән төсләрдә эшләнгән. Бу баш киеме, аеруча да, XIX гасырда популяр була. XX гасырда кашбау бәйрәм баш киеме саналган һәм аны, нигездә, мул тормышлы гаиләләрдәге хатын-кызлар кигәннәр.

Яулык – дүртпочмак яки өчпочмак формасында башка бәйләү яки жылкәгә салу өчен махсус эшләнгән тукыма кисеге [ТТАС 2005: 738]. Яулык төрле фонетик вариантларда төрки телләренң күбесендә очрый: казакъ, каракалпак телләрендә *жаулык*, кыргыз телендә *жаоолук*, төрекмән, госманлы (төрөк), уйгур телләрендә *йаглык* [Әхмәтьянов 2001: 266].

Кыекча – кечкенә яулык (гадәттә өчпочмаклы була), косынка [ТТАС 2005: 301]. Аны ак тукумадан ясап, маңгай турысына килә торган өлешенә ука тотканнар. Шәһәрләрдә һәм шәһәргә яқын авылларда яшәүчә өлкән яшьтәге хатыннар исә **өрпәк** – өчпочмаклы яулык [ТТАС 2005: 758] сарганнар. Ул да кыекча формасындагы зур баш яулыгы (бөркәнчек). XIX гасырның ахыры – XX гасыр башларында кыекча һәм өрпәкләрне зур фабрика яулыклары һәм шәлләре алыштыра. Ләкин традиция бөтенләй онытылмый. Бүген дә татар хатыннары шәлләрне һәм яулыкларны, кыекча формасына китереп (диагональ буенча урталай бөкләп) өч почмаклап ябынырга яраталар.

Уйгурлар X гасыр башында Ислам динен кабул иткәннән соң, дин буенча хатын-кызлар да, ир-атлар да баш киеме кияргә тиеш булганнар. Төрле яшькә, яшәгән мохитенә, һава торышына һәм гореф-гадәтләргә карап, баш киёмнәре төрле була. Хатын-кыз баш киёмнәрен дүрткә бүлеп карыйлар: *доппа* (түбәтәй), *тумак* (бүреккә охшаган баш киеме), *яулык* һәм *шарф*.

Доппаның 35 тән артык төре бар: *бадам доппа, зәр доппа, чемән доппа, өнчә доппа, гиләм доппа, мәнпу доппа, алтын кадак доппа, сәрпүш доппа, ак доппа яки чапак доппа, таж доппа, кирия доппа, турпан доппа, кумул доппа, атуш доппа, сәллә доппа, или седам доппа* һ.б.

Чемән доппа. «Чемән» сүзе хатын-кызның чибәрлеген аңлата. Чемән доппага, бодай үсентесенә охшатып, геометрик сызыкчалар чигәләр. Бу баш киёмен укымышлы һәм зыялы хатын-кызлар кия [Зунун 2009: 60].

Гиләм доппа. «Гиләм» сүзе келәмне, ягъни коверны аңлата [Әзизи 2012: 256]. Гиләм доппа сатуда (базарда) аз очрый, чөнки аны чигү бик четрекле эш булып санала. Гиләм доппаны күбесенчә туйга килгәндә хатын-кыз кунаклар кия. Шулай ук чемән доппаны да, гиләм доппаны да Нәүрүз бәйрәмендә кияләр [Торсунтухти 2013: 94–96].

Алтын кадак доппаны бай хатын-кызлар үзләренң байлыкларын күрсәтү өчен кияләр. Алтын кадак доппаны кызлары һәм уллары әниләренә бүләк итәләр. Сирәк очракта егет йөргән кызына да бирергә мөмкин [Зунун 2009: 61].

Уйгур телендәге баш киёменң икенчесе – **тумак**, аның 40 тан артык төре билгеле: *ак тумак, сәрпүш тумак, папах тумак, кола тумак, каскан кизәк тумак, кәшгар тумыкы, хотән тумыкы, сүсәр тумак, кәмчәт тумак, кондуз тумак, норка тумак, бабур тумак, төлкә(е) тумак, булгун тумак, шәпке тумак, колакча тумак, канзадә тумак, камак тумак* һ.б.

Кама тумак. Кама сүзе «камап ала, тотып тора» дигәнне аңлата. Ул дүрткырлы була һәм, ничек тегелүенә карап, ике төргә бүленә. Беренче төренң өске өлеше кечерәйтелгән һәм ул жиңел баш киеме булып санала, ә икенчесенң өске өлеше киңәйтелгән була. Кечерәйтелгән кызларның кияүгә чыкмаганлыгын һәм ягымлы, сөйкемле булуын күрсәтә. Зурайтылганы кызларның кияүгә чыкканлыгын һәм элек балдак мәгънәсен аңлаткан. Әгәр хатын-кыз йөклә булса, башының уң ягына роза чәчәге кыстырыла [Хошур 1997: 302–303].

Кирия тумыкы. «Кирия» сүзе район исемен һәм калфак сүзен белдерә. Кирия тумыкы кара сарык тиресеннән тегелә. Аның өске өлеше ак, яшел, сары һәм зәңгәрсү төстә була. Аны хатын-кызлар башка яулык ябып, чәч кыстыргыч (невидимка) белән эләктерәләр һәм яулык өстеннән башның уң ягына киеп, туйга барганда кияләр [Әзизи 2012: 364].

Сөсәр тумак. «Сөсәр» бай хатын дигәнне аңлата. Бу баш киеме кыйммәтле тиредән тегелгән. Хатын-кызның байлык дәрәжәсен күрсәтә торган баш киеме булып санала, туй чарасында гына киелгән.

Яулыкның уйгур халкында 25тән артык төре бар: *дака яулык, еп (жәп) яулык, чаи яулык, һәрәң яулык, тивет яулык, гөрөп яулык, мәнчур яулык, герпитушен яулык, гәйнәк яулык, һеллә яулык, ефәк яулык, болыт тәглип яулык, йон яулык, кәмерт яулык, шаеши яулык, сәрәнгә яулык, пәрән яулык, гыжым яулык, кәчмер яулык, личек яулык* һ.б.

Сәрәнгә яулык. «Сәрәнгә» шырпы кабы дигәнне аңлата, ягъни ул шырпы кабына сыя торган кечкенә генә яулык булган. XX гасырның азагында ир-кеше хатын-кызның кулын сораганда шул капны бирә торган булган. Хатын-кыз ризалашса, яулыкны муеныңа салган, ризалашмаса, капны кире кайтарган.

Пәрән яулык. «Пәрән» бик-бик юка дигәнне аңлата. Элек ул хатын-кызның бизәк, мәржән урынына муенына бәйли торган яулыгы булган. Хәзерге вакытта стюардессалар муенына бәйли торган яулык булып санала.

Ак яулыкны уйгурларда кеше вафат булганнан соң аның бертуган һәм туганнан туган кардәшләре бәйли. Бертуганнар 40 көн, ә туганнан туган кардәшләр 7 көн ак яулыктан йөри. Тиешле вакыт үткәч, аны кара яулыкка алыштыралар.

Шарфның алты төре билгеле: *чикән шарфы, гөрөп шарфы, герпитишен шарфы, йон шарф, чуклы шарф, атлас шарф(ы)*.

Мәселән, *атлас шарф*ның озынлыгы 1,5–2 м була. Атлас шарфтагы чәчәк рәсемнәренә һәм геометрик фигураларга карап, кызның кияүгә чыкканын-чыкмаганын белеп була. Әгәр дә бу рәсемнәр һәм геометрик фигуралар так санда икән, кызның егете юк яки кияүгә чыкмаган дигәнне, жөп санда булсалар, кызның егете бар яки кияүгә чыккан дигәнне аңлата [Зунун 2009: 24–25].

Шул рәвешчә, уйгур халкына хас булган баш киёмнәренән төрләрә күп булмаса да, үз эчендә бик вак итеп бүленәләр. Күргәнәбезчә, уйгурларның төп баш киёмнәре башка төрки халыкларныкына, аерым алганда татар халкындагы баш киёмнәре белән шактый охшаган.

Тикшеренүләр күрсәткәнчә, киём-салым атамаларының бер өлешен тәшкит иткән баш киёмнәре халыкның гасырлар дәвамында формалашкан киенү рәвешенә тугры калган, бары материалы, эшләнгән урыны белән бәйле төгәлләкләр кертелү генә телдәге лексик берәмлекләрнең санын арттырган дияргә була.

Кешелек дөнъясы даими хәрәкәттә, үсештә һәм үзгәрештә. Әлеге алгарыш жәмгыятьнең матди һәм рухи мәдәниятенә, шул исәптән киёмгә дә йогынты ясамый калмый. Бу – кешенең тормышны камилләштерүгә, гадиләштерү һәм уңайлыклар тудыруга омтылышы белән аңлатыла. Шуңа күрә кеше тирә-якны, шул исәптән киёмне дә үзгәртсә тырыша. Халыкның көнкүреш хәле яхшыру, жинел сәнәгатьнең алга китүе, моданың үзгәрәп торуы һәм халыкара статус алуы төрки халыклар куллана торган бу төр предметларга тәэсир итә һәм тел дә, үз чиратында, бу үзгәрешләргә лексик берәмлекләрдә чагылдырырга тырыша.

ӘДӘБИЯТ

- Әзизи З. Русча-уйгурча сүзлек. – Урумчи: Урумчи халык нәшрияты, 2012. – 1010 б.
Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
Зунун Г. Чинжанның милли киём һәм гөл бизәкләре. – Урумчи: Урумчи Чинжан халык нәшрияты, 2009. – 274 б.
Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Магбугат йорты, 2005. – 848 б.
Торсунтухти А. Уйгурларның горөф-гадәтләре. – Урумчи: Урумчи халык нәшрияты, 2013. – 208 б.
Хошур Я. Уйгурлар. – Урумчи: Урумчи миллиәтләр нәшрияты, 1997. – 309 б.

TÜRKİYE'DE CUMHURİYETİN BİR KÜLTÜR POLİTİKASI OLARAK DİL ÇALIŞMALARI VE YENİ ALFABE KURLARI

Olca Özkaya Duman

Milli mücadele Anadolu'da bir kurtuluş ve var olma mücadelesi olarak tarihte yerini almıştır. Dünyanın neredeyse pek çok yeri büyük güçlerin siyasal ve ekonomik çıkarları çerçevesinde sömürgecilik etkisi altında bir türbülansın içerisinde iken Osmanlı Devleti için de benzer bir süreç yaşanmıştır. Mondros Mütarekesi ile başlayan işgaller yurdun birçok yerine yayılmış ve bu durum ülke bütünlüğünü ve bağımsızlığını tehdit etmiştir. Atatürk, bu işgal sürecini bertaraf ederek bir kurtuluş ve kuruluş mücadelesi olarak gördüğümüz milli kurtuluş savaşını sevk ve idare etmiştir. Ülkenin yurt içi ve dışında verdiği bağımsızlık mücadelesini hem ulusal hem de uluslararası platformlarda elde etmesinin ardından ikinci bir mücadele alanı başlamıştır. Bu mücadele alanı ise artık topla, tüfikle değil kalem ve fikir dünyasının geliştirilmesi, milli ve bağımsız bir yeni eğitim programı ile yeni bir kuşak yetiştirmeyi kapsamaktadır. Kalem ve fikir mücadelesinde ana unsur olarak değerlendirilen dil çalışmaları bu dönem inkılapların başında gelmiştir. Atatürk'ün bizzat kendisi bu dil çalışmalarına başkanlık etmiş ve sürdürülebilirliği için geniş çaplı çalışmalar başlatmıştır. Dil ile başlatılan çalışmalar yeni alfabenin ilanı ile farklı bir boyuta taşınmıştır. Geçmişten gelen geleneği modern ve çağdaş olan ile uzlaştırma çabaları olarak da gördüğümüz bu dil çalışmaları ve bu süreçte gerçekleşen inkılaplar söz konusu çalışmanın ana aksını oluşturmaktadır.

Anahtar kelimeler: Atatürk, Modernleşme, Dil Çalışmaları, Yeni Alfabe.

The national struggle has taken its place in history as a struggle for survival and existence in Anatolia. While many parts of the world were in turbulence under the influence of colonialism within the political and economic interests of the great powers, a similar process was experienced for the Ottoman Empire. The invasions that started with the Armistice of Mondros spread to many parts of the country and this situation threatened the integrity and independence of

the country. By eliminating this occupation process, Atatürk referred and directed the national liberation war which we see as a struggle for liberation and establishment. A second field of struggle has begun after the country has achieved the national and international platforms for its independence struggle at home and abroad. This field of struggle now involves the development of the world of pencils and ideas, not with the gun, but with a new national and independent training program and raising a new generation.

Language studies, which are considered as the main element in the struggle of pencil and ideas, came at the beginning of the revolutions in this period. Atatürk himself chaired these language studies and initiated large-scale studies for its sustainability. The studies started with the language were moved to a different dimension with the announcement of the new alphabet. These language studies, which we see as the efforts to reconcile the tradition from the past with the modern and contemporary, and the revolutions realized in this process constitute the main axis of this study.

Keywords: Atatürk, Modernization, Language Studies, New Alphabet.

Giriş

Bir milleti millet yapan başlıca değerler arasında ikisi diğerlerine göre daha öndedir. Bunlardan biri dil diğeri ise tarihtir. Bu iki değer kültürel mirasın bir kuşaktan diğer kuşağa her yönüyle taşıyıcısı ve koruyucusudur. Dil bir vizyon durumudur ve aslında insana özgüdür. Kişinin görünümünden önce kendisi ile ilgili belli ölçüde fikir veren önemli bir ölçüttür. Bunda duru ve anlaşılır bir dil kullanımı oldukça önemlidir. Toplumlar da bireyler gibi kendi karakter ve değerlerini ifade eden, temsil eden dili sade ve anlaşılır bir biçimde kullanmalıdır. Dili o toplum kendine özgü olmalıdır. Milli aynı zamanda çağdaş olmalıdır. Bu sayede dil hem korunarak gelecek kuşaklara taşınacak hem de kendi kendini geliştirebilecektir.

Dil bir toplumun tarihi mirası ve onun resmi gibidir de. Onu her yönüyle ifade eden simgesidir. Bizde gelenekten gelen durum biraz farklı olmuştur. İmparatorluğun bir mirası olarak dil farklı dil öğeleriyle biçimlenmiş ve aslında zamanla kendine yabancılaşmıştır. Türkçe konuşulup Osmanlıca yazılan dönemde hem konuşma hem de yazı dili yabancı kelimelerin etkisi altında kalmıştır. Arapça ve Farsçanın etkisinin derin hissedildiği bu dönem Meşrutiyet yıllarıyla bu etkiye Batı dillerinin katkısı da beraberinde dahil etmiştir.

Türkçe'nin varlığını korumak, diğer diller arasındaki yeri kuvvetlendirmek Cumhuriyetin bir kültür politikası olmuştur. Türk dilinin öz güzelliğini ve zenginliğini ortaya çıkarmak, diğer diller içerisindeki değerini açığa çıkarmak gibi amaçlar bu çalışma alanında Cumhuriyet döneminin önemli çalışma alanlarından birini oluşturmuştur. Bu dönemde okuma, yazma, güzel konuşma kursları, millet mektepleri, köy enstitüleri gibi kökten ilklerin yaşama geçmesiyle bu yönde ciddi adımların atıldığı anlaşılmaktadır.

Daha Meşrutiyet yıllarında Latin yazısı üzerine tartışmalar olmuştur. Öyle ki Abdullah Cevdet «İçtihad» dergisi ile kitaplarında Frenk rakamları kullanmıştır. Tartışma Cumhuriyet devrinin kuruluş yıllarına kadar devam etmiştir. Hüseyin Cahit Yalçın, İzmir gazeteciler konuşmasında Atatürk'e Latin yazısının ne zaman kabul edileceğini sormuştur. İleri fikirli gençler, Cumhuriyet gazetelerinde yazı tartışmalarını devam ettirmişlerdir. Latin yazısı ile bir köy çocuğu bir hafta içinde, Üniversite mezunu gençlerin bile yanlışsız içinden çıkamadıkları metinleri doğru okuyacaktı. Hüseyin Cahit bu yazı çalışmalarında gazetelerde ve Atatürk ile ilgili meclislerde çaba göstermiş çalışmış olduğunu vurgulamıştır [Atay 1980: 439].

Milli devlet, milli dil, ulus devlet, ulusal dil, dilde sadeleşme, dilde millileşme dönemin en çok tartışılan ve çalışılan konularının başında yer almıştır. Özellikle II.Meşrutiyet dönemiyle birlikte başlayan milliyetçilik akımının etkisiyle bir çok dergi ve dernek oluşmuştur. Türk Derneği (1908), Türk Yurdu (1911), Türk Ocağı (1912) Türk milliyetçiliğini benimseyen derneklere aittir. Bu dönemde ortaya çıkan Yeni Lisan Hareketi, A. Canip, Ömer Seyfettin, Ziya Gökalp gibi önemli isimler; Genç Kalemler Dergisi'ndeki yazılarıyla ortaya çıkmışlardır. Dilde sadeleşmeyi savunan oluşumlardan biri Genç Kalemler dergisi çevresinde gelişen Yeni Lisan Hareketidir. Bu hareketin içinde yer alan ve yukarıda adlarından bahsedilen önemli yazarlar dilde sadeleşme, millileşme, milli şuur, milli dil bilinci yönündeki fikirleriyle kaleme aldıkları yazılarıyla dilin saf ve arı bir biçimde kullanımına dair çaba göstermişlerdir (Bulut 2014: 134). Bu şekilde dönemin siyasal yöneliminin yani milliyetçiliğin kendini dil çalışmalarında gösterdiği anlaşılmaktadır.

I. Atatürk ve Dil Çalışmaları

Atatürk, 28 Ağustos 1928'de Çağdaş Dünyaya uyum sağlamak için Harf Devrimini ya da kimi kaynaklarda geçen adıyla dil devrimini gerçekleştirir. Ardından Türk Dilinin Dünya dilleri arasındaki yerinin belirlenmesi, kökenlerinin araştırılması, Türk Lehçe, şive ve ağızlarının akademik bir yöntemle incelenmesi ile ilgili çalışmaları teşvik eder. Atatürk, bu amaçlarla 12

Temmuz 1932 Tarihinde Türk Dili Tetkik Cemiyeti'ni (Bugünkü Adıyla Türk Dil Kurumu'nu) kurdurur. Bu Cemiyetin kurucuları dönemin Edebiyat dünyasının önemli simalarından Samih Rif'at, Ruşen Eşref, Celal Sahir ve Yakup Kadri'dir. Kurumun ilk başkanı Samih Rif'at'tır. Türk Dili Tetkik Cemiyeti, 26 Eylül 1932 – 5 Ekim 1932 tarihleri arasında, İstanbul'da, Dolmabahçe Sarayı'nda, Atatürk'ün huzurunda Birinci Türk Dili Kurultayı'nı toplar. Ardından Türk Diliyle ilgili ciddi kararlar alır. Atatürk'ün sağlığında, 1932, 1934 ve 1936 yıllarında yapılan üç kurul-tayda hem Kurumun yönetim organları seçilmiş, dil politikası belirlenmiş, hem de bilimsel bildi-riler sunulup tartışılmıştır [Gündüz; Fırat 2014: 64].

Türk Dil Kurumu sürecinde tarih çalışmalarına da eşdeğer bir biçimde değer veren Atatürk bu iki alandaki çalışmaları eş zamanlı sürdürmüştür. 1931'de Türk Tarih Kurumu (TTK) bağımsız bir dernek olarak kurulmuştur. Türk Dil Kurumu (TTK)'nun ise dernek olarak çalışmaya başlaması Temmuz 1932'ye rastlamaktadır. Bu iki kurumun çalışmalarıyla yakından ilgilenen ve her ikisinin de kurucu ve koruyucu başkanı olan Atatürk, 1935 yılında Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi'nin açılması için TBMM'den kanun çıkarılmasını istemiş ve 1936 yılının ilk ayında fakülte resmen öğretime başlamıştır [İnan 2018: 255]. Bu çalışmalar silsilesinin dilde millileşme ve tarihte milli bilincin canlı tutulması ve her açıdan akademik ve bilimsel yöntemlerle araştırılması yönünde atılmış önemli adımlar olduğu anlaşılmaktadır. Zira dil ve tarih çalışmalarına kendisi de bizzat katılmış olan Atatürk'ün çalışmalarına genel olarak bakıldığında bir ulusun geleceğinin bu yönde yapılacak çalışmalar ile aydınlanacağı ve gelişeceğine olan inancının kuvvetli olduğu anlaşılmaktadır. Bu yönde ortaya koyduğu fikirlerini destekleyici sözlerine bakacak olunursa bir ikisi öne çıkmaktadır. Bunlardan biri şöyledir; «Kültür işlerimiz üzerine, ulusça gönüllerimizin titrediğini bilirsiniz. Bu işlerin dışında da Türk Tarihini, doğru temelleri üstüne kurmak, öz Türk Dili'ne değeri olan genişliği vermek için candan çalışmakta olduğumuzu söylemeliyim. Bu çalışmaların göz kamaştırıcı verimlere erişeceğine şimdiden inanabiliriz (1 Kasım 1934)». Atatürk, dil çalışmaları ve yeni alfabe inkılabının önemi ile ilgili görüşlerini, kaynaklarda satır arası okumalardan elde ettiğimiz birçok konuşma ve söyleşisinde dile getirmiştir. Bunlardan biri özetle şöyledir; «Kültür kınavımızı, yeni ve modern esaslara göre, teşkilatlandırmaya durmadan devam ediyoruz. Türk Tarih ve Dil çalışmaları büyük inançla beklenen ışıklı verimlerini şimdiden göstermektedir (1 Kasım 1935)» [İnan 2018: 276].

Bir Amerikan Büyükelçisi olan Charles H. Sherrill, Atatürk'ü anlatan eserinde Atatürk'ün dil çalışmalarına yaptığı katkılar ve bu yönde aldığı kararlara geniş yer vermiştir. Buna göre dil konusunda yapılan inkılap, bir ulusun yazı dilinde birdenbire, çabuk ve tam bir değişikliği ifade etmiştir. Atatürk, Arap harflerini, genç ya da yetişkin öğrencilerin öğrenmesindeki güçlükleri belirlemiş ve bu harflerin Türk eğitimini gereğinden çok bir süre baskısı altında tuttuğunu görmüştür. Zor olması nedeniyle yalnız bilgisizliğin her gün biraz daha genişlemesine neden olmakla kalmamış, aynı zamanda Türkiye'yi dönemin gelişmiş Batı uygarlığından uzaklaştırmıştır. Bu nedenlerle 1 Kasım 1928'de Türk bilim ve eğitiminin gelişmesini bu şekilde engelleyen Arap harflerinin kullanılmamasına karar verilmiştir. Sherrill bunlara ek olarak Atatürk'ün Latin harflerinin kullanımına geçilene dek bir sürenin tanınmasına dikkat ettiğini ve tanınan bu sürenin sonunda yani 1 Ocak 1929 olarak belirlenen tarihten sonra değişikliğin genel olarak uygulandığını belirtmiştir [H. Sherrill 2018: 188]¹.

Büyük Millet Meclisi'ne başkanlık eden Kazım (Özalp) Paşa, yeni harflere geçişin yani Latin alfabesinin benimsenmesinin bir reformdan daha ileri bir anlam taşıdığını belirtmiştir. Bu yöndeki düşüncelerini «Bu, bir kültürden diğer bir kültüre geçiştir» sözleriyle ifade etmiştir. Dil inkılabının dönemin bürokrasi cephesinden nasıl görüldüğünü anlamak açısından Atatürk'ün 1 Kasım 1928 günü Büyük Millet Meclisi'nin ilk toplantısında parlamenterlerden aldığı bir hediye-bahsetmek yerinde olacaktır. Söz konusu olayı Sherrill eserinde şöyle aktarmaktadır:

«Türk parlamentosunun resmi kayıtları şöyle diyor: «Önce kurtuluş ve ilerleme yolunda ışıktandırmak için bir meşale hizmeti görmüş olan Gazi Mustafa Kemal Hazretlerine, ulusun bir şükran hatırası olarak Büyük Millet Meclisi 1 Kasım 1928 günü ilk toplantısının ikinci oturumunda, Türk alfabesinin altın kabartma harflerini içeren bir levhayı sunmaya karar vermiştir.» Türk ulusu, Gazi'nin başardığı yedinci reformu işte bu şekilde tanımlıyordu. Ulusun seçilmiş temsilcileri tarafından verilen bu levhanın Gazi için taşıdığı değer ve anlam şimdi daha iyi anlaşılmaktadır. Levhada, altın bir çerçeve içinde, som altından yeni alfabenin harfleri sıra sıra dizilmiştir. Türk eğitim hayatında bu gerçek bir reformdur [H. Sherrill 2018: 118].

Yeni harfli kanun tasarısı aynı gün toplanan Büyük Millet Meclisi'ne sevk edilerek, itirazsız kabul edilir. Tarih 1 Kasım 1928 ve kanun numarası 3153'tür. Kanun 3 Kasım'da Resmi Gazete'de yayınlanır ve kesinleşir. Bu kanuna göre; «Şimdiye kadar Türkçeyi yazmak için

¹ Bu konuda ayrıntılı bilgi için bkz.: [Gawrych 2014: 265].

kullanılan Arap harfleri yerine Latin esasından alınan ve kanuna ilişik cetvelde gösterilen harfler, Türk harfleri unvan ve hukuku ile kabul edilmiştir.» (Madde 1) Hepsini 11 madde olan kanunun diğer maddeleri, kanunun uygulanmasına ait hükümlerdi. Devlet dairelerinde bu harflerin uygulanması tarihi 1 Ocak 1929 tarihini geçmeyecekti. Ancak basılı evrakın ve benzerlerinin değiştirilmesi için 1929 Haziran başına kadar bir zaman veriliyordu. Gene 1 Ocak 1929'dan itibaren basılacak kitaplar ancak Latin harfleri ile basılabildi. Yalnız tutulacak zabıtlarda, Haziran başına kadar eski harflerin kullanılması mümkün olacaktı. Çünkü kâtipler yeni harfleri henüz süratli yazamıyordu. Türkiye'de harfler artık Latin harfleri olmuş ve bunlar kanunca «Türk Harfleri» adını almışlardı [Aydemir 1999: 306].

Türk Dil Kurumu kuruluş ile beraber bu süreçte söz konusu kuruma aza olarak seçilen uzman kadro ile önemli çalışmalarda bulunmuştur. Çankaya'da, Dolmabahçe'de yemek sonrası görüşmelerde dahi özellikle dil uzmanlarını, tarihçileri bir araya getiren Atatürk, Türk Dilinin dünya dilleri arasında alması gereken değer ve yerinin geliştirilmesi, Türk dilinin yabancı kelimelerden arındırılmış özgün halini oluşturabilmenin yolları konusunda fikir görüşmeleri yürütmeye gayret göstermiştir. Bu yönde Samih Rifat, İbrahim Necmi (Dilmen), Ahmet Cevad (Emre), Hasan Reşit, Sadri Maksudi (Arsal) bu dil uzmanları arasında Çankaya ve Dolmabahçe toplantılarında bulunanların en başında yer almaktadır. Atatürk, bu dil bilgileri ile Türk dilinin ana köklerini araştırarak dilimize yerleşmiş olan Arapça, Farsça kelimelerden kurtulma çaresi arıyor ve bu kelimelerin karşıtı öz Türkçe kelimeleri bulundurmaya çalışıyordu. Uzun süre devam eden bu toplantı sonrasında örneğin Teşrin-i evvel, Teşrin-i sani, Kanun-i evvel, Kanun-i sani ayları yerine sırasıyla Ekim, Kasım, Aralık ve Ocak ayları isimleri bulunmuştur. Atatürk, bu, benzeri bir çok yabancı kelimenin kökenlerinin Türkçe'den alındığını ispata çalıştığı bu toplantılarda özellikle Güneş Dil Teorisi'nin¹ üstünde önemle durmuştur [Ulus 2017: 70].

Atatürk'ün özellikle son yıllarında yanında bulunan Çankaya Köşkü Kütüphanecisi Nuri Ulus, Atatürk'ün Dil çalışmaları ve Türk dilinin öz Türkçeye dönüştürülmesi, geliştirilmesi konusundaki fikirlerini anlamamızı sağlayacak görüşlerini hatıralarından aktarmıştır. Ulus'un buna dair aktardığı hatıralarından biri şu şekildedir;

«1932 yılında tertiplemiş olduğu 1. Türk Dil Kurultay'ında, dil devrimini başladığını, Türkçe'deki tüm yabancı kelimelerin atılması gerektiğini vurgulayan Atatürk, Türk dili hakkındaki çalışmaları daha da arttırarak, düzenlenen 3. Türk Dil Kurultay'ında, Güneş Dil Teorisi ile yabancı tüm kelimelere son vererek, Türkçe kelimelerin kullanılmasını kabul ettirmişti. Bu kurultaya dönemin Millî Eğitim Bakanı Saffet Arıkan ile Abdülhak Hamit Tarhan da iştirak etmişler ve toplantı sonunda Türk Dil Kurultay'ının adı Türk Dil Kurumu olarak değiştirilmişti. Bu da Türk dili için yeni bir reformdu. Bu çalışmaların sonunda da 26 Eylül 1933'de ilk Türk Dil Bayramı kutlaması yapılmıştı» [Ulus 2017: 72]. Ulus'un Atatürk ile ilgili anılarını topladığı eserinden aktardığına göre Atatürk'ün dil çalışmalarının devamlılık göstermesine önem verdiği, söz konusu çalışmaları dil uzmanları ve önemli Edebiyat ustalarının desteği ile sürdürdüğü ve toplumun eğitilmesi yoluyla kültürel gelişimini sağlamasında dil çalışmalarını öncelikli tuttuğu anlaşılmalıdır.

Lord Kınross, Bir Milletlin Yeniden Doğuşu, Atatürk başlıklı eserinde Atatürk'ün millî ve yüce bir görev olarak değerlendirdiğini aktardığı dil çalışmalarına geniş yer vermiştir. Kınross, yeni harflerin tanıtılması için yapılan çalışmalar hakkında şunları paylaşmıştır; «Atatürk yeni harflerin tanıtılması için İstanbul'u seçmişti. Üstelik bunu 1 Ağustos gecesi Topkapı Sarayı'nın altındaki Sarayburnu Parkı'nda, Halk Fırkası'nın verdiği baloya gelmiş olan bir halk topluluğu önünde yapmayı uygun gördü... Atatürk, halkın alkışları arasında, kendisi ve yanındakiler için hazırlanmış olan yirmi dört kişilik masaya oturdu. Karşısındaki platformda, modern bir caz orkestrası çalışıyordu. Arada da Mısırlı bir musiki topluluğu insana hüzün veren şarkılar söylüyordu. Atatürk, bunu bir süre sabırsızlıkla dinledikten sonra, bir defter istedi ve birtakım notlar karalamaya başladı. Yazdııkça, defterin yapraklarını koparıyor ve «Bunlara bir göz gezdir,» diyerek Falih Rıfkı'ya veriyordu. Falih Rıfkı, bakınca bunun Latin harfleriyle yazılmış bir söylev taslağı olduğunu gördü. Atatürk, yazısını bitirince ayağa kalktı, birkaç giriş sözü söyledi ve elindeki kâğıtları sallayarak, Türkçe okuması olan birinin yanına gelerek içindekileri okumasını istedi. Genç bir adam, koşarak geldi ama bunların Latin harfleri ile yazılmış olduğunu görünce ağzını açıp bir şey söylemedi. Atatürk, «Bu genç arkadaş yazıyı okumakta güçlük çekiyor» diye açıkladı. «Çünkü yeni Türk harflerini öğrenmemiş. Onun için bunu, bir arkadaşına okutacağım». Kâğıtları, Falih Rıfkı'ya uzattı, o da okudu:

«Zengin ve ahenkli dilimiz şimdi yeni Türk harfleriyle kendini gösterebilecektir. Yüzyıllardan beri kafalarımızı bir demir mengene içine sıkıştırmış olan bu anlaşılmasız işaretlerden

¹ Güneş Dil Teorisi hakkında ayrıntılı bilgi için bkz.: (Aydemir 1999: 274).

kurtulmamız şarttır. Kısa zamanda, yeni Türk harflerini öğrenmelisiniz. Bunları, her yurttaşta, kadına, erkeğe, hamala, sandalcıya öğretiniz. Bunu bir millet ve ülke görevi biliniz... Bu görevi yaparken de düşününüz ki, bir milletin yüzde yirmisi okuma yazma bilir, yüzde sekseni bilmezse bu ayıptır...Bu yanlışlıkları düzelterek, bunu yaparken de bütün yurttaşlarımızı bu işe katılmış görmek isterim. Milletimiz, yazısı ve düşüncesiyle, gerçek yerinin uygarlık dünyasında olduğunu ispat edecektir» [Kınross 2016: 512–513 ve Turgut 2018: 279].

Atatürk'ün yakın ve silah arkadaşı İsmet İnönü, hatıralarında dil çalışmalarıyla ilgili dikkat çekici bilgiler vermektedir. İnönü, Atatürk'e harf inkılabının ilanından iki sene önce bu çalışmanın kolay bir iş olmadığını ve belli zorluklarının olacağı yönündeki fikirlerini paylaştığını belirtmiştir. Her iki yazının uzun bir süre kullanılacağını, bu konuda ısrarın olabileceğini söylediği notunu düşmüştür. Atatürk, İsmet İnönü ile aralarında geçen bu görüşmeler sonrasında resmi bayanlarda, grupta, partide yaptığı konuşmalarda *yeni harfleri düşünüyörüz* şeklindeki beyanatının dışında süreci aralarında geçen görüşmeler üzerine iki sene ertelediğini aktarmaktadır. İnönü, harf inkılabı sonrası eski yazıyı kullanmadığını, inkılap sonrası eski yazı ile yazılmış yirmi satırın dahi bulunmadığını, ilk sıkıntıya katlanamayanların ömürlerinin sonuna kadar yeni yazıyı kullanmadıklarını ifade ederek bu konuda akıllıca davrandığını belirtmiştir [Selek 2014: 484].

Cumhuriyet'in ilk yıllarıyla kültür temellerindeki değişikliğe, özellikle halkın en güçlü ve canlı anlatım aracı olan dil alanından başladığı anlaşılmaktadır. Burada birbirinden farklı iki ayrı yönden gelen, iki eğilim uzlaştırılmıştır. Dil, Latin yazısının kabul edilmesiyle Avrupalı bir görünüm aldktan sonra, ari Türk kimliğine geri dönüldü. Türkçeyi geniş şekilde etkilemiş Arapça ve Farsça kelimelerle kurallar atılmıştı. Burada yalnız yabancı kökenli kelimelerin karşılığını bulmak çabası söz konusu değildi, kelime hazinesinin de önemli ölçüde genişletilmesi gerekiyordu. Özellikle çağdaş bilim ve tekniğin ülkeye girmesi yığınla terimi de birlikte getirmişti. Modern çağın bu terimlerinin çoğunun Türkçede karşılığı yoktu. Fakat bu boşluğu ortadan kaldırmak amacıyla Avrupa kökenli kelimeleri olduğu gibi almak yoluna gidilmedi. Yeni kelimeler türetme zorunluydu. Bu amaçla da Asya Türklerinin ağızlarına başvuruldu ya da Türkçe köklerin yardımıyla yeni kelimeler oluşturuldu [Mikusch 2009: 477]. Esasında bu konu ayrıca bir çalışma alanı olarak değerlendirilmelidir. Yeni harf inkılabı sürecinde Asya Türklerinin kullandığı alfabe ve kelimelerin Türkiye'de kullanılmaya başlanan yeni alfabeyle etkileri ve katkılarının bu anlamda önemli olduğu anlaşılmaktadır.

II. Yeni Alfabe Kursları ve Dil Çalışmaları

Harf inkılabı sonrasında Anadolu'nun neredeyse birçok kentinde yeni yazı dersleri ve yeni alfabenin öğrenilmesine yönelik çalışmalar başlatılmıştır. Bu yönde en aktif faaliyetler Halkevleri ve köy enstitüleri aracılığıyla sürdürülmüştür.

Hasan Rıza Soyak, hatıralarında dil çalışmalarının özellikle halkevleri ve köy enstitüleri aracılığı ile sürdürüldüğü ve bu yollar açılan kurslar ve eğitim programlarıyla eğitim ve öğretim sürecinin hızlandığı ve belli ölçüde geliştiğini belirtmiştir. 1933 yılında Atatürk'ün direktifi ile kurulan Halkevleri, halkın genel eğitimi için çalışmalar yürütmüştür. Burada tarih, güzel sanatlar, folklor, tiyatro, sosyal yardım, her çeşit spor, müze, sergi, köycülük, halk dershaneleri ve kurslar, kütüphane ve yayım kolları şeklinde faaliyetler yürütülmüştür. Halkevleri, dil kollarıyla Türkçenin güzel kelime ve terimlerini aslı ve orijinal kaynaklardan çıkarıp yayacaklar, dilimizin en güzel, en temiz konuşulduğu yerler bu evler olmuştur [Soyak 2014: 456–457]. Ancak halkevlerinin çalışmalarına genel olarak bakıldığında, yukarıda kısaca belirtilen tüm faaliyet kollarının yanı sıra dil şubeleri ile Türkçenin yeni alfabe ile kullanımı, yazı ve okuma kursları verecek bir tür eğitim ve öğretim seferberliği oluşturduğu anlaşılmaktadır.

Cumhuriyetin ilk yıllarında köylerde köy gerçeklerine uygun, çocukları, «toprağa ve köy yaşayışına bağlı kalarak» okutup yükseltecek tipte okullar oluşturulmaya başlanmıştır. Bunlara öğretmen yetiştirmek üzere de ilkeleri, hayatında Atatürk tarafından bizzat tespit edilmiş olan «Köy Enstitüleri» kurulmuştur. Bu çalışma bir taklit olmayıp ülkenin hakiki durumundan ve köylünün bir an önce okutulup aydınlanmasını sağlamak gibi halkın öz ihtiyaçlardan doğmuştur. Bu kurumların ileri bir irfan ocağı olduğu, az zamanda büyük, faydalı ve hızlı gelişmeler sağladığını belirten Soyak, köy okul ve enstitülerinin bazılarının ileri sürdüğü gibi halkın köylü ve şehirli diye iki ayrılmasının bir sonucu olmadığı tam tersine mevcut bulunan bu üzücü ayrılığı halkevi ve halkodaları ile ortaklaşa, ahenk içinde çalışarak ortadan kaldırmak, köylü ve şehirliyi her bakımdan birbirine yakınlaştırmak sonucuna yönelik olduğuna dikkat çekmiştir [Soyak 2014: 458]¹.

¹ Atatürk'ün eğitim çalışmaları ve dil inkılabı konusunda ayrıntılı bilgi için bkz.: [Gürer 2018: 261 ve Grassi 2009: 323].

Sonuç

Atatürk, Türk dili ve harflerinin sadeleştirilmesini milli bir mesele olarak görmüş, bu inkılabı toplumun geleceği ve ileri bir seviyeye erişmesinde önemli bir aşama olarak değerlendirmiştir. Aydemir'in de dönem hatıralarında belirttiği üzere Atatürk'e göre milli dil ve milli duygu birbirine bağlı ve dil devrimi milli duygu yoluyla bir güçlü atılıştı. Medeni ve gelişmiş bir toplum ideali her yönüyle öz kültürüyle bezenmiş ancak bir o kadar da modern dünyayı duyumsamış bir çaba ile olabilecekti. Bu bakımdan Atatürk, tüm inkılap çalışmalarında olduğu gibi harf inkılabı ve dil çalışmalarında da çağdaşlaşmayı ana hareket noktası olarak değerlendirmiştir.

Başından beri öz Türkçenin kullanımı, öncelikle korunması ve diğer yabancı kelime ve alfabelerin etkisinden kurtarılmasını sağlamak amacıyla bir dizi çalışmanın belli bir program içerisinde yürütüldüğü anlaşılmaktadır. Bu kararların önce kabulü daha sonra ise uygulanması yönünde başlatılan çalışmalara her aşamada halkın dahil edildiği görülmüştür. Halkın genel istenci ve kabulü ile gerçekleştirilen dil çalışmalarının bu bakımdan kıs zamanda geniş kitleler tarafından kabul gördüğü önemli bir tespittir.

Gerek Halkevleri gerekse Köy Enstitüleri aracılığıyla yurdun dört bir köşesinde başlatılan dil seferberliği sayesinde okuma yazma oranının yükseldiği ve toplumun genel olarak eğitim seviyesinin iyileştirildiği görülmüştür. Önce askeri, daha sonra siyasi zaferlerin eğitim ile başlatılan milli seferberlik ile perçinlendiği görülmektedir. Bu mücadelenin bir kalem mücadelesi olduğu düşünüldüğünde toplumun entelektüel birikim ve kadrolarının içerisinde aktif olarak yer aldığı eğitim öğretimin savaşının zorlu ancak önemli başarılar ile sonuçlandığı söylenebilir. Bu süreçte Asya Türklerinin gelenekten gelen öz Türkçeye ait kelime ve alfabelerine ait dil yöntem yardımcılarıyla belli ölçüde gelişme sağlayacak olan Türkçe'nin Dünya dilleri arasındaki alması gereken yerini hızlı bir biçimde almaya başladığı anlaşılmaktadır. Toplumun geriden getirdiği tüm kültür öğelerinin önemli bir taşıyıcısı ve koruyucusu olan dilin bizde Türkçenin bu sayede öz yapısının koruma altına alınması ve gelişiminin devamlılığının sağlanmasıyla bu kültürel mirasın öz Türkçe ile nesilden nesile taşınarak kalıcılığının sağlanabileceği önemli bir veri olarak değerlendirilebilir.

KAYNAKÇA

- Atay, F.R. (1980), *Çankaya*, Sena Matbaası, İstanbul.
- Aydemir, Ş.S. (1999), *Tek Adam Mustafa Kemal 1922-1938*, Remzi Kitapevi, İstanbul.
- Bulut, M. (2014), «Atatürk'ün Türkçeye Yönelik Özleştirme/Sadeleştirme Çalışmaları Ve Bu Bağlamda Yaşanan Dil Tartışmaları Üzerine Bir Değerlendirme», *Turkish Studies*, Volume 9/11, Sayfa Aralığı 131-147.
- Gawrych, W.G. (2014), *Genç Atatürk «Osmanlı Zabitinden Türk Devlet Adamına»*, Çeviren: Gül Çağalı Güven, Doğan Kitap, İstanbul.
- Grassi, F.L. (2009), *Atatürk*, Çeviren: Eren Yücesan Cendey, Doğan Kitap, İstanbul.
- Gündüz, Ö; FIRAT, İ. (2014), «Dil Devriminin Gerçekleşmesinde Türk Dil Kurumunun Rolü», *Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi (The Journal of International Social Research)*, Cilt: 7 Sayı: 34, Sayfa Aralığı 59-71.
- Gürer, C.A. (2018), *Atatürk'ün Yaveri Cevat Abbas Gürer*, Derleyen: Turgut Gürer, İş Bankası Yayınları, İstanbul.
- H. Sherrill, C. (2018), *Gazi Mustafa Kemal*, Karakarga Yayınları, 2.Baskı, İstanbul.
- İnan, A. (2018), *Atatürk Hakkında Hatıralar ve Belgeler*, İş Bankası Yayınları, İstanbul.
- Kılıç Ali'nin Anıları*, (2018), Derleyen: Hulusi Turgut, İş Bankası Yayınları, İstanbul.
- Kinross, L. (2016), *Atatürk*, Çeviren: Necdet Sander, Altın Kitapları, İstanbul.
- Mikusch, D. (2009), *Avrupa İle Asya Arasındaki Adam*, Çeviren: E.N. Eren, K. Erken, N. Uğurlu, Örgün Yayınevi, İstanbul.
- Selek, S. (2014), *İsmet İnönü Hatıralar*, Bilgi Yayınları, Ankara.
- Soyak, H.R. (2014), *Atatürk'ün Hatıralar*, Yapı ve Kredi Yayınları, İstanbul.
- Ulu, M.K. (2017), *Atatürk'ün Yanı Başında*, İstek Yayınları, İstanbul.

ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА АЛТАЙСКИХ ДЕМОНИМОВ: МАТЕРИАЛЫ К МИФОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ

Н.Р. Ойноткинова

Мифологизации подвергаются разные лексико-семантические группы слов, обозначающих реальные субстанции объективной действительности. В данной статье речь идёт о происхождении и семантике демонимов. Необходимость изучения этимологии и лексической семантики этой лексико-семантической группы слов вызвана разработкой словаря мифологического словаря алтайцев. В результате анализа все алтайские демонимы

подразделены на три группы: тюркского, монгольского происхождения, а также древние заимствования из санскритского и согдийского языков. О заимствованном характере демонимов свидетельствует их употребление в парных словах, в которых значение одного из них является наиболее известным носителям лингвокультуры, чем значение второго.

Ключевые слова: мифология, лексикография, фольклор, алтайский язык, демонимы, этимология, лексические заимствования.

Different lexical-semantic groups of words denoting real substances of objective reality are subjected to mythologization. This article deals with the origin and semantics of the Altai demons. The need to study the etymology and lexical semantics of this lexico-semantic group of words is caused by the development of dictionaries of the Altai mythological dictionary. As a result of the analysis, all Altai demons are divided into three groups: Turkic, Mongolian origin, as well as ancient borrowings from the Sanskrit and Sogdian languages. The borrowed character of the demons is evidenced by their use in pair words, in which the meaning of one of them is better known to linguistic culture speakers than the meaning of the second.

Keywords: Mythology, lexicography, folklore, Altai language, demonyms, etymology, semantics, lexical borrowing.

Лексикографическое описание мифологической лексики является одной из актуальных и интересных областей филологии. В мифологическом словаре фиксируются сведения, отражающие мифологические, или иррациональные, представления этноса, его менталитет, бытовые и обрядовые стереотипы поведения. Традиционная культура алтайцев исторически была тесно связана с шаманизмом и анимистическим мировосприятием, поэтому в языке много слов, семантический потенциал которых обусловлен фольклорным дискурсом. Мифологизации подвергаются разные лексико-семантические группы слов, обозначающих реальные субстанции объективной действительности. Цель данной статьи – проанализировать алтайские демонимы с точки зрения их происхождения и семантики.

Этимологические данные позволяют раскрыть историю появления слова в языке этноса, развития его значений, ассоциативные связи, закрепившиеся в сознании людей. Выяснение этимологии и анализ внутренней формы демонимов в какой-то мере позволяет решить проблему синонимии и определить их лексические значения, фольклорную семантику. Для определения семантики демонов использовались различные словари тюркских и монгольских языков.

Словообразовательный анализ показывает, что большинство алтайских демонимов в своем составе содержат аффикс *-с/* с фонетическими вариантами *-ас/-ус/-ыс*: *көрмөс*, *желбис*, *алмыс*, *шулмус*, *монус*. Ряд номинаций формируется аффиксами *=к* и *=зак*, образующими прилагательные свойства: *jeeк*, *тjүүнек*, *тургак*. Демоним *jутна* ‘глотало, пожиратель, чудовище’ образовался от глагола *jут* = ‘глотать’.

Разнообразие демонологических номинаций в языке и фольклоре тюркских этносов Южной Сибири, в частности алтайцев, обусловлено лексическими заимствованиями из других культурных традиций. Как показал этимологический анализ других демонимов в южносибирских тюркских языках, данный класс мифонимов пополнялся за счёт заимствований из монгольского языка: *jetкер* ‘злой дух, душа погибшего в результате несчастного случая’, *бук* ‘мелкий, вредоносный дух-паразит’, *алдачы* ‘дух смерти, уводящий душу умершего’, *кдлчин* ‘демон, привидение, злой дух’. Анализ других демонимов – *jeeк*, *шулмус*, *шилемир* – указывает на заимствование из других древних языков: санскрита, согдийского. Они могли проникнуть в культуру тюрков еще в древности, в результате миграций и контактов. Рассмотрим некоторые из них.

Jeeк (алт. *jeeк*, тув. *чеек*, хак. *чик*) ‘злой дух, демон, чудовище, пожиратель, гад’. На происхождение *йек* существуют две точки зрения. Согласно первой точке зрения слово заимствовано: 1) К. Грэнбек сближал *йек* с инд. *yakkha* [санскр. *yaksa* ‘сверхъестественное существо, дух’]. В «Codex Sumanicus»: *yek* («демон», «демонический», «злой»), *yek tuštan* («смертный враг»). 2) Дж. Клосон полагал, что непосредственным источником тюрк. *ye:k* не могло быть прakitское *yakka*, а скорее в качестве посредника можно допустить согд. или кит. транскрипцию санскритского слова. Согласно второй точке зрения, которую разделяли В. В. Радлов, В. Ванг, М. Рэсэнэн и К. Брокельман, *йек* является производным глагола *йе* ‘есть’ и восходит к **йе-к* или **йе-гек* > *йе:к* > *йек* ‘обжора’ [ЭСТЯ 1989: 171]. В ДТС указан заимствованный характер слова *jek* (ср.-пр. *jakkha*) при интерпретации парного слова из уйгурских и манихейских текстов *jek ičkäk* парн. ‘демоны и вампиры’ [ДТС 1979: 253].

Слово йек присутствует во многих тюркских языках: алт. *jek* /d'ĕk/, уйг. *jäk*, чаг. *jäk/jik*, шор. *čĕk/čäk* 'дьявол, шайтан', койб., тоб., кач. *jek*, кирг. *žek*, ккалп. *žek*, узб. *jek/žek* 'отвращение, презрение' и т.д. [СИГТЯ 2006: 589–590]. «На основе сохранившихся переносных значений, таких, как 'мерзость', 'отвращение', 'ненависть', 'гнушаться, брезговать', 'гад, гадина' и др., можно представить себе примерную характеристику этого демонического существа: скорее всего, это было внушающее отвращение и брезгливость уродливое существо, приносящее зло, вредящее людям и явно относящееся к низшему разряду злых демонических существ» [Там же: 589–590]. Поскольку это слово имеет широкую географию, оно может быть и тюркским.

По выявленным контекстам данный демоним переводится как «злой дух, демон». Так, в башкирской мифологии ек – это злой дух лесов и чащоб [Хисамитдинова 2010: 85], а в хакаском эпосе «Ай-Хуучин» демоним чик 'демон' употребляется в парном сочетании с айна: «Холын частный, Айна-чиктер көп өлген поладыр. 'Руки под себя подвернув, / Злых айна-демонов много легло'» [ХГС 1997: 274].

В алтайском фольклоре *jeek* употребляется в паре с лексемами *jutna* 'глотало, чудовище' и *jylan* 'змея'. В эпосе «Кан-Алтын» Т.А. Чачиякова два одинаковых змея Дьек-Дьылан (Jeek-Жылан – букв. Демон-Змей) обитают в подземном мире: «У самца Дьек-Дьылана / Верхняя губа до Верхнего мира досягает, / Нижняя губа до Нижнего мира доходит; / Все, что на пути попадается, / Заглатывая, [Дьек-Дьылан] приближается. / Грудь его, если взглянуть, / Через сорок гор перекинулась, / Круп его, если посмотреть, / Через семьдесят гор перекинулся, / Волочащийся [хвост] его / Словно крутой склон горы [протянулся] – / [Таким он] приближался» [АГС 1997: 393].

Шулмус 'подземный дух-оборотень, выходящий на землю и способный принимать облик людей' (ср.: *чулгус* – хак., *шулбу/шулбус* – тув., усеч., бурят.-монг. – *шолмос*). В тюркском языкознании установлено, что это слово восходит к древнему согдийскому *šumnu* [согд. *šmnw*] 'демон, дьявол, сатана': *šumnu jäklär ada tuda qilu umaz* 'шимну и демоны не смогут причинить несчастья' (ТТ VII 28₂₃) [ДТС: 525].

В алтайских мифах *шулмус* сотворен божеством Нижнего мира – Эрликом, в эпосе шулмусами называют «сыновей» Эрлика, в шаманских текстах *шулмусы* выполняют функцию помощников шамана.

Демоним **шилемир** 'бес, нечистый дух' (ср.: *шилемир* < *шиле* / *чиле* / *шилти* / *чилти*), мог быть заимствован в результате древних контактов ираноязычных и тюркских народов. Демонологический персонаж *чильтан* характерен для мифологии народов Средней Азии, Кавказа, Западной и Южной Сибири. Как считают исследователи, влияние иранской мифологии на тюркскую оказывалось и после принятия ислама и не был вытеснен этой мировой религией, наряду с другими. Так, заимствованными из иранской мифологии считаются персонажи: *аждарха*, *дэв*, *пари*, *Симург*, *кырк кыз*, *Биби-Мушкилькушо*, *Биби-Сешанби*, а также албаты, древний образ частично связанный с иранской культурой [Басилов 1988: 537]. У киргизов демоним *чилде* сохранился в выражении Чилде Баба 'Дед Чилде' (о духе, насылающем мороз) [Юдахин 1985: 363], у хакасов – в парной лексеме *чил-аас*.

В алтайском эпосе демоним *шилемир* встречается в парном сочетании с монголизмом *жеткер*: «Көгүдей-Мерген эм болгожын, / Алтын сапту камчызын / Ач мыкынга сайып алды, / Ат бажынан куучын айдат: / «Акыр, акыр, баатырлар, / Айдар солун не болор? – дийт, / ... / Јес улама не тудунган, / Шилемир-жеткер кирген бе?» – дийт» [АБ 1958: 214]. 'Көгүдей-Мерген теперь же / Плеткой своей с золотым черенком / На талию свою подперев, / На коня сидя, речь заводит: / «Погодите-погодите, богатыри, / Рассказать новость есть ли? – говорит. / ... / Медную оглоблю зачем держите, / Шилемир-дьеткер пришел ли?» – говорит'.

Парные демонимы в текстах используются для того, чтобы уточнять, усиливать значение одного демонима с помощью другого. В парных сочетаниях значение одной из синонимичных лексем является более известным носителям лингвокультуры, чем значение второй лексемы. Синонимия демонимов, возникающая в результате языковой конкуренции, дает пёструю картину их образов и функций.

Монус 'всепожиряющее мезеподобное чудовище, имеющее много голов, преимущественно чёрного или жёлтого цветов, пасть его от земли до неба, утроба его вмещает толпы проглоченных им людей, стада и пр.; обитает в пустынных, голых, темных, холодных, смрадных местах'. Данное наименование присутствует в различных фонетических вариантах в разных тюркских и монгольских языках. В сибирских тюркских и монгольских языках это одно слово: алт. *монус*, тув. *маңгыс* /*моос*, монг. калм. *мангас*;

в среднеазиатских тюркских языках данный демоним встречается в сочетании с другим древнетюркским демонимом *jel* 'ветер, злой дух, демоническое существо' [ДТС: 255]: каз. *желмогуз*, ног. *елмауз*, кирг. *жалмауз кемпир*. Видимо, в прошлом это парные слова, состоящие из синонимов. Демонические персонажи *жалмауыз / желмогуз кемпир* у киргизов и казахов в образе старухи, нередко с семью головами также содержат основу *жал / жел < jel* II. 'злой дух, демоническое существо' [ДТС: 255] + *мауыз / могуз*. Демон *жалмауыз кемпир* у киргизов представляется людоедкой, похитительницей детей, в образе легкого она плавает на поверхности воды, а когда приближается человек, превращается в семиглавую старуху, хватая его и вынуждая его отдать сына [Сыдыков 2013: 36], у башкир *елмауыз* – женщина-вампир [Хисамитдинова 2010: 87], у карачаево-балкарцев – *джелмауз*, у ногайцев *елмауз* – чудовище с огромным носом и ртом, пожирающее людей.

В алтайском эпосе монус'ом чаще называют семиголового чудовища Дьелбегена, живущего на пересечении девяти дорог и едущего на быке. Чудовище нередко появляется в облике женщины с большими грудями, закинутыми на плечи: «*Јети бажы јайран тўжўп, / Јелбеген монус айдып турат*» [АБ 1958: 152]. 'Семь голов его замерли, / Дьелбеген-монус говорит', который пожирает все живое на земле' [перевод мой].

В ДТС на основе древних манихейских текстов зафиксировано слово *моуиц* [согд. *mwy-*] со значением 'маг, волхв': *arīy turuy moīc pomīn urdī* он 'установил сияющее, светлое учение магов' (Мап III 394) [ДТС: 346]. Заимствовано это слово из согдийского или нет до конца еще не выяснено.

Таким образом, в результате анализа этимологии и семантики алтайских лексем выделены три группы демонимов: тюркского, монгольского, а также древние заимствования из санскрита и согдийского. Тюркские демонимы имеют прозрачную внутреннюю форму. Заимствованный характер демонима обосновывается наличием этимона в других языках, в частности в монгольском, согдийском, санскрите. О заимствованном характере этих демонимов говорит также их употребляемость в парных сочетаниях с синонимичными лексемами, в которых значение одной из них более известно носителям лингвокультуры, чем значение второй. Синонимия демонимов, возникающая в результате языковой конкуренции, дает пёструю картину их образов и функций. При заимствовании демонима мифологические контексты и образные характеристики сохраняются не всегда: об этом свидетельствует вариативность описаний демонов в мифологиях разных культур.

ЛИТЕРАТУРА

Басилов В.Н. Тюркоязычных народов мифология // Мифы народов мира. – М., 1988. – Т. 2. – С. 537.

ДТС – Надеяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1979.

Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Ж', 'Ж', 'И' / авт. слов. ст. Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. – М., 1989.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006.

Сыдыков А.Н. Демонимы кыргызского языка // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – № 1–2 (141–142). – 2013. – С. 35–38.

Текеева Л.К. Персонажи низшей мифологии в традиционном мировоззрении тюркоязычных народов Северного Кавказа // Вестник пермского университета. История. 2014. – Вып. 1 (24). – С. 99–108.

Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010.

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40000 слов. Фрунзе: Главная редакция киргизской советской энциклопедии, 1985.

ИСТОЧНИКИ

АБ – Алтай баатырлар (Алтайские богатыри) / сост. С.С. Суразаков. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-ние Алтайского книжн. изд-ва, 1958. Т. 3.

АГС – Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997.

ХГС – Хакасский героический эпос: «Ай-Хуучин» / запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд.-полигр. и книготорг. предпр. РАН, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).

ТЮРКИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ХИНДИ

Х.Ч. Панде

Данная статья посвящена тюркизмам, употребляющимся в языке хинди. В начале статьи объясняется, что тюркизмы были заимствованы в языке хинди во время правления Бабура в Индии, основателя империи моголов в Индии. Количество заимствованных тюркских слов в языке хинди небольшое, одной из причин которого может быть тот факт, что официальным дворцовым языком моголов был персидский, нежели тюркский.

Ключевые слова: заимствованные слова, индо-арийская подгруппа языков, персидский как официальный язык моголов, тюркские суффиксы.

This article deals with Turkic words used in Hindi. In the beginning it is explained that such words were borrowed in Hindi during the rule of Babur in India who was the founder of Mughal Empire in India. The number of Turkic words borrowed in Hindi is rather small. One of the reasons for this could be that the official court language of the Mughuls was Persian rather than Turkic.

Keywords: borrowed words, Indo-Aryan Subgroup of languages, Persian as official language of Mughals, Turkic suffixes.

Язык хинди и тюркские языки относятся к разным языковым семьям. Язык хинди принадлежит индо-арийской подгруппе индо-иранской группы индо-европейской семьи языков. Язык хинди, в основном, распространен в большей части Индийского полуострова. Тюркские языки распространены в странах Средней Азии, России и Турции. Очевидно, что нет общей границы между хинди и тюркскими народами. Несмотря на это, в язык хинди вошли слова тюркского происхождения. Хотя таких заимствованных слов в языке хинди, кажется, немного, но тем не менее проникновение тюркских слов в язык хинди является интересным фактом, который до сих пор не рассмотрен в подробностях. Данный вопрос заставляет нас вернуться назад в историю Индии средних веков, начиная со времен Бабура, основавшего империю моголов в Индии. Вдаваясь в историю средневековой Индии, мы сможем познакомиться с условиями, в которых стали употребляться слова тюркского происхождения в языке хинди.

Заимствование тюркизмов в языке хинди началось в шестнадцатом веке со времен Бабура (1483–1530), который считается основателем империи моголов и Индии (Слово *могол* произошло от слова *монгол*, подвергнувшегося фонетическому изменению). Бабур стал королем Индии 27 апреля 1526 года. Начиная с короля Бабура, династия моголов правила Индией почти триста лет. Король Бабур сам был тюрком из современного Узбекистана. Он принадлежал племени чагтаи. Он написал свою автобиографию под названием *Бабур-нама* или по-турецки *Тузук-э-Бабури*. Эта автобиография написана на тюркском диалекте чагтаи, который считается предшественником современного узбекского языка. Интересно отметить, что в 1857 году *Бабурнама* была издана также в Казани под редакцией Н. Ильминского [Majumdar 1984: 827].

Захируддин Мухаммад Бабур родился 14 февраля 1483 года в узбекском городе Андижан Ферганской долины. Бабур принадлежал пятому поколению Тимура, а со стороны матери в нем текла кровь монгольского завоевателя Чингиса Хана. К этому времени потомство Чингиза Хана полностью смешалось с местным тюркоязычным и персидскоязычным населением Ферганы. Они оказались под сильным влиянием персидского языка, который стал официальным дворцовым языком. Влияние персидского языка заметно также в *Бабур-Наме*. Впоследствии персидский язык стал официальным языком могольской империи. Позже даже *Бабур-Нама* была четыре раза переведена на персидский язык. Это указывает на то, что служителям дворца язык *Бабур-Намы* стал непонятен. Поэтому возникла потребность в переводе этой важнейшей автобиографии своего времени. Не будет преувеличением отметить, что *Бабур-Нама* является единственным важным тюркоязычным документом того времени, дошедшим до нас.

Как уже сказано выше, тюркизмов в языке хинди немного. По мнению известного индийского лингвиста Сунити Кумар Чаттерджи в языке хинди должно быть примерно 70–80 слов тюркского происхождения [Тивари 1961: 218].

Теперь мы приводим в латинской письменности слова тюркского происхождения, употребляющиеся в современном хинди. Вполне возможно, что их произношение в хинди отличается от их тюркского произношения. В отдельных случаях также возможно, что значение того или иного слова изменилось либо в заимствующем языке, либо в исходном языке. Несмотря на эти факторы, нетрудно будет понимать, о каких словах идет речь ниже.

1. **āg^hā** – хозяин; владелец; начальник. Употребляется отдельно или вместе с именем и/или фамилией, например: *Āg^hā Xān*.

2. **āpā** – старшая сестра. Употребляется также как знак уважения по отношению к незнакомой даме, например: *Ismat āpā* (*āpā* стоит после имени).

3. **bahādur** (по-русски ‘богатырь’) – смелый, храбрый (в Хинди-русском словаре указано как слово персидского происхождения [Бескровный 1973, 2: 224], а в Урду-хинди словаре указано как слово тюркского происхождения [Маддах 2012: 428]).

4. **bahādurī** – смелость, храбрость (в Хинди-русском словаре указано как слово персидского происхождения, образованное добавлением суффикса *-i* [Бескровный 1973, 2: 224], а в Урду-хинди словаре указано как слово тюркского происхождения, образованное добавлением суффикса *-i* [Маддах 2012: 428]).

5. **chāk (cāk)** – бдительный (встречается в парном сочетании *chāk-chauband*, т.е. ‘бдительный’).

6. **chaklā (cakla^h)** – квартал проституток (в Хинди-русском словаре указано как слово хинди [Бескровный 1973, 1: 507], а в Урду-хинди словаре указано как слово тюркского происхождения [Маддах 2012: 209]).

7. **chakmak (caqmāq)** – кремень (в хинди иногда употребляется вместе со словом *patt^har*, обозначающим ‘камень’, т.е. *chakmak patt^har*).

8. **chechak (cecak)** – оспа (в Хинди-русском словаре указано как слово персидского происхождения [Бескровный 1973, 1: 547], а в Урду-хинди словаре указано как слово тюркского происхождения [2012: 219]).

9. **harāval (qarāvul)** – авангард (в современном хинди часто употребляется).

10. **jurāb (jurrāb)** – носки (в Хинди-русском словаре указано как слово тюркского происхождения [Бескровный 1973, 1: 617], а в Урду-хинди словаре указано как слово арабского происхождения [Маддах 2012: 254]).

11. **kābū (qābū)** – контроль, власть (в Хинди-русском словаре указано как слово персидского происхождения [Бескровный 1973, 1: 354], а в Урду-хинди словаре указано как слово тюркского происхождения [Маддах 2012: 118]).

12. **kākā** – старший брат; домашний слуга старшего возраста (в языке хинди есть слово *kākā*, обозначающее ‘младший брат отца’. Возможна связь между этими словами, так как слово *kākā* можно употребить как знак уважения по отношению к человеку старшего возраста).

13. **kalpāk (qalpāq)** – колпак (в современном хинди редко употребляется).

14. **kai^hchī (quainci)** – ножницы (в современном хинди часто употребляется и не имеет синонима).

15. **kornish (kurnush)** – приветствовать, поклонив годову (в современном хинди редко употребляется).

16. **kulī (qulī)** – носильщик (в современном хинди часто употребляется).

17. **kurk (qurq)** – конфискованный (в современном хинди часто употребляется).

18. **kurtā (kurta^h)** – индийская длинная рубашка (в современном хинди часто употребляется).

19. **kurtī** – блузка (образовано при помощи суффикса *-ī*; в современном хинди часто употребляется).

20. **lāsh (lāš)** – труп (в Хинди-русском словаре указано как слово персидского происхождения [Бескровный 1973, 2: 505], а в Урду-хинди словаре указано как слово тюркского происхождения [Маддах 2012: 598]).

21. **luchchā** – подлый; бесстыдный. Кажется связанным со словами *luc* или *lūc*, имеющими значение ‘голый, нагой’.

22. **tamgā (tamg^hā)** – медаль, орден (в современном хинди часто употребляется).

23. **top (top)** – пушка, орудие (в современном хинди часто употребляется).

24. **urdū** (по-русски ‘орда’) – название языка урду: первоначально обозначало ‘военный лагерь’. Это слово пришло в Индию, скорее всего, вместе с Бабуром в значении военного лагеря. На границе Пешавара (современный Пакистан) до сих пор употребляется в этом значении. В Ташкенте и Хоканде оно употребляется в значении ‘лагеря для воюющих’ [Тивари 1961: 199].

Тюркские суффиксы в языке хинди. Как ни странно, языке хинди заимствованы даже три тюркских суффикса: *-cha*, *-chi* и *-am*. Заимствование словообразовательных и словоизменительных аффиксов – явление редкое, и поэтому его можно считать исключением. По мнению индийского лингвиста Удайнарайн Тивари эти тюркские суффиксы пришли в хинди через персидский язык [Тивари 1961: 417–418]. Вот примеры этих суффиксов:

1. **-chā** (уменьшительный суффикс) – *galīchā* (g^hālīca^h) ‘коврик; ковёр’; *bagīchā* (bāg^htṣā) ‘садик; сад’.

2. **-chī** (суффикс, обозначающий профессию) – *topchī* ‘артиллерист’; *bandūkchī* ‘винтовщик’; *bāvarchī* ‘повар’; *k^hājānchī* ‘казначей; кассир’; *tabalchī* ‘барабанщик’; *mashālchī* ‘факельщик’; *nishānchī* ‘стрелок’ [Гуру 1962: 388].

3. **-am** (суффикс женского рода) – *begam* (от слова *beg* ‘руководитель; король’) ‘королева’; *xānat* (от слова *xān* ‘руководитель; вождь’) ‘госпожа’ [Гуру 1962: 388].

Из этих трех суффиксов самым активным оказывается суффикс *-chī*.

Мы видим, что прошло почти пятьсот лет со времен Бабура, имя которого неразрывно связано с заимствованием тюркизмов в языке хинди. Несмотря на их небольшое количество большинство из них до сих пор употребляются в современном хинди. Выше перечислено лишь 24 слова. Вполне возможно, что мнению Сунити Кумар Чаттерджи, что таких слов должно быть в пределах 70–80, окажется правильным в будущем. Существование тюркских суффиксов в хинди, особенно суффикса *-chī* нам кажется не менее интересным.

ЛИТЕРАТУРА

Гуру Камтапрасад. Грамматика хинди / Камтапрасад Гуру – Каши: Изд-во Нагари Прачарини Сабха, 1962. – 588 с. (На языке хинди)

Ильминский Н. Бабура-Нама. На основе Бухарской рукописи, изданной в Лондоне в 1737 г. под редакцией Кехр (Kehr) / Н. Ильминский (ред.). – Казань, 1857.

Маддах, Мухаммад Мустафа Хан ‘Маддах’. Урду-хинди словарь / М.М.Х. Маддах-Лакхнау: Изд-во Утгар Прадеш Хинди Санстхан, 2012. – 755 с. (На языке хинди)

Тивари Удайнарайн. Происхождение и развитие языка хинди. – Праяг: Бхарати Бхандар, 1961. – 677 с. (На языке хинди)

Majumdar R.C (Ed.). The Mughal Empire. The History and Culture of the Indian People. – Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1984. – 1004 p.

Хинди-русский словарь: в 2 т. / под ред. В.М. Бескровного; сост.: Бархударов А.С., Бескровный В.М., Зограф Г.А., Липеровский В.П. – М.: Советская Энциклопедия, 1973. – 907 с. + 912 с.

О ДРЕВНИХ ТЮРКИЗМАХ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

А.М. Певнов

«Тунгусский», на мой взгляд, нельзя считать синонимом слова «тунгусо-маньчжурский»; к тунгусским языкам относятся эвенкийский, эвенский, арманский, негидальский, солонский, ороchonский и хамниганский. Лексических свидетельств древних контактов между тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками мало. В данной статье представлены новые сравнения; на основе законов исторической фонетики некоторые тюркизмы в тунгусских языках могут интерпретироваться как болгаризмы. Вероятное место контактов – Забайкалье; контакты происходили, возможно, больше тысячи лет назад. В заключение автор высказывает предположение о том, что тунгусское словосочетание **ala žūy* ‘жилище из бересты, чум’ было заимствовано в давнее время на юге Восточной Сибири как слово (**алачуу* > *алачу* ‘шатёр’) каким-то тюркским языком и в итоге оказалось в русском (*лачуга*).

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские, тунгусские, тюркские языки, болгаризмы, этимология, заимствования, контакты.

«Tungusic», in my view, is no synonym of «Manchu-Tungusic»; to the former belong Evenki, Even, Arman, Negidal, Solon, Orochon, and Khamnigan. The lexical evidence of ancient contacts between Turkic and Manchu-Tungusic is rather scarce. The present paper contains new comparisons; on the basis of historical phonetics laws some turkisms in Tungusic may be explained as ancient bulgarisms. The probable area of contacts is Transbaikalia, the contacts took place apparently more than one thousand years ago. In conclusion the author puts forward for consideration an idea that the Tungusic collocation **ala žūy* ‘birch bark dwelling’ was initially borrowed by an unknown Turkic language as a word (**alacūy* > *alacū* ‘a kind of tent’) and finally it reached Russian (*лачуга* ‘shack, hut, shanty’).

Keywords: Manchu-Tungusic, Tungusic, Turkic languages, bulgarisms, etymology, borrowings, contacts.

Тунгусскими языками далее будут называться не все тунгусо-маньчжурские, а только эвенкийский, эвенский, арманский, негидальский, солонский, ороchonский и хамниганский. Именоваться тунгусскими языками все тунгусо-маньчжурские – это то же самое, что называть европейскими индоевропейские, финскими финно-угорские и т. д. Любой

маньчжур очень удивился бы, узнав, что его язык, оказывается, относят к числу тунгусских. «До закрепления за всеми в 1931 г. единого названия, являвшегося самоназванием, тунгусами в литературе называли эвенков и эвенос, часть последних именовалась ламутами. Тунгусами же называли и негидальцев на Амгуни» [Василевич 1969: 3].

Тунгусо-маньчжурский праязык перестал существовать примерно две тысячи лет назад (в гуннское время) где-то в бассейне Среднего Амура. Первоначально праязык разделился на две ветви: северную и южную. От южной произошли чжурчжэньский, маньчжурский и сибирский языки, от северной – все остальные. Через какое-то время северная ветвь разделилась на три группы: амурско-сахалинскую (к ней относятся нанайский, ульчский и орокский), сихотэ-алинскую (в неё входят ороцкий и удэгейский) и тунгусскую (эвенкийский, эвенский, арманский, негидальский, солонский, оронский, хамниганский). Некоторые из этих языков уже не существуют (чжурчжэньский, арманский), некоторые «почти не существуют» (ороцкий, ороцкий, негидальский), остальные тунгусо-маньчжурские языки в большей или меньшей степени находятся под угрозой исчезновения.

Тунгусо-маньчжурские языки распространились на огромной территории и по этой причине контактировали с немалым количеством языков: с монгольскими, тюркскими, некоторыми палеоазиатскими, китайским, русским.

Если отвлечься от относительно поздних многочисленных заимствований из якутского в восточных диалектах эвенкийского, то очевидных, доказанных тюркизмов в тунгусских языках не так много, к ним, например, относятся: эвенк. *аран-аран* ‘едва-едва; еле-еле; чуть-чуть’, сравнялось с др.-тюрк. *az* ‘немного’ [ССТМЯ 1975: 48] (в этом слове дана ссылка на работы Н. Поппе и Г. Рамстедта; далее все сравнения, кроме сравнения эвенкийского названия соли с тюркскими, предложены автором данной статьи); эвенк. *алба-* ‘не мочь, не быть в состоянии что-то сделать’, в тюркских языках этой корневой основе соответствует *алма-* ~ *алба-* – отрицательная форма глагола *ал-* ‘взять’, употребляющаяся вместе с деепричастием смыслового глагола для выражения значения ‘не мочь, не быть в состоянии что-то сделать’; эвенк. *урун* ‘радость’, ср. др.-тюрк. *ögrünč* ~ *ögrünčü* ‘радость’ (**урун* > *урун*).

Интересно, что некоторое количество древних лексических тюркизмов есть не только в собственно тунгусских языках (в эвенкийском, эвенском, арманском, негидальском, солонском, оронском и хамниганском), но и в маньчжурском (напр.: маньчж. *тулу* ‘грудь лошади’, ср. др.-тюрк. *töš* ‘грудь’ (ламбдаизм); маньчж. *уфуху* ‘лёгкое’, ср. др.-тюрк. *örkä* ‘лёгкие’); при этом в языках амурско-сахалинской и сихотэ-алинской ветвей тунгусо-маньчжурской семьи наличие древних тюркизмов весьма сомнительно (в принципе в них могут быть тюркизмы, унаследованные от пратунгусо-маньчжурского состояния, а также заимствованные из маньчжурского или из тунгусских языков). Впрочем, в одном из амурско-сахалинских языков – в орокском, или уильта (Сахалин) – название домашнего оленя *улā* (< **улауар*) вполне может быть тюркизмом (ср. др.-тюрк. *улай* ‘вьючное животное, верховой конь’).

Свидетельством существования тюркско-тунгусских языковых контактов в весьма далёкое время могут быть предлагаемые автором следующие тунгусско-тюркские лексические соответствия (1.1., 1.2., 2.1., 2.2.):

1.1. Эвенк. *ити* (*итин*) ‘1) обычай, традиция, порядок, строй жизни; 2) привычка; 3) поступок; 4) закон; 5) режим, устав; 6) дело, случай’, *ити-* ‘установиться, устроиться, образоваться’, *итив-* ‘установить, устроить, образовать, организовать, создать, сделать’; эвен. *итка* ‘1) право, обычай; 2) власть, закон; 3) строй, режим, порядок, устав’, *иту-* ‘1) постановить; 2) организовать, завести, устроить, оборудовать, наладить; 3) осудить’. Негидальское *итка* ‘1) обычай, порядок; 2) привычка; 3) закон’, по-видимому, заимствовано из эвенского, оказавшего некогда существенное влияние на негидальский (данные эвенкийского, эвенского и негидальского языков приведены по [ССТМЯ 1975: 333]).

Ср. др.-тюрк. *eüg* ‘1. дело; 2. приготовление; 3. устройство, строение; 4. поделка, украшение’, образованное от глагола *et-* ‘1. совершать, создавать, строить; 2. устраивать, приводить в порядок’ [ДТС 1969: 186-187], тат. *ит-* (вспомогательный глагол в значении ‘делать, совершать, поступать’, употребляется для образования сложных глаголов) [ТРС 1966: 180].

С приведёнными эвенкийскими и эвенскими словами несомненно связаны по происхождению эвенкийские *итиуā-* ‘подготовить что-л., собрать, наладить’, *итиуāв-* ‘подготовиться, собраться, снарядиться’ и эвенские *итъу-* ‘подготовить что-л., собрать, наладить’, *итку-* ‘готовить, собирать, налаживать что-л.’. В [ССТМЯ 1975: 333] эти слова приведены

в отдельной словарной статье, однако статьи «*ити* обычай» и «*итиүә*- подготовить» следовало бы объединить хотя бы на том основании, что в др.-тюрк. *etig* значение 'устройство, строение' (соответствует некоторым значениям в словарной статье «*ити* обычай») представлено наряду со значением 'приготовление' (соответствует некоторым значениям в словарной статье «*итиүә*- подготовить»).

Наличие немалого количества значений приведённых эвенкийских и эвенских слов свидетельствует не столько об их многозначности, сколько о способе описания их семантики средствами русского языка. Иначе говоря, мы видим в данном случае (как и во многих других) многозначность перевода на русский язык эвенкийских и эвенских слов, а вовсе не полисемию самих этих слов. Вряд ли, например, эвенкийское слово *чүрүн* '1) зелёный; 2) синий; 3) голубой; 4) сине-зелёный' [Мыреева 2004: 737] является многозначным – просто по-русски его значение иначе и не передать (кстати, зелёный с синим, голубым объединены в значении одного слова во многих языках Азии и Америки – не думаю, что все они демонстрируют одинаковую полисемию).

1.2. Эвенк. *элэкс* '1. вначале; 2. впервые' [Мыреева 2004: 768]; эвен. *элэкс* (ольский, быстринский, пенжинский, томпонский говоры) '1) сначала, вначале; 2) впервые, вновь; 3) только что'; нег. *элэхэс* (нижне-амгуньский говор), *элэкс* (верхне-амгуньский говор) '1) сначала, вначале; 2) впервые, вновь; 3) только что' [ССТМЯ 1977: 449].

Ср. тат. *элек* '1) раньше, до, прежде; 2) давно; в старину, в прежние время; 3) назад, тому назад (*бер ай элек* 'месяц назад'); 4) прежде, сначала, вначале' [ТРС 1966: 681], др.-тюрк. *ilk* 'прежде, вначале', *ilki* '1. первый, начальный; 2. начало', *ilkin* 'сначала' [ДТС 1969: 208] (исходной формой для *илк* Э. В. Севортыя, вслед за С.Е. Маловым, считал *илик* [Севортыя 1974: 349]). При всей, казалось бы, очевидности формального и семантического сходства сравниваемых тунгусских и тюркских слов остаётся без объяснения сегмент *-с* (*-эс*), например, в эвенкийском слове *элэкс* '1. вначале; 2. впервые'.

С точки зрения исторической фонетики любопытно то, что в тунгусских словах в пунктах 1.1. и 1.2. гласный первого слога *и*, а не *э*, как можно было бы ожидать (в древнетюркском, напомним, *et-*, *etig*); в то же время в тунгусских словах в пунктах 2.1. и 2.2. гласный первого слога *э*, а не *и* (в древнетунгусском *ilk*, *ilki*, *ilkin*). Естественно предположить, что в пратунгусский язык (предок эвенкийского, эвенского, арманского, негидальского, солонского, орончонского и хамниганского) данные слова были заимствованы из какого-то языка с болгарскими особенностями исторического вокализма. Такое предположение находит подтверждение в наличии в диалектах эвенкийского языка слова *турукэ* 'соль' – как ещё одна болгарская особенность в нём сохранился исконный звук *р*, которому в большей части тюркских языков соответствует более поздний *з* (ср. тат. *тоз* 'соль'; о тюркском происхождении эвенкийского *turuke* 'соль' см. [Щербак 1970: 88], однако *р* в этом слове А.М. Щербак считает «вторичным», а общетюркское название соли восстанавливает как **түс* [Щербак 1970: 198]).

Далее привожу два других эвенкийских слова тюркского происхождения с исконным, на мой взгляд, звуком *р*:

2.1. Эвенк. *түрэн* 'язык, речь; слово', ср. др.-тюрк. *söz* 'слово; речь', тат. *сүз* 'слово; речь'; у А. М. Щербака в «Списке общетюркских односложных слов» соответствующее слово имеет долгий гласный – как в заимствованном эвенкийском *түрэн*: **сбс* 'слово, речь' [Щербак 1970: 196].

2.2. Эвенк. *тэрэ-* 'устоять; вытерпеть, выдержать', ср. др.-тюрк. *ser-* 'терпеть, выносить'.

Следует сказать, что соответствие анлаутных *т* и *с* допустимо в виде исключения даже в самой тунгусо-маньчжурской языковой семье: ср. эвенк. *тунна* 'пять' и маньчж. *сунжа* 'пять', эвенк. *турга* 'подпорка, подставка' и маньчж. *сужа-ку* 'подпорка, подставка, сторожок у ловушки'; интересно также, что маньчж. *сэжэн* 'телега' < **тэргэн* (заимствовано из монгольского).

Что касается времени и места заимствования приведённых слов из языка болгарского типа в пратунгусский, то это было, вероятно, во второй половине первого тысячелетия нашей эры в восточном Забайкалье, а также, возможно, в бассейне Верхнего Амура.

Свидетельством возможности древних тюркско-тунгусских языковых контактов может быть предлагаемый далее пример заимствования в противоположном направлении: др.-тюрк. *алачу* 'шатёр' [ДТС 1969: 33] и «более архаичные **алачуғ*, **лачуғ*» [Севортыя 1974: 131–132] восходят, вероятно, к древнетунгусскому словосочетанию **ала жү* 'берестяное жилище'; **жү* > эвенк. *жү* 'жилище, дом, чум' (соответствия имеются во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме маньчжурского, а также сибирского

и чжурчжэньского), слово *алан* ‘береста’ (*ала-* ‘оклеивать берестой лук’) представлено только в маньчжурском, однако производное от основы **ала-* ‘береста; оклеивать лук берестой’ есть в эвенкийском языке (*аланā* ‘лук’), а также в орочком и удэгейском (*алана* ‘древко лука’) [ССТМЯ 1975: 29], что позволяет реконструировать слово **ала* ‘береста’ как в древнетунгусском, так и в пратунгусо-маньчжурском (в диалектах последнего оно заменялось словом с основой **талу-* ~ **толу-* ‘береста’). Древнетунгусское словосочетание **ала жюу* ‘берестяное жилище’ при освоении каким-то неизвестным тюркским языком, вероятно, где-то на юге Восточной Сибири превратилось в слово, которое в конечном итоге дало русское *лачуга*.

СОКРАЩЕНИЯ

др.-тунг. – древнетунгусский
др.-тюрк. – древнетюркский
маньчж. – маньчжурский
нег. – негидальский
тат. – татарский
эвен. – эвенкийский
эвенк. – эвенкийский

ЛИТЕРАТУРА

- Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969.
ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. – Л.: Наук, 1969.
Мыреева А. Н. Эвенкиско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2004.
Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974.
ССТМЯ 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. – Л.: Наука, 1975.
ССТМЯ 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. – Л.: Наука, 1977.
ТРС 1966 – Татарско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970.

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТЕ СОЗДАНИИ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

А.Д. Передня, Н.Н. Телицин

Современное состояние исследование тюркских языков, в особенности древних языков, сталкивается с отсутствием словаря, который бы охватывал лексику всех известных древнетюркских письменных памятников. При работе с памятниками требуется наличие словаря, отражающего временные, региональные, и культурные особенности языков тюркских народов древности.

Ключевые слова: древнетюркские языки, лексика, словарь.

The current state of the study of Turkic languages, especially ancient languages, is confronted with the absence of a dictionary that would cover the vocabulary of all known Old Turkic written monuments. When working with monuments, a dictionary is required that reflects the temporal, regional, and cultural features of the languages of the ancient Turkic peoples.

Keywords: Old Turkic languages, vocabulary, dictionary.

Современное состояние исследование тюркских языков, в особенности древних языков, сталкивается с отсутствием словаря, который бы охватывал лексику всех известных древнетюркских письменных памятников. Работа с древнетюркской лексикой, как правило, ограничивается исследованием издаваемой рукописи, составлением глоссария и т.п.

Существует ряд словарей по древним и средневековым тюркским языкам, однако все они изданы на основе материалов, проанализированных и изданных не ранее XI века. К самым первым словарям относят сочинение Махмуда Кашгарского «Дивани лугат ат-тюрк» [МК 2010]. Словарь представляет собой собрание обширного историко-культурного и лингвистического материала тюркских народов до XI в. Особо следует отметить то, что в нем нашли свое отражение базовые элементы ислама. Словарь был рассчитан на арабоязычного читателя, тюркский материал приводится в арабике, что не всегда способствует корректной фонетической реконструкции лексем.

Древнетюркский словарь [ДТС 1969], изданный в 1969 году, по мнению многих тюркологов явился наиболее удачным словарем, охватывающим лексику достаточно разнообразных по содержанию памятников древнетюркской письменности VII–XIII вв. В словарь были включены приблизительно 20000 древнетюркских слов и выражений из материалов различных памятников. Заложенные в нем принципы формирования словарной статьи могут учитываться при составлении новых словарей по письменным тюркским языкам древнего и средневекового периода. Следует отметить, что при составлении Словаря авторы постарались подвести всю лексику под единую систему транскрибирования.

Этимологический словарь Клаусона [Clauson 1972] был издан в 1972 г. и представляет собой глоссарий почти из 10 тысяч словарных статей, в которые приводятся тюркские слова и выражения доисламского периода (VIII–XIII вв.). Являясь в основном этимологическим, Словарь не в полной мере классифицирует лексику по региональному, временному и т.п. признакам.

Словарь древнеуйгурского языка Ахмеда Джафероглу [Caferoğlu 1968] был несколько раз переиздан в Турции. Данный глоссарий включает в себя материал памятников древнеуйгурского языка IX–XIII вв., изданных до выхода словаря. Словарные статьи содержат лишь перевод и указание на памятник, в котором зафиксировано данное слово.

Вышеуказанные словари можно отнести к основному словарному фонду по древнетюркским языкам. Можно говорить и о глоссариях к отдельным памятникам, изданных и издаваемых до сих пор, однако общего, постоянно пополняемого словаря, который бы мог представлять лексику из памятников различного временного периода, где указывались бы регион создания, этнографические, религиозные особенности памятника, а также автор, пока не существует. Данный факт не позволяет четко представить значения/смыслы, которые выражают те или иные лексемы/слова, поскольку в имеющихся словарях представлены не значения, а скорее смыслы, которые выделялись тем или иным составителем на основании ограниченного материала памятников.

При составлении словарей на современном этапе требуется проведение исследований языков и культур тюркских народов древности в лексикографическом аспекте. Первым этапом может быть создание словаря-глоссария по материалам древнетюркских памятников VII–XIV вв., написанных на древнетюркских языках: языке орхонских памятников (памятники из Кошо-Цайдама), древнеуйгурском языке (начиная с памятника Моюнчуру до рукописей буддийского содержания, VIII–XIV вв.), древнекыргызском языке (памятники долины реки Енисей, IX–X вв.), языке памятников из Семиречья и других. Идея создания подобного словаря заключается в обработке и введении в научный оборот данных памятников, открытых и обнародованных с конца XIX века по настоящее время с учетом их классификации по регионам, периодизации по временному, религиозному т.п. принципу.

В результате такого проекта, осуществляемого на кафедре тюркской филологии СПбГУ, ожидается создание глоссария-словаря, отражающего временные, региональные, и культурные особенности языков тюркских народов древности. При реализации проекта предусматривается учитывать все последние научные разработки по лексикологии, грамматике, синтаксису, фонетике, фонологии и морфонологии тюркских языков, дающих возможность наиболее корректно отразить структуру и природу древнетюркских языков, их грамматики и лексики, что позволит проводить сравнительно-исторические исследования не только в диахроническом, но и синхроническом аспектах, поскольку предполагает представление лексики памятников в срезе культурно-исторических, региональных, религиозных и бытовых особенностей тюркских народов древности.

Одним из принципов создания такого словаря является его своевременное пополнение, что может быть обеспечено созданием вначале электронного варианта, в том числе с on-line доступом, с возможностью быстрой локализации лексем и словоформ, согласования дополнения и/или уточнения лексических вхождений в базе данных, с целью создания общей для тюркологов площадки по обмену данными по древнетюркским языкам.

ЛИТЕРАТУРА

- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 677 с.
МК 2010 – Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) / под ред. И.В. Кормушина. – М., 2010. – Т. 1. – 464 с.
Caferoğlu 1968 – Caferoğlu A. Eski Uygur Türkcesi Sözlüğü, 1968. – 320 s.
Clauson 1972 – Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish Oxford, 1972. – 1038 p.

ПРОЦЕСС СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЛОВА *ОРДА*

М.В. Пименова

В статье анализируются значения слова *орда* в этимологических и толковых словарях русского языка. Слово *орда* в современном русском языке означает: 1. Название крупных тюркских и монгольских феодальных государств в эпоху средневековья. 2. Ставка, местопребывание их правителей. 3. Название союзов кочевых племен. 4. Вражеское войско; полчище. 5. Многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище (в этимологических словарях: «беспорядок, шум»). Русские летописи представляют слово *орда* в значении «войско (не всегда вражеское)». Упомянутые в этимологических словарях значения «стан, кочевье», «дворец/ шатер хана/ султана» и «военный лагерь» были вытеснены, т.е. налицо процесс десемантизации слова *орда*. Обнаруженные в былинах значения «государство» и «земля» в словарях русского языка не упоминаются вовсе. Как показывает анализ, русская языковая картина мира претерпела изменения – сейчас в ней отобразился европейский взгляд на нашу собственную историю. Корни этого видятся в изменении идеологии, связанной с не до конца ясной историей нашего Отечества.

Ключевые слова: тюркизмы, заимствование, десемантизация, языковая картина мира.

The article analyzes the meaning of the word *орда* «horde» in the etymological and explanatory dictionaries of the Russian language. The word *орда* «horde» in the modern Russian language means: 1. The name of the large Turkic and Mongolian feudal states in the Middle Ages. 2. Bet, the seat of their rulers. 3. The name of the unions of nomadic tribes. 4. Enemy army; horde. 5. A crowded, disorderly and noisy crowd, a bunch (in the etymological dictionaries: «disorder, noise»). Russian chronicles represent the word *орда* «horde» in the sense of «army (not always enemy)». The meanings «camp, nomadic», «palace / tent of the khan / sultan» and «military camp» mentioned in the etymological dictionaries were suppressed, i.e. there is a process of desemantizing the word *орда* «horde». The meaning «state» and «earth» values found in bylines are not mentioned at all in the Russian language dictionaries. As the analysis shows, the Russian language picture of the world has undergone changes – it reflects the European view of its own history. The roots of this are seen in the change in ideology associated with an incompletely clear history of our own Fatherland.

Keywords: turkism, borrowing, desemantization, language picture of the world.

История страны идёт рука об руку с процессом развития языка. Язык развивается во времени, слова в ходе такого развития меняют свои значения, отображая тенденции изменений, наблюдаемых в ментальности народа. Под *ментальностью* понимается «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» [Колесов 2000: 15].

В данной статье рассматривается слово *орда* в аспекте изменения его семантики – потерь и приобретений новых смыслов в процессе развития русского языка. Это слово анализируется в рамках теории ментальности.

Тюркизмы в русском языке привлекают внимание ученых давно. История развития тюркизмов от момента их заимствования до наших дней вновь и вновь привлекает внимание лингвистов.

Начнём с этимологии слова. Макс Фасмер указывает в соответствующей словарной статье: «орда I, укр. орда́, блр. орда́ «беспорядок, шум», др.-русск. орда «стан, кочевье» (Афан. Никит. 9 и др.; см. Срезн. II, 705 и сл.), ординское, прилаг., грам. 1362–1389 гг.; см. Шахматов, Очерк 186. Заимств. из тюрк.; ср. чагат., азерб., таг., казах. орда «дворец, шатер султана, хана», тур. ordu «военный лагерь» (Радлов I, 1072 и сл.), уйг. Ordukänt «ординский город=город Кашкар» (Радлов I, 1075), монг. ordu, orda, калм. ordо «двор, лагерь, стоянка, орда» (Рамстедт, KWb. 288)» [Фасмер: электронный ресурс].

Словари других авторов, например, Г.А. Крылова и Н.М. Шанского, указывают на тюркское происхождение слова *орда*. В татарском языке *орда* – это «лагерь, стан» [Крылов: электронный ресурс]. Н.М. Шанский приводит цепочку смыслов, развивавшихся во времени: орда – «лагерь» < «ставка хана» < «дворец» (с тронным залом), того же корня, что орун «трон» [Шанский: электронный ресурс].

Согласно приведённым этимологическим словарям, слово *орда* пришло в русский язык из тюркских. Первоначально его значениями были: 1. Беспорядок, шум. 2. Стан, кочевье. 3. Дворец/ шатер хана/ султана. 4. Военный лагерь.

Русские летописи дополняют эти значения, расширяя семантику слова *орда*. Первое письменное упоминание слова *орда* в текстах древнерусского периода относится к сере-

дине XIII в. В источниках XIII–XIV вв. у слова *орда* семантика синкретична: в контекстах не отделимы смыслы «ставка хана; государство» и «земля та(р)гарская, государство та(р)тарское» (выражение *Золотая орда* появилось в русских источниках в XVI веке; прилагательное *ордынский* встречается уже в XIV веке).

В русских былинах слово *орда* упоминается часто в значении «земля, страна вообще, татарская земля»: «*Ты откудоишний дородный добрый молодец, ты с какой земли да из какой орды*» (Первая поездка Ильи Муромца. Илья и Соловей-разбойник). В былинах слова *орда* и *земля* находятся рядом, поясняя друг друга: «*И не матушка ли орда подымалася, Мать сыра земля от войска потрясалася...*» (Мамаево побоище); «*Как про тебя слава широко-то шла По всим землям-то, еще по всим ордам...*» (Святогор приобретает гроб).

Былинные эпитеты *орды*: *большая, великая, дальняя, богатая, темная*. Эпитет *темная* содержит негативную коннотацию: «*А кого бы мне послать повыхать Да во тую ли во землю да во дальнюю, да во тую ль во орду во темную, Во темную орду да в хоробру Литву, Ко тому ли к королю литовскому, Ко тому ли к Ботияну к Ботиянову, – А свезти-то дани ему, выходы...*» (Добрыня и Василий Казимирович. Добрыня в отъезде). Обращает на себя внимание в этом контексте именование Литвы *ордой*. Здесь Литва синкретично называется и «государством», и «землей».

Уже упомянутое выражение *Золотая орда* в былинах синонимично *земле*: «*А и едем мы из дальней Орды, Золотой земли, от грозна короля Етмануйла Етмануйловича...*» (Про Ставра-боярина). В словаре В.И. Даля встречаются словосици и поговорки со словом *орда*: *Иван был в орде, а Марья вести сказывает. Каков царь, такова и орда. Хоть в орде, да в добре. Старших их в орде почитают. Хоть в орду, так пойду. Где хан, тут и орда. Один от Золотой орды, другой от рыжей бороды*.

В современном русском языке отмечаются следующие значения слова. «Малый академический словарь» указывает: «орда-ы, мн. орды, ж. 1. ист. Название крупных тюркских и монгольских феодальных государств в эпоху средневековья, а также ставка, местопребывание их правителей. Золотая орда. Крымская орда. || Название союзов кочевых племен. 2. перен.; с определением. пренебр. Вражеское войско; полчище. Фашистские орды. 3. перен.; кого или какая. разг. Многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-л.» [СРЯ: электронный ресурс]. Как видим, к числу указанных в этимологических словарях добавились новые значения: 1. Название крупных тюркских и монгольских феодальных государств в эпоху средневековья. 2. Ставка, местопребывание их правителей. 3. Название союзов кочевых племен. 4. Вражеское войско; полчище. 5. Многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище (в этимологических словарях: Беспорядок, шум). В русских летописях словом *орда* чаще всего обозначали войско, не всегда вражеское. Значения «стан, кочевье», «дворец/ шатер хана/ султана» и «военный лагерь», упомянутые в этимологических словарях, были вытеснены вышеуказанными. Значения «государство» и «земля», обнаруженные посредством контекстов из былин, в словарях русского языка не упоминаются вовсе.

Эти значения можно отыскать не в толковых словарях, а энциклопедиях по политологии и истории. «Орда. тюркское слово с очень широким спектром значений, включающим ставку, дворец правителя, территорию, занятую определенным племенным или политическим (государственным) образованием, войско, армия, место периодических сборов родственных кочевий, кочевой лагерь правителя, кочевую столицу и в некоторых тюркских языках и диалектах массу иных родственных понятий, связанных с перечисленными. В древнетюркских текстах начала II тыс. это понятие обозначает «средний», «средина». По всей видимости, как средоточие человеческих масс, собрание кочевников оно в дальнейшем приобретает социально-политический и топографический смысл. Ордами именовались крупные владения, на которые подразделялась при Чингисхане и Чингисидах территория первоначального общемонгольского улуса» [Политология. Словарь].

В энциклопедиях можно отыскать еще одно значение, «пропущенное» в словарях русского языка – «ранняя форма организации общества»: «1) у тюркских и монгольских народов первоначально военно-административная организация, затем становище кочевников, в средние века – ставка правителя государства 2) Устаревший термин, обозначающий самую раннюю форму организации общества («первобытное человеческое стадо») 3) В обиходном значении – многочисленное неорганизованное скопище людей» [Большой энциклопедический словарь].

Обращает на себя внимание появление стилистически окрашенного значения у слова *орда* в современном русском языке: «2. перен.; с определением. пренебр. Вражеское

войско; полчище. Фашистские орды» и значения «первобытного ... стада» из энциклопедии. Откуда и когда они появились?

Эти два последних значения слова *орда*: «1. Ранняя форма организации общества («первобытное человеческое стадо»). 2. Вражеское войско; полчище» имеют явно выраженную негативную коннотацию. А это говорит о появлении ироничного компонента в структуре соответствующего концепта. Причиной именованной *орды* «первобытным стадом» и «вражеским войском» находят в татаро-монгольском иге. Однако было ли оно?

И если иго – это очередной вымысел политически ориентированных историков, то тогда причины следует искать в чем-то другом. Обратимся к европейским языкам – живым и мёртвым. В латинском языке есть словосочетание *jugum tartaricum* (лат. *jugum* «ярмо, порабощение»), переводимое как «адское иго». А может быть, следует переводить это выражение прямо – «татарское иго»? Не татарское, а именно как написано – татарское? (В греческом языке *татарароζ* (татарос) означает «подземное царство», ср. рус. *провалиться в тартарары*. Тартарос – это царство, оказавшееся под землёй?).

В Англии строптивного, упрямого мальчишку называют *young Tartar* – «та(р)тарченок». По-английски выражение *to catch a Tartar* (букв. «нарваться на та(р)тарина») означает «встретиться с более сильным противником».

Другие языки указывают на существование однокоренных слов со словом *орда*: в английском языке слово *Horde* означает «орда, большое скопление людей/ животных/ насекомых; полчище; банда, шайка». В латинском языке есть слова: *ordo*, означавшее «1. воен. линия, шеренга; 2. отряд, центурия; 3. разряд, сословие (*ordo equester* всадническое сословие); 4. порядок, правильный ход, движение, правильное устройство», глагол *ordino* со значением «приводить в порядок, ставить в строй, строить в линию».

В английском слово *Cossack* означает «казак»: *kazak from Turkic, 'vagabond, nomad'; later influenced by French*. Т.е. слово *казак* означает «бродяга, кочевник». А мы это слово знаем в значении «конный воин».

Крестоносцы – это особый воинский – рыцарский – орден. Орден – это военно-монашеские организации европейских рыцарей в период крестовых походов в XI–XIII вв. Тевтонский орден, разбитый Александром Невским, совместно с Ливонским орденом в XIII–XIV веках постоянно воевал с Литвою, Польшей и Северо-Западной Русью: «В лето 6750 (1242). Ходил Алексавдр Ярославич с новгородцы на немцы и бился с ними на Чудьском озере у Воронина Камени и победил Александр и гнал (немцев) по льду 7 верст, секучи (рубя) их». В 1410 году после поражения в Таненбергской битве с поляками и литовцами Тевтонский орден переселился в Прирейнский край во Франконию, где и существовал вплоть до Наполеона I.

В современном восприятии орденá – это награды за особые заслуги (первоначально – на военном поприще). Есть еще слова: *ординарец* – военный служащий, состоящий при командире для служебных поручений, для передачи приказаний и второе слово: *координация* – согласование, упорядочивание.

Слово *орден* произошло от слова *орда*. Немецкое слово *Ordnung* тоже восходит к слову *орда*. Слово *Ordnung* означает «порядок, строй, устав». Рыцарские ордена характеризуются как дисциплинированные, имеющие строгую иерархию, воинские соединения, воевавшие, в том числе, и за гроб Господень. То есть в русском, латинском, немецком и английском языках значения слов и соответствующих выражений отображают идеологию определенного исторического времени: у выражения *рыцарский орден* отрицательных коннотаций нет, а *казак* с позиций англичан – это бродяга, а не такой же воин, как и рыцарь: цели у казаков и рыцарей разнятся.

И еще одна ремарка. Казахи себя называют алашами. Алаш – это воин-всадник; Алаш Орда – конный отряд, крыло войска, эскадрон.

Как видим, только при первом соприкосновении с темой семантики слова *орда* сталкиваются две позиции: историческая и идеологическая, которые не отделимы друг от друга.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Пословицы русского народа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/391080/>. Дата обращения: 12.06.2019 г.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 326 с.

Крылов Г.А. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymologic-dictionary/fc/slovar-206.htm>. Дата обращения: 12.06.2019 г.

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kartaslov.ru/значение-слова/орда>. Дата обращения: 12.06.2019 г.

Фасмер М. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/o/орда>. Дата обращения: 12.06.2019 г.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. – М.: Дрофа, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovorod.ru/etym-shansky/shan-o.htm>. Дата обращения: 12.06.2019 г.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОР В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Ю.И. Плахотная, Д.В. Малышкин

В статье проанализированы переводы метафор из русских народных сказок. Рассмотрены особенности перевода, а также зависимость способа перевода метафоры от ее типа.

Ключевые слова: русские народные сказки, метафоры, особенности перевода метафор.

The article analyzes translations of metaphors from Russian folk tales. The features of the translation, as well as the dependence of the method of translation of metaphors on its type are considered.

Keywords: culturally specific meanings; communication; social constructionism; interpretation; logic of meaning formation.

Проблема перевода метафор в художественных текстах давно обсуждается многими исследователями, это, пожалуй, один из самых сложных вопросов в лингвистике, поскольку метафора это не просто воплощение эмоционально окрашенных образов, воздействующих на воображение читателя, но и отражение глубинных концептуальных структур в мышлении автора. Широкое использование автором метафор может говорить о его особом метафорическом мышлении, что отражается в художественном стиле. В народных сказках автором выступает целый народ в своем историческом развитии, а метафоры, как единицы языка, в народных сказаниях свидетельствуют об особенностях национального мышления. Профессор С.Г. Воркачев, ссылаясь на слова Пифагора, утверждает, что «язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса» [Воркачев 2001: 64]. С середины XX века метафору начинают изучать как более сложное явление, чем просто языковую форму. Так, В.Н. Телия пишет о метафоре, как об отражении народного языка и культуры [Телия 1988: 174]. В.Е. Пименова в статье «Концептуальные исследования и национальная ментальность» пишет, что рассмотрение ментальности народа в отрыве от изучения языка невозможно, поскольку это взаимообусловленные явления [Пименова 2011: 128]. Таким образом, у нас есть основания исследовать метафоры не только как простое языковое преобразование, но как единицу, передающую культурные и эмоциональные понятия характерные для определенной этнической группы. Еще более сложной задачей является передача смысла метафоры при переводе на иностранный язык, так как в процессе перевода с одного национального языка на другой необходимо найти соответствия в мышлении народов и их культурных особенностях. Мы поставили своей задачей, рассмотреть в настоящей статье особенности перевода метафор на примере русских народных сказок, в которых наиболее полно представлено мировоззрение народа и его духовная культура.

Существуют различные определения метафоры. Так, например, в труде «Поэтика» Аристотель дал классическое определение метафоры как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии. Я говорю о перенесении из рода в вид» [Аристотель 2018: 330]. В соответствии с определением в словаре Ожегова, метафора это «скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета (явления) другому» [Ожегов 1949: 9]. Н.Д. Арнольд определяет метафору как «скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» [Арнольд 1960: 83] Это один из самых употребляемых тропов, поскольку имеет большое семантическое поле.

При переводе метафор учитывается все – от самих языковых средств, используемых автором, до композиции всего текста. Переводческие приемы подбираются не только для передачи смысла, но и для сохранения авторской стилистики текста. Утрата метафоры

или ее упущение может серьезно исказить смысл переводимого текста, поэтому, в соответствии с «законом сохранения метафоры», в переводе сохраняется данная языковая единица [Гальперин 1981: 83]. Перевод метафоры представляет собой исключительную сложность, поскольку требует от переводчика сохранения эстетической, номинативной, аксиологической функций, а также сохранения атмосферы и национального колорита, которую передает метафора в фольклорном тексте.

В переводоведении существует несколько подходов к переводу данных языковых единиц. Мы взяли за основу классификацию Т.А. Казаковой, которая отражает наиболее структурированную систему приемов для перевода метафорических единиц. Классификация состоит из следующих типов перевода:

1) полный перевод, который применяется для метафорических единиц в том случае, если в исходном и переводящем языке совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, употребленные в данной метафоре;

2) добавление/опущение используется в тех случаях, когда мера подразумеваемости подобия в исходном и переводящем языках различна;

3) замена применяется в случаях лексического или ассоциативного несоответствия между элементами метафоры в исходном и переводящем языках;

4) структурное преобразование применяется при различии традиций грамматического оформления метафоры в исходном и переводящем языках;

5) традиционное соответствие употребляется в отношении метафор фольклорного, библейского, античного происхождения, когда в исходном и переводящем языках сложились разные способы выражения метафорического подобия;

6) параллельное именование метафорической основы используется при переводе текстов, построенных на распространенной метафоре, когда по межъязыковым условиям требуется замена или структурное преобразование исходной метафоры, а по характеру передаваемой информации исходный образ необходимо сохранить [Казакова 2001: 246].

Важным является разграничение общепринятых языковых и авторских метафор. Перевод языковых метафор подразумевает поиск клише и аналогов в переводящем языке, в то время как авторская метафора требует тщательного анализа и отбора средств, здесь нельзя сделать шаг в сторону, но необходимо перевести метафорическую единицу максимально близко к тексту, чтобы сохранить индивидуальную стилистику автора [Комиссаров 1990: 115].

В лингвистике существует множество подходов к классификации метафор и определению их типов. Для анализа мы выбрали классификацию В.П. Арутюновой, поскольку она более систематизирована структурно. Согласно классификации Арутюновой, метафоры подразделяются на типы:

1) номинативные – стирают границы между лексическими значениями слова;

2) когнитивные, которые возникают в результате переноса значения и создающие полисемию;

3) генерализующие метафоры – стирают границы между лексическими значениями слова;

4) образные, рождающие вследствие перехода идентифицирующего значения в предикатное и служащие развитию фигуральных значений и синонимических средств языка [Арутюнова 1995: 151];

В народных сказках используются разные приемы художественного оформления, наряду с постоянными эпитетами, сказочными зачинами, говорящими именами присутствуют метафоры. В фольклорных текстах они имеют особое значение, поскольку передают тот дух народа, отражают его жизнь и традиции. Поэтому адекватность восприятия, проникновение в духовную жизнь народа, наполненную традициями и многовековой историей, напрямую зависит от корректности перевода.

Для анализа перевода метафор были выбраны три сказки: «Золотая рыбка», «Морозко» и «Горе». Разберем приемы, с помощью которых метафорические единицы были адаптированы на английский язык. Сказка «Золотая рыбка» повествует о пожилой паре, живущей на берегу моря. Старик поймал золотую рыбку, которая за свое освобождение выполняет любое желание. Перед стариком встает вопрос выбора. В сказке противостоят трудолюбие и доброта гордыни и скупости.

Пример 1. *Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая — золотая.* [Афанасьева 1994: 75]. – *Yet when he looked he saw the net was empty: except for a little fish. But it was no ordinary fish it was golden* [Terletski]. Образная

метафора *рыбка не простая – золотая* в переводе звучит как *it was no ordinary fish, it was golden*. Она выражает сходство по производимому впечатлению и обозначает не только цвет, но богатство.

Пример 2. *Ах ты, старый чёрт!* [Афанасьева 1994: 75] – *Oh, you old devil!* [Ожегов 1949; Terletski]. Образная метафора. Указывает на сходство по производимому впечатлению, старик не стал загадывать желание, на что старуха разозлилась и назвала его «чёрт», которое используется здесь как инвективная единица.

Пример 3. *Экая ведьма* [Афанасьева 1994: 75] – *What a witch!* [Terletski] – образная метафора. Здесь также видно производимое впечатление, старик раздосадован тем, что его супруга много просит.

Следующим, часто встречающимся приемом является замена:

Пример 4. *Попалось тебе в руки большое счастье, а ты и совладать не сумел.* – *Good luck falls from the skies and you haven't the sense to grab it.* Когнитивная метафора *Попалось тебе в руки большое счастье* [Афанасьева 1994: 75] – *Good luck falls from the skies* [Terletski]. Счастье является абстрактным существительным, в силу этого с ним невозможно совершить физических действий.

Пример 5. *Ах ты, старый nec! Не умеешь ты счастьем пользоваться* [Афанасьева 1994: 75] – *Oh, you old fool! You don't know good luck when you stare it in the face* [Terletski]. *Ах ты, старый nec – old fool!* – Метафора по производимому впечатлению. Перевод *dog* не имел бы такой сильной эмоциональной окраски как «fool», что дословно переводится как *глупец*.

Пример 6. *Скрепя сердце пошёл старик на море* [Афанасьева 1994: 75] – *So, reluctantly he went down to the sea* [Terletski]. *Скрепя сердце* переведено наречием *reluctantly*, что является когнитивной метафорой, по способу представления действий. Метафора *скрепя сердце* означает делать, что-то с неохотой, не имеет полного эквивалента в английском, поэтому переведена наречием *reluctantly*, что означает *неохотно*. При этом теряется образность.

Еще реже используется прием добавление / опущение:

Пример 7. *Старуха ругается, не даёт мне покою* [Афанасьева 1994: 75] – *the old woman is angry and won't give me any* [Terletski]. Когнитивная метафора *Не даёт мне покою* в переводе имеет вид: *won't give me any peace*, обозначает способ представления действий. *Спокою – покоя*, это абстрактное существительное и дать его физически нельзя.

Пример 8. Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его плетью [Афанасьева 1994: 75]. – *Right away the servants came running in, seized the old man by the scruff of the neck and hauled him off to the stables* [Terletski]. *Угощать плетью* – это метафора по способу представления действий. *Угощать – потчевать*, а плетью не угощают, а наказывают. Переводчик опустил эту метафору, видимо, ввиду своего непонимания или чтобы не ввести в заблуждение читателя.

Пример 9. *Велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые* [Афанасьева 1994: 75]. – *She ordered a search for the old man so that she might set eyes on him again* [Terletski]. Образная метафора *очи светлые – she might set eyes on him again* выражает сходство внешнего вида. Под *светлыми* подразумеваются яркие и величественные, поскольку старуха в этом моменте сказки королева. Переводчик опустил метафору.

Менее популярный прием «Структурное преобразование»:

Пример 10. *Поднялась суматоха, генералы суеются, бояре бегают* [Афанасьева 1994: 75]. – *What a fuss there was! The generals buzzed about, the governors huffed and puffed* [Terletski]. Когнитивная метафора *Поднялась суматоха* переведена как *What a fuss there was!*, выражает представление действий. Существительное в составе метафоры абстрактное. Также переводчик нарушил экспрессивность, не соблюдая инверсию.

Пример 11. *Позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом – зелёный луг* [Афанасьева 1994: 75]. – *Behind the palace were elegant gardens, while in front was a big green meadow on which troops were parading* [Terletski]. *Сад раскинулся* – *Behind the palace were elegant gardens*. *Сад* – неодушевленное существительное, *раскинуться* то есть разложить.

Всего из сказки «Золотая рыбка» было рассмотрено 17 метафор из которых 4 метафоры переведены полным переводом, 1 параллельным именованием метафорической основы, 5 заменой, 2 структурным преобразованием и 4 добавлением /опущением.

Второй сказкой для анализа была выбрана «Морозко», которая учит вежливости, справедливости, доброте и любви. В ней встречается следующие типы перевода метафор:

из 8 метафор 3 переведены полным переводом, 1 – добавлением / опущением, 3 – заменой, 1 – параллельным именованьем метафорической основы.

Перевод является важным источником информации о разных народах, а перевод народных сказок имеет исключительную лингво-культурологическую ценность. Он предполагает не только языковую деятельность, но и культурный обмен, он дает одному народу окунуться в историю, традиции и культуру другого. Для выполнения коммуникативной задачи и достижения прагматической цельности перевода, переводчик должен знать особенности жанра текста, языковые и когнитивные особенности народа и систему методов для достижения адекватности перевода.

В своем исследовании мы выяснили, что для достижения семантической эквивалентности переводчик должен учитывать все, от стиля, чтобы сохранить смысл и собственную стилистику автора, до грамматической структуры, так как у каждого языка свой грамматический строй. При переводе метафорических единиц должна сохраняться не только форма, но и содержание. На основе анализа, вышеуказанных трех сказок мы выявили количество, использованных метафор – 36 (100%), так же частоту использования каждого приема по классификации Т.А. Казаковой.

Наиболее часто встречающимися приемами перевода метафор стали: полный перевод – 9 (25%), замена – 12 (33,33%), добавление/опущение – 6 (16,67%). Также были задействованы: структурное преобразование – 4 (11,11%); параллельное именование метафорической основы – 4 (11,11%); Традиционное соответствие – 1 (2,78%). Важно заметить, что тип метафоры не зависит от способа ее перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Риторика. Поэтика / пер. Н. Платонов. – М.: АСТ, 2018. – 352 с.
- Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – М.: Прогресс, 1960. – 256 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека: сборник / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 240 с.
- Афанасьева А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. – М.: Наука, 1984 – 1985.
- Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки – 2001. – № 1. – С. 64–72.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
- Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2001.
- Комиссаров В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. – М.: Высш. шк., 1990. – 127 с
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – 1949 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/> (Дата обращения 08.05.2019).
- Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4. – С. 126–132.
- Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебrenников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
- Ralston W.R.S. Russian Folk-Tales. – London: Smith, Elder & Co, 1873. – 382 с.
- Terletski M. Golden fish. – 1998 [электрон. Ресурс]. – Режим доступа: <https://russian-crafts.com/russian-folk-tales/golden-fish-tale.html> (дата обращения 08.05.2019)

ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В.А. Родионов

В статье рассматривается исторический путь, пройденный тюркоязычными народами бывшего СССР и живущими в контакте с русским народом или в окружении русскоязычных этносов, в поиске наиболее подходящей для их фонетики графической системы. Большинство этих народов прошло последовательно несколько этапов: традиционной арабской письменности, затем латинизированной и, наконец, дополненной и отчасти модифицированной кириллицы. Ряд тюркоязычных народов, культурно и лингвистически наиболее близких к Турции, вскоре после получения их странами в 1991 г. автономии, вновь и, по-видимому, теперь уже окончательно вернулись к латинице. Закончится ли процесс на этом?

Ключевые слова: система письма, арабская письменность, латиница, кириллица, графический символ, знак.

The article «Turkic Nations: Quest for a Best-Suited Writing System» deals with the quest of Turkic-speaking nations and ethnicities of the former USSR living in close contact with, or surrounded by, their Russian-speaking neighbours, for a writing, best-suited for reproducing their phonetic system. Thus, most moved from their pre-revolutionary traditional Arabic alphabet through a short-lived experience with Latinized sets of letters on to a slightly modified and enriched Cyrillic alphabet. Yet some, after several decades of romance with the Cyrillic writing, and inspired by the Turkish experience, appear to have finally opted for Latinized alphabets. Will there be more of them to follow suit?

Keywords: writing system, Arabic writing, Cyrillic, Latinized alphabet, graphical symbol, character.

По подсчетам специалистов население земного шара в настоящее время использует около 250 алфавитов. Существуют системы письменности, обслуживающие один народ и/или один язык. К таким алфавитам можно отнести, например, грузинский, армянский, эфиопский. В тоже время существуют системы письма, являющиеся общими, но для ограниченного числа лингвокультурно родственных этносов. Например, еврейская письменность, которая используется в таких языках как иврит, идиш, каримский язык. Эти алфавиты разработаны для конкретной языковой системы и идеально приспособлены к её специфике, но именно поэтому не используются за пределами её распространения.

В то же время существуют системы письма, вышедшие далеко за пределы ареала своего первоначального распространения и – в силу исторических и культурных факторов – охватившие территории, в этноязыковом отношении никак с этим ареалом не связанные. Пример такой системы письма – арабский алфавит, обслуживавший в определенный исторический период огромные территории от Турции до Пакистана, от Булгара до Саудовской Аравии, но в силу исторических причин постепенно сузивший свою сферу влияния практически до арабо- и ираноязычного ареала. Сегодня этой письменностью пользуется 10% всего населения земли.

Достаточно компактно проживают народы, до недавнего времени пользовавшиеся или до сих пор пользующиеся другой системой письма – кириллицей. Это, как правило, славянские нации и этносы, входившие некогда и входящие до сих пор в тесный лингвокультурный контакт с русскоязычным миром, в частности бывшие до этого времени бесписьменными тюркоязычные народы (например, ногайцы, тувинцы, якуты, гагаузы, каракалпаки, крымчаки, хакасы). Этот, использующий кириллицу, лингвокультурный массив охватывает территорию от Балкан до Восточной Сибири и составляет 10% всего населения земного шара [Kurbanov 2014: 260].

Наконец, 30% населения земного шара использует латиницу, которая практически не знает территориальных ограничений. Можно с уверенностью прогнозировать её дальнейшую лингвокультурную экспансию. Одна из самых ранних и вполне удачных попытки использования латиницы для записи живой тюркоязычной речи – составленный в начале XIV века кумано-кыпчакско-половецкий сборник фольклорных и религиозных текстов, известный как Codex Cumanicus. Особенности принятой в нем транскрипции объясняются немецкоязычностью его составителя и проявляются в характерном именно для немецкого языка использовании латиницы: так, звук [ш] передается триграфом [sch], звук [х] – диграфом [ch], а конечные звонкие согласные последовательно оглушаются. Если учесть эту и некоторые другие особенности передачи тюркской фонетики, текст Кодекса может быть понятен любому знающему какой-либо из современных тюркских языков [Гаркавец 2006].

Рассмотрим теперь, какие системы использовал на различных этапах своего развития тюркоязычный мир. Оставив за пределами внимания различные архаичные виды письменности, такие как руника, уйгурское, согдийское, манихейское письмо, попытаемся проследить динамику развития алфавитных предпочтений тех тюркских народов, которые тесно соприкасались с русскоязычным миром.

Как известно, с 922 г. в Булгарском Царстве, затем в Казанском ханстве и в составе русского государства татары и их предки – вплоть до 1927 г. – пользовались арабским письмом.

Примерно до 1927–1930 гг. это же письмо использовали азербайджанцы, туркмены, узбеки, киргизы, казахи, башкиры, кумыки, уйгуры и крымские татары. Вскоре после Всесоюзного тюркологического съезда 1926 г. в Баку и примерно до 1943–1947 гг. все эти народы использовали незначительно модифицированную и приспособленную к особенностям своих фонологических систем латиницу.

Вслед за этим экспериментом в течение почти 50–60-ти лет (1938–1992 гг.) тюркоязычные народы, входившие в состав СССР, пользовались дополненной и адаптированной к фонологическим особенностям своих языков кириллицей.

Получив после 1991 г. автономию, в течение 1992–1993 гг. вновь перешли на латиницу азербайджанцы, туркмены, гагаузы, узбеки (характерно, все они – кроме узбеков – принадлежат к так называемой южной, или огузской, или по Рясянену – юго-западной группе). В 2005 г. к их числу присоединились башкиры.

Некоторые, главным образом младописьменные, т.е. не имевшие прежде письменной традиции народы, не прошли арабографическую стадию. Так, хакасы и шорцы в 1924–1929 гг. пользовались в качестве своей первой системы письма кириллицей, затем около десятилетия – латиницей, и в 1938–1939 гг. вернулись к кириллице.

Однако не все тюркоязычные народы проходили в своём развитии и стадию использования кириллицы. Так, сразу приняли и использовали латиницу якуты (1911–1938 гг.), крымчаки (1917–1936 гг.), тувинцы (1930–1943 гг.), впоследствии все же перешедшие на кириллицу.

Среди младописьменных народов – гагаузы, в 1957–1992 гг. использовавшие кириллицу, но в 1993 г. перешедшие на латиницу.

Наконец, существуют некоторые тюркоязычные народы, которые не прошли ни стадии использования арабицы, ни этапа латиницы, а с самого начала сделали выбор в пользу кириллицы. Раньше всех русифицированный алфавит приняли чуваша (с XVIII в.), значительно позже – ногайцы, каракалпаки, карачаево-балкарцы (с 1936 г.), а также, с определенными оговорками, караймы (использовавшие в некоторых жанрах кроме того древнееврейское квадратное письмо и латиницу).

Попытаемся теперь по возможности объективно и, воздерживаясь от оценочных суждений, проанализировать очевидные сильные и слабые стороны каждой из использовавшихся или используемых тюркоязычными народами графических систем с точки зрения её технической пригодности.

Арабская графика, обеспечивающая теснейшую связь с исламским лингвокультурным миром, его духовными и эстетическими традициями, идеально приспособлена к фонетической и грамматической системе арабского языка (немного хуже – фонетической системе фарси и урду), но, как неоднократно отмечалось исследователями, мало подходит для передачи своеобразия именно тюркской фонетики [Благова 1997: 149; Наджип, Благова 1997: 128].

В числе неудобств лингвотехнического характера можно упомянуть по меньшей мере следующее:

- невозможно отразить на письме тембр близкородственных, но всё же различных, фонем, что в языке, «пронизанном» сингармонизмом, часто довольно существенно, например, все четыре губные фонемы [o][ö][u][ü] в арабице обозначаются одним и тем же знаком;
- при направлении письма справа налево, числа и иноязычные вкрапления (главным образом из европейских языков) в арабоязычном тексте пишутся и читаются так, как принято в большинстве других системах письма, т.е. слева направо;
- принципиально не предусмотрено использование заглавных букв;
- имеется ряд букв, идентичных по форме, но распознаваемых только при условии использования надстрочных или подстрочных знаков/точек;
- у некоторых букв существуют специальные – довольно сильно различающиеся – формы для 1) изолированной позиции, 2) связи с предыдущей литерой, 3) связи с последующей литерой: при расположении некоторых букв рядом – обязательно их слияние и появление диграфа;
- правильно опознать и озвучить иноязычное слово можно только при наличии точных огласовок;
- в алфавите, разработанном для семитской фонетической системы неизбежно наличие знаков, неприменимых в тюркоязычных фонетических системах (ряд эмфатических и некоторых гортанных согласных).

Несомненно, тюркоязычные пользователи арабской письменности испытывали все упомянутые неудобства и пытались их преодолеть, иногда комбинируя буквы в необычной для арабского языка форме, но в XXI веке едва ли можно считать такую систему письма в применении к неарабскому тексту оптимальной.

Несмотря на то, что кириллица и латиница не имеют в исторической жизни тюркоязычных народов глубоких корней и означают отход от лингвокультурной традиции, обе они обладают рядом бесспорных лингвотехнических преимуществ перед арабицей:

- направление письма слева направо, что позволяет легкую и органичную ассимиляцию иноязычных вкраплений, без которых жизнь в XXI веке представить невозможно;
- наличие заглавных букв, широкое использование облегчающих восприятие пунктуационных знаков, возможность разнообразия шрифтов, графическая автономность каждого знака, легкость переноса частей слова;
- относительная простота написания буквенных форм, их легкая различимость даже в условиях нечеткости шрифта;
- возможность точно – пусть даже механически – воспроизвести реальное произношение любого незнакомого/иноязычного слова.

Если сравнивать кириллицу с латиницей, то наряду с отмеченными ранее общими техническими преимуществами можно отметить следующее их различие. Сравнительно с латиницей, кириллица несколько более перегружена дополнительными знаками. В киргизском, тувинском, шорском – их три, в якутском, гагаузском, хакасском, крымчакском, чувашском и ногайском – 4–5, в татарском – 6, в башкирском, уйгурском, казахском и каракалпакском – 8–9, хотя речь идет, как правило, о весьма незначительных модификациях основной формы, добавлении подбуквенных и надбуквенных и в ряде случаев, внутрибуквенных диакритических знаков.

В используемой тюркоязычными народами латинице число диакритических знаков может быть сведено к минимуму, как это и было реализовано в турецком языке – всего лишь два подбуквенных значка и по два двоеточия над буквами [ö][ü] по образцу немецкого умлаута. Турецкая модификация латиницы, по-видимому, может быть с успехом применена и к другим тюрским языкам. Впрочем, есть основания предполагать, что, принимая в 1928 г. решение о переходе на латиницу, Ататюрк изучил лингвистический эксперимент, проводившийся незадолго до этого советскими тюркологами, и его специалисты основывались при разработке нового алфавита на достигнутых в СССР положительных результатах.

ЛИТЕРАТУРА

- Благова Г.Ф. Чагатайский язык // Языки мира: Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997.
 Гаркавец А.Н., Codex Cumanicus, Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV веков. – М.: Русская деревня, 2006.
 Наджип Э., Благова Г.Ф. Мамлюкско-кыпчакский язык // Языки мира: тюркские языки. – М.: Индрик, 1997.
 Наджип Э., Благова Г.Ф. Тюрки язык // Языки мира: Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997.
 Afad Kurbanov, Genel Dil Bilimi. – Ankara, 2014.

ТУГАН ТЕЛ ДӘРЕСЛӘРЕНДӘ ЖИРЛЕ СӨЙЛӘМНЕ ӨЙРӘНҮ

А.Г. Сабирова

В настоящее время, под влиянием литературного языка, исчезают слова, отражающие духовную и материальную культуру определенных регионов. Поэтому их изучение особенно актуально для сохранения народных языковых традиций. Изучение на уроках родного языка диалектальных особенностей татарского языка, местных говоров помогает формированию у учеников национального самосознания, созданию у детей представления о родном языке как материальной и духовной ценности, воспитанию любви к родному языку.

Ключевые слова: Арский район, родной язык, местный говор, этнографические диалектизмы.

Currently, under the influence of the literary language, disappear words that reflect the spiritual and material culture of certain regions. Therefore, their study is especially important for the preservation of national language traditions. Learning the lessons of the native language of dialectal peculiarities of the Tatar language, local dialects helps the formation of pupils of national identity, the creation of children's ideas about their native language as material and spiritual values, education of love to native language.

Keywords: Arsky district, native language, local dialect, ethnographic dialect.

Без исеме күп жырларга кергән язылган данлыклы Арча ягында яшибез. Районныбыз үзенең мәгърифәтчеләре, күренекле язучылары, галимнәре, тырыш, эш сөеүчән халкы белән данлыклы. Арча ягының Казан артының милли Мәккәсе дип аталуы да юкка түгел. Габденнасыйр әл Курсави, Шинабетдин Мәржани, Шәмсетдин Күлтәси кебек мәгърифәтчеләр Арча жирендә туган. Габдулла Тукайдан башлап, татар әдәбиятының асыл затлары Гомәр Бәширов, Гариф Ахунов, Мөхәммәт Мәһдиев һәм тагы алтмыштан артык әдип-язучы да тумышлары белән Арча кешеләре. Арча районының бер үзенчәлеге

шунда, 127 авылда һәм район үзәге Арча шәһәрәндә яшәүче 52 мең кешенә 92% – татарлар. Район үзәге Арча шәһәре Казаннан 60 километр ераклыкта урнашкан. Бер яктан, районда зур күпчелек татар халкы булу, икенче яктан, Казанга якин булу, бу төбәк халкының телен-мәдәниятын саклавына, белемгә омтылышына, мәгърифәтле булуына да этәргеч биргән. Хәзерге вакытта да Арча районында яшәүче халык туган телендә сөйләшә. Туган телнең бишеге – гаилә. Биредә, кеше кайда яшәвенә карамастан, туган телне саклауга зур игътибар бирә. Шәһәрдә яшәүче балалар яки оныклар татарча белми дигән мәсьәлә тумый.

Бу мәкаләдә туган тел дәресләрендә татар теленә шушы төбәккә хас үзенчәлекләрен өйрәнү турында сүз бара. Татар теленә жирле үзенчәлекләрен өйрәнү укучыларда зур кызыксыну уята. Һәр дәрескә укучылар алдан әзерләнә. Алар әби-бабаларыннан, өлкән яшьтәге күршеләреннән оныгыла башлаган яки аерым бер темага караган лексик берәмлекләр туплыйлар. Арчы төбәгендә туып үскән язучыларның ижатын өйрәнгәндә, әсәрләреннән теленә дә игътибар юнәлтелә. Гомәр Бәширов, Мөхәммәт Мәһдиев, Гариф Ахунов ижатларын өйрәнгәндә, бер яктан диалекталь күренешләренә аерып барсак, икенче яктан, шушы әсәрләрдә тасвирланган милли йолалар, аларга хас лексика да өйрәнелә. Әдәби телгә башка сөйләшләргә караганда якынарак буларак, Арча сөйләшендә диалекталь күренешләр күп түгел. Әмма хәзергә кадәр телдә шактый гына диалекталь лексика саклана.

Жирле сөйләм – диалектлар турында 5 нче сыйныфта мәгълүмат бирелә. 10 нчы сыйныфта кабат бу темага әйләнәп кайтыла. Башка сыйныфларда грамматик темаларга бәйле рәвештә жирле сөйләм үзенчәлекләренә яңадан тукталабыз

Туган тел дәресләрендә фонетиканы өйрәнгәндә Арча сөйләшенә фонетик үзенчәлекләренә дә тукталабыз. Укучылар алдан бирелгән сораулар ярдәмендә Арча сөйләшенә хас үзенчәлекләренә табарга омтыла, мисалларны карточкаларга теркәгән була. Фонетика буенча дәрсәтә жирле сөйләшкә хас үзенчәлекләр барланып, гомуми нәтижә дә чыгарыла.

Арча сөйләшенә авазлар системасы, аларның ясалышы әдәби телгә туры килә. Аерымлыклар позицион күренешләргә һәм аваз тәңгәлләкләренә кайтып кала. Арча сөйләшенә а авазының ачык варианты хас: ат, бала. Сөйләш *й* ның *ж* авазына күчү белән характерлы: *йөгөрү – жөгөрү, йокы – жокы*. Әдәби телдәге *ң* белән тел очы *н* тәңгәлләге иялек килеш кушымчасында, 2 нче зат берлек сан хикәя фигылдә һәм кайбер сүзләрдә күзәтелә: *бабасының – бабасынын, безнең – безнен, киләсең – киләсен, мең – мен, уңа – уна*. Өлкән буын сөйләшендә *п-ф* тәңгәлләге күзәтелә: *керпек – керфек, япрак – яфрак, фәмидор – помидор, сифарат – сепарат*. Өй дифтонгы аның урынына *-и/ий* кулланыла: *силәшә-сөйләшә, кийә-көя, сийәк-сөяк*.

Грамматик үзенчәлекләргә тукталып китик.

Исем темасын үткәндә, безнең сөйләштә 1 нче һәм 2 нче зат тартым кушымчалы исемнәренә төшем килешә 2 вариантта булганлыгын әйтеп китәбез: *китабымны – китабымы*. Алмашлыкларны куллануда да үзенчәлекләр очрый. Мәсәлән, 1 нче һәм 2 нче зат алмашлыкларының юнәлеш килешен *мийа, сийа* вариантында кулланылу очраклары күзәтелә: (*Мийа да кибеттән ипи алып менегез*). Күрсәтү алмашлыкларының юнәлеш килешенә борынгы формасы саклана: *шуңа – шуңгар (Шуңгар жаңа өй салалар икән, шул башка чыккан улларына)*.

Фигыльләренә өйрәнгәндә жирле сөйләмгә мисал буларак түбәндәге формаларны күрсәтергә мөмкин: *баргач – баргачтын, күрмичә – күрмәс борын, салкын кермәсен өчен – кермәсенгә, буласыз – буласыгыз, яуган иде – яуганы (Урак башилангачтын, кунакка йөри алмыйсың инде)*.

Арча сөйләшенә дагын/дәген теркәгечләрен куллану да хас (*Мин килдем дәген, жылышыны башилап жиберделәр*).

Арча сөйләшенә сүзлек системасы да әдәби телнең сүзлек фондына бик якин. Шулай да аерымлыклар да табыла. Сөйләшнән үзенә генә хас диалектизмнары тормыш – көнкүрешнән төрле өлкәләренә карый.

Бишенче сыйныфта диалект сүзләр белән танышу укучыларда зур кызыксыну уята. Яшь буын, бигрәк тә шәһәр балалары бу сүзләренә аңлап та бетермиләр. Еш кына диалекталь сүзләреннән мәгънәсен киңрәк аңлатырга, бу төшенчәләр яки күренешләр турында киңрәк мәгълүмат бирергә туры килә.

Укучылар Арча төбәгенә хас түбәндәге сүзләренә тупладылар: *тустыру – нәни баланың тәшиен тотып тору; сатай – тилемсә; гидай – ялангач; аннык – аңа әсиртәрлек (аннык кына он бар инде); бурабзар – жылы абзар; чели – суалчан; бабай башы – тузганак; бәбчек – агач төбәннән чыккан яшь үсентеләр; йөзлек – битлек; борын яулыгы – куляулык; кечаяк – өйнең күхня өлеше; титаклап – аксаклап; исәю – үсеп китү;*

туар – хайван; чеби – чебеш; норсыз – ямьсез; жөдәү – ару; моржа – мич; борчу – кайгы; чак – начар; бабай башы – тузганак.

Арча районы күн мозайкасының туган жире буларак, биредә шушы һөнәрчелеккә хас лексика да саклана. Аларның күбесе башка төбәкләрдә очрамый. Югары сыйныфларда туган тел дәресләрендә читек чигү, күн мозайкасы,, шушы һөнәрчелеккә хас лексика турында да сөйләшәбез.

Бизәкләп чигелгән сафьян читекләр элек-электән дөнья базарларында дан тоткан. XVIII гасырда Арча ягында күн эшкәртү һәм күнгә чигү, ирләр һәм хатын-кызлар өчен алтын белән укалаган баш, аяк һәм өс киёмнәре эшләү һөнәрчелеге үсеп китә. XIX гасыр башларына кадәр чигүле читек-чүек эшләү өй шартларында башкарылса, тора-бара ул мануфактуралар формасында башкарыла торган кәсеп эшенә әйләнә. Революциядән соң да беренче чигүле аяк киёмнәре эшләү артельләре Арча кантонында барлыкка киләләр. Милли аяк киёмнәре чит илләргә дә күпләп чыгарылган. Аларны хәтта чит илләрдә дә белгәннәр, Франция, Англия, Германия, Бельгия хатын-кызлары яратып кигән. 1883 елда татар читекләре Парижда-Алтын медаль белән, 1886 елда Бронза медаль белән билгеләнә. Бу мактаулы һөнәрне 1972 елда оешкан Арча милли аяк киёмнәре берләшмәсендә дәвам итәләр. Соңрак ул «Милли аяк киёмнәре» акционерлык ширкәте буларак яши һәм эшли. 1978 нче елда Лепциг шәһәрндә уздырылган халыкара ярминкәдә Арча чигүле аяк киёмнәре шулай ук Алтын медальгә лаек була.

Үзгәртеп кору елларына кадәр Арча эшчеләр поселыгында, Клары, Урта Сәрдә, Мүлмә авылларындагы милли аяк киёмнәре берләшмәсенә филиалларында бик күп кеше хезмәт куйган. Күп кенә укучыларның әби-бабалары чигүче, каючы булган, алар шушы эшкә күп көч салган, эшләрен яратып башкарган кешеләр. Шуңа күрә, әлеге берләшмә эшен туктатуга карамастан, халык читек чигү белән бәйле лексиканы яхшы хәтерли. Ул вакытта Арча районының күп кенә мәктәпләрендә мәктәп балаларына чигү дәресе керде. Хәзерге вакытта читек чигү серләрен укучылар сараенда түгәрәк буларак өйрәнәләр.

Шушы һөнәр белән бәйле, арчалыларга гына хас сүзләр дә бар.

Калып – чигүче хатын-кыз күнне шушы җайланмага урнаштырып чигү чигә.

Баяжор – чигеп эшләнгән хатын-кыз аяк киеме.

Тачка җебе – чигү өчен, щетина саплау өчен кирәкле нык җеп.

Щетина саплау – тачка җебен үткән пычак белән юкартып, очына дуңгыз щетинасын саплау, беркетү.

Гнизитләү – төрле төстәге мулинә җепләрен чиратлаштырып чигү.

Мулинә җебе – чигү өчен төрле төстәге җепләр (мулине).

Читеккә төшерелгән мозаика бизгә нигезендә өч икеяфраклык, пальметкалар, розеткалар; йөрәк, дулкын, атлама; лаләсыман, мөгезсыман, болытсыман сурәтләр ята. Бу сүзләргә дә кисүче, каючы, чигүче кешеләр генә ачык күзаллы. Бүгенге көндә читек серләрен белүчеләребез олыгаеп бара, ә бу кәсепне югалтырга ярамый. Безнең арабызда милли жанлы кешеләребез булганда милли киёмнәребез юкка чыкмас. Үзбездәге татарларга, милләтебезгә кирәк! Аяк киеме буларак кына түгел, һөнәр буларак, күнел бизәкләре, халык жәүһәрләре буларак кирәк.

Югарыда күрсәтелгән кайбер сүзләр лексикографик хезмәтләрдә очрамый. Мәсәлән, *баяжор*, *гнизитләү* кебек сүзләр киләчәктә диалектологик хезмәтләргә керә алып иде. Бу сүзләргә этимологиясен дә ачыклайсы бар.

Йомгаклап әйткәндә, туган телебез бик бай. Һәр төбәкнең сөйләм үзенчәлекләрен өйрәнү телне сакларга ярдәм итүче чараларның берсе. Ә инде аның матурлыгын, үзенчәлекләрен күрсәтү, тел белән кызыксыну уяту – татар теле һәм әдәбияты мөгәллимнәренәң бурычы.

«ҮСЕМЛЕК АТАМАЛАРЫНЫҢ АҢЛАТМАЛЫ ТАТАРЧА-РУСЧА СҮЗЛЕГЕ»: КАЙБЕР ПРОБЛЕМАЛАР

И.И. Сабитова, Ф.И. Муктат

В статье рассматриваются проблемы, возникшие при составлении «Толкового татарско-русского словаря названий растений». Определяются критерии включения диалектизмов в словарь. Анализируются принципы орфографирования двух компонентных фитонимов.

Ключевые слова: татарский язык, лексикография, фитоним, названия растений, диалектизм, словарь, словарь.

The article deals with the problems that have arisen in the preparation of the «Explanatory Tatar-Russian dictionary of plant names». Criteria for including dialectisms in the glossary are determined. The spelling principles of phytonyms consisting of two components are analyzed.

Keywords: Tatar language, lexicography, phytonyms, plant names, dialectism, dictionary, glossary.

Үсемлек атамалары сүзлекләрән эшләү татар лексикографиясендә бөтөнләй үк яңа өлкә түгел. Фитонимнар күпмедер дәрәжәдә борыңгы сүзлекләрдә чагылыш тапкан. Соңгы елларда да бу өлкәгә караган русча-татарча, татарча-русча күпсанлы тәржемә сүзлекләр дөнья күрдә. Терминологик сүзлекләрнең максаты – баш сүз итеп алынган русча (яки татарча) терминны татарчага (яки русчага) тәржемә итеп бирү. Хәзерге вакытта мондый тәржемәле сүзлекләрнең мәгълүмат бирү ачыгынан аңлатмалы сүзлекләрдән калышыуы, кулланучы ихтыяжларын канәгатьләндермәвә бәхәс тудырым.

«2014–2020 елларга Татарстан Республикасында ТР дәүләт телләрен һәм башка телләрен саклау, өйрәнү һәм үстерү» дәүләт программасы кысаларында төзеләчәк «Татарча-русча аңлатмалы үсемлек атамалары сүзлегенә» һәр атамага, терминга аерым белешмә бирерлек сүзлек булыр дип фаразланды. Бу хезмәт шул өлкәгә караган һәм төрле елларда басылып чыккан терминологик, аңлатмалы сүзлекләргә таянып эшләнде. Шулай ук төрки телләрен, рус һәм башка телләрен лексикография өлкәсендәге уңай тәҗрибәсә исәпкә алынды. Төзүчеләр алдына киң кулланышта булган үсемлек атамаларын туплау, термин-атамага мөмкин кадәр төгәл аңлатма бирү, сүзләрнең кулланылыш дәрәжәсен киңрәк ачыклау, фәнни терминнар белән бергә, халык сөйләшләрәндә киң таралган жирле атамаларны да күрсәтү, сүзләрнең мәгънәсен тулырак һәм төгәлрәк ачу өчен иллюстратив материал да бирү, кайбер фитонимнарның фәнни язылышын тәэмин итү кебек бурычлар куелды.

Иң элек төзеләчәк сүзлекнең принциптарын эшләнде, ә аннан соң сүзлекчә – словник төзелде. Бу эштә Ф. Фасеев төзеп, Л. Жәләй редакцияләгән «Татар теленә аңлатмалы сүзлеген төзүгә сүзләр жыю өчен лексикологик сораулык» төп ярдәмчез булды [Фасеев: 1958]. Шулай ук Л.Г. Бабенко редакциясендәге «Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» сүзлегенә дә мөрәҗәгать иттек [Большой 2005].

Материал татар теле сүзлекләреннән, биология дәрәслекләреннән, фәнни һәм матур әдәбияттан тупланды. Сүзлекчәгә кергү өчен атамалар сайлау – иң мөһим проблемаларның берсе булды һәм ул түбәндәгечә хәл ителде. Сүзлектә, нигездә, Урта Идел буе, бигрәк тә Татарстан жирендә үсә торган фитонимнарга төп урын бирелде. Атамаларның татарча вариантларын бирү күздә тотылу сәбәпле, сирәк кенә булса да, телебездәге әлегә катлам лексикасының искергән, кулланылыштан төшеп калган вариантлары тәкъдим ителде.

Сүзлекчә агач, куак, үлән, жиләк-жимеш, яшелчә, иген, чәчәк атамаларын үз эченә алды. Татар телендә үсемлекнең анатомиясенә, физиологиясенә караган сүзләр бар. Словникка әлегә лексик берәмлекләр дә, ягъни үсемлекләрнең төзелешен (*ылыс, тамыр, сабак, яфрак, бөрә, орлык* һ. б.), аларның үсү чорларын билгели торган (*тишелү, үсү, кыяк җибәрү, баш кысу, сабакка утыру, яфрак яру, чәчәк ату* һ. б.) сүзләр һәм сүзтезмәләр, үсемлекләр күпләп үскән урын атамалары (*урман, алан, болын, каенлык, эрәмлек* һ. б.) кертелде. Үсемлекләр белән бәйлә башка сүзлекләрдән аермалы буларак, бу хезмәткә халык арасында киң кулланылган гөмбә исемнәре һәм аларның төзелешенә караган терминнар да (*ак гөмбә, каен гөмбәсә, усак гөмбәсә, сап, эшләпә, гөмбәлек җебе* һ. б.) теркәлдә.

Сүзлектә үсемлекләргә караган лексика сигез тематик төркемгә бүленеп каралды (үсемлекләр белән бәйлә гомуми төшенчәләр; агач, куак һәм ярымкуаклар; үсемлекләр; лианалар һәм үрмәләр үсә торган үсемлекләр; суүсемнәр, түбән төзелешле һәм споралы үсемлекләр; гөмбәләр; үсемлек бергәлекләре атамалары; үсемлек анатомиясә, физиологиясә атамалары). Кайбер төркемнәр үзләре берничә төркемчәгә бүленде. Мәсәлән, «Үсемлекләр» төркемен ашарга яраклы, декоратив һәм көнкүрештә яки техник ихтыяжлар өчен кулланыла торган һәм кыргый үсемлекләр хасил итте.

Үсемлек атамалары лексикабызның зур бер катламын тәшкил итә. Алар күпсанлы һәм күпвариантлы булулары белән аерылып тора. Татар телендә бер үк үсемлек берничә төрле аталган очрактар шактый. Күп кенә атамаларның диалекталь вариантлары да бар. Әлегә диалектизмнарны (диалекталь атамаларны) сүзлеккә кергү-кертмәү мәсәләсә белән дә очрашырга туры килде. Халык ботаник лексикасы, ягъни татар сөйләмнәрендәге лексика Т.Х. Хәйретдинованың «Народные названия растений в татарском языке» һәм «Табиғат концепты: үсемлекләр дөньясы» хезмәтләрендә жентекләп өйрәнелгән [Хайрутдинова 2004; Хәйретдинова 2017].

Билгеле булганча, диалектизмнар саф, фонетик һәм лексик-семантик диалектизмнарга бүлөп карала. Саф диалектизмнар – предмет яки күренешнең билгеле бер урынга хас атамасы. Фонетик – әдәби телдәге сүздән ниндидер бер аваз белән аерылып тора. Лексик-семантик диалектизм аваз составы алынган әдәби телдәге сүзгә туры килә, әмма мәгънәсе белән аерыла. Ж.М. Гузеев диалекталь сүзләрне аңлатмалы сүзлеккә алу критерийлары билгеләгәндә түбәндәгеләрне аерып күрсәтә:»1) частота употребления их в известных произведениях художественной литературы и 2) степень распространения этих слов в диалектах (или говорах)» [Гузеев 1984: 16]. Сүзлеккә диалектизмнар, шартлы рәвештә булса да, әлеге критерийга – бу сүзләрнең әдәби әсәрләрдә куллану ешлыгына һәм аларның диалектларда таралышына (берничә диалектта яки сөйләмдә, ягъни территориаль яктан киң кулланышына) нигезләнә (һәм бары саф диалектизмнар гына) алынды. Мәсәлән, *дүләнә* ‘божарышник’ атамасы *аюкамыр*, *аю камыры* варианттында шактый киң таралыш тапкан. Ул чистай, хвалын, стәрлетамак, мөләкәс һәм кайбер урта диалектның сөйләшләрендә очрый. Шуңа күрә бу сүзләр һичшиксез сүзлеккә кертелергә тиеш. *Гөлжимеш* ‘шиповник’ фитонимының бер варианты булган *гөлән* сүзе әдәби әсәрләрдә дә, фәнни-популяр әдәбиятта да, вакытлы матбугатта та кулланыла һәм ул сүзлекчәдә теркәлдә. Аның фонетик вариантларын тәшкит иткән *гөләф* сүзе – дөбяз, *гөлләф* – балтач сөйләшәндә генә бар. Таралышы тар булган әлеге сүзләр сүзлеккә кертелмәде.

Татар сүзлекләрендә алынма фитонимнар шактый күп булса да, әлеге сүзлекчәгә алынмаларның, иллюстратив мисаллардан чыгып, кулланылыш ешлыгы югары булганнары гына алынды: *авокадо*, *айва*, *акация*, *ананас*, *анаша* һ. б.

Сүзлектә, үсемлек атамаларының бер катламын, архаизмнар да урын алды: *гонжә*, *гонча* ‘чәчәк бөресе’, *ингинар* ‘артишок’, *мивә* ‘жиләк, жиләк-жимеш’, *нар* ‘анар’, *ут* ‘үлән’, *корак* ‘күрәннең бер төре’ һ. б. Матур әдәбиятта һәм сөйләм телендә рус теле аша кергән *горчица* сүзе еш кулланыла, ә К. Насыри хезмәтләрендә аның *хәрдал* дигән варианты китерелә. Шулай ук әлеге атама Т. Әйди, Р. Батулла әсәрләрендә дә очрый. Димәк, *хәрдал* фитонимын да теркәми мөмкин түгел.

Ике компонентлы кушма фитонимнарны орфографияләү мәсьәләсе – катлаулы проблема. Аны бер сүзлек кысаларында гына хәл итеп бетереп булмый. Хәзерге татар теле сүзлекләрендә мондый конструкцияләү үсемлек атамаларын язуда төрлелек күзәтелә. Аларның кайберләре кушып: *кызылбаиш* ‘кровохлебка’, *карабаиш* ‘рогоз’, *күкбаиш* ‘рябчик’, *тукранбаиш* ‘клевер’, *нәүрүзгөл* ‘примула’, *казаяк* ‘лютик’, *ишәкколак* ‘окопник’ һ. б.; икенчеләре аерым: *күк жыләк* ‘голубика’, *күк сусын* ‘ирис’, *бакра гөл* ‘петунья’, *кара бөрлегән* ‘ежевика’, *балта борчак* ‘чина’, *тычкан койрык* ‘мышехвостник’ һ. б. язылган. Кушма үсемлек исемнәренең параллель – ике формада да кулланылган очраклары да шактый: *жир жыләге* – *жиржиләк* ‘клубника’, *тамчы гөл* – *тамчыгөл* ‘фуксия’, *күз үлән* – *күзүлән* ‘очарка лекарственная’, *мамык үлән* – *мамыгүлән* ‘бескильница’, *аю колагы* – *аюколак* ‘медвежье ушко’ һ. б.

Биология фәннәре кандидаты Ф. Вәлиев үсемлекләр терминологиясендә тартым кушымчалы үсемлек исемнәрен бер калыпка салу юлын тәкъдим итә. Ул фәнни кулланылышка жайлап, тартым кушымчасын төшереп калдырып, кушма атамаларны кушып (*арыслан койрыгы* – *арысланкойрык*) язуның дәрәжә булуын асызыкклык [Вәлиев 2005: 146]. Биредә Ф.И. Тагированың кушма сүзләр орфографиясенә карата фикерен китерү әлеге четерекле мәсьәләгә берникадәр ачыклык кертә: «оформление сложных слов, как и орфография вообще --- склонно к постоянному изменению; все изменения в правописании сложных слов происходит от раздельного написания к слитному; в тюркских языках многие типы сложных слов с подчинительным отношением компонентов, кроме изафета II типа, стремятся к слитному написанию; в орфографии значительную роль играет традиция» [Тагирова 2005: 95]. Бүгенге татар терминологиясендә бу мәсьәлә хәл ителергә тиешле иң актуаль проблема булып кала бирә.

Үсемлек семьялыкларының классификациясе дә үзгәрәп тора. Бу, үз чиратында, үсемлекләр терминологиясендә семьялыкларны дәрәжә билгеләү проблемасын китереп чыгара. Төзелчәк сүзлектә бу мәсьәләгә дә аерым игътибар бирелде.

Бүгенге көндә татар телендә үсемлекләр атамалары – фитонимнар тулысынча фәнни системага салынмаган. Шуңа күрә дә бу өлкәдә буталчылыклар, төгәлсезлекләр күп. Алар бер сүзлектән икенчесенә күчеп йөрелә. Яңа төзелә торган «Үсемлек атамаларының аңлатмалы татарча-русча сүзлегендә хата-житешсезлекләр мөмкин кадәр төзәтелер һәм ул моңарчы нәшер ителгән сүзлекләрдән камилрәк булып дип ышанабыз.

ӘДӘБИЯТ

- Биологиядән русча-татарча аңлатмалы сүзлек / Ф.Г. Ситдиқов, Р.К. Зәкиев ред. – Казань: Мәғариф, 1998. – 655 б.
- Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
- Вәлиев Ф. Энциклопедик «эт борчагы»// Казан утлары. – 2007. – № 2. – Б. 142–146.
- Гузев Ж.М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984. – 157 с.
- Тагирова Ф.И. Лексикографирование и орфографирование сложных слов татарского языка. – Казань, 2005. – 128 с.
- Фәсеев Ф. Татар теленен аңлатмалы сүзлеген төзүгә сүзләр жыю өчен лексикологик сораулык. – Казан: Татполиграф, 1958. – 104 б.
- Хайрутдинова Т.Х. Народные названия растений в татарском языке. – Казань: Фикер, 2004. – 224 с.
- Хәйретдинова Т.Х. Табиғат концепты: үсемлекләр дөньясы. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – 384 б.

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ *ЯХШЫЛЫК* В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

Ф.К. Сағдеева

Цель статьи – рассмотрение концептуализации *яхшылык* в семантической структуре многозначного слова. Источниками изучения процесса концептуализации в аспекте развития станут словари. На сегодняшний день словарные дефиниции являются одними из основных методов изучения лексики, позволяющего анализировать те знания, которые получили свое отражение в различных типах словарей, что позволяет увидеть динамический аспект в семантической структуре слова. Представленные данные являются значимыми для понимания того, какие ментальные характеристики и концептуальные компоненты в содержании слова находят отражение в словаре на том или ином этапе жизненного развития татарского народа и востребованные в коммуникации.

Ключевые слова: концептуализация, слово, семантическая структура слова, многозначное слово, *яхшылык* (добро).

The purpose of the article is to consider the conceptualization of ‘yashlyk’ in the semantic structure of a polysemantic word. Dictionaries will be the sources of the research process of conceptualization in the aspect of progress. Today, dictionary definitions are one of the main methods of lexis researching, which allows analyzing the knowledge that has been reflected in various types of dictionaries, which allows you to see the dynamic aspect in the semantic structure of a word. The presented data are significant for understanding what mental characteristics and conceptual components in the content of the word are reflected in the dictionary at various stages of the life development of the Tatar people and in demand in communication.

Keywords: conceptualization, the word semantic structure of words in a compound word, *jakshylyk* (good).

Основа нравственности и морали – *добро* [Сағдеева, Сафаров 2018: 199]. В современном татарском языке понятие *добро* содержится в значении слова *яхшылык*. Данное слово образовано от прилагательного *яхшы* + суффикса *-лык*. Это слово является многозначным и отражает процессы концептуализации. Развитие семантической структуры многозначного слова отражает изменения в ценностных парадигмах культуры.

По мнению специалистов, на ранних этапах развития культуры большое влияние на процессы концептуализации оказывает этимология.

В енисейских письменных памятниках понятие *яхшылык* выражалось в значении слова *edgü*. Оно отражало абстрактные понятия в значении ‘добро, успех’ [Усеев 2011: 351].

В древнетюркском словаре понятие *добро* передается словом *edgülik*. Оно употреблялось в значениях *добрый, доброе дело, польза* [Древнетюркский 1969: 163]. У Юсуфа Баласагунского в «Благодатном знании» в этих же значениях используется слово *edgü*.

В словаре Махмуда Кашгарского значение слова *яхшылык* выражает слово *edhgu* в значении ‘хороший’ [Кашгарский 1963: 46].

В «Кодексе Куманикусе» значения ‘хороший’, ‘добрый’ передаются следующим образом: словами *yagsi* и *eygi*. Также указывается антонимическая пара этих слов – слово *uatan*, имеющая смы *плохой, злой*. А *eygilik* употребляется в значении ‘благо(сть)’.

По мнению Джафероглу, слово *йакшы* в древнеуйгурском языке произошло от слова *йакмак* и имело следующие значения: 1. Нравиться, подходить, приличествовать; 2. Приближаться; 3. Разжигать (костер). В то же время слово *йакшыджы* имело значение *управляющий*.

В этимологическом словаре тюркских языков в значениях ‘хороший’, ‘добрый’ зафиксировано слово *йагышы*. Также это слово имеет значения: ‘добрый’, ‘приятный’, ‘деликатный’, ‘славный’, ‘приличный’, ‘отличный’, ‘лучший’, ‘знатный’, ‘удобный»; ‘хорошо’, ‘ладно’, ‘прекрасно’, ‘пойдет’.

В «Этимологическом словаре татарского языка» Р.Г. Ахметьянова значения *хорошо, хороший, добрый* (о человеке) передаются словом «*яхшы* [йа°хшй], диал. *жахшы, жақшы, йакшы* < гом. кыпч., башк. *йақшы* (кар. *йақсы*, к.-балк. *ахшы*, кырг. *жақшы*, каз., к.-калп. *жақсы*), угыз. *йагышы*, алт. *дыақышы*, бор. нёрки (ДТС:238) *jaqsı, jaxsı* id. < бор. төрки *йагышыг, йақыш-ыг* «ягымлы» сүзеннән (ЭСТЯ IV:63-64), *яқ-, яғ-* «күнелгә йагу» тамырыннан исәпләнә ... чаг., бор. Харэзем (ир.) *ja xıš* «яхшы». Рус. *якши* тур. Аникин: 723» [Эхмэтьянов 2015: 564–565].

Из вышеизложенного видно, что во всех случаях в роли мотивирующего, прототипического значения выступает семема, вербализующая смысл *все хорошо*.

Синонимия является одним из основных языковых средств, который отражает процессы концептуализации. В основе лексических синонимов лежит полное или частичное семантическое тождество. Рассмотрим семантические механизмы кодирования культурной информации в синонимическом ряду.

Так, синонимы *эйе, иге, изге, ару, шәп, әйбәт, хәер* имеют одинаковую референциональную соотношенность. Семантический инвариант слов формируют семы *хороший, хорошо, очень хорошо*. Проиллюстрируем это.

Әйбәт «хороший, замечательный; хорошо, замечательно» *һәйбәт* (к.) сүзеннән; удм. *айбат*, мар. *айбат*, чув. диал. *әйпәт* id.< тат. К. ш. ук нуг. *әбәт* (әйбәт), ләкин ком., каз., к.-калп., кырг. *айбат* id.

Әйе, сөйл. *ийе, йе*, диал. *әйге* «да» < гом. төрки *әйгү, әйги, әйи* «яхшы, иге» сүзеннән (к. Иге), к. Радлов I: 658–659, 853; төрки *еб* [эз] «әйбер, байлык, яхшылык, яхшы өхвәл» (к. ДТС: 163–167) [Эхмэтьянов 2015: 126–127].

Иге (ДС I: 59) «хорошо, замечательно, добрый» [Эхмэтьянов 2015: 292]. По мнению Э.В. Севортыана, данное слово является тождественным слову *изге* [ЭСТЯ I: 245–247].

Как показывает анализируемый материал, в значении *изге* употреблялось слово *ару* < *арыг*. Еще много веков назад оно имело значения «изге, рухи асылзат һ.б.ш.». В диалектологическом словаре татарского языка это слово зафиксировано в значениях «хорошо, что», «хорошо, ладно» [Эхмэтьянов 2015: 107].

Слово *шәп* «замечательный; бравый, быстрый, замечательно, браво, быстро» > чув. *шәп*, мар. *шәп, ийп*, удм. *шәп* id.< гар. *шәбб, шәбб* «яшь, тере, житез; егет» *шәбб* ← «яшь булу». Чаг. төр. *шәб, шәп* «яшь-яшь (егет)».

Также этот синонимический ряд дополняют слова арабского и персидского происхождения такие как *хәер, әйбәт*.

По данным этимологического словаря Р.Г. Эхмэтьянова, *әйбәт* «хороший, замечательный; хорошо, замечательно» *һәйбәт* (к.) сүзеннән; удм. *айбат*, мар. *айбат*, чув. диал. *әйпәт* id.< тат. К.ш. ук нуг. *әбәт* (әйбәт), ләкин ком., каз.,к.-калп., кырг. *айбат* id. [Ахметьянов 2015: 126].

В арабско-татарско-русском словаре заимствований М. Махмутова слово *һәйбәт* в 3 значениях содержит сему ‘әйбәт’. Ср. һәйбәт 1) Курку һәм олылау, курку катыш хөрмәтләу тойгысы уяндыра торган күренеш, мәһабәтлелек. 2) Авторитет; олысымаклык. 3) Әйбәт [Гарәпчә 1993: 786].

Хәер имеет значения 1. Яхшылык, изгелек; 2. Игелек; 3. Садака; 4. Юк, алай түгел [Гарәпчә 1993:672].

Таким образом, лингвосемиотический ряд усложняется.

В русско-татарском словаре А. Воскресенского указаны следующие переводные значения слов *добрый, добро* – ‘арыу’, ‘жакшы’, ‘изге’ (только о человеке).

Диакронический аспект значений слов показывает, что концепт *яхшылык* представляет собой динамичную величину.

Так, на современном культурном отрезке времени в лингвосемиотическом ряду *әйе, иге, изге, ару, шәп, хәер, әйбәт* семантическая структура слова *әйе* претерпела изменения: у слова *әйе* ушло из употребления значение ‘яхшы’.

В словаре синонимов татарского языка Ш.Н. Ханбиковой и Ф.С. Сафиуллиной синонимический ряд с существительным *яхшылык* представлен следующим образом: *яхшы эш, изгелек, игелек, шәфәгать* [Ханбикова, Сафиуллина 1999].

С позиций современного сознания анализируемое слово *яхшылык* соотносится с двумя концептами *яхшылык* и *игелек*, причем первый мотивирует второй. Что касается слова *изгелек*, на наш взгляд, прототипическое значение этого слова все-таки 'святость', хотя оно в современном татарском языке сохраняет свое значение 'хороший'.

Рассмотрим изменения, который затронули лингвосомиотический ряд *яхшылык*. Слово *яхшылык* в татарском языке, по данным толкового словаря, имеет 2 значения: 1. *яхшы кешегә хас сыйфатлар* (яхшы булу; унай тәэсир итә торган булу; әйбәт булу, шәп булу, шәплек; 2. *файда, унайлык, изгелек*.

Как видим, современное прототипическое значение слова *яхшылык* совпадает со значениями вышеназванных слов. Семантическая структура данного слова отражает изменения во втором значении. Появляется значение 'унайлык'. Необычным с точки зрения традиционных синонимических отношений является включение этого значения в данный ряд. На наш взгляд это существительное можно использовать в качестве слова-аналога понятия *яхшылык*. Отсюда следует, что к числу лексических единиц, репрезентирующих содержательные компоненты концепта *яхшылык*, можно отнести слова-синонимы и синонимически сближенные с ними слова-аналоги.

Обращает внимание, что значения так или иначе связанные с идеей *яхшылык* вербализуются с опорой на классификационные связи преимущественно средствами переноса по сходству.

Таким образом, осмысление многозначного слова *яхшылык* является активным когнитивным процессом, отражающим концептуальные стратегии, которые рассматриваются в разных аспектах. Значения слов, выражающие ментальную семантику национального содержания, тесно связаны с мышлением татарского народа и выражают его морально-нравственные взгляды.

ЛИТЕРАТУРА

- Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. II том (М–Я). – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 567 б.
- Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – С. 676.
- Кашгарий М. Девону луготит турк. – Ташкент, 1963. Т. 1–3.
- Махмутов М.И. Арабско-татарско-русский словарь заимствований: в 2 т. – Казань: Иман, 1993.
- Сагдеева Ф.К., Сафаров Р.Т. Смысловое содержание *добра* и *зла* в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день...» // Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов. – Казань: ИЯЛИ, 2018. – 276 с.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюрские и межтюрские лексические основы на букву Ж, Ж, Й. – М.: Наука, 1989. – 293 с.
- Усеев Н. Енисей язма эстеликтери. Лексикасы жана тексттер. Бишкек: Турар, 2011. – С. 351.
- Ханбикова Ш., Сафиуллина Ф.С. Синонимар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 1999. – 256 с.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РОДНОЙ РЕЧИ БИЛИНГВОВ-ТАТАР

Ф.К. Сагдеева, Ч.З. Абдуллина

В статье делается попытка продолжить изучение явления лексической интерференции на материале татарской устной речи, раскрыть причины и механизмы его проявления, наметить дальнейшие пути его преодоления. Информантами явились билингвы-татары, родившиеся и выросшие в г. Казани. При сборе лингвистического материала мы не ограничивались ни возрастной, ни образовательной, ни профессиональной принадлежностью информантов, т. к. перечисленные условия сами по себе не являются причинами проявления интерференции в татарской речи. Источником фактического материала послужила картотека с записями интерферентных явлений в татарской устной речи билингвов-татар. Было опрошено более ста информантов.

Ключевые слова: двуязычие, билингв, интерференция, русский язык, татарский язык.

The article attempts to extend the study of the lexical interference phenomenon on the material of the Tatar oral speech, to reveal the causes and mechanisms of its manifestation, to identify further ways to overcome it. The bilingual-Tatars who were born and raised in Kazan were informants. When collecting linguistic material, we were not limited to the age, education, or

professional affiliation of informants, since these conditions are not the causes of interference in Tatar speech. The source of the actual material was a card-index with records of interference phenomena in the Tatar oral speech of bilingual-Tatars. More than a hundred informants were interviewed.

Keywords: bilingualism, bilingual, interference, Russian language, Tatar language.

То явление, что в речь, осуществляемую на одном языке, могут проникать слова другого языка, было отмечено многими языковедами. Данное явление есть результат интерферирующего влияния одного языка на другой. Под интерференцией понимается «нарушение билингвом (человеком, владеющим двумя языками) норм и правил соотношения двух контактирующих языков» [Алимов 2005: 44].

Основная проблема, возникающая с изучением интерференции, на наш взгляд, в первую очередь должна сводиться к выявлению того, насколько «две контактирующие структуры смогут сохраняться неизменными и в какой степени они будут влиять друг на друга, изменять друг друга?» [Сагдеева, Абдуллина 2019: 44–48].

Исследователи совершенно справедливо выделяют влияние экстралингвистических факторов на процесс проникновения в родную речь билингва слов из другого языка. Однако с точки зрения языковой коммуникации билингв – это не просто человек, владеющий двумя или более языками, а представитель определенной группы людей, дополнительно усвоивших язык или несколько языков для практической коммуникации в обществе, членами которого они являются.

Думается, что конечную причину проникновения русских слов в родную речь следует искать как в факторах экстралингвистического порядка (в первую очередь – это тесное контактирование языков, активное двуязычие, функциональная ограниченность родного языка, относительно большая социальная нагрузка второго языка, незнание норм родного языка; ряд причин индивидуально-психологического характера, например, таких, как наличие двуязычного собеседника, степень терпимости к подобному рода явлениям и т. д.), так и в совокупности законов развития самого воспринимающего языка [Сагдеева, Исхакова 2016: 87–89].

По всей вероятности, таким образом можно объяснить тот факт, что, например, в татарской устной речи регулярно в видоизменной форме функционируют такие вошедшие из русского языка слова, как *ничу (ничего)*, *тэки (так и)*, *ату (а то)* [Сафиуллина 1982: 69]. А такие слова как, например, *жэллэу (жалеть)*, *бит (ведь)* т. д. зафиксированы в толковых и русско-татарских словарях. Нововведения могут быть лексическими заимствованиями, которые сначала робко интерферируют в чужом языке, а после подчинения их грамматическим нормам данного языка, занимают соответствующее место в его словарном составе.

Следовательно, своеобразие контактирования языков связано не только с тем, существует ли какое-либо слово в воспринимающем языке или нет. Л.Б. Щерба писал, «что ответ на вопрос о смешении языков, как впрочем и на все вопросы этого рода, мы должны искать в самом индивиде, помещенном в те или иные социальные условия..., ибо чувство и желание говорить на том или ином языке находится только в индивиде» [Щерба 1958: 46–47]. Пожалуй, в определенной степени оно зависит и от закономерностей употребления билингвом-татариним слов двух языков в татарской речи.

При анализе использования слов русского языка в татарской речи обнаружили своего рода различия между значениями эквивалентных на первый взгляд русских и татарских слов. Оказалось, что некоторая часть русских слов может вступать в определенные функционально-семантические отношения с соответствующими им в татарском языке словами. Эти слова претерпевают семантические изменения, выражающиеся в образовании в них нового, привнесенного носителем татарского языка, значения. Значение русского слова в родной устной речи билингва-татарина преобразуется в соответствии с преследуемой коммуникативной целью.

Ученые утверждают, что «в основе значений слов лежат понятия, отражающие определенные явления действительности. Значение каждого знаменательного слова включает в себя понятие, основанное на отличии каких-то признаков обозначаемых предметов и явлений действительности». Считается, что «эти признаки являются общими в том смысле, что они позволяют объединять различные единичные предметы или явления в классы. Они являются существенными в том смысле, что достаточны для отличия данного понятия от других понятий» [Шмелев 1964: 76]. Отраженная в значениях слов действительность по-разному членится этими значениями в разных языках [Ахунзянов 1978: 189].

В понятиях отражаются общие и существенные признаки предметов и явлений действительности, в значениях же слов могут фиксироваться только их отличительные признаки.

Наблюдения показывают, что слова татарского и русского языков, базирующиеся на единой предметно-логической основе, могут приобретать в речи такие значения, которые нельзя признать полностью совпадающими. Встречаются случаи, когда функционально-стилистические отношения соответствующих слов русского и татарского языков носят контрастный и фрагментарный характер.

Специалисты отмечают, что в лексических значениях слов находит свое выражение национальное своеобразие. «Национальное своеобразие значений слов не есть выражение качеств «народного духа», который устанавливает в предметах и явлениях объективной действительности определенные «признаки» в соответствии со своим духовным складом, фиксирует эти «признаки» в лексическом значении слова, придает им права руководящей силы в смысловом развитии слов и устанавливает посредством всех этих операций «внутреннюю форму» всего языка – воплощение в его смысловой структуре особого национального способа мышления и миропонимания. Национальное своеобразие лексических значений слова в действительности складывается... в результате особых в каждом случае отношений системы языка к предметам и явлениям действительности, которые составляют содержание осуществляющихся в языковых формах процессов мышления» [Звегинцев 1957: 191].

Итак, слова различных языков функционируют по своим особым законам, выступая в речи в каждом конкретном случае индивидуально и специфично.

В связи со всем сказанным, хочется привести следующий пример. Информантам, приехавшим в город из сельской местности, был задан вопрос: «Почему вы вместо татарского слова *күпер* в предложении *Мост аркылы чыгып өлгермәдек, машинаның моторы сүнде*» употребляете слово *мост*? Ответ оказался совершенно неожиданным. Слово *күпер* в языковом сознании носителя татарского языка ассоциируется с небольшим сооружением через речку, которая протекает в их сельской местности. А под словом *мост* имеется в виду мощное сооружение через большую реку. Например, *мост через Казанку, мост через Волгу*. Следует отметить, что для информантов из городской местности слова *күпер* и *мост* являются взаимозаменяемыми. Следовательно, слово *мост* более четко дифференцирует понятие для слушающего.

В качестве примера тому же можно привести слова *парк* и *бакча*. Слово *бакча* (*сад*) широко используется в татарском языке в значении *жиләк-җимеш бакчасы* (*плодово-ягодный сад*), *йишелчә бакчасы* (*огород*), *йорт яны бакчасы* (*приусадебный сад*). А специально созданное место отдыха в крупных масштабах – *парк*.

Между языками и выделенными ими признаками возникает перераспределение связи, а также перераспределение функций между двумя словами из разных языков.

Употребление этого слова основано на различии значения русского и соответствующего ему татарского слова, и, естественно на различии семантических полей татарского и русского языков. Образовалась своего рода новая семантическая дифференциация, которой раньше не было ни в татарском ни в русском языках. Это различие основано на обозначении русским словом нового признака, привнесенного носителем татарского языка.

Частотность использования русского и татарского слов в родной речи билингвов-татар и их семантическая соотнесенность свидетельствуют о характере взаимосвязи предметов и явлений действительности, как они представляются говорящему, что находит свое отражение в речи.

В татарской устной речи слова русского и татарского языков обычно совпадают в какой-то части значения и ограничены в возможности подмены, т. к. вне границ соприкосновения они весьма различаются и по значению, и по употреблению. Употребляемое в родной речи слово из русского языка может обладать большей или меньшей широтой значения. Русское слово иногда может оказаться более узким по значению, чем татарское. Приведем пример: Любопытно употребление русского слова *вечеринка* в таком контексте: – *Мәҗлес үткәрәсезме!* – *Юк, вечеринка гына*. Отвечающий под словом *мәҗлес* подразумевает торжество, на которое приглашается много гостей. Используя в речи русское слово *вечеринка*, информант более четко дифференцирует свою мысль. Он хочет пригласить своих близких родственников и друзей. В данном случае употребление слова *вечеринка* объясняется узостью его значения по отношению к татарскому слову *мәҗлес*.

Рассмотрим слова *кичэ* и *вечер*. *Авыл клубында кәндә тамаша, кичэ булып тормый, кино беткәч, яшьлар вечер ясыи да таралыша.* (В сельском клубе не каждый день бывает специально организованное представление (*кичэ*), после окончания кино, молодежь устраивает вечеринки. Татарское слово *кичэ* здесь имеет сему специально подготовленный *вечер развлечений*, а русское слово *вечер* употребляется в значении *развлечение для молодежи*, не требующее специального приглашения и организации. Таким образом, с помощью русского слова *вечер* информант уточняет, конкретизирует свою мысль.

Отсюда следует, что значение русского слова в речи может определяться не только его отношением к предмету, но и отношением к значению татарского слова.

Наблюдения показывают, что татарской речи в качестве модальных слов часто используются модальные слова русского языка. Например: *конечно – Эйе, конечно, сиңа барып житкәнче (Да, конечно, пока до тебя дойдет); вообще – гомумән. Вообще, эшлисеңме син, юкмы? (Вообще, ты работаешь или нет?).*

Очень часто в татарской речи используется в качестве модального слова русское прилагательное *любой*. *Любой кеше бу очракта сиңа шулай дип әйтер (Любой человек в этом случае тебе так скажет). Любой жәрдә татар яши (В любом месте живут татары)* [Сагдеева 2003: 102–103].

Как видно из примеров, слово *любой* употребляется в татарской речи в значении качественно-характеризующего слова с обобщающим компонентом: *все без исключения, любой человек, в любом месте, т. е. везде.*

Как свидетельствует проанализированный материал, использование русских слов в родной речи билингвов-татар удовлетворяет определенным целям коммуникации. Однако с точки зрения нормированного татарского литературного языка факт их употребления в татарской речи не означает его правомерности.

ЛИТЕРАТУРА

Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. – М., 2005. – 160 с.

Ахунзянов Э.М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 189 с.

Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 322 с.

Сагдеева Ф.К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия. – Казань, 2003. – 160 с.

Сагдеева Ф.К., Исакова З.А. О вариантах нормы в условиях двуязычия. – Казанская наука, 2016. № 2. – С. 87–89.

Сагдеева Ф.К., Абдуллина Ч.З. Фонетическая интерференция в условиях татарско-русского двуязычия (на примере заимствованных фонем). – East European Science Journal, 2019. – № 43. – С. 44–48.

Сафиуллина Ф.С. Влияние русского языка на синтаксический строй татарского языка // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. – Казань, 1982. – С. 68–80.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1958. – 182 с.

ТАТАР ФРАЗЕОЛОГИЗМНАРЫНДА СӨЙЛӘМ ЭШЧӘНЛЕГЕН БЕЛДЕРГӘН ФИГЫЛЬЛӘРНЕҢ СЕМАНТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

Р.Р. Салахова

В статье рассматриваются значения речевых глаголов, относящихся к важнейшей лексико-семантической группе мыслительной деятельности, а также особенности их применения в татарском фразеологии. Массовое использование таких глаголов на основе фразеологизмов объясняется их мощным экспрессией, символикой бытия, развития, совершенствования, поскольку речь, разговор – одно из важнейших понятий познания мира. Основные значения высказываний, выражающих речевую деятельность, в составе фразеологизмов превращаются в средства выражения определенного образа, но многие употребляются в прямом смысле. Фактический материал собран из двух томов «Фразеологического словаря татарского языка» выдающегося татарского писателя, языковеда, этнографа Наки Исанбета. Результаты проверки позволяют классифицировать речевую деятельность на научной основе с учетом вышеперечисленных особенностей.

Ключевые слова: татарский язык, глагол, фразеологизм, лексико-семантическая группа, глаголы речи.

The article discusses the meaning of speech actions belonging to the most important lexical-semantic group of thoughts, as well as the peculiarities of their use in Tatar phraseology. Mass use of such thoughts on the basis of phraseological units is explained by their powerful expression, symbolism of being, development, improvement, since speech, speech are one of the most important concepts of knowledge of the world. The basic meanings of statements expressing speech activity, as part of phraseological units, turn into means of expression of a certain image, but many are used in the literal sense of the word. The factual material is compiled from two volumes of the «Tatar language phraseological dictionary» of the outstanding Tatar writer, linguist, ethnographer Naki Isanbet. The test results allow classifying speech activity on a scientific basis, taking into account these features.

Keywords: Tatar language, verb, idiom, lexical-semantic group, speech verbs.

Телнең семантикасын өйрәнү тел белеменең иң актуаль проблемаларының берсе санала. Бу эш бер сүз төркеме эчендә аерым семантик төркемнәргә бүлөп чыгару юлы белән башкарыла. Бу нисбәтлән фигыль лексикасын мәгънәсе буенча төркемләр – шактый катлаулы эш, чөнки фигыльнең мәгънәсе үтә гомуми, үтә киң, һәм аның нигезендә объектлар арасындагы мөнәсәбәт ята. Күпчелек фигыльләрнең лексик мәгънәсе үзгәргән кеше, аның жәмгыятьтәге хезмәте, актив эшчәнлегә тора.

Фигыль лексикасын мәгънәләрнең карап, лексик-семантик төркемнәргә аерып өйрәнү төрки тел белемендә Н.К. Дмитриев тарафыннан башлана. Ул төрек, татар, башкорт **һәм** кайбер **башка** төрки телләрдәгә сөйләү, фикерләр, эш һәм хәрәкәт фигыльләрнең төп лексик берәмлекләрен тикшереп чыга [Дмитриев 1962: 207]. Н.К. Дмитриев түбәндәгә төркемнәргә аера: сөйләм фигыльләре, фикерләр фигыльләре, хәрәкәт фигыльләре, эш-гамәл фигыльләре [Дмитриев 1962: 570–590].

М.Г. Усманова башкорт телендәгә фигыльләрне функциональ-семантик яктан тикшерә һәм ике зур төркемгә: 1) эш-гамәл фигыльләре яки объектлы фигыльләр; 2) халәт фигыльләре яки субъектлы фигыльләргә бүлә. Беренче төркем эчендә эш-гамәл фигыльләре, хәрәкәт фигыльләре, сөйләм фигыльләре, яңгыраш фигыльләре һәм танып белү процессын белдерүче фигыльләр карала. Икенче төркемгә төрле процесс, эмоциялә кичереш һәм физиологик халәтне күрсәтүче фигыльләрне кертә. Алар арасында аналитик фигыльләрнең күп булуын ачыклай [Усманова 2002: 14–49].

Соңгы елларда татар телендә басылып чыккан хезмәтләрдә фигыльләрнең мәгънәләре өч зур төркемгә: эш-гамәл, торыш һәм мөнәсәбәтләрне белдергән фигыльләр төркеменә бүленеп бирелә [Иштанова 2002: 15; Ганиев 2015: 96].

Тел белемендә кайбер галимнәр (мәсәлән, Л.М. Васильев) фигыльләрне тикшергән һәм төркемләгән вакытта аларның функциональ тәңгәлләрен – фразеологик берәмлекләрен, перифразаларны да исәпкә ала (втореть очки кому-либо, дать маху, набить оскомину һ.б.). Аларның һәммәсе дә сүзгә тиң, дип санып һәм алардан башка анализның тулы булмаючыгын искәртә [Васильев 1982: 176]. Бу фикер белән килешми мөмкин түгел. Эш-гамәл семантик төркемнәргә сөйләм эшчәнлеген белдергән фигыльләр мисалында әлеге фикерне дәлилләрлек фразеологизмнарны карап узыйк.

Төп фигыльләр (*сөйләү, әйтү, дию*). *Мәсәлән, Кыскача әйткәндә* – жыйнап кына әйткәндә, бер сүз белән әйткәндә; *Колактан колакка сөйләү* – кешегә ишеттермичә, колакка гына пышылдап серләшү; *Белер-белмәс көйгә сөйләү* – тиешенчә, ахырына кадәр, төпле итеп белмичә сөйләү; *Лабыр-лобыр сөйләү* – телдәгә сүзләргә бер манерага лабырдатып, иренләштереп сөйләү; *Ләм-мим димәстән* – авызны йому, берни дә дөшмәү. Элеккеге гарәп әлифбасындагы «ләм» һәм «мим»не әйткәндә авыз йомылудан; *Нөктәле итеп әйтү* – астыртын, яшертен мәгънә белән әйтү; *Пешереп сөйләү* – сүзенә бик әһәмият биреп, остарып, талкып сөйләү; *Тартып-сузып сөйләү* – сүзне турысын гына итеп сөйләшмичә, әллә кайлардан урап әйләндереп сөйләү; *Чатнатып сөйләү* – каты итеп, тартынусыз, курыкмыйча, ачыктан-ачык әйтү.

Сөйләмнең характеры һәм эчтәлегенә бәйле фигыльләр (*алдау, карышу, чүбек чәйнәү, теле бару*). *Алдап-юлдап юлга салу* – кешене төрле рәвешчә алдап-юмалап, кызыктырып, алдаштырып үз ягына аудару, үз файдасына эш иттерү; *Ләчтәт сату* – юк-барны сөйләү, лыгырдау, гәп сугу, әңгәмә сату; *Сөрән салу* – атлы уеннар, сабан туйлары алдыннан авылларда атка менеп, бәйрәмнен кайчан буласын игълан итеп, өндәп аваз салу, чабулап йөрү, бүлүкләр жыю; *Ничек теле бара* – ничек оялмыйча шулай дип әйтә, ничек кыюлыгы житеп әйтә мәгънәсендә. *Ничек чәйнәсәң дә бер балык башы* – бер сүзне кат-кат сөйләүдә файда юк, сүз һаман бер нәрсәгә кайта дигәнә. *Сүздән кайту* – биргән сүзендә тормау, вәгъдәсен бозу.

Сөйләшүне, ягъни сөйләм вакытында контактка керүне белдергән фигыльләр: (*сөйләшү, гайбәт сату, каршы төшү, исәп итү*). *Олы сөйләшү* – үзенне олы дәрәжәле кешеләр рәтенә куеп, мактанып, һавалы сөйләшү, хәлеңә күрә тотмаудан әйтем. (Рухларның, ияләренең исемнәрен яманлап телгә алуны да шулай ук «олы сөйләшсәң, киялегә тияр» дип тыеп килгәннәр); *Ләчтит сату* – юк-барны сөйләү; *Сафсата сату* – юк-барны сөйләү, бушка акыл сату, фәлсәфә сату. *Сөйләп салу* – эчтә саклап йөртелә торган нәрсә-нәдер яшерми әйтеп ташлау. *Сүздән айтү* – гайбәтен сөйләү түгел, берәр кешене сүзгә мисалдан гына китерп әйтем.

Сөйләмнең төрлечә яңгыравына ишарә иткән фигыльләр (*кычкырып салу, мыгыр-мыгыр килү*). Мәсәлән: *кычкырып салу* – кычкырып жибәрү, каты итеп әйтү; *Дип әйтеп айтү* – кеше сүзенә телдән телгә күчерелгән вариантын әйткәнлекне белдерү өчен һәм сүзгә көч бирү өчен кабатлап әйтем; *дип әйтеп ташлау* – кызулык я ашыгычлык белән кирәк булмаган сүзгә әйтеп жибәрү; *Мыгыр-мыгыр килү* – үзенә нидер ошамавын белдереп, авыз эченнән ярым мыгырданып, сукранып йөрү. *Мыр-мыр килү* – авыз эченнән нидер уку, укыну; *Пытыр-пытыр килү* – тиз-тиз, аңлаешсыз сөйләү турында; *Сүз уйнату* – шаяртып, уен-көлкә белән сөйләшү.

Дәшмәүне белдергән фигыльләр (*дәшмәү, авызга су кабу, айтмәү*). Мәсәлән: *актан-карадан сүз айтмәү* – яхшыдан-яманнан бер сүз айтмәү, бер якка да булмау, яклап та, яманлап та, уңайдан да, киредән дә берни дәшмәү. *Авызга су кабу* – сораганга җавап бирмәү, дәшми утыру. *Дәшмеш кеше* – дәшми, сөйләми, аз сүзлә. *Дәшмәки кеше* – эндәшми торган кеше, тешлэк. *Ни генә айтмә (дима)* – бернигә карамастан, кеше ни уйлаудан бәйсез рәвештә. *Пип дип авызын ачмый* – бер сүз айтми, эндәшми торган кеше. *Сүзгә кайтармау* – сүзгә кабул итү-итмәү, тыңлап тормау.

Мисаллардан күрәнгәнчә, сөйләм эшчәнлеген белдергән фигыльләр фразеологизм составында бик еш күзәтелә. Әмма бу эле фразеологизм составында килгән һәр фигыль дә үзенә хас булган сөйләм мәгънәсен саклап кала дигән сүз түгел. Мәсәлән, *Кем айтте дисәләр, үзем белдем диген* фразеологизмында айтте, ди кебек сөйләм эшчәнлеген белдергән ике фигыль кулланылган, әмма әлеге фразеологизмның мәгънәсе бөтенләй сөйләм эшчәнлегенә бәйлә түгел. Бу – бик гади, мәгълүм нәрсәгә дә белмәүчә кешегә шуны аңлатып биргәндә яки һәркем эшли ала торган гадәти эшнә дә эшли алмаучыны өйрәткәндә малайсыгып ироник көлеп әйтем. *Мин сиңа айттим* – нәрсәгә дә булса кызыктырып, мактап, сокландырып әйтем.

Тикшеренү нәтижеләре күрсәткәнчә, татар теленең фразеологизмнары составында кулланылган сөйләм эшчәнлеген белдергән фигыльләр, нигездә үзләрен сәмантик үзгәрешләргә саклаганнар, шул сәбәпле аларны сөйләм эшчәнлеген белдергән фразеологик фигыльләр, дип атарга нигез бар. Мондый фигыльләр сөйләм телен төрле образлар, сурәтләргә баеталар, сөйләмне жанландырып жибәрәләр.

Нәтижә ясап айткәндә, сөйләм эшчәнлеген белдерә торган фигыльләр мәгънә белдерү ягыннан татар телендә, шул исәптән, татар фразеологизмнарында зур урын алып торалар. Алар тормыш-көнүрештә ин еш кулланыла торган сөйләм эшчәнлеген процессын атылар. Бу сөйләм эшчәнлеген белдергән фигыльләрнең күптөрле мәгънә төсмерләренә бай булуларыннан килә. Татар телендәге фигыльләр нинди мәгънә төсмерләренә ия булуларына карап сөйләмнең үзен дә, аның эчтәлеген дә, рәвешен яки нәрсә ярдәмендә башкарылуын да белдерә алалар. Мәгънә ягыннан сөйләм фигыльләре телдә мөһим урын тота һәм тормыш-көнүрештәге сөйләм процессының төрле төрләрен билгелиләр. Шул сәбәпле аларга күптөрле мәгънә төсмерләренә ия булу хас һәм шул яклары белән сөйләм эшчәнлеген белдергән фигыльләр башка сәмантик төркемнәрдәге фигыльләрдән аерылып торалар.

ӘДӘБИЯТ

Васильев Л.М. Принципы семантической идентификации глагольной лексики // Семантические классы русского глагола. – Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1982. – С. 11.

Ганиев Ф.А. Функциональная грамматика татарского языка / Ф.А. Ганиев. – Казань, 2015. – 272 с.

Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1962. – С. 570–590.

Иштанова Р.К. Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2002. – 25 с.

Исанбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: Ике томда. II том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 365 б.

Исанбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: Ике томда. I том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 495 б.

ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ТОПОНИМИКА ЗАПАДНОГО УЗБЕКИСТАНА

У.Ф. Сатторов

В данной статье были изучены этнолингвистические особенности топонимов алатского диалекта. Лексические семантические особенности топонимов Алата были проанализированы с точки зрения теоретических взглядов древних научных источников и известных учёных тюркологов. Научно обосновано влияние эпических традиций тюркских народов Сибири и Средней Азии и его влияние на формирование языковых объединений.

Ключевые слова: алатский говор, огузская группа тюркских говоров, этнолингвистика, топонимика, эпос, диалект, лингвистические особенности.

In this article ethnolinguistic features of the alat dialect's toponyms were carefully studied. The lexical semantic features of alat toponyms had been analyzed in terms of theoretical views of ancient scholarly sources and scholars of famous Turkologist. The influence of the epic traditions of Turkic peoples in Siberia and Central Asia and its impact on the formation of language units is scientifically based.

Keywords: Alat dialect, Oguz group of Turkic dialects, ethno-linguistics, toponymy, epic, dialect, linguistic features.

Бухарско-алатский говор, как свидетельствуют исторические источники, входит в состав огузской группы тюркских языков. Бухарско-алатский говор очень близок туркменскому языку не только диалектными лингвистическими особенностями, но и этнокультурными [Диалектология 1985: 67–214].

История развития тюркских языков в исторических и лингвистических источниках изучена в недостаточном степени. Как отмечают русские ученые в своих исследованиях об официальных языках Золотой Орды XIII–XIV вв. «...грамоты, исходящие от европейских государей, переводились вначале на русский ибо среди русских легче всего можно было найти человека, знавшего латынь тогдашний язык европейской учености и межгосударственных сношений. С русского языка грамота переводилась на первый восточный – сарицинский язык». Сарицинскими в средневековье Европе называли всех мусульман, так что сарицинское письмо – это конечно, арабское письмо. Поскольку первыми мусульманами, имевшими прочные экономические и культурные контакты с монголами, были персы, то в данном случае сарицинский язык грамоты – это персидский язык, переданный буквами арабского алфавита.

Персидский экземпляр перевода перелагается на второй восточный язык – монгольский – буквами уйгурского алфавита. Профессор А.М. Щербак в своих исследованиях об огузским группам говоров тюркских племен дал следующее обоснования: «...Огузские группы (азербайджанский язык и относимые к числу его диалектов огузские языки Ирана и Афганистана: кашгарский, айналу, сонкорский, тебрезский, урмийский, афшарский, гагаузский, турецкий, туркменский и близкий к нему хоросанский язык, который условно рассматривается как диалект туркменского языка; халаджский язык; южный диалект крымско-татарского языка» [Щербак 1977: 123–267].

Характер распределения огузских языков, или диалектов в досельджукский период не ясен из-за отсутствия четких границ в тех источниках, которые считаются особенно древнеогузскими, и теми которые с большой степенью уверенности могли бы быть отнесены к древнеуйгурским. Остается спорными и вопрос касательно отнесения огузских языков к языку Орхоно-енисейских надписей [Дмитриев 1962: 325–326].

Кстати говоря, в огузском эпосе, истоки которого восходят к тому же историко-культурному ареалу, через все циклы повествования проходит, как пишет В.М. Жирмунский, «дед Коркут. Белобородый старец, патриарх племени и вещей певец – сказатель. Коркут выступает в рассказах как участник действия и вместе с тем как их создатель и исполнитель. В конце каждого рассказа он слагает песню в честь богатыря, прославляет его подвиг и славит хана, которому оно поется». Она сложилась и устойчива формула вступления в такой концовке: «Дед мой Коркут сложил песнь, сказал слово» (Книга о Деде Коркуте). Так как тексты выдалбливались на камнях, сама техника выполнения содействовала выработке лаконизма не только в передаче информации, но и в стиле. Определенная связь эпоса с каменными памятниками прослеживается в изображении эпических битв, а также подвигов ханов – богатырей, алыпов, как и во всей поэтике [Жирмунский 1974: 165–256].

Таким образом, устный эпос тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии развивался в русле тех же традиций, что и произведения письменности, а сюжеты сказаний

в устах многих поколений сказателей, акынов, хайджи приобретали стабильные черты героического повествования в соответствии с историческими условиями в целых регионах.

Орхоно-Енисейские памятники – не только ценнейший источник для понимания политической истории народов Южной Сибири на протяжении многих столетий; большой интерес представляет также изучение их поэтики, пронизанной элементами эпического повествования. В них выступает «живой» весьма своеобразный процесс эпизации историко-героического повествования, осмысливавшего историческую жизнь древних тюрков в эпоху их расселения привел следующие этнографические сведения: «Туркмены – тюркская народность в Средней Азии. В арабской географической литературе туркмен (ат-туркман при описании некоторых городов к северо – западу и северо-востоку. О происхождении слова «туркмен» уже V–XI вв. ничего не было известно; народная этимология турк мананд «подобный тюрку» приводятся уже Махмуда Кашгарского [Кашкарский 1963, 8:3 307]».

Из 24 названий, приведенных, 21 совпадает с перечисленными у Махмуда Кашгарского; три названия (яйырлы, карык и каркын) встречаются только у Рашид-ад-дину, было 24, а по Махмуду Кашгарскому всего 22 племени, однако и Махмуду Кашгарскому было известно, что первоначальное число племен было 24; две племени отделились от остальных [Кашкарский 1963, 8:3 307].

Название Огуз только в монгольское время было окончательно вытеснено названием туркмен; в VI–XII вв. в слово «Огуз» фигурирует даже в официальных документах.

Для исследования огузского диалекта является важным источником «Книга моего деда Коркута» («Китаб-и дэдэм Коркут») является выдающимся памятником средневекового огузского героического эпоса [Деде Коркут 1950: 134–237].

Со средневековыми Огузами в этническом и языковом отношении связаны три современных тюркоязычных народа – туркмены, азербайджанцы и турки. Для всех этих народов эпические сказания, отложившиеся в «Книге Коркута», представляют художественное отражение их исторического прошлого. Книга эта является запись и литературной обработкой эпических сказаний, слагавшихся и передававшихся у этих народов в творческой устно-поэтической традиции на протяжении многих веков, с IX по XV вв. это замечательный памятник их древней национальной культуры, который и для других тюркоязычных народов, составляющих значительную часть многонационального населения Центральной Азии, является в своем роде единственным отражением народного поэтического творчество в столь отдаленную историческую эпоху [Деде Коркут 1950: 134–237].

«Книга Коркута» представляет исключительный интерес для историка, этнографа и лингвиста как правдивое, хотя и эпически героизованное, изображенное военной и мирной жизни тюркских кочевых племен, их быта и общественных отношений, народных обычаев и верований, сохранивших в эпоху средневековья, в условиях господства мусульманской идеологии многие черты более древнего, патриархально-родового уклада и доисламской идеологии. Но еще большее значение имеет эта книга как замечательный художественный памятник, воплотивший в своих героических сюжетах и монументальных образах высокое мастерство народных сказателей, творцов и хранителей этой древней эпической традиции.

«Книга Коркута» переведена в настоящее время на русский, немецкий, турецкий и итальянский языки, и на тех же языках, в особенности на русском, о ней существует многочисленная исследовательская литература.

Начало всестороннему научному изучению «Китаб-и Коркут» положено было сто лет тому назад крупнейшим русским историком и этнографом Востока, академиком В.В. Бартольдом (1869–1930 гг.). Работы В.В. Бартольда и его учеников, из которых некоторые были уроженцами Средней Азии, создали прочное научное основание для исторического и фольклорного истолкования огузского эпоса. Исследования турецких, немецких, итальянских ученых, опубликованные в большом числе за последнее двадцатилетие, шли по тем путям, которые в свое время проложил В.В. Бартольд [Бартольд 1984: 203].

Сам академик В.В. Бартольд отмечал, что «...Настоящий перевод, конечно, тоже не может считаться окончательным; прогресс тюркологии, как в смысле открытия нового материала, так и в смысле более полного и тщательного изучения старого, несомненно даст повод ученым еще не раз возвращаться к памятнику такого исключительно значения, как «Коркут»; надо надеяться, что и в целом настоящий перевод будет признан устаревшим и заменен другим меньше чем через сто лет» [Бартольд 1984: 203].

Заменять перевод В.В. Бартольда другим пока нет оснований, но внести в него поправки, которые теперь можно сделать, опираясь на достижения тюркологии и

результаты, добытые многочисленными исследователями этого замечательного памятника, совершенно необходимо.

В разъяснении географических названий, встречающихся в тексте памятника, значительную помощь оказало исследование Кырзы-оглу М. Фахтегина.

Имена личные, этнические и географические в тексте перевода оставлены в чтении В.В. Бартольда, а в «Примечаниях» и в «Указателях» приведены разночтения имен, встречающиеся в новейших исследованиях; «Примечания» содержат, где это возможно, научную оценку этих разночтений. В статьях имена и цитаты даются по переводу В.В. Бартольда, кроме отдельных случаев, когда требовались уточнения.

Значит в «Книге» излагаются этнографические материалы, которые принадлежат к исследованию. Этнографические данные про Огузов очень ценны и для других тюркских народов и племен [Бартольд 1984: 203].

Туркмены принадлежат к немногим тюркским народам Средней Азии, которые сохранили свое прежнее название и после монгольского завоевания. Однако лишь немногие старые племена продолжали существовать; название наиболее влиятельных и многочисленных ныне племен (теке, чоклан, йомут, эрсари, сарык и др.) не упоминается до монгольской эпохи.

Нами изучены элементы огузских диалектов и влияние на них таких нынешних племен туркменов: как теке, чоклан, йомут, сарык [Баскаков 1960: 89–187].

Изучение закономерностей развития лексической семантики тесно смыкается с этимологическим исследованием лексики и решением проблемы омонимов с разграничением синонимов и выделением древних словообразовательных моделей.

Цель этимологического исследования диалектных лексем достигается лишь в контекстах усилий, прилагаемых к установлению различных семантических переходов, так как только более полный учет последних обеспечивает достаточно надежную реконструкцию содержательной стороны языка. Даже в таких казалось бы ясных случаях, как «кок» – небо, «кок» – синий, голубой, установление направленности семантического перехода «небо» – «голубой, синий» или «синий, голубой» – «небо» имеет принципиальное значение.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд В.В. Китаба-Коркуд. 1. ЗВО, т. VIII, СПб., 1894. – С. 203.
Баскаков Н.А. Тюркские языки. – М., 1960.
Боровков. А.К. Бадаи-ал-лугат. – М., 1962.
Деде Коркут / пер. акад. В.В. Бартольда; подг. к печати Г. Араслы и М.Г. Тахмасиб. – Баку, 1950.
Диалектология узбекского языка. – Ташкент, 1985.
Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962.
Жирмунский В.М. Огузский героический эпос. – М.; Л., Наука. 1974.
Кашгарский М. Девону луготит турк». – Ташкент, 1963. Т. 3.
Щербак А.М. Очерки по сравнительной грамматике тюркских языков. (Имя). – Л.: 1977.

ТАТАРЧА-РУСЧА СУЗЛЕКЛӘРДӘ САВЫТ-САБА АТАМАЛАРЫНЫҢ БИРЕЛеше

Г.Н. Сафина, Г.Н. Хоснуллина

Кухонная утварь и посуда являются одним из древнейших элементов материальной культуры, в словарном составе языка издавна присутствовали различные наименования кухонной утвари. Со временем их количество увеличивалось, это объясняется улучшением материального состояния народа, вовлечением разных технологий, взаимосвязью разных народов и культур и др. Все это нашло и продолжает находить отражение в словарях. **Ключевые слова:** материальная культура, наименования посуды, словари, классификация, отражение.

Kitchen utensils and ware are one of the most ancient elements of material culture, at dictionary structure of language long since there were various names of kitchen utensils. Over time their quantity increased, it is explained by improvement of a material condition of the people, involvement of different technologies, interrelation of the different people and cultures, etc. All this found and continues to find reflection in dictionaries.

Keywords: material culture, names of ware, dictionaries, classification, reflection.

Кешелек дөнъясы һәрвакыт матурлыкка, гүзәллеккә омтылып яшәгән. Бу аның матурлап, бизәп эшләнгән савыт-сабалары, күнел нурын сибеп чиккән киёмнәре, бизәкләп тукуына ашъяулыклары, сөлгеләре, чаршауларында чагылыш тапкан. Татар халкы бервакытта да кул кушырып утырмаган, ул һәрвакыт нәрсә белән булса да шөгыйльләнгән, шуңа күрә татар кешесе тормыш-көнкүрешендә әһәмиятле кул эшләре белән бергә, савыт-сабаларны, йорт кирәк-яраklarын да үзә житештергән. Бүгенгә көндә савыт-сабаларның төрлеләге игътибарны үзенә ныграк жәлеп итә. Ашамлыкларны (ит, балык, котлет, яшелчәләр) әзерләү ысуллары кухня кирәк-яраklarы үзгәрүгә дә сәбәп булган. Шуңа бәйле рәвештә казаннар, чуен-чүлмәкләр, шулай ук агачтан эшләнгән кухня кирәк-ярагы икенче планга күчеп, беренче урынга металлдан эшләнгән савыт-сабалар чыккан. Шуңа да карамастан, хужалыкта элек-электән килгән *уклау* һәм камыр басу, жәю өчен *такта* (*куна*), азыкларны саклау өчен төрле *мичкәләр* һәм *кисмәкләр*, *жиләк-жимеш* һәм гөмбә өчен *кәрзиннар* һәм туздан асалган *кызаулар* киң кулланыла. Еш кына *чүлмәкләр* дә файдаланыла.

Татар халкының туклануы, милли аш традицияләрен нигездә саклаган хәлдә, билгеле бер үзгәрешләр кичерә. Халыкның тормыш хәле яхшыру һәм мәдәни дәрәжәсе күтәрелүгә бәйле рәвештә күп кенә яңа ашлар һәм ашамлыклар барлыкка килә, милли ашларның төрләре ишәя. Яшелчә һәм жиләк-жимеш күбрәк урын ала башлый, балык ашлары төрләнә, гөмбә, томат һәм тозлы әйберләр кулланылышка керә. Татар ашларына башка халыкларның, бигрәк тә рус халкының милли ашлары берникадәр йогынты ясыи. Хәзер табында, милли ашлар белән беррәттән, щи, борщ, балык шулпасы, гөмбә һәм котлет кебек ашамлыклар да күрергә була. Алар үзләре белән бергә савыт-саба, кухня кирәк-яраklarын да татар тормышына алып керәләр. Шул ук вакытта татар ашлары бизәлүе, әзерләнүе һәм төмә ягыннан оригинальлеген саклап кала, бу исә аларның популярлыгы хақында сөйли [<http://tt.wikipedia.org/wiki/>].

Бүгенгә көндә аш-су хәзерләү өчен төрле савыт-сабалар кулланыла. Галимнәр аларның төрле классификацияләрен бирәләр, әйтик, ясалы материалына карап, куллану өлкәсенә карап, башкарган функциясенә карап һ.б. бүлүргә мөмкин [Замалетдинов, Хуснуллина 2014: 106]. Савыт-саба атамаларын башкарган функциясенә карап өч төркемгә бүлеп карыйлар:

– ризык әзерләү өчен кулланыла торган савыт-саба атамалары: *атлавыч*, *атлагыч*, (пахтальник, пест, пахталка (ТРС 1950, 49); пахтальная мутовка (ТРС 1966, 43); пахтальник, мутовка (ТРС 1988, 39)), *бал мичкәсе* (*тәпәнә*) (кадушка для меда (ТРС 1966, 54)), *болгаткыч* (мешалка, мутовка, болтушка (ТРС 1950, 80); мешалка, мутовка, месилка (ТРС 1966, 77), (ТРС 1988, 59)), *гөбе* (пахтальник (ТРС 1950, 103); пахталка, кадушка для ручной маслобойки (ТРС 1966, 120); пахталка, ручная маслобойка (ТРС 1988, 81)), *гөбе таягы* (пахтальник (ТРС 1950, 103); пахтальная мутовка (ТРС 1966, 120)), *иләк* (решето, сито (ТРС 1950, 120); (ТРС 1966, 166); (ТРС 1988, 105)), *ит машинасы* (мясорубка (ТРС 1966, 179)), *ит тарткыч* (мясорубка (ТРС 1988, 114)), *казан* (котел (ТРС 1950, 136); котел, казан, казанок (ТРС 1966, 207); (ТРС 1988, 130)), *киле* (ступа, ступка (ТРС 1950, 151); (ТРС 1988, 149); ступа, ступка (деревянная) (ТРС 1966, 252)), *кисап* (пест (ТРС 1950, 151); (ТРС 1966, 253); (ТРС 1988, 149)), *коштабак* (блюдо (деревянное) (ТРС 1950, 160); большое блюдо (прежде деревянное) (ТРС 1966, 288); миска (деревянная или металлическая) (ТРС 1988, 169)), *куна* (стряпильная доска (ТРС 1950, 162); доска, на которой месят тесто (ТРС 1966, 297); доска для раскатывания теста (ТРС 1988, 173)), *күперткеч* (взбивалка, пестик (для взбивания яиц) (ТРС 1966, 338); взбивалка, пестик (ТРС 1988, 198)), *күс*, *күс чилгәе*, *күшинә* (квашня (ТРС 1966, 345); (ТРС 1988, 201)), *майлавыч* (помазок (ТРС 1950, 179); (ТРС 1966, 358); (ТРС 1988, 206)), *пешкәк* (пахталка, колотовка (ТРС 1950, 198), колотовка (ТРС 1966, 427); (ТРС 1988, 235)), *пычак* (нож (нескладной) (ТРС 1950, 201); нож (ТРС 1966, 442); (ТРС 1988, 243)), *самавыр* (самовар (ТРС 1950, 209); (ТРС 1966, 466); (ТРС 1988, 256)), *сөзге*, *сөзгеч* (цецилка, фильтр, дуршлаг (ТРС 1950, 224); шумовка, дуршлаг, цецилка, ситечко, фильтр (ТРС 1966, 499); цецилка, ситечко, шумовка, дуршлаг (ТРС 1988, 276)), *таба* (сковорода (ТРС 1950, 227); (ТРС 1966, 505); сковорода, сковородка (ТРС 1988, 281)), *табак* (чаша (ТРС 1988, 281); (ТРС 1988, 281); чаша (большая деревянная или металлическая) (ТРС 1966, 505)), *тапагыч* (сечка (то, чем рубят капусту), тятка (ТРС 1966, 516); сечка (ТРС 1988, 287)), *тырыс* (бурак, коробок из берёсты, кузов (ТРС 1950, 251); кузов, кузовок из берёсты, туес, туесок (ТРС 1966, 564); (ТРС 1988, 321)), *төйгеч* (пест (ТРС 1950, 256); пест, толкуша (ТРС 1966, 573); (ТРС 1988, 328)), *угыч* (тёрка (ТРС 1950, 261); (ТРС 1966, 582); (ТРС 1988, 336)), *уклау* (скалка (для скатывания теста) (ТРС 1950, 263); (ТРС 1966, 587), скалка (ТРС 1988, 339)), *чуен* (чугун (*горшок*) (ТРС 1988, 370)), *чуен чүлмәк* (чугун (ТРС 1988, 370)), *чәйнек* (чайник (ТРС 1950, 288); (ТРС 1966, 648); (ТРС

1988, 374)), *чулмэк* (горшок (ТРС 1950, 289); горшок, глиняный сосуд, кувшин (ТРС 1966, 652); горшок, *уст.* посуда (ТРС 1988, 376)), *чумеч* (ковш, ковшик (ТРС 1950, 289); ковш, корец, черпак (ТРС 1966, 652); ковш, половник, черпак (ТРС 1988, 376)), *очаяк* (тренога, треножник (ТРС 1950, 324); таган, тренога, треножник (ТРС 1966, 743); (ТРС 1988, 424)), *жжилпуч* (ночва, начовка, лоток (для просеянной муки) (ТРС 1950, 333); лоток для муки (*теста*) (ТРС 1966, 763); лоток для муки (ТРС 1988, 435)) һәм башкалар;

– ризыкны саклау өчен кулланыла торган савыт-саба атамалары: *кисмэк* (кадка, кадушка (ТРС 1950, 154); кадка, кадушка; бочка (ТРС 1966, 260); (ТРС 1988, 154)), *мичкэ* (бочка (ТРС 1950, 182); (ТРС 1966, 374); (ТРС 1988, 212)), *саба* (саба (*большой бурдюк для приготовления и хранения кумыса*) (ТРС 1966, 459)), *тубал* (лукошко, кузов (из лубка) (ТРС 1950, 245); лукошко, кузов, кузовок (*из лубка*) (ТРС 1966, 551); лукошко, кузов, кузовок (ТРС 1988, 310)), *турсык* (бурдюк (мешок, сшитый из шкуры животных, для хранения жидкостей) (ТРС 1950, 249); бурдюк (мешок из шкуры животных для хранения воды, кумыса и т.п.) (ТРС 1966, 558); бурдюк (ТРС 1988, 316)), *тэлэн* (кадочка (ТРС 1950, 254); небольшая кадка, изготовленная из полого ствола дерева (ТРС 1966, 569); небольшая кадка, кадочка, кадушка (ТРС 1988, 325)), *чилэк* (ведро (ТРС 1950, 282); (ТРС 1966, 636); (ТРС 1988, 367)), *шеиэ* (бутылка (ТРС 1950, 292); (ТРС 1966, 659); (ТРС 1988, 380)) һәм башкалар;

– ризыкны табынга бирү өчен (сервировкалау өчен) кулланыла торган савыт-саба атамалары: *бал калагы*, *бал кашыгы*, *балкашык* (чайная ложка (ТРС 1950, 59); (ТРС 1966, 54); (ТРС 1988, 47)), *йомры* (*диал.* чайная чашка (*без тарелки*) (ТРС 1966, 188); (ТРС 1988, 120)), *кашык* (ложка (ТРС 1950, 148); (ТРС 1966, 244); (ТРС 1988, 145)), *кэсэ* (чашечка, полоскательница (ТРС 1950, 170); чашка (ТРС 1988, 188)), *касэ* (*книжн.* бокал, чаша (ТРС 1966, 239); *книжн.* чаша (ТРС 1988, 143)), *купы* (*диал.* миски (ТРС 1988, 173)), *тэлинкэ* (тарелка, блюдо (ТРС 1950, 253); тарелка, блюдо, блюдец (ТРС 1966, 567); (ТРС 1988, 323)), *тустаган* (чарка, ковш (ТРС 1950, 249); ковшик, черпак (для воды и т.п.) (ТРС 1966, 558); *диал.* ковш, ковшик, черпак, стакан, чашка (ТРС 1988, 316)), *чынаяк* (чайная чашка (ТРС 1950, 287); чашка, чашечка (*фарфоровая*) (ТРС 1966, 646); чайная чашка (*фарфоровая, фаянсовая*) (ТРС 1988, 373)), *чынаяк тэлинкэсе* (блюдец (ТРС 1966, 646)), *чэнечке* (вилка (ТРС 1950, 288); (ТРС 1966, 648); (ТРС 1988, 374)), *жсамаяк* (деревянная чашка (ТРС 1950, 331); *диал.* полоскательница, плошка (ТРС 1966, 757); миска (ТРС 1988, 431)) һәм башкалар.

Элеге классификациягә тагын бер бүленешне өстәп карарга була, чөнки сүзлекләрдә гомуми, жыйма мәгънәдә бирелгән савыт-саба атамалары да күп, боларның күбесе парлы атамалар: *илэк-чилэк* (*собир.* посуда (*букв.* сито-ведро) (ТРС 1966, 166)), *казан-табак* (*собир.* разная кухонная посуда (утварь) (ТРС 1966, 207)), *кашык-аяк* (кухонная и столовая посуда (ТРС 1950, 148); *собир.* кухонная и столовая посуда (ТРС 1966, 244); *разг.* посуда (ТРС 1988, 145)), *савыт-саба* (посуда всякая (ТРС 1950, 207); *собир.* посуда (ТРС 1966, 460); (ТРС 1988, 252)), *сервиз* (сервиз (ТРС 1950, 212); (ТРС 1966, 475); сервиз (*напр., чайный*) (ТРС 1988, 260)), *табак-савыт* (посуда (вообще) (ТРС 1950, 227); (ТРС 1966, 505); *собир.* посуда (ТРС 1988, 281)), *таба-табагач* (*собир.* кухонная утварь (*букв.* сковорода и сковородник) (ТРС 1966, 506)) һәм башкалар.

1950, 1966, 1988 елгы сүзлекләрдә савыт-саба атамалары шактый күп урын алган, ләкин шулай да сан ягыннан һәм тормыш-көнкүрештә кирәклегә буенча сүзлекләрдәге сүзләр аерылып торалар. 1950 елгы сүзлектә 100 ләп атама, 1966 елгы сүзлектә 200 ләп сүз, 1988 елгы сүзлектә 150 ләп берәмлек урын алган.

Аңлатмалы сүзлектә савыт-саба атамаларына тулы аңлатма бирелсә, татарча-русча сүзлектә элеге сүзләрнең рус теленә тәржемәләре бирелгән. Хезмәтнең чыганагы итеп алынган XX гасырның икенче яртысында чыккан өч татарча-русча сүзлектә савыт-саба атамалары төрле дәрәжәдә бирелгән. Сүзлекләр басылу еллары белән аерылып торалар, шуңа күрә аларда урын алган сүзләрнең дә бирелеше төрле, чөнки элеге сүзлекләр сәясә, иктисадый, тормыш-көнкүреш ихтияжларын канәгатьләндерү максаты белән басылган.

Татар халкының йортын хужалык кирәк-яракларыннан башка күз алдына китерү кыен. Алар дистәләрчә еллар буена тупланып киләләр һәм чын мәгънәсендә бөтен хужалыкны биләп алалар. Хужалык кирәк-яраклары кешенә көндәлек тормышы өчен мөһим әйберләр жыелмасын тәшкил итә. Боларга йорт жиһазлары, савыт-саба, хезмәт кораллары, урын-жир әйберләре кертеп карала. Савыт-саба магди мәдәнияттә мөһим урын алып тора. Әдәби телдә ашау-эчү белән бәйле предметларның атамалары бер генә түгел, берничә. Боларга диалектлардагы сөйләш һәм урынчалыклардагы сүзләр дә кертелсә, бу төркем сүзләрнең саны берничә дистәдән артып китә.

Савыт-саба атамалары татар теле лексикасында тотрыклырак булулары белән аерылып торалар: элек-электән килгән сүзләр бүгенге көндә дә яна форма, яңа фасон алган, яңача материалдан эшлэнгән предметларны атау өчен кулланылалар. Вақыт татар кешесенең аш-су өенә (кухнясына) нинди генә заманча, модалы савыт-саба «алып кер-мәсен», татарлар, элеккеге традицияләренә тугры калып, инде сыналган, меңнәрчә еллар игелекле хезмәт иткән кирәк-яракларны куллануларын дәвам итәләр.

Матди мәдәният элементлары арасында кешенең тормыш-көнкүрешендә савыт-саба атамалары төп урын алып тора, чөнки бу сүзләр тереклек өчен гаять әһәмиятле өлкә – ашау-эчү белән бәйле.

ӘДӘБИЯТ

Замалетдинов Р.Р., Хуснуллина Г.Н. Лингвокультурологические особенности наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура. Philology and culture. – 2014. – № 4 (38). – С. 105–110.

Татарско-русский словарь: ок. 25 000 слов / И.А. Абдуллин, Ф.А. Ганиев, М.Г. Мухамадиев, Р.А. Юналеева; под ред. Ф.А. Ганиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. – 462 с.

Татарча-русча сүзлек / төз. Р. Газизов, Н. Исәнбәт һәм Г. Ишмөхәммәтов. – Казан: Татгосиздат, 1950. – 340 б.

Татарча-русча сүзлек. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 864 б.

<http://tt.wikipedia.org/wiki/>.

ХІХ ГАСЫРНЫҢ 20–30 НЧЫ ЕЛЛАРЫНДА ЛАТИН ГРАФИКАСЫНДА БАСЫЛГАН СҮЗЛЕКЛӘР ҺӘМ АЛАРНЫҢ ТАТАР ЛЕКСИКОГРАФИЯСЕ ҮСЕШЕ ӨЧЕН ӘҖӘМИЯТЕ

Э.И. Сафина

В 1927 году татары, как и большинство других тюркских народов страны, перешли на латинскую графику. В 1939 г. в связи с очередной реформой график национальных языков, она была заменена кириллицей. В этот период на латинице было издано много научных трудов, в том числе лексикографических. В статье рассматриваются орфографические, терминологические и переводные словари татарского языка на латинской графике, изданные в 1928–1939 гг.

Ключевые слова: лексикография, словари, орфография, алфавит, графика, латиница.

In 1927, the Tatars, like most other Turkic peoples of the country, switched to Latin graphics. In 1939, due to another spelling reform of national languages, it was replaced by Cyrillic. During this period, many academic works, including lexicographical ones, were published in Latin. The article deals with the orthographical, terminological and translation dictionaries of the Tatar language in Latin script, that appeared in 1928–1939.

Keywords: lexicography, dictionaries, spelling, alphabet, graphics, Latin.

Татар лексикографиясе тарихында графика алмаштырулар шактый тирән эз калдырган. Башка халыкларныкы белән чагыштырганда, татар графикасының үзгәрү, камилләшү юлы үзе дә зур сынауларга, югалтуларга бай булган. Х.Р. Курбатов хаклы: «Татар культура-сының иң каглаулы һәм иң бәхәсле өлкәсе – язучу тарихы, хәрәф алыштыру һәм имла төзәтү тарихы дисәк, нич тә ялгыш булмас».

«1927 елның 3 июлендә Татарстан республикасы Халык Комиссарлары Советы үзенә махсус карары белән латин алфавитын татар теленә рәсми алфавиты дип игълан итә. Урта һәм югары мәктәпләренә шул елдан ук латин хәрәфләре белән укытылырга тиешлеге, ә киләсе уку елыннан башлап барлык мәктәпләренә дә яңа алфавитка күчеп бетүләре алга куела» [Курбатов 1960: 77].

Рәсми рәвештә латин графикасы кулланылган, ягъни 1927–1939 елларда басылган сүзлекләргә күзәтү ясау лексикографик чыганаklarның кайсы төрләре актуаль булуын күрсәтте. Болар: орфографик, терминологик, аңлатмалы, тәржемәле (татарча-русча, русча-татарча) сүзлекләр. Хронология тәртибендә кыскача мәгълүмат аларның һәрберсенең лексикография тарихындагы урынын билгеләргә ярдәм итәр.

Латин графикасы кабул ителгәч, билгеле инде, иң элек орфографик сүзлекләргә ихтыяж туган. Аларның беренчесе – И. Рәми төзөгән «Имла сүзлеге» – 1928 елда басылды. Бик кыска вақыт аралыгында ашыгыч рәвештә эшлэнгән сүзлек 12000 нән артык сүзгә үзгәренә алган һәм ул чорда гаять актуаль чыганак булып хезмәт иткән. Сүзләр түбәндәгечә бирелгән: *analb-qızlb, altatar, almaş-tilməş* һ.б.

Әлбәттә, яңа орфография кагыйдәләрен эшләп, яңа таләпләргә туры килерлек орфографик сүзлек төзү өчен галимнәргә бик аз вакыт бирелгән. Шриффт алмашыну аркасында туган төрле техник кыенлыklar да аларның эшен гел катлауландырып торган. Бу хакта сүзлекләренң һәрберсендә дә диярлек телгә алына.

И. Рәми сүзлегенә кереш өлешендә, мәсәлән, «Съезд тарафыннан эшләнеп бетмиçе, Яналифнең метод комиссиясенә калдырылган *j-ç* мәсьәләләре әле бөтенләй чишелеп бетмәде. Сүз башындагы *ç* ләр мәсьәләсен кырт кистереп карарга техника ягыннан мөмкинлек булмады, билгесез бер вакытта иске хәлендә калдырылды», – диелә [Рәми 1928: 2].

Сүзлекләргә ясалган күзәтүдән күренгәнчә, андый мәсьәләләрне хәл итү, орфография мәсьәләләре хакындагы фикер алышу, сөйләшү, бәхәсләр һәм алар нәтижәсендәгә төрле үзгәрешләр яналиф гамәлдә булган еллар буена сузыла, орфография кагыйдәләре һаман саен яңартылып, камилләштерелеп торыла.

Яналифтә басылган икенче лексикографик чыганак – Г. Биляев төзөгән «Керәшеннәргә татар-гарәп сүзләрен аңлатыр өчен сүзлек». 31 биттән гыйбарәт һәм 600 дән артык сүзнә тупланган әлегә хезмәт 1929 елда дөнья күргән. Автор фикеренчә, «татар теленә кергән күп кенә гарәп һәм татарның әдәби сүзләрен аңламау, белмәү керәшеннәргә төп татар культурасына, татар әдәбиятына якынлаштыруда, бөтенләй берләштерү теләген тормышка үткәрүдә зур гына комачаулык булып яши». Сүзлек әлегә комачаулыкны бетерү максаты белән керәшеннәргә ярдәмлек буларак төзелгән. Сүзлек мәкаләләре түбәндәгечә: *markaz – yzak (центр), rәsmi – zakonca (официальный)* һ.б. Бүгенгә көн укучылары өчен әлегә сүзлек күбрәк синонимнар сүзлеген хәтерләтә (*markaz – yzak, rәsmi – zakonca* һ.б.). Шул ук вакытта жәя өчендә русчасы да бирелә, димәк, сүзлекне төзөгәндә тәржемәле сүзлекләр төзү принциплары да кулланылган.

Латин графикасында басылган лексикографик хезмәتلәр арасында иң күп төрне тәшкил иткән терминологик сүзлекләр 1929 елда басыла башлый. Аларның беренчесе – «Медицинадан татарча атамалар: Нормаль анатомия атамалары» сүзлегә якынча 1200 атаманы туплаган. Аны төзүдә «Татарстанны өйрәнү жәмгыяте»нең 1928 нче елда оешкан медицина секциясе һәм университетта эшләп килгән атамаларны барлау һәм системалаштыру түгәрәгә катнашкан. Терминнар латинча, русча һәм татарча бирелгән: *sanguis – кровь – qan, faux – зев – tamaq* һ.б.

1930 елда яналифтәгә икенче орфографик сүзлек – И. Рәми һәм И. Кули төзөгән «Татар теленә орфография сүзлегә» басыла. Ул, беренчедән, 1928 елгы орфографик сүзлеккә караганда күләмлерәк, икенчедән, аннан лөгатьләгә белән генә түгел, орфография кагыйдәләре үзгәрәп тору сәбәпле, кайбер сүзләренң ызылышы белән дә аерылып тора (*quapъc, bilbau, abъz* һ.б.).

1931 елда «Атамалар сүзлегә» сериясеннән «Авыл хужалыгы һәм урманчылык атамалары» сүзлегә дөнья күрә. Авыл хужалыгы һәм урманчылык өлкәсендә эшләүчеләр өчен махсус төзелгән сүзлек булуга карамастан, киң катлау укучылар өчен дә бик актуаль сүзлекләренң берсе булып саналган хезмәт бер ук вакытта терминологик һәм тәржемәле (русча-татарча). Татарча өлешә латин шрифтында. Мисал өчен: *иней – бәс, боярышник – dylәnә, брюква – gәrәnkә* һ.б.

Шул ук елда Г. Вәлитов төзөгән «Химия атамалары. Анорганик кушылмаларның яңа номенклатурасы» басыла. Бүгенгә көн күзлегенән караганда ул лексикографик принципларга нигезләнеп эшләнгән хезмәт буларак түгел, ә укучыларга химиягә, химия атамаларына бәйләнешле мәгълүматны татар телендә житкерү максатын күздә тотып бастырылган белешмәлек кебек кабул ителә. «Элементларның интернациональ һәм татарча атамалары: химия формулаларын уку тәртибе», «Беренчә тәртиптәгә кушылмалар номенклатурасы», «Икелә-тозлар һәм комплекс кушылмалар номенклатурасы» һ.б. бүлекләрдән гыйбарәт хезмәттә химия атамалары түбәндәгечә бирелгән: *K CN – kali sianidъ, Hg2O – trekөmөc oksidъ*.

«Урысча, латинча һәм татарча атамалар сүзлегә: Кеше морфологиясе (анатомия, гистология)» исемле сүзлек шулай ук 1931 елда дөнья күргән. Биредә якынча 1700 атама теркәлгән: *верхняя челюсть – maxilla – öske теç qaznaъ, височная кость – os temporal – sigә sөjәge, надколенная чашка patella – tez qarqacъ* һ.б. Казан дәүләт медицина институты хезмәткәрләре төзөгән сүзлекнең керешендә болай диелгән: «Атамаларны төзү техникасына килгәндә, анатомия атамалары стеклографиядә латинча-урысча-татарча тәртиптә жылылган булсалар да, биредә урысча-латинча-татарча тәртибенә күчерелделәр һәм анатомиянең төп бүлекләре буенча әлифбага салындылар. Гәрчә бу халыкара латинча анатомия терминнарын кулланырга күнеккән белгечләр һәм студентлар өчен жыентыктан файдалануны кыенлаштырса да, икенче яктан, югарыда сөйләнгән нияткә туры китереп, киң мас-

сага файдаланырга, ярдәмләшергә һәм тәнкыйтькә катнашырга мөмкинлек бирә». Сүзлек 20–30 елларда актив эшлән килгән санитария курслары, «Кызыл хач» түгәрәкләрендә эшли торган медицина хезмәткәрләренә ярдәм итүне күздә тотып та төзелгән.

Шул ук елны «Урысча-татарча атамалар сүзлеге» сериясенә беренче китәпкә булып физика, математика, астрономия терминнарын туплаган сүзлек дөнья күрә. Әлеге сүзлектә 4400 дән артык атама китерелгән. Аның нигезен Татарстан гыйльми үзәге тарафыннан стеклографиядә бастырылган материаллар тәшкит итә: *абберация – abirratsia, момент силы – көс тотинь, многочислен – кур вильнар* һ.б.

Яңалиф гамәлдә булган елларда икетелле сүзлекләр күп басылмый. Шуларның берсе – 1931 елда дөнья күргән «Урысча-татарча сүзлек». Бу хезмәт алдагы елларда басылган русча-татарча сүзлекнең икенче басмасы. Беренче басмасындагы кебек, сүзлектә фигуралар башта төп формада бирелә, аннары квадрат жәяләр эчәндә исем фигуралар формасы китерелә. Бу фигураларне төп фигуралар формасында бирү белән исем фигуралар формасында бирү арасында үзгәрү күрә бер компромисс була. Ж. Вәлиди сүзлекләрендә кулланылган әлеге алым, ягъни татар лексикографиясендәге яңалык – фигураларне исем фигуралар формасында теркәү – икетелле сүзлекләр арасында нәкъ менә әлеге хезмәттән башлана. Фигураларнең бирелеше түбәндәгечә: *аггипа [u] – замедляться, утихать, затихать, медлить, мешкать; агла [u] – 1) обелить; 2) оправдывать, оправдать* һ.б. Хезмәт ахырында кушымта буларак бирелгән грамматик белешмә сүзлекнең кыйммәтен тагын да арттыра. Анда татар теле морфологиясе нигезләре, сүзьясалыш кагыйдәләре, үрнәкләре, сүз төркемнәре турында мәгълүматлар һ.б. урын алган.

1933 елда Ш.Абай төзегән «Орфографик сүзлекчә: «о», «е» хәрәфләре булган интернациональ һәм халыкара сүзләр» исемле кечкенә сүзлек басыла. Анда татар теленең орфографик принциплары һәм интернациональ сүзләренә язу кагыйдәләре китерелгән. Сүзлекчә, беренче чиратта, «о» һәм «е» авазлары кергән халыкара сүзләренң дөрес язылышы турында белешмә буларак төзелгән, кушымтадагы «Сузык аваз-хәрәфләр», «Тартык аваз-хәрәфләр», «Сүз һәм кушымчалар» дигән кечкенә бүлекчәләрдә сүзләренң язылышына кагылышлы кайбер кагыйдәләр һәм мәгълүматлар китерелгән.

Сүзлектә яңалыклар шактый. Игътибар итсәк, *ц* хәрәфе ике хәрәф белән – *ts* бирелә: *protses, akatsia, funksia. Щ* хәрәфе язылган урыннарда бер үк ижектә килгәндә «*ş*» (*borş, tovariş*), ике авазга бүленеп әйтелгәндә «*şç*» языла: (*şci, şcotka*). *Ж* авазы *ç* хәрәфе белән күрсәтелә: *çançal, çedit* һ.б.

1934 елда алынма сүзләренң дөрес язылышына багышланган тагын бер хезмәт – И. Рәмиев төзегән «Татар әдәби телендәге интернациональ сүзләренң орфография сүзлеге» басыла. Вокабулалар түбәндәгечә: *ragu, başna, tetuar*. Сүзлекнең 1934 елда басылырга тиеш булып, 1935 елда гына дөнья күргән булуы да ихтимал (эчәндәге мәгълүматларда 1934 ел дип бара, ә тышлыгына 1935 ел датасы куелган).

1934 елда 4000 нән артык сүзне үз эчәндә алган русча-татарча «Химия терминнары» сүзлеге басылып чыга. Ул татар телендәге химия терминнарын бергә туплау, системага салу һәм рус теленә тәржемә итүне күздә тотып, Казан дәүләт университеты каршындагы химия терминнары комиссиясе биргән материалларга нигезләнеп төзелгән. Мисал өчен: *альбумин яичный – jomyrqa al'bumin, вещество простое – gadi maddə* һ.б.

Терминология өлкәсендәге хезмәтләренә багытып, 1935 елда «Табигый һәм биология терминнары» (төзүчеләре М. Корбан, М. Сафин, Ж. Сәгъди, Н. Асманов, Н. Шәфиев, С. Саттаров) сүзлеге дөнья күрә. Сүзлектә кайбер терминнарның русчадан татарчага тәржемәсе генә китерелсә, аерым очракларда жәя эчәндә кыскача аңлатма да бирелә: *депово тутовое – tut aqasъ, наряд брачный – qavъşu qırşъььqъ, abiогенез – abiogenez (terek bulmaqannan tereklek jaralu* һ.б.).

Х. Халиков, И. Алексеев, З. Ишаев төзегән сүзлек – математикага кагылышлы төп терминнарны үз эчәндә алган «Элементар математика терминнары жыентыгы: алгебра, арифметика, геометрия, тригонометрия» хезмәте дә шул ук елны басылып чыга. Сүзлек мәкаләләре түбәндәгечә: *удвоение – təqal ylcəv, неравенство – tiqəşsezlek, пятиугольник – bişprostaq* һ.б.

Латин графикасындагы икетелле тәржемә сүзлекләренң икенчесе – 32000 нән артык сүзне үз эчәндә алган «Русча-татарча сүзлек» 1938 елда басыла. Г. Нугайбәк, Ф. Әмирханов, М. Корбанов, С. Фәйзуллин төзегән хезмәтнең кереш өлешендә «Бу сүзлек үзгән характеры белән русча сүзләренң татарча мәгънәләрен бирү белән чикләнгән тиеш иде. Ләкин татар телендә әле энциклопедик һәм политик сүзлекләр булмавын исәпкә алып, кайбер сүзләргә кыскача аңлатмалар да бирелде», – диелә. Мисал өчен, *взборонить – ыртмалар сьқи, ыртмалар бетеры, узьян – 1) zian, zazar; 2) kimcelek, çiteşsezlek, qəjep* һ.б.

1939 елда Г. Кадыйров, М. Корбан, Т. Курамшин һ.б. төзегән «Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге» басылып чыга. Анда авыл хужалыгында аеруча еш очрый һәм актив кулланыла торган терминнар теркәлгән. Мисал өчен, *трамбовка – төҗгеләв; төҗу; төҗгес, аборигенный скот – çirle terlek, ирғындаҗь terlek* һ.б. Аерым очракларда кайбер терминнарға жәя эчендә аңлатма бирелә. Мәсәлән: *автомол – afitol (nefttan albna һәм maşına өleşlären majlav өсен qullanьla torqan maj), автомат – aftomat (mexanizm хәрәкәте белән, билгеле бер ешне узеннән узе баşqара torqan apparat)* һ.б. Мисаллардан күренгәнчә, аңлатмалар шактый кин. Димәк, русча-татарча дип исемләнгән әлеге сүзлекне төзегәндә өлешчә аңлатмалы сүзлек төзү принциплары да кулланылган. Фитоним, орнитоним һ.б. актив кулланылыштагы терминнарның күп бирелүе хезмәтне гади укучылар өчен дә әһәмиятен арттырган, актуаль иткән.

Шул ук елда М. Галиев, Х. Мөштәри, Х. Хөснуллин төзегән «Физика һәм метеорология терминнары» дөнья күрә. Хезмәтнең төп өлешен ул елларда дәреслекләрдә кулланылып килгән физика терминнары тәшкит итә. Алар Татарстан мөғариф халык комиссариатының тәкъдире буенча тәртипкә китерелгән, системалаштырылган. Мисаллардан күренгәнчә, ул бер үк вакытта тәржемәле сүзлек тә: *зуммер – zummer, поплавок – qalqavьs, луна – lupa* һ.б.

XIX гасыр башында латин графикасында – яңалифтә басылган татар сүзлекләренә ясаган күзәтү әлеге чорның лексикографик чыганаclarға шактый бай булуын күрсәтте. Латин графикасы гамәлдә булган 1927–1939 елларда барлыгы унҗиде сүзлек басылган. Алар арасында ун терминологик, дүрт орфографик, ике тәржемәле һәм бер аңлатмалы сүзлек. Әлеге бүленеш күпмедер дәрәҗәдә шартлы. Мисал өчен, аңлатмалы сүзлекләр рәтендә каралган «Керәшеннәргә татар-гарәп сүзләрен аңлатыр өчен сүзлек» төзелү принциплары, максат-бурычлары белән гадәти аңлатмалы сүзлекләрдән нык аерылып тора, бер үк вакытта тәржемәле сүзлек төзү принципларын да кулланып эшләгәнлектән, терминологик сүзлекләрен кайберләре ул елларда тәржемәле сүзлек ролен дә үтәгән һ.б. Ел саен диарлек орфография кагыйдәләре үзгәрәп торуйн исәпкә алганда, билгеле, ин зур ихтыяж орфографик сүзлекләргә булган. Алты ел эчендә генә дә татарча сүзләрен латин графикасы нигезендә дөрес язылышын бирә торган дүрт сүзлек дөнья күрү лексикография тарихы өчен зур күрсәткеч.

ӘДӘБИЯТ

Абай Ш. Орфографик сүзлекчә: «о», «е» хәрәфләре булган интернациональ һәм халыкара сүзләр. – Свердлов – М.: Урал, Огиз, 1933.

Авыл хужалыгы һәм урманчылык атамалары: XI кис. – Казан: Татгиздат, 1931. – 83 б.

Билиев Г. Керәшеннәргә татар-гарәп сүзләрен аңлатыр өчен сүзлек. – Казан: Яңалиф, 1929. – 316.

Вәлитов Г. Химия атамалары. Анорган кушылмаларның яңа номенклатурасы: I бүл. – Казан: Татгиздат, 1931. – 57 б.

Курбатов Х. Татар теленә алфавит һәм орфография тарихы. – Казань: Татар. кит. нәшр., 1960. – 132 б.

Медицинадан татарча атамалар: Нормаль анатомия атамалары: I кис. – Казан, 1929. – 43 б.

Рәми И. Имла сүзлеге. – Казан: Восток, 1928. – 246 б.

Рәми И., Кули И. Татар теленә орфография сүзлеге. – Казан: Яңалиф, 1930. – 355 б.

Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге / төз. Г. Кадыйров, М. Корбан, Т. Курамшин һ.б. – Казан: Татгосиздат, 1939. – 176 б.

Русча-татарча сүзлек / төз. Г. Ногайбәк, Ф. Әмирханов, М. Корбанов, С. Фәйзуллин. – Казан: Татгосиздат, 1938. – 667 б.

Табиғият һәм биология терминнары / төз. М. Корбан, М. Сафин, Ж. Сәғди, Н. Асманов, Н. Шәфиев, С. Саттаров. – Казан: Татгосиздат, 1935. – 123 б.

Татар әдәби телендәге интернациональ сүзләрен орфография сүзлеге / төз. И. Рәмиев. – Казан: Татгосиздат, 1934. – 165 б.

Татарча-урьсча сүзлек / төз. М. Корбангалиев, Р. Газизов, И. Кулиев., төзәтелгән 2 нче басма. – Казан: Татгосиздат, 1931. – 411 б.

Физика һәм метеорология терминнары / төз. М. Галиев, Х. Мөштәри, Х. Хөснуллин. – Казан: Татгосиздат, 1939. – 72 б.

Урысча, латинча һәм татарча атамалар сүзлеге: Кеше морфологиясе (анатомия, гистология): III сер. – Казан: Татгосиздат, 1931. – 56 б.

Урысча-татарча атамалар сүзлеге: I сер. (физика, математика, астрономия). – Казан: Татгосиздат, 1931. – 876 с.

Химия терминнары: Русча-татарча сүзлек / төз. Г. Дистанов, Г. Вәлитов. – Казан: Татгосиздат, 1934. – 188 б.

Элементар математика терминнары жыентыгы: алгебра, арифметика, геометрия, тригонометрия / төз. Х. Халиков, И. Алексеев, З. Ишаев. – Казан: Татгосиздат, 1935. – 82 б.

СЕБЕР-ТАТАР ШАГЫЙРЕ БУЛАТ СӨЛӘЙМАНОВ ИЖАТЫНДА ЖИРЛЕ АТАМАЛАР ЧАГЫЛЫШЫ

Ф.С. Сәйфуллина

В представленной статье анализируется поэзия известного татарского поэта, вышедшие из сибирских татар, Булата Сулейманова, в творчестве которого находит широкое отражение местный топос – названия сел, городов, местностей Тюменского Севера. Из наиболее ярких названий, используемых поэтом, воссоздается поэтический образ малой родины автора, которые воссоздают историю народа, представляют целостную географическую картину татарского населения данного края.

Ключевые слова: Татарская поэзия, поэтический топос, сибирские татары, Булат Сулейманов.

This article analyzes the poetry of the famous Tatar poet, who came from the Siberian Tatars, Bulat Suleimanov, whose work reflects the local topos – the names of villages, towns, localities of the Tyumen North. From the most vivid names used by the poet, the poetic image of the author's small homeland is recreated, which recreate the history of the people, represent an integral geographical picture of the Tatar population of this region.

Keywords: Tatar poetry, poetic topos, Siberian Tatars, Bulat Suleimanov.

Лингвистикага караган ономастика фәне, тарихи, географик, этнографик, культурологик компонентлар белән бергә, атала торган объект һәм аның исемнәре белән бәйлә традицияләр үзенчәлеген ачыклауга ярдәм итә торган әдәбият белеменә караган компонентны да үз эченә ала [Подольская 1988]. Ономастика фәненең әлеге тармагы бүгенге көндә иң аз эшләнгән бер бүлгә.

Мәкаләдә себер татарлары арасынан чыккан шагыйрь – Булат Сөләйманов ижатында кулланылган поэтик ономастика кулланылышы һәм аңа салынган функциональ йөкләмә мәсәләсе карала. Региональ әдәбиятта соңгы елларда поэтик пространствоны чагылдыру ягыннан кешенең әйләнә-тирә урын белән бик күп төрлө бәйләнешләргә мөнәсәбәтле туган күнел кичерешләрен чагылдыручы образлар аерып өйрәнелә башлады. Әдәбият белемендә әлеге төшенчәләр «топос» (грек теленнән – урын) термины, константа яки универсаль категория төшенчәләре аша бирелә [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 107].

Себер татар шагыйре ижатында Себер топосы аерым бер әһәмияткә, мәгънәгә ия. Себер киңлекләре пространствосы, аның географик ландшафты, себер татарларының тарихи язмышы үзенчәлекле мәгънәви топос формалашуда тирән эз калдырган. Әдәби эсәрләрдә атамалар урынны сәнгати һәм концептуаль планда күрсәтүгә юнәлдерелгән.

Әдәби эшчәнлегенең башлангыч чорында ук шагыйрь үз ижатының кредосын төгәл билгели һәм үзе белән халкы арасындагы бәйләнешне төгәлләштерә:

*Мин төп себер татарымын чыгышым белән,
Гомер сөргән монда минем бабаларым.
Чал Иртышның үзе кебек, борынгыдан
Яшәп килә монда татар балалары* [Сөләйманов 1998: 19].

Б. Сөләйманов себер татарларының бу якларда жирле халык, туган жирләре – ата-бабалары туфрагы булуына басым ясый. Ижатының соңгы елларында аеруча актуальләшкән бу мәсәлә халыкның үзбилгеләнүе, тарихи үткәннен өйрәнүгә, телен һәм мәдәниятен сакларга омытылыш буларак тагын да көчлерәк, куәтлерәк яңгыраш ала:

*«Әйтмәгез, Себерем хакында,
Үткәндә каргалган җир булган.
Каргалса-каргалсын, ул минем
Туган җир, / и туган...»* [Сөләйманов 1998: 48]

Себер шагыйрьләре ижатында семиотик пространствоның гадәти бер өлеше һәм кеше эшчәнлегенең тарихи-мәдәни нәтижәсенә аеруча рельефлы чагылышы буларак шәһәр ландшафты урын ала. Тирә-якны үзләштерү аны мәгънәви яктан яқынайту, урынлыкны мәгънә, символ, билгеләр белән баету белән бергә бара. Әйләнә-тирә ландшафтының пространство-төшенчә модели структурасын һәм төзеклеген халык аңындагы һәм әдәби ижатта теркәлгән ныклы мәдәни мәгънәләр билгели.

Лирик кичерешләре төгәлләштереп, шагыйрь поэтик образның реаль топос белән бәйләнешен чагылдыра, чөнки жирле төшенчәләр шагыйрьнең үз язмышында да, эсәрләренә лирик геройлары кичерешләрендә дә әһәмиятле координатлар булып тора.

Б. Сөләймановның шактый әсәрләрендә Себер ягы атамалары көчле позициягә – әсәрләренң исемнәренә чыгарылган. «Сопра» (шагыйрьнең туган авылы исеме), «Тобол», «Түбән Варга» «Обта боз киткәндә», «Самотлорда жәй уртасы», «Төнъяк, тундра», «Салехардка килгәч» шигырьләре шундый. Аларга авторның үзе язмышы белән бәйлә булган төбәкләргә мөнәсәбәте чагылыш таба. Еш кына Сөләйманов ижатында «Себер» атамасы туган ягының жыелма образы буларак кулланыла.

*Син тугансың минем йөрәгемдә,
Мин туганчы газиз анамнан.
Себер, Себер, бер син генә жырда
Минем мәхәббәтем казанган* [Сөләйманов 1998: 48].

Аерым әсәрләрдә Себер төшенчәсе төгәлләштерелә, шагыйрьнең тормыш биографиясе белән бәйлә булган кечкенә һәм зур авыл-шәһәр исемнәре пәйда була. Шигырьләрендә урын алган татар авыллары исемнәре – Сопра, Бәеш, Рәнчек, Киндерле – себер географиясен тудыруда катнашкан топослар гына түгел, ә татар халкының ераклардан килгән тарихын саклаучы төрки атамалар буларак кыйммәтле.

*Бөтен Себер буйлап, орлык кебек,
Татар авыллары сибелгән,
Гасырларның изге туфрагына
Тамырлары тирән күмелгән.
Исемнәре читтән килгән түгел:
Бәеш, Рәнчек, Меткә, Киндерле.
Шулар арасында минем Сопра да бар,
Туфрагында безнең Себернең* [Сөләйманов 1998: 65].

Шагыйрь туган якларының тарихының авыл исемнәрендә саклануына басым ясый. «Шигъриятендә эреле-ваклы шәһәр, елга, күл исемнәре дә әдәби топос рәвешен ала, көчле позициядә шигырь атамаларына чыгарып, шагыйрь үзәктә яшәүче татар укучысы өчен ят булган яшәү ареалы, үз язмышында эз калдырган дөнья киңлегә белән таныштыра» [Сәйфулина, Талипова 2016: 72–91].

Себер атамасын характерлау максатыннан еш кына төрле пространстволар оппозициясе кулланыла. Шактый гына әсәрләрдә Себер «үз» төшенчә буларак «чит» жирлекләргә каршы куеп сурәтләнә. Еш кына Себер – Казан топосы белән яшәшә сурәтләнә. Әлеге күренешнең сәбәбе – Казан шәһәренең шагыйрь өчен ижади, рухи мәркәз буларак кабул ителүендә; икенчедән, шагыйрьнең язмышы да Татарстан башкаласы белән бәйләнгән булуында. «Казан» атамасы берничә шигырьдә лирик геройның кичерешләре пространствосы буларак яңгырый.

*И Казаным!
Туган анам кебек, кочагыңа ал син гомергә.
Ярсып чаткан / Минем чал Иртышым
Күшүлүп аксын синең Иделгә* [Сөләйманов 1998: 41].

Ике елга – Иртеш һәм Иделнең янәшә кулланылышы – лирик герой өчен әлеге төшенчәләргә салынган мәгънәви йөкнең бердәй булуына инандыра. «Казанга аны язу теләге генә түгел, ә татар әдәбиятын ярату хисе тартып китерде. Ләкин ул шигърияте яратып кына калмады, ә үзе дә шигырь дөньясына килде. Күп кыенлыкларны жиңеп килде...» – дип фикер йөртә шагыйрь Сибгат Хәким яшь шагыйрьнең беренче жыентыгына кереш сүзендә [Сөләйманов 1980: 3].

Б. Сөләйманов Казан шәһәренә аерым бер цикл шигырьләргә багышлый: «Казан», «Күптәнме жәй иде Казанда», «Күренми шул Себер Казаннан», «Кичен. Аккош күле», «Казанда яз» һ.б. Шигырьләренң берсе – «Казанга» дип аталаган багышлау шигыре:

*Туган жирем мине ир булырга
Чигенмәскә юлда өйрәтсә,
Синең моңнар миңа
Канат бирде,
Жыр уятты кыргый йөрәктә* [Сөләйманов 1998: 52].

Шагыйрь Казанда таныш жирләренә: Сөембикә манарасын, Муса Жәлил һәйкәлен, Габдулла Тукай каберлеген, Бөек Болгар жимереклекләрен зыярәт итә Соңрак әлеге образлар шигырь юлларына салынып, үзенчәлекле образлар булып житешә.

Күңел кичерешләрән, андагы үзгәрешләрне чагылдыруда да автор еш кына жирле образлар исеменә мөрәҗғәгать итә. Аларда туган жиреннән еракта яшәүче кешенең күңел кичерешләре төрлелеге картинасы тудырыла. «Күптәнме жәй иде Казанда...» шигырендә, шагыйрь биографиясе белән таныш булган укучы, әлбәттә, әлеге лирик герой язмышында шагыйрьнең үз язмышын таный:

*Күптәнме жәй иде, Казанда
Кыш иңә күкләрдән ишелеп.
Ду килеп йөримен урамда
Карларның исеннән исереп* [Сөләйманов 1998: 49].

Казан урамнары шагыйрь шәхесенә магик көч кебек йогынты ясый. Тирә-як табигатьне соклангыч бер үзенчәлек белән кабул итүдән исергән герой кичерешләре топосны көтелмәгәнчә сыйфатлау аша киңәйтелә: «Пакъ карлар сабый күк сөйкемле», «Алкышлар сибелә кар булып». Шуңа күрә, күтәрәнке күңел кичерешләре сурәте тудырыла.

Шагыйрьнең күңел халәте бер төрле генә итеп сурәтләнми: һәр тере жан иясе кебек, анда да әлеге кичерешләр үзгәрештә, хәрәкәттә бирелә. Берүк вакытта ул балачактан ук күңелгә сенең калаган туган якларына сагына, күз алдында үз дөньясын сурәтли:

*Күренми шуңа Себер Казаннан,
Анда карлар, жыллар уйныйдыр,
Ә тайгада болан баласы
Адашкан да ялгыз, елыйдыр* [Сөләйманов 1998: 51].

Шуңа күрә, Булат Сөләйманов ижатында Себер пространство, аның географик ландшафтын тудыручы күпсанлы шәһәр, авыл, урын исеменә белән бәйлә рәвештә Себер якларының, шагыйрьнең кече ватанының географик картинасын тудыра.

ӘДӘБИЯТ

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин. – М., 2001. – 1600 с.

Сөләйманов Б. Мин себер татарымын: шигырьләр, хикәяләр, мәкаләләр / Б. Сөләйманов; Нелүфәр Йосыпова кереш сүзе. – Екатеринбург: СВ-96 нәшр., 1998. 256 б.

Сөләйманов Б. Таңнар фонтаны / Хәким С. Үз аһәне, үз жирлегә. Кереш сүз. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980, Б.3.

Сәйфулина Ф.С. Талипова Г.М. Себер төбәге татар әдәбиятында дөнья сурәте // Tatarika. – 2016. – № 10. – Б. 72–91.

ТАТАР ЛЕКСИКОГРАФИЯСЕ ТАРИХЫНДА ГАРӘПЧӘ-ТАТАРЧА СҮЗЛЕКЛӘРНЕҢ УРЫНЫ

Р.Т. Сәфәров

Высокая значимость арабского языка в культурной, религиозной и других областях жизни татарского народа породила необходимость составления словарей. Данный материал посвящен арабско-татарским лексикографическим источникам. В обзорной статье выявлены и систематизированы различные печатные арабско-татарские словари, определены их типы, принципы составления и др. особенности.

Ключевые слова: лексикография, татарский язык, арабский язык, арабско-татарские словари.

The high importance of the Arabic language in the cultural, religious and other areas of the life of the Tatar people has created the need to compile dictionaries. This material is devoted to the Arabic-Tatar lexicographic source. The review article identified and systematized various printed Arabic-Tatar dictionaries, identified their types, components, and other features.

Keywords: lexicography, Tatar language, Arabic, Arabic-Tatar dictionaries.

IX–X гасырлардан башлап гарәп теле татар халкы тормышына шактый сизелерлек үтеп керә. Әдәбият, фән, дин өлкәсендә гаять зур урын тотканга, гарәп теле мәктәп-мәдрәсәләрдә төп укыту предметларының берсе, югары сыйныфларда исә укыту теле булган. Гарәп теленә шушындый зур әһәмият аны өйрәтү эсбапларын эзерләү, төрле сүзлекләр төзү ихтыяжын тудырган. Мәкаләбездә без лексикография фәненең югары

үсеш алган чорында төзелеп нәшер ителгән гарәпчә-татарча басма сүзлекләргә кыскача күзәтү ясадык.

Борынгырак чорларда гарәп сүзләренең мәгънәләрен аңлау өчен кулъязма лөгәт китаплары, китап читендәге кыска-кыска аңлатмалар яки тәржемәләр рәвешендәге хашияләр төзелсә, соңрак татарлар гарәпчә-төркичә, башлыча госманлы төрек теле сүзлекләреннән файдалана башлыйлар. Мәсәлән, К(И)ФУның сирәк китаплар фондында Хажы Бәйрәм бин Хажы Булатның шактый яхшы сакланган 296 битлек кулъязма сүзлегә саклана [Арабско-тюркский словарь 1581]. И.Ш. Әүхәдиев бу сүзлекнең госманлы төрек теленә нисбәтле булуын ассызыклай [Авхадиев 1965: 343–357].

Төзелү принципларына нигезләнеп, басма сүзлекләргә ике төргә аердык.

Тәржемәле сүзлекләр. Тәржемәле сүзлекләр үзләре күләмнәренә карап *тулы типтагы* һәм *дифференциаль типтагы* ике төргә аерыла.

Тулы типтагы гарәпчә-татарча сүзлекләр. Бу төр сүзлекләр гарәп теленең барлык сүз байлыгын колачлауны һәм аларның татарча эквивалентларын тәкъдим итүне максат итеп куя. Хронологик тәртиптә караганда, бу төр сүзлекләрдән иң алда Мөслихеддин Мостафа бин Шәмседдин әл-Карахисариның «Әхтәри кәбир» хезмәте тора. Югарыда әйтелгәнчә, татарлар арасында госманлы төрек телендәге сүзлекләр кулланышта йөргән. «Әхтәри кәбир» («أحترى كبير») дө шундыйлар исәбеннән. Ул Истанбулда 1827, 1840, 1876 елларда басылып чыккан [İslâm Ansiklopedisi 1941: 228]. Татарлар арасында да зур ихтыяж булганлыктан, Казанда да күп тапкырлар нәшер ителгән. Безгә аның 1886, 1899, 1902, 1903 елгы басмалары мәгълүм. Сүзлек алфавит тәртибендә төзелгән. Баш сүзләрдән соң алардагы хәрәфләрнен нинди хәрәкә белән кулланылганы сүз белән язылган.

Совет хакимияте урнашып аякка баса башлауга, татарлар ике мәртәбә алфавитны алмаштырырга мәжбүр була. Моның белән генә дө туктап калмыйча, дини, милли хәрәкәтләрнең көчәю ихтималын сәбәп итеп, гарәп хәрәфләре белән язылган ифрат күп язма чыганаclar юк ителә. Моңа Ж. Валиди төзегән, ләкин нәшер итеп өлгермәгән «Татар теленең тулы сүзлеген» кулъязмаларын юкка чыгару ачык мисал булала. Бүгенге экспедицияләр вакытында юк ителгән кайбер язма чыганаclarның шәхси кулларда сакланып калган нөсхәләре табылгалый. Мәсәлән, күптән түгел ТР Милли китапханәсе хезмәткәрләре тарафыннан 1912 елда Оренбургта нәшер ителгән «Китап әл-лөгәт» табылды («كتاب اللغات»). Бу ике кисәктән гыйбарәт гарәпчә-татарча сүзлекнең гомуми күләме 140 биттән артык. Сүзләренң бирелеш тәртибе алфавит тәртибендә дө, тематика буенча да түгел. Нинди системага нигезләннгән без ачыккый алмадык. Бу сүзлекнең, аерым бер әсәр өчен төзелеп, шуңа кушымта буларак әзерләнүе дө ихтимал.

Шул ук 1912 елда Казанда Т. Ильясиның «Әл-Мөфид. Гарәпчә-татарча мөкәммәл лөгәт китабы»ның беренче томы басылып чыга («المفيد. عربيه-تاتارچه مکمل لغت کتابی»). Бу том әлиф – жим хәрәфләрен генә эченә алса да, эшләнеше белән дө, күләме белән дө гарәпчә-татарча сүзлекләр арасында аерым урын алып тора. Сүзләр алфавит тәртибендә бирелгән. Күп кенә терминологик характердагы берәмлекләренң хәтта русча тәржемәләре дө тәкъдим ителгән. Сүзлекнең авторы Таһир Ильяси 1903 елда, «Мөхәммәдия» мәдрәсәсен тәмамлагач, Гарәбстанга һәм Мисырга китә. Анда ул гарәп теленең тарихы, диалектлары һәм яңа әдәби гарәп теле буенча шактый күп материал туплый. Шулар нигезендә ул күптомлык гарәпчә-татарча һәм татарча-гарәпчә сүзлекләр төзөргә керешә. Бу күптомлыclarның фәкәт телгә алынган беренче томы гына бастырылган. Автор сүзлекләргә төзеп бетергән булса да, билгесез сәбәпләр аркасында башка томнар нәшер ителмичә калганнар һәм аларның кулъязмалары да югалган дип санала [Әхмәтжанов 2010: 167–170].

Г. Ибраһимов исем. ТӘҺСИНең Мирасханәсендә «Каталог кий, описанные в июле–августе 2001 г. сотрудниками группы рукописей и текстологии в библиотеке КФТИ по договору» дигән 1300 артык карточкалар жыелмасы саклана. Бу каталогта «Гарәпчә-татарча мөкәммәл лөгәт китабы» дигән сүзлек карточкасы да бар. 744 битлек бу сүзлек 1917 елда Казанда нәшер ителгән булган. Ни кызганыч, бу каталогтагы китапларның берсе дө КФТИ (хәзерге КазФУ) китапханәсендә табылмады. Алар барысы да юк ителгән, дип уйлайбыз.

1930 еллардан башлап ислам диненә һәм гарәп язуына каршы пропаганда һәм эзәрлекләүләр көчәнгәннән соң, тулы типтагы гарәпчә-татарча сүзлекләр төзелүдән туктый, белгечләр саны кими. Совет чорында гарәп теленә бәйле сүзлекләр төзелми. Шактый озак вакыттан соң, фәкәт 2016 елда гына, мондый сүзлекләр төзү традициясе давам иттерелеп, безнең тарафтан эзерләннгән «Дини текстларга гарәпчә-татарча сүзлек» дөнья күрдө. Моңарчы нәшер ителгән сүзлекләрдән аермалы буларак, бу белешмәлектә баш сүзләр абсолют алфавит тәртибендә түгел, тамырларына карап алфавит тәртибендә, ягъни оялап

урнаштырылган. Лөгатьлек буларак В.Ф. Гиргасның «Словарь к Арабской хрестоматии и Корану» хезмәтенә төзәтеләп яңадан бастырылган «Арабско-русский словарь к Корану и хадисам» сүзлегенә нигез итеп алынган. Берникадәр яңа сүзләр дә өстәлгән. Тематик яктан чикләнгән булса да, күләме ягыннан бу хезмәт тулы типтагы сүзлекләр рәтендә саналырылык. Ул эчәнә 14 000 чамасы сүзгә ирешкән.

*Дифференциаль типтагы гарәпчә-татарча сүзлекләр*нең лөгатьлегенә аерым бер дифференциаль билгегә карап сайлана. Аларда телнең барлык сүзләрен чагылдыру максат итеп куелмый. Гарәп теле катнашкан бу типтагы сүзлекләр, башлыча, уку-укыту максаты белән төзелгән хезмәтләр, шунлыктан аларга сүзләр чикле күләмдә алынган.

Галимжан Барудиның «Лөгате сәляс. Си зәбан. Өч тел» («لغات ثلاث. سه زبان. اوچ تيل») дигән хезмәте – гарәпчә-фарсыча-татарча сүзлек. Ул ике бабка бүленгән. Беренче бабы, үз чиратында, ун фасылдан гыйбарәт. Бу фасылларда сүзләр тематик төркемнәргә берләштерелгән: кеше әгъзасының атлары, кеше төрләренең атлары, хайван гөрүллары, сулар һәм аңа монасыб шәйләр, күк нәрсәләре һәм вакытлар, киём вә өй жиһазы, исеме күрсәтелмәгән фасыл (авыл, шәһәр ише географик атамалар белән алтын, бакыр ише материаллар бирелгән), ашлар вә емешләр, рәвешләр, саннар. Икенче «Кагыйдәләр бабы» грамматик терминнарга багышланган. Сүзлеккә яқынча 700 сүз кертелгән. Сүзлек күп мәртәбәләр бастырылган. Беренче тапкыр 1893 елда нәшер ителгән, шуннан соң 1897, 1902, 1907, 1911, 1916 елгы басмалары билгеле. Шулай ук сүзлекнең ике кулъязма варианты да саклана: берсе ТӘҺСИнең Мирасханәсендә, берсе Н. Лобачевский исемендәге китапханәдә [Гилязутдинов 2011: 157–158].

Хәбирә Насырийянең «Мүлтәктат әл-лугат нам фарси-гарәби һәм төрки лөгате» («مُلْتَقَاتُ اللُّغَاتِ نَامِ فَارْسِي-عَرَبِي هَمْ تَرْكِي لُغَاتِي») 1902 елда нәшер ителгән. 100 биткә дә тулмаган бу өч телле сүзлектә алфавит тәртибдә бирелгән фарсы сүзләренең гарәпчә һәм татарча тәржемәләре тәкъдим ителгән. Гарәп сүзләренең хәрәкәләре дә күрсәтелгән. Сүзлек укыту процессында кулланма буларак төзелгән һәм иң еш очрый торган лексиканы эчәнә алган, дип уйлыйбыз.

Алынма сүзләр сүзлекләре. Мондый төр сүзлекләрнең максаты – әдәбиятта очраган аңлаешсыз алынмаларның тәржемәләрен биру яки аларны аңлату. Күпчелек очракта бу сүзлекләр гарәп сүзләрен генә түгел, фарсы, рус, госманлы төрек һәм башка телләрдән кәргән сүзләренә дә туплап бирә, әмма күпчелек вокабулаларны гарәп алынмалары тәшкил итә.

Бу төр сүзлекләр арасында беренчеләрдән 1911 елда Уфада Сәлимгәрәй Жантуринның «Лөгат» («لُغَات») нәшер ителгән. Сүзлектә татар әдәбиятында еш очраган «гарәби, фарси һәм берәз госманлы сүзләре» теркәлгән, һәр сүзгә чыганақ теле күрсәтелгән. Сүзләр алфавит тәртибдә бирелгән. Күләме – 466 бит.

С. Жантуринныкы белән бер үк вакытта диярлек төзеләп, 1912 елда Казанда күп кенә сүзлекләр төзүдә актив катнашкан һәм үзе дә берничә сүзлек төзөгән Габбас Сәйфуллинның «Кечек лөгат» («كچك لغت») дигән хезмәте басылып чыга. Төзүче, баш сүзләрен алфавит тәртибдә биреп, сүзлеккә «әдәбиятымызда мөстәгъмәл гарәби, фарси вә яурупалылар сүзләренә жамигъ лөгат китабыдыр» дип атый. 112 битлек актив кулланышта йөргән авыр аңлаешлы сүзләренә мәгънәләрен ачыклаган. Безнеңчә, сүзлектә «яурупалылар» алынмаларына аерым игътибар бирелгән.

Шул ук Габбас Сәйфуллинның (Сәйфинә) 1917 елда Казанда нәшер ителгән «Мәктәп лөгате» («مکتب لغتی») күләме зур түгел, ләкин анда мәктәп дәрәсләрендә очраган, шулай ук гарәп теле дәрәсләрендә кулланылган сүзләр тупланган. Бу сүзлектә төп урынны гарәп сүзләре алып торса да, анда төрек һәм фарсы телләреннән кәргән берәмлекләр дә шактый.

Совет чорында һәм Совет чорыннан соң кабат нәшер ителәп һаман да актуальлеген жуймаган К. Хәмзин, М. Мәхмүтов һәм Г. Сәйфуллиннарның «Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлегенә» (1965, 1993, 2018) XIII гасыр шагыйрә Кол Галидән башлап хәзергә чор әдипләренә эсәпләреннән, шулай ук төрле дәрәсләкләрдән, элекке чор вакытлы матбугат битләреннән тупланган сүзләр алынган. Бу үзенә шактый тулылыгы белән башкалардан аерылып торган белешмәлек гарәп һәм фарсы телләреннән алынып иске яки хәзергә татар телендә кулланышта йөргән сүзләр чагылдыралар. Сүзлекнең баш сүзләре гәмәлдәге язубелән алфавит тәртибдә бирелгән, шул ук вакытта гарәпчә һәм фарсыча язубышлары да күрсәтелгән.

Ж. Зәйнуллинның 1994 елда нәшер ителгән «Шәрык алынмалары сүзлегенә» күләме ягыннан зур түгел. Анда шулай ук гарәп һәм фарсы алынмалары барланган, ләкин сүзләренә оригинал телдәге язубышы бирелмәгән.

Шулай итеп, татар лексикографиясендә гарәпчә-татарча сүзлекләр шактый зур урын алып тора. Әлеге мәкаләдә без шуларның 12 сәнә тукталдык. Аларның күпчелеге Совет хакимияте урнашканчы төзелгән. Ни кызганыч, заманында гарәп язучылары бихисап китап максагачан рәвештә юк ителгән. Алар арасында басма һәм кулъязма сүзлекләрен булу ихтималы да зур. Фәнни экспедицияләр вакытында Татарстанның һәм Россиянең татарлар күпләп яшәгән төрле төбәкләрендә сирәк очрый торган кайбер китаплар табылып тора. Шуңа күрә киләчәктә гарәпчә сүзлекләрен саны артырга да мөмкин. Икенче яктан архивларда һәм төрле фондларда инде табылган, ләкин тасвирланмаган, шул сәбәпле фәнни әйләнешкә кертелмәгән чыганаclar да күп. Алар арасында да гарәпчә сүзлекләрен килеп чыгуы мөмкин. Хәзерге чорда ешрак гарәпчә-русча сүзлекләр кулланылса да, турыдан-туры гарәпчәдән татарчага тәржемәләр тәкъдим иткән сүзлекләргә дә ихтыяж бар.

ӘДӘБИЯТ

Авхадиев И. Ш. Арабско-тюркский словарь XVI века // Вопросы татарского языкознания. Кн. 2. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. – 456 с.

Арабско-тюркский словарь XVI века: рукопись, 1581. 144 с. // Фонд отдела редких книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского. В4417.

Әхмәтжанов М. Таһир Ильяси // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2010. – № 3/4.

Гилязутдинов С.М. Персидско-татарские литературные связи (X – начало XX в.). – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2011. – 211 с.

Зайнуллин Г.Г. Проблемы современной арабско-русской и арабско-татарской лексикографии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 115–119.

İslâm Ansiklopedisi, C. 1. – İstanbul, Maarif, 1941.

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**И.В. Силантьев, Н.Н. Широкова, И.Я. Селютина,
А.Р. Тазранова, Е.Н. Кузьмина**

Институт филологии СО РАН является единственным за Уралом отечественным научным учреждением, совмещающим все основные направления фундаментальной филологии. Взаимодействие и интеграция филологов разных направлений является уникальной особенностью Института. К настоящему времени сложились следующие основные направления работы Института в области тюркологии: лексикография, этимология, экспериментальная фонетика, синтаксис, описательная и историческая грамматика и история языков Сибири и Дальнего Востока, фольклористика. Лингвистическим обследованием охвачены все языковые семьи, представленные на территории Сибири – алтайская, уральская, тунгусо-маньчжурская, чукотско-камчатская и один из изолированных языков – кетский. В области фольклористики Институтом филологии СО РАН разрабатывается крупный долгосрочный проект, связанный с подготовкой и изданием академической 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Ключевые слова: Институт филологии СО РАН, тюркология, языки и фольклор народов Сибири и Дальнего Востока.

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences is the only domestic scientific institution beyond the Urals that combines all the main areas of fundamental philology. The interaction and integration of philologists of different directions is a unique feature of the Institute. To date, the following main areas of work of the Institute in the field of Turkology have emerged: lexicography, etymology, experimental phonetics, syntax, descriptive and historical grammar and history of languages of Siberia and the Far East, and folklore studies. The linguistic survey covers all language families represented in Siberia – Altai, Ural, Tungus-Manchu, Chukotka-Kamchatka, and one of the isolated languages – Ket language. In the field of folklore, the Institute of Philology of the SB RAS is developing a major long-term project related to the preparation and publication of the academic 60-volume series «Monuments of the folklore of the peoples of Siberia and the Far East».

Keywords: Institute of Philology SB RAS, Turkic studies, languages and folklore of the peoples of Siberia and the Far East.

Институт филологии СО РАН является единственным за Уралом отечественным научным учреждением, совмещающим все основные направления фундаментальной

филологии. Взаимодействие и интеграция филологов разных направлений является уникальной особенностью Института.

К настоящему времени сложились следующие основные направления работы Института в области тюркологии: лексикография, этимология, экспериментальная фонетика, синтаксис, описательная и историческая грамматика и история языков Сибири и Дальнего Востока, фольклористика.

Лингвистическим обследованием охвачены все языковые семьи, представленные на территории Сибири – алтайская, уральская, тунгусо-маньчжурская, чукотско-камчатская и один из изолированных языков – кетский.

Первым крупным проектом, в котором в 1970-е гг. участвовали филологи Института, было социолингвистическое обследование языковой ситуации у народов Сибири и Дальнего Востока, проводимое под руководством чл.-корр. АН СССР Валентина Александровича Аврорина. По специально разработанной анкете были обследованы все народы Сибири и Дальнего Востока. Полученные материалы позволили доказать наличие прямой зависимости успешности обучения от того, на каком языке начинал учиться ребенок. Только использование родного языка с постепенным переходом на русский давало хорошие результаты. При другом подходе возникало массовое второгодничество и дети нередко бросали школу, не получив даже начального образования. Итоги обследования легли в основу докладных записок, направленных в национальные округа, в Отдел по развитию экономики и культуры народов Крайнего Севера Совета Министров РСФСР с целью исправить принципиально неверный подход к роли родных языков малочисленных народов в системе школьного образования. Главные итоги этого обследования были представлены в монографии В.А. Аврорина «Проблемы изучения функциональной стороны языка».

После приезда в Академгородок Елизаветы Ивановны Убрятовой (1963 г.) в Институте активно развивается изучение тюркских языков, в первую очередь синтаксиса.

Майя Ивановна Черемисина, опираясь на теорию тюркского синтаксиса, разработанную Е.И. Убрятовой на материале якутского языка, привлекла для исследования широкий круг сибирских языков.

Синтаксис стал одним из фундаментальных направлений филологических исследований института, сложилась новосибирская синтаксическая школа, с которой тесно сотрудничают группы лингвистов-исследователей из других НИИ и вузов Сибири. Этот неформальный коллектив, ядро которого составляют сотрудники сектора языков народов Сибири, занят исследованием разных сторон синтаксических систем языков Сибири. Результаты исследований на материале тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языков показали, что их синтаксические механизмы глубоко сходны между собой и качественно отличны от европейских. Особенность сибирской синтаксической школы в том, что представление сложных синтаксических конструкций дается в виде моделей как особых языковых единиц. Языковой единицей считается элементарное простое предложение как алгоритм построения конкретных речевых фраз.

Система глагольных форм исследуемых языков тесно связана с синтаксической типологией, с синтаксическим строем, это определило развитие работ по изучению морфологии глагола и падежной системы, а модельное описание синтаксиса заставило обратиться к глагольной семантике, поэтому одним из направлений работы является изучение морфологии глагола, падежной семантики и лексики исследуемых языков.

Методика, разработанная на материале тюркских языков, показала свою объяснительную силу при исследовании морфологических, синтаксических систем в самодийских, тунгусо-маньчжурских и кетском языках, где установлены и описаны структурно-функциональные расхождения и типологические схождения в указанных языках.

В монографии «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе» [Сложность языков 2018] подведены итоги объективной сложности на примере отдельных алтайских, уральских и чукотско-корякских языков. Оценивается сложность фонетического, морфологического, лексического и синтаксического ярусов. Установлено, что между сложностью некоторых подсистем языка может наблюдаться отрицательная корреляция, а в разных частях языковой системы – компенсаторность. Процессы упрощения на одном ярусе языка могут сопровождаться соответствующим усложнением другого.

В рамках теории сибирской синтаксической школы защищено более 70 диссертаций, опубликованы десятки монографий и сотни статей. Авторитет школы поддерживается на высоком уровне специалистами, которые разделяют ее основные теоретические положения.

На материале лексики и грамматики выявлены наиболее устойчивые связи между языками Сибири (алтайский – хакасский языки), а также связи тюркоязычного ареала Сибири с тюркскими языками других регионов (алтайский – киргизский, казахский, татарский языки). Это позволило построить последовательность контактов и определить источники тюркизации языков Сибирского ареала.

Большой вклад в изучении языковых ареалов вносит «Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» [2017], где представлены данные по двум самодийским (ненецкому и селькупскому) и двум финно-угорским (хантыйскому и коми-зырянскому) языкам, бытующим на данной территории. На картах отражаются зоны распространения отдельных лексических явлений в этих языках, в описаниях к картам даются комментарии по поводу специфики каждого из этих языков в соответствующей области. В атласе представлена информация по следующему семантическому блокам: название народностей, терминология родства, обозначение частей тела человека, бытийные, акциональные и стальные глаголы, лексика, связанная с оленеводством и традиционным ведением хозяйства, лексика, обозначающая предметы традиционного быта, фауна, флора, обозначение сторон света, лексика, обозначающая предметы окружающего мира, явления природы, цветообозначения, качественно-оценочная лексика. Приводятся данные о социолингвистической ситуации в регионе.

Становление новосибирской научной школы ознаменовалось крупномасштабным исследованием звуковых систем языков Сибири силами Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) в составе Института филологии. Фронтальное исследование различных аспектов звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов аппаратными методами проводится впервые как в России, так и за рубежом. Активнее всего разрабатывается тюркская фонетика. Результаты опубликованы в 45 монографиях и многочисленных статьях. Большим достижением является составление «Атласа консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири» [2013].

С 2009 года в лаборатории используют в исследованиях цифровой рентгенограф, магнитно-резонансный томограф и ларингограф. Использование новейшей высокоточной аппаратуры позволило установить, что в сибирских языках фиксируется относительная индифферентность голосовых связей при речепроизводстве на фоне высокой артикуляторной активности надсвязочных органов речи — надгортанника, корня языка и задней стенки фаринкса. С напряженной работой гортанно-глоточного отдела речевого тракта коррелирует также наличие фарингализованных и нефарингализованных вокальных и консонантных единиц фонического или фонологического уровня в ряде южносибирских тюркских языков и, более того, функционирование так называемого глоточного сингармонизма в тувинском языке.

В области фольклористики Институтом филологии СО РАН разрабатывается крупный долгосрочный проект, связанный с подготовкой и изданием академической 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Ответственным за реализацию проекта является сектор фольклора народов Сибири, координирующий работу авторских коллективов ряда других научных институтов, вузов, центров народного творчества всей Сибири, Дальнего Востока и европейской части России, включая работу ведущих ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Чебоксар, а также ученых из Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси.

Основная цель Серии – фиксация, публикация и изучение самобытного культурного достояния народов сибирско-дальневосточного региона, многие из которых стремительно утрачивают родной язык в меняющемся современном мире. Концепция Серии основана на подходе к фольклорному явлению как синкретическому феномену, органично вобравшему в себя реалии духовной и материальной жизни. Поэтому в подготовке томов задействованы усилия специалистов разных областей: фольклористов, этномузкологов, этнографов, лингвистов, культурологов. Достижения мультимедийной технологии активно внедряются в подготовку томов, тем самым расширяя возможности демонстрации публикуемых фольклорных образцов на CD и DVD.

С 1990 г. начался планомерный выпуск томов. Из 60 объявленных в Серии томов на сегодня опубликованы 34 книги, объем которых составляет в среднем от 21 до 45 печатных листов (от 300 до 750 страниц). Изданы произведения устного народного поэтического творчества, отражающие многообразие жанров: это героический эпос, сказки, песни, обрядовый фольклор, мифы, легенды и предания алтайцев, бурят, долган, манси (вогулов), нанайцев, ненцев, русских, тувинцев, удэгейцев, шорцев, эвенков, якутов (саха). В этом ряду фольклор тюрков Сибири опубликован в 17 книгах. В целом в Серии запланирова-

но издание 26 книг, посвященных крупным фольклорным жанрам тюркского фольклора. То есть фольклору тюрков отведено самое большое количество томов из других монгольских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, финно-угорских и других переселенческих народов Сибири и Дальнего Востока.

Структура серии организована таким образом, что фольклор каждого этноса составляет отдельный национальный корпус, в котором представлены тома, знакомящие с определенным жанром. Например, алтайский фольклорный корпус состоит из 5 книг, в которых публикуются героический эпос, сказки, песни, обрядовая поэзия и несказочная проза. Из них опубликованы 3 книги: героический эпос, сказки и несказочная проза.

Такое же количество томов и жанров в блоке фольклора тувинцев и хакасов. Из 5 томов фольклора тувинцев изданы 3 книги: героические сказания, сказки и несказочная проза, в хакасском фольклорном блоке также опубликованы 3 книги: героический эпос «Ай-Хуучин», сказки и том мифов, легенд и преданий.

Якутский фольклорный корпус включает 6 томов, опубликовано из них 5 книг: героический эпос в двух книгах, сказки, обрядовая поэзия, несказочная проза.

Фольклорный корпус шорцев состоит из 2 книг, обе опубликованы. Также издан однотомник «Фольклор долган» и готовится к публикации «Фольклор тофаларов». Сибирская серия примечательна тем, что в ней каждому фольклорному жанру отводится отдельный том, что дает возможность увидеть в полноте все разнообразие, богатство и бытование произведений. В отсутствие полных коллекций архивных записей и невозможности фиксации современных образцов формируются однотомники, в которых публикуются отдельные тексты сохранившихся жанров. Такими предстают уже названные «Фольклор долган», «Фольклор тофаларов», «Фольклор сибирских татар» и «Фольклор чувашей». Последний том относится к переселенческому фольклору, и его содержание, естественно, будет соотноситься с фольклором метрополии.

В подготовительной работе большая роль отводится национальным кадрам, носителям той культуры, которая демонстрируется в конкретном томе. Поскольку Серия нацелена на всеохватность фольклора, сохранение традиционного наследия народов, презентацию духовных достижений конкретного этноса, то знатоки фольклора, носители национальных языков всемерно содействуют тому, чтобы в томах представляли лучшие высокохудожественные произведения в адекватном русском переводе с сохранением этнической специфики и образного смысла словесных памятников.

Состояние современного фольклора, стремительно уходящего вместе с его носителями, эдичионные принципы, реализуемые в Серии, требуют энергичной и активной полевой работы. Уникальность Серии заключается, прежде всего, в представлении в наши дни живого фольклора во всем его многообразии. Сектор фольклора с момента его создания (1983 г.) и до сего дня успел провести свыше 50 комплексных фольклорно-этнографических экспедиций по разным уголкам Сибири, Севера и Дальнего Востока. Серия открыта для включения в ее состав новых томов, если позволяет объем фольклорных коллекций.

ЛИТЕРАТУРА

Кошкарева Н.Б., Кашкин Е. В., Коряков Ю.Б., Казакевич О.А., Буркова С.И., Муравьев Н.А., Будянская Е.М. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / под общей редакцией Н.Б. Кошкаревой. – Калининград, 2017. – 256 с.

Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Эсенбаева Г.А., Добринина А.А., Рыжикова Т.Р. Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. – Новосибирск: НГУ, 2013. – 352 с.

Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / отв. ред. А.А. Мальцева; Рос. акад наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – Новосибирск: Изд-во «Гео», 2018. – 422 с.

ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В СЛОВАРЯХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (на примере имен существительных)

Ф.И. Тагирова

Статья посвящена одной из наиболее острых проблем тюркской лексикографии – проблеме фиксации сложных слов. Здесь представлены результаты анализа словарей тюркских языков с точки зрения принципов их лексикографирования. Нами рассматривались наиболее широко распространенные и общие для большинства тюркских языков модели

сложных слов. Также анализировались различные их виды с точки зрения их орфографии.

Ключевые слова: сложное слово, словари, тюркские языки, принципы лексикографии.

The article is devoted to one of the most acute problems of Turkic lexicography – the problem of fixation of complex words. Here are the results of the analysis of dictionaries of Turkic languages from the point of view of the principles of their lexicography. We considered the most widespread and common for most Turkic languages models of complex words. Also were analyzed the different types from the point of view of their orfography.

Keywords: compound word, dictionaries, Turkic languages, principles of lexicographically different-temporal dictionaries.

Проблема фиксации сложных слов в словарях является едва ли не самой острой из проблем практической лексикографии, так как связана с целым рядом существенных теоретических и практических вопросов, требующих конкретного решения. В некоторых работах мы уже затрагивали проблему размещения различных типов сложных слов в словарях татарского языка и других тюркских языков [Тагирова 1993: 87–96; 2001: 7–10; 2005: 36–64]. Анализ словарей тюркских языков с точки зрения принципов фиксации различных видов сложных слов подтверждает это. Нами рассматривались словари наиболее полного типа, толковые и переводные. В первую очередь нас интересовали следующие вопросы:

- как оформлен тот или иной вид сложных слов, так как слитное или раздельное написание определяет их место в словаре;
- насколько последовательно осуществляется тот или иной принцип подачи в пределах одного словаря;
- насколько изменились принципы фиксации сложных слов в словарях последних лет по сравнению с предыдущими словарями;
- каковы принципы отбора сложных единиц для включения в словарь в качестве вокабулы и др.

Для наглядности и убедительности рассматривались наиболее широко распространенные и общие для большинства тюркских языков модели сложных слов.

Как показывает анализ, некоторые модели сложных слов в большинстве тюркских языков пишутся слитно, поэтому в словарях представлены в виде самостоятельных вокабул. Речь в первую очередь идет о словах с атрибутивным отношением компонентов. Это, например, сложные слова, образованные по моделям сущ. + сущ. (изафет I типа), прил. + сущ., числ. + сущ. и др.:

каз.: *асқазан* (букв. пища котел) ‘желудок’, *атқонақ* (букв. конское просо) ‘тимофеевка луговая’? *арпаиөп* (букв. ячмень трава) ‘дикий ячмень’, *көкекиөп* (букв. кукушкина трава) ‘кукушник’, *көкжөтел* (букв. синий кашель) ‘коклюш’;

узб.: *буйинбоғ* (букв. шейная веревка) ‘галстук, шарф, ошейник’, *буриқуз* (букв. волчий глаз) ‘боярышник’, *буригул* (букв. волчий цветок) ‘барвинок’, *қулхунар* (букв. ручная профессия) ‘ремесло, рукоделие’;

алт.: *колмылтык* (букв. ручное ружье) ‘пистолет’, *колплат* (букв. ручной платок) ‘носовой платок’ *балбакбаиш* (букв. широкая голова) ‘подкаменщик сибирский’, *акбаиш* (белая голова), ‘белоголовник’, *жоонмойын* (толстая шея) ‘хорёк’, *көккат* (голубая ягода) ‘голубика обыкновенная’;

хак.: *алтынсарых* (букв. золотая сторона) ‘север’, *ахкиик* (букв. белая коза / косуля) ‘олень’ и т.д.

В некоторых языках, например, казахском, карачаево-балкарском, узбекском, зачастую оформляются слитно слова данных моделей, состоящие из трех корней:

каз.: *көкбасгүл* (букв. синеголовая трава) ‘синяк’, *көкбасшөп* (букв. синеголовая трава) ‘котовник мелкоцветный’ и т.п.

Однако речь не идет о том, что в вышеперечисленных языках все подобные единицы оформлены одинаково. Речь идет об устоявшейся тенденции, однако существуют исключения, даже в пределах одного языка. А в некоторых языках, например, в тувинском, эти модели по традиции продолжают писаться через дефис, хотя по статусу являются собственными сложными словами:

тув.: *кызыл-өзек* (букв. красная сердцевина) ‘таволга’, *кара-чүве* (букв. черное существо) ‘медведь’, *кара-гараа* (букв. черное просо) ‘темное просо’, *кара-гал* (букв. черная ива) ‘чернотал’, *кызыл-думчук* (букв. красный клюв) ‘галка’, *кызыл-карак* (букв. красный глаз) ‘волк’ и т.п.

В алтайском, хотя и есть исключения, приведенные выше, также преобладает дефисное написание данных моделей:

А в хакасском и турецком языках преобладает раздельное оформление:

тур.: *çatal ağız* (букв. вилка (раздвоенный) рот) ‘дельта реки’, *çatal ayak* (букв. вилка (раздвоенный) нога) ‘сошка (подставка у оружия)’;

хакал.: *кундур тас* (букв. конопляный камень) ‘асбест’, *күл хурт* (букв. зольный червь) ‘тля’, *көк наар* (букв. синяя грудь) ‘синяк’, *көк нас* (букв. зеленая голова) ‘синица’, *хызыл наар* (букв. красная грудь) ‘снегирь’, *сарыг наар* (букв. желтая грудь) ‘синица’, *сарыг палых* (букв. желтая рыба) ‘осётр, стерлядь’ и др.

Сложные слова с объектным отношением компонентов чаще всего оформлены слитно в большинстве тюркских языков, например:

тур.: *yağmurölçer* (букв. дождь измеряющий) ‘дождемер’, *ışıkölçer* (букв. свет измеряющий) ‘светоизмеритель’, *kurtboğan* (букв. волка удушающий) ‘название растения’, *dalgakıran* (букв. волну ломающий) ‘волнолом’, *kurşungeçirmez* (букв. свинец не пропускающий) ‘бронированный’;

узб.: *тошкесар* (букв. камень режущий) ‘каменотёс’, *бурибосар* (букв. волка давящий) ‘волкодав’ и т.п.

В некоторых языках также существует тенденция слитного оформления сложных слов по модели изафета второго типа:

тур.: *kediyacağı* (букв. кошачья нога) ‘название растения’, *kurtbağrı* (букв. волка нутро) ‘название растения’, *külkedisi* (букв. зольная кошка) ‘непривлекательная женщина’, *kur-tağzı* (букв. волчья пасть) ‘название детали’, *kuşkanadı* (букв. птичье крыло) ‘дифтерия’;

каз.: *көкекоты* (букв. кукушкина трава) ‘черногорка, горицвет’;

узб.: *ишбоши* (букв. дела голова) ‘глава, заводила’;

аз.: *элэмгабы* (букв. пера коробка) ‘пенал’ и др.

Считаем, что данная тенденция усиливается, так, в Толковом словаре турецкого языка 1988 года ряд слов, например, *peri bacası* (букв. чертова нога) ‘геогр. столбы’, оформлен раздельно, а в новых, 2005 и 2011 годов – слитно: *peribacası*.

Анализ словарей выявил некоторые недостатки при фиксации сложных слов, на наш взгляд, влияющие на их качество. Из очевидных можно указать следующие:

– размещение одной единицы в разных написаниях:

каз.: *көз айнек* и *көзайнек*;

тув.: *кара суг* и *кара-суг*;

– непоследовательность в отборе и фиксации в качестве вокабулы:

каз.: *атқонақ* (букв. конское просо) ‘тимOFFеевка луговая’ – самостоятельная вокабула;

итқонақ (букв. собачье просо) ‘щетинник, чумиза’ – во фразеологии статьи *қонақ*;

– размещение раздельнооформленного сложного слова в разных словарных статьях, то по первому компоненту, то по второму, то в обоих сразу:

каз.: *көз ... ~ айнек* с.м. *көзайнек* (по первому компоненту);

жөтел ... ; көк ~ коклюш... (по второму компоненту);

к-балк.: *нарат ... кызыл ~ тис* (по второму компоненту);

– подача без специальных знаков и помет, наряду с иллюстративными примерами:

каз.: *көк ~ коклюш*; *құрғақ ~ сухой кашель*;

– подача без специальных знаков и помет, наряду с фразеологическими единицами:

хакал.: *наар ... көк наар* (букв. синяя грудь) ‘синяк’, *хулах ... чир хулах* (букв. ухо земли) ‘медведь’ и т.д.

В тюркских словарях последних лет наблюдается еще одна негативная тенденция: в них в качестве вокабулы включаются сверхсловные единицы, не обладающие признаками слова. Здесь не подразумеваются общеупотребительные составные слова или составные термины, которые были и в словарях предыдущего поколения. Мы имеем в виду единицы, не подпадающие под эту категорию. Например, в одном из последних изданий толкового словаря турецкого языка некоторые вокабулы по их статусу относятся к терминологическим словосочетаниям: *ince ünlü* (букв. тонкий гласный) ‘гласный звук переднего ряда, мягкий гласный’, *yaşlılık sigortası* (букв. старости страховка) ‘пенсионная страховка’, *yaş sınırı* (букв. лет граница) ‘возрастной ценз’ и т.п., которые от обычного свободного синтаксического сочетания отличаются только своей функцией, т.е. это те же словосочетания. Другие словосочетания типа *geçiş önceliği* (букв. прохода приоритет, преимущество) ‘первоочередность при проходе куда-л.’, *geçiş üstünlüğü* (букв. прохода приоритет, преимущество) ‘первоочередность при проходе куда-л.’, *güzellik enstitüsü* (букв. красоты институт) ‘институт красоты’, *güzellik yarışması* (букв. красоты соревнование) ‘конкурс

красоты', *güzellik salonu* (букв. красоты салон) 'салон красоты' и т.п., хоть и являются более или менее устоявшимися, однако остаются теми же регулярными синтаксическими образованиями. Кроме того, в качестве вокабул фиксируются и идиоматизированные единицы типа *kara gün dostu* (букв. черного дня друг) 'друг, всегда выручающий из беды', *kara haber* (букв. черная весть) 'горестная весть', *gece kuşu* (букв. ночная птица) 'полуночник, тот кто ходит ночью, не спит ночью', *gecenin köründe* (букв. в слепоту ночи) 'в самую темень' и т.п. Такой более чем либеральный подход к отбору фиксируемых единиц нам представляется неоправданным. Хотя, к чести турецких ученых, надо признать, что не все они согласны с таким положением. На VIII Международном конгрессе Турецкого лингвистического общества активно дискутировался этот вопрос. Такая же картина наблюдается в алтайских словарях: *jürük байрам* 'праздник кедра', *jürüm судалы* 'дерево жизни', *jürümин килебей* 'не жалея жизни' *иштег чыгар-* 'уволить с работы' и т.п.

В общем, в моделях сложных слов тюркских языков, в принципах их орфографирования и фиксации в словарях много общего. В то же время в каждом языке найдутся свои оригинальные, свойственные только ему модели. Например, тур.: *dediği dedik* (букв. сказанное им – сказанное) 'стоящий на своем, держащий слово, настойчивый', *dedikodu* (букв. сказал – оставил) 'слухи, пересуды', *vurdumduymaz* (букв. я ударил – он не чувствует) 'бесчувственный', *unutmabenî* (букв. не забудь меня) 'незабудка', *soyaçekme* (букв. к роду приращение) 'наследственность', *mirasyedi* (букв. наследство съел) 'мот', *olabilir* (букв. быть может) 'возможный'; узб.: *тебедеойнар* (букв. на крыше играющий) 'ягненок', *сууичмес* (букв. воды не пьющий) 'овца 6–7 лет', *устабузармон* (букв. умело испорчу) 'горе-мастер' и пр. Поэтому речь не идет о едином принципе орфографии для всех моделей и для всех языков. Здесь подразумевается только необходимость соблюдения принципа единообразия при подаче в словарях сходных единиц.

В целом, такая картина типична для всех тюркских словарей и примеры могли быть приведены из любого из них. По нашему мнению, последовательность и системность в подаче сложных конструкций важна не сама по себе, просто из принципа, или из соображений экономии места. Она в первую очередь важна с точки зрения удобства пользователя. Задача же лексикографии заключается не только в закреплении и хранении информации, но и в предоставлении этой информации носителям языка в наиболее удобной им форме. С этой точки зрения словари татарского языка, составляемые в последние годы, предстают в более выгодном свете. Татарские лексикографы имеют представление о существовании подобных недочетов и работают над их исправлением. подача сверхсловных единиц по первому компоненту в последние десятилетия осуществляется на практике довольно строго. В настоящее время при составлении Толкового словаря татарского языка в 6 томах отфильтровываются единицы, ошибочно включенные в более ранние словари в качестве сложных слов или фразеологических единиц. Постепенно упорядочиваются и вопросы подачи, связанные с раздельным и слитным написанием сложных слов.

Кроме субъективных причин, таких как некомпетентность, несоблюдение единых принципов при отборе и размещении и т.п., приводящих к неточностям, непоследовательности, бессистемности, дисбалансу, существуют и объективные причины, усложняющие решение проблемы фиксации сложных слов в словарях тюркских языков. Они сводятся в конечном итоге к решению двух теоретических вопросов – разграничению сложных слов и сходных конструкций и унификации правописания различных структурных разновидностей сложных слов хотя бы в пределах одного языка. Хотя, как показывает сравнительный анализ, в значительной степени это реально осуществимо и в пределах тюркских языков вообще.

ЛИТЕРАТУРА

- Азербайджанско-русский словарь. Т. I. Баку: ЭЛМ, 1986. – 576 с.
 Азербайжан дилинин изаһлы лүгәти. Т. IV. – Баку: Елм, 1987. – 544 с.
 Азербайжан дилинин орфография лүгәти. – Баку: Елм, 1975. – 598 с. Азербайджанско-русский словарь. Т. II. Баку: ЭЛМ, 1989. – 596 с.
 Алтайско-русский словарь. – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
 Балакина О.Н., Дедеева В.С. Алтайско-русский словарь, 1-е издание, – Горно-Алтайск: РОО «Лепта», 2015. – 168 с.
 Бутанаев В.Я. Русско-хакасский словарь. Петропавловск: Полиграфия, 2011. – 940 с.
 Қазақ тілінің орфографиялық сөздігі. Алматы: Ғылым, 1978. – 480 с.
 Казахско-русский словарь. Алматы: Дайк-пресс, 2002. – 1008 с.
 Карачаево-балкарско-русский словарь. Москва: Русский язык, 1989. – 832 с.
 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Т. I. Алматы: Ғылым, 1974. – 695 б.
 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Т. VI. Алматы: Ғылым, 1982. – 623 б.

- Орфографиялык сөздик / Алтыншы басылым. Кұраст.: Н. Уәли, Қ. Күдеринова, А. Фазылжанова, Ж. Исаева, Н. Әміржанова, А. Әмірбекова. – Алматы: Дәуір, 2013. – 720 б.
- Русско-хакасский словарь / под ред. Д.И. Чанкова. Москва: Государ. изд-во иностранных и национ. словарей. – 1961. – 968 с.
- Тагирова Ф.И. Лексикографирование и орфографирование сложных слов татарского языка. – Казань, 2005. – 128 с.
- Тагирова Ф.И. О подаче сложных имен существительных в татарских словарях // Проблемы лексикологии и терминологии татарского языка. – Казань, 1993. – 125 с.
- Тагирова Ф.И. О Принципах подачи сложных имен в словарях тюркских языков // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань: Фикер, 2001. – 104 с.
- Толковый словарь тувинского языка. Т. II. Новосибирск: Наука, 2011. – 798 с.
- Турецко-русский словарь. – Москва: Русский язык, 1977. – 966 с.
- Türkçe sözlük. 10 baskı. Ankara: Türk dil kurumu yayınları, 2005. – 2244 s.
- Türkçe sözlük. 11 baskı. Ankara: Türk dil kurumu yayınları, 2011. – 2763 s.
- Türkçe sözlük. С. I. С. II. Ankara: Türk dil kurumu yayınları, 1988. – 1679 s.
- Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Икки томли. Т. I. / Мағруфов З.М. ред. – Москва: Рус тили, 1981. – 632 б.
- Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Икки томли. Т. II. / Мағруфов З.М. ред. – Москва: Рус тили, 1981. – 715 б.
- Узбекско-русский словарь. М.: Государ. изд-во иностранных и национ. словарей, 1959. – 839 с.
- Хакасско-русский словарь / под ред. Н.А. Баскакова. Москва: Государ. изд-во иностранных и национ. словарей, 1953. – 488 с.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАРНЫХ ГЛАГОЛОВ В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.Н. Телицин

Древнетюркская лексика представляет собой огромный пласт общетюркской лексики, которая является предметом многочисленных исследований. Одним из сложных вопросов изучения древнетюркской лексики можно назвать вопрос интерпретации парных слов. Для древнеуйгурского языка, в отличие от других зафиксированных в памятниках древнейших тюркских языков, характерны парные слова модели «имя-имя», «глагол-глагол» и т.п., интерпретация которых вызывает определенные вопросы.

Ключевые слова: парные слова, древнеуйгурский язык, тюркские языки, лексика.

Old Turkic vocabulary is a huge layer of common Turkic vocabulary, which is the subject of numerous studies. One of the difficult issues of studying the Old Turkic vocabulary is the question of the interpretation of pair words. For the Old Uyghur language, in contrast to other recorded in the Old Turkic monuments, the paired words of the model «name-name», «verb-verb» etc., are characteristic, the interpretation of which raises certain questions.

Keywords: pair words, Old Uyghur language, Turkic languages, vocabulary.

Изучение языка древнейших тюркских памятников позволяет лучше понять современное состояние строя тюркских языков, определить тенденции их развития. Наряду с исследованиями по морфологии, синтаксису, семантике важным направлением следует признать проведение и лексикологических изысканий. Древнетюркская лексика представляет собой огромный пласт общетюркской лексики, которая является предметом многочисленных исследований.

Одним из сложных вопросов изучения древнетюркской лексики можно назвать вопрос интерпретации парных слов (биномов) [Наделяев 1988: 35].

По мнению А.Н. Кононова под парными словами понимаются сложные слова, образующиеся путем сложения двух слов и, в зависимости от лексического значения и формы компонентов, приобретающих семантику собирательности, обобщения, экспрессивности или стилистической модификации наличных в компонентах лексических значений [Кононов 1960: 135–138]. Такие сочетания следует признать характерными для тюркских и монгольских языков, в которых «обе исходные основы находятся в общем семантическом поле, сложная основа в одних случаях имеет более отвлеченное значение, в других – большую собирательность, иногда – сумму их значений» [Наделяев 1988: 35].

По поводу причины появления и функционирования парных слов, их значений в тюркских языках исследователи высказывают различные точки зрения. Так, например, «главной причиной» их образования признается «смешение языков родственных племен и народов» [Ганиев 2009: 100]. Изучению функций и значений парных слов посвящены

многочисленные работы, в которых по большей части рассматривается семантический и структурный аспект. Выводы в основном сводятся к предположению о том, что их значение складывается из значения каждого компонента, в результате чего наблюдается общая семантика, собирательность, интенсивность и т.п.

Разобраться в данном вопросе, на наш взгляд, позволит изучение древнетюркской лексики. Наибольший интерес представляют собой тексты памятников, в которых зафиксирован язык токуз-огузских племен, более известный как древнеуйгурский. Становление и начало развития литературного древнеуйгурского языка связывают с периодом существования Уйгурского каганата (744–840 гг.) и принятием уйгурской знатью манихейства. Именно этот факт и следует, видимо, считать если не началом развития собственно уйгурского письма, то, по крайней мере, его широким распространением, поскольку с насаждением манихейства, по всей видимости, получило свое дальнейшее развитие и уйгурское письмо, которое наравне с манихейским письмом использовалось в их религиозной общине на обширной территории Центральной Азии. Подтверждается это самым ранним произведением уйгурицей – «Покаянная молитва манихейцев» («Хуастуанифт»), датированная V в. н.э. Традиционно считается, что данное произведение является переводом с древнеперсидского или древнегреческого языка на уйгурский. Однако, по мнению В.В. Радлова, текст написан на хорошем тюркском языке и не обнаруживает признаков перевода. По другим данным, начальный этап связывается с переводом сутры «Нирванасутра» (ориентировочно VI в.), а расцвет – на IX–XIII вв. Большинство из дошедших до нас памятников – переводы с согдийского, тохарского, китайского языков и санскрита религиозных, в большей степени буддийских, произведений, меньше встречается переводов манихейских и христианских произведений.

В.В. Радловым были опубликованы многочисленные памятники древнеуйгурского письма, к которым относятся перевод на древнеуйгурский язык буддийской сутры *Tiṣṭavustik*, сутры *Suvarnaprabhāsa* («Золотой блеск»), *Kuan-ši-im Pusa* (25-я глава китайской версии сутры *Saddharmapundarīka* («Лотос доброго закона»), документы первой немецкой экспедиции А. Грюневельда (1902–1903 гг.) в количестве 46 отрывков, знаменитая *Xuāstūānīft* («Покаянная молитва манихейцев»), это уйгурский текст сутры *Sāki* *Yūkmāk* и многие другие.

Изучение лексики именно таких памятников позволяет вскрыть первопричины возникновения тех или иных тенденций развития тюркских языков как древних, так и современных.

В древнеуйгурском языке следует отметить ряд парных слов, которые наиболее ярко иллюстрируют все нюансы функционирования таких образований.

bu savlar öz köñülçä qaryşmaq jarşmalaşmaqlıq üzä işlägülik bulıyuluq ärmäz (ВТТ II (195–197) «Эти слова нельзя по собственному усмотрению применять и использовать (?) для сравнения и сопоставления (?)).

В этом примере мы наблюдаем две пары (извините за тавтологию. – *Н.Т.*) «парных глаголов»: *qaryş- jarşmalaş-* и *işlä- bul-*, при рассмотрении которых возникают значительные трудности с точки зрения взаимосвязей компонентов.

qaryş- jarşmalaş-

Первый компонент (глагол *qaryş-*) и известен по многим памятникам и встречается в текстах со следующими смыслами: «смешиваться, сжиматься, встречаться, сталкиваться, вступать в схватку, враждовать и т.п.».

Для глагола *jarşmalaş-* исследователями отмечены несколько смыслов:

– «*sich anpassen*» (ВТТ II) – адаптироваться, конкурировать; адаптировать, корректировать, приспособлять и т. д. vs.

– «*Äquivalent von jing 競* (эквивалент 競) – соревноваться, состязаться, конкурировать и т.д. (VATEC (Vorislamische Alttürkische Texte: Elektronisches Corpus))

– «соревноваться» (Тугушева).

Учитывая то, что глагол *jarşmalaş-* представляет собой форму субъективной оценки глагола *jarş-* ~ *jarış-* [Телицин 2017: 87], и редко встречается в памятниках, напрашивается вывод о том, что в паре *qaryş- jarşmalaş-* основную «лексическую нагрузку» несет первый компонент, а второй подобран по соответствующему смыслу в данном контексте.

Если принять во внимание данное умозаключение, то тогда можно по-иному интерпретировать и другие зафиксированные в памятниках пары глаголов: используемые в таких сочетаниях глаголы имеют разное «значения», но подбираются по смыслам, которые в данном контексте коммуникатом воспринимаются схожими. Особо следует отметить, тот факт, что основную «лексическую» нагрузку несет первый компонент. Такое

«распределение ролей» отслеживается во многих глагольных аналитических сочетаниях, состоящих из основного и вспомогательного глагола.

jaq- japsyn- (Suv 240 22), ilin- japsyn- (Suv 148 15), ört- kizlä- (Suv 138 2), ört- köšit- (ТТ X 36), qarış- qavış- (ТТ VI 324), qatıl- qavış- (Suv 132 11), qatıl- qarıl- (МК, QB) и т.д.

При анализе приведенных и других многочисленных примеров можно предположить, что подобные сочетания глаголов, во-первых, использовались для передачи схожих по смыслу действий, значения которых не были тождественными, с целью передачи «образности» излагаемых явлений действительности. Во-вторых, используемые глаголы не могли создавать парные сочетания с одними и теми же глаголами. Например, qarış- qavış- и qatıl- qavış- отмечены в текстах памятников, а пары qatıl- с глаголом qarış – не встречается, равно как qatıl- qarıl- отмечены, а qavış- в сочетании с qarıl- – нет.

ЛИТЕРАТУРА

Ганиев Ф.А. Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке. – Казань: Тан Дим, 2009. – 264 с.

Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.

Наделяев В.М. Современный монгольский язык. Морфология. – Новосибирск: Наука, 1988. – 113 с.

Телицын Н.Н. К вопросу о формах субъективной оценки в древнеуйгурском языке // Актуальные вопросы тюркологических исследований: Международная научная конференция XIX Ивановские чтения, 19 мая 2017 г.: Материалы конференции / под ред. Н.Н. Телицына. – СПб.: Центр содействия образованию, 2017. – С. 87–90.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАТАРСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

А.А. Тимерханов, К.С. Фатхуллова

Статья посвящена анализу содержания электронного *Татарско-русского картинного словаря*, который разрабатывается коллективом специалистов, включая авторов статьи, с целью внедрения в учебный процесс. Он может стать надёжным вспомогательным учебным пособием при развитии лексических навыков обучающихся, а также служить увлекательным источником полезной информации для всех тех, кто интересуется татарским языком, культурой и современной жизнью татар. Словарь основан на тематическом принципе и содержит более 2-х тысяч наиболее активно употребляемых в ситуациях повседневного общения слов, выражений и речевых формул. Электронный словарь является практическим пособием, предназначенным для обеспечения запоминания лексических единиц по самым ранообразным темам и использования их в общении. Формирование лексических умений обучающихся предполагает не только учёт языковых сведений структурного характера, но и знание ситуативных, социальных и контекстуальных правил, которых придерживаются носители языка.

Ключевые слова: татарский язык, электронный словарь, активная лексика, устойчивые сочетания, речевые формулы.

The article is devoted to the analysis of the content and structure of the Tatar-Russian picture electronic dictionary, which is being worked out by a group of authors in order to introduce it into the teaching and educational process. It might become a reliable support textbook for the development of students' lexical skills, as well as serve as a fascinating source of useful information for all those interested in the Tatar language, culture and modern life of the Tatars.

The dictionary is based on the thematic principle and contains the words, expressions, and speech formulas that are most actively used in everyday situations. The electronic dictionary is a practical tool designed to memorize lexical units on diverse topics and use them in oral and written communication. The formation of students' lexical skills involves taking into account structural information about the language as well as the knowledge of situational, social and contextual rules that native speakers adhere to.

Keywords: the Tatar language, electronic dictionary, active vocabulary, stable combinations, speech formulas.

В современной лингвистике язык рассматривается как структура, состоящая из разных уровней, каждый из которых характеризуется собственным набором языковых знаков.

На лексическом уровне функционируют такие единицы, как слова, фразеологизмы и другие устойчивые сочетания, клише, этикетные и речевые формулы [Гальскова 2008: 287]. С учетом того, что главная цель изучения татарского языка в образовательных организациях различного типа и ступени заключается в развитии устной и письменной речи обучающихся, владение активной лексикой в плане семантической точности, синонимического богатства, адекватности и уместности ее использования полностью служит реализации этой цели. В процессе изучения татарского языка обучающиеся должны усвоить значения и формы лексических единиц и уметь использовать их в различных ситуациях устной и письменной речевой коммуникации, т.е. овладеть навыками лексического оформления порождаемого высказывания при говорении и письме, а также научиться понимать их при чтении текстов различных жанров.

Использование современных технологий способствует интенсификации учебно-го процесса, повышению его качества и результативности, так как обучающиеся имеют возможность доступа к ним в любое время и в любом месте, где есть выход в Интернет [Фатхуллова 2016: 208]. На сегодняшний день в просторах Интернет имеется множество различных электронных образовательных ресурсов, в том числе электронных словарей, с привлечением материала татарского языка, в которых представлены сведения по фонетике, лексике, грамматике татарского языка, о культуре и национальных особенностях татар [Электронный татарско-русский и русско-татарский словарь; Электронный фонд словарей]. Они различны по объему, по содержанию, задачам обучения, тем не менее являются самыми востребованными средствами, так как наиболее экономичны в отношении затрат времени на применение; разнообразны в плане подачи изучаемого материала, позволяют оперативно находить и извлекать необходимую информацию. В настоящее время коллективом авторов разработан и готовится к вводу в использование электронный *Татарско-русский картинный словарь*, в котором представлено около 2300 лексических единиц татарского языка с переводом на русский язык. Они распределены по 28 крупным тематическим группам, которые объединяют более 80 мелких тематических разделов. В отличие от многих других аналогичных разработок, особенность данного словаря заключается в том, что он иллюстрирован с помощью современной компьютерной графики, выделяется яркой палитрой красок. Темы отобраны с учетом как возрастных особенностей обучающихся, так и их интересов и потребностей. Диапазон тем, представленных в словаре, весьма широк. Наряду с традиционными темами «Школа», «Семья», «Дом. Квартира», «В магазине», «Праздники», «В городе», «Природа», «Растительный мир», «Животный мир», «Спорт и отдых», «Профессии», «Виды транспорта», в нём представлены такие общие тематические разделы, как «Континенты», «Моря и океаны», «Города и страны» и т.д. Иллюстрации лексических единиц по этим темам могут быть использованы на уроках татарского языка для беспереводной семантизации изучаемых слов, так как этот способ развивает догадку, формирует ассоциативные связи, создавая тем самым основу для эффективного усвоения лексического материала и стимулируя языковую коммуникацию.

Особый интерес для пользователей, на наш взгляд, представляют следующие темы: «Тюркский мир», «Национальное искусство», «Татарские национальные блюда», «Национальная одежда», «Национальные и религиозные праздники», «Рыбалка», «Охота», «Лошадь», «Получение меда», «Приготовление бэляша» и др. Они раскрывают национальные особенности повседневной жизни татар, их обычаи и традиции. В них содержится в ограниченном объеме также диалектная лексика, отражающая определённый региональный лексический колорит носителей татарского языка. Немалое место отведено безэквивалентной лексике, призванной передать через яркую визуализацию национально-культурные уникалии татарского народа. Каждая тема дополнена речевыми образцами, знакомство с которыми направлено на практическое усвоение лексических единиц.

Еще одна особенность картинного электронного словаря заключается в наличии в конце каждой тематической группы перечня пословиц, примет, скороговорок. В приложении к словарю приведен список наиболее распространённых у татар мужских и женских имён, каждое из которых употреблено в речевых ситуациях в рамках тех или иных тем. Весь этот материал может быть успешно использован на уроках татарского языка и литературы для развития у обучающихся этнокультурных знаний и умений, а также творческих возможностей.

В зависимости от этапа обучения и уровня языковой подготовки обучающихся материалы картинного словаря могут быть включены в систему заданий, предназначенных для развития умений и навыков использования лексических единиц в основных видах речевой деятельности: в аудировании, говорении, чтении и в письме.

Как известно, национальный язык – это источник неиссякаемого богатства, который хранит жизненный опыт народа, его традиции, поэзию, науку, все его особенности. Поэтому каждый народ обязан и стремится заботиться о сохранении, развитии своего родного языка, о его распространении и признании в мире. Самое значимое – это обеспечение условий для передачи родного языка из поколения в поколение, ибо сохранение языка неразрывно связано с сохранением народа, процветанием нации. Следовательно, каждый человек, который изучает свой родной язык, говорит на своем родном языке, совершенствует свои знания и умения с помощью различных электронных и иных образовательных ресурсов, вносит свой посильный вклад в решение этой важной задачи. Вот почему актуально разрабатывать и внедрять в современную учебно-образовательную практику электронные средства обучения, иные интерактивные ресурсы, благодаря которым удаётся существенно повысить как мотивацию обучающихся к изучению и овладению родным языком, так и эффективнее выстраивать сам процесс обучения языку в строгом соответствии с методическими требованиями, а также с учётом реальных коммуникативных потребностей обучающихся. Такие издания пользуются большой популярностью не только среди обучающихся, но и среди широких слоев населения, проявляющих интерес к своей истории, культуре.

В заключение следует подчеркнуть: Республика Татарстан – это регион с естественной полилингвальной средой, что предполагает уделение большого внимания вопросам языковой политики, языкового образования и лингвокультурной подготовки обучающихся. Такое внимание находит отражение в инициировании и реализации новых интересных и полезных проектов, связанных с изучением национальных языков, прежде всего татарского языка. Этому способствует, во-первых, активное развитие компьютерных технологий, во-вторых, повышение интереса к тюркским языкам. Все это вселяет надежду, что знакомство со словарем позволит обучающимся получить представление о многих сторонах жизни татарского народа и побудит их к изучению татарского языка. Уверены, пользователи, интересующиеся татарским языком, национальной культурой, жизнью и бытом современных татар, их исторической родиной – Республикой Татарстан, а также в известной мере тюркских народов, обнаружат в этом словаре необходимые сведения. Таким образом, электронный *Татарско-русский картинный словарь* будет служить не только углублению лексических знаний пользователей, но и совершенствованию их коммуникативных и социокультурных умений и навыков, повышению лингвокультурной компетентности.

«Человек начала 3-го тысячелетия может выжить и сохранить мир, покой вокруг себя только при условии, если он будет понимать и слышать тех, кто его окружает, а умение слушать и слышать надо учиться, в первую очередь, через наши языки» [Салимова, Тимерханов 2012: 95].

ЛИТЕРАТУРА

Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 336 с.

Салимова Д.А., Тимерханов А.А. Проблемы би- и полилингвизма в аспекте современного языкового образования в Республике Татарстан // Гуманитарные науки и образование. – № 3 (11). – С. 92–95.

Фатхуллова К.С., Мухаметзянова Л.Р. Интернет-технологии в обучении тюркским языкам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 10 (64). – Ч. 3. – С. 206–208.

Электронный татарско-русский и русско-татарский словарь [Электронный ресурс]. URL:<http://tatar.com.ru/e-slovar.php> (дата обращения: 20.06.2019).

Электронный фонд словарей [Электронный ресурс]. URL:<http://suzlek.antat.ru/indexR.php> (дата обращения: 20.06.2019).

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ

Е.В. Тюттешева, О.Ю. Шагдурова

Статья посвящена обзору современных лексикографических работ тюркских языков Сибири. Основное внимание уделяется переводным и толковым словарям. Рассматриваются некоторые особенности периода сибирской тюркской лексикографии с 2000 по 2019 гг., вопросы и задачи, встающие перед составителями современных словарей. В этот период наблюдается выход большого количества словарей разного типа,

издание больших академических словарей, сравнительных многоязычных словарей, словарей и словников миноритарных языков, ранее считавшихся диалектами. Трудности современного лексикографического описания тюркских языков Сибири связаны, в частности, с проблемой нормирования языка, включением диалектных слов. Разные авторы решают эту проблему по-разному. В настоящее время для сибирских тюркских языков необходимы комплексные, наиболее полные словари с электронным звучащим вариантом, включающие в себя лексику разных стилей и сфер употребления с соответствующими пометами, а также грамматическую и функциональную информацию.

Ключевые слова: лексикография, тюркские языки Сибири, переводные словари, толковые словари.

The following article offers an overview of modern works on Siberian Turkic lexicography; particular attention is paid to translated and explanatory dictionaries. We analyze certain traits of Siberian Turkic lexicography between 2000 and 2019, as well as issues and goals pursued by modern dictionary creators. During this period, many dictionaries were released, including big academic dictionaries, comparative multi-language dictionaries, dictionaries and vocabularies of minor languages (which had been previously viewed as dialects). Problems of modern lexicographic description of Siberian Turkic language stem from, among other things, the problem of language norm and the status of dialect words. Various authors approach this problem in different ways. Nowadays, Siberian Turkic languages require full, complex dictionaries (with digital audio versions), including words belonging to different styles and fields of usage, with appropriate labels, as well as grammatical and functional information.

Keywords: lexicography, Siberian Turkic languages, translated dictionaries, explanatory dictionaries.

В сибирской тюркологии период, начиная со второй половины 90-х годов и особенно с 2000 года отмечается всплеском лексикографических и лексикологических работ. Выпущено большое количество словарей разных типов – это словари, отражающие современное состояние лексики того или иного тюркского языка Сибири: национально-русские, русско-национальные, толковые двуязычные словари, идеографические, включающие слова тех или иных тематических или лексико-семантических групп, словари синонимов, омонимов, фразеологические, терминологические. Вышли авторские топонимические словари хакасского, алтайского и тувинского и якутского языков [Бутанаев 1995, Ондар 2004, Молчанова 2018, Багдарьын Сүлбэ 2019]. Издано два авторских этимологических словаря [Татаринцев 2000–2008; Попов 2003].

Со времени создания первых нормативных двуязычных (национально-русских и русско-национальных) словарей по тюркским языкам Сибири прошло более полувека. Объем национально-русских словарей по тюркским языкам Сибири (алтайскому, хакасскому, тувинскому, якутскому) составлял от 10000 до 25000 слов: 10000 слов в «Ойротско-русском словаре», 14000 слов в «Хакасско-русском словаре», 22000 слов в «Тувинско-русском словаре», 25000 слов в «Якутско-русском словаре». Большим количеством лексики отличались русско-национальные словари: 22000 слов в «Русско-тувинском словаре», 28500 слов в «Русско-якутском словаре», 31000 слов в «Русско-хакасском словаре», 33000 слов в «Русско-алтайском словаре».

Что касается таких миноритарных языков, как шорский, язык сибирских татар, для них небольшие по объему (до 5000 слов) современные словари были выпущены в начале 90-х гг. XX в.: «Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой [1992], «Шорско-русский и русско-шорский словарь», составленный Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф.Я. Апонькиным. В 1995 г. был издан «Тофаларско-русский словарь» В.И. Рассадина, который впоследствии был дополнен автором и вышел в 2016 г. (16000 слов).

С 1990-х гг. после получения языками статуса государственных наряду с русским на территории соответствующих республик РФ стало очевидным, что имеющиеся словари перестали отвечать потребностям как носителей языков, так и исследователей, занимающихся изучением данных языков. Стало необходимо более полное отражение лексики именно современных литературных языков со всеми изменениями, произошедшими за последние десятилетия. Коллективы местных Научно-исследовательских институтов взяли за работу по созданию больших национально-русских и толковых двуязычных словарей. С начала 2000-х гг. один за другим стали появляться словари разного типа практически по всем тюркским языкам Сибири.

Количественный состав словарных статей, содержащихся в этих словарях, значительно увеличен по сравнению с прежними словарями. Так, «Ойротско-русский словарь» 1947 г. включает 10000 слов, «Алтайско-русский словарь» 2016 г. – 16000; «Русско-

алтайский словарь» 1964 г. содержит 33000 лексем, двухтомный «Русско-алтайский словарь» 2015–2016 гг. – 37000.

С 1990-х гг. после получения языками статуса государственных наряду с русским «наблюдается активное использование собственных языковых средств для номинации новых понятий, а также для замены некоторых уже прочно вошедших в язык русских заимствований» [Озонова, Тюнтешева 2017: 124]. Например, ср. различия в более раннем и позднем словарях: *хак. семья* [ХРС 1953: 185] – *сөбіре* 1) семья; 2) малолетние дети [ХРС 2016]; *танец* [РХС 1961: 844] – *теелбек* [ХРС 2006: 607], *плесет сал* = ‘танцевать’ (< рус. *плясать*) – *теелбектен* = [ХРС 2006: 607]. Среди новых слов есть как древние, общетюркские слова, так и монгольские заимствования: алт. *школ* [РАС 1964: 846] – *школ*, *сургал* [РАС 2016: 862; АРС 2018: 613] (< монг. *сургууль* ‘школа, учебное заведение’ [МРС 2001: 847]); *город, тура* [РАС 1964: 113] – *кала* [РАС 2016: 153] (ср. др.-т. *qala* ‘укрепленная часть города, цитадель; город’ [ДТС: 410]). Встречаются также лексемы, у которых появилось новое значение: алт. *машина* (транспорт) [РАС 1964: 289] – *көлүк* [РАС 2016: 464] (ср. др.-т. *kölük* 1) вьючное животное; 2) повозка < *köl* = ‘запрягать’ [ДТС: 314]); *хак. центр* [РХС 1961: 924] – *кин* 1) пуповина; 2) центр [ХРС 2006: 177].

Перед составителями словарей современных тюркских языков Сибири встают сложные вопросы, связанные с литературной нормой, с разграничением литературных и диалектных слов. При неустоявшихся еще нормах в сибирских тюркских языках, когда у носителей одного диалекта, положенного в основу литературного языка, одно и то же явление действительности обозначается разными словами, возникают трудности при определении границ нормативной лексики. Такие слова, в том числе и диалектные, встречаются также в художественной литературе. Должен ли словарь, будучи нормативным, максимально фиксировать существующую лексику, включать также диалектную лексику, какую именно и в каком количестве? С такими вопросами столкнулись алтайские коллеги при составлении «Алтайско-русского словаря» 2018 г. [Чумакаев 2018: 134]. Поскольку для составителей этого словаря важной являлась проблема нормирования языка, диалектная лексика отразилась в нем в очень ограниченном количестве. В «Хакасско-русском словаре» 2016 г. диалектная лексика с соответствующими пометами представлена широко, например: **орарга /ор-/ I** 1) рыть, копать; разрывать *что-л.*; 2) пахать; 3) *перен.* загрэбать *что-л.* (*напр.*, деньги, вещи); **орарга /ор-/ II** *саг.* ‘разделять тушу’; **орарга /ор-/ III** *кач.*, *кыз.* ‘жать; косить серпом’ [ХРС 2006: 311]. По словам создателей словаря, «иногда нет другого слова для обозначения данного понятия, кроме того, диалектизмы часто могут употребляться в новом лексическом значении. Они выполняют определенные стилистические функции и позволяют обогащать современный литературный язык» [ХРС 2006: 6]. Сложившаяся к настоящему моменту языковая ситуация требует наиболее полной фиксации лексики, как литературной, так и диалектной.

В новых словарях, помимо увеличения количественного состава словников, была проработана сама структура словарных статей, более полно представлена многозначность, синонимия и фразеологизмы. Большое внимание было уделено иллюстративному материалу, который включает примеры из художественной литературы и фольклора.

Важнейшим результатом многолетней работы сибирских тюркологов явились два толковых словаря – «Толковый словарь тувинского языка» под ред. Д.А. Монгуша (вышли т. 1 (2003), т. 2 (2011)) и «Толковый словарь якутского языка» под ред. П.А. Слепцова. Тувинский толковый словарь, к сожалению, является до сих пор незаконченным. После ухода из жизни Д.А. Монгуша, специалиста-языковеда широкого профиля, который являлся редактором и основным составителем словаря, работы временно приостановились. В настоящее время работа продолжена. Настоящим эпохальным событием для тюркских языков Сибири стал 15-томный академический нормативный «Толковый словарь якутского языка» (2004–2019). В словарь вошло более 66900 слов и фразеологизмов. Это первый и на данный момент единственный словарь такого объема по охвату лексики и информативности по одному из тюркских языков Сибири. В нем наиболее полно и всесторонне охвачена лексика якутского языка, языка художественной литературы от классиков национальной литературы до писателей молодого поколения и фольклорных произведений. Он отражает также общеупотребительную лексику разговорного языка, фонетические и морфологические варианты слов, вошедшие в литературный язык, фразеологизмы, парные и образные слова, которыми так богат якутский язык, что очень важно для расширения словарного запаса молодого поколения. Авторы включили также редко употребляющиеся или вышедшие из употребления устаревшие слова; диалектные слова, «представляющие интерес с точки зрения истории языка, этнографии или потенциальной возможности их

введения в литературный язык». Появлению такого словаря способствовала богатая лексикографическая история якутского языка (Словари О. Бётлингга (1849) и Э.К. Пекарского (1907–1930)).

В 1993 г. статус малочисленных этносов России получили чалканцы, кумандинцы, тубалары, телеуты, теленгиты, и их языки, которые считались диалектами, были включены в «Красную книгу языков народов России» [1994]. На этих языках стали публиковаться тексты, составлялись учебные пособия и словари. Так, в 1995 г. вышел «Телеутско-русский словарь» Л.Т. Рюминой-Сыркашевой, Н.А. Кучигашевой, в 2002 – «Русско-телеутский словарь» Л.Т. Рюминой-Сыркашевой, Н.М. Рюмина; в 2006 г. – «Русско-кумандинский словарь» М.Б. Петрушовой, В.М. Данилова, в 2008 г. – «Челканско-русский тематический словарь. Пособие для учащихся 1–4 классов общеобразовательных учреждений» О.Н. Пустогачевой. В 2013 г. в Германии был издан 1 том грамматики чалканского языка, включающий тексты на чалканском языке и чалканско-русско-немецкий словник. Он был подготовлен сотрудниками Сектора языков Сибири Института филологии СО РАН совместно с германскими коллегами из Гёте-Института (Франкфурт-на-Майне). Словник составлен на основе экспедиционных текстов сотрудников ИФЛ СО РАН, и опубликованных материалов Н.А. Баскакова [1985].

Важной особенностью рассматриваемого периода является также появление сравнительных многоязычных словарей, которые содержат лексику нескольких языков и диалектов с переводом на русский язык. В некоторой степени это возврат к старой традиции словарей, включающих лексику разных тюркских языков, как, например, «Опыт словаря тюркских наречий» В.В. Радлова [1893–1911], «Словарь алтайского и аладагского наречий», В.И. Вербицкого [1884]. В отличие от больших словарей тюркских языков конца XIX – начала XX вв., целью которых была наиболее полная фиксация тюркских языков, задача современных словарей, включающих несколько языков, – сравнение лексики, семантики близкородственных языков. Поэтому такие сравнительные лексикографические работы представляют собой словники или небольшие тематические словари, где параллельно приводятся лексемы разных тематических или лексико-семантических групп нескольких языков и / или диалектов и литературного языка с переводом на русский. При таком подходе выявляется общая лексика сибирских тюркских языков, сходство и различие семантики, что позволяет проследить связи этих языков, развитие их лексической системы. Это такие работы, как «Түндештирү сөзлик (чалканду ла куманды диалекттердин тилине тайанып тургускан)» («Сравнительный словарь, составленный на чалканском и кумандинском диалектах») Е.П. Кандараковой [1994], «Тематический словарь северных диалектов алтайского языка» (под ред. Н.А. Дьайым) [2004], М.Д. Чертыкова, А.Я. Салчак «Глаголы со значением поведения в хакасском и тувинском языках [2017], «Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая» [2013]. Идеографический словарь-справочник Чертыковой М.Д., Салчак А.Я. включает лексико-семантические варианты слов и фразеологизмы именно рассматриваемой лексико-семантической группы с разбивкой на подгруппы. В Приложении приведен список многозначных глаголов. Каждая словарная статья сопровождается иллюстративным материалом. «Материалы к сравнительному словарю...» содержат глагольную лексику трех лексико-семантических групп ряда миноритарных языков и диалектов северного Алтая, Кемеровской области и Хакасии (чалканского, кумандинского, тубаларского, шорского, шорского диалекта хакасского языка) и двух литературных языков (алтайского и хакасского).

Таким образом, в рассматриваемый период лексикография тюркских языков Сибири характеризуется созданием больших нормативных словарей, как двуязычных переводных, так и двуязычных толковых; изданием словарей по языкам малочисленных этносов; появлением сравнительных словарей, включающих лексику сразу нескольких языков и диалектов.

Лексикография, как и другие разделы языкознания, должна реагировать на меняющиеся условия и потребности общества. В настоящее время, несомненно, нужна как можно более полная фиксация лексики тюркских языков Сибири, включая диалектную, так как «диалектная лексика в младописьменных языках до сих пор служит источником пополнения их нормативного словарного состава и обогащения его стилистических возможностей» [Юлдашев 1972: 67]. Современные словари должны содержать лексическую, грамматическую и функциональную информацию (например, глагольное управление). Этого требует языковая ситуация при ухудшении языковой компетенции молодого поколения, когда для многих детей русский язык становится первым и основным. Для них недостаточным является простое знание слов на национальном языке, им необходимо учиться

правильно строить фразы, знать возможности сочетаемости лексем. Возникает необходимость в электронных словарях, сопровождающихся аудиофайлами с правильным произношением и видеофайлами с данными о культуре, традициях. Особенно актуально это для миноритарных языков, таких, как шорский, чалканский, долганский и др.

Таким образом, в настоящее время для сибирских тюркских языков необходимы комплексные, наиболее полные словари с электронным звучащим вариантом, включающие в себя лексику разных стилей и сфер употребления с соответствующими пометами, а также грамматическую и функциональную информацию.

ЛИТЕРАТУРА

Баскаков Н.А. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. – М.: Наука, 1985.

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.

Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: «Academia», 1994.

Озонава А.А., Тюттешева Е.В. Лексические и грамматические особенности алтайских переводов повести А.П.Чехова «Палата № 6» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2017. – Т. 16. – № 9. – С. 121–136.

Чумакаев А.Е. О принципах составления переводных словарей (на примере алтайско-русских и русско-алтайских словарей) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного алтайского ученого-лингвиста М.Ч. Чумакаевой, избранные труды и полевые материалы М.Ч. Чумакаевой. – Горно-Алтайск, 2018. С. 130–138.

Юлдашев А.А. Принципы составления тюрко-русских словарей. – М., 1972.

СЛОВАРИ

АРС 2018 – Алтайско-русский словарь / под ред. А.Э. Чумакаева. – Горно-Алтайск, 2018.

Абдина Р.П. Наименования традиционной хакасской одежды. – Абакан, 2011.

Ачимова А.А. Алтайско-русский словарь животного и растительного мира Горного Алтая. Ч. 1. Растения. – Новосибирск, 2007.

Багдарыын Сүлбэ. Словарь топонимной лексики Республики Саха: Местные географические термины и понятия. – Якутск: Бичик, 2019.

Бётлингк О. Якутско-немецкий словарь. – СПб, 1849.

МРС 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь. – М., 2001–2002.

Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995.

Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884.

Кандаракова Е.П. Түндештирү сөзлик (чалканду ла куманды диалекттердин тилине тайанып тургускан). – Горно-Алтайск, 1994.

Каскаракова З.Е. Словарь омонимов хакасского языка. – Абакан, 2009.

Кызласова И.Л., Чертыкова М.Д. Словарь синонимов хакасского языка. – Абакан, 2014.

Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая.

Под ред. Н.Н. Широковой, О.Ю. Шагдуровой. – Новосибирск, 2013.

Молчанова О.Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. В 2-х т. – Щецин, 2018.

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь / под ред. П.А. Слепцова. В 2-х т. – Новосибирск, 2002.

Ойротско-русский словарь / сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тошчакова. – М., 1947.

Ондар Б.К. Топонимический словарь Тувы. – Абакан, 2004.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Академия наук СССР. В 3-х т. 1907–1930.

Петрушова М.Б., Данилов В.М. Русско-кумандинский словарь. – Бийск, 2006.

Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. Ч. I. – Якутск, 2003.

Пустогачева О.Н. Челканско-русский тематический словарь. Пособие для учащихся 1–4 классов общеобразовательных учреждений. – Спб., 2008.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. – СПб., 1893, 1999, 1905, 1911.

РАС 1964 – Русско-алтайский словарь / под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1964.

РАС 2015 – Русско-алтайский словарь / под ред. А.В.Дыбо, А.Э. Чумакаева. Т. I. – Горно-Алтайск, 2015; Т. II. – Горно-Алтайск, 2016.

Рассадин В.И. Тофаларско-русский словарь. – М.: Издательский Дом «ЯСК», 2016.

Русско-тувинский словарь / под ред. А.А. Пальмбаха. – М., 1953.

Русско-тувинский словарь / под ред. Д.А.Монгуша. – М., 1980.

Русско-хакасский словарь / под ред. Д.И. Чанкова. – М., 1961.

Русско-якутский словарь / под ред. П.С. Афанасьева, Л.Н. Харитоновна. – М., 1968.

Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. Телеутско-русский словарь. – Кемерово, 1995.

Рюмина-Сыркашева Л. Т., Рюмин Н. М. Русско-телеутский словарь. – Кемерово, 2002.

Сунчугашев Р.Д. Словарь оронимов Хакасии (Географические названия). – Абакан, 2001. – 63 с.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. I. – Новосибирск: Наука, 2000; Т. II. – Новосибирск: Наука, 2001; Т. III. – Новосибирск: Наука, 2004; Т. IV. – Новосибирск: Наука, 2008.

- Тематический словарь северных диалектов алтайского языка / под ред. Н.А. Дьайым. Горно-Алтайск, 2004.
- Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д.А. Монгуша. Т. 1. – Новосибирск: Наука, 2003; Т. 2. – Новосибирск: Наука, 2011.
- Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. В 15 томах. – Новосибирск: Наука, 2004–2019.
- Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992.
- Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1968.
- Тукмачев Л.М., Тукмачева Е.И., Петрушова М.Б. Кумандинско-русский словарь. – Новосибирск, 2005.
- Тыбыкова А.Т., Пиянтинова К.К., Вуд. Г. Морфемный словарь алтайского языка / под ред. Л.Н. Тыбыковой. – Горно-Алтайск, 2005.
- ХРС 1953 – Хакасско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1953.
- ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь / под ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006.
- Чертыкова М.Д., Чугунекова А.Н. Лексико-семантические группы хакасских глаголов (глаголы говорения и движения): словарь справочник. – Абакан, 2013.
- Чертыкова М.Д. Лексико-Семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности). – Абакан, 2016.
- Чертыкова М.Д., Салчак А.Я. Глаголы со значением поведения в хакасском и тувинском языках. – Абакан, 2017.
- Чумакаев А.Э. Алтайско-русский фразеологический словарь. – Горно-Алтайск, 2005.
- Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Советская энциклопедия, 1972.
- Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 1: Texte und Glossar. Herausgegeben von marsel Erdal, Irina Nevskaya, Hans Nugteren und Monika Rind-Pawlowski. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2013.

ESKİ TÜRKÇE KUR'AN TERCÜMELERİNDE KUR'AN KAVRAMI

Suat Ünlü

Bilindiği üzere dini bir metni tercüme etmek, metin içinde geçen kavramlara ad vermek gerek dini yönden yanlış anlamlandırmalar ve anlamlandırmalar sonucu günaha girme korkusu gerekse de bir metni bir dilden başka bir dile tercüme etme dillerin yapıları içinde çok zor olduğundan, insanlar hep işin kolayına kaçarak daha çok tercüme edilen dilin kelimelerini kullanmayı tercih etmişlerdir. Bu çalışmada Türkoloji alanında büyük yer tutan dini metinlerden Eski Türkçe Kur'an tercümelerinde kavram/kavramların Kur'an örneğinde karşılıklarını tesbit ederek yeryüzünde çok eski zamanlardan bu yana geniş bir coğrafi alanda var olan Türkçenin bu kavramlara karşılık vermede ne kadar başarılı olduğun gösterebilmektir.

Anahtar kelimeler: Kur'an, Kitap, Hak, Eski Türkçe, Beşâr

As it is known, when translating a religious text into another language, direct citation is preferred because of the fear of misunderstanding and the difficulty of one-to-one translation between languages. In this study, the words which are included in the concept of the Quran in the old Turkish Quran translations, which is one of the most important texts in the field of Turkology, will be examined. In this way, it will be shown how successful Turkish is in meeting religious concepts.

Keywords: Quran, book, trust, Old Turkish, goodnews.

Giriş

Yüce Allah insanoğluna birçok nimet vermiştir. Bu verdiği nimetlerin yanında bir çok sorumluluk da yüklemiştir. İnsanoğlunun bu durum karşısındaki yegane görevi bu sorumlulukların karşılığını yerine getirmek ve nimetlere şükretmektir. İşte bu sorumlulukların karşılığını yerine getirmek ve verilen nimetlere de şükretmek içindir ki Allah Teâlâ Hz. Âdem (a.s.)dan beri insanlara birçok peygamber ve kitap göndermiştir. Bu durum Kur'an-ı kerimde şöyle ifade edilmektedir: *«İnsanlar bir tek ümmet idi. Allah peygamberleri, müjdeciler ve uyarıcılar olarak gönderdi; anlaşmazlığa düştükleri konularda insanlar arasında hükümsin diye o peygamberlerle birlikte gerçekleri içinde taşıyan kitabı indirdi»*¹. Allah'ın insanlara gönderdiği her peygamber kendi devrindeki insanların ihtiyaçlarını karşılamış Allah'ın emir ve yasaklarını anlatıp görevlerini tamamlamıştır. Bu dururm, son peygamber Hz. Muhammed (s.a.v.) ve onun getirdiği Kur'anla tamamlanmıştır.

Kitaplara iman, imanın altı şartından biridir. Hz. Peygamber imanının temelini altı şarta bağlamıştır. Allah'a, meleklerle, kitaplara, peygamberlere, öldükten sonra dirilmeye, cennet ve

¹ Bakara: 2/213

cehenneme, hayır ve şerin Allah'tan olduğuna iman etmektir. Kur'an, iman hususuna o kadar önem vermiştir ki, iman sahibi mü'minlerden bile imanlarında sebat etmelerini istemiştir. Bu durum Kur'an-ı Kerimde şöyle ifade edilmiştir: «*Ey inananlar, Allah'a, Elçisi (Muhammed)'e ve Elçisine indirdiği Kitab (Kur'an)'a ve daha önce indirmiş bulunduğu Kitablara iman edin*»¹. İfadesi bunun önemini yeterince ifade etmektedir.

Kur'an, Hz. Peygamber'e indirilen son kitap ve kendinden önce inen mukaddes kitaplara imandan söz etmektedir. Bu ifade biçimi «Resul (yani Muhammed (s.a.v.)'in kendisi), Rabb'inden kendisine indirilen (Kur'an)'a inandı, mü'minler de. Hepsi Allah'a, meleklerine, kitaplarına ve peygamberlerine inandı» buyrulmaktadır. Bu anlamda iman, Hz. Pygamber'den istendiği gibi, aynı zamanda mü'minler ve tüm insanlıktan da istenmektedir [Türk 2001: 42].

İnanan bir insan, hem Kur'an'ın hem de Kur'an'dan önce indirilen önceki vahiylerin yani sahifeler, Zebûr, Tevrât ve İncil'in asılları itibariyle Allah katından gönderilen kitaplar olduğuna inanmakla sorumludurlar. Zaten bu iman ve islâm'ın şartlarındandır. Ancak Müslüman, Kur'an'dan önce indirilen kitapların içeriğinden sorumlu değildir. Zira Kur'an, kendinden önceki kitapların büyük bir kısmını kaldırmıştır [Türk 2001: 42].

1. Kitab

Günümüzde kitap denilince, ister ciltli ister ciltsiz olsun basılmış ve bir araya getirilmiş kağıt sayfaları akla gelmektedir. Kitab, aslında ketebe fiilinin masdarıdır. Lugatta harfleri birbirine eklemek yani yazmak manasına masdar iken, sonraları örfte üzerine yazı yazılmış olan «mektup» mansasına isim olmuştur. Kitabın mahiyeti, manaya delalet eden nazm ve o mananın toplamıdır. Kitab lafzının esas anlamı, Nisâ 153. ayetinde olduğu gibi, üzerine yazılanlarla birlikte sayfaya verilen isimdir. Bunların dışında kitab lafzı, mektup, hokka/divit, Tevrât, farz, hüküm ve kader anlamlarına gelmektedir. Çoğulu «kütüb» gelir. Kitab lafzı, Kur'an'da ve Kur'an dışında daima «yazılı metin» anlamındadır. Bu mana, kitab kelimesinin esas manası olup, bir de Kur'an'da kullanıldığı kelimelerle alakalı olarak izafi mana taşımaktadır. Bundan dolayı Kur'an'daki kitab kelimesi, vahiy alanında Kur'an demektir. Allah (c.c.), Kur'an'ın en belîğ bir şekilde haber, kıssa ve ilimleri kendisinde topladığı için «kitab» isimini vermiştir [Türk 2001: 37].

2. Kur'an

2.1. Kur'an'ın Tanımı:

Kur'an'ın çeşitli şekillerde tanımları yapılmıştır. Bunlardan en geniş kapsamlısı Kur'an'ın, Melek Cebrail vasıtasıyla Hz. Peygamber'e vahiy yoluyla indirilmiş, Mushaflarda yazılmış, tevatürle nakledilmiş, okunmasıyla ibadet olunan kendine has özellikleri içeren Allah'ın kelimidir [Dumlu 1999:1].

2.2. Kur'an Kendini Nasıl İsimlendirmektedir:

Acaba Kur'an kendini nasıl bir kitap olarak tanımlamakta ve isimlendirmektedir. Şüphesiz ki onun en önemli ismi, Kur'an'dır. Ama bundan başka isimleri de vardır. Bunlar içerisinde Kur'an, Kitab, Zikir, Furkan ve Mesanî'yi sayabiliriz ve bunlar bizzat Kur'an'ın kendisine verdiği isimlerdir [Dumlu 1999:4].

Öncelikle Kur'an kendine Kur'an ismini vermektedir.» veya artır (buna ilave et yarısından ziyade kıl ve Kur'an'ı ağır ağır, güzel güzel oku)²

Kitab, Kur'an'da Tevrat ve İncil'e ad olarak verildiği gibi Kur'an'a da isim olarak verilmiştir. Aslında Kur'an'ın Kur'an ve Kitab diye isimlendirilmesinin iki önemli sebebi vardır. Kur'an ifadesi onun okunarak dilden dile nakledilmesine; Kitab ismi ile de yazılarak gelmesine birer işaret olarak kabul edilebilir. Furkan ismi ile, onun hak ile batılı ayıran bir özelliğe sahip olduğu fikrinin ihsas ettirilmesi amaçlanırken, diğer yönden akılla anlaşılabilen bir kitap olduğuna delalet etmektedir. Mesanî ise, Kur'an'ın ikişerli olarak meseleleri aktarmasıdır. Örneğin Allah Kur'an'da, Cenneti zikrettikten sonra Cehennem'i de zikreder. Yani iyi ile kötünün mukayesesinin yapılmasını ve böylece ibret alınmasını ister [Dumlu 1999: 5].

Kur'an kelimesinin türediği kök konusunda farklı görüşler vardır. Bu görüşleri kelimenin hemzesiz ve hemzeli olduğunu savunanlar olarak iki grupta ele almak mümkündür. Kur'an isminin hemzesiz olduğunu söyleyenler içinde yer alan İmam Şâfi'den rivayet edilen, başka ilim adamlarının da desteklediği birinci görüşe göre kelime harf-i tarifli «el-kurân» (الْقُرْآن) şeklindedir. Ve ne «kara'e (قَرَأَ) fiilinden ne de başka bir kökten türemiştir. Tevrat ve İncil gibi son din için gönderilen kitaba Allah tarafından verilen özel isimdir. On kıraat imamından İbn Kesir kelimeyi hemzesiz, diğerleri hemzeli olarak okurlar. Ebü'l Hasan el-Eş'arî ile birlikte bir grup

¹ Nisâ: 4/136

² Müzzemil: 73/6

âlîme göre kelime **karn** kökünden türemiştir ve bir şeyi diğer bir şeye yaklaştırmak, katmak anlamındadır. Yahyâ bin Ziyâd el Ferrâ ve Kurtubî ise kurân kelimesine kök olarak **karâ'îni** gösterirler. Çünkü Kur'an âyetlerinden bir kısmı diğerini tasdik etmekte ve âyetler birbirine benzemektedir [Fehd 2002: 383].

Hemzeli olduğunu söyleyen ikinci grub âlimler de «el-kur'ân» isminin «kara'e» fiilinden türeyen hemzeli bir kelime olduğu görüşündedir. Ancak bunlar arasında «kara'e» fiilinin masdarlarına göre «okumak», «toplamak» ve «açıklamak» anlamlarından hangisini ifade ettiği konusunda ihtilâflar vardır. Ancak İslâm vahyinin «ikra» (oku) buyruğu ile başlaması, Kur'an'da «kara'e» kökünün «okuma» anlamında on yedi yerde kullanılması, Kur'an'ın çok okunması ve tavsiye edilmesi gibi sebepler dikkate alındığında Kur'an isminin «okumak» anlamına gelen «kara'e» fiilinden türediğini kabul etmek daha doğru görünmektedir. Frantz Buhl ve A.T. Welch, pek çok batılı ilim adamının Kur'an kelimesinin Süryânîce'deki «yazı-metin okumak; kilisede yapılan ders» anlamlarındaki **kayrânâ** kökünden türediğini kabul ettiğini ifade ederler. «Kara'e»nin asıl kök anlamı itibariyle doğrudan «kıraat» ve «tilâvet» anlamına gelmediğini Arap dilcilerde belirtmektedir. Ancak kelime Kur'an'ın indiği yıllar öncesinden itibaren «okumak, bir bilgiyi zihinde muhafaza etmek» anlamlarında kullanılmıştır [Fehd 2002: 383].

Kur'an'ın terim anlamıyla ilgili olarak çeşitli tanımlar yapılmış, bunlar büyük ölçüde bir araya getirilerek şöyle bir tarife ulaşılmıştır: Kur'an, Allah tarafından Cebrâil vasıtasıyla mahiyeti bilinmeyen bir şekilde son peygamber Hz. Muhammed'e indirilen, Mushaflarda yazılan tevâtürle nakledilen, okunmasıyla ibadet edilen, Fâtîha sûresiyle başlayan Nâs sûresiyle biten, başkalarının benzerini getirmekten âciz kaldığı Arapça muciz bir kelâmdır [Fehd 2002: 383].

Kur'an'ın diğer isim ve sıfatlarının âciz kaldığı Arapça muciz bir görüş birliğinin bulunmaması, aslında isim olmayan bazı kelimelerin isim veya sıfat olarak kabul edilmesinden kaynaklanmaktadır [Fehd 2002: 383].

2.3. Kur'an-ı Kerîm'in İsimleri:

En-Nûr (النور):

Kur'ân, «yayılmış ışık» anlamına gelen «Nûr» ile nitelendirilmiştir. Nûr'un iki vasfı vardır; birincisi kendisinin açık ve net olması, ikincisi, başkasının ortaya çıkmasına sebeop olmasıdır. İşte Kur'ân bu iki vasafta sahip aydınlatacı bir kitaptır¹. Kur'ân, şek ve delalet karanlıklarını yok eden nûrdur. Bu nûr bütün dünyayı aydınlatacak, bütün dünyayı kaplayacaktır [Türk 2000: 160]. «Ağızlarıyla Allah'ın nurunu söndürmek istiyorlar. Oysa kâfirler hoşlanmasa da Allah, nûrünü tamamlayacaktır»².

Tü. tağrı nûrını; tağrı nûrını; Teñri nûrını; Tangrıning yaruqluqını, Tañrı ta'âlânuñ nûrını; Tanrı aydınlığını

Türkçe erken Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **tağrı nûrını**; Rylands KT'de **tağrı nûrını**; Anonim KT'de **Teñri nûrını**; Hekimoğlu KT'de **Tangrıning yaruqluqını**, Manisa KT'de **Tañrı ta'âlânuñ nûrını**; TİEM 40 KT'de **Tanrı aydınlığını** sözcükleriyle karşılanmıştır.

TİEM 73: tilârlâr kim öçürsâlâr **tağrı nûrını** ağızları birlâ tağrı tükâl qılğalı turur (2) öz nûrını nâçâmâ tilâmäsâ tañğılılar (408v/1=061/008)

Rylands KT: (2) Tilerler kim öçürseler **Tañrı nûrını** (3) ağızları birle, Tañrı tükâl qılğan turur Tañrı nûrını (44b/1) neçeme unamasa kâfirler. (44a/2=061/008)

Anonim KT: (11) Tilerler, söndürseler **Teñri nûrını** ağızları birle ya'nî atsalar Teñri ta'âlânuñ nûrını İslâm dînindin (12) Teñri ta'âlâ yetiz qılğan erür nûrını ya'nî bu va'da, nuúrat turur Teñri ta'âlâdın, İslâmda (13) âşkâre qılıp turur; niçe kim yigrense kâfirler ya'nî egerçi tüşvar kelse (14) kâfirlergâ. (87a/11=061/008)

Hekimoğlu KT: Tileyürler kim söndürseler **Tangrıning yaruqluqını**, ağızları birle, (7) Taqı Tangrı yaruqluqnung tamâm qılğanı, taqı eger yigrense kâfirler. (529a/6=061/008)

Manisa KT: İsterler süyündürmege **Tañrı ta'âlânuñ nûrını** ağızları bile. Tañrı ta'âlâ (10) tamâm eyler eger kâfirler kerîh görseleler dañı. (407b/9=061/008)

TİEM 40: Dilerler kim söyündüreler **Tanrı aydınlığını**, ağızları-y-ıla; dakı Tanrı tamâm eyleyicidür aydınlığını, eger duşhar gördi-y-ise dağı (9) kâfirler. (263b/8=061/008)

Türkçe ilk Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **tağrı nûrını**; Rylands KT'de **tağrı nûrını**; Anonim KT'de **Teñri nûrını**; Hekimoğlu KT'de **Tangrıning yaruqluqını**, Manisa KT'de **Tañrı ta'âlânuñ nûrını**; TİEM 40 KT'de **Tanrı aydınlığını** sözcükleriyle karşılanmıştır. İlk Kur'an çevirilerinde **Ar « »** karşılığı kullanılan sözcüklerden: **tağrı nûrını** (T.+Ar.); **tağrı**

¹ Nisâ: 4/174, Mâide:5/15, A'râf: 7/157, Tevbe: 9/32; Şûrâ:42/52, Hadîd: 57/28, Tegâbün: 64/8

² saf: 61/8

nûrını (T.+Ar.); **Teñri nûrını** (T.+Ar.); **Tangrınıng yaruqluqını** (T.); **Tañrı ta‘âlânuñ nûrını** (T.+Ar.); **Tanrı aydınlığını** (T.) sözcüklerden meydana gelmiştir.

El-Ĥaqq (الْحَقُّ):

Kur'an haktır, doğrudur, bätül ile hiçbir ilgisi yoktur. Bätül, bu hakkın karşısında yok olmağa mahkumdur.

Kur'an'ın isimlerinden birisi de «Hakk»tır¹. Zira Kur'an, Allah'ın elçisi Muhammed (s.a.v)'e indirdiği hakdır. O, batılın zıddıdır ve batılı yok eder. Kur'an'ın hakk olmasının manası şudur: Kur'an, önceki ümmetlerin haberlerini verirken gerçeği, doğruyu söyler. İçindeki va'd ve vaid, mükellefi amel ve inançta hakikat üzere olmasını temin eder. Allah, onu birbirine zıt fasid manalarla değil, 'el-kavlü'l-fasl (ayırmedici söz)' anlamında hak ile indirmiştir. Kur'an'ın bu şekilde hak üzere indirilişi, kulların Allah'a ibadet ve bu nimete şükür etmesini gerekli kılar. Kur'an'ın hak oluşu, onun tarihsellikten uzak ve çağlar boyu geçerliliğini sürdüreceği bir kitap olduğunu da gösterir [Türk 2001: 160].

Bu konuda Allah (c.c.) şöyle buyuruyor: *Biz seni gerçek ile birlikte müjdeleyici ve uyarıcı olarak gönderdik. Her millet içinde mutlaka bir uyarıcı (peygamber gelip) geçmiştir*².

Tü. yarağlıg birlä; ĥaq birlä; ĥaq bile; hakk-ıla

Türkçe erken Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **yarağlıg birlä**; Hekimoğlu KT'de **ĥaq birlä**; Manisa KT'de **ĥaq bile**; TİEM 40 KT'de **hakk-ıla** sözcükleriyle karşılanmıştır.

TİEM 73: biz idtımız seni **yarağlıg birlä** (5) säwünç berigli qorqut(t)açı, yoq hiç ümmät mägär kächti anıñ içinde qorqut(t)açı.(318v/4=035/024)

Hekimoğlu KT: Ĥaq biz idduq sini **ĥaq birlä**, müjde birlä taqı qorqutğan. Taqı yoq bir ögür kişidin, (2) meger keçti anıñ içinde qorqutğan. (417b/1=035/024)

Manisa KT: Taĥqıq biz deni gönderdük **ĥaq bile** beşâret eyleyici, ĥaq va‘deyi dañı qorqudıçı ĥaq va‘iddin. (313a/1=035/023)

TİEM 40: Bayık biz (6) viribidük seni **hakk-ıla**, muştılayıcı dakı korkıdıçı. Dakı yokdur hiç bölük, illâ geçdi anın içinde korkıdıçı. (207b/5=035/024)

Türkçe ilk Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **yarağlıg birlä**; **Hekimoğlu KT'de ĥaq birlä**; **Manisa KT'de ĥaq bile**; TİEM 40 KT'de **hakk-ıla** sözcükleriyle karşılanmıştır. ilk Kur'an çevirilerinde **Ar « »** karşılığı kullanılan sözcüklerden: **yarağlıg birlä** (T.); **ĥaq birlä** (Ar.); **ĥaq bile** (Ar.); **hakk-ıla** (Ar.) sözcüklerden meydana gelmiştir.

Hablu'lah (حَبْلِ اللَّهِ):

Kur'an Allah'ın ahdi ve misâkıdır. Onu tutan dünyada aziz ve ukbâda mesut yaşar. Nasıl bir ipe tutunan kimse batmaktan kurtulursa, bu habl-i ilahiye tutunan da bütün tehlikelerden korunur ve emniyete kavuşur.

*«Ve topluca Allah'ın ipine yapışınve ayrılmayın Allah'ın size olan nimetini hatırlayın: Hani siz birbirinize düşman idiniz; O'nun nimetiyle kardeşler haline geldiniz. Siz ateşten bir çukurun kenarında bulunuyordunuz, (Allah) sizi ondan kurtardı. Allah size ayetlerini böyle açıklıyor ki, yola gelesiniz»*³.

Ar. «حَبْلِ اللَّهِ» «En sağlam ip»

Tü. tañrı urğaniña; Tangrı urqanıña, ya'nî Tangrınıng 'ahdinge; Tañrı ta'âlâ ipine ki Qur'an'dur; Tanrı ipine ya'nî dînine

Ar. «حَبْلِ اللَّهِ» Tü. «En sağlam ip»; Türkçe erken Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **tañrı urğaniña**; Hekimoğlu KT'de **Tangrı urqanıña, ya'nî Tangrınıng 'ahdinge**; Manisa KT'de **Tañrı ta'âlâ ipine ki Qur'an'dur**; TİEM 40 KT'de **Tanrı ipine ya'nî dînine** sözcükleriyle karşılanmıştır.

TİEM 73: taqı yapuşuñ **tañrı urğaniña** qamuğ (2) taqı tarılmañ taqı yâd qılıñ tañrınıñ ni'mätini sizniñ üzä ol uğurda kim ärdiñiz(48r/1=003/103)

Hekimoğlu KT: Taqı yapşung **Tangrı urqanıña, ya'nî Tangrınıng 'ahdinge**, (9) qamuğ; taqı tarılmang. Taqı yâd qiling Tangrınıng ni'metini, (61a/1) sizning üze; ol vaqtın kim irdingiz (60b/8=003/103)

Manisa KT: (4) Yapışuñuz **Tañrı ta'âlâ ipine ki Qur'an'dur**. Cemî'üñüz ayrıлмаñuz ĥaqdan. Eïkr eyleñüz Tañrı ta'âlânuñ ni'metlerini (5) sizüñ üstüñüze ki siz düşmânlar-ıduñuz... (44a/4=003/103)

¹ Bakara: 2/92, Nisâ:4/170, En'âm:6/5, A'râf: 7/159, Yûnus: 10/89-94-108, Hûd: 11/17, Kehf: 18/29, Mü'minûn: 23/70-71, Ankebût:29/68, Sebe':34/43, Fâtır: 35/24-31, Şûra: 42/24, Zuhruf: 43/29-30-78, Ahkâf: 46/7; Muhammed:47/3, Kâf:50/5, Hadîd: 57/16, Mümtehine: 60/1, Hâkka: 69/51

² Fâtır: 35/24

³ Âl-i imrân: 3/103

TİEM 40: Dakı yapışun *Tanrı ipine ya'nî dînine*, hep; dakı bölük bölük olman; Dakı anun Tanrı ni'metini, (2) üzerünuze, ol vakt kim oldunuz-ıdı..... (29a/1=003/103)

Bir kişinin kopmayacağından emin olduğu sağlam bir ipe tutunarak yüksek bir yerden (o ipe) aşağı inmesine temsil olabilir veya habl/ip, ahdi için; i'tisam/tutunmak da ahde güvene istiare olabilir. Ya da habl'in kendisine en münasip olana istiaresi için teşrih (sözü özlü söyleme sanatı) olabilir. (Ayetin anlamı Allah'tan yardım dileme ve ona güvenme hususunda bir araya gelin, ondan ayrılmayın. Ya da kullarına verdiği ahde tutunmak üzere bir araya gelin ki o (ahd), iman ve taattir. Veya O'nun kitabına (tutunmak üzere bir araya gelin). Zemahşeri bu yorumunu «*Resullah (a.s.) dan gelen meşhur «Kur'an Allah'ın sağlam ipidir/habl»* şeklinde hadisle güçlendirmiştir». Müfessirler «hablullah» ile ilgili değerlendirmelerini şöylece toparlamak mümkündür: a.Allah'ın dini b. Allah'ın kitabı, c.Allah'ın ahdi, d.sünnet, e. Hidayet (Bilgin 2003: 53)

Türkçe ilk Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **tañrı urğanıña**; Hekimoğlu KT'de **Tangrı urqanınga, ya'nî Tangrıning 'ahdinge**; Manisa KT'de **Tañrı ta'âlâ ipine ki Qur'an'dur**; TİEM 40 KT'de **Tanrı ipine ya'nî dînine** sözcükleriyle karşılanmıştır. ilk Kur'an çevirilerinde Ar «*حَبْلُ اللَّهِ*» karşılığı kullanılan sözcüklerden: **tañrı urğanıña** (T.); **Tangrı urqanınga, ya'nî Tangrıning 'ahdinge** (T. Ar.); **Tañrı ta'âlâ ipine ki Qur'an'dur**; (T.+Ar.) **Tanrı ipine ya'nî dînine** (T.+Ar.) sözcüklerinden meydana gelmiştir.

El-Mübîn (المُبِين):

Yani apaçık, kendini beyan için kendisi kâfi, beyan edici, muradını dilediği gibi anlatıcı demektir.

Acıklayıcı anlamındadır. Kur'an manasına gelen Kitab lafzı, yedi yerde el-Mübîn ile nitelendirilmiştir ki, bu nitelendirme, hem metin hem de mana açısından (Türk 2001: 163) «*Elif lâm râ. Bunlar apaçık Kitab'ın ayetleridir*»¹.

Ar. «*المُبِين*» «Apaçık anlatan»

Tü. **bitigniñ bālgüläri bālgülüg; Ol, kitâbning âyetleri, açuq; bu sûre âyetleri pâhir emr vâyiğdur beyân eyleyici kitâbdur; Şol âyetlerdür, Kitâb'un bellü**

Ar. «*المُبِين*» Tü. «Apaçık anlatan»; Türkçe erken Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **bitigniñ bālgüläri bālgülüg**; Hekimoğlu KT'de **Ol, kitâbning âyetleri, açuq**; Manisa KT'de **bu sûre âyetleri pâhir emr vâyiğdur beyân eyleyici kitâbdur**; TİEM 40 KT'de **Şol âyetlerdür, Kitâb'un bellü**. sözcükleriyle karşılanmıştır.

TİEM 73: (8) mân turur mân bilgänräk *bitigniñ bālgüläri bālgülüg*. (173r/8=012/001)

Hekimoğlu KT: (226b/1) *Ol, kitâbning âyetleri, açuq*. (226b/1=012/001)

Manisa KT: (6) Bu sûre elif lâm râ sûresidür *bu sûre âyetleri pâhir emr vâyiğdur beyân eyleyici kitâbdur*. (162b/6=012/001)

TİEM 40: *Şol âyetlerdür, Kitâb'un bellü*. (110b/6=012/001)

Türkçe ilk Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **bitigniñ bālgüläri bālgülüg**; Hekimoğlu KT'de **Ol, kitâbning âyetleri, açuq**; Manisa KT'de **bu sûre âyetleri pâhir emr vâyiğdur beyân eyleyici kitâbdur**; TİEM 40 KT'de **Şol âyetlerdür, Kitâb'un bellü**. sözcükleriyle karşılanmıştır. ilk Kur'an çevirilerinde Ar «*المُبِين*» karşılığı kullanılan sözcüklerden: **bitigniñ bālgüläri bālgülüg** (T.); **Ol, kitâbning âyetleri, açuq** (Ar.+T.); **bu sûre âyetleri pâhir emr vâyiğdur beyân eyleyici kitâbdur** (Ar.+T.); **Şol âyetlerdür, Kitâb'un bellü** (Ar.+T.) sözcüklerden meydana gelmiştir.

Kerim (كريم):

Kendi alanında üstün olan her şey, kerem sıfatı ile vasfedilir. Kerim, medhetme sıfatlarını kendisinde toplayan bir sıfattır. Dolayısıyla Kur'an, diğer kitaplar arasında övgüye en layık ve en şerefli, en üstün kitap olduğu için kerim sıfatı ile nitelendirilmiştir. (Türk 2000; 164) «*O, elbette değerli bir Kur'an'dır*»²

Ar. «*كريم*» «Övgüye layık olan»

Tü. **oqıgu turur ağırlıg; Şerif, büzürg, kirâmî turur; ögmekke sezâ Kur'an; bu Qur'an kerimdür; ol, Kur'an'dur görklü -yâ aziz Tanrı katında**

Ar. «*كريم*» Tü. «Övgüye layık olan»; Türkçe erken Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **oqıgu turur ağırlıg**; Anonim KT'de **Şerif, büzürg, kirâmî turur**; Hekimoğlu KT'de **ögmekke sezâ Kur'an**; Manisa KT'de **bu Qur'an kerimdür**; TİEM 40 KT'de **ol, Kur'an'dur görklü -yâ aziz Tanrı katında** sözcükleriyle karşılanmıştır.

TİEM 73: bu *oqıgu turur ağırlıg*. (396v/1=056/077)

¹ Yûsuf:12/1

² Vâkı'a: 56/77

Anonim KT: (6) Bu Qur'ân kim kelpidür Muhammedge. *Şerîf, büzürg, kirâmî turur.* Şî'r, sihr ve kehânet degül turur. (71a/6=056/077)

Hekimoğlu KT: Haqîqat üze ol, *ögmekke sezâ Kur'ân.* (513a/8=056/077)

Manisa KT: Tahqîq *bu Qur'ân kerimdür.* (395a/1=056/077)

TİEM 40: Bayık *ol, Kur'an'dur görklü -yâ aziz Tanrı katında.* (256a/8= 056/077)

Türkçe ilk Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **oqıgu turur ağırılıg**; Anonim KT'de **Şerîf, büzürg, kirâmî turur**; Hekimoğlu KT'de **ögmekke sezâ Kur'ân**; Manisa KT'de **bu Qur'ân kerimdür**; TİEM 40 KT'de **ol, Kur'an'dur görklü -yâ aziz Tanrı katında** sözcükleriyle karşılanmıştır. İlk Kur'an çevirilerinde Ar «گری» karşılığı kullanılan sözcüklerden: **oqıgu turur ağırılıg** (T.); **Şerîf, büzürg, kirâmî turur.** (Ar.+F.); **ögmekke sezâ Kur'ân** (T.+Ar.); **bu Qur'ân kerimdür** (Ar.); **ol, Kur'an'dur görklü -yâ aziz Tanrı katında** (Ar.+T.) sözcük veya sözcük gruplarıyla karşılanmıştır.

Mübârek (مُبَارَك):

Feyzi, cihânî tutacak derecede bereketli ve verimli demektir ve Kur'an böyle bir kitaptır. «*Bu da Anakent (Mekke) 'yi ve çevresindeki (kasaba) 'ları uyarman için sana indirdiğimiz feyz kaynağı ve kendinden önceki (Tanrı Kitab) 'ını doğrulayıcı bir Kitaptır. Ahirete inananlar buna inanırlar ve onlar, namazlarına devam ederler*»¹.

Ar. «مُبَارَك» «Bereketli ve verimli»

Tü. qutluğ; bereketlig, menfa'atleri köp ağğan; mübârekdür; mubârekdür

Ar. «مُبَارَك» **Tü.** «Bereketli ve verimli»; Türkçe erken Kur'an çevirilerinde TİEM 73'de **qutluğ**; Hekimoğlu KT'de **bereketlig, menfa'atleri köp ağğan**; Manisa KT'de **mübârekdür**; TİEM 40 KT'de **mubârekdür** sözcükleriyle karşılanmıştır.

TİEM 73: Bu bitig turur indürdimiz anı **qutluğ** <könikâ tutuğlı> (9) ol kim yüzikâ oturu yana qorqutsa (104v/8=006/092)

Hekimoğlu KT: Taqı bu kitâb, indürdük anı; (8) **bereketlig, menfa'atleri köp ağğan**; <râst-lağan> ol nirseni kim ileyinde turur; taqı munung üçün kim qorqutsang (134b/7=006/092)

Manisa KT: Bu Qur'ân kitâbdur, indürdük, **mübârekdür.** (7) Taúdiq eyleyicidür elince gelen nebîler kitâbları qorqutmağ-ıçün (96b/6=006/092)

TİEM 40: (3) Dakı uşbu kitâbdur, indürdük anı; **mubârekdür**; gircek dutıcidür anı kim ileyindedir ya'nî ilerügi kitâblar; dakı korkıdasan (64b/3=006/092)

Türkçe ilk Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **qutluğ**; Hekimoğlu KT'de **bereketlig, menfa'atleri köp ağğan**; Manisa KT'de **mübârekdür**; TİEM 40 KT'de **mubârekdür** sözcükleriyle karşılanmıştır. İlk Kur'an çevirilerinde Ar «مُبَارَك» karşılığı kullanılan sözcüklerden **qutluğ** (T.); **bereketlig, menfa'atleri köp ağğan** (Ar.+T.); **mübârekdür** (Ar.); **mubârekdür** (Ar.) sözcük veya sözcük gruplarından meydana gelmiştir.

53. Müsaddik (مُصَدِّق):

Tasdik edici, teyit edicidir. Daha önceki kitapların doğruluğu onun tasdiki sayesinde belirir. «*Bu da Anakent (Mekke) 'yi ve çevresindeki (kasaba) 'ları uyarman için sana indirdiğimiz feyz kaynağı ve kendinden önceki (Tanrı Kitab) 'ını doğrulayıcı bir Kitaptır. Ahirete inananlar buna inanırlar ve onlar, namazlarına devam ederler*»².

Ar. «مُصَدِّق» «Tasdik eyleyici, teyit edici»

Tü. könikâ tutuğlı; râstlağan; Taúdiq eyleyicidür; gircek dutıcidür

Ar. «مُصَدِّق» **Tü.** «Tasdik eyleyici, teyit edici»; Türkçe erken Kur'an çevirilerinde TİEM 73'de **könikâ tutuğlı**; Hekimoğlu KT'de **râstlağan**; Manisa KT'de **Taúdiq eyleyicidür**; TİEM 40 KT'de **gircek dutıcidür** sözcükleriyle karşılanmıştır.

TİEM 73: Bu bitig turur indürdimiz anı qutluğ <könikâ tutuğlı> (9) ol kim yüzikâ oturu yana qorqutsa mākâ bođununı anıñ tãğräsindä..... (104v/8=006/092)

Hekimoğlu KT: Taqı bu kitâb, indürdük anı; (8) bereketlig, menfa'atleri köp ağğan; <râst-lağan> ol nirseni kim ileyinde turur; taqı munung üçün kim qorqutsang Mekkeni (9) taqı ol kim irselerni kim anıng tegresinde. (134b/7=006/092)

Manisa KT: Bu Qur'ân kitâbdur, indürdük, mübârekdür. (7) **Taúdiq eyleyicidür** elince gelen nebîler kitâbları qorqutmağ-ıçün Mekke qavmini (8) dañı havâlisinde olanları..... (96b/6=006/093)

TİEM 40: (3) Dakı uşbu kitâbdur, indürdük anı; mübârekdür; **gircek dutıcidür** anı kim ileyindedir ya'nî ilerügi kitâblar; dakı korkıdasan yâ Muhammed Mekke'yi, (4) dakı anı kim yöresindedür..... (64b/3=006/092)

¹ En'âm: 6/92

² En'âm: 6/92

Türkçe ilk Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **könikâ tutuğlı**; Hekimoğlu KT'de **râst-lağan**; Manisa KT'de **Taüdiq eyleycidür**; TİEM 40 KT'de **gircek dutucidor** sözcükleriyle karşılanmıştır. İlk Kur'an çevirilerinde Ar «مصنوق» karşılığı kullanılan sözcüklerden **könikâ tutuğlı** (T.); **râstlağan** (F.); **Taüdiq eyleycidür** (Ar.+T.); **gircek dutucidor** (T.) sözcük veya sözcük gruplarından meydana gelmiştir.

Huda (هدى):

TİEM 73: (2/2) 31/2 bu bälgölär bitigi turur **bäkütülmiş**. (298r/5=031/002)

Hekimoğlu KT: Ol, âyetleri kitâbnung **hikmetlig**; (392a/2=031/002)

Manisa KT: Ol kitâb âyetleri ki **Haq hükm eyleycidür**. (291b/5=031/002)

TİEM 40: Şol, âyetleridür **hikmetlü kitâbun**. (195a/7=031/002)

el-Hakim (الحكيم):

TİEM 73: (153r/1) män turur män bilgänräk **bitigniñ bälgöläri bäkütülmiş**. (153r/1=010/001)

Hekimoğlu KT: ol, **hakim kitâbnung** âyetleri. (200a/2=010/001)

Manisa KT: Bu süre elif lâm râ üresidür. Bu sürede âyetler ki Qur'an âyetleri ki muhkemdür nesh olmaz yâ **haq hükm eyleycidür**. (143b/1=010/001)

TİEM 40: (3) Elif, Lâm, Râ: Benven Allah Rahman -yâ..... ya'nî benven Tanrı görürin. Şol, Kitap ya'nî Kur'an âyetleridür, muhkem -yâ hikmetlü. (97a/3=010/001)

Emir (أمر):

«Bu, Allah'ın size indirdiği buyruğudur. Kim Allah'tan korkarsa, (Allah) onun kötülüklerini örter»¹. Zira Allah, Hz. Peygamber (s.av.) ve mü'minlere ona tabi olmalarını emretmiştir (Türk 2000; 173).

TİEM 73: bu turur **tağrı yarlığı** indürdi anı silärkä, kim qorqsa örtär (9) andın esizliğlä-rini uluğ qılır aña yanutını. (413v/8=065/005)

Anonim KT:

Reynlands KT: (2) Ol **Tağrınıñ yarlığı** indürdi anı sizke (3) kim qorqsa Tağrıdın örter andın (81b1) yawuzlarını, uluğ bërür añar yanut. (81a/2=065/005)

Hekimoğlu KT: l, **Tağrınıñ işi**, indürdi anı sizing tapa. (4) Tağı kim saqınsa Tağrı <dın>, tüşürgey andın yazuqlarını tağı uluğ qılğay anga (5) şevâbnı. (536a/3=065/005)

Manisa KT: Ol hükmler **Tağrı ta'âlânun buyruğudur**, indürdi sizün üstünüze. (8) Kim Tağrı ta'âlâdan qorqsa, ahqamında, haqlarında ri'âyet eylese seyyi'âtını mahv eyler hasenât bile, ecrini dañı ulu eyler mu'yâ'af eylemek bile. (412b/7=065/005)

TİEM 40: (5) Şol, **Tağrı buyruğudur**, indürdi anı sizdin yana. Dakı her kim korkar-ısa Tağrı'dan, yarlığaya ana, yavuz işlerin, dakı ulu eyleye anun için müzdi. (267a/5=065/005)

Ümmü'l Kitab (أُمُّ الْكِتَابِ):

«el-ümm» kelimesi anne demektir. Kur'an'da bütün kitapların anası, kaynağı, kökü durumunda olduğu için bu isimle şereflenmiştir.»*Ve gerçekten o Bizim nezdimizdeki Ana Kitap'ta çok yüksek, çok hikmetlidir*².

Ar. «أُمُّ الْكِتَابِ» «Kitapların anası»

Tü. **ol qur'an bitigniñ aılı; Ol Levhü-ü'l-mahfûb içinde; ol, Levhü'l-Mahfûb içinde; Qur'an levh-i mahfûbda; Kur'an, kitab aslında ya'nî lavha'l-mahfûz**

Ar. «أُمُّ الْكِتَابِ» Tü. «Kitapların anası»; Türkçe erken Kur'an çevirilerinde TİEM 73'de **ol qur'an bitigniñ aılı**; Rylands KT'de **Ol Levhü-ü'l-mahfûb içinde**; Hekimoğlu KT'de **ol, Levhü'l-Mahfûb içinde**; Manisa KT'de **Qur'an levh-i mahfûbda**; TİEM 40 KT'de **Kur'an, kitab aslında ya'nî lavha'l-mahfûz** sözcükleriyle karşılanmıştır.

TİEM 73: [358v/1] **ol qur'an bitigniñ aılı** içinde turur bizin üskümüzde barçada yügsäk bütün işlig. (358v/1=043/004)

Rynlands KT: **Ol Levh-(2)-ü'l-mahfûb içinde** biziñ üskümüzde yüksek berk turur. (37b/1=043/004)

Hekimoğlu KT: Tağı haqıqat üze **ol, Levhü'l-Mahfûb içinde**, qatımızda yüksek, (3) hikmetlig. (467a/2=043/004)

Manisa KT: Tağrıq **Qur'an levh-i mahfûbda**, (4) bizüm qatımızda yucedür, uludur, hikmeti mübâlagadır. (355b/3=043/004)

¹ Talâk: 65/5

² Zuhuf:43/4

TİEM 40: (7) Dakı bayık ol ya'nī *Kur'an, kitab aslında ya'nī lavha'l-mahfûz* bizüm katumuzda yücedür, hikmet issidür. (232b/7=043/004)

Türkçe ilk Kur'an çevirilerinde; TİEM 73'de **ol qur'ân bitignîñ aulı**; Rylands KT'de **Ol Levh-ü'l-mahfûb içinde**; Hekimoğlu KT'de **ol, Levhü'l-Mahfûb içinde**; Manisa KT'de **Qur'ân levh-i mahfûbda**; TİEM 40 KT'de **Kur'an, kitab aslında ya'nī lavha'l-mahfûz** sözcükleriyle karşılanmıştır. ilk Kur'an çevirilerinde Ar «أُمُّ الْكِتَابِ» karşılığı kullanılan sözcüklerden **ol qur'ân bitignîñ aulı** (Ar.+T.); **Ol Levh-ü'l-mahfûb içinde** (Ar.); **ol, Levhü'l-Mahfûb içinde** (Ar.); **Qur'ân levh-i mahfûbda** (Ar.); **Kur'an, kitab aslında ya'nī lavha'l-mahfûz** (Ar.) sözcük veya sözcük gruplarından meydana gelmiştir.

Sonuç:

Tercüme en zor yapılan işlerden biridir. Hele Kur'an gibi kutsal bir metni tercüme etmek ve manalandırmak bir çok ilime sahib olunması gerektiği gibi ağır bir mesuliyet ister. Bunun yanında Kur'an'ın içinde geçen Kur'an kavramını Türkçe karşılıklarıyla ifade edebilmek ve bu kavramların Arapça karşılıklarını tam olarak verebilmek tercüme eden için büyük bir risk taşıyıp ağır dini sorumluluklar yüklemektedir. Tercüme edilen dil içinde onun başka bir dile karşı mukavvetini göstermektedir.

«İlk Türkçe Doğu ve Batı Türkçesi Kur'an Çevirilerinde, Kur'an kavramı incelendiğinde görülen Türkçenin özellikle Doğu Türkçesi Kur'an çevirilerinde, Türkçe kelimelerle kavramlara karşılık vermede daha istekli ve daha yetenekli olduğudur. Bunun sebebi belkide İlk Doğu Türkçesi Kur'an tercümelemlerinin yapıldığı dönemlerde Arapça ve Farsça'nın halk arasında yaygın olarak kullanılmaması ve bu dillerin edebi dile fazlaca nüfuz etmemesidir. Türkçeyle Batı Türkçesi Kur'an tercümelemlerinde olduğu gibi coğrafi bir yakınlığa.

Yukarıda da gördüğümüz gibi İlk Türkçe Doğu ve Batı Türkçesi Kur'an Çevirilerinde, Kur'an kavramının Türkçe adlarla karşılanması bir bakımdan Türkçenin doğru ve yerinde kullandığı zaman en kutsal metinleri bile Türkçe karşılıklarıyla tercüme edilebileceğini göstermekte olup bizde İlk Kur'an çevirileri yapan/yapanların taşıdığı Türkçecilik tavrının ne kadar geçerli olduğunu göstermektedir.

KAYNAKÇA

ATA, Aysu, Türkçe İlk Kuran Tecümesi Karahanlı Türkçesi (Giriş-Metin-Notlar-Dizin), TDK Yayınları, Ankara, 2004.

ATEŞ, Süleyman, *Kur'ân-ı Kerîm ve Cümle Meali*, İstanbul, Yeni Ufuklar Neşriyat, 1975.

BİLGİN, Abdulcelil, Kur'an'da Deyimler ve Kur'an'ın Anlaşılmasındaki Rolü, Pınar yay, İstanbul, 2003.

BOROKOV, A. K., *Orta Asya'da Bulunmuş Kur'an Tefsirinin Söz Varlığı (XII. – XIII. Yüzyıllar)*, (Ruşçadan Çeviren: USTA, Halil İbrahim, AMANOĞLU Ebülfez), Ankara,TDK, 2002.

ÇELİK, Muhammed, Kur'an Kur'an' Tanımlıyor, Şule yay, Kur'an Araştırmaları Dizisi:12, İstanbul, 1998.

ÇANGA, Mahmut, *Kur'an-ı Kerim Lugatı*, İstanbul, 1999.

DİYANET İŞLERİ BAŞKANLIĞI, *Kur'ân-ı Kerîm ve Açıklamalı Meâli*, 2. Baskı, Ankara, 1993.

ECKMANN, J., *Middle Turkic Glosses of the Rylands Interlinear Koran Translation*, Budapest, 1976.

ERDOĞAN, Abdülkadir, «Kur'an Tercümelemlerinin Dil Bakımından Değerleri», Vakıflar Dergisi, c.1, s.47-48 Ankara, 1938.

HAMADULAH, Muhammed, *Kur'ân-Kerîm'in Tarihi ve Türkçe Tefsirler Bibliyografyası*, s.1-90, İstanbul, 1965.

KARABACAK, Esra, *An Inter-Linear Translation Of The Qur'an Into Old Anatolian Turkish = Eski Anadolu Türkçesi Satır Arası Kur'an Tercümesi: Introduction and Text I, Sources Of Oriental Languages and Literatures 22, Turkish Sources XX, Harvard University The Department Of Near Eastern Languages and Civilizations. 1994; (Part II: Glossary: Section one, p. 1–384. Section Two, p. 385–786), 1995; (Part III: Facsimilie of the MS Manisa İl Halk Library No. 931, Section one: 1a–224a. 1997; (Part III: Facsimilie of the MS Manisa İl Halk Library No. 931, Section two: 224b–451a, 1999.*

KÖK, Abdullah, *Karahanlı Türkçesi Satır-Arası Kur'an Tercümesi (TİEM 73, 1v/ 235v/2)*, Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yayınlanmamış Doktora Tezi, Ankara, 2004.

KÖK, Abdullah, «İlk Türkçe Doğu ve Batı Türkçesi Kur'an Çevirilerinde Özel Adlar», Türk Dil Kurumu V/ Uluslar Arası Türk Dili Kurultayı Ankara, 2004.

KÖK, Abdullah, «İlk Türkçe Kur'an Tercümelemlerinde Metonimli Kullanımlar Üzerine» Ankara Üniversitesi Dil Tarih Coğrafya Fakültesi Çağdaş Türk Lehçeleri ve Edebiyatları Bölümü, Çağdaş Türklük Sempozyumu Ankara, 2004.

OKUMUŞ, Ejder, Kur'an'da Kur'an, Dünya yay.12, İstanbul, 1990.

SAGOL, Gülden, *Old Turkish and Persian Inter-Linear Qur'an Translations II: An Inter-Linear Translation of the Qur'an into Khawarazm Turkish, Introduction, Text, Glossary and Facsimile (Part I:*

Introduction and Text), Harvard, (410 pages), 1993; (*Part II: Glossary*) Harvard, 1995, (310 pages); (*Part III Facsimile of the MS Süleymaniye Library, Hekimoğlu Ali Paşa No.2 Section One: 1b-300b*), Harvard, 1996; (*Part III: Facsimile of the MS Süleymaniye Library, Hekimoğlu Ali Paşa No.2 Section Two:301a-587b*), Harvard,1999.

TOPALOĞLU, Ahmet, *Muhammed Bin Hamza, XVI Yüzyıl Başlarında Yapılmış «Satır Arası Kur'an Tercümesi*, I Giriş ve Metin, İstanbul, 1976; II, Sözlük, İstanbul, 1978.

TÜRK, Nurdoğan, *Kur'an'da Kitap Kavramı*, Sakarya Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü (Basılmamış Doktora Tezi), Sakarya, 2001.

TÜRK DİL KURUMU, *Türkçe Sözlük*, Ankara, 2000.

USTA, Halil İbrahim, «XIII. Yüzyıl Doğu Türkçesiyle Yazılmış Anonim Kur'an Tefsirinin Söz ve Şekil Varlığı.» Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi, 1989.

ÜNLÜ; Suat, *Karahanlı Türkçesi Satır-Arası Kur'an Tercümesi (TİEM 73, 235v/3-450r/7)*, Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yayınlanmamış Doktora Tezi, Ankara, 2004.

ÜNLÜ; Suat, «*Karahanlı Türkçesi Satır-Arası Kur'an Tercümesi'nde Esmâ-i Hüsnâ Kavramı*», Ankara Üniversitesi Dil Tarih Coğrafya Fakültesi Çağdaş Türk Lehçeleri ve Edebiyatları Bölümü, Çağdaş Türklük Sempozyumu Ankara, 2005.

ÜNLÜ; Suat, «*İlk Türkçe Doğu ve Batı Türkçesi Kur'an Çevirilerinde Peygamber Kavramı*», Ankara Üniversitesi Dil Tarih Coğrafya Fakültesi Çağdaş Türk Lehçeleri ve Edebiyatları Bölümü, Çağdaş Türklük Sempozyumu Ankara, 2006.

ВИДЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ТЕРМИНОВ СКОТОВОДСТВА

О.Т. Урнинова

Каждая система является относительной по отношению к составляющим ее элементов. Являясь единым целым, всякая система, в то же время сама входит в структуру другой системы в качестве элемента. Данная закономерность не является исключением по отношению к языку.

Одним из важных признаков языка является то, что он на основе социальной практики выражает мир в адекватном виде, то есть тождественно с объективной действительностью, равно, конкретно. Именно в этом заключаются стабильность и долговечность языка. В нём существуют сложные и разнообразные отношения между составляющими элементами. Эти отношения обеспечивают богатство языка и его безграничные возможности в плане выражения. Исключением не является также и лексический ярус языка.

Термины скотоводства в терминологической системе узбекского языка составляют отдельную, целую небольшую систему. Согласно принципу «система в системе» внутри данной системы наблюдаются все виды семантических отношений, свойственных лексическому ярусу.

Ключевые слова: семантическая классификация, парадигматика, синтагматика, семантическое поле, гипонимия, партонимия, синонимия.

Each system is relative to its constituent elements. Being a single whole, every system, at the same time, is itself included in the structure of another system as an element. This pattern is not an exception in relation to the language.

One of the important features of language is that it, on the basis of social practice, expresses the world in an adequate form, that is, identically with objective reality, equally and concretely. This is precisely the stability and longevity of the language. There are complex and diverse relationships between the constituent elements. These relationships provide the richness of the language and its unlimited possibilities in terms of expression. An exception is also not the lexical level of the language.

The terms of cattle breeding in the terminological system of the Uzbek language constitute a separate, whole small system. According to the principle «system in system», within the given system all types of semantic relations characteristic of the lexical tier are observed.

Keywords: a classification an approach, paradigms, syntagm, cattle-breeding, a field, typonomy, a partonomy, a synonymy.

Мир, который окружает нас, является единым целым, то есть системой. В толковом словаре узбекского языка системе даётся следующее определение:

1. План, порядок расположения взаимосвязанных между собой структурных единиц.
2. Классификация.
3. Совокупность взглядов, отношений и принципов, основанных на каком-либо учение.
4. Совокупность элементов, единиц, объединенных по общим признакам.

5. Единое целое, состоящее из структурно связанных частей.

6. Принцип, форма осуществления какой-либо функции [Толковым словаре 1981: 57].

Как видим из вышеперечисленных толкований, для системы характерны три важных аспекта. Это: 1. Единое целое. 2. Элементы, составляющие целое. 3. Отношения между элементами.

Кроме того, система содержит в себе относительность. Каждая система является относительной по отношению к составляющим ее элементам. Являясь единым целым, всякая система, в то же время сама входит в структуру другой системы в качестве элемента. Данная закономерность не является исключением по отношению к языку. Язык есть система систем.

Язык как абстрактное явление одновременно отражает и духовный мир человека, и материальную систему всего объективного, что нас окружает.

Одним из важных признаков языка является то, что он на основе социальной практики выражает мир в адекватном виде, то есть тождественно с объективной действительностью, равно, конкретно. Именно в этом заключаются стабильность и долговечность языка. В нём существуют сложные и разнообразные отношения между составляющими элементами. Эти отношения обеспечивают богатство языка и его безграничные возможности в плане выражения. Исключением не является также и лексический ярус языка.

Под иерархическим свойством языка понимаются отношения между ярусами языка, а также элементами, составляющими данные ярусы. Непосредственная связь элементов, обеспечивающих целостность языка, называется отношением. В связи с появлением системно-структурных методов в языкознании выявлены различные виды таких отношений, в том числе: парадигматические, синтагматические, иерархические и т.п. [Взаимодействие 1981] Основным признаком таких отношений является сходство и различие между элементами. По мнению Х.Нигматова и Р.Расулова, отношения между единицами языка можно изучать, разделив их на три вида.

1. Парадигматические отношения (по сходству).

2. Синтагматические отношения (по соседству).

3. Иерархические отношения (ступенчатые) [Нигматов 1995: 14–15].

Если исходить из того факта, что язык как система систем, адекватно отражает мир, то, следовательно, расположение составляющих данную систему не может быть беспорядочным; элементы, разветвляясь, составляют отдельные категории – парадигмы. Например, слова, входящие в систему терминов скотоводства: *қатиқ (кефир)*, *қаймоқ (сливки)*, *сузма (процеженное кислое молоко)*, *сарёғ (топленое масло)*, *сметана*, *сут (молоко)* объединяются в одну группу на основе единого общего признака.

Этим признаком в данном случае является слово *молоко*, которое обнаруживается в семантической структуре каждого из вышеперечисленных слов. В связи с наличием именно этого признака в своей семантической структуре слова составляют гнездовое отношение. В данное гнездо мы можем объединить даже те слова, которые имеют характер профессиональной лексики или термины. Возьмем, к примеру, термин «чилчуп». Узбекский писатель Ш. Халмирзаев в своём романе «Мост из волоска» отметил, что горное население Сурхандарьинской области называет «чилчупом» сливки, появляющиеся на поверхности вскипяченного молока, которые отбираются с помощью специальной палочки. Признак «молока», имеющийся в семантической структуре данного слова, обеспечивает ему место в вышеназванной парадигме.

В лексемах *айран* и *чалоб* (напитки, приготавливаемые из густого процеженного кефира) теряется признак молока, следовательно, появляется другой признак – прохладительного напитка. Значит, эти слова не имеют отношения к вышеназванной парадигме, они вместе с такими лексемами, как *сироп*, *квас*, *кисель*, *компот*, *лимонад*, составляют парадигматический ряд «Прохладительных напитков». Соединение по определенному общему признаку равнозначных единиц, относящихся к одному и тому же ярусу, называется гнездовым отношением [Нурмонов 2001: 9] Такие отношения в системе терминов скотоводства бесчисленны. В то же время, они резко отличаются от терминов системы овцеводства, коневодства и верблюжеводства, которые близки по семантике с терминами скотоводства. Например, лексема *кумыс*, занимающая важное место в терминологической системе коневодства, не входит в систему скотоводства, хотя в ее семантической структуре имеется сема «молоко». Так как в семантической структуре лексем «молоко» в нашем понимании нет таких сем, как «кобыла» и «чувство легкого опьянения».

При определении парадигматических отношений между лексемами учитывается общее значение, дающее возможность их объединения в единое гнездо. Рассмотрим,

например, термины: *қуюшқон* (подхвостник – принадлежность конской сбруи), *эгар* (седло), *юган* (уздечка), *қоринбоғ* (подпруга), *қамчи* (кнут), *қашлагич* (скребница), *умулдирик* (приспособление, поддерживающее седло), *чавандоз* (всадник), *байтал* (кобыла), *саман* (буланый), *йўрға* (иноходец), *қашқа* (лошадь с белой отметиной на лбу), *айил* (подпруга), *улоқ* (улак [*Улак* – конно-спортивное состязание, на котором участники вырывают друг у друга козлиную тушу.]), *чопмоқ* (скакать – здесь в значении «участвовать на улаке»), использованные в рассказе А. Кадыри «В улаке». Каждая из вышеперечисленных лексем выражает определенное понятие, и в них имеется скрытый признак «относящийся к лошади». Например, «умулдирик» – это приспособление, поддерживающее седло, чтобы оно не расшатывалось. Значит, данная лексема по своей семантике никак не связана со словами, которые имеют какое-либо отношение к крупному рогатому скоту.

Системный характер языка, обеспечивает наличие небольших семантических полей в системе терминов скотоводства, как и в других терминологических системах. Значение лексемы проясняется с помощью семантических отношений внутри парадигмы. Например, рассмотрим лексему *чўпон* (пастух), которая, занимает особое место в системе терминов скотоводства.

В толковом словаре узбекского языка данное слово растолковано как «присматривающий на выпасе за мелким скотом» [Толковом словаре 1981: 387]. Вообще, в узбекском языке слова с общим понятием «пастух» имеют разнообразную форму в зависимости от того, за каким скотом присматривает человек: *қўйбоқар* (пастух, чабан), *молбоқар* (скотник), *бузоқбоқар* (телятник), *эчкибоқар* (козопас), *йилқибоқар* (табунщик), *чўқабоқар* (свинарь). Из данных терминов только *молбоқар* и *бузоқбоқар* входят в группу терминов скотоводства. Иногда вместо вышеназванных терминов используются слова *подачи* (пастух с общим значением), *подакаш* (подпасок). Однако анализ семантического поля животноводства показывает, что незнание системных особенностей терминов данного поля приводит к стилистическим нарушениям.

Возьмем, к примеру, следующие строки из узбекского народного дастана «Алпамыш». *«По дороге отсюда мы становились гонцами невестки Барчин, и передавали весть либо через дровосека, либо от пастуха или же чабана, ходившего по степи, и строга наказывали: если проболтаешься, отправим за тобой того, кто догонит, – и тебе конец»*. В приведенном предложении между словами *пастух* и *чабан* есть различие. Где встречаются нарушения парадигматических отношений, там значение лексемы проясняется с помощью синтагматических отношений, значит, эти отношения всегда обеспечивают полноценность мысли за счет дополнения друг друга. Например, *«Ранняя весна. На степях не поднимают головы от травы стая овец, стадо коров, табун лошадей»* (Н. Фазылов «Повести о весне»). Синтагматическая связь лексем показывает, что термин «*подачи*» (пастух) в узбекском языке используется больше всего по отношению к пастуху коров.

На основе вышесказанного мы пришли к выводу, что семантические отношения между единицами лексического яруса следует изучать, разделив их на следующие группы:

1. Гипонимические отношения.
2. Паргонимические отношения.
3. Синонимические отношения.
4. Градуонимические отношения.
5. Функционимические отношения.
6. Антонимические отношения.

Данные отношения не искусственно вымышленные явления, а своеобразная классификация, то есть разделение лексической системы на группы на основе многолетнего опыта, накопленного в результате распознавания мира.

Лингвист Д. Набиева показывает три этапа системно-структурного изучения объекта: а) непрерывное; б) структурное; в) системное [Набиева 2005: 5].

Такой подход можно применять по отношению к системе терминов скотоводства. К задачам первого этапа относятся: выделение системы терминов скотоводства, разделение ее на части, определение семантических отношений между частями. В структурном этапе изучаются виды семантических отношений, их механизм. В системном же этапе определяется уровень отношений, их положение в системе, а также основные и дополнительные признаки. Из сказанного приходим к такому мнению, что при определении гипонимических, партонимических и синонимических отношений системы терминов скотоводства можно продуктивно использовать все три этапа.

Термины скотоводства в терминологической системе узбекского языка составляют отдельную, целую небольшую систему. Согласно принципу «система в системе» внутри

данной системы наблюдаются все виды семантических отношений, свойственных лексическому ярусу.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
- Баскаков И.А. Современное состояние терминологии. – М.: АН СССР, 1961.
- Гак В.Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 464 с.
- Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1975. – 357 с.
- Набиева Д. Ўзбек тилининг турли сатҳларида умумийлик-хусусийлик диалектикасининг намоён бўлиши. – Т.: Шарк, 2005. – 56
- Нигматов Х., Расулов Р. Ўзбек тили систем лексикологияси асослари. –Т.; Ўқитувчи, 1995. – Б. 14–15.
- Нурмонов А., Шахобиддинова Ш., Набиева Д. Ўзбек тилининг назарий грамматикаси. Морфология. – Т.: Янги аср авлоди, 2001. – 9 б.
- Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971.
- Толковый словарь узбекского языка: в двух томах. – М., Русский язык, 1981. – т. 2. – 387 б.

КОНЦЕПТЫ-КОЛОРНИМЫ КАК ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ МИРА КАЗАХОВ

К.Т. Утегенова

В статье предпринята попытка описания фрагмента картины мира казахского народа на примере концептов-колоронимов. Автором проведен лексикографический анализ концептов-колоронимов *синий /көк* и *зеленый /жасыл*, показаны особенности словоупотребления колоронимов *сары /желтый* и *қоңыр /коричневый*.

Ключевые слова: концепт, цветоименования, картина мира, специфика.

The article describes the fragments of the world picture of the Kazakh people by the example of concepts-color naming. The author conducted lexicographic analysis of the color naming *blue and green* shows the features of the usage colorview *brown and yellow*.

Keywords: concept, color naming, world picture, specific.

Целью работы является выявление фрагмента картины мира казахов с целью установления специфики употребления концептов-цветоименований в казахском языке.

Цветовые концепты как целостная система, специфика которой проявляется на когнитивном, прагматическом, культурном и языковом уровнях и содержит национально-культурный компонент, в последние десятилетия стали объектом пристального внимания со стороны учёных-исследователей в области лингвистики, истории казахского языка, тюркологии, культурологи, этнографии и др.

Изучение культурных аспектов лексической семантики связан с именами А. Талеубаева, А. Маймакова; проблемам национально-культурных аспектов цветообозначений посвящены работы М. Айтмагамбетовой, Ш. Жарыковой, Д. Шайбаковой. В российской науке фундаментальные исследования языковой, в том числе цветовой, картины мира реализованы Н. Бахилиной, А. Вежбицкой, В. Воробьёвым, Ю. Степановым, Р. Фрумкиной. В последнее время филологическая наука обогатилась множеством глубоких научных трудов, целью которых стало исследование базовых цветовых концептов, представленных в различных языковых картинах мира. Их авторы – Я. Астахова, И. Белобородова, Л. Голубь, К. Дмитриева, Т. Морозова и другие учёные.

В начале своей работы рассмотрим понятие концепта, не останавливаясь на этом вопросе подробно, поскольку данная проблема достаточно глубоко и всесторонне рассматривается во многих работах лингвистов.

Современная лингвистика признает ключевое место концепта в когнитивной лингвистике. В то же время нельзя не отметить вариативность его содержания в концепциях разных научных школ и трактовках отдельных ученых. Возможно, причина кроется в том, что концепт – категория «мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования» [Попова, Стернин 2007: 29–30].

С. Аскольдов-Алексеев, впервые в российской науке употребивший термин концепт, определяет его как мысленное образование, замещающее в мыслительном процессе неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций [Аскольдов 1997: 4].

В. Карасик определяет концепты как ментальные образования, которые представляют собой немаловажные типизируемые части человеческого опыта, которые имеются в его памяти [Карасик 2004: 59]. Ученый считает, что концепт является частью социального опыта индивида, «переживаемой информацией», «квантом переживаемого знания» [Там же: 361].

Считаем, что во всех определениях концепта есть сходство: концепт отражает культуру народа и является основной единицей универсального предметного кода человека, однако нам близко определение концепта, данное М. Пименовой, которая дефинирует данное понятие следующим образом: «Что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира» [Пименова, 2004а: 8].

Рассмотрим когнитивное пространство колоронимов синий /көк и зеленый / жасыл как представления о фрагменте мира казахов.

В когнитивной лингвистике и лингвокультурологии концептам-колоронимам уделяется повышенное внимание из-за наличия в них и исторической, и культурной, и интеллектуальной, и эмотивной информации. Рассмотрение колоронимов с точки зрения когнитивного пространства подтверждает наше мнение о том, что колоронимы являются концептами. Наша точка зрения подтверждается исследованиями Н. Алефиренко, которая считает, что концепты имеют свое подобие в реальном мире, воздействуют на психофизическое и эмоциональное состояние индивида, содержат ресурсы логико-чувственно-образного постижения мира, являются эстетико-морально-нравственной категорией и реализуются в словосочетаниях, идиомах и цветоименованиях [Алефиренко 2005: 27].

Ученые отмечают наличие разного количества концептов-колоронимов в каждом конкретном языке. Различно и наполнение концепта синонимами-колоронимами и их структурными инвариантами.

Наиболее значимые в отображении языковой картины мира прилагательные с семантикой цвета находятся в периферийной зоне. Например, если в концепте-колорониме «сары түс» ядром является слово «сары», то словосочетание «ақшыл сары» размещается в ближней периферии и ненамного отличается от базового колоронима в плане семантики. Сочетания «ұзын сары» (*весна, когда истощаются зимние запасы продуктов*), «сары сүйек құда» (*окончательно породнившийся сват*), «сары табан болу» (*исходить много мест, быть опытным*), «сары табан аңшы» (*опытный охотник*), «сары таң» (*долгое летнее утро*), «сары тіс» (*пожилой человек*), «сары уайым» (*глубокая печаль*), «сары уайымшыл кісі» (*пессимист*), «сары үрпек» (*оперившийся птенец; ребенок*) будут располагаться в дальней периферии и именно они будут обладать национально-специфическим колоритом, несущим в себе конкретную историко-культурную информацию.

Особое значение концепты-колоронимы имеют в художественном тесте, когда речь идёт не только о характеристиках цвета, общих для определённой нации. Большее значение имеет индивидуально-авторская рецепция действительности, воплощаемая в художественно-образной картине мира автора художественного произведения. Употребляя те или иные колоронимы, писатель может более детально передать умонастроение персонажей, их эмоции и чувства, обозначить конфликт и пр. Так, например, колоронимы стали специфической идеей произведения М. Ауэзова «Көк серек». Бесспорно, название повести говорит не о колорониме «көк», а о концепте со всеми ассоциативно-коннотационными связями, присущими языковой картине мира казахов. И поэтому чаще всего непонятными для представителей иной нации с другой историей.

А. Вежицкая утверждает: несмотря на одинаковость для всех людей цветовосприятия, языковая концептуализация отлична в разных культурах, при этом имея удивительные элементы сходства [Вежицкая 1996: 238].

Итак, восприятие колоронимов взаимосвязано с конкретными всеобщими компонентами опыта людей, концептуализируемыми в разных языках по-разному.

Своя цветовая картина мира, состоящая из набора концептов-колоронимов, характерна для тех или иных писателей и поэтов, есть, например, у Ж. Нажмеденова. Для примера возьмем его стихотворение «Қоңыр түс», в котором имеются сочетания слов, типичные для казахской культуры, которые будут непонятны носителям другой культуры, поскольку не употребляются в данном значении: *қоңыр шеше, қоңыр кеш, қоңыр жол, қоңырқай, қоңырайып, қоңыр күй, қоңыр ән, қоңыр бала, қоңыр күпі,*

қоңыр дала, қоңыр ұн, қоңыр күй, қоңыр күз, қоңыр шаруа-күйбең, қоңыр қыз, қоңыр төбе, қоңыр ымырт, қоңырайып. Обратим внимание на значение некоторых речевых оборотов, которые имеют в своем составе колороним *қоңыр*: 1) ничем не примечательный; заурадный: *оның қоңыр ғана тірлігі бар*; 2) близкие родственники; неразлучные друзья: *ағайынды қоңыр қаз*; 3) приятная нежная песня: *қоңыр ән*; 4) баритон; низковатый приятный голос: *қоңыр дауыс*; 5) прохладный летний ветерок: *қоңыр жел*; 6) ранние сумерки: *қоңыр көлеңке*; 7) поздняя осень: *қоңыр күз*; 8) легкая и приятная прохлада: *қоңыр салқын*; 9) прохладный ветерок: *қоңыр салқын жел*; 10) слабый нежный ветерок; бриз: *қоңыр самал*; 11) приятный низкий голос: *қоңыр ун*.

Именно в таких значениях нами не замечено словоупотребление данного концепта, например, в русском языке, что вновь подтверждает высказанную выше мысль о национальной специфике цветообозначений.

Проведем более детальный анализ концептов-колоронимов *синий /көк и зеленый / жасыл* на материале словарей казахского языка.

В однотономном Большом толковом словаре казахского языка эти колоронимы рассматриваются как существительное, прилагательное, составная часть сложного слова и глагол.

Колороним «жасыл» и словообразования с корневой морфемой -жасыл- в данном словаре представлены всего тремя значениями: 1) жасыл: *жасыл тасбақа* (прилаг., зоол.) – зеленая черепаха. *Теңіз тасбақасының жасыл түсті бір түрі*. 2) жасылдандыр (глагол) – посадка деревьев, селекция растений. <...> *жасылдандырып*, <...> *ат салысыңыз*. 3) жасылша (сущ. бот.) – петрушка.

Колороним *көк* в анализируемом словаре представлен очень широко. Всего мы насчитали 22 лексемы: 1) *көк* – нержавеющей сталь, благородная; качественная: *көк найза*, *көк семсер*, *көк сауыт*; 2) *көк алма* – незрелое яблоко; 3) *көк асық* – неокрепший (о животных); 4) *көк даңғыл* – сквозняк: *Көк даңғыл соғып* <...>; 5) *көк егіс* – посевы: *Ол* <...> *көкегіс ектірген*; 6) *көк жайқын* – широкие степи: *Күншығыс жақта* <...> *көк жайқын жайқалады*; 7) *көк жамбас* (экспр.): ... *14 жасыңа дейін көк жамбас болған шығарсың?* 8) *көк көздеу* – светлоглазый человек: <...> *көк көздеу сары кісі* <...>; 9) *көк қарын* – голодный: <...> *Көркемтай секілді көк қарын бала* <...>; 10) *көк қарын болды* – вздутие живота из-за чрезмерного употребления воды: <...> *суды көк қарын болғанша* <...>; 11) *көк қасқа машина* – грузовая машина марки ЗИЛ-130: <...> *көк қасқа машинаның үстінде* <...>; 12) *көк қожасы* (перифр.) – беркут: *Көк қожасы* <...> *шырқап шығып алған*; 13) *көк найза* (устар.) – меч: <...> *«көк найза» деп аталынады*; 14) *көк пияз* – перья лука: *Көк пияз турап*, <...> *сорпасы да аса дәмді екен*; 15) *көк сауырлады* (этно.) – толстая кожа сине-зеленого цвета из кожи лошадей и ослов: <...> *аяғында көк сауырлаған мәсі* <...>; 16) *көк сауырлат* – отделка из кожи сине-зеленого цвета: <...> *көк сауырлатқан* <...> *ер осы үйдің төріне* <...> *қаусап тұр*; 17) *көк тәңірі* – в древней трактовке создатель всего мира, тюркских государств, в том числе Бог казахского народа: *Қазақта көк тәңіріне табынудан қалған наным-сенімдер әлі күнге дейін сақталған*; 18) *көк теңіз* – море с прозрачной чистой водой: <...> *көк теңізге* <...> *балық қағатын*; 19) *көк тұқылдан* – щетина на подбородке: *Ерден* <...> *көк тұқылданған самайын қырына бастап еді*; 20) *көк тұнжыр* (зоол.) – ястреб голубовато-серого цвета: *Құсбегілер қаршығаны* <...> *көк тұнжыр* <...> *бірнеше түрге жіктейді*; 21) *көк шешек келгір* – проклятие; 22) *көк айыл* – злая, скандальная женщина.

Как видим, по сравнению с колоронимом «зеленый» (3 значения) цветоименование «синий» (22 значения) в казахском языке представлено значительно шире. Причем, к сине-голубому цвету имеют отношение всего 5 значений (23%), к зеленому цвету – 4 (18%), отображает оттенок сине-зеленого цвета 5 (23%), остальные 8 (36%) дефиниций к цвету не имеют, казалось бы, никого отношения: *көк асық*, *көк даңғыл*, *көк жамбас*, *көк қарын*, *көк тәңірі*, *көк шешек келгір*, *көк айыл* и др.

Именно в этих значениях кроются особенности языковой картины мира казахского народа, когнитивное пространство казахского языка и его концептосфера. Обратим внимание на некоторые из них. Совершенно противоречивые и антонимичные значения колоронима «синий» в казахском языке требуют, на наш взгляд, отдельного исследования через этимологический анализ. Сравните: *көк асық* – неокрепший (о животных), *көк даңғыл* – сквозняк, *көк қарын* – голодный; *көк қарын болды* – вздутие живота из-за чрезмерного употребления воды; *көк шешек келгір* – проклятие; *көк айыл* – злая, скандальная женщина, *көк айылдану* – скандалить. Все эти слова употреблены в негативном или близком к негативному значениям. В то же время в казахской лингвокультуре по настоящее время

частотное употребление выражения «*көк тәңірі*», которое с древних времен имеет значение «Создатель всего мира, тюркских государств, в том числе Бог казахского народа».

Мы проанализировали словосочетания, которые имеют в своем составе концепт-колороним «*көк*», однако анализируемый словарь представлен еще ста тридцатью тремя (133) словами, которые имеют в своей корневой морфеме – *КӨК*, например, *көкала, көкаяздан, көкаяздану, көкбалақ, көкбас, көкбауыр, көкбекше, көкбеттену* и др.

Наш анализ показывает, что большинство из них имеет отношение в цветообозначению, что составляет 87% от общего числа выявленных слов. Отдельные слова и выражения не обозначают цветоименования, например, бранный фразеологизм *көктемегір* имеет значение «чтоб тебе засохнуть на корню (никогда не завестись)»; *көкірек* имеет много значений, среди которых *грудь, грудная полость, образованный человек, добрый человек, сердце; душа, надменность; спесивость; высокомерие; заболвание у лошадей*. Как видим, в этих словах нет связи с цветоименованием. Как показал лексикографический анализ, в казахской лингвокультуре семантика концептов «*көк*» и «*жасыл*» во многих случаях сходна, чего мы не наблюдаем, например, в русских словарях.

Таким образом, исследование концептов-колоронимов в казахском языке представляет собой весьма ценное лингвистическое наследие, потому что именно в нем отражается культурно-историческое мировоззрение народа, его культура, обычаи. В перспективе намечается сравнительно-сопоставительный анализ концептов-колоронимов в русском и казахском языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 267–279.
Вежбицка А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. – М.: Русские словари, 1996. – С. 231–290.
Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 477 с.
Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово, 2004а. – 385 с.
Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 314 с.

AFGANİSTAN'DA YENİ AÇILAN TÜRKOLOJİ BÖLÜMLERİNİN TÜRK VE AFGAN KÜLTÜRÜNE ETKİSİ

F. Faozi

Türkler Afganistan coğrafyasını yüz yıllarca yönetmiş ve her alanda sayısızca tarihi eser bırakmışlardır. Günümüzde yüzlerce Türk kültürüne, Türk tarihine ait olan eserler Afganistan'ın her şehrinde vardır. Türk dili bu coğrafyada uzun yıllar hâkim olmuştur. 1919 yılından sonra Afganistan'da Peştü dili zorunlu dil olduğu için Türk lehçelerine eğitim ve öğretim yasaklanmıştır. Resmî dil günümüze kadar hep Peştunca ve Farsça (Derica) zorunlu dil olarak okutulmaktadır.

Bildirimizde Afganistan Türkleri Özbekler, Türkmenler kendi ana dillerine eğitim ve öğretimine, Afgan yönetimi 1963 yılında izin vermesi ve günümüzde hangi seviyeye ulaşmasıdır. Ayrıca 2001 yılında yeni Afgan hükümetinin kurulması ile Türkiye Cumhuriyeti eğitim ve öğretimde büyük destek vermiş, 2002–2003 yıllı ve 2013–2014 yıllarında Afgan Üniversitelerinde Türkoloji bölümleri açılmıştır. Bu bölümlerde Afgan öğrencilerinin ilgisi her yıl artarak devam etmektedir. Türkoloji bölümlerinde Türkiye Türkçesi, Türk kültürü, Türk tarihinin ne kadar etkili olduğunu araç ve gereçleri ile bildirimizde yer alacaktır. Ayrıca TİKA, Yunus Emre Türk kültür merkezi ve Maarif Vakfının Afgan eğitim sistemine desteği üzerine durulacaktır.

Anahtar kelimeler: Türkoloji, Türkçe, Dil. Kültür, Afganistan, Türkiye

The Turks ruled Afghanistan for centuries, and have left countless historical works in all areas. Today, hundreds of works belong to Turkish culture, Turkish history exist in every city of Afghanistan. The Turkish language has been dominated for many years in this region. After 1919, due to Pashtu language compulsory training and education in Afghanistan, Turkish education has been banned. Until today Pashto and Farsi languages are taught as a compulsory and official languages.

In this study we will examine, Afghan government allowed Afghan Uzbeks and Turkmens to have education in their own mother tongue in 1963 and today in which level it reached. In addition, in 2001 the establishment of the new Afghan government, Republic of Turkey has given great support to education and training, 2002–2003 and 2013–2014 Turkish departments were

opened in the Afghan universities. In this departments Afghan student interest continues to increase every year. Turkish Turcology departments taught Turkish culture, effective of Turkish history is also taught with the instrument and materials.

Keywords: Turkology, Turkish, Language, Culture, Afghanistan, Turkey.

Giriş

Bilindiği üzere Afganistan coğrafyası, eski çağlardan beri önemli ticaret ve istila güzergâhlarının üzerinde kurulmuş olmasıyla pek çok kavmin birbirine karışıp eridiği bir alan haline gelmiştir. Bugün burada yaşayan ve geçmişleri çok eskilere dayanan Türk toplulukları, Afganistan'ın siyasi ve kültürel tarihinde oldukça önemli rol oynamışlardır. Yıllarca bu coğrafyada kurulan Türk devletlerinin varlığıyla paralel olarak, Türkçe edebiyat dili olarak kullanılmış, bugün bile hala klâsikliğini koruyan birçok Türkçe eser kaleme alınmıştır. 18. yüzyılda gelişerek günümüzü de içine alan birtakım siyasi gelişmeler neticesinde maalesef bu coğrafyada Türkçe konuşmak ve yazmak yasaklanmıştır. Asya'nın kalbi olan Afganistan'da günümüzde yasak ve baskılar tam manasıyla bitmemiş olsa da bazı demokratik gelişmeler, Türkçenin gelecekte eski gücüne kavuşacağını önemli işaretlerindendir.

Türkçe ve Türkoloji'nin seyri ve bugünkü durumu

Akhun İmparatorluğu, Gazneliler Devleti, Selçuklular, Gurlular, Harzemşahlar, Timurlular, Babürlüler ve Afşar Türkmenlerinin hakimiyetinde Türk tesiri altında kalan Afganistan'ın bilhassa kuzeyinde bugün de Türk varlığı kuvvetli bir şekilde hissedilmektedir. Buralardaki Türk varlığının gücü paralelinde gelişen Türkçe ve Türkolojinin temellerini Mustafa Kemal Atatürk zamanında gelişen Türk-Afghan dostluğunda aramak gerekir. Atatürk, 19 Mayıs 1921'de Emanullah Han'ın birtakım ekonomik ve askerî taleplerine istinaden Afganistan'a askerî bir heyet gönderdi. 1923–1960 yılları arasında Türk bilim adamları, Afganistan devleti kurumlarında çok değerli hizmetlerde bulunmuşlardır. Afgan Milli Eğitiminde müsteşar olarak çalışanlar: Prof. Dr. Hasan Vasfi Menteş, Prof. Dr. Emin Ali Çavlı, Prof. Dr. İsmail Hikmet Ertaylan, Prof. Dr. Ethem Menemencioğlu vd. Kabil Üniversitesi'nde değişik bölümlerde dersler vermişler, eğitim seviyesinin yükselmesine olumlu katkılar sunmuşlardır [Dağpınar 1976: 10]. Afganistan'da Türkiye Türkçesi eğitiminin temelleri ilk defa 1932 yılında Prof. Dr. Kamil Rıfkı Urga tarafından atılmıştır. Türkçe eğitimi ilk yıllarda tercüman aracılığıyla verilmiş, sonraki yıllarda Türkçe kursları açılmıştır. Türkiye Cumhuriyeti'nin sıkıntılı yıllarında bile Türkiye'den birçok akademisyen, subay ve öğretmen, kardeş ülke Afganistan'a gönüllü olarak gitmiştir. Afganistan ordusunun temellerini Türk subaylar atmışlardır. Bu nedenle Afganistan'da halen askerî birçok terimin Türkçe olarak kullanıldığı bilinmektedir. 1964 yılına kadar Afganistan'daki Türkçe eğitimi; Afganistan Dışişleri Bakanlığında, Eğitim Bakanlığında, askerî okullarda, Kabil Üniversitesi Hukuk Fakültesinde, Tıp Fakültesinde ve Siyasal Bilgiler Fakültesinde Türk eğitimciler tarafından verildi. 1963'te Afganistan'da anayasanın yenilenmesi, birtakım siyasi faaliyetlere izin verilmesi ve suçluların serbest bırakılması gibi önemli gelişmelerin akabinde Afgan Türkleri, kısmen de olsa rahatladılar. Özbek aydınlarının girişimiyle 1963 yılında Afganistan milli radyosunda haftalık 2 saat Özbekçe programların yayınlanmasına izin verilmesi, Afgan Türkleri için ve bölgedeki Türkçenin varlığı açısından oldukça önemlidir. 1964 yılından sonra Afganistan, Sovyetler Birliği'ne yaklaştığından Türk eğitimciler Türkiye'ye dönmek zorunda kalmışlardır. 1978 yılında da Özbeklerin kendi dillerinde birkaç dergi ve gazete çıkarma izni aldığını görüyoruz. 1981–82'li yıllarda Türkiye'nin Kabil Büyükelçiliğinde açılan ve bir süre sonra kapanan Türkçe kursu, her ne kadar kısa süreli olsa da Afganistan'daki Türkçe ve Türkoloji'nin tarihi açısından önemli kabul edilebilir. Önemli gelişmelerden birisi de, 1985 yılında Kabil Devlet Üniversitesinde Özbek Dili ve Edebiyatı'nın açılmasıdır. Bu tarihten itibaren Afganistan Türklerinin yoğun olarak yaşadığı bölge Kuzey Afganistan, «Güney Türkistan» olarak anılmaya başlandı. Daha sonraki yıllarda ilkökul seviyesinde Özbekçe, Türkmençe eğitim veren ilkokullar açılmıştır. 1992 yılından sonra Afganistan Türkleri, Güney Türkistan'da birleşerek kalkınma hamlesine girdiler, her alanda büyük yatırımlar gerçekleştirdiler. Türk dilinin geliştirilmesine yönelik önemli yatırımlardan birisi de Özbekçe ve Türkmençe eğitim veren okulların sayısının çoğaltılmasıdır. Kendi dillerinde kitap, dergi ve gazete çıkaran Türk şair ve yazarlar, basın yayın özgürlüğüne kavuştular. Türk kültürüne, Türk tarihine yönelik bazı araştırmalar yapıldı; bazı tarihi eserler restore edilerek koruma altına alındı. Güney Türkistan bölgesinde her alanda gelişme olduğu görüldü. Komşu Özbekistan ve Türkmenistan'la çok iyi ilişkiler kuruldu. Güney Türkistan, kısa sürede Afganistan'ın en güvenli bölgesi oldu. Kabil Üniversitesine bağlı bazı öğretim görevlileri ve öğrenciler de bu bölgedeki Belh Üniversitesine geldiler [Fevzi-Cankurt 2013: 497–498]. Yine 1992 yılında Kuzey Afganistan'daki Özbek Türklerinin lideri General Raşit Dostum, beraberinde bir heyetle Türkiye'ye gelerek dönemin cumhurbaşkanı Turgut Özal

ve Başbakan Süleyman Demirel'le görüştü. Raşit Dostum, söz konusu samimi görüşmede Cumhurbaşkanı'ndan ve Başbakan'dan Özbeklere Türkiye Türkçesi eğitiminin verilmesi önerisinde bulundu. Özbek öğrencilerin Türkiye'de eğitim alması yönünde bazı isteklerde bulundu. 1993 yılında 500 Özbek öğrenci Türkiye'ye eğitim için gönderildi. Gönderilen bu öğrenciler çeşitli bölümleri kazanarak eğitimlerine başladılar. Bütün bu gelişmeleri, ilerlemeleri, kalkınmayı ve yatırımları çekemeyen bazı güçler, Taliban örgütünü destekleyerek Güney Türkistan'a hakim olmasını sağladılar. 1997 yılından başlayıp 2001 yılına kadar süren bu yıllar, Güney Türkistan bölgesi için karanlık günler olarak tarihe geçti. Taliban örgütü, okulları ve kütüphaneleri kapattı, kız çocuklarının okumalarını yasakladı.

ABD'nin Afganistan'a 2001 yılında askeri müdahalesi sonucunda Taliban örgütü, Güney Türkistan'dan çekildi. 4 Ocak 2006'da Afganistan'ın yeni anayasasının 19. maddesiyle Özbekçe ve Türkmençe üçüncü resmi dil olarak kabul edilmiştir. 2002 yılında Nato'ya bağlı İSAF (Uluslararası Güvenlik Desteği Gücü) komutanlığını Türkiye'nin devralması, Afganistan'daki Türkçe eğitimi açısından olumlu sonuçlar ortaya çıkarmıştır. Türk kuvvetlerinin komutanı Hakim Zorlu'nun önerisi, Türkiye Cumhuriyeti Kabil Büyükelçiliğinin gayretleri, Afganistan Cumhurbaşkanı Hamit Karzai'nin emriyle Kabil Devlet Üniversitesi Edebiyat Fakültesinin bünyesinde Türkoloji bölümü açıldı. Muhteşem bir açılış töreni düzenlendi. Dönemin Türkiye Cumhuriyeti Kabil Büyükelçisi Müfit Özdeş, Afganistan Yüksek Eğitim Bakanı Hasan Ali, Kabil Devlet Üniversitesi Rektörü İstanuzay Popal, Özbek aydınları ve çok sayıda öğretim üyeleri, öğrenci velileri katıldılar. Türkiye'nin Türk diline yönelik en büyük projesi olan Türkoloji bölümü, 2002-2003 eğitim ve öğretim yılında Afganistan'da yaşayan her etnik gruptan öğrenci almaya başladı. Edebiyat Fakültesinin birinci katında sınıf az olduğu için 2 derslik, Türkoloji bölümüne dekanlık tarafından verilmiştir. Daha sonraları büyükelçi Müfit Özdeş, bölüme sık sık gelerek yakından ilgilenmiş, derslik sayısını dörde çıkarmıştır. Bir sınıfı da kütüphane yaparak, elçilik kütüphanesinden buraya kitap bağışında bulunmuştur. Daha sonraki yıllarda Türkiye'den Türk Dili ve Edebiyatı ile ilgili kitapların gönderilmesi talep edilmiştir. Gazi Üniversitesi ile protokol imzalanarak bölümün öğretim elemanları ve öğrencilerinin Türkiye'ye kısa dönemlik staj programı için gönderilmesine karar verilmiştir. Üniversite tarafından ilk önce iki öğretim görevlisi görevlendirilmiştir. Türkçe dersi müfredatı bu öğretim görevlileri tarafından hazırlanmaktadır. Her yıl düzenli olarak iki öğretim görevlisi Türkoloji bölümüne gelmektedir. Özbek Dili ve Edebiyatı'ndan yerel hocalar da Türkoloji bölümüne alınmıştır. Şu anda Türkoloji bünyesinde 2 Türkçeyli, 11 yerel 13 öğretim görevlisi vardır. Hem gece hem gündüz eğitimi veren bölümün 580 öğrencisi bulunmaktadır.

2003 yılında Afganistan Askeri Liseleri tekrar açılmış ve Türkçe dersi, ders müfredatına dahil edilmiştir. Şu anda Türk askeri Afganistan Askeri Lisesinin eğitimini üstlenmiştir. Türkçe dersleri halihazırda devam etmektedir. Afganistan Genelkurmay Başkanlığındaki ana binada bulunan Türkçe kursu sürekli eğitim vermektedir. Afgan subaylarına hem askeri dersler hem de Türkçe dersleri Türk subayları tarafından verilmektedir.

2004 yılında Türkoloji bölümü, Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı (TİKA)'na devredilmiştir. TİKA, bölüme her türlü desteği sağlamış, öğretim elemanlarının sayısını artırmak için Türkiye üniversitelerinin Türk Dili ve Edebiyatı bölümlerinden mezun olanları da bölüme almıştır. TİKA, Türkoloji bölümü için yeni bir bina inşa ettirmiş, bahis konusu bina tam donanımlı olarak Türkoloji bölümünün Yunus Emre Enstitüsüne devredildiği 2011-2012 eğitim ve öğretim döneminde hizmete açılmıştır. Bu bina içerisinde Yunus Emre Kültür Merkezinin Türkoloji bölümünün yanı başında açılması; Türk dilinin ve kültürünün Afganistan'da daha çok tanınmasına katkı sağlayacak, iki kardeş ülke arasında hem kültürel hem de ticarî bakımdan birtakım gelişmelere kapı aralayacaktır. Şu anda Yunus Emre Enstitüsü bünyesinde bulunan bölümden düzenli olarak her yıl 45 öğrenci mezun olmaktadır.

Kabil Devlet Üniversitesi Türkoloji bölümüne ek olarak yine 2014'te Kabil'de Burhaneddin Rabbani Üniversitesi Eğitim Fakültesinde ve Güney Türkistan şehirlerinden Cevizcan (Cüzcan)'da Türkoloji bölümleri açıldı. Burhaneddin Rabbani Üniversitesi Eğitim Fakültesindeki Türkoloji bölümünde Afgan kökenli 6 öğretim görevlisi bulunmaktadır. 370 öğrenci Türkoloji eğitimi almaktadır. Güney Türkistan (Kuzey Afganistan) şehirlerinden Cevizcan'daki Türkoloji bölümünün Mezar-ı Şerif Başkonsolosu Sayın Mustafa Erdeviren'in destekleriyle tam donanımlı olarak çalıştığını görmekteyiz. Bu bölümde 1'i Türkçeyli, 4'ü Afganistanlı olmak üzere 5 öğretim görevlisi bulunmaktadır. Toplam öğrenci sayısı 420'dir. Yeni açılan bu bölümlere Kabil Devlet Üniversitesi Türkoloji bölümünden mezun olanlar görevlendirildi. Kuzey Afganistan'daki Belh Üniversitesi Edebiyat Fakültesinde Özbek Dili ve Edebiyatı bölümünde de Türkiye Türkçesi eğitimi verilmektedir. Söz konusu bu Özbekçe bölümde Türkiye Türkçesi 2004 yılında sadece bir ders olarak verilirdi. 2013 yılından beri Mezar-ı Şerif Başkonsolosu Sayın Mustafa Erdeviren'in

yoğun gayretleri sonunda Özbekçe bölümüyle ilişkili olarak Türkçe bölümü de açıldı. Buradaki Özbekçe ve Türkiye Türkçesi bölümlerinin ileride açılması düşünülen Çağdaş Türk Lehçeleri ve Edebiyatları bölümüne kaynaklık etmesi düşünülmektedir. Hem Türkçe hem de Özbekçe eğitimi bu bölümde Afgan kökenli 8 öğretim görevlisi bulunmakta olup öğrenci sayısı 410'dur. Belh Üniversitesindeki Türkçe eğitiminin bir benzeri de Tahar Üniversitesi Özbekçe bölümünde yapılmaktadır. Türkçe eğitiminin verildiği bu Özbekçe bölümde 310 öğrenci bulunmakta olup 6 öğretim görevlisi görev yapmaktadır. Bünyesinde Türkçe eğitimi de bulunan diğer Özbekçe bölümlerinden biri başkent Kabil'de Bağlan Üniversitesinde, diğer dördü Kuzey Afganistan'daki Mezar-ı Şerif'te, Cevizcan'da, Meymana'da ve Herat'tadır. Türkçe eğitimi de veren Özbekçe bölümleri toplam 7'dir. Afganistan'da Türkmençe eğitim veren bir bölüm de vardır. Kuzey Afganistan'daki önemli Türkmen nüfusuna rağmen Türkmençe eğitimi veren sadece bir bölümün olması oldukça üzücüdür. Cevizcan Üniversitesindeki Türkmençe bölümünde 320 öğrenci eğitim görmektedir olup, Afgan kökenli 5 öğretim görevlisi hizmet vermektedir.

Afganistan'ın en büyük devlet üniversitesi olan ve Türkoloji eğitimine kaynaklık eden Kabil Devlet Üniversitesi, 1932 yılında eğitime açıldı. Buradaki Tıp Fakültesi, Türk bilim adamı, Prof. Dr. Kamil Rıfki Urga tarafından kurulmuştur. Bugün Kabil'in işlek ve kalabalık bir semtinde olan Atatürk Caddesi'ndedir. Caddede olan kavşağın ortasında Prof. Kamil Rıfki Urga'nın anıtı bulunmaktadır. Bu anıtın duvarlarında üç dilde (Türkçe-Farsça-İngilizce) Kamil Bey'in Afganistan'da yaptığı hizmetlerden bahsedilir. Atatürk Caddesi'nin sol tarafında Atatürk Çocuk Hastanesi bulunmaktadır. Hastane günde yüzlerce çocuğun tedavisini ücretsiz yapmaktadır.

Türkoloji bölümlerine önderlik yapan Kabil Devlet Üniversitesi Türkoloji bölümü, bugüne kadar on birinci mezunlarını vermiştir. Mezun olan öğrenciler, Afganistan'ın önemli devlet kurumlarında saygın görevlere getirilmişlerdir. Ayrıca Türkiye Cumhuriyeti Kabil Büyükelçiliği'nde, TİKA'da, Kabil Yunus Emre Kültür Merkezi'nde, bazı Türk şirketlerinde ve Türk Silahlı Kuvvetleri'ne ait kamplarda çalışmaktadırlar.

1 Mart 1924 tarihinde Rusya'nın başkenti Moskova'da imzalanan Türk-Afgan dostluk antlaşması, daha önce her mart ayında yapıldığı gibi günümüzde de Afganistan Dışişleri Bakanlığı ve Türkiye Kabil Büyükelçiliği nezdinde kutlanarak anılmakta, bu bağlamda bir kısım etkinlikler yapılmaktadır. Afganistan Ankara Büyükelçiliğinde de dostluk günü ayrıca kutlanmaktadır. Bu tür etkinliklerin Afganistan'daki Türkçe ve Türkoloji çalışmalarına çok büyük katkılar sunduğunu düşünmekteyiz. 2016 yılında Türkiye Kabil Büyükelçisi Sayın Ali Sait Akın organizatörlüğünde 1 Mart Dostluk Günü kutlamaları yapıldı. Bir hafta boyunca her gün Türk Elçiliğinde yapılan birbirinden güzel etkinliklere bizzat şahit olduk. İki kardeş ülkenin dostluğu konulu paneller düzenlendi. Türk Elçiliği ve Afgan halkı arasında dostluklar pekişti. Türkiye'den gelen bilim adamları Türk folkloru hakkında konferanslar düzenlediler. Tanınmış sanatçılar konserler verdiler. Afganistan'da perşembe ve cuma günleri resmi tatil günleri olduğu için bu iki gün içerisinde iki ülkenin kültürü ve sosyal yapısı ve diğer bazı konularda etkinlikler düzenlenmektedir. 2010 yılından sonra Türk kültürünün Afganistan'da yoğun olarak tanıtıldığını görüyoruz. Otuz beş yıl önce yakın Türk dizisi Afganistan'ın yerel kanallarında izlenmektedir. Bu dizilerin Türkçeden Farsçaya tercümesi Türkoloji bölümünden mezun olan öğrenciler tarafından yapılmaktadır. Çokça izlenen Kurtlar Vadisi ve Diriliş-Ertuğrul gibi dizilerin kahramanlarının halkın epey ilgisini çektiğini görüyoruz. Dizilerin kahramanları halkın ilgisini o kadar çekmişlerdir ki birçok restoran, market ve kuaför tabelalarında onlara ait afişlere veya görüntülere rastlamaktayız. Ayrıca çocukların veya gençlerin ilgisini çekmek için dizi kahramanlarının resimlerine yer veren tişörtler epey tercih edilmektedir.

2010 yılından sonra Afganistan'da hızlı bir şekilde özel üniversiteler ve özel dersaneler açılmaya başlandı. Birçok özel üniversitede seçmeli ders olarak Türkçe tercih ediliyor. Ayrıca özel dersane veya kurslarda Türkçe kursu mutlaka verilmektedir. Bu kurslardaki Türkçe derslerini Türkoloji bölümünden mezun olan öğrenciler vermektedir. Şunu rahatlıkla söyleyebiliriz ki hemen hemen Afganistan'ın geneline yayılmış Türkçe kurslarının sayısı 500'ün üzerindedir. Kurslarda Türkçe öğrenen ve Türkiye'ye burslu olarak gitmek isteyen Afgan öğrenciler yetişmektedir. Kurslar öğrencilerin burs başvurularıyla bizzat ilgilenmektedirler.

Türk asıllı oldukları veya Türk-Moğol karışımı bir millet oldukları üzerinde farklı tartışmalara konu olan Hazaraların yoğun olarak yaşadığı Buda heykelleriyle meşhur Bamyan (Bamiyan) şehrinde de bir Türkoloji bölümünün açılması yönünde çalışmalar yapılmaktadır. Afganistan ulusal haber kanallarında Türkiye Türkçesiyle ilgili epey haber yapıldığını görmekteyiz. İSAF'ta görev yapan Türk askeri ve Türk Silahlı Kuvvetlerinin Kabil'de kurmuş olduğu Radyo Türkiye'm desteğiyle Türkiye'nin milli bayramları 19 Mayıs Atatürk'ü Anma Gençlik ve Spor Bayramı, 30 Ağustos Zafer Bayramı, 29 Ekim Cumhuriyet Bayramı, Türkiye'de olduğu gibi aynı coşkuyla kutlanmaktadır. Afgan Ordusu'nun askerî düzeninin temellerinin Atatürk zamanında Türk

uzmanlar tarafından atıldığını daha önce de dile getirmiştik. Şu anda da Türk birlikleri, Afgan Ordusu'nu eğitmektedirler. Bu gelişmeler paralelinde Afgan askerî liselerinde Türkçe dersi okutulmaktadır. Gerek Türkiye'deki subayların gerek Afganistan'daki Türk subayların Afganistan'daki Türkçe ve Türkoloji çalışmalarına doğrudan ve dolaylı verdikleri desteği önemsemek gerekiyor. Yazımızda daha önce belirttiğimiz üzere Afganistan'da Afgan askerî öğrencileri bizzat Türk subaylarca eğitilmektedir. Afganistan'dan Türkiye'ye askerî konularla alakalı olarak hizmet etmek amacıyla gidecek Afganlılara da Türkçe öğretilmektedir. Türk subaylarının söz konusu yollarla Türkçe ve Türkolojiye yaptıkları hizmetler halen devam etmektedir [Bağdaş tarihsiz: 979–985]. Ülkedeki askerî terimlerin önemli bir kısmının Türkçe olması, Afgan askerinin Türkçe derslerine hiç de yabancı kalmayacağına işaret etmektedir. Nato'ya bağlı birlikler içerisinde Türk birliklerinin Afgan halkı arasında farklı bir yeri vardır.

Sonuç ve öneriler

Türkiye Kabil Büyükelçiliği, Mezar-ı Şerif Başkonsolosluğu, TİKA ve Yunus Emre Enstitüsü gibi resmi kurumların veya birimlerin yoğun çalışmalarıyla ilişkili olarak Türkiye Türkçesinin Afganistan'da çok rağbet gördüğü gözlerden kaçmayacak kadar açıktır. Kabil Devlet Üniversitesi bünyesinde açılan ilk Türkoloji bölümüne Burhaneddin Rabbani Üniversitesinde ve Cevizcan bölgesinde açılan diğer Türkoloji bölümleri de eklenmiştir. Türkçenin yoğun olarak konuşulduğu Kuzey Afganistan'da Türkçe, Türkoloji ve Türk kültürü yönünde daha aktif çalışmaların olduğunu görüyoruz. Bazı üniversitelerde Özbek Türkçesi ve Türkmen Türkçesi gibi Türk lehçeleri de okutulmaktadır. Türk subaylarının Afganlı askerî personele verdiği Türkçe kurslarının da Türkçe ve Türkoloji çalışmalarına faal bir katkı sunduğunu düşünmekteyiz. Afganistan'daki özel üniversitelerde ve özel kurslarda verilen Türkçe derslerinin de günden güne arttığı görülmektedir. Gerek Türkiye Cumhuriyeti devlet yetkililerinin gerekse de Afgan yetkililerin Türkoloji merkezlerini ivedilikle artırması gerektiğini düşünüyoruz. Hem özel üniversitelerde hem özel kurslarda hem de askerî kurumlarda verilen Türkçe derslerine aktif bir şekilde devam edilmelidir. Bölge halkının seviyesine göre hazırlanmış araç gereçler ve materyaller artırılmalıdır. Hem Afganistan'da hem de Türkiye'de Afganistan'ın konumu ve şartlarıyla alakalı donanımına sahip uzman kadrolar yetiştirilmelidir. Afganistanlı Türkologların, Türk kökenli aydın ve yazarların, Türk edebiyatı ya da Türkçeyle ilgili özgün ve akademik yazıları artırmaları kanaatimizce önemlidir. Kaleme aldığımız bilgilendirme amaçlı bu yazımızın Afganistan'daki Türkçe ve Türkoloji eğitimine, Türk-Afgan kardeşliğine katkı sağlamasını temenni ediyoruz.

KAYNAKÇA

BAĞDAŞ, Fatih Şükrü (Tarihsiz), «*Yabancılarla Türkçe Öğretiminde Türk Silahlı Kuvvetlerinin Yeri: Afganistan Örneği*», İstanbul, Hava Harp Okulu.

DAGPINAR, Mehmet Ali Fuat (1976), «*Afganistan'da Mülkiye*», Mülkiyeliler Birliği Dergisi, C. 6, Nisan-Haziran.

FEVZİ, Firuz-CANKURT, Hasan (2013), «*Afganistan'da Türkoloji ve Türkçe Çalışmaları Hakkında Bir Araştırma*», Celal Bayar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, Cilt:11, Sayı:2, Ağustos, Manisa.

ВКЛАД ФИНСКИХ УЧЕНЫХ В ЧУВАШСКУЮ ЛЕКСИКОГРАФИЮ

Э.В. Фомин

Словари являются лишь небольшой частью чувашской экстерииорики. Их список включает 11 названий. Они вписываются в общий контекст финно-угроведческих и тюркологических исследований, ставящих целью изучение чувашского языка. В настоящей работе рассматривается опыт лексикографирования чувашского материала в словарях, подготовленных финскими учеными и внесших значительный вклад в научную разработку чувашского лексического материала в целом.

Ключевые слова: словарь, лексикография, чувашский язык, финское чувашеведение, экстерииорика.

Dictionaries are only a small part of the Chuvash extraterritorial publications. Their list includes 11 titles. They fit into the general context of Finno-Ugric and Turkic studies, the purpose of which is to study the unique Chuvash language. This article discusses the experience of lexicographic study of Chuvash material in dictionaries prepared by Finnish scientists, who have made significant contributions to the scientific development of the Chuvash lexical material in general.

Keywords: vocabulary, lexicography, Chuvash language, Chuvash studies of Finland, foreign publications.

Словари занимают важное место в зарубежных чувашеведческих исследованиях. К настоящему времени за пределами России подготовлено и выпущено 11 подобных изданий.

Можно выделить финскую и турецкую лексикографические традиции. Остальные национальные разделы – английский, американский, венгерский и немецкий – являются периферийными и представлены единичными изданиями или словарями в виде приложений к учебным пособиям.

Финский раздел чувашской лексикографии прежде всего связан с именем профессора Хельсинкского университета Х. Паасонена (1865–1919). Им был подготовлен «Чувашский словарь», выпущенный в двух странах тремя изданиями – в Венгрии [Paasonen 1907; Paasonen 1974] и Турции [Paasonen 1950]. Исходно данный словарь является трехязычным – чувашско-венгерско-немецким и сопровождается ценными этимологическими заметками, получившими признание в среде этимологов.

Лексикографические материалы Х. Паасонена всецело вошли в тезаурус чувашского языка Н. И. Ашмарина.

Чувашский словарь финского ученого был переиздан на турецком языке в 1950 г. и его следует признать исследованием, зачинающим турецкое лингвочувашеведение.

Современным центром чувашеведения в Финляндии является Сектор исследования языков Поволжья университета г. Турку. На его базе были подготовлены следующие словари:

«**Чувашско-финский словарь**» [Чавашла-финла 2007]. Издание прежде всего адресовано финнам, изучающим чувашский язык в контактологическом плане во взаимосвязи с финно-угорскими языками. Объем словаря – восемь тысяч лемм.

Рукопись была подготовлена еще в начале 2000 г. сотрудником кафедры финно-угорских языков А. Мойсио. В последующем в рабочую группу для работы над книгой были включены Э.В. Фомин и Й. Луутонен. Основу словаря составил материал чувашско-русского и русско-чувашского словарей М.И. и А.В. Скворцовых (1999), а также иных источников.

В ходе составления словаря, с точки зрения носителей финского языка, было установлено немалое число чувашской лакунарной лексики. В этом случае слова объяснялись через толкование.

Словарь стал своего рода началом новых исследований финских ученых в области чувашского языка, возобновленных после некоторого затишья в 1970–1990 гг. Он также удачно вписывается в ряд финских словарей последнего времени, одним из компонентов которых являются волжско-финские и пермские языки.

«**Обратный словарь чувашского языка**» [Zhel'tov 2009]. Объем словаря – более 30 тысяч слов. Словарь представляет собой наиболее полный свод лексики современного чувашского литературного языка. В его основу положен лексический материал академического чувашско-русского словаря 1982 г. Он также дополнен значительным числом слов из других источников.

Первый обратный словарь чувашского языка был издан в 1985 г. Его инициатором выступил русист чувашского происхождения А. Н. Тихонов. Словарь создавался параллельно русскому проекту. Главный его недостаток – сложность идентификации слов, поскольку лексемы не сопровождались какими-либо дополнительными сведениями, важными для их однозначного понимания. Финский словарь в этом плане более удобен, он содержит указание на принадлежность лексемы к той или иной части речи, а также сопровождается паспортом, отсылающим к конкретному словарю, в котором содержится пояснительная информация о слове.

Важной особенностью словаря является включение в него словосочетаний. Это продиктовано тем, что одним из главных деривационных методов в чувашском языке выступает синтаксический способ словообразования.

Словарь содержит интересную статистическую информацию о распределении частей речи в чувашском языке: доля существительных – 52,94 процентов, глаголов – 24,96, прилагательных – 12,8, наречий – 5,34, подражательных слов – 4,35, суммарная доля остальных частей речи – менее двух процентов (превышение ста процентов связано с тем, что у некоторых слов указана принадлежность сразу к нескольким частям речи).

По признанию финно-угроведов, настоящий словарь следует признать наилучшим в серии обратных словарей волжско-финских языков, изданных туркускими учеными.

«**Электронные списки слов: коми, чувашский и татарский языки**» [Luutonen 2016]. Данное издание является второй частью проекта, ставящих целью публикацию

лексических баз данных. Первая часть посвящена марийскому, мордовским и удмуртскому языкам.

Чувашская часть подготовлена на основе обратного словаря (см. выше). Редактор издания Й. Луутонен отмечает, что «хотя традиционные печатные словари удобны для пользователя и подходят для решения самых простых исследовательских задач, компьютерные файлы окажутся более полезными исследовательскими материалами для пользователей, желающих найти слова, соответствующие той или иной комбинации различных параметров».

Электронные списки подготовлены для ведения сравнительных исследований разноязычного лексического материала. Техническую базу списков составила специальная программа SFou WordListTool.

Таким образом, вклад финских ученых в лексикографию языков Урало-Поволжья значителен. Созданные финской стороной словари выполнены на высоком научном уровне и отвечают современным требованиям.

Чувашский язык в контексте финно-угристики является периферийным, однако он крайне необходим для ведения контактологических исследований. Именно данный посыл в настоящее время позволяет вовлечь чувашский язык в область научных интересов финских лингвистов и вывести его проблематику на международный уровень.

Наработки финских ученых могут послужить замечательной основой для подготовки новых словарей. Созданный ими электронный список чувашских слов является индексом, позволяющим вести учет чувашской лексики во взаимосвязи с исходными лексикографическими источниками.

ЛИТЕРАТУРА

Luutonen J., Fomin E., Enye L., Saykhunov M., Zheltov P. Electronic Word Lists: Komi, Chuvash and Tatar / *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. – Helsinki, 2016. – № 31. – Vol. 2. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sgr.fi/en/items/show/994> (дата обращения: 15.06.2019).

Moisiö A., Fomin E., Luutonen J. *Tšuvassilais-suomalainen sanakirja = Чăвашла-финла словарь : 8000 sanaa / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja*. – Turku, 2007. – 286 s. – Пер. загл.: Чувашско-финский словарь. – Фин.

Paasonen H. *Csuvas szójegyzék / Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest: A Magyar Tudományos Akadémia Kiadása, 1907. – Kötet 37. – 47 o. – Пер. загл.: Чувашский словарь. – Венг.

Paasonen H. *Çuvaş sözlüğü*. – İstanbul, 1950. – VIII, 218 s. – Пер. загл.: Чувашский словарь. – Тур.

Paasonen H. *Tschuwasschisches Wörterverzeichnis / eingeleitet von A. Róna-Tas; Studia Uralo-Altaica*. Szeged, 1974. – Vol. 4. – 7, VII, 244 S. – Пер. загл.: Чувашский словарь. – Нем.

Zheltov P., Fomin E., Luutonen J. *Reverse dictionary of Chuvash = Обратный словарь чувашского языка / Lexica Societatis Fenno-Ugricae; Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 2009. – 344 p.

РОЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Г.С. Хазиева-Демирбаш, А.М. Иванова

Одно из наиболее значительных произведений Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» представляет собой оригинальное явление в современной татарской литературе, привлекающим к себе внимание сочетанием неосознанно возникающих мифологических персонажей и проявляющихся в структуре произведения мифологических образов, входящих к мифопоэтической традиции татар. Функционирование мифологической лексики Г. Яхиной в произведении дают возможность раскрыть ключевую идею в композиции произведения, с другой – создать картину этнокультурного пространства татарского народа. Представленная в произведении мифологическая лексика занимает важную роль в вербальном воплощении концепции произведения, в решении творческих задач писателя, а также поражает особой поэтичностью и репрезентует все специфические особенности локальных вариантов традиций татар. Этнокультурное пространство, отраженное в произведении Г. Яхиной, крайне сложное и многослойное явление, которое ярче всего раскрывается в мифологической лексике, так как именно она наиболее тесно связана с исторически конкретным миром вещей и понятий, значимых в контексте. И прежде всего, мифологическая лексика в художественном произведении рисует этнокультурное пространство народа. Подробный и точный этнокультурный анализ мифологической лексики произведения дает возможность нахождения точки соприкосновения и сравнения в репрезентациях традиционной духовной культуре татарского народа по материалам фольклорно-диалектологических комплексных экспедиций Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Ключевые слова: этнокультурное пространство, мифологическая лексика, художественное произведение, Г. Яхина, «Зулейха открывает глаза».

One of the most significant works of Guzel Yahina «Zulaykha opens his eyes» is an original phenomenon in the modern Tatar literature, attracting the attention by a combination of the unconscious arising of mythological characters and is manifested in the structure of works of mythological images Dating back to the mythical and poetic traditions of the Tatars. The mythological vocabulary presented in the work incorporates all the specific features of the local variants of the Tatar traditions, which plays an important role in the verbal embodiment of the concept of the work, in solving the creative tasks of the writer, and also amazes with special poetry. Mythological vocabulary forms the semantic space of the text, therefore, for a detailed and accurate ethnocultural analysis of the work, it is important to find a point of contact and comparison in the representations of the traditional spiritual culture of the Tatar people based on the materials of folklore and dialectological complex expeditions of the Institute of Language, Literature and Art. G. Ibragimova an RT. The ethno-cultural space reflected in G. Yakhina's work is an extremely complex and multi-layered phenomenon, which is most clearly revealed in the mythological vocabulary, since it is the most closely connected with the historically specific world of things and concepts that are significant in the context. And first of all, the mythological vocabulary in the work of art draws the ethno-cultural space of the people. At the same time, on the one hand, the use of the mythological vocabulary of G. Yakhina in the work made it possible to reveal the key idea in the composition of the work, on the other – to create a picture of the ethnic and cultural space of the Tatar people.

Keywords: ethno-cultural space, mythological vocabulary, artwork, G. Yakhina, «Zuleykha opens his eyes».

Обращение к произведению Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» связано с актуальностью, во-первых, общих вопросов исследования мифонимической лексики как составляющих единиц контекста, способствующих постижению глубинного смысла произведения; во-вторых, исследования мифологической лексики, которая предоставляет возможности изучения методов авторской организации системы контекстных и интертекстовых связей; в-третьих, исследования авторской лаборатории, которая позволяет выявить внутренние закономерности организации этнокультурного пространства народа.

В произведении Г. Яхиной духам ийе отведена особая функциональная роль. Как полагает В.Р. Аминова, «игра мифологическими образами и мотивами, сказочно-мифологическая фантастика выявляют авторское восприятие действительности, включающее в себя эстетический, нравственно-дидактический и философские аспекты» [Аминова 2013: 46]. Как утверждает Л.Х. Давлетшина, «литературные тексты, структурированные по мифопоэтическим законам, должны рассматриваться в широком историко-культурном и конфессиональном аспектах с последующим выявлением универсального онтологического характера содержательного и проблемного уровня произведения» [Давлетшина 2005: 28]. Обращение к мифологическим персонажам, знаковым элементам, генерирующим образам татарской традиционной культуры, специфика и назначение которых, как нам кажется, уместно и наиболее полно отражено в произведении. Духи ийе у Яхиной – это некие существа, которые выполняют мост, связующий главную героиню с потусторонним миром и коренным образом могут поменять жизнь Зулейхи, которая постоянно разговаривает, состоит в тактильной связи с ними («Извини, что часто беспокою, – говорит она в метель. – Ты и в этот раз – помоги, не откажи»). В произведении Г. Яхиной духи ийе характеризуются как домовый дух, дух связанный с домом. Это неслучайно, ведь особую роль в организации пространства в произведении играет образ дома, домашнего очага – места, где начинается и заканчивается жизнь, поэтому дом – это связующее звено между этим и потусторонним миром, которое является средоточием своего, освоенного мира. Поэтому именно дом (ёй, йорт, жорт) являлось и является обязательной отправной точкой всех обрядов переходного типа. Благополучие дома и хозяйства зависит от домовых духов (ийе), которые живут в каждом доме. По древнему мировоззрению, у всех предметов и природных явлений, всего того, что окружает человека, существуют свои духи, которые выполняют различные функции в домах, похозяйственных постройках, реках, озерах и др. В татарской традиционной культуре духи (ийе) представляют важную многофункциональную и многоаспектную систему, основанную на доисламских и исламских верованиях и культурах. Считается, что духи (ийе) являются наиболее архаичными и менее всего подверглись трансформации благодаря своей роли в повседневной жизни людей. В воззрениях татар дом, двор, хозяйственные постройки населены сверхъестественными существами, которые могут оказать помощь, если их попросить или же

навредить, если не соблюдать определенные правила в отношениях с ними. В татарской традиционной культуре в локальных вариантах репрезентуется вариативность в названиях домашних духов ийе: Абзар ийәсе (дух хлеба) кр.-уф. г. «*Абзар ийәбезнең исеме Занки баба, аныңа айт укырга кәрәк, шулай тейешле. Йортларыбызны хайванларыбызны саклар өчен*» (Духу Занки читают аят (молитву). Чтобы сохранить наши дома и живность); йорт ийәсе (дух дома) (серг., чст, тмн., астр.), ихата хужасы (менз.), өй хужасы, йорт хужасы (заказ. г.), нигез ийәсе, нигез хужасы (заказ. дубьяз. г.) – домовый, дух дома и живности: «*Йорт ийәсе бар ул. Күргәлгәннәр. Төнлә белән кадак какмагыз, йорт иясен кузгалтасыз*», – дип тавышланмаса кушканнар элек» («Ночью не стучите молотком, разбудите домовый дух», – говорили раньше). Урам ийәсе (дух улицы) кр.-уф. г. «урам» – закрытое место между домом и постройками: кр.-уф. г. «*Урам ийәсе килеп керде. Эттем кебек кийенгән, яшел камзул кигән*» (Зашел дух улицы. Одет как мой отец, был в зеленом камзоле). Ат ийәсе (дух коней) заказ. дубьяз г., кр.-уф. г.: «*Канушнида атлар тора, абый фанар тотып керә атлар янына*» Ат ийәсе булган күзенә күренгән» (Когда они зашли в конюшню с фонарем, то перед ними мелькнул дух коней). Считается, что представления о духах-хозяевах сформировались на фоне понимания и толкования явлений природы, всей совокупности ее ощутимых проявлений, а также в результате перенесения человеком социальных условий собственной жизни на природу [История и культура татар Западной Сибири, 2015: 487].

В произведении Гузель Яхиной функциональная роль отведена нескольким ключевым домашним духам ийе: бичура, басу капка иясе – дух околицы; абзар иясе – духу хлеба, капка иясе – духу ворот, мунча иясе – банный дух и др.

В традиционной татарской культуре образ Бичура встречается в фольклоре. В татарском афористическом жанре существует загадка «Кечкенә генә Бичура билен буып утыра» («Маленькая Бичура сидит опоясов свою талию»). Ф.И. Урманчеев относит данный дух к низшей мифологии и условно классифицирует на два вида: дух, причиняющий вред, ущерб хозяину и приносящий богатство, пользу [Урманчеев 2008, 1, 228]. В народном представлении домовый дух Бичура амбивалентен, но при нарушении правил общения с ним, может и наказать. Как утверждает героиня Зулейха, «*Угодить духу – дел непростое. Знать надо, какой дух что любит. Живущая в сенях бичура, к примеру, – неприхотлива. Выставишь ей пару немых таралек с остатками каши или супа – она слижет ночью, и довольна. Банная бичура – покапризнее, ей орехи или семечки подавай*».

В народном сознании если в доме присутствует бичура (его называют «бичуралы өй»), то дом в изобилии, достатке, если нет бичуры – то нет достатка («Бичуралы» дип бай кешене айтәләр (заказ. т.). Бичура не любит жадных людей.

В народных текстах только собранные вместе детали описаний и языковых единиц из многочисленных вариантов текстов способны составить представление об облике персонажа. В татарском народном сознании бичура представлена некрасивой, («*Бичура шоннок ямьсез була*» (Бичура бывает настолько некрасивым) (бар.), беззубой («*Бичураның теше булмый, аңкау белән ашый, аңа боламык куялар*» (заказ. т.) (У Бичуры не бывает зубов, он ест небом); «*Бичура койрыклы булган*» (Бичура бывает с хвостом); с хвостом, с большой головой, зеленоглазой («*Бичура – дәү башлы ди, күмер чүлмәге хәтле ди башы, дәү яшел күзле ди*» (Бичура – с большой головой с размером угольного кувшина, большими зелеными глазами) женщиной («*Бичура карчык кыяфәтендә булган, диләр*») (Она бывает в облике струшки); «*Чиләк-көянтә аскан бер чибәр кыз суга төшә. Хужа айтә, «Кызлары юк аларның, бу бичуралары*» (Это девушка – Бичура); «*Өй янганга шул бичура жылаган икән. Хәзер дә бар, кара чәчле хатын-кыз кыяфәтендә*» (Бичура плакала, из-за пожара. Теперь она представляется в женском образе). В фольклорно-этнографических текстах Бичура также представляется зооморфным существом: «*Бичура ул я тәкә шикелле, я эт шикелле була икән*» (Бичура бывает похож на барана, или на собаку).

Локативная характеристика мифологических персонажей является важнейшим идентифицирующим признаком, мотивирующим их названия-имена. Закрепление за мифологическим персонажем места обитания могут в полной мере реализовать свою магическую силу. Локативным местом обитания Бичуры является печь: «*Бичура ул пич аралыгында яши, диләр*» (Говорят, что Бичура живет за печкой).

Главная героиня Зулейха с целью, чтобы духи относились к ней благосклонно, прикармливала Бичуру: «*Сыпануть орехов бичуре за скамью, чтобы не шалила, не гасла печь, не подпускала угара, не мешала париться*». В локальных вариантах традиций татар также, чтобы Бичура не навредила, относилась к ней благосклонно, кормили кашей («*Ботканы пешереп, кечкенә ага савыт белән тәрәзә төбенә ми алдына куйганнар. Безнең эни казан*

Синкретизм, который в полной мере отражен в структуре и композиции произведения Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» исчерпан из многовековой традиционной культуры татар и отражен в системе образов мифологического мировоззрения. Мифологическая лексика в произведении Г. Яхиной является формой репрезентации особенностей авторского мировосприятия, способом воплощения этнокультурного пространства, философского осмысления универсальных закономерностей бытия и природы. Выявленные сходства и различия в мифопоэтических моделях мира, создаваемых Г. Яхиной и народным сознанием, существенны для характеристики как интегральных тенденций, действующих в концептуально-семиотическом пространстве, так и дифференциальных, связанных с эстетически имманентными факторами самоидентификации национальных художественно-эстетических систем.

ИСТОЧНИКИ

- МММ, 2010 – Милли-мәдәни мирасыбыз: Актаныш. – Казан, 2010. – 415 б.
МММ, 2011 – Милли-мәдәни мирасыбыз: Апас. – Казан, 2011. – 422 б.
МММ, 2012 – Милли-мәдәни мирасыбыз: Мари Эль татарлары. Бәрәңге. – Казан, 2012. – 376 б.
МММ, 2015 – Милли-мәдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары. – Казан, 2015. – 460 б.
МММ, 2011 – Милли-мәдәни мирасыбыз: Түбән Новгород. – Казан; Түбән Новгород; Мәскәү: «Мәдинә» нәшрият йорты, 2011. 400 б.
БТФ, 2018 – Башкорт татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. 334 б.

ЛИТЕРАТУРА

- Аминова В.Р. Мифологизм в прозе Ч. Айтматова и современных татарских писателей // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologizm-v-proze-ch-aytmatova-i-sovremennyh-tatarskih-pisateley> (дата обращения: 22.05.2019).
Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л). – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 543 б.
Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. II том (М–Я). – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 567 б.
Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. – 432 с.
Давлетшина Л. Религиозно-мифологические представления о «нечистой силе» в традиции тюменских татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9, ч. 1. – С. 25–27.
Давлетшина Л.Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX – начала XXI веков: дис. ... канд. филол. н.: 10.01.02. – Казань, 2005. – 173 с.
История и культура татар Западной Сибири. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 728 с.
Мирхаев Р.Ф. Татарская религиозно-языковая картина мира: эволюция культурных и духовно-ценностных ориентиров / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 120 с.
Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтики. – М.: Прогресс, 1995.
Урманчеев Ф. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек. 3 томда: 1 том (А–Г). – Казан: Мәгариф, 2008. – 303 б.
Яхин Ф. З. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. – Казан: ТДГИ нәшрияты, 2000. – 265 б.

АТРИБУТИВНЫЕ ТЕРМИНЫ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Ё.З. Хайдаров

В статье раскрываются специфические особенности атрибутивных терминов, используемых в терминологических системах узбекского языка. В частности, в ней определяются модели конструирования, состав, виды семантических связей между компонентами данных терминов. В работе приводятся различительные черты атрибутивных терминов от простых словосочетаний общелитературного языка, определяется специфика перевода атрибутивных терминов на узбекский язык.

Ключевые слова: узбекский язык, терминологические системы, термин, составные термины, атрибутивные термины, образование терминов, модели образования атрибутивных терминов.

This article discusses about the specific features of attributive terms which are used in terminological systems of Uzbek language. In particular it considers constructional models, content, and types of semantic relations between the components of the attributive terms. The author analyses the specific features of the attributive terms that differentiate them from the common noun phrases. Besides, the article discusses about the particularities regarding translation of attributive terms into Uzbek.

Keywords: Uzbek language, terminology, terminological systems, attributive terms, term formation.

В период нынешнего научно-технического развития возросло значение терминологии разных наук как средства получения и организации научных знаний. В этом процессе играют важную роль информированность и обмен информацией. В научной литературе «терминология» определяется как система терминов определенной научной области и как название отрасли языкознания. В узбекском языкознании широко изучена терминология определенных областей, и были составлены более чем 250 словарей [Мадвалиев 2008: 59].

Научные работы по терминологии и терминологические словари разных областей показывают, что большинство терминов принадлежит к числу сложносочиненных, составных терминов. В этой статье исследуются некоторые особенности атрибутивных терминов, используемых в узбекских терминологических системах.

Атрибутивные термины в узбекском языке обычно составлены из двух элементов, имеющих независимое лексическое значение и связанные между собой подчинительным образом. Например, *жигар циррози* (цирроз печени), *лимфа системаси* (лимфатическая система), *соматик нерв системаси* (соматическая нервная система), *каср сон* (дробное число), *фазовий бурчак* (угол пространства), *проектив координаталар* (проективные координаты), *тўғри бурчаклар формуласи* (формула прямых углов) [Тиббиёт 1994; Мантуров 1974].

В узбекском языке первый элемент составного термина, т.е. определение, выражается существительным и прилагательным. Определение, выраженное существительным, обычно бывает в именительном и родительном падежах. А определяемое слово бывает в именительном падеже, в форме третьего лица. В узбекском языке атрибутивные термины чаще всего имеют следующие модели:

I. Существительное + существительное (N+N, далее существительные будут выражены в этой форме)

1. Существительное им.п. + существительное им.п. Отношение между компонентами такого словосочетания бывает подчинительным, а определение и определяемое выражается существительными в именительном падеже. Но, не смотря на это, определение, выраженное существительным, проявляет некоторые особенности, свойственные прилагательным, и обозначает признак – особенность определяемого. Например, *хап дори* (таблетка), *рауш наркоз*, *каср сон* (дробное число), *туб сон*, *вектор фазо* (векторное пространство) и другие.

2. Существительное им.п. + существительное притяжат. форма. Определение в таких словосочетаниях выражается существительным в именительном падеже, определяемое бывает в притяжательной форме третьего лица. Например, *нerv системаси* (нервная система), *жигар циррози* (цирроз печени), *қон плазмаси* (плазма крови), *юрак цикли* (сердечный цикл), *ҳисоб чизиғи* (линия отчета) и др. Есть и словосочетания, определяемый элемент которых выражен во множественном числе. В качестве примера можно привести следующие термины: *Абель теоремалари* (теоремы Абель), *конус кесимлари*, *қутб координаталари* (полярные координаты), *сезги органлари* (органы чувств), *ўт кислоталари* (желчные кислоты).

3. Существительное в род.п. + существительное притяжат. форме 3 лица. Определение в таких составных терминов ставится в родительном падеже а определяемое в притяжательной форме третьего лица. Например, *сувнинг қаттиқлиғи* (жесткость воды), *туғруқнинг сустлиғи* (запоздалые роды), *функциянинг графиги* (график функции). Терминолог Р. Дониёров вышеприведенные формы терминов называет тюркским изафетом [Дониёров 1991: 83].

II. Прилагательное + существительное (Adj + N). Определение в этих сочиненных терминах выражается прилагательными. В зависимости от того, каким прилагательным выражено определение – относительным или качественным, подобные термины можно распределить на две группы:

1. Качественное прилагательное + существительное. Термины, в которых определяемый элемент выражен качественным прилагательным. Например, *мураккаб сон*

(составное числительное), *мунтазам кўпёқ* (регулярный многогранник), *қизил волчанка* (красная волчанка).

2. Относительное прилагательное + существительное. Термины, в которых относительный элемент выражен относительным прилагательным. Например, *тасодифий миқдор* (случайное количество), *сирпанувчи вектор* (скользящий вектор), *сепма дори* (присыпка) и другие.

Надо отметить, что в наших терминологических системах заимствованные относительные прилагательные широко используются в функции определения в составных терминах. Такие составные термины обычно заимствованы полностью, а иногда частично калькированы. Например, *эндоплазматик тўр* (эндоплазматическая сеть), *патологик реакция* (патологическая реакция), *перинатал давр* (перинатальный период), *уретрал ипчалар* (уретральные нити), *эндокрин система* (эндокринная система) и др. В языке источнике, откуда эти термины заимствованы, определение является производным прилагательным, которое образовано от существительного путем аффиксации. В процессе заимствования они не изменились. А определяемое либо калькировано, либо использовано в оригинальном варианте.

В узбекском языке некоторые аффиксы, образующие относительное прилагательное, активно используются в образовании составных терминов. Если сравнить их использование в разных областях, становится ясно что некоторые аффиксы чаще используются в технической сфере, а другие активно применяются в гуманитарных областях [Дониёров 1991: 85–93]. Нижеследующие аффиксы являются наиболее эффективными в образовании составных терминов: -симон: *қалқонсимон без гормонлари* (щитовидная железа); -ли: *вирусли гепатит* (вирусный гепатит); -ма: *сепма дори* (присыпка); -вчи: *адсорбцияловчи моддалар* (адсорбирующие вещества); -ий (-вий): *фазовий бурчак* (про странственный угол) и др.

Так как существует много разных моделей и видов синтаксической связи возникает вопрос об эффективности этих моделей и связей в терминологической системе. Этот вопрос касается так же и атрибутивных терминов, эффективность той или иной формы в выражении подразумеваемого значения считается особо важным. В таких терминах определение должно точно выражать отношение с определяемым элементом, иными словами, должно точно отражать особенности характеризруемого понятия [Лотте 1969: 5].

Несмотря на это, в составе терминов наблюдается употребление определений, выраженных словами, неспособных раскрыть значения понятия. Это связано не с особенностью понятия, а с ситуацией создания этого термина. Такие определения чаще всего связаны с именами открывателей того или иного понятия или события, либо они связаны с географическими названиями. Например, *Браун симптоми* (симптом Брауна), *Уорт усули* (стиль Уорта). Поэтому эти термины в некоторых работах именуется номенами, т.е. названиями растений, животных, болезней, лекарственных препаратов [Мадвалиев 2009: 59]. Номенклатура по функции близка к терминам. «Номенклатура» происходит из латинского языка и означает «перечень», «ропись имён». Терминологи А.Д. Хаютин пишет, что слово «номенклатура» впервые использовано ботаником Линнеем, и было употреблено в создании классификации растений [Хаютин 1971: 6–7].

А.А. Реформатский утверждает, что нельзя рассматривать понятия *терминология* и *номенклатура* как синонимы [Реформатский 1961: 49]. В номенклатуру входят названия разных оборудований, разновидностей технических продуктов. По мнению В.М. Лейчика, в номенклатуру должны входить слова, которые выражают предметы одного вида. С этой точки зрения, ученый оценивает номенклатуру как связывающее звено между терминами и собственными именами [Лейчик 1974: 15].

В процессе создания термина происходит специализация слова, точнее, выделяется и подчеркивается то или иное значения слова для обозначения понятия какой-нибудь области. А создание составных терминов происходит другим образом. Если слово будет употреблено как компонент составного термина необходимо уточнить использовано ли данное слово как термин и ранее в данной области. Если использовано, то оно должно сохранить свое значение как термин и в составном термине. Только в этом случае, использование терминов не вызовет недоразумений. В то же время это является одним из требований создания составного термина. Например, в медицине термины *гормон* (гормон), *касаллик* (болезнь), *реакция* (реакция), *симптом* (симптом) и отдельно и в составных терминах употребляются в одном значении. Например, *лактоген гормон* (лактогенные гар-

моны), *гипертония касаллиги* (гипертоническая болезнь), *патологик реакция* (патологическая реакция).

Термин *рецептор*, заимствованный из латинского языка, в медицине означает «анатомическая структура (конец чувствующего нерва или специализированная нервная клетка), которая воспринимает внешнее или внутреннее воздействие, превращает его в нервный импульс и передаёт в нервную систему» [Тиббиёт 1994: 186]. В современной медицине этот термин употребляется в составе более 50 атрибутивных терминов, таких как *cutaneous receptor – кожный рецептор – тери рецептори*, *muscle receptor – мышечный рецептор – мускул рецептори* и др. Этот термин употребляется в нескольких областях и имеет значение любого технического устройства, которое воспринимает сигнал или информацию.

Один из компонентов атрибутивного термина иногда не употребляется отдельно как термин. Например, *эгри чизиқ* (кривая линия), *тескари функция* (обратная функция). Атрибутивные термины, оба компонента которых являются отдельными терминами, встречаются чаще и это является одним из основных требований к атрибутивным терминам. Примерами могут быть такие термины как *Қонун моддаси* (статья закона), *гиперболик функциялар* (гиперболические функции) и др.

В лингвистических исследованиях, посвящённых атрибутивным терминам, всесторонне анализируется план выражения и план содержания этих терминов. Существуют различные точки зрения по отношению к семантическому соотношению компонентов атрибутивных терминов. Мы придерживаемся взгляда, что смысл, образованный соединением компонентов сохраняет старое содержание и обогащается новым качеством, внесённым новым словом [Баязитова 2005: 52].

В современном мире обмен научной информацией идёт настолько быстрыми темпами, что с каждым днём возрастает потребность в переводе научного текста. Различие лексического содержания и морфо-синтаксической структуры атрибутивных терминов в различных языках, принадлежащих различным типологическим группам, влияет на соответствие перевода научного текста. Например, оригинал и перевод компонентов термина могут принадлежать разным частям речи определенных языков, что связано с особенностями выражения понятий, формированных в ходе исторического развития языка. Грамматическая форма оригинала и перевода компонентов термина тоже отличаются. Грамматическое различие языков является основной причиной различия морфо-синтаксической структуры атрибутивных терминов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что атрибутивные термины, употребляемые в узбекских терминологических системах, имеют семантические и структурные особенности, свойственные только этому языку. Независимо оттого, как представлен термин – словом или словосочетанием, он остается одним из членов терминологической системы и имеет одно значение. А краткость, точность и однозначность терминов всегда остаются основными требованиями к ним.

ЛИТЕРАТУРА

Баязитова Г.И. Особенности терминологизации атрибутивных словосочетаний в предметной области «юриспруденция» (на материале французского и русского языков). АКД. – Уфа, 2005.

Дониёров Р. Научно-технические термины-словосочетания узбекского языка и их упорядочения // Ўзбек тили илмий-техникавий терминологиясини тартибга солиш масалалари. – Тошкент, 1991.

Лейчик В.М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж, 1974.

Лотте Д.С. Как работать над терминологией. Основы и методы. – М., 1968.

Лотте Д.С. Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов. – М., 1969.

Мадвалиев А. Изохли луғатда терминларнинг лексикографик талқинига доир // Ўзбек тили ва адабиёти, 2009, 1.

Мадвалиев А. Термин – терминологик луғат – изохли луғат // Ўзбек тили ва адабиёти, 2008, 6. Мантуров О., Солнцев Ю.К., Соркин Ю.И., Федин Н.Г. Математика терминлари изохли луғати. – Тошкент, 1974.

Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. – М., 1961.

Тиббиёт комусий луғати. Қомуслар бош тахририяти. – Тошкент, 1994.

Хаютин А.Д. Термин, терминология, и номенклатура. – Самарканд, 1971.

Нишоннов П.П. Француз ва ўзбек тиллари юридик терминологиясининг қиёсий типологик тадқиқи. Кандидатская диссертация. – Тошкент, 2009.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕКЛАМНОГО ОБРАЗА В МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Э.А. Хирмус, Н.В. Васильева

Рекламный текст, как правило, является базисом создания рекламного образа в маркетинговых коммуникациях, и сегодня можно с уверенностью говорить о том, что вопрос языка рекламы изучен крайне мало. В ходе статьи проведен анализ важности языковых средств создания рекламного образа, в также проанализированы стилистические фигуры, которые способны усилить выразительность высказывания, сделать рекламу более яркой, уникальной и запоминающейся.

Ключевые слова: языковые средства, реклама, маркетинг, маркетинговые коммуникации, рекламный образ, стилистические фигуры речи.

Advertising text, as a rule, is the basis for creating an advertising image in marketing communications, and today it is safe to say that the issue of the language of advertising has been studied very little. In the course of the article, an analysis was made of the importance of language means of creating an advertising image, and also analyzed stylistic figures that can enhance the expressiveness of the utterance, make advertising more vivid, unique and memorable.

Keywords: language means, advertising, marketing, marketing communications, advertising image, stylistic figures of speech.

Крупные организации или предприятия часто выделяют достаточно большие деньги на виды деятельности, связанные с продвижением товаров или услуг.

Все виды рекламной деятельности должны давать результат и позволять организации занимать прочное место на современном и динамичном рынке. Изучая лучшие (да и худшие) приемы рекламы, всегда можно научиться чему-то новому и полезному [Вирин 2015: 80].

На сегодняшний день любая компания, в которой директор маркетингового отдела является ключевой фигурой в руководстве и определяет дальнейшую стратегию бизнеса, уже далеко не редкость. И в этом нет ничего удивительного, ведь никакой бизнес сегодня не может быть успешным без управления спросом на продукцию/услуги.

В последние годы всё сложнее и сложнее удивить потребителя. Людей давно перестала удивлять привычная реклама в массмедиа. Уже сегодня мы можем наблюдать то, как меняются предпочтения потенциальных покупателей.

Реклама представляет собой неотъемлемую часть медийного пространства современного общества, как в России, так и во всем мире. Именно реклама способна формировать у потребителей отношение к тем или иным товарам и услугам.

При этом, реклама имеет огромное значение не только при продвижении товаров и услуг, но также и при популяризации тех или иных идей, мнений и принципов. В умелых руках реклама становится серьезным оружием, позволяющим воздействовать на сознание потребителя.

Изучение феномена рекламы происходит на пересечении различных наук: социологии, философии, экономики, психологии, лингвистики и многих других. Такой интерес к этому явлению объясняется его сложной характеристикой и различными специфическими особенностями, заключенными в правильном и адекватном восприятии рекламы, его понимание, мотивации, которую получает целевая аудитория и т. д. Указанные выше факторы также зависят и от социального и от культурного содержания феномена рекламы.

Культурный подход анализирует рекламу, как элемент массовой культуры. То есть она рассматривается, как комплекс и система символов, элементов, образов, знаков, которые формируют общую культурную картину объекта. Тогда реклама рассматривается как некий артефакт современной культуры, который отражает нынешние ритуалы общественной жизни, моделей ритуального поведения и поведения потребителей, которые основаны на мифологическом свойстве рекламного текста.

Что касается функций рекламы, в первую очередь – это предоставление покупателям информации через различные информационные средства. Реклама, прежде всего, выполняет роль продвижения товара, формируя и стимулируя сбыт и спрос, оборот услуг и товаров, производства в целом.

Рекламный текст провоцирует интерес потенциального потребителя посредством сосредоточения внимания на его личных потребностях, при этом стараясь охватить максимально большой круг лиц. Текст должен хорошо соотноситься со всеми элементами рекламного сообщения, чтобы достичь желаемого эффекта.

Стоит отметить, что, несмотря на обилие исследований в области рекламы и наличие огромного массива информационно-справочной литературы, лингвокультурная сторона исследований рекламного сообщения практически выпала из поля интересов, что, по мнению автора данной статьи, является большим упущением.

Для создания рекламного образа или сообщения привлекается множество средств, среди которых вербальные, аудиальные, а также визуальные средства. Таким образом, реклама представляет собой некоторый организованный дискурс, который, в зависимости от поставленных задач, использует специфический арсенал языковых средств и речевых приемов выражения, которые в свою очередь, предназначены для наиболее эффективного достижения тактических (продажа товара) и стратегических (формирование лояльного отношения к продукту и/или фирме-производителю) целей.

На наш взгляд, рекламный образ – средство маркетинговой коммуникации, несущее информацию о значимых качествах товара, а также яркое, выпуклое, зачастую гиперболизированное представление этих качеств, воплощенное в конкретных визуальных и вербальных формах [Скнарев 2011: 137–140].

Суть рекламного образа заключается в том, что он доносит до потенциального потребителя всю основную информацию о продукте, всё то, что рекламодатель хотел сказать потребителю. Такой образ доносится не только через изображение, но также и через восприятие шрифта и цвета в определенном рекламном сообщении.

Для того, чтобы воздействовать на аудиторию, рекламный образ должен быть легким и понятным для восприятия. Чтобы визуальный образ был полным, он должен быть дополнен языковыми средствами рекламного текста.

«Реклама представляется нам одной из сфер использования языка, служащего для нее инструментом увещательной коммуникации, цель которой заключается в побуждении объекта рекламного воздействия модифицировать определенным образом свое поведение, в частном (и основном для рекламы) случае – поведение потребительское» [Скнарев 2014: 188–190].

Рекламное сообщение в данном случае в роли уникального материала для исследования функционирования языковых механизмов и коммуникативных стратегий.

Для того, чтобы привлечь зрителя (потенциального потребителя) в рекламе используются разнообразные языковые средства, которые можно увидеть практически в каждом рекламном сообщении. Так, например, используется сравнение, в рекламе туалетной бумаги Zewa Плюс, говорится, что она «мягкая, как перышко». В рекламе сотового оператора Билайн используются метафоры, например: «Билайн. Живи на *яркой* стороне!».

Особым приемом считается использование фразеологических единиц, видится, что они являются наиболее действенными средствами создания рекламного образа в тексте. Это, во многом, связано с тем, что именно фразеологизмы имеют образность, оценочность, а также возможность отражать тонкости и особенности культуры и менталитета [Скнарев 2006].

Следовательно, можно говорить о том, что фразеологизмы наделены яркими эмоционально-экспрессивными возможностями и выступают в рекламном дискурсе в качестве языкового средства, которое в свою очередь создает вербальный образ рекламируемого товара, а также уточняет и дополняет рекламный образ.

Еще одним языковым средством выступают глаголы. Особенность глаголов состоит в том, что они имеют силу побуждать, иными словами, обладают некой скрытой динамикой, в отличие от иных частей речи, особенно это касается глаголов повелительного наклонения.

Посредством использования глагола, можно стимулировать и побуждать потенциального покупателя к решительному действию, т.е. к покупке рекламируемого товара. Один из ярких примеров использования глаголов повелительного наклонения, является реклама шоколада Twix: «Сделай паузу – скушай Twix!».

Использование повелительных форм глагола должно быть аккуратным, так, существует возможность вызвать отторжение, используя не побудительные, а агрессивные побудительные конструкции. В рекламном сообщении должен содержаться призыв, приглашение, убеждение и совет, все остальное может сработать негативно.

Кроме того, за годы популярности и развития рекламы и маркетинга в целом, огромное количество глагольных конструкций стали «приторными», и их употребление стало менее привлекательным, и даже навязчивым, в частности такие, как: «приходите сегодня», «купи и попробуй», «Испытай новый вкус» и другие. Именно по этой причине, некоторые маркетологи стараются использовать новые конструкции или неологизмы, так, в недавней

рекламе шоколадного батончика Snickers использовались слова: «Не тормози! Сникерсни!». Такая реклама стала необычной и запоминающейся, явно привлекающей к себе внимание.

Помимо призыва к действию, глаголы способны задавать обращению некий темп, или же создавать атмосферу, что крайне важно в рекламном сообщении. Если актеры, образы, герои могут повторяться от рекламы к рекламе, то интонация и атмосфера – это уникальный и привлекательный ход.

Вышесказанное говорит о том, что использование глаголов в рекламных сообщениях крайне целесообразно, ввиду того, что именно они позволяют создать атмосферу решительности и максимально побуждают зрителей к действию.

Нельзя обойти без внимания и местоимения, здесь очень важно обратить внимание на то, что реклама направлена именно на потребителя, а потому не следует употреблять такие местоимения, как «мы» или «они», гораздо эффективнее, когда потребитель понимает, что сообщение направлено именно на него, и речь идет о его проблемах и заботах, которые могут быть решены посредством покупки товара из рекламного сообщения, прекрасным примером является реклама известной французской косметической компании «L'Oréal», в рекламном ролике которой используется девиз: «Ведь вы этого достойны». Использование такого приема, позволило компании привлечь внимание миллионов женщин по всему миру.

Прилагательные также часто используются при создании рекламного образа в маркетинговых коммуникациях. Действенными они будут лишь в том случае, если будут вызывать стойкие ассоциации, а также нести в себе конкретную информацию. Многие при создании рекламного образа используют общие прилагательные, которые лишены особой смысловой нагрузки, например «хороший», «лучший», «замечательный», вместе с тем, намного эффективнее работают прилагательные, которые будоражат в сознании потребителей стойкие ассоциации: «мягкий», «терпкий», «воздушный», «легкий». Такие прилагательные направлены на характеристику рекламного объекта, и намного лучше воспринимаются теми, на кого рекламное сообщение направлено. Самое главное при использовании прилагательных, для создания рекламного образа – использовать максимально подходящий эпитет.

Существует также множество оборотов речи, которые позволяют сделать рекламу более убедительной, и побудительной к действию. Несмотря на то, что язык рекламы до сих пор является объектом пристального внимания и тщательного изучения, исследований на данную тематику проведено крайне мало, но во многих из них тщательно проанализированы различные стилистические фигуры, способные психологически воздействовать на человека, а также усиливать выразительность высказываний. Каждое из них имеет свои особенности, но объединяет их то, что они способны облегчить восприятие рекламного текста, сделать его более легким и «вкусным» для потенциального потребителя. Рассмотрим самые интересные и популярные из них.

Парцелляция – конструкция экспрессивного синтаксиса. Прием парцеллирования – Это членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. Простое или сложноподчиненное предложение делится на более короткие самостоятельные отрезки. «AQUA PARK & SPA Восхитительный СПА центр с профессиональной командой предоставляет услуги массажа и расслабляющих процедур».

Сегментированная конструкция. В первой своей части она содержит предмет рекламы в именительном падеже, а во второй – обозначение. Например: «Йогурты. Что конкретно мы знаем об их полезности?». Первая часть привлекает внимание, вторая является сигналом, который позволяет выявить интерес у потребителя. Основной плюс использования данного языкового средства заключается в том, что посредством него можно сконцентрировать внимание потребителя на объекте рекламы, вычленив его, вывести на первый план.

Антитеза.оборот речи, в котором для усиления выразительности, акцентирования главного и лучшего запоминания текста используются противопоставления. В рекламе антитеза позволяет ярко подчеркнуть достоинства рекламируемого товара: «Минимум калорий – максимум наслаждения» (реклама Coca-Cola light). С антитезой реклама приобретает более оригинальное звучание.

Риторическое обращение представляет собой стилистическую фигуру, которая усиливает выразительность, посредством подчеркнутого обращения. Это позволяет устанавли-

вать более тесный и прямой контакт с потребителем, так, например, фразы «Мамы и папы», «Дорогие женщины», сразу привлекает внимание конкретной аудитории.

Восклицательные предложения при создании рекламного образа выступают в качестве сигналов, указывающих на важность информации, которая содержится в рекламном сообщении. Чем эмоциональней и ярче реклама, тем она эффективнее.

Посредством восклицаний появляется возможность стимулировать потребителей к активным действиям, при помощи следующих побудительных слов: бесплатно, скидки, экономия, новинка, по ценам завода-изготовителя и пр.

Таким образом, все проанализированные языковые приемы, помогают выделить основную мысль, грамотно структурировать текст, сделать его продаваемым и запоминающимся.

Проведенное исследование подтвердило предположение о том, что использование языковых средств при создании рекламного образа в маркетинговых коммуникациях, способствует привлечению внимания и оказанию воздействия на адресата, следовательно, эти два явления играют важную роль в построении эффективного рекламного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернадская Ю.С. Текст в рекламе / Ю.С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.
- Вирин Ф. Интернет-маркетинг: полный сборник практических инструментов. – М.: Эксмо, 2015. С.80.
- Елина Е.А. Семиотика рекламы. Учебное пособие / Е.А. Елина. – М.: Огни, 2014. – 136 с.
- Песоцкий Е.А. Реклама и мотивация потребителей / Е.А. Песоцкий. – М.: ИЛ, 2014. – 240 с.
- Скнарев Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.С. Скнарев, Челябинский государственный педагогический университет. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. – 16 с.
- Скнарев Д.С. Роль проективных методов для уточнения имиджевых характеристик торговой марки в брендинге / Д.С. Скнарев, А.Б. Чередынова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент», 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 188–190.
- Скнарев, Д.С. Рекламный образ в системе маркетинговых коммуникаций / Д.С. Скнарев // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию направления «Журналистика» в РУДН и 50-летию филологического факультета. 15 апреля 2011 г. / под ред. В.В. Барабаша. – М.: РУДН, 2011. – С. 137–140.
- Щепилова Г.Г. Реклама. Учебник / Г.Г. Щепилова, К.В. Щепилов. – М.: Юрайт, 2015. – 520 с.

О РАЗРАБОТКЕ СЛОВАРЯ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Ф.Г. Хисамитдинова

В статье рассмотрены актуальность, задачи, источники, основные принципы составления «Словаря русских заимствований башкирского языка». Отмечается, что в башкирской лексикографии нет словаря русских заимствований, в котором были бы представлены, кроме литературных, и диалектные лексемы. Задачи словаря – не только сбор и систематизация заимствованной лексики, но и установление времени первой фиксации, эволюции лексем и др. Отмечается, что материалы для «Словаря русских заимствований» извлечены из различных словарей башкирского языка, словаря русских говоров Башкортостана, фольклорных, архивных источников. Описанные в статье принципы составления словаря включают в себя диалектные, литературные варианты русских заимствований, этимологию, примеры из источников, переводы на русский язык. В статье даны образцы словарных статей.

Ключевые слова: словарь, русские заимствования, диалектная лексика, памятники письменности.

The article discusses the relevance, objectives, sources, basic principles of the compilation of the «Dictionary of Russian borrowings of the Bashkir language». It is noted that there is no dictionary of Russian borrowings in the Bashkir lexicography, which would be presented dialect lexemes, except for literary ones. The tasks of the dictionary are not only the collection and systematization of borrowed vocabulary, but also the establishment of the time of the first fixation, evolution of lexemes, etc. It is noted that the materials for the Dictionary of Russian Borrowing are extracted from various dictionaries of the Bashkir language, a dictionary of Russian dialects of Bashkortostan, folklore, archival sources. The principles of compiling a dictionary described

in the article include dialectal, literary versions of Russian borrowings, etymology, examples from sources, translations into Russian. The article provides sample entries.

Keywords: dictionary, Russian borrowing, dialect vocabulary, written records.

Русские заимствования в лексике тюркских языков России и стран СНГ занимает солидное место. Поэтому логично, что о заимствованиях тюркских языков из русского языка написано довольно много. Здесь можно вспомнить о классических работах Н.К. Дмитриева, В.Д. Аракина, С.К. Кенесбаева, Э.М. Ахунзянова, Ю.Д. Дешириева и др. Из более поздних исследователей по русским заимствованиям в том или ином тюркском языке следует отметить работы А.Ш. Юсуповой, Г.Ч. Утяшевой, П.В. Желтова и др.

Следует отметить, что и для башкирского языкознания исследования, посвященные башкирско-русским контактам, были всегда актуальны [Дмитриев, 1952, Терегулова, 1957, Ахмеров, 1966, Киекбаев, 1965, Гарипов, 1968, Халикова, 1990, Закирьянов, 2002, Фаткуллина, 2008]. В работах указанных авторов рассматривались вопросы хронологии, тематические группы, проблемы адаптации русских заимствований и др. Но самое главное исследователями, как предыдущих поколений, так и нашими современниками, собран огромный лексический материал по заимствованиям из русского языка. Отрадно отметить, что в последние три десятилетия по русским заимствованиям башкирского языка собран и диалектный материал, который ждет своих исследователей. Безусловно, в работах башкирских диалектологов зафиксированы те или иные русизмы, функционирующие в том или ином диалекте или говоре.

Например, в монографии Н.Х. Максютовой, посвященной восточному диалекту, дан краткий перечень русизмов, относящихся к тому или иному говору восточного диалекта башкирского языка [Максютова 1976: 73–75, 167–168, 210–212, 246–247]. Однако ни в исследованиях Н.Х. Максютовой, ни других башкироведов диалектные заимствования из русского языка не были предметом отдельного исследования, тем более лексикографирования.

Между тем изучение русских, заимствований, представленных в том или ином диалекте и говоре, может пролить свет не только на историю формирования тех или иных особенностей башкирского языка, но и на историю формирования русского населения региона, специфику их занятий, диалектных особенностей языка, особенности контактов и взаимодействия. Так, например, русские заимствования восточного диалекта башкирского языка являются свидетелями горнозаводской колонизации башкирских земель со второй половины XVIII в. Именно в эти годы начинается активное строительство заводов на Южном Урале. Как отмечают исследователи, к началу Крестьянской войны на землях южноуральских башкир существовало множество металлургических заводов, на которых трудилось тысячи приписных и посессионных крестьян, тысячи вольнонаемных рабочих, переселенных как с Центральной России, так и обжитой зоны Среднего Урала [Свистунов 2001: 4]. Следует отметить, что правительство поддерживало процесс переселения населения с центральной России. В результате на южноуральских землях башкир к концу XVIII в. появились сотни русских поселений вокруг заводов, четыре уездных города [Кулбахтин 2000]. Все это способствовало развитию интенсивных контактов на Южном Урале между коренным башкирским и пришлым русским населением, что не могло не отразиться в языке как башкир, так и русских. По видимому, именно тогда в говорах горнозаводского русского населения появились такие тюркизмы (башкиризмы), как *тулуп*, от толоп 'длинная шуба'; *апайка* 'башкирка', от апай 'сестра, тетя', *бабай* 'нечистая сила, бука', от бабай 'старик, дед, бука'; *бакирка* 'чайник', от бакыр, бакырас 'медный, медный котелок'; *елань* 'полянка', от ялан 'поляна', *кызымка* 'башкирская девушка или девочка', от кыз 'девочка, девушка' и др. [Каташева 1988: 104–110].

Именно со второй половины XVIII в., т.е. периодом интенсивных контактов башкир с горнозаводским русским населением, следует связать проникновение первых русизмов и в говоры восточного диалекта. До этого времени южноуральские башкиры практически не сталкивались с русским населением, т.к. были на периферии русско-башкирских контактов, возникших после вхождения башкир в состав русского государства. Во-вторых, восточные башкиры, состоящие из айлинцев, восточных табынцев, катаянцев, части горно-лесных кыпчаков и бурзян, традиционно поддерживали связи с генетически близкими им сибирскими татарами, а также с казахами и другими народами центральной Азии, которые гораздо позже вошли в состав Русского государства [Кузеев 1974]. Поэтому вполне логично, что первые контакты восточных башкир с русскими произошли только в период горнозаводской колонизации башкир-

ских земель, т.е. во второй половине XVIII в. Об этом свидетельствуют, русизмы восточного диалекта, которые в основном связаны с бытовой сферой, горнозаводским производством, лесо- и углезаготовкой.

В тематическом плане русизмы восточного диалекта, связанные с бытовой сферой, можно разделить на *названия домовых и других построек* (*мунса* ‘баня’, от диал. мовница, лит. мунса; *кузнис* ‘кузница’, лит. тимерлек; *матса* ‘матица’, лит. өрлөк; *залавка* ‘нары в кухонной части дома’, от прист. за и лавка, лит. *һике* и др.); *названия посуды* (*басуда* ‘посуда’, лит. *һауыт-һаба*; *сөгөн* ‘чугунок’, лит. *сүлмәк*; *барник* ‘чайник (заварной)’, от парить, лит. сэйгүн; *мискә* ‘бочка’, лит. мискә и др.); *наименования пищи и продуктов питания* (*кәртук/картуф* ‘картофель’, лит. бәрэнге, картуф; *липушкә* ‘лепешка’, лит. *көлсә*; *шөкәрә* ‘сухари, лит. сохарый’); *названия одежды и украшений* (*сусинкә / сашинкә* ‘чесанки’, лит. калушлы быйма; *наский / нәскей* ‘носки, лит. башалтай; *буфка* ‘пуговица’ от пуговка, лит. теймә; *камзул* ‘камзол’, лит. камзул; *названия растений* (*көрөз / гөрөз / көрөздөй* ‘грудзи’, лит. бәшмәк; *әгүрсә / үгерсә* ‘огурец’, лит. кыяр; *әпсек / әпсүк* ‘овсюг’, лит. кара холо; *йәблек* ‘картофель’, от яблоко, лит. бәрэнге, картуф); *лексику транспортных средств* (*берәшкә* ‘запрягать пристяжным’, от пристяжка, лит. мисәү; *кашауай / кышауай*, от диал. кошевка, кошева, лит. кашауай; *салаа* ‘розвальни’, от салазка, лит. терһәкле сана; *йәжәнкә* ‘розвальни’, от лежанка, лежать, лит. терһәкле сана и др.).

В говорах восточного диалекта особое место занимают русизмы, связанные с горнозаводским производством, его продукцией. Ср.: *шитше / сипсе / сипсы* ‘щипцы’ (для угля), лит. кысқыс; *касар / кәсир / касир* ‘большой нож’, лит. зур бысак. изән бысағы; *катул / кәтүл / кәтүлек / катулык* ‘котелок’, лит. кула; *кистәм* ‘кистень’, лит. *сукмар*; *кәлитә / кәритә* ‘корыто’, лит. ялғаш) и др.

В связи с привлечением башкир к лесо- и углезаготовкам для металлургических заводов, в говоры восточного диалекта проникли русизмы, относящиеся и к этой области. Ср.: *күрен / курин* ‘лесозаготовка’, от корень, лит. ағас әзерләү; *кандауай* ‘стройная многолетняя сосна’, от кондовый, лит. *узағаслы урман*; *абыжук* ‘дегтярная печь’, от обжиг, лит. үртәү, (ыслау) мейесе; *диләнкә* ‘делянка’, лит. диләнкә и др.

Как показывают примеры, отдельные ранние русизмы восточного диалекта стали достоянием общенародного языка, некоторые приобрели даже литературный статус. Ср.: диләнкә, картуф, бизрә, дегет, толоп и др. Отдельные русизмы остались достоянием некоторых говоров восточного диалекта. Так, например, русизм *залавка* ‘нары на кухонной половине дома’ ни в одном говоре восточного диалекта, кроме миасского, не зафиксирован. А лексема *буфка* ‘пуговица’ зафиксирована в айском и мяском говорах восточного диалекта.

Интересно отметить, что в говорах восточного диалекта зафиксированы русские заимствования, в которых предлог стал частью слова. Ср.: *нәселә/нәсилә* ‘кое-как’, от на силу; *биздыйала* ‘впустую’, от без дела и др.

Многие ранние русизмы восточного диалекта стали словообразовательной базой для новых слов. Ср.: *дауайзашыу* ‘оспаривать, тягаться, от давай ‘дауай + заш + ыу’; *дасаттаныу* ‘стыдиться’, от досада ‘дасат + тан + ыу’; *ладымдау* ‘дело довести до конца’, от ладить / уладить ‘ладым + дау’; *бырашкалау* ‘запрягать пристяжным’, от пристяжка, ‘бырашка + лау’ и др.

Следует отметить, что ранние русизмы восточного диалекта все адаптированы к фонетическим и морфологическим особенностям восточного диалекта. Ср. *суттау / шуттау* ‘считать’, от сут / шут ‘счет’. В южном диалекте зафиксировано заимствование *сутламау* ‘не считаться’. Формы восточного диалекта нашли отражение и в лексемах *сиптәү* ‘завязать цепью’, от цепь; в южном – *сипләү*; *синдек* ‘сени’, от сени, в южном – *синнек* и др.

В заимствованиях говоров восточного диалекта как и в других диалектах башкирского языка, отмечаются явления протезы и эпинтезы. Ср.: *ызбурый*, от рус. сбруя; *торба* ‘от труба’; *төрөнка* ‘от трубка; эләтсә ‘от ласка’ и др. [Хисамитдинова 2018].

Аналогичные или другие особенности южного и северо-западного диалектов башкирского языка, связанные с русскими заимствованиями, также содержат новые сведения по истории русско-башкирских контактов, истории заселения башкирского края, языковых особенностях пришлового русского населения. Безусловно, изложенные факты свидетельствуют об актуальности разработки словаря русских заимствований, включающего диалектный материал. Следует отметить, что до сих пор диалектные заимствования не были предметом лексикографирования. Исследователи в основном оперировали русскими

заимствованиями башкирского литературного языка. Изложенные факты и обусловили разработку лингвистами ИИЯЛ УФИЦ РАН «Словаря русских заимствований башкирского языка», включающего массовый диалектный материал. Хронологические рамки лексики данного словаря ограничиваются досоветской эпохой, т.к. именно тогда русские заимствования проникали в башкирский язык через разговорную речь, подчиняясь нормам башкирского языка. Ср.: *басудник* (миас), в лит.яз. *кәштә* ‘полка для посуды’, от рус. посудник; *берәшкә* (кыз.), *бырашка* (сев.-вост.) в лит.-мисәү (ат), ‘пристяжная лошадь’, от рус. пристяжка; *гәрнисә* (арг.), в лит. түр як ‘гостиная’, от рус. горница и др.

С точки зрения функционирования в словарь русских заимствований вошла лексика как литературного, так и диалектов и говоров башкирского языка. В качестве примеров можно привести такие заимствования как литературное, *һалам* ‘солома’, от рус. солома, *кәбестә* ‘капуста’, от рус. капуста, *сиркәү* ‘церковь’, от рус. церковь и др. К диалектным заимствованиям можно отнести такие лексемы, как *барник* (миас., сред.), в лит. яз. и ряде говоров сәйгүн ‘заварочный чайник’, от рус. диал. парник ← парить, пар; *бигелей* (сак., кыз., миас., среднеур.), бигыл (дем.), лит. каскын ‘беглец, дезертир’, от рус. беглый; *кәзнис* (кыз., ай.), күзнис (миас., среднеур., сред.), күзни (дем.), лит. тимерлек ‘кузница’, от рус. кузня.

С точки зрения происхождения всю заимствованную из русского и через русский язык лексику, вошедшую в словарь, можно разделить на две большие группы: собственно русизмы и слова из европейских языков, проникшие в башкирский через русский язык. К собственно русизмам можно отнести слова *абыжук* (миас.), в лит. баш. дегет мейесе, от рус. обжиг; *әбиткә* (сев.-зап.), лит. баш. һандык, от рус. объедья; *моса* (ай.), минча (гайн.), лит. ‘баня’, от рус. диал. мовница ‘баня’ и др. К лексике, проникшей через русский язык, можно отнести слово *кәртук* (сред., миас, карид.), *кәртүф* (кыз., ик-сакм.), лит. картуф ‘картофель’. Данное слово в русском языке является немецким заимствованием, восходящим к итальянскому языку. Сюда же можно отнести диалектные *кәтүл*, *кәтилүк*, в лит. котелок, восходящие к немецкому котел, проникшему в башкирский через русский язык.

Основными источниками для словаря являются «Академический словарь башкирского языка» в 10 т., «Диалектный словарь башкирского языка» в 3 т., «Словарь русских говоров Башкортостана», «Башкирское народное творчество» в 18 т., а также труды и материалы башкирских диалектологов и лексикологов ИИЯЛ УФИЦ РАН. Кроме этого, нами использованы различные письменные источники, представляющие шежере-родословные, актовые и другие документы, относящиеся к XVI–XIX вв. В языковом плане их можно разделить на русские и башкирские. Письменные источники представляют собой как опубликованные, так и неопубликованные документы, хранящиеся в архивах Москвы, Ленинграда, Уфы, Оренбурга, Челябинска. Ценным являются документы, опубликованные в «Материалах по истории Башкирской АССР». Из неопубликованных источников для нас представляют интерес документы Казанской приказной избы, Оренбургской губернской канцелярии, «Экономические примечания к генеральному межеванию», материалы ревизии (VI–X ревизий) и др.

Из башкирских письменных источников привлекались материалы шежере, рукописных историй деревень, эпитафий, письмо Батырши. Определенный интерес представляют материалы, которые содержатся в трудах историков, этнографов, краеведов, топонимистов.

Исходя из источников и в соответствии с поставленными задачами определены основные принципы построения словаря, русских заимствований, установлены объем и способы раскрытия значения заимствования.

Словарные статьи строятся следующим образом:

1. В алфавитном порядке сначала дается заимствованное слово, функционирующее в литературном языке или диалектах и говорах башкирского языка, с переводом значения на русский.
2. Через запятую даются фонетические и морфологические варианты данного заимствования с указанием говоров и переводом значений, если отличаются, на русский язык.
3. Указывается источник, в котором заимствование зафиксировано.
4. Дается литературная форма.
5. Указывается из какого говора, диалекта или литературного языка заимствовано данное слово с приведением примеров.
5. Даются слова, формы, которые возникли от заимствованного слова.
6. Указываются хронологические рамки заимствования. Для обоснования приводятся примеры из других языков региона.

Образцы словарных статей.

Бүрәнә 'бревно'. Бөтөн йэйләй бүрәнә, дыранча, кабук таштуб билэгән ерләренә, ағачларына көчлөк идуб (Батырша 1993: 34). Восходит к русскому слово бревно.

Манит (миас) 'денежный знак из металла', лит. монета. Ун пут алган кеше ул акчаны тәсараф идуб, маниткә эйләндергән (Письмо 1993: 46). Является заимствованием из латинского языка через польский и русский языки.

Ыстаришина 'старшина', лит. старшина. – Вәдәхи Исат правинчасында Мөслим *ыстаришина* ауылында тордым (Письмо 1993: 26). Восходит к русскому старшина от стар, старший.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмеров К.З. Языкознание в Башкирии // Вопросы языкознания. – 1953 – №3.
Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке. – Казань, 1968.
Бһһ. – Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә: 3 томда. – 1 т. Көнсыгыш диалект. – Өфө, 1967; II т. Көнъяк диалект, Өфө, 1970; III т. Көнбайыш диалект. – Өфө, 1987.
Гарипов Т.М. Русский язык в Башкирии. – Уфа, 1968.
Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа, 2002.
Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962.
Закирьянов К.З. Сопоставительная типология русского и башкирского языков. – Уфа, 2002.
Закирьянов К.З., Замалетдинова Г.Ф. Взаимодействие и взаимообогащение языков в полиэтническом пространстве (на материале контактов русского и башкирского языков // Филология и культура. – 2015. – № 3 (41).
Каташева А.Я. Тюркизмы в языке города (на материале речи русского населения горнозаводской зоны Челябинской области // Живая речь Уральского города. – Свердловск, 1988.
Кейекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теленәң лекакаһы һәм фразеологияһы. – Өфө, 2002.
Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974.
Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкоростане. XVIII в. – Уфа, 2000.
Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. – М., 1976.
Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. Текст. Транскрипция. Перевод на русский язык. Факсимиле / составитель, автор введения, комментарии, глоссария Г.Б. Хусаинов. – Уфа, 1993.
Свиштунов В.М. Горнозаводская колонизация Южного Зауралья, 1744–1776. – Екатеринбург, 2001.
Терегулова Р.Н. Русские заимствования в башкирском языке. – Уфа, 1957.
Фатхуллина Ф.Г. Вхождение новых слов в лексику башкирского языка (на материале заимствований из индоевропейских языков // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т.13. – №3.
Халикова Р.Х. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. М. – 1990.
Юсупова А.Ш. Русские заимствования в татарском языке: особенности их функционирования // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Мат. IX Междун.науч.-практ. конференции. – Новосибирск, 2012.

ОСОБЕННОСТИ МИКРОТОПОНИМИИ ДЕРЕВЕНЬ ЮРТ-ОРЫ И ЮРТ-АКБАЛЫК КОЛЫВАНСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

О.Р. Хисамов

В статье описывается микротопонимия двух чатских деревень (Юрт-Оры и Юрт-Акбалык) расположенных в Колыванском районе Новосибирской области. Чаты – этнографическая группа сибирских татар, входящая, в свою очередь, в состав томских татар. Наибольшая группа томских татар проживает в Томском районе Томской области и в городе Томске. А чатов, проживающих в Новосибирской области, называют обскими чатами. По результатам экспедиции автором собрано более 90 микротопонимов. Автор подвергает их генетическому и семантическому анализу.

Ключевые слова: сибирские татары, чаты, топонимия сибери, микротопонимия, Юрт-Оры, Юрт-Акбалык, Умар айыл, томские татары.

The article describes the microtoponymy of two chats villages (Yurt-Ory and Yurt-Akbalyk) located in the Kolyvan district of the Novosibirsk region. Chats is the ethnographic group of siberian tatars, which, in turn, is part of romsk tatars. The largest group of tomsk tatars lives in the Tomsk district of the Tomsk region and in the city of Tomsk. A chats living in the Novosibirsk region, and called Ob chats. According to the results of the expedition, the author collected more than 90 microtoponyms. The author subjects them to genetic and semantic analysis.

Keywords: siberian tatars, chats, toponymy of Siberia, microtoponymy, Yurt-Ory, Yurt-Akbalik, Umar aiyl, tomsk tatars.

Летом 2017 года Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ была организована научная экспедиция в Колыванский район Новосибирской области. В этом районе есть две деревни (Юрт-Оры и Юрт-Акбалык), где проживают представители обских чатов. В ходе экспедиции нами был собран большой материал по топонимии этих двух деревень. Мы сделали историко-лингвистический анализ микропонимии этих сел.

Чаты – этнографическая группа сибирских татар, входящая, в свою очередь, в состав томских татар.

Наибольшая группа томских татар проживает в Томском районе Томской области и в городе Томске. Несколько деревень, среди населения которых томские татары, есть в Колыванском районе Новосибирской области (обские чаты). В конце XIX – начале XX в. основными местами проживания томских татар считались Телеутская, Чатская, Эуштинская и некоторые соседние волости Томского округа.

Язык томских татар входит в кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы тюркских языков. Он делится на калмакский и эуштинско-чатский говоры диалекта сибирских татар.

До прихода русских в Западную Сибирь чаты жили на западе Барабинской степи в бассейне верхней Оби. Русские документы показывают, что там были городки Чатск и Мурзинск. В 1630 г. часть чатов отделилась от основной группы и ушла под Томск. Они поселились в районе Черной речки. Но часть чатов по-прежнему осталась в Приобье. Это определило их разделение на томских и обских чатов. Обских по-другому называют еще орскими. Обские чаты жили по реке Оби (юрты Орские), ее притоку реки Уени (юрты Акбалыкские, юрты Орские, Красный Яр, Черномысс) и на обской протоке Тагане (юрты Таганские).

Жители деревень Красный Яр и Черномысс приняли христианство и постепенно эти татары слились с русскими, ассимилировались. Сегодня в этих населенных пунктах татар не осталось. Деревня Черномысс, вообще, прекратила свое существование.

Во время научной экспедиции 2017 года мы зафиксировали на территории деревни Юрт-Оры 44 различных топонимов. Из них 29 это гидронимы, 15 – оронимы. На территории деревни Юрт-Акбалык зафиксировано 29 гидронимов и 17 оронимов. Всего 90 топонимов.

Деревню Юрт-Оры (юрты Орские), сами татары называют Умар айыл. Умаром чаты называют реку Обь. Деревня находится при этой реке. В 2017 году Новосибирская область, Колыванский район, Скалинское сельское поселение. В 2010 году, судя по данным переписи, в деревне проживало 51 человек. На 2017 год приближается к 100 человек. Есть тенденция к возвращению обратно в деревню. И в 2017 году мы насчитали 120 хозяйств. В деревне есть фельдшерско-акушерский пункт, мечеть. Одно кладбище, 3 улицы и 5 переулки.

Возвращаясь к названию деревни, необходимо внести ясность в значение слов в названии. Слово *умар* в некоторых тюркских языках (например, в алтайском языке) означает 'река, большая река' [Словарь 2005: 404]. Элемент *оры/оро* в ойкониме в сибирскотатарском диалекте означает 'чокыр; яма, рытвина' [Тумашева 1992: 161].

Деревню Юрт-Акбалык (Акбалыкские юрты) сами чаты раньше называли Курбес аул. Сегодня это название уже помнят не все жители села. Деревня расположена при реки Уень. В 2015 году Новосибирская область, Колыванский район, Новотроицкий сельское поселение. Население – по переписи 2010 года 269 человек, по данным облстата 262 чел. (2014 г.). Координаты: 55°39'23"N 83°33'46"E. ФАП, два магазина, библиотека, клуб, школа. 6 улиц. 2 кладбище. Старое кладбище располагалась на берегу Оби. Его называют кладбищем святых («изгелэр зираты»).

В деревне произошло сильное смешение с казанскими татарами.

Название деревни образовано от слова *акбалык* 'белая рыба'. Так чаты называют нельму. На речушку возле деревни (Уень) на нерест заходила нельма. Раньше чаты нельму называли словом *курбес*.

Большинство топонимов этих двух деревень (58 единиц или 64,4% от общего количества изученных топонимов), образованы от слов, которые и сегодня активно используются как в татарском литературном языке, так и диалектах татарского языка. Это такие топонимы как *Туш буйы*, *Урта бөк*, *Усақлы төп*, *Аю батқан кол*, *Оло Киндер көле*, *Сай кол*, *Шайтан тауы*, *Аққош күле*, *Буылды күле*, *Вәли күле*, *Ғобәй күле*, *Минзәлә күле*, *Акбалык*, *Абыстай йырганағы*, *Ғобәй күле* и др. Большинство этих названий пришли в татарский язык из древнетюркского языка (например, *Урта бөк*, *Сай кол*, *Акбалык*, *Алтын*

күбе, Кызыл Яр, Кара көл, Көчү Қамыштау көле, Оло Қамыштау көле, Йар күле и др.) и сегодня с теми или иными фонетическими вариациями используются и в других тюркских языках.

Под влиянием сибирскотатарского диалекта некоторые топонимы подверглись незначительным фонетическим изменениям. Таких топонимов мы зафиксировали 23 единицы (*Көчү Киндер көле, Йагынақ көл, Қойош кол, Сайет кол, Чмат тамагы, Шағалай төбе, Каш бажы, Молла чмыгыны, Четер, Чмичканак, Пәсәх речкасы, Чмуманка и др.*). Это 25,5% от общего количества изученных топонимов. Необходимо отметить, что если топоним сложный, то не обязательно, чтобы оба элемента фонетический отличались от литературного татарского языка. Например, в топониме *Көчү Киндер көле* элемент *көчү* «маленький, младший» вместо звука *e* в татарском литературном языке употребляется звук *ө*. И здесь мы наблюдаем сильную губную гармонию. Это явление наблюдается еще в топониме *Қойош кол*. Также в этом слове и в ряде других звук *чм* аффрикативный, твердый звук (*Көчү Киндер, Чмат тамагы, Чмуманка, Ечмек күле, Молла чмыгыны, Четер*).

В гидрографическом термине *кул* в татарском литературном языке употребляется звук *у*, в чатском говоре используют и звук *ө* и звук *о*. И здесь нет системы использования этих звуков. Они употребляются по очереди, без системно.

В слове *бажы* в топониме *Каш бажы* звук *ш* татарского литературного языка в интервокальной позиции заменен звуком *ж*. Это системное явление, характерное для всех сибирских диалектов татарского языка.

В антропотопониме *Сайет*, вместо гласного звука *ә* в татарском литературном и среднем диалекте (*Сәйет*), используется гласный *a*.

24 топонимов (это 26% от общего количества изученных топонимов) образованы от слов сибирскотатарского диалекта, а именно от чатского говора томского диалекта. Многие из них сегодня активно употребляются и в других диалектах сибирских татар. Это такие гидронимы как *Айорлу кол, Бөтәйәк кол, Зур Сарғатану коле, Йагынақ көл, Қойош кол, Қоро Ор, Көчү Йалбақ кол, Көчү Сарғатану коле, Оло Йалбақ кол, Айлама (местность), Бөтәйәк эче бөк, Каш бажы (начало холма), Қоро Ор эче бөк, Сарғатану (бор), Четер (местность), Чмичканак (заводь), Ечек күле, Йалбақ кул, Қамақ кул, Майғанақ күле, Қытырма кул и др.*

Ассоциация, вызываемые именуемым объектом, разнообразны и многоплановы, чаще они являются социально закрепленными, реже – индивидуальными. В них обнаруживаются и универсальные принципы отображения мира в языке, и национально-специфичные концепты и категории, зафиксированные в форме прецедентных текстов, ситуаций, сценариев. Чаще всего это ассоциации по сходству (внешней формы, положения, действия, состояния, характера и т.п.) [Башиева, Гузиева 2002: 218–219].

Некоторые топонимы отличаются только словами обозначающими размер озера: *зур, оло, көчү* (большой и маленький). Все гидронимы этого ряда образованы от нарицательных слов. Такие гидронимы как *Айорлу кол, Бөтәйәк кол, Йагынақ көл, Қойош кол, Қоро Ор, Көчү Йалбақ кол, Оло Йалбақ кол, Ечек күле, Четер (местность)* и др. получили свои названия от своих тех или иных физических характеристик. Так элемент *айорлу* от слова сибирскотатарского диалекта татарского языка *айыр* ‘речной рукав’ [БДСТЯ 2009: 30]. Возможно в значении старица. Слово *йагынақ* образован от татарского слова *йакын* ‘близкий, ближний, ближайший, недалёкий, недалний’ [ТР 2007: 156]. Озеро находится не далеко от деревни. Ср. *йагын тал* ‘прибрежный тальник’ [БДСТЯ 2009: 226]. Слово *қойош* в составе гидронима *Қойош кол* фонетический вариант слова *қыйыш* ‘кривой’ [БДСТЯ 2009: 439] о чем подтверждает и русский вариант топонима (Кривое озеро). Название дано по форме географического объекта. Слово *йалбақ* в составе гидронимов *Көчү Йалбақ, Оло Йалбақ кол* от слова сибирскотатарского диалекта *йалбақ* – ‘плоский, широкий’ [Тумашева 1992: 66]. Назван по форме озера. Слово *бөтәйәк* в составе гидронима *Бөтәйәк кол*, по нашему предположению, от слова *бөтәйешү, бөтәшү* ‘исцеляться, поправляться’ [Тумашева 1992: 46]. Возможно, гидроним произошел от этого слова. Вполне возможно, что озеро, когда то считалась лечебным.

В названиях озер *Зур Сарғатану коле, Көчү Сарғатану коле* присутствует слово *сарғатану*, которое в чатском говоре используется в значении *карася*. От слова образован и бор Сарғатану. От различных зоонимов образованы еще такие топонимы как *Чмичканак (заводь), Қамақ күле, Майғанақ күле, Аққош күле, Чмуртанлы кул*. От слов *чмичкан* ‘тычкан, мышь’ [Ахметьянов 2015: 265], *камақ* ‘крыса’ [БДСТЯ 2009: 385], *майган* ‘утка’

[Тумашева 1992: 147], *аққош* ‘лебедь; белый лебедь; ~ *куле* лебязье озеро’ [ТР 2007: 46], *чуртан* ‘щука’ [Ахметьянов 2015: 276].

Местность, где люди часто плутают, называли *Айлама*. От сибирскотатарского слова *айлану* ‘кружиться, вертеться, обходить вокруг ч.-л.’ [Тумашева 1992: 19].

Қаи бажы. Место где начинается холм. Сибирские татары небольшие горы, холмы, возвышенности называют словом *қаи* [Тумашева 1992: 125]. *Бажы* в татарском литературном языке *баши* ‘голова, вверх, начало’ [ТРА 2014: 57].

Для части топонимов, на данный момент, трудно найти этимологию слов. Их мы насчитали 17 единиц. Это 19% от общего количество исследуемых топонимов. Они остаются с затемненной семантикой. Это такие гидронимы, как *Қаным көл*, *Йозан көле*, *Сәптәннәк кол*, *Терәшкәй кичмү*, *река Чаус*, *Изан эче бөк*, *Йавлу*, *Қаштам*, *Посқороқ*, *Эзенкей* и др. Эти топонимы могут быть образованными как собственно от чатских слов, так и с других языков.

Часть гидронимов, ожидаемо, повторяется в оронимах. Это такие оронимы как, *Бөтәйәк эче бөк*, *Изан эче бөк*, *Қоро Ор эче бөк*, *Саргату бор*. Пастбище, место (луг), предназначенный для косьбы травы обозначается термином *бөк*. В зависимости от места нахождения это пастбище или луг мог взять название близлежащего крупного географического объекта (реки, озера и т.д.).

Абсолютное большинство топонимов образовано от апеллятивной лексики. Микро-топонимы, как правило, еще не совсем оторвались от апеллятивной лексики и только находятся на пути вхождения в состав полноценных топонимов. Семантически они, в большинстве случаев понятны. Хронологические они новее, ближе к сегодняшнему дню и поэтому прозрачны. Но и сфера их употребления локальна, они известны лишь ограниченному количеству людей. А вот к наиболее старым топонимам, относятся гидронимы, в основном, названия больших рек. В нашем случае это такие гидронимы как *Умар*, *Обь*, *Уен*.

Те из микро-топонимов, которые образованы от онимов, в основном, антропотопонимы. Их мы насчитали 16 единиц: *Сайет кол*, *Әжәм кул*, *Вали куле*, *Фобәй куле*, *Пәсәх речкасы*, *Пәсәх куле*, *Алтын күбе*, *Йакуп төбе*, *Мәүлетов йаланы*, *Пәсәх речкасы*, *Пәсәх куле*, *Йакуп төбе*, *Мәүлетов йаланы*, *Рахматулла төбе*, *Сәлах төбе*, *Шагалай төбе*, *Шамгун төбе*. Из приведенных топонимов один образован от прозвища (*Алтын күбе*), один от фамилии (*Мәүлетов йаланы*). Два топонима образованы от одного антропонима (*Пәсәх речкасы*, *Пәсәх куле*). В основном все эти топонимы получили свои названия от имен владельцев участков, где производились различные сельскохозяйственные работы этим людьми. Необходимо отметить, что антропонимы фонетически слегка видоизменены под воздействием чатского говора.

Один из топонимов образован от этнонима *чегән* ‘цыган’ и еще один образован от демонима *шайтан* ‘бес, черт’.

Название деревни Юрт-Ора на татарском языке (*Умар айыл*) образован от гидронима *Умар*. О котором, мы уже писали выше.

Все приведенные микро-топонимы в основном общетюркского и татарского происхождения. Субстратных топонимов мы не обнаружили. Что свидетельствует с одной стороны, что чаты живут здесь давно и являются аборигенными населением. С другой стороны мы еще раз получаем подтверждение того, что микро-топонимы еще не совсем оторвались от апеллятивной лексики и только находятся на пути вхождения в состав полноценных топонимов. Семантически они, в большинстве случаев понятны.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка. – Казан: Магариф – Вақыт, 2015. 1 т. – 543 с.; 2 т. – 567 с.
- Башиева С.К., Гузиева А.Х. О типах атрибуции национально-культурной информации в составе ФЕ // Материалы региональной научной конференции. – Нальчик: КБГУ, 2002.
- Большой диалектологический словарь татарского языка / сост.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во., 2009. – 839 с.
- Словарь алтайского и аладанского наречий тюркского языка. – Издание 2-е, Горно-Алтайск, 2005.
- Татарско-русский словарь в 2 т. – Казань: Магариф, 2007. – 1 т. – 726 с.; 2 т. – 728 с.
- Татарско-русско-английский школьный словарь / сост.: А.А. Тимерханов, С.Ф. Гарифуллин. – Казань: Магариф – Вақыт, 2014. – 512 б.
- Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992.

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ПОЭТОНИМОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА»

Д.С. Худайберганава

В данной статье обоснована необходимость составления первого в узбекском языкознании «Словаря поэтонимов узбекского языка», установлена его роль в узбекской лексикографии, приведены сведения о принципах составления подобного словаря и образцы словарных статей.

Ключевые слова: поэтонимы, толковый словарь поэтонимов, лингвопоэтическая функция поэтонимов, энциклопедические сведения, авторское толкование, иллюстративный материал.

This article is devoted to compile the first «Dictionary of poetonyms of the Uzbek language» in Uzbek linguistics, establish its role in Uzbek lexicography, provide information on the principles of compiling such a dictionary and sample vocabulary articles.

Keywords: poetonyms, explanatory dictionary of poetonyms, linguopoetic function of poetonyms, encyclopedic information, author's interpretation, illustrative material.

Ономастические единицы занимают важное место в художественной литературе каждого народа, они совмещают в себе чрезвычайно важную информацию о творческих традициях данной литературы, тонкостях его поэтики, факторах, определяющих стиль писателя. Эти особенности ономастических единиц не могли остаться вне поля зрения лингвистов, поэтому поэтика ономастических единиц изучено в лингвистике под различными терминами [Калинкин 1999].

Использование ономастических единиц в поэтических целях имеет свои древние истоки и традиции в узбекской классической литературе, этот процесс продолжается и сегодня. Такие названия как, *Боги Эрам, Жоми Жам, Исқандар, Каъба, Лайли, Мажнун, Масиҳ, Одам Ато, Фарҳод, Ширин, Хотам*, очень часто использованные в классической литературе, используются и в современных литературных произведениях. В целом, ономастические единицы, используемые в узбекской художественной литературе, образуют целую систему. История их возникновения, лингвопоэтические особенности, роль в узбекской лингвокультуре являются актуальными проблемами, требуемыми отдельного исследования. В книге Н. Хусанова, посвященной изучению стилистических особенностей исторических антропонимов, является монографическим исследованием в этой области [Хусанов 2014]. А ономастические единицы, использованные в современных произведениях и имеющие лингвопоэтическую суть, отдельно исследованы Д. Анданиязовой [Анданиязова 2016].

Составление толкового словаря поэтонимов узбекского языка было одним из актуальных проблем отечественной лингвистики, ожидающих своего решения. В языкознании существовало несколько объективных причин составления толкового словаря поэтонимов, расскажем об этом более подробно.

Поэтонимы, используемые в поэтических текстах узбекского языка, можно разделить на две большие группы: поэтонимы в прозаических произведениях, поэтонимы в стихотворных произведениях. Поэтонимы в стихотворных произведениях в основном служат лингвопоэтическим средством образования различных поэтических и стилистических фигур. В узбекской поэзии существуют такие тексты, в которых ономастические единицы обретают особую лингвопоэтическую значимость и порождают изысканные образцы поэтики. Ономастические единицы в качестве важного лингвопоэтического средства способствовали созданию в узбекской классической поэтике так называемых поэтических фигур *талмех, тажнис, таиҳис, таибех, такрир, муболага, иттифоқ, ийхом, истиора, нидо*; стилистических средств апострофа, эвфония, антономасия, аллитерация. В толковом словаре поэтонимов можно конкретно и системно указать эти особенности ономастических единиц.

Одним из активных приемов в узбекской поэзии является использование поэтонимов в качестве аллюзивных имен. Аллюзивные имена, указывающие на известные литературные, историко-культурные, общественно-политические факты, в определенной степени соответствуют поэтической фигуре талмех. Они направляют читателя на затекстовый контекст, воссоздает диалогическую связь между читаемым и намекаемым произведениями, в результате текст пополняется, насыщается содержанием намекаемого текста и увеличивается его поэтико-эстетический груз [Курунов, Мамажонова, Шералиева 2013: 27; 111] Аллюзивные имена устанавливают связь не только между отечественными

литературными произведениями, они являются связывающим межкультурным средством и между литературами различных народов. Имя из литературы другого народа, использованное в определенном произведении, словно мост, соединяющий культуры двух народов. Имена, использованные в строках «*Қотиллик ҳам қилай, майли, Отелло монанд, Ромеодай ўлимга ҳам тайёрман у кез*» (А. Орипов) заставляют узбекского читателя осмысливать стихотворный текст с учетом содержания Шекспировских произведений. Следовательно, названия из литератур других народов, использованные в узбекских текстах, содержат определенную информацию о литературе, искусстве, культуре и истории этого народа. Отражение в словарях особенностей данного явления, связанных с именами, могут дать важный материал не только для лингвопоэтики, но и межкультурной коммуникации.

Известно, что определенные имена в результате получения признания в лингвокультуре, к которой они относятся, воспринимаются как эталоны определенного признака. Такими особенностями обладают узбекские имена *Азроил, Айюб, Алтомиш, Боги Эрам, Лайли, Луқмони Ҳаким, Мажнун, Ҳотам, Юсуф*. Именно поэтому в произведениях классической литературы авторы неоднократно обращаются к ним в качестве традиционных символов. Этот процесс относится и к современным литературным произведениям, имена *Кумуш, Отабек, Зайнаб, Отелло, Колумб, Жалолиддин, Чўлпон, Усмон* в художественных произведениях получают символическое значение. Подобные ономастические единицы в узбекских поэтических текстах, в основном, используются в метафорическом значении и порождают антономасию [Воронцов 2012]. Изучение лингвопоэтических особенностей таких единиц на основе лингвокультурного подхода, отражение этого процесса в словарях являются актуальными задачами современного языкознания.

Поэтонимы в узбекской прозе в большинстве случаев используются для утверждения идеи произведения, формирования ведущего стиля, передачи субъективного отношения писателя. Наиболее часто в прозаических произведениях имена используются в качестве говорящих имен [Магазаник 1978]. Они указывают на внутренний или внешний облик героя произведения, служат более полноценному изображению художественного образа, приданию произведению символичность, ироничность, юмористического настроения и формированию стиля, собственного жанру. В целом, собранные фактические материалы показывают, что поэтонимы в узбекских поэтических текстах используются в более 20 лингвопоэтических функциях. В частности, относительно часто выполняют функции аллюзивного имени, эталона сравнения, антономасии, говорящего имени. «Толковый словарь поэтонимов узбекского языка», составленный автором этой статьи и Д. Анданиязовой, в 2016 году [Худойберганава, Анданиязова 2016], преследует цель раскрытия вышперечисленных лингвопоэтических функций ономастических единиц. Этот словарь является первым словарем данного типа в узбекском языкознании. Словарь охватывает более 200 поэтонимов, использованных в художественном произведении, освещены лингвопоэтические функции в поэтическом тексте каждой ономастической единицы. Самобытность словаря заключается в том, что в нем при описании поэтически актуализированных ономастических единиц учтены и лингвокультурные особенности этих единиц.

Структура словаря. Имена, составляющие словник словаря, традиционно упорядочены по алфавиту. Если имена в художественном тексте приведены в измененной или неполной форме, в словарной статье словаря они приведены в такой же форме. Его правильная форма зафиксирована в разделе «Краткая энциклопедическая информация».

Словарные статьи составлены в следующем порядке:

1. Краткая энциклопедическая справка о лице, предмете, событии или явлении, которые обозначает ономастическая единица. Известно, что в основе имени, использованного в определенном тексте, лежат обширные фоновые знания. Поскольку имена часто используются в интертекстуальном тексте в качестве аллюзивного показателя, указывают на определенный литературный или социально-исторический факт. Если читатель не владеет энциклопедическими знаниями о таких именах, ему сложно будет осознать лингвопоэтическую цель использования данного имени. Это касается таких поэтонимов в узбекских текстах, как *Лист, Робинзон Крузо, Ван Гог, Лобачевский, Панипат, Ватерлоо, Химера*, которые свойственны европейской лингвокультуре.

2. Лингвопоэтическое описание поэтонимов. Вторая часть словаря состоит из авторского толкования, в которой изложены лингвопоэтические функции определенного поэтонима в поэтическом тексте. При этом поэтонимы истолкованы исходя из функции в определенном тексте. Если поэтоним выполняет несколько функций, каждая из них описана отдельно под арабскими цифрами.

3. Иллюстративные примеры. Лингвопоэтическое толкование поэтонимов подкреплено иллюстративными примерами. Иллюстративные примеры, в основном, взяты из художественных произведений XX и XI вв., в частности, произведений известных узбекских поэтов и писателей А. Кадыри, Чуллана, У. Носира, Г. Гуляма, Айбека, А. Каххора, М. Шайхзоды, Х. Алимджана, Зулфии, У. Хошимова, Э. Вохидова, А. Арипова, Э. Агзама, У. Азима.

В словаре для разграничения энциклопедической справки и авторского толкования использован графический знак (■). Между авторским толкованием и иллюстративными примерами поставлен горизонтальный треугольник (►). Если в узбекском языке имеется фразеологизм, парафраза или пословица с участием толкуемого поэтонима, они приведены в конце словарной статьи после знака вертикального треугольника (▲). Здесь приведено толкование фразеологизма или парафразы, значения подкреплены иллюстративными примерами.

Ниже в качестве примера приведем словарную статью, составленную для поэтонима *Улугбек*. Антропоним *Улугбек* в поэтических текстах, в основном, используется в значениях «великий астроном», «великие предки», являясь средством создания ономастической метафоры, к тому же, использовался в качестве аллюзивного имени и средства создания интертекстуального текста. А это служило созданию многоуровневого художественного текста. В приведенной ниже словарной статье указаны эти две функции поэтонима *Улугбек*:

«**УЛУГБЕК** Мухаммад Тарағай (1394–1449) – машхур ўзбек астрономи ва математиги, давлат арбоби, Амир Темурнинг невараси. 1409-1449 йилларда Мовароуннаҳр ҳокими бўлган. Дунё микёсида Птоломей, Коперник, Галилей каби олимлар қаторида эътироф этилган. 1449 йилда ўғли Абдуллатиф тарафдорлари томонидан қатл этилган. ■ 1 *Улугбек* антропоними, асосан, шеърӣ магнларда “буюк астроном”, “буюк аждодлар” маъносида қўлланиб, ономастик метафорани яратиш учун восита бўлган. ► *Қаддини камон этиб, юзда табассум изи, Кеча сукунатиға қулоқ тутар янги ой. Ногаҳон эшитилса чақалоқнинг йиғиси, Яна бир Улугбек деб ўйлаб қолди, ҳойнаҳой.* (Э. Вохидов. Самарқанд кечаси) *Боболаринг от ўйнатиб дунё кезган, Мухтождларга мурувватли қўлин чўзган. Улугбеклар от устида юлдуз узган, Боболарга муносиб бўл, боболарга* (И. Мирзо. Муносиб бўл).

2 А.Ориповнинг “Ўзбекистон” ва “Баҳор” шеърларида қўлланган *Улугбек* антропоними аллюзив ном сифатида келиб, интертекстуал магн яратишда восита бўлган. Жумладан, “Ўзбекистон” шеърларидаги *Улугбек* поэтоними буюк аждодимизнинг фожиали ўлимига ишора қилса, “Баҳор” шеърларида М. Шайхзоданинг “Мирзо Улугбек” трагедияси буюк аждодимиз ҳақида яратилган юксак бадий асар эканлиги *Гар тарих эврилса, шуҳрат тожини Унга кийгизарди Султон Улугбек* мисралари орқали ифодаланган, яъни: “Тарих орқага қайтиб, Улугбек Мақсуд Шайхзода билан учрашганда эди, шуҳрат тожини Шайхзодага кийдирган бўлар эди”. ► *Қотил қўли қилич солди маст, Қуёш бўлиб учди тилла бош. Дўстлар, қўнда юлдузлар эмас, У, Улугбек қўзидаги ёш. Ерда қолган, о, таним маним, Ўзбекистон, Ватаним маним.* (А. Орипов. Ўзбекистон). *Беқиёс эди у шеър лочини, Хаёли бамисли Кўрагонийдек. Гар тарих эврилса, шуҳрат тожини Унга кийгизарди Султон Улугбек* (А. Орипов Баҳор)» [Худойберганова, Анданиязова 2016: 98–99].

Соавтор данного словаря – автор данной статьи, д. филол. н. Дурдона Худойберганова в настоящее время приступила к лексикографическому исследованию поэтонимов, использованных в узбекском фольклоре. Фольклорные материалы показали, что лишь лингвопоэтическое толкование поэтонимов, использованных в дастанах, сказках, не дает возможности всестороннего освещения роли конкретной ономастической единицы в тексте. В силу этого в данном словаре мы планируем толкование ономастических единиц на основе нового подхода, то есть с точки зрения синтеза научных взглядов лингвопоэтики, лингвокультурологии и фольклористики.

ЛИТЕРАТУРА

- Анданиязова Д. Ономастик бирликларнинг лингвопоэтик тадқиқи. – Тошкент: Turon zamin ziyo, 2016. – 207 б.
Калинкин В.М. Поэтика онама. – Донецк: «ТОВ Юго-Восток ЛТД», 1999. – 408 с.
Магазаник Э.Б. Ономапоэтика, или «Говорящие имена» в литературе. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с.

Воронцов Р.И. Ономастические метафоры в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2012. – 28 с.

Худойбергана Д., Анданиязова Д. Ўзбек тили поэтонимларининг изоҳли лугати. – Тошкент: Turon zamin ziyo, 2016. – 131 б.

Куროнов Д., Мамажоновна З., Шералиева М. Адабиётшунослик лугати. – Тошкент: Академнашр, 2013. – 340б.

Хусанов Н. Ўзбек антропонимлари тарихи. – Тошкент, 2014. – 184 б.

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ (сравнительный аспект с говорами башкирского и других тюркских языков)

А.Я. Хусаинова

В данной статье представлены единицы зоологической лексики на примере преселенческих (каргалинского, бугурусланского (средний диалект), шарлыкского (западный диалект)) говоров, возникших в ходе заселения Оренбуржья выходцами из центральных районов России. Они рассматриваются в сравнительном аспекте с современным татарским литературным языком, с башкирским и другими тюркскими языками.

Ключевые слова: диалектная лексика, зоологическая лексика, лексико-семантическая система, переселенческие говоры, формирование говоров.

This article presents the units of Zoological vocabulary on the example of resettlement Kargaly, Buguruslan (middle dialect), Sharlyk (Western dialect) dialects that arose during the settlement of Orenburg natives of the Central regions of Russia. They are considered in comparative aspect with modern Tatar literary language, with Bashkir and other Turkic languages.

Keywords: dialect words, a Zoological lexicon, lexical-semantic system, resettlement dialects, the formation of dialects.

Формирование исследуемых говоров шло в условиях непосредственного взаимодействия и взаимодействия представителей среднего и западного диалектов татарского языка. С другой стороны, контакты происходили между носителями и других языков: между татарами и башкирами, татарами и русскими и т.д.

На территории Оренбургской области распространена сложная система говоров татарского языка. Торгово-экономические контакты, общее развитие хозяйства и культуры с другими тюркоязычными народами за долгий период внесли в эти говоры новые общие черты. Татарское население Оренбуржья довольно устойчиво сохранило в языке основные черты «материнских» диалектов и говоров.

В этой статье мы рассмотрим зоологические лексемы татарских говоров в сравнительном аспекте с говорами башкирского и других тюркских языков.

Названия животного мира, один из древнейших пластов лексики, который издавна привлекает внимание ученых. В татарском языкознании сведения о зоонимической лексике можно найти в монографии З.Р. Садыковой.

В лексико-семантической системе татарских говоров Оренбуржья известны следующие названия диких животных:

Йалман. В некоторых говорах Приуралья, в том числе и каргалинском в значении «горностай» употребляется слово **йалман** [Садыкова 1994: 52]. Ср. **йалман** баш., турк. «тушканчик», уз. диал. «вид мыши», «крыса». Образовано от **йалма** – «пожирать» + афф. -н в значении носителя процесса [Севортян 1989: 97]. **Чекелдек** в каргалинском говоре «один из видов суслика» [ТТЗДС 2009: 736]. Происхождение слова на основе звукоподражания данного животного.

Сырқа [от рус. сурок] в каргалинском говоре обозначает «сурок» [Садыкова 1994: 57]. Сурок – небольшой грызун, считается заимствованием из тюркского; ср.: каз. *suur* «сурок», чув. *səvər* – то же. Тат. *serko* – то же, которое ранее считали источником заимствования. Фасмер допускает, что сурок могло быть звукоподражательного происхождения, по характерному свисту сурка [Шипова 1976: 294].

Рассмотрим особенности некоторых названий видов птиц.

Йапалак кргл. ябалак (сова.) *Мэче башлы йапалак була торган ыйы* [ТТЗДС 2009: 233]. Ср. йапалак/(-к) тур. «вид совы», баш. диал., тур. диал., ног. «филин». **Йапалак** стяжательная форма из йапа/йаба кулак, которое К. Менгес объясняет как результат гаплогонии

йабаку кулак, где *йабаку* «прядь шерсти, сбитый в войлок волос» + *кулак* «ухо», т.е. «с ушами из свалывшихся волос». Он полагает, что это табуистическое наименование птицы [Севортян 1989: 129].

В большинстве говоров как среднего (заказ., менз., кмшл., кргл., злт.) так и мишарского диалектов птицу «снегирь» (литер. карабүрек) называют *қызылтуши* (букв. красногрудая) [Садыкова 1994: 73].

Дувадак, *дывадак* в указанном значении четко выделяет западный диалект и отчасти говоры Приуралья. Это слово в значении «дрофа» бытует в каргалинском говоре и на юге распространения мензелинского говора. В татарском литературном языке *дувадак* имеет значение: 1) «пустынная птица», 2) «безродный, бобыль», 3) «холостой человек». Ср.: башк. *дагазақ*, казах. *даудақ*, ног. *дувадык*, др.-тюрк. *toi* «дрофа».

Слово *сандугач* известно также и в башкирском языке: *сандугас*. Ср.: с др. тюрк. *sandavaç*, *sandavac*, *sonduac* [Садыкова 1994: 77].

В камышлинском и каргалинском говорах в значении «удод» широко распространено наименование *пупун*, которое является звукоподражанием крику птицы [Садыкова 1994: 77].

Исследование лексики животного мира, распространенной в татарских говорах Оренбуржья, показывает, что данная категория лексики неоднородна, в основном является общетюркской. Значительную часть составляют лексемы, совпадающие с татарским литературным языком и заимствования из других языков. Данная лексика татарских говоров Оренбуржья обнаруживает особую близость к казахскому и башкирскому языкам, что объясняется географическим положением «соседей» – носителей данных языков. Но есть и названия, составляющие лексические особенности отдельных говоров и имеющие узколокальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Диалектологический словарь башкирского языка. / сост.: М.И. Дильмухәмәтов, У.Ф. Назергулов, С.Г. Сабиринова, Г.Г. Гареева – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.

Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1994. – 128 с.

Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Ж», «Ж», «Й». – М.: Наука, 1989. – 295 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. – 800 с.

Татар теленең зур диалекталоги сүзлегә / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. – 444 с.

УРБАНОНИМНАРНЫҢ ОРФОГРАФИЯСЕ ҺӘМ ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ МӘСЪӘЛӘСЕ

Г.К. Һадиева, Х.Х. Кузьмина

Статья посвящена изучению вопросов правописания и транслитерации урбанонимов Республики Татарстан. Анализу подвергнуты урбанонимы зафиксированные в «Реестре названий улиц города Казани» Республики Татарстан

Ключевые слова: урбаноним, названия улиц, правописание, транслитерация, перевод.

The article is devoted to the study of the spelling and transliteration of the urban names of the Republic of Tatarstan. Urban names recorded in the «Register of Kazan street names» of the Republic of Tatarstan are subjected to analysis

Keywords: urbanonym, street names, spelling, transliteration, translation.

Топонимиканың урам, тыкрык, проспект, мәйдан атамаларын өйрәнә торган бүлеге урбанонимика (лат. urbanus – шәһәрнеке; греч. ονομα – исем, атама) дип атала. XX йөз урталарынан урбанонимика тел белгечләренең игътибар үзәгендә була.

XX йөзнең икенче яртысында илкүләм тарихны, шулай ук аерым өлкәләренең тарихын, мәдәниятен тикшерү активлаша һәм галимнәрнең аерым урам атамаларын өйрәнүгә дә игътибарларын арттыра. Төрле елларда Г.П. Бондарук, И.Д. Воронин, М.В. Горбаневский, К.С. Горбачевич, Ю.К. Ефремов, С.А. Мартъянова, А.М. Мезенко, Э.М. Мурзаев, В.П. Нерознак, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, Е.М. Поспелов, Г.Ф. Саттаров, К.Ф. Әмиров, Г.П. Смолицкая, Н.С. Студенов, А.В. Суперанская һ.б. галимнәр тарафыннан адреслы

объектларның барлыкка килүләре һәм мәгънә белдерүләренә караган актуаль проблемалар күтәрелә башлый һәм фәнни хезмәтләр языла.

Татар урбанонимнарының язылышы һәм рус телендә бирелеше актуаль мәсьәләләрдән санала. Ономастиканың башка төр берәмлекләрендәге кебек үк, биредә дә шактый авырлыктар күзгә ташлана. Урам исемнәре – милли телнең яшәеше, функциональ мөмкинлекләрен күрсәтә торган билге, шунлыктан аларда сүзләрнең бирелеше төгәл, тел нормаларына туры килгән булуы зарур. Бу өлкәдә аерым кабул ителгән закон һәм кагыйдәләр урамнарға исем бирү, аларның язылышы кебек аспектларны да үзәккә алалар. Мисал өчен, Татарстан Республикасында Топонимия комиссиясе эшли. Әлеге комиссия урам исемнәрен биргәндә түбәндәгеләренә исәпкә алуны ассызыклай.

Атама сайлау вакытында аның төгәл, гади, кыска һәм истә калырлык булуына игътибар итәргә һәм ике төрле аңларга мөмкин исемнәрдән ваз кичәргә кирәк. Урам, мәйдан һәм халык яшәгән башка территорияләрнең атамалары Татарстан Республикасының дәүләт телләрендә бирелә һәм тәржемә ителми. Географик объектның исемемен рәсмиләштергәндә, Татарстан Республикасы дәүләт телләренә географик атамаларны куллану кагыйдәләрен һәм гадәтләрен саклаган норматив язылыш формалары билгеләнергә тиеш [Официальный портал органов местного самоуправления города Казань, <http://www.kzn.ru/node/32147>].

Урам атамаларын бер телдән икенче телгә тәржемә итү мәсьәләсенә килгәндә, Комиссия атаманың оригинал телендә бирелешен теркәп кую ягында тора. Урбанонимнары рус теленнән татар теленә һәм татар теленнән рус теленә күчерү вакытында, аффикслар үзгәртү яисә ирекле тәржемәдән башка механик транслитерация кулланыла. Шулай итеп, *Зур Кызыл урамы* түгел, бәлки *Большая Красная урамы* формасы дәрәжә булып санала. Шулай ук, документларда буталчык жибәrmәү максатыннан, *Үзәк урам* урынына *Центральная* урбанонимы кулланылырга тиеш.

Татар урбанонимнарының икетеллелек шартларында өч ысул ярдәмендә бирелеше таралган 1) тәржемә; 2) транслитерация; 3) катнаш ысул.

Тәржемә ысулына килгәндә, ул 1990–2000 нче елларда киң таралышка ия булган. Уртаклык исеме белән мотивлашкан рус телендәге шәһәр атамаларының мәгънәләре татар теленә турыдан-туры тәржемә ителгән. Мәсәлән, улица *Дубравная* – *Имәнлек* урамы, улица *Родины* – *Ватан* урамы. Бүгенге көндә әлеге ысул кулланмый, чөнки урам исемнәре тәржемә итеп бирелми. Шулай ук вакытта, Реестрда кайбер атамаларның рус һәм татар формалары яшәвен дәвам итә: улица *Победы* – *Жиңу* урамы; улица *Связистов* – *Элемтәчеләр* урамы; улица *Слободская* – *Бистә* урамы; улица *Приволжская* – *Идел бие* урамы; площадь *Свободы* – *Ирек* мәйданы; улица *Серп и Молот* – *Урак һәм Чүкеч* урамы; улица *Современников* – *Замандашлар* урамы; улица *Строителей* – *Төзүчеләр* урамы; улица *Трудящихся* – *Хезмәтченнәр* урамы; площадь *Тысячелетия* – *Меңьеллык* мәйданы һ.б. [Реестр названий улиц города Казани, <http://docs.cntd.ru/document/432885985>].

Топонимнар нигезендә барлыкка килгән урбанонимнарның телдә кабул ителгән тәржемә варианты булса, шуның ярдәмендә бирелә: *Тюлячинская* – *Теләче* урамы; *Тюменская* – *Төмән* урамы; *Услонская* – *Ослан* урамы; *Ферганская* – *Фирганә* урамы; *Челябинская* – *Чиләбе* урамы.

Транслитерация ысулы бер телнең язылышын икенче телнең аналог хәрәфләре ярдәмендә күрсәтүгә нигезләнә. Бүгенге көндә күпчелек очракта әлеге ысул кулланыла – урам атамалары тәржемә ителми. Урбанонимнарның язылышлары, оригиналдагы аффикслары сакланган килеш, икенче тел материалы белән бирелә: улица *Күнче* – *Күнче* урамы; улица *Малая Дорожная* – *Малая Дорожная* урамы; улица *Эмет* – *Өмет* урамы; улица *Свободная* – *Свободная* урамы; улица *Яшьлек* – *Яшьлек* урамы.

Әлеге ысулдан файдаланганда, кайбер татар авазларының рус телендә бирелү юллары истә тотыла.

Мәсәлән, татар теленен [ә] авазы рус телендә э, а, я хәрәфләре белән бирелә: *Бәхетле* урамы – улица *Бәхетле*; *Мәңгелек* урамы – улица *Мянгелек*; *Үрмәле* урамы – улица *Урмале*.

[ө] авазы е, и, ы, э хәрәфләре ярдәмендә күрсәтелә: *Сөөнеч* урамы – улица *Сиенеч*; *Яшь Көч* урамы – улица *Яшь Кыч*; *Өмет* урамы – улица *Эмет*; *Көмеш* урамы – улица *Кемеш*.

Калган татар авазлары күпчелек очракта түбәндәгечә бирелә:

[ж] авазы ж хәрәфе белән: *Жимешле* урамы – улица *Жимешле*.

[ң] авазы н хәрәфе белән: *Уңыш* урамы – улица *Уныш*.

[һ] авазы х хәрәфе белән: *Һади Атласи* урамы – улица *Хади Атласи*; *Һади Такташ* урамы – улица *Хади Такташа*.

[Ү] авазы у хәрефе белән бирелә: *Үзәнле* урамы – улица *Үзәнле*; *Үрмәле* урамы – улица *Үрмәле*.

Атаманы катнаш ысул белән биргәндә, аның бер өлеше оригинал телдә, икенчесе – кабул ителгән тәржемә формасында килә.

Урам-юллар чөлтәренә караган объектлар тәржемә итеп бирелә: *урам* – *улица*, *переулок* – *тыкрык*, *проезд* – *юл*, *площадь* – *мәйдан*, *слобода* – *бистә*. Алынма булып торган сүзләр тәржемә ителми: *Проспект Ибрагимова* – *Ибраһимов проспекты*; *Аракчинское шоссе* – *Аракчино шоссе*; *Оренбургский тракт* – *Оренбург тракты*.

Составларында сан булган атамалар да өлешчә тәржемә ителә: *5-я Давликеевская* – *5 нче Дәүләки урамы*; *8-я Залесная* – *8 нче Залесная урамы* һ.б.

Шулай ук урбанонимнар составында булган *поперечно-*, *большая*, *малая*, *старая*, *право-*, *лево* компонентлары кайбер очракларда тәржемә ителә: *Поперечно-Азинская* – *Аркылы Азино урамы* (ләкин *Поперечно-Боевая* – *Поперечно-Боевая урамы*); *Большая Мухаметишина* – *Зур Мөхәммәтшин урамы* (ләкин *Большая Заречная* – *Большая Заречная урамы*); *Малая Армавирская* – *Кече Армавир урамы* (ләкин *улица Малая* – *Малая урамы*); *Старо-Аметьевская* – *Иске Әмәт урамы* (ләкин *улица Старая* – *Старая урамы*), *Право-булачная* – *Уң як Болак урамы*, *Лево-Булачная* – *Сул як болак урамы* һ.б.

Икетеллек шартларында һәр телнең орфографик нормаларының үтәлуен тикшереп торучы органнар булуы зарур. Бүгенге көндә Казан аншлагында шактый орфографик хаталар күзәтелә, кайберләрендә атамалар татар телендә бирелми. Моңы берничә сәбәп белән аңлатып була: 1) аншлагларны урнаштырганчы, аларның паспортларын тикшерүче органнар булмавы; 2) аншлагларны махсус лицензиясез оешмалар тарафыннан чыгару мөмкинлеге; 3) урам атамаларының татар телендә грамоталы бирелешенә Интернет чөлтәрендә, хәтта Шәһәр үзидарә органнары сайтында һәм Реестрда булмавы.

Шулай итеп, урам атамаларының дөрес язылышы өчен җаваплы органнар билгеләү, ике телнең орфографик нормаларын саклаган Реестрны Интернет чөлтәрендә урнаштыру проблеманың чишелеше булырга мөмкин.

ӘДӘБИЯТ

Официальный портал органов местного самоуправления города Казань [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kzn.ru/node/32147> (дата обращения: 18.06.2019).

Реестр названий улиц города Казани [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432885985> (дата обращения: 19.06.2019).

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ОСНОВНОЙ СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ УЧЕБНИКА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

М.М. Шакурова, Л.М. Гиниятуллина

Публикация осуществлена в рамках мероприятия 4.1.3. Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»

Данная статья посвящена изучению и анализу учебного текста как основного структурного компонента учебника при формировании коммуникативной компетенции учащихся начальных классов. Лингвистические технологии, методики анализа постепенно осваиваются современными исследователями как инструмент для интерпретации текста, поэтому именно в наше время очень бурно идет анализ конкретных текстов.

Ключевые слова и словосочетания: текст, коммуникативная компетенция, культурологическая информация, полилингвальное пространство.

This article is devoted to the study and analysis of the educational text as the main structural component of the textbook in the formation of communicative competence of primary school students. Linguistic technologies, methods of analysis are gradually mastered by modern researchers as a tool for the interpretation of the text, so it is in our time that the analysis of specific texts is very rapid.

Keywords and phrases: text, communicative competence, cultural information, multilingual space.

В соответствии с пунктом 3 статьи 14 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в действующей редакции от 03.06.2016),

Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования, Примерной основной образовательной программой начального общего образования, татарский язык изучается в системе общего образования в рамках предмета «Родной язык».

В результате изучения курса родного (татарского) языка обучающиеся при получении начального общего образования научатся использовать татарский язык как средство общения, познания мира и культуры татарского народа в сравнении с культурой других народов.

Знакомство с детским пластом татарской культуры заложит основы толерантности и взаимоуважения. Сравнительное изучение культур, общепринятых человеческих и базовых национальных ценностей будет способствовать формированию гражданской идентичности, чувства патриотизма и гордости за свой край, многонациональную страну, поможет лучше осознать свою этническую и гражданскую принадлежность, воспитает уважительное отношение к другим народам.

В результате изучения родного (татарского) языка на уровне начального общего образования у обучающихся будут сформированы:

коммуникативная компетенция – способность и готовность общаться в устной (говорение, аудирование) и письменной (чтение, письмо) формах общения, с учетом речевых возможностей и потребностей младшего школьника; будет получено общее представление о строе изучаемого языка;

языковая компетенция – изучение татарского языка как системы фонетических, лексических и грамматических средств; формирование умений опознавать языковые явления, анализировать и классифицировать их;

социокультурная компетенция – первоначальные представления о традиционной культуре, духовных и материальных ценностях, нравственных нормах и принципах татарского народа.

Тематически материал каждого класса разделен на четыре сквозные содержательные линии, вне зависимости от уровня владения татарским языком («Я», «Мир вокруг меня», «Моя Родина», «Мир татарского народа»), обеспечивающие формирование вышеуказанных компетенций. В учебном процессе указанные содержательные линии неразрывно взаимосвязаны и интегрированы.

Первая тема – «Я». Тема направлена на изучение, использование всего того, что соприкасается с личностью самого ученика для развития речи. Внимание ученика акцентируется на семье, школе, друзьях, одноклассниках. Знакомство с одноклассниками, учителем, персонажами детских произведений, составление монологической и диалогической речи об увлечениях, взаимопомощи в семье, летним отдыхе, видах спорта являются объектом совершенствования устной и письменной речи.

Вторая тема – «Мир вокруг меня». Направлена на воспитание гуманного, творческого, социально активного человека, уважительно и бережно относящегося к среде своего обитания, к природному и культурному достоянию человечества. Для работы предлагаются тексты следующих тематик: любимые игры и игрушки, фильмы, персонажи, народные сказки, разнообразие растений и животных и т.д. Она также ориентирована на развитие речи, на расширение лингвистических представлений.

Третья тема – «Моя Родина». Ориентирована на укрепление у учащихся гражданской идентичности, чувства патриотизма, любви и уважения к Отечеству через ознакомление с повседневной жизнью, особенностями быта, традиций как татарского народа, так и народов, проживающих на территории Российской Федерации, с государственными символами России и Татарстана (гимн, флаг, герб, органы власти), с культурными символами России и Республики Татарстан, городами России и республики, сельской и городской жизнью и т.п.

Четвертая тема – «Мир татарского народа». Тема нацелена на формирование представлений о национальной ментальности, философии, мироощущении, нравственных законах татарского народа.

Каждое тематическое направление выступает основой для развития речи. При этом используются как небольшие тексты, прежде всего, относящиеся к повседневной жизни учащихся, материалы по этнографии, мифологии, философии татарского и других народов, так и мультфильмы, кинофильмы, отрывки из художественных произведений, народного творчества, справочные материалы, игры, рисунки, фотографии т.д.

Художественные тексты являются источником культуры и содержат не только богатую культурологическую информацию, но также лексический и грамматический матери-

ал. Национально-культурные особенности наиболее ярко проявляются в художественных текстах.

Проблема развития полилингвального обучения актуальна для всех регионов и территорий России. В полилингвальном пространстве наметился целый ряд положительных тенденций в преподавании родного (татарского) языка в общеобразовательных организациях: внимание к развитию связной речи учащихся, установка на коммуникативность, комплексный подход к активизации всех видов речевой деятельности учащихся, анализ текста (тексты из произведений А. Алиша, Ф. Амирхана, Д. Аппаковой, Г. Баширова, А. Бикчантаевой, М. Гафури, А. Гаффара, Н. Давли, Г. Сабитова, Ф. Садриева, Л. Толстого, Г. Тукая, И. Туктара, К. Ушинского и др., научно-популярные тексты, а также материалы газетных, журнальных статей, тексты, составленные самими авторами). Здесь учитываются страноведческий и психологический аспекты татарского языка. Материалы по страноведению охватывают все стороны жизни татарского народа: язык, литературу и искусство, традиции и обычаи, религию и быт, науку и образование [Шакурова 2014, 4: 216].

Использование на занятиях текстов художественной литературы и устного народного творчества помогает глубже усвоить грамматический материал, лексику, интонацию, произношение и, как следствие этого, глубже понять содержание произведения. При работе с текстом учащиеся должны выразительно читать текст, работать над словарем, отвечать на вопросы, составлять предложения и диалоги, пересказывать прочитанное, уточнять фонетические, орфографические, лексические ошибки и т.д.

Объектом особого внимания при обучении татарскому языку и литературе в полилингвальном пространстве становится художественный текст, поскольку именно в нем наиболее ярко отражается эстетическая ценность языка в целом и его разных ономастических элементов. Лингвистическая сторона художественного текста стала предметом специальных научных исследований, результаты которых отразились в работах А.А. Потебни, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Б.А. Ларина, Г.О. Винокура, Р.О. Якобсона, М.М. Бахтина, В.В. Одинова, Н.М. Шанского, В.П. Григорьева, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Казарина и др. Изучение поэтической ономастики того или иного поэта или писателя помогает лучше увидеть внутреннее богатство, психологию его творчества. Имена персонажей в художественном тексте приобретают особые смыслообразующие функции, не свойственные номинациям научных текстов (Например, в произведениях Ф. Амирхана встречаются топонимы родной земли, часто используются урбанонимы *Ботанический сад*, *Летний сад*; ойконимы *Казань*, *Москва*; гидронимы *Волга-река*, *озеро Кабан* и др.). Их анализ, выявление каких-либо закономерностей, осознание смысловой целенаправленности – шаг к постижению эстетической функции художественного произведения. Изучение особенностей функционирования собственных имен в произведениях Ф. Амирхана, многообразие видов антропонимов, богатый семантический потенциал имен позволяют глубже понять художественный мир писателя.

Тексты знакомят учащихся с жизнью великих деятелей русской, родной и мировой культуры. Ретроспективный анализ отечественного и зарубежного опыта исследования текста показывает, что анализ художественного текста, сформировавшийся к середине XX века как самостоятельная междисциплинарная наука, в центре внимания исследовательских направлений всегда поддерживает связь с языком, обществом, историей и культурой.

Результатом изучения учебного курса являются сформированные у учащихся навыки восприятия, анализа, оценки особенностей национальной культуры; собственная нравственная позиция; эстетический вкус; развитое творческое мышление, которые в целом станут средством для формирования мировоззрения и оценки окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Гиниятуллина Л.М., Шакурова М.М. Туган телне укыту методикасының бүгенге көн проблемалары. / Л.М. Гиниятуллина, М.М. Шакурова. – Казан: Вестфалика, 2018. – 110 с.

Шакурова М.М. Лингвистический анализ фольклорного текста (на материале сказок и баитов) / М.М. Шакурова. // Филология и культура. *Philology and culture*. – Казань, 2014. – № 4 (38). – С. 216–220.

Шакурова М.М. Татарско-русское двуязычие: проблемы обучения языкам / М.М. Шакурова. // Филологические науки. Вопросы теории и практики *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 10. – Ч. 2. – С. 211–214.

Шәкүрова М.М., Гыйниятуллина Л.М. Башлангыч сыйныфларда «Туган тел» предметын укыту: яңартылган эчтәлек һәм перспективалар. Методик ярдәмлек / М.М. Шәкүрова, Л.М. Гыйниятуллина. – Казан, 2018. – 40 б.

О РАБОТЕ НАД ПЕРЕИЗДАНИЕМ «БАШКИРСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ СЛОВ АРАБСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ»

З.Н. Экба

В статье приводится обоснование необходимости переиздания «Башкирско-русского словаря слов арабского и персидского происхождения» и описывается процесс подготовки данного издания.

Ключевые слова: башкирский язык, башкирско-русский словарь, арабские и персидские заимствования.

The article provides a justification for the need to reissue the «Bashkir-Russian dictionary of words of Arabic and Persian origin» and describes the process of preparing this publication.

Keywords: Bashkir language, Bashkir-Russian dictionary, Arabic and Persian borrowings.

Если мы обратимся к истории функционирования в башкирском языке лексики арабского и персидского происхождения на протяжении примерно последних ста лет, то вспомним, что в 20–30 годы XX века в связи с переходом башкирского языка на русскую графическую основу, а также с большим наплывом русской лексики в послереволюционный период, арабские и персидские слова стали считаться пережитками прошлого. В это время появляется тенденция к замене не только арабизмов и персизмов исконными и русскими словами, но и замена собственно башкирских слов русскими заимствованиями и интернационализмами, также перенятыми через русский язык. Некоторые из таких слов отошли в пассивный словарный запас языка, отдельные вовсе вышли из употребления, однако некоторые продолжают употребляться параллельно с башкирскими словами и русскими заимствованиями, составляя основной фонд современного башкирского языка. Однако с течением времени ситуация изменилась: на рубеже XX–XXI веков в связи с возросшим самосознанием многих народов России, в том числе и башкирского, со стремлением каждого из них воссоздать и сохранить самобытную культуру и родной язык, наметилась тенденция к восстановлению его в том виде, в котором он был использован классиками башкирской литературы.

В 2004 г. нами был издан «Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения» [Экба 2004]. На тот момент это был первый переводной словарь такого рода, в котором были собран, систематизирован и переведен на русский язык этот пласт башкирской лексики. К каждому слову приведен его арабский или персидский эквивалент; в случаях, когда точное происхождение слова неизвестно, но оно имеется в обоих этих языках, то приводятся оба источника. Помимо грамматических и стилистических помет, перевода и пояснений на русском языке, к гнездообразующим словам приводятся наиболее употребительные словосочетания, фразеологические выражения, пословицы и поговорки, также с переводом их на русский язык. Пословицы, поговорки и фразеологический материал переводится следующим образом: если общий смысл башкирской пословицы или поговорки полностью совпадает с русским аналогом, то приводится этот аналог (например: *Азнаһына биш йома* – Семь пятниц на неделе); если образ в целом понятен и имеет приблизительно соответствующий по смыслу русский аналог, то приводится этот аналог с пометой *соотв.* (например: *Азык мулда бисмилла артын кыса. соотв.* Кто нуждыне знает, тот и бога забывает). При необходимости сначала дается литературный перевод фразеологизма, а затем его дословное значение с тем, чтобы уточнить употребление нужного слова (например: *Ай йөрө – аман йөрө!* Счастливого пути! (*букв.* Странствуй месяцами, но будь здоров!). Если в русском языке нет точного соответствия башкирскому фразеологизму, то приводится дословный перевод с пометой *букв.* (например: *Бай бар ерзә, малым бар, тимә, газраил бар ерзә, йәнем бар, тимә. букв.* В присутствии богатых не говори о том, что у тебя есть богатство, а в присутствии Азраила не говори о том, что у тебя есть душа).

Приведем примеры словарных статей:

БИКӘР (*перс.* بیکار) *прил. уст.* 1. напрасный, бесполезный, тщетный; *бикәр эш* напрасный труд; *бикәр өмөттәр* тщетные надежды 2. беззаботный, праздный 3. *в знач. нар.* попусту, впустую, напрасно, тщетно, бесполезно; *бикәр тырышыу* стараться впустую 4. *в роли послелога с исх. п.* кроме; *һинән бикәр кешем юк* кроме тебя у меня никого нет ♦ *Бикәр эш битһез булыр. соотв.* Дело толком красно. *Ирзәң йәше ике илле - береһе шакәр, береһе бикәр. соотв.* Человеческая жизнь двойственна – наполовину прекрасна, наполовину напрасна.

ҒӘЛӘМӘТ (ар./перс. *علامة، علامت*) *суц.* 1. знак, признак; подобие; *көз ғәләмәте* признаки осени 2. суматоха, суета; *ғәләмәт сакта* в суматохе 3. *неодобр. разг.* тип; *теге ғәләмәт* тот тип 4. *в знач. нар.* очень, чрезвычайно; *ғәләмәт матур* очень красивый • *Ғәләмәт сигеү (тарью)* мучиться, страдать. *Был ни ғәләмәт!* Что за чудеса! ♦ *Өндәш-мәү – ризалык ғәләмәте.* Молчание – знак согласия.

Словарь имел большой спрос, в особенности среди учителей и преподавателей башкирского языка, по-видимому, в связи с тем, что отражал весьма актуальную в то время языковую ситуацию, когда употребление лексики арабо-персидского происхождения было обусловлено всеобщим стремлением возродить язык в том виде, в котором он существовал в дореформенный период. В то же время арабо-персидские заимствования, ранее утраченные и заново возрождаемые в языке, были во многом непонятны, требовали перевода, примеров употребления и пояснений.

Работа над переизданием данного словаря видится нам актуальной в данный момент в связи с тем, что за прошедшие годы башкирская филологическая наука сделала огромный шаг в своем развитии. В первую очередь, следует отметить титанический труд ученых республики, сумевших собрать, всесторонне изучить и систематизировать лексический состав башкирского языка. Эта работа ознаменовалась выходом в свет «Академического словаря башкирского языка» в десяти томах - «Башкорт теленең академик һүзлеге» [2011–2018]. В словарь включены не только общераспространенные слова башкирского языка, но и наиболее употребительные диалектизмы, устаревшие и новые слова, народная и научная терминология, а также имена собственные. Без преувеличения можно утверждать, что на сегодняшний день это наиболее полное собрание и описание лексического фонда башкирского языка.

Ценным источником является не так давно изданная силами сотрудников Института истории, языка и литературы УНЦ РАН работа известного башкирского ученого А.Г. Бишшева «Башкорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүззәре» («Арабские и персидские слова в башкирском языке») [Бишев 2009]. В словаре представлена как широко распространенная лексика башкирского языка арабского и персидского происхождения, так и мало употребительная устаревшая лексика, с указанием на источник в оригинальной графике и с толкованием на башкирском языке.

Кроме того, следует отметить и достижения башкирских диалектологов. Помимо «Диалектологического словаря башкирского языка» [2002] и «Диалектологического атласа башкирского языка» [2005], за последние годы увидели свет многие работы по отдельным диалектам и говорам, что также дает объемный материал для изучения заимствований – как известно, в диалектах слов арабо-персидского происхождения содержится гораздо больше, чем в литературном языке.

Значительным явлением башкирской лексикографии последних лет является «Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге» («Словарь башкирских народных пословиц и поговорок») проф. М.Х. Ахтямова [Ахтямов 2008]. Этот словарь является поистине бесценным источником для изучения народного языка, а через него и менталитета башкир, их истории и культуры.

Все эти достижения башкирских филологов позволят нам значительно дополнить и обогатить предстоящее издание нашего словаря с учетом новейших данных. В ходе анализа новых источников и сопоставительной работы, проделанной нами в процессе подготовки к новому изданию, было обнаружено, что состав данного пласта лексики, отраженный в различных словарях, не идентичен. Подготавливаемое издание будет содержать максимально полное количество лексики арабского и персидского происхождения башкирского языка, с переводом слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических единиц, а также пословиц и поговорок на русский язык. Предполагается, что языковой материал будет обновлен не менее чем на 25–30% по сравнению с изданием 2004 г. В процессе работы уточняются и подвергаются исправлению некоторые имеющиеся ранее словарные статьи, во многом обновляется и фразеологический материал. Кроме того, издание будет дополнено новым приложением «Башкирские имена собственные арабского и персидского происхождения» с переводом их на русский язык. Надеемся, что данное издание будет полезным и интересным как для узких специалистов-тюркологов, так и для всех, кто интересуется богатейшим языком, историей и культурой башкирского народа.

ЛИТЕРАТУРА

Ахтямов М.Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге (Словарь башкирских народных пословиц и поговорок). – Уфа: «Китап», 2008.

Башкорт теленең академик һүзлеге (Академический словарь башкирского языка (в десяти томах). – Уфа: «Китап», 2011–2018.

Башкорт теленең диалекттары һүзлеге (Диалектологический словарь башкирского языка). – Уфа: «Китап», 2002.

Башкорт теленең диалектологик атласы (Диалектологический атлас башкирского языка). – Уфа: «Гилем», 2005.

Бишев А.Г. Башкорт телендә йөрөгән гәрәп һәм фарсы һүззәре (Арабские и персидские слова в башкирском языке). – Уфа: ИИЯЛ, 2009.

Экба З.Н. Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения. – Уфа: «Китап», 2004.

О ГИБРИДНЫХ ТЕРМИНАХ АКУШЕРСТВА И ГИНЕКОЛОГИИ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Ш. Элтазарова

Терминология области акушерства и гинекологии гибридная по своему составу. Эта гибридность увеличивается в разы, когда в национальных языках формируется своеобразная терминология в результате врачебной практики национальных кадров, а также при попытках подготовки учебных и учебно-методических пособий и материалов для медицинских вузов и вузов. В Узбекистане острая нужда преподавания медицинских предметов на узбекском языке, а также перевод делопроизводства в медицинских учреждениях на официальный язык республики призвали ученых и специалистов взяться над созданием терминологической системы по акушерству гинекологии узбекского языка. Процесс формирования специальной терминологии в данной области путем прямого и смыслового перевода из русского языка способствует образованию гибридных терминов, компоненты которых составляют интернациональные слова с греческой, латинской и английской основой.

Ключевые слова: клиническая терминология, акушерство и гинекология, узбекский язык, русский язык, слова с греческой, латинской и английской основой.

The terminology of the field of obstetrics and gynecology is hybrid in its composition. This hybridity increases by several times when a kind of terminology is formed in national languages as a result of the medical practice of national personnel, as well as in attempts to prepare educational and teaching aids and materials for medical colleges and universities. In Uzbekistan, the urgent needs to teach medical subjects in the Uzbek language, as well as the translation of office work in medical institutions into the official language of the republic, called on scientists and specialists to undertake the creation of a terminological system for obstetrics gynecology in the Uzbek language. The process of forming special terminology in this field by direct and semantic translation from the Russian language contributes to the formation of hybrid terms, the components of which constitute international words with Greek, Latin and English bases.

Keywords: clinical terminology, obstetrics and gynecology, Uzbek, Russian, words with Greek, Latin and English bases.

Клиническая терминология (греч. *klinike* – уход за лежащими больными) – это самый обширный раздел медицинской терминологии. Она включает термины ряда клинических дисциплин различных специальностей: терапии, хирургии, неврологии, психиатрии, гинекологии, офтальмологии и других, т.е. то, что необходимо знать лечащему врачу.

Под понятием «клиническая терминология» имеется в виду обширный комплекс ряда терминологий того раздела медико-биологических знаний, который включает весь круг вопросов, относящихся к больному организму. Этот раздел обычно именуют патологией (греч. *pathos* – страдание, болезнь + *logos* – наука, учение). В нем прежде всего изучается клиника болезни, т.е. ее симптомы и проявления, нарушения физиологических функций, структурные изменения органов и тканей, а также лечение и профилактика. Поэтому терминсистема медицины сложна и обширна. Она подразделяется на множество подсистем, которые взаимосвязаны и взаимодействуют. Термины в данных системах взаимопроникают из одной системы в другую. К примеру, терминология области акушерства и гинекологии состоит из терминов разных сфер медицины – физиологии, патологии, нозологии, гинекологии, неонатологии. Анализ истории развития терминологии акушерского дела показывает, что с понятийной точки зрения ее терминология выстраивается ранее гинекологической, так как данная область медицины представляет собой особую лингвистическую модель медицинского знания. Это открытая система, так как она пополняется

новыми понятиями и, следовательно, новыми терминами [Киселева 2018: 212–216]. Как видно, терминология области акушерства и гинекологии гибридная по своему составу. Эта гибридность увеличивается в разы, когда в национальных языках формируется своеобразная терминология в результате врачебной практики национальных кадров, а также при попытках подготовки учебных и учебно-методических пособий и материалов для медицинских вузов и вузов.

Так, в Узбекистане в 1970-х гг. появились первые статьи по акушерству и гинекологии на узбекском языке в периодической печати, где наблюдается попытка перевода на узбекский язык отдельных терминов акушерства как «*доячилик*» (акушерство), «*ҳомиладорлик даври*» (период беременности), «*бачадон*» (матка), *ҳомила* (зародыш), «*туғиш*» (деторождение, роды) [Ахмаджанова 1972: 17–19]. Эти термины были заимствованы из народно-просторечного языка (или специального подязыка повывалных женщин), поскольку у среднеазиатских народов в традициях народной медицины присутствовала акушерская практика, где опытные женщины старшего возраста выполняли роль акушерок и даже гинекологов, однако их знания ограничивались собственным опытом и традициями «*доя хатун*» (повывалных женщин), как называли акушерок в народе. А также активно шел процесс заимствования путем смыслового и прямого перевода терминов из русского языка.

Последующие годы в связи с переводом медицинского образования, а также лечебной практики на официальный язык бывшего Союза, процесс терминообразования (термино-создания) для акушерства и гинекологии не получало должного импульса и замедлилось.

После приобретения независимости Узбекистана, процесс терминообразования для акушерства и гинекологии возобновились, т.к. острая нужда преподавания медицинских предметов на узбекском языке, а также перевод делопроизводства в медицинских учреждениях на официальный язык республики призвали ученых и специалистов заново взяться над созданием терминологической системы по акушерства гинекологии узбекского языка. В те годы и ученые-филологи, и специалисты по акушерства и гинекологии активно обсуждали и трудились в этом направлении [Мадвалиев 1991: 186; Махкамов 2011: 212].

В этом процессе остро стояла проблема образования специальных терминов путем прямого или смыслового перевода и применения их учебном процессе, а также врачебной практике и делопроизводстве. Вместе с тем, внимание лингвистов и ученых-специалистов особо привлекли вопросы о разграничении терминов и общеупотребительных слов, умеренное заимствование терминов из иностранных языков, а также появления гибридных терминов. Узбекским ученым и специалистам большей степени удалось формировать медицинских терминов по акушерства и гинекологии и пустить их использованию.

Несмотря на того, в настоящее время в узбекской терминологической системе по акушерству и гинекологии образовались немало гибридных терминов, состоящий из узбекско-русских, русско-узбекских, узбекско-интернациональных компонентов, что является нормальным для языковой коммуникации. Ниже приводятся образцы таких гибридных терминов, появившийся в последние годы:

№ п/п	термины на русском языке	термины на узбекском языке	комментарии
1.	антенатальный период	антенатал давр	Русско-интернациональный компонент (РИК)+узбекский компонент (УК)
2.	двигательная активность плода	ҳомиланинг ҳаракат активлиги	УК+УК +русский компонент (РК)
3.	биофизический профиль плода	ҳомиланинг биофизик профили	УК+РК+РК
4.	тонус плода	ҳомила тонуси	РК+УК
5.	степень зрелости плаценты (СЗП)	плацентанинг етилиши даражаси	РК+УК+УК
6.	интранатальный период	интранатал давр	РИК+УК
7.	перинатальный период	перинатал давр	РИК+УК
8.	пренатальный период	пренатал давр	РИК+УК

9.	эмбриональный период	эмбрионал даври	РИК+УК
10.	<i>фетометрия ультразвуковая</i>	<i>ультратовуши фетометрияси</i>	РИК+УК+РИК
11.	<i>физиопсихопрофилактическая подготовка</i>	<i>физиопсихопрофилактик тайёргарлик</i>	РИК+УК
12.	<i>гидронефроз врожденный</i>	<i>туғма гидронефроз</i>	УК +РИК
13.	<i>алкогольный синдром плода</i>	<i>ҳомиланинг алкоголь синдроми</i>	УК+РИК+ РК
14.	<i>степень зрелости плаценты</i>	<i>плацентанинг етуклик даражаси</i>	РК+УК+УК
15.	<i>гломерулонефрит беременных</i>	<i>ҳомиладорликдаги гломерулонефрит</i>	УК+РИК

Изложенные в вышеприведенной таблице термины акушерства и гинекологии и их узбекские эквиваленты дают нам сделать вывод о том, что на основе терминов русско-интернационального характера и на узбекском образуются гибридные термины типа *эмбриональный период – эмбрионал даври, фетометрия ультразвуковая – ультратовуши фетометрияси, физиопсихопрофилактическая подготовка – физиопсихопрофилактик тайёргарлик* и т.п. Собственно русские термины типа *дыхательные движения плода, невынашивание беременности, околоплодные воды, преждевременные роды* переводятся без применения иностранных (интернациональных) слов исконно узбекскими словами соответственно: *ҳомиланинг нафас олиши ҳаракатлари, бола тушиши, қогоноқ сувлари, эрта туғруқ*. Видно, что гибридность термина на русском языке автоматически трансформируется на узбекский язык. Если на языке-источнике термин не гибридный, это найдет свое отражение и на узбекском языке.

В узбекской терминологической науке часто рассматривается вопрос об интеграции иноязычной лексики в системе родного языка, особенно такая ситуация наблюдается в технических и медицинских направлениях. Особое значение при этом придается заимствованию элементов русского и английского словарного фонда. Однако спорным остается вопрос о масштабах и последствиях распространения таких элементов в языке-реципиенте. В ряде аспектов, к примеру стилистическом, функциональном, словообразовательном и др., многими авторами обсуждается разная степень влияния русского и английского на заимствующий (узбекский) язык. Вместе с тем нельзя недооценивать роли русских и английских заимствований в специальной коммуникации. В свете интенсивных международных контактов разных сфер деятельности значимое место отводится, средствам общения, и здесь английские заимствования, зачастую приобретающие статус интернационализмов, оказываются незаменимым источником пополнения специальной лексики, в том числе медицинской отрасли. Именно этот аспект, наряду традиционными греческими и латинскими терминами является источником появления в терминологической системе акушерства и гинекологии узбекского языка гибридных терминов. При этом, элемент чужого языка перенимается языком-реципиентом вместе с предметом или понятием, становясь, таким образом, для заимствующего языка новым элементом, имеющим возможность восполнить дефицит обозначения данного нового предмета или понятия.

ЛИТЕРАТУРА

Киселева Л.А. Классификация терминов предметных областей медицины акушерство и гинекология // Термины в коммуникативном пространстве: материалы научно-практической конференции с международным участием «Дискурсология, терминология, экология языка в современной лингвистике» (11 мая 2018) / отв. ред. С.И. Маджаева. – Астрахань: Изд-во Астраханского ГМУ, 2018. – С. 212–216.

Аҳмаджанова Г. Ҳомиладорлик даврида тўғри овқатланишнинг аҳамияти (О важности правильного питания в период беременности) // «Саодат». – № 2. – 1972. – С. 17–19.

Мадвалиев М. Қўшма терминларнинг хусусиятлари ва уларни тартибга солиш масалалари // Ўзбек тили илмий-техникавий терминологиясини тартибга солиш принциплари. – Тошкент, 1991. – 186 б.

Маҳкамов Н. Терминологик тамойиллар ва халқаро термин-элементлар // «Хорижий сўз ва терминлардан фойдаланишда меъёр ва миллий-ассоциатив фикрлаш муаммолари» мавзусидаги республика илмий-амалий конференцияси материаллари. – Тошкент, 2011. – 212 б.

Саломатлик энциклопедияси. – Т.: Матбуот, 1983. – 245 б.

Ўзбек тилининг изоҳли лугати. 80000 дан ортиқ сўз ва сўз бирикмаси / Т. Мирзаев ва бошқалар. – Тошкент: ЎзРФА Тил ва адабиёт ин-ти. Ўзбекистон миллий энциклопедияси Давлат илмий нашриёти, 2006. – 1024 б.

ÖZBEK DİYALEKTOLOJISİNİN GÜNCEL SORUNLARI VE ONUN ÇÖZÜMLERİ HUSUSUNDA

J.D. Eltazarov

V данной статье анализируется современное состояние изучения узбекских диалектов и говоров. Ныне узбекская диалектология переживает непростой период своего развития. Как и в других тюркских языках Центрально-азиатского региона, последние четверть века по говорам и диалектам узбекского языка не проводились крупные и масштабные исследования. Диалектологические экспедиции не проводились систематически и собранные материалы не обрабатывались на должном уровне. Поэтому ближайшие годы узбекских ученых диалектологов ждет очень интенсивная работа в этом направлении. В статье указываются большие задачи, стоящие перед узбекской лингвистикой и перед диалектологией в частности.

Ключевые слова: узбекская диалектология, тюркские языки Центрально-азиатского региона, говоры и диалекты, исследования.

This article analyzes the current state of the study of dialects Uzbek Language. Nowadays, Uzbek dialectology is going through a difficult period of its development. As in other Turkic languages of the Central Asian region, for the last quarter of a century, large-scale studies have not been conducted on basis of dialects and Uzbek languages. Dialectological expeditions were not conducted systematically and collected materials were not processed at the proper level. Therefore, the coming years of Uzbek scientists dialectologists waiting for a very intensive work in this direction. The article identifies the major challenges facing Uzbek linguistics and dialectology in particular.

Keywords: Uzbek dialectology, Turkic languages of the Central Asian region, dialects and dialects, research.

Eski Sovyetler Birliği bünyesindeki türk dillerinin diyalekt ve ağızlarının araştırılması, alan çalışmalarının ve diyalektolojik derlemelerin yapılması, diyalekt ve ağızlardan materyallerin toplanması içinde büyük sorunlar olduğu herkesçe bilinmektedir. Öyle ki, Sovyetlerin dağılmasından sonra bu coğrafyadaki lehçe ve şive uzmanlarının çalışmalarının koordine edilmesi durduğundan dolayı son 25 yılda Rusya Federasyonu dışında hiçbir yeni bağımsız Türk Cumhuriyetlerinde lehçe ve ağız çalışmalarını ele almış uluslararası düzeydeki geniş çaplı sempozyum ve çalıştaylar düzenlenmemiştir. 8–11 Ekim 2018 tarihlerinde Özbekistan Semerkantta düzenlenen «Mahmud Zamehşeri, Kaşgarlı Mahmut ve Ali Şir Nevayi'nin dilbilimsel mirası ve onun Türk Dillerinin araştırmasındaki Yeri» konulu (Международная научная конференция «Лингвистическое наследие Махмуда Замахшари, Махмуда Кашгари и Алишера Навои и его место в изучении тюркских языков», 8–11 ноября 2018 г., Самарканд, Узбекистан) Uluslararası Sempozyumunda kaydedildiği gibi, günümüzde Orta Asya Türk Cumhuriyetlerinde lehçe ve ağız araştırmaları alanındaki durum o kadar vahim ki, son çeyrek asırda şehirleşme ve sanayileşme, yurtiçi ve yurtdışı göç süreçleri, radyo, televizyon, İnternet ve başka medya çeşitlerinin olumsuz etkisi sonucu olarak ağızlar kaybolmak üzereyken bu ülkelerdeki uzman bilimadamları ne kadar büyük sorun ile karşı karşıya kaldıklarının farkında değiller. Çünkü ağız ve lehçelerin kaybolmasıyla milli edebi dil kendisinin zenginleşme ve gelişme kaynaklarını, kan damarlarını kaybetmiş olacak, milli şüür ve gurur önemli ölçüde darbe alacaktır [Eltazarov 2019: 219–226]. Demek istediğimiz, Orta Asya Türk Cumhuriyetlerindeki Türk lehçe ve ağızlarının araştırılmasında ve tarama faaliyetlerinde ciddi aksamal olduğu belli ve bu sorunlar koordineli, planlı ve sistem çalışmalar sonucu giderilebilir ve bir tek Özbekçenin ağızlarındaki milyondan fazla sözcük, deyim ve diğer fikir ifade araçlarının iletişimden kopması engellenecektir.

Üstelik 20. yüzyılın 20. yıllarından ta 80'li yıllara kadar, Özbek ağız araştırmalarının 'altın çağında' bile bu alandaki çalışmaların plansız ve kendiliğinden yürütüldüğü, herkes istediği ağızı istediği biçim ve hacimde araştırdığı, derlemeler sonucu toplanmış materyallerin ancak bir kısmının yayımlandığı bellidir. 1971 yılında yayımlanan «Özbek Halk Ağızları Sözlüğü» (Шоабдурахмонов, Ш. ва бошқ., 1971: 417) gibi nadir şive sözlüğünden yer alan sözcükler bile birkaç uzmanın görüşlerine göre seçilmiş, ağızlardaki yüzbinlerce kelimeler ise gözardı edilmiştir.

Son çeyrek asırda ülkenin ilgili kurumları diyalektolojik keşif ve ağız derleme gezilerini hemen hemen durdurdular ve diyalektolojik sempozyum ve çalıştayların düzenlenmesini (2018 yılın sonbaharında Taşkent Devlet Özbek Dil ve Edebiyatı Üniversitesi ve Semerkant Devlet Üniversitesinde organize edilmiş sempozyumlar dışında) en aşağı düzeye indirdiği görülmektedir. Diyalektolojik keşif ve ağız derleme gezilerini ve bu alandaki çalışmalarını planlama ve koordine etme alanında değişim da göze çarpmamaktadır.

Günümüzde üniversiteler ve pedagoji enstitülerinde diyalektoloji uzmanları parmak ile sayılacak kadar azdır, hatta ‘Özbek diyalektolojisi’ feninden ders verecek öğretim üyeleri çoğu alanın uzmanı değildir, aksine diyalektoloji uzmanlarının durum gereği başka alanlara kaydığı da görülmektedir.

Butun bunların sonucu bir zamanlar ağızlardaki canlı konuşmada aktif kullanan binlerce kelimeler iletişim sürecinden dışarıda kalmakta, genç kuşaklar ağızlardaki kelimeler ve ifadeleri kullanmaktan çekilmekte ve saire. Hatta edebi dil için ağızlardan kelime seçmek ve yerleştirmek gibi kutsal temayülden vazgeçildiği, yeni terimler (sözcükler) ancak ve ancak yabancı dillerden alındığı veya mevcut kök ve eklerden uydurulduğu dilin yapay yollarla ‘zenginleşmesini’ sağlamaktadır.

Yukarıda söylenenler Özbek va başka Orta Asya Türk Dillerinin geçmişi, bugününün güzel anıtı, dillerimizin geleceği, gelişmesi, zenginleşmesi ve güzelleşmesini temin edecek lehçe ve ağızları yeniden sistemli, planlı ve kapsamlı öğrenmek buralardaki diyalektoloji feninin, alanın uzmanlarının ve Türkçenin aşıkları ve fedainlerinin boynunun borcudur.

Peki durumu düzeltmek için neler yapılmalı? Yapılacak işler o kadar çok ki, onları derhal orta vadede ve uzun vadede yapılacak işler diye sıralamaktan, buna göre hareket etmekten fayda var.

1. Derhal yapılacak işler. Özbekistan Bilimler akademisi Özbek Dil, Edebiyat ve Folklor araştırmaları Enstitüsü ve Taşkant Devlet Özbek Dil ve Edebiyatı Üniversitesinde Lehçe ve Ağız araştırmaları Koordine merkezi oluşturulmalı ve burada Özbek dilinin diyalekt ve ağızlarını araştırılması planları yapılarak, ülkedeki tüm ilmi güçler bu planlara göre çalışmalıdır; Koordine Merkezi bünyesinde Filoloji fakülteleri bulunan üniversitelerdeki araştırmaları koordine etmeli ve cumhuriyetin çeşitli bölgelerindeki ağızları kapsayan diyalektoloji keşif gezileri ve derlemelerinin yıllık planlara göre çalışmasını, keşif gezileri ve derlemelerin bütçe fonları hesabından yapılmasını temin etmelidir.

Bunun yanı sıra derhal keşif gezileri ve derlemelerinde kayıt işlerini bilimsel açıdan değerli olmasını temin etmek için yeni Özbek alfabesine dayandırılan transkripsiyon ve transliterasyon yazıları oluşturulmalı, gezilerde çağdaş audiovizüel teknolojiyi kullanarak veri toplanması temin edilmelidir.

Derlenen diyalektolojik dilsel malzemeyi mahsus labotuvarda değerlendirme, işleme, yayına hazırlama ve arşivleme işleri her sezonda devamlı yapılmalıdır. Diyalektolojik dilsel mazemenin fono- videotekası ve arşivi oluşturulmalıdır.

2. Orta vadede yapılacak işlerin en başında diyalektoloji araştırmaları yapacak uzmanları yetiştirmek ve bunun için en azından Taşkant Devlet Özbek Dil ve Edebiyatı Üniversitesi, Semerkant Devlet Üniversitesi, Ürgenç Devlet Üniversitesi, Fergana Devlet Üniversitesi gibi eskiden ağız araştırmaları eköllerini bulunan üniversitelerde diyalektoloji uzmanları yetiştirilecek mahsus lisans ve yüksek lisans öğrencileri alınması 2019 yılından itibaren başlanmalıdır. Bu üniversitelerin yanı sıra Özbekistan Bilimler akademisi Özbek Dil, Edebiyat ve Folklor araştırmaları Enstitüsünde diyalektoloji ihtisaslığından doktora programlarını oluşturmak lazim. Bu doktora öğrencilerinin tezlerinin yapılması için ülke kapsamında en az 1 tane Doktora Savunmaları Konseyi oluşturulmalıdır.

Bu lisans, yüksek lisans ve doktora programlarının altyapısı oluşturulmalı, gerekli ders programları, ders içerikleri, ders kitapları ve manüeller hazırlanmalıdır.

3. Uzun vadede yapılacak işlerin başında yakın 10–15 yıl içinde ülkenin her bir köyü, mahallesi ve ücre köşelerini kapsayacak, tipki Türkiye Cumhuriyetinde 1930-50’li yıllarda yapıldığı gibi, ağız ve şive derleme ve tarama işleri yapılmalıdır. Her ağız, bölge ve diyalektin sözlükleri düzenlenmelidir.

Bu ağız ve şive derleme ve tarama faaliyetleri sonucu ele geçirilen mazi

1. *Özbek ağızlarının mükemmel sözlüğü*
2. *Özbek diyalektlerinin morfolojik sözlüğü.*
3. *Özbek diyalektlerinin morfolojik eğitim sözlüğü.*
4. *Özbek diyalektlerinin türev sözlüğü.*
5. *Özbek diyalektlerinin sözcüksel türev sözlük.*
6. *Özbek diyalektlerinin sözcüksel-fonetik sözlüğü.*
7. *Özbek diyalektlerinin cümle sözlüğü.*
9. *Özbek diyalektlerinin cümlebilimciliğin sözlüğü.*
10. *Özbek diyalektlerinin sözcüksel-anlamsal sözlüğü.*
11. *Özbek diyalektlerinin Etnografik sözlüğü.*
12. *Özbek diyalektlerinin ters sözlüğü*
13. *Diyalektik öğrenme sözlüğü.*
14. *Özbek diyalektlerindeki eş anlamlı sözcükler sözlüğü.*

15. *Ўзбек диалектларинин сестеш келимелери сۆзлүгү*
16. *Ўзбек диалектларинин такма ад сۆзлүгү.*
17. *Ўзбек диалектларинин yer adlari сۆзлүгү.*
18. *Folklor eserlerinin diyalektal сۆзлүгү*
19. *Atasözlerinin diyalektal сۆзлүгү*
20. *Kişi adlarının diyalektal сۆзлүгү*
21. *Hayvan adlarının diyalektal сۆзлүгү*
22. *Kuş adlarının diyalektal сۆзлүгү*
23. *Bitki adlarının diyalektal сۆзлүгү*
24. *Etimolojik Dil Ağzılığı Sözlüğü.*
25. *Halk destanlarının diyalektal сۆзлүгү.*
26. *Ўзбек ағизларинин этнографизмелери сۆзлүгү*
27. *Ўзбек lehçelerinin diyalektolojik atlaslari.*
28. *Ўзбек lehçelerinin mükemmel diyalektolojik atlaslari*

gibi sözlük, haritalar ve atlaslar hazırlanmalı ve yayınlanmalıdır. Bu işlerin yapılması çok çalışma, enerji, coşku ve mali kaynak ister. Ancak onlar yapılmalı ve mutlaka yapılacaktır. Çünkü Özbekistan Özbekçenin tek anayasal yaşam alanıdır, Özbekçenin ağızları ve lehçeleri onun hayatta kalmasını temin edecek kaynakları oluşturduğu için bu kaynaklardan mehrum kalmamak için Özbek bilimadamlarını ileride büyük ve zor işler beklemektedir.

KAYNAKÇA

Шоабдурахмонов Ш.Ш.; Ишаев А., Носиров Ш., Узоқов Ҳ., Абдурахмонов Д. Ўзбек халқ шевалари лугати. – Тошкент: Ўзбекистон ССР «Фан» нашриёти, 1971. – 409 с.
 Эназаров Т., Есемуратов А. Дилектологик квалиметрия хусусида // Международная научная конференция «Лингвистическое наследие Махмуда Замахшари, Махмуда Кашгари и Алишера Навои и его место в изучении тюркских языков», 8–11 ноября 2018 г., Самарканд, Узбекистан. – Самарканд: СамДУ, 2018. С. 219–226.

XX ГАСЫРНЫҢ БЕРЕНЧЕ ЯРТЫСЫ ТАТАР ШИГЪРИЯТЕ ТЕЛЕНДӨ ГАДИ СӨЙЛӘМ ЛЕКСИКАСЫ

А.Ф. Юсупов, Н.М. Юсупова

Мәкалә № 18-412-160008 проекты кысаларында РФФИ һәм Татарстан Республикасы Хөкүмәтенең гранты нигезендә азылды

Статья посвящена изучению лингвостилистических особенностей татарской поэзии первой половины XX века и выявлению стилиеобразующих свойств просторечной лексики и варваризмов в языке художественных произведений; в ней раскрываются художественно-эстетические особенности и семантика данных лексических единиц в языке поэтических тестов.

Ключевые слова: лингвостилистика, язык поэзии, лексика, просторечная лексика, варваризм.

The article is devoted to the study of the linguistic stylistic features of Tatar poetry of the first half of the twentieth century and the identification of style-forming properties of colloquial vocabulary and barbarism in the language of artistic works; it reveals artistic and aesthetic features and semantics of these lexical units in the language of poetic tests.

Keywords: linguistic style, language of poetry, vocabulary, colloquial vocabulary, barbarism.

Төрки-татар әдәбияты тарихында поэзия аеруча мөһим урын тотат һәм әдәби процесста булган үзгәрешләр, иң беренче чиратта, шигъри эсәрләрдә чагылыш табалар [Юсупов 2019: 261]. Белгәнәбезчә, XX гасыр башында илдә барган сәяси вакыйгалар телнен теленә сүзлек составы күпмедер үзгәрүенә китерә. Электән кулланылып килгән гарәп-фарсы берәмлекләре пассивлаша, рус-европа алынмалары күпләп үтеп керә башлай. 1920–1930 елларның тагын бер характерлы үзенчәлеге булып язма әдәбиятта һәм вакытлы матбугатта жанлы сөйләм стилинен активлашуы тора. Гади сөйләм өчен характерлы булган лексиканың үзгәрүенә хас лексик-семантик үзенчәлекләр бар: аларның барысы да әдәби телдә тотрыклы урын ала алмый, норма булып формалашып бетми. Шуңа да карамастан, гади сөйләм сүзләре халыкта киң таралыш тапкан лексик берәмлекләр рәтендә карала. Гади сөйләм сүзләре эмоциональ-стилистик төсмерләр, телдәге мәгънә нечкәлекләрен бирүгә ярдәм итәләр һәм жанлы сөйләм күренеше булып торалар.

Гади сөйләм лексикасы – әдәби норма итеп алынмаган, көнкүрештә төрле социаль катлам кешеләре тарафыннан кулланылган сүзләр жыелмасы. Әдәби сөйләмгә керми торган сүзләр, тәгъбирләр, әйләнмәләр, сүз төрләнеш формалары, билгеле бер колорит тудыру өчен, еш кына, әдәби әсәрләрдә һәм сөйләм телендә дә кулланылалар [Ахманова 1966: 368]. Гади сөйләм лексикасын үз эчендә ике төргә бүлсәң: а) әдәби тел нормалары чигендә булган гади сөйләм сүзләре; ә) кулланылышы ягыннан катгый чикле булган, әдәби телгә бөтенләй кертелмәгән *вульгар сүзләр* [Татар 2016: 292].

Әдәби тел нормалары чигендә булган гади сөйләм теле сүзләре – әдәби тел нормаларына буйсынмаган, сөйләмгә эмоциональ-экспрессив төсмер бирә торган, башлыча тупас, төксе формада кулланыла торган сүзләр, формалар [Галиуллина 2013: 103]. XX гасырның беренче яртысы татар шигърияте телендә махсус стилистик чара буларак кулланылган, әдәби тел нормалары чигендә булган гади сөйләм лексикасының түбәндәге үзенчәлекләрен билгеләргә мөмкин:

1. Гади сөйләм сүзләре, әдәби тел сүзләренә параллель рәвештә аларның бер төре буларак, үзләренә хас мөстәкыйль мәгънәдә кулланыла. Бу яктан алар әдәби телгә якына ялар. Мәсәлән: Башын иеп, күзән *мәлдәрәтәп* / Торуы... (М. Гафури «Ат», (1933); Шәһәр шаулый / Халык *гәж килә* (М. Гафури «Болытсыз күк күкрәгәндә», 1932); Гайрәт бетеп артка *дүммәде* (төшмәде), / Тауның битен сөеп һәм иркәләп / Ничек *куштанлана, тулгана* (М. Гафури «Дингез буенда», 1932); Чәчәк кебек зәңгәр күзләреннә / Син *текәдең* минем күземә (Н. Баян «Москва төне», 1939); Чынлап оныттыңмы, атакаем / Икәү бергә кино *бакканны* (караганны) (Н. Баян Онытылган дус) (1939); Кыенлыклар безне *камап алгач* (М. Жәлил «Ударниклар», 1930); Кояш, *малай*, / бик төз атучы икән, / Нурын төртте / туры йөрәккә (М. Жәлил «Тирга» 1933); ...Күрәм, сизәм, кызлар-*хәчтерүшләр*, / Уегызны... күзегез аша да (Х. Туфан «Уралда», 1927) һ.б.

2. Әдәби телдәгегә караганда гади сөйләм сүзләре *фонетик-морфологик яктан* берникадәр үзгәртеп тә кулланырга мөмкин. Әлегә мисаллар диалектизмнарда да бик яқын, кайбер очрақлар диалекталь берәмлек итеп карала ала. Авазлар кыскару, аларның бер-берсе белән алмаштырылу күренешләре шактый күп күзәтелә. Мәсәлән: Кара сәхифәләр / *Чобарлады* (чуарлады) урам чатларын; ...вулкан / Белән таулар шаулап *умрыла* (М. Гафури «Болытсыз күк күкрәгәндә», 1932). Морфологик һәм фонетик (аеруча ж-лштерү күренеше) диалектизмнар күпләп М. Гафури ижатында күзәтелә. Мәсәлән: Егерме *тин* (тиен) көмеш кенә икән / *Мона* (менә) дигән яхшы пальтолар, / *Жон* (йон) кастюмнар, *жәфәк* (ефәк) юбкалар, / Коеп куйган кебек шиблетлар, / Яхшы эшәпәләр, кепкалар (М. Гафури «Капитал дөнъясында», 1932). Шулай ук әсәрдә: Үзәң ач *калгачтан* (калгач) (М. Гафури «Капитал дөнъясында», 1932); Күнелләрдә теләк бер *булгачтын* / Бара торган юллар киң *булгачтын* (М. Гафури «Беренче май», 1932); чыктылар да *тагы* баттылар; / канат *жәшлөп* (жилфердөтөп) ничек очалар (М. Гафури «Дингез буенда», 1932); Гафу итегез сез, әллә ничек / Күптән *күрмәгәчтен* онытылган (Н. Баян «Онытылган дус», 1939); Син *тугачтын* анад елагандыр (Н. Баян «Туған көнәң», 1939).

3. Алынма сүзләренә бозып әйтү жирлегендә барлыкка килгән гади сөйләм сүзләре. Чор үзенчәлеге булган алынма сүзләренә әдәби телдән читләштереп, халыкның жанлы сөйләмәңә жайлаштырып әйтү дә гади сөйләм сүзләрен кулланыуның бер төрен тәшкил итә. Бу күренеш инде күптәннән авторлар тарафыннан махсус кулланылган. Персонаж сөйләмәңә кертелеп, персонажның кайсы чор яки социаль катлам вәкиле икәннен аңлаткан, аның белем дәрәжәсен күрсәткән, ягъни, икенче төрле, мәгънәне эмоциональләрәк ясауда һәм тәэсир көчен арттырыуда кулланыла торган махсус алым итеп карала ала. Мәсәлән, М. Гафуридагы ат «айлык *жалунья* дә сорамый («Ат», 1933); Менә сиңа себерке, пумала, / Ялгаш, көянәт һәм *бидрәләр* (М. Гафури «Элекке «ул» инде кеше булды», 1933); Шулымы *эрбәлтсе?* (революция) / Тфу! / Жыен кәгазь яка – кәмитит! (комитет), Жыен буржуй / *Устау* (устав) йөрәтә. / Ә без кайда?, *Трибогы* (тревога) бу! – диде Хабул абый (Х. Туфан «Башлана башлады», 1927).

4. Алынма сүзләренң бер төркеме шулай ук гади сөйләмгә хас лексика булып тора. Вақытлар узу белән кайбер алынмалар үзләштерелә, киң катламда кулланылышка кереп китә. 1920–1930 еллар аралыгында алынмалар күпләп рус теленнән керә. Мондый лексика әдипләребез ижатларында ачык чагылыш табалар. Алынмалар рәтендә: *коммуналар, снарядлар, шлемнарны, окопларда, обмоткадан, коммун* (Н. Баян «Елак кызлар турында», 1928); *совхозларның меңәрләгәннен, зур колхозлар тезелеп тора, гигант заводлар эшләнәп бетә* (М. Гафури «Жәгез, әйтегез!», 1932); *барабаннар сугып үтәбез, пионер, комсомол, салют бирәбез* (Н. Такташ «Пионерлар маршы», 1925); *ленинизм серен ачтылар, шинель, часовойның аяк тавышын, инструктор белән кабинага, комсомол антын яңарттым*

(С. Баттал «Беренче очу», 1928); батыр *юнгштурм*, яшь *ударник*, житез *коммунар*, коммунизм өчен көрәшкә (М. Жәлил «Юнгштурм» жыры, 1930); зур эшләргә киереп *мускул*ларны, чирле *бактерия*ләр, һәрбер *микроб*, кызыл *семафор*, ил төзүче тимер *армияне*, син сугышта *инвалид*, *винтовкага* сүзне бирегез, булдым *ударник*, батыр *кызылармеец*, *компартия*, *фронт* (М. Жәлил «Партиягә», 1930) һ. б. бик күп мисаллар. Һәрбер авторда чорга хас алынма берәмлекләр күпләп күзәтелә.

XX гасырның беренче яртысы татар шигърияте телендә урын алган гади сөйләм сүзләнең бер өлешен *варваризмнар* тәшкил итәләр. «Вульгаризм – әдәби тел нормаларыннан читләшкән, гади сөйләм сүзләнең бер төре булган дорфа, тупас лексика» (Галиуллина 2013: 109). 1920–1930 нчы елларда варваризмның аеруча активлашуы күзәтелә. Тикшерә торган чор әдәбияты телендә вульгар сүзләр арасында рус сүзләре дә шактый урын алып тора. Мәселән, һ. Такташның үзенә «Кыр казлары» (1926) шигърендә лирик герой һавадагы кыр казларына карап: «Еллар үтә – менә күрерсез: / Фәнне эшкә жигә белербез, / Күктә *гулять итеп* йөрербез!..» – дигән юллар бар. Шуңа ук лексика эдипнең «Мәхәббәт тәүбәсе»ндә (1926) дә кабат кулланыла: «Урам буйлап жил бер исрек белән / *Гулять итеп* кайтып килә иде...» Варваризм күренеше телне боза, ләкин әдәби әсәр тукумасында ул аны жанландыра, тәэсир көчән арттыра, әлегә очракта һ. Такташ шигъриятенә күзәтәргә, билгесә дә булып тора.

Югарыда әйтелгәнчә, шагыйрьләр алынмаларны күпләп куллана башлый. Үзгәртүләрсез аларны М. Гафури ижатында да күрергә мөмкин: Эшкә килсә, кайбер колхозниклар / Кебек иксез ялкау, *лодыр* ул, *Вредитель*, *кулак*, *кооператив* / Караklarын *крысаларга* / Ошаталар (М. Гафури «Сыер белән сарык, кәжәнең протесты», 1933).

Нәтижә ясап әйткәндә, гади сөйләм сүзләре әсәр текстына үтеп кереп, махсус сурәт тудыру чарасына әйләнәләр. Алар лирик геройның статусы хакында хәбәр итә, аңа эмоциональ төсмер бирә, белдерә торган фикерне көчәйтә, шагыйрьнең тискәре мөнәсәбәтән яки, киресенчә, якин итеп кабул итүен күрсәтә, юмор яки сатира, сарказм тудыру чарасына да әверелә ала.

Гади сөйләм сүзләнең кайберләре әдәби телдә норма булып китә. Бер өлешә исә, телнең аерым лексик катламы буларак, үзенә кулланылыш хасиятен саклап кала.

Гомуми нәтижә ясап әйткәндә, XX гасырның беренче яртысы татар шигърияте теле – гаять күзгәлекле һәм яңарышларга бай тел. 1920 нче елларда татар теленең эчке мөмкинлекләреннән файдалану, халыкара сүзләргә мөрәжәгать итү нәтижәсендә меңнәрчә уңышлы яңа сүзләр, яңа берәмлекләр барлыкка килә. Әдәби тел шулар хисабына байый, үзгәрә. Билгеле, әлегә үзгәрешләр тарихи-ижтимагый шартлар белән дә бәйлә була.

ӘДӘБИЯТ

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

Галиуллина Г.Р. Хәзерге татар теле лексикологиясе. – Казан: Казан. ун-ты нәшр., 2013. – 123 б. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘНСИ, 2016. – Т. II. – 392 б.

Юсупов А.Ф. Поэтическая ономастика татарской поэзии первой половины XX века / А.Ф. Юсупов, Н.М. Юсупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. Вып. 3. – С. 261–264.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТАТАРСКО-РУССКИХ И РУССКО-ТАТАРСКИХ СЛОВАРЕЙ XIX ВЕКА

А.Ш. Юсупова

Данная статья предлагает классификацию двуязычных словарей татарского языка XIX века. Словари рассматриваются по входным языкам и по рамочной структуре. Также большое внимание уделяется субъективным причинам, которые отражены в словарях: личность автора, его образование, место жительства, взгляды на мир.

Ключевые слова: словарь, классификация, структура, татарский язык.

This article offers a classification of bilingual dictionaries of the Tatar language of the XIX century. Dictionaries are considered in the input languages and in the framework. Also, much attention is paid to the subjective reasons that are reflected in the dictionaries: the author's identity, education, place of residence, and world views.

Keywords: dictionary, classification, structure, Tatar language.

Татарская двуязычная лексикография уходит своими корнями в XVI–XVII века. На протяжении этого периода было составлено несколько русско-татарских рукописных словарей, предназначенных для разных целей. Задолго до этого среди купечества были в употреблении маленькие рукописные разговорники и карманные словари, необходимость которых была вызвана самой жизнью [Ногман 1969: 25–42]. Эти постоянно пополнявшиеся книжечки послужили прообразами для создания новых словарей.

Со второй половины XVIII века в России появляются сравнительно большие по объему словари турецкого языка в переводе на французский, английский и немецкий языки. Тогда же был подготовлен рукописный русско-татарский словарь С. Хальфина (1785), содержащий около 25 000 слов. Слова в словаре расположены по трем столбикам: первый включал русские слова, во втором дана русская транскрипция татарских слов, в третьем – татарские слова в арабской графике.

Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века являются ярким примером и памятником двуязычной лексикографии. В этих словарях отражён опыт более ранних русско-иностранных (немецких, английских, французских и т.д.) словарей. Отметим, что составителями двуязычных словарей татарского языка XIX века были заложены методологические и методические традиции формирования словарного корпуса XX века.

Двуязычные словари XX века можно классифицировать по входному языку, т.е. по языку, с которого осуществляется перевод. Первую группу – группу татарско-русских словарей – составляют труды И. Гиганова (СПб., 1801), А. Троянского (Казань, 1833, 1835), С. Кукляшева (Казань, 1859), К. Насыри (Казань, 1878), Л. Будагова (1869, 1871), словари, изданные Миссионерским обществом святителя Гурия (Казань, 1880, 1882, 1886, 1888, 1891), Ш. Габдельгазиза (Казань, 1893), Н. Остроумова (Казань, 1876; 1892), М. Юнусова (Казань, 1900). В этих словарях входным языком является татарский, выходным – русский язык. Данные словари для русского пользователя являлись пассивными, потому что были предназначены для чтения текстов на татарском языке, для перевода татарских текстов на русский язык, а также для запоминания татарских слов. Однако с помощью этих же словарей татароязычный пользователь мог перевести слова, тексты с родного языка на русский язык, и для него они являлись активными.

Словари И. Гиганова (1804), К. Насыри (1892) и А. Воскресенского (1894) являются русско-татарскими, т.е. входным языком этих словарей является русский, и они составляют вторую группу, которой нами посвящён отдельный параграф.

Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века отличаются также по структуре. Структурой называется соотношение частей словаря и принципы его организации. Различают несколько типов структур словарей: мегаструктура, или рамочная структура – взаиморасположение частей словаря (предваряющий текст, корпус, заключающий текст), макроструктура, или порядок расположения слов в словаре [Берков 2004: 15]. По макроструктуре исследуемые нами словари делятся на алфавитные и тематические. К алфавитным относятся словари И. Гиганова (1804), А. Троянского (Казань, 1833, 1835), С. Кукляшева (Казань, 1859), К. Насыри (Казань, 1878, 1892), Л. Будагова (1869, 1871), Н. Остроумова (Казань, 1876; 1892), М. Юнусова (Казань, 1900), к тематическим, т.е. словарям с систематической микроструктурой, – словарь И. Гиганова (1801), словари, изданные Миссионерским обществом святителя Гурия (Казань, 1880, 1882, 1886, 1888, 1981), Ш. Габдельгазиза (Казань, 1893).

В каждом татарско-русском и русско-татарском словаре XIX века нашли свое отражение не только объективные обстоятельства, но и личностное отношение их составителей и издателей, их знания, положение, занимаемое ими в обществе.

На те или иные особенности соответствующего словаря могли повлиять и место жительства автора, и условия его жизни, деятельности, круг общения. А. Троянский, К. Насыри жили и работали в Казани; А. Воскресенский – в Казани и Астрахани; И. Гиганов – в Сибири; Л. Будагов – в Санкт-Петербурге; С. Кукляшев – в Оренбурге; Н. Остроумов – в Казани, Ташкенте, Туркестане; Ш. Габдельгазиз проживал в деревне Чукри Алемова (ныне деревня Чукри Аланово Кайбицкого района Республики Татарстан); М. Юнусов избрал местом проживания Чистополь [Кононов 1974: 272].

Безусловно, важным фактором является уровень образованности авторов-составителей словарей. Л. Будагов, С. Кукляшев обучались в классических университетах. Л. Будагов окончил отделение восточных языков Санкт-Петербургского университета [Кононов 1974: 130], С. Кукляшев – факультет филологии Казанского Императорского университета [Кононов 1974: 201].

К. Насыри, Ш. Габдельгазиз получили образование в медресе. К. Насыри учился в известном казанском медресе «Касимия» [ТЭС 1999: 388], был вольнослушателем Казанского университета; Ш. Габдельгазиз закончил Апааневское медресе в Казани [ТЭС 1999: 465].

А. Троянский, Н. Остроумов, А. Воскресенский – выпускники Казанской духовной академии, обучались на богословском и миссионерском противомусульманском отделении [Кононов 1974: 272].

Словари, составленные И. Гигановым и М. Юнусовым, также свидетельствуют об уровне их филологических знаний.

Отдельные особенности словарей обусловлены профессией их составителей. Многие из них были преподавателями: И. Гиганов преподавал в Тобольском народном училище, А. Троянский – в Казанской духовной академии, Л. Будагов – в Санкт-Петербургском университете, С. Кукляшев – в Неплюевском кадетском корпусе (Оренбург), М. Юнусов – в городском медресе Чистополя, К. Насыри – в Казанской татарской учительской школе. Они обучали татарскому языку русскоязычных слушателей и русскому языку – татар.

Н. Остроумов и А. Воскресенский были активными членами Миссионерского общества святителя Гурия. Н. Остроумов преподавал в Казанской духовной академии и учительской семинарии, работал инспектором Туркестанского народного училища, выполнял обязанности директора мужской гимназии в Ташкенте, был редактором газеты. А. Воскресенский обучал богословию в Казанской крещёно-татарской школе, был инспектором в казахских школ Астраханской губернии, работал директором Казанской и Преславской учительских семинарий [Кононов 1974: 229]. Татарско-русские и русско-татарские словари были необходимым в их повседневной деятельности.

Специфические черты словарей были обусловлены и религиозными верованиями их составителей. Большинство авторов рассмотренных словарей – представители христианской религии. Работа по составлению словарей была тесно связана с их миссионерской деятельностью.

Следует обратить внимание на принципы составления словарей, раскрывающие уровень филологических знаний их авторов. Так, словарю «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, съ включениемъ употребительнейшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ...» Л. Будагова (1869, 1871) присуще продуманное расположение слов и их толкование, в нём указаны источники их происхождения и сферы употребления, приводятся однокоренные слова и даётся их сравнение с вариантами из других тюркских языков (в словарь включены также наиболее употребительные арабские и персидские слова), что свидетельствует о глубине филологических знаний автора.

В словарях, выпущенных Миссионерским обществом святителя Гурия (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), даётся лишь перевод слов и в них отсутствует какая-либо информация филологического характера.

В татарско-русские и русско-татарские словари XIX века включены лексические единицы, находившиеся в активном употреблении, а также варианты разговорной речи. К тому же в них фиксировались и диалектизмы, и сложные арабско-персидские заимствования, и религиозные термины.

В заключении отметим, что формирование в XIX веке корпуса двуязычных словарей явилось результатом комплекса объективных и субъективных факторов, обусловленных изменениями в общественно-политической жизни России. В определённой степени сам факт их (словарей) создания свидетельствовал о росте национального самосознания татар и усилении роли татарского языка и культуры в общественно-политической и экономической жизни Российской империи. В ещё большей степени расширение корпуса татарско-русских и русско-татарских словарей, повышение их качественных характеристик указывали на существенное усиление процессов многопланового встраивания татарского народа во все важнейшие сферы жизни России и сближения татарского и русского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В.П. Двуязычная лексикография. – М.: Астрель, 2004. – 236 с.
Кононов А.Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период). – М.: Наука, 1974. – 340 с.
Ногман М. XVII–XVIII йӧзлӧрдӧ русча-татарча кульязма сӱзлеклӧр. – Казан: Казан ун-ты нӧшр., 1969. – 112 б.
Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 703 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдиев Муродкасим Болбекович, доктор филологических наук, профессор Самаркандского государственного университета. *Самарканд, Узбекистан.* murodkasim63@mail.ru

Абдиназимов Шамшетдин Нажимович, доктор филологических наук, профессор Каракалпакского государственного университета имени Бердаха. *Каракалпакстан, Узбекистан.* shamshetdin.abdinazimov@mail.ru

Абдуллина Чулпан Зуфаровна, аспирант Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* chulpan_markiz@mail.ru

Абдырасулова Жеңишгүл Садыковна, кандидат филологических наук, доцент Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. *Бишкек, Кыргызстан.* jenishgul.69@mail.ru

Адилогълу Адильхан, к.т.н., доцент кафедры турецкого языка и литературы факультета литературы Университета Акдениз. *Коньяалты, Анталия, Турция / Adilhan ADILOGLU, Öğretim Üyesi, Dr. ~ , Assistant Professor, PhD. Edebiyat Fakültesi, Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü, Akdeniz Üniversitesi. Konyaaltı, Antalya, Türkiye.* adilhanadiloglu@hotmail.com

Алаева Сагынбубу Адамалиевна, старший преподаватель Отделения Восточных языков Кыргызско-Турецкого университета «Манас». *Бишкек, Киргизия.* ala-sagyn@yandex.ru

Алишина Ханиса Чавдатовна, доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета. *Тюмень, Россия.* kaf_tatarlit@utmn.ru

Альниязов Айтмурат Исмаилович, кандидат филологических наук, директор Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН РУз. *Нукус, Республика Каракалпакстан, Узбекистан.* alniyazov@list.ru

Бадртдинова Алсу Анисовна, младший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* badrtdino-alsu@rambler.ru

Бакирова Айгуль Авазбековна, зам. директора Центра РКИ Института иностранных языков. *Санкт-Петербург, Россия.* aigulbakirova@inbox.ru

Баркибаева Рымгул Раштаевна, кандидат филологических наук, доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби. *Алматы, Казахстан.* kainigulasia@mail.ru

Баширова Илида Басыровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Баязитова Флера Саидовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Бекиров Рустем Александрович, кандидат филологических наук, доцент Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского. *Симферополь, Россия.* rbekirov@mail.ru

Бекирова Левиза Исмаиловна, кандидат филологических наук, доцент Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского. *Симферополь, Россия.* bekirova.79@mail.ru

Бекмурзаева Феруза Шухратовна, преподаватель Военного института (инженерно-технического) ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулёва. *Санкт-Петербург, Россия.* bekmur-feruza93@mail.ru

Богдашкина Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Мордовского государственного педагогического института имени М.Е. Евсевьева. *Саранск, Россия.* svjatok@mail.ru

Болгарова Рамзия Марсовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* ramzija5@yandex.ru

Борисова Людмила Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. *Чебоксары, Россия.* ljudmila-borisova@yandex.ru

Булатова Альфия Каримовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* alf_0082.82@mail.ru

Булатова Миннира Рахимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* m.r.bulatova@mail.ru

Васильева Нелля Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент Российского университета дружбы народов. *Москва, Россия.* nellyalv@mail.ru

Габбасова Гульназ Зилавировна, кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета. *Стерлитамак, Россия.* ggz10@mail.ru

Гайнанова Диляра Рамилевна, кандидат филологических наук, доцент Казанского государственного архитектурно-строительного университета. *Казань, Россия.* dilyara2701@mail.ru

Гайнуллина Гульназ Фоатовна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* ggf@inbox.ru

Галимова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* Olga_77@mail.ru

Галиуллина Г.Р. доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* gulshatgaliullina@yandex.ru

Гилазетдинова Гелиня Хайретдиновна, доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* ggilaz@mail.ru

Гиниятуллина Лилия Миннулловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Давлетшина Лейла Хасановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* leyla.davletshina@yandex.ru

Денмухаметова Эльвира Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* denmukhametova@gmail.com

Дыбо Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующая отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН. *Москва, Россия.* adybo@iling-ran.ru

Закиев Мирфатых Закиевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* m.z.zakiev@mail.ru

Закиров Раиф Амирьянович, кандидат филологических наук, доцент Набережночелнинского государственного педагогического университета. *Набережные Челны, Россия.*

Закирова Ильсеяр Гамиловна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* ilzakirova@mail.ru

Ибрагимов Ю.М., доктор филологических наук, профессор Нукусского государственного педагогического института имени Ажинияза. *Нукус, Узбекистан.*

Иванова Алена Михайловна, доктор филологических наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. *Чебоксары, Россия.* amivano75@mail.ru

Исламова Эльвира Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* ea_islamova@mail.ru

Исхакова Гульназ Ренатовна, студентка 1 курса магистратуры Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Камарова Нагбду Султансиз кызы, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры казахской филологии Каспийского государственного университета технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова. *Актау, Казахстан.* nagbdu@mail.ru

Каримова Римма Хатиповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета. *Стерлитамак, Россия.* karimova.rimmochka@inbox.ru

Каримова Ферузахон Сайфуддиновна, младший научный сотрудник Института языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан. *Ташкент, Узбекистан.* kshferuza@mail.ru

Каршиев Насиридин Т., докторант Самаркандского государственного университета. *Самарканд, Узбекистан.* ahmad.hasanov.2018@mail.ru

Касимова Розия Хамидовна, старший преподаватель Самаркандского педагогического колледжа, отличник народного образования Республика Узбекистана. *Самарканд, Узбекистан.*

Кириллова Зоя Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* zkirillova@yandex.ru

Конова Альфия Ильдаровна, ассистент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского национального исследовательского технологического университета. *Казань, Россия.* alfi.pupon2009@gmail.com

Коныратбаева Жанар Молдалиевна, кандидат филологических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. *Нур-Султан, Казахстан.* zhanarkon@mail.ru

Кузьмина Евгения Николаевна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. *Новосибирск, Россия.* folklor@post.nsu.ru

Кузьмина Халиса Хатиповна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* shirmanx@yandex.ru

Кэрулы Мостафа Муратович, старший преподаватель Казанского кооперативного института (филиала). *Казань, Россия.* mksabirli@hotmail.com

Лутфуллаева Дурдона Эсоновна, доктор филологических наук, профессор университета узбекского языка и литературы им. А. Навои. *Узбекистан, Ташкент.* 1965ddd@mail.ru

Малышкин Дмитрий Владимирович, студент Российского государственного гидрометеорологического университета. *Санкт-Петербург, Россия.*

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета им П.М. Машерова. *Витебск, Белоруссия.* mvavit@vtut.by

Махмудов Низамитдин Мамадалиевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз. *Ташкент, Узбекистан.* uztafi@academy.uz

Мирхаев Рифат Фирдинатович, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* mirhaev77@mail.ru

Мошина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент Военного института (инженерно-технического) ВА МТО. *Санкт-Петербург, Россия.* moshina@inbox.ru

Мугтасимова Гульназ Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* Gulnaz-72@mail.ru

Мудрак Олег Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН. *Москва, Россия.*

Мукимова Зохида Расуловна, докторант Института узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз. *Ташкент, Узбекистан.* mukimovaz1980@mail.ru

Муктат Флера Исламутдиновна, учитель родного языка и литературы первой категории МБОУ «Школа № 62» Авиастроительного района г. Казани. *Казань, Россия.* www.flera@mail.ru

Мусаева Феруза Торахановна, доктор философии по филологическим наукам (PhD), старший научный сотрудник Института узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз. *Ташент, Узбекистан.* ferka28@mail.ru

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* lilmuhat@mail.ru

Мухарлямова Гульназ Нурфатовна, кандидат филологических наук, заведующий отделом национального образования Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* mukharlamgul@gmail.com

Мухиярова Разина Хайбрахмановна, кандидат филологических наук, доцент Набережночелнинского государственного педагогического университета. *Набережные Челны, Россия.* razina.mh@mail.ru

Набиуллина Гузель Амировна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* guzelnab2@yandex.ru

Нагисойлу Мохсун Зелладин оглы, доктор филологических наук, академик Национальной академии наук Азербайджана, директор Института языкознания им. Насими. *Баку, Азербайджан.*

Назырова Адиля Рафисовна, студент медицинского института Российского университета дружбы народов. *Москва, Россия.* adilyan27@yandex.ru

Насибуллова Гузель Ришатовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* Guz1983@mail.ru

Насипов Илшат Сахиятулович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой БГПУ им. М. Акмуллы. *Уфа, Россия.* nasipov2004@gambler.ru

Нуриева Фануза Шакуровна, доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* fanuzanurieva@yandex.ru

Нурмухаметов Фарит Рашитович, старший научный сотрудник Института развития образования РТ. *Казань, Россия.* nurfarit@yandex.ru

Нурмухаметова Раушания Сагдатзяновна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* rsagadat@yandex.ru

Нуэрсяти Халинуэр, магистр филологии. *Кульджа, Китай.* 79033410916@yandex.ru

Ойноткинова Надежда Романовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН. *Новосибирск, Россия.* sibfolklore@mail.ru

Озкая Думан Олжай, доцент Хатаяского университет Мустафы Кемаля, факультет литературы и естественных наук, отделение истории. *Турция / Olcaý ÖZKAYA DUMAN Doç.Dr. Hatay Mustafa Kemal Üniversitesi, Fen Edebiyat Fakültesi, Tarih Bölümü, TÜRKİYE ozkaya@mku.edu.tr*

Панде Хем Чандра, магистр, профессор Центра русских исследований Университета имени Джавахарлала Неру. *Дели, Индия.* hpande@yandex.ru

Певнов Александр Михайлович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук. *Санкт-Петербург, Россия.* pevnov@gmail.com

Передня Александра Дмитриевна, ассистент кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского Государственного Университета. *Санкт-Петербург, Россия.* alexisse@yandex.ru

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ректор Института иностранных языков. *Санкт-Петербург, Россия.* MVPimenoVA@yandex.ru

Плахотная Юлия Ивановна, доцент кафедры английского языка и литературы Российского государственного гидрометеорологического университета. *Санкт-Петербург, Россия.* olgaleo@list.ru, pl-julia@mail.ru

Родионов Виталий Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 2 Московской государственной академии им. О.И. Кутафина (МГЮА). *Москва, Россия.*

Сабилова Алсу Гусмановна, учитель родного языка и литературы первой квалификационной категории Арской гимназии № 5 Арского муниципального района Республики Татарстан. *Арск, Россия.*

Сабитова Ильгамия Исламутдиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* sabitova_1965@mail.ru

Сагдеева Фаузия Кабировна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* fauzija.sagdeewa@yandex.ru

Сайфуллина Флера Сагитовна, доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* fsaifulina@mail.ru

Салахова Рузиля Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* Ruzilya5@mail.ru

Сатторов Улугбек Файзуллаевич, кандидат филологических наук, председатель Междунородного общественного объединения Алишера Навои. *Навои, Узбекистан.* ulugbek.s@mail.ru

Сафаров Ринат Тагирович, заведующий отделом лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* safar.rinat@yandex.ru

Сафина Гульгена Нурисламовна, старший лаборант Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* gulgena-89@mail.ru

Сафина Эльвира Ирфатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* Tidillia@mail.ru

Селютина Ираида Яковлевна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. *Новосибирск, Россия.* ifl@philology.nsc.ru

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. *Новосибирск, Россия.* silantev@post.nsu.ru

Тагирова Фяридя Инсановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* feride2412@mail.ru

Тазранова Алена Робертовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. *Новосибирск, Россия.* siblang@post.nsu.ru

Телицин Николай Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. *Санкт-Петербург, Россия.* nnt@orient.ru

Тимерханов Айнур Ахатович, доктор филологических наук, доцент, проректор Болгарской исламской академии; старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Болгар, Россия.* timtako22@mail.ru

Тюнтешева Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН. *Новосибирск, Россия.* tyunteshevae@mail.ru

Унлю Суат, к.т.н., доцент кафедры турецкого языка и литературы факультета литературы Университета Акдениз. *Коньяалты, Анталия, Турция* / **Suat ÜNLÜ**, Doçent, Dr. ~ Associate Professor, PhD. Akdeniz Üniversitesi. Edebiyat Fakültesi, Türk Dili ve Edebiyat Bölümü, *Konyaaltı, Antalya, Türkiye.* suatunlu06@gmail.com

Уринова Олима Тагаевна, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Каршинского государственного университета. *Карши, Узбекистан.* tagayevna64@mail.ru

Утегенова Карлыга Таскалиевна, кандидат педагогических наук, доцент Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова. *Уральск, Казахстан.* karluga@bk.ru

Фаози Фироз, преподаватель Кабульского государственного университета. *Афганистан* / **Firoz FAOZI**, Kabil Devlet Üniversitesi Öğretim Görevlisi. *Afganistan.* ffewzi@ku.edu.af

Фатхуллова Кадрия Сунгатовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* kadria.kgu@mail.ru

Фомин Эдуард Валентинович, кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного института культуры и искусств. *Чебоксары, Россия.* yeresen@yandex.ru

Хадиева Гульфия Камиловна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.* gul-khadieva@yandex.ru

Хазиева-Демирбаш Гузалия Сайфулловна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* guzhaz@mail.ru

Хайдаров Ёркинжон Зохиждонович, магистр лингвистики Института узбекского языка, литературы и фольклора при Академии наук Республики Узбекистан. *Ташкент, Узбекистан.* yorqinh@mail.ru

Хирмус Эвелина Авитаровна, аспирант Российского университета дружбы народов. *Москва, Россия.* evelina-hirmus@mail.ru

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. *Уфа, Россия.* hisamitdinova@list.ru

Хисамов Олег Ришатович, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* ohisamov@mail.ru

Хисияма Юто, Токийский университет международных исследований. *Токио, Япония.*

Худайбергана Дурдона Сидиковна, доктор филологических наук, заведующий отделом «Современного узбекского языка» Института узбекского языка, литературы и фольклора АН Республики Узбекистан. *Ташкент, Узбекистан.* khudoiberghanova60@mail.ru

Хусаинова Алина Ямилевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* Husainova_Alina@mail.ru

Хуснуллина Гульчачак Нурисламовна, учитель родного языка и литературы МБОУ «Гимназия № 6» Приволжского района г. Казани. *Казань, Россия.* gylya1012@mail.ru

Шакурова Муслима Магесумовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.* mshakurova@inbox.ru

Шагдурова Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН. *Новосибирск, Россия.* kokoshnikova@mail.ru

Широбокова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. *Новосибирск, Россия.* 3301331@mail.ru

Экба Зарема Назировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН. *Москва, Россия.* zaremaekba@mail.ru

Элтазаров Жулибой Данабоевич, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Самаркандского Госуниверситета. *Самарканд, Узбекистан.* juliboy2@gmail.com

Элтазарова Гулнара Шербековна, кандидат медицинских наук, доцент Самаркандского Медицинского института. *Самарканд, Узбекистан.* g.sh.eltazarova@mail.ru

Юсупов Айрат Фаикович, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* faikovich@mail.ru

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.* alyusupova@yandex

Юсупова Нурфия Марсовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдиев М.Б., Касимова Р.Х.</i> Некоторые лексические особенности кипчакских диалектов узбекского языка	3
<i>Абдиназимов Ш.Н.</i> Пути развития каракалпакского языка в годы независимости	5
<i>Абдырасулова Ж.С.</i> Кыргыз элинин салттык этнопедагогикасынын өзгөчөлүгү	7
<i>Adiloğlu A.</i> Sovyet dönemi öncesinde Karaçay-Malkar Türkçesine Rusçadan girmiş kelimeler	12
<i>Алаева С.А.</i> Структура и содержание курса по выбору «Тюркизмы в русском языке»	19
<i>Алишина Х.Ч.</i> Грамматическая система говоров тоболо-иртышских татар: словообразование глаголов	24
<i>Альниязов А.И.</i> Лексикографическое описание семантики соединительных союзов	27
<i>Баркибаева Р.Р.</i> Язык – зеркало национального самосознания	29
<i>Баязитова Ф.С.</i> Обрядовая лексика в татарских диалектах как древний пласт языка и культуры) (этнолингвистический аспект	32
<i>Бәдрәтдинова А.Ә.</i> Татар теленә урта диалектында лексик-фонетик диалектизмнар	37
<i>Бәширова И.Б.</i> Татар әдәби теле тарихы. XIX гасыр – XX йөз башы поэзия әсәрләрендә, «Илаһи зат» тематик төркемнә берләшә торган ялгызлык исемнәре, контекстуаль-синтагматик мөмкинлеге	38
<i>Бекиров Р.А., Бекирова Л.И.</i> Функционирование арабских заимствований в русском языке	42
<i>Бекмурзаева Ф.Ш., Бакирова А.А.</i> Понятийный признак ‘отметина, пятно на лбу животного’ анималистического и космогонического лингвоконцептов	45
<i>Богданкина С.В.</i> Проблемы заимствования в мокшанских говорах как отражение межкультурного взаимодействия	48
<i>Болгарова Р.М., Исламова Э.А.</i> Универсальное и уникальное в сравнительных конструкциях татарского и русского языков	50
<i>Борисова Л.В.</i> К вопросу о национально-культурных особенностях языкового моделирования мира	52
<i>Булатова Ә.К.</i> Татар теленә диалектларында күпмәгънәлелек күренеше	54
<i>Булатова М.Р.</i> Лексика, связанная с характеристикой человека в курмантауском говоре татарского языка	56
<i>Гайнанова Д.Р.</i> Концептуализация понятия ‘акча’ (деньги) в лексической системе татарского языка (на примере синонимов и антонимов)	60
<i>Гайнуллина Г.Ф.</i> Функционирование религиозной лексики в поэме «Хосров и Ширин» Кутба (XIV в.)	63
<i>Галимова О.Н.</i> О родовом компоненте в названиях животных (на материале татарского языка)	65
<i>Галиуллина Г.Р.</i> Татар сөйләм телендә зоологик лексиканың семантик үзенчәлекләре	67
<i>Гиләзетдинова Г.Х., Салахова Р.Р.</i> Лексико-семантические группы глаголов вращательного движения в русском и татарском языках	70
<i>Давлетшина Л.Х.</i> К вопросу употребления религиозной лексики в заговорно-заклинательной традиции татар	72
<i>Денмухаметова Э.Н.</i> Синонимы и двуязычные словари татарского языка	75
<i>Дыбо А.В.</i> Тюркские и славянские языки: контактные явления	77
<i>Закирова И.Г.</i> Татар халык әкиятләрендә чагыштырулар (лингвокультурологик характеристика)	87

<i>Зэкиев М.З.</i> Халкыбыз болгарлар һәм косаннар берләшүе нәтижәсендә формалашкан	89
<i>Ибрагимов Ю.М.</i> Диалектные термины родства в тюркских языках Южного Приаралья	92
<i>Исхакова Г.Р.</i> Лексические переводческие соответствия в переводах поэзии А. Ахматовой на татарский язык	95
<i>Камарова Н.</i> Актуальные вопросы терминологии казахского языка	97
<i>Каримова Р.Х., Габбасова Г.З.</i> Структурная характеристика фразеологических единиц в неродственных языках (на материале татарского и немецкого языков)	100
<i>Каримова Ф.С.</i> Репрезентация слова в речи	104
<i>Каришиев Н.Т.</i> Каракулеводческие термины в прямом и переносном пласте и их правописание	106
<i>Кириллова З.Н.</i> Керәшен татарларында аграр-дини йола лексикасы	108
<i>Конов А.И.</i> G. Tukay eserlerinde alıntı kelimeler	111
<i>Копыратбаева Zh.M.</i> Turkic bases of pragmatonyms	113
<i>Кузьмина Х.Х., Гадиева Г.К.</i> Борынғы төрки сүзлекләр тарихыннан (Мәхмүд Кашгарыйның «Диван-у лөгат әт-төрк» сүзлеге)	115
<i>Кэруль М.М.</i> Yabancılarla Türkçenin öğretiminde yaşanan sorunlar, geleceğiyle ilgili görüşler ve çözüm önerileri	118
<i>Лутфуллаева Д.Э.</i> Лексика официально-делового стиля узбекского языка	120
<i>Маслова В.А.</i> Стереотип и сравнение как репрезентанты лингвокультурного пространства	122
<i>Махмудов Н.М.</i> Антропоцентрические проблемы лексикологии и лексикографии узбекского языка	126
<i>Мирхаев Р.Ф.</i> К вопросу изучения лексической структуры произведений татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв.	129
<i>Мошина Е.А.</i> Тюркские основы русских ландшафтных и земледельческих номинаций	132
<i>Мөгьтәсимова Г.Р.</i> Гаиләдәге шәхесара мөнәсәбәтләрне чагылдыручы татар һәм казах мәкальләре	138
<i>Мудрак О.А.</i> Лексические заимствования культурной лексики как свидетельство миграций носителей карачаево-балкарского языка	140
<i>Мукимова З.Р.</i> Лингвопоэтика антонимов (на примере произведений Уткира Хошимова)	145
<i>Мусаева Ф.Т.</i> Диалектная лексика как объект изучения лингвокультурологии	147
<i>Мухаметзянова Л.Х.</i> Диалектная лексика в татарской версии дастана «Кур углы»	151
<i>Мухиярова Р.Х., Закиров Р.А.</i> Развитие лексики современного татарского литературного языка в конце XX – начале XXI в. за счёт внутренних ресурсов	154
<i>Nağisoğlu M.Z.</i> Ortaçağ Azerbaycan leksikografisi tarihine Genel Bir Bakış	156
<i>Назырова А.Р., Мөхәрләмова Г.Н.</i> Татар әдәбиятында медицина лексикасының кулланылыш үзенчәлекләре	162
<i>Насибуллова Г.Р.</i> Перевод эмотивной лексики с английского на татарский язык	166
<i>Насипов И.С.</i> Башкортстанда татар лексикографиясе	168
<i>Нәбиуллина Г.Ә., Хисияма Ю.</i> Япон галиме Сиро Хаттори һәм аның татар теле гыйлеме өлкәсендәге эшчәнлеге	173
<i>Нуриева Ф.Ш.</i> Мәхмүд Болгаринның «Нәһжел-фәрадис» (1358) әсәрендә кулланылган ризык атамалары	175
<i>Нурмөхәммәтова Р.С., Нурмөхәммәтов Ф.Р.</i> Татар тел белемдә күптелле сүзлекләр	178
<i>Нурмөхәммәтова Р.С., Нурсыяти Х.</i> Татар һәм уйгур телләрендәге хатын-кыз баш киёмнәре атамаларына кыскача күзәтү	180
<i>Özkaya Duman Olcay.</i> Türkiye’de Cumhuriyetin bir kültür politikası olarak dil çalışmaları ve yeni alfabe kursları	182

<i>Ойноткинова Н.Р.</i> Этимология и семантика алтайских демонимов: материалы к мифологическому словарю	187
<i>Панде Х.Ч.</i> Тюркизмы в языке хинди	191
<i>Певнов А.М.</i> О древних тюркизмах в тунгусо-маньчжурских языках	193
<i>Передня А.Д., Телицин Н.Н.</i> К вопросу о проекте создании словаря древнетюркских языков	196
<i>Пименова М.В.</i> Процесс семантического развития слова <i>орда</i>	198
<i>Плахотная Ю.И., Малышкин Д.В.</i> Особенности перевода метафор в русских народных сказках	201
<i>Родионов В.А.</i> Тюркские народы в поисках оптимальной письменности	204
<i>Сабирова А.Г.</i> Туган тел дәрәсләрәндә жирле сөйләмне өйрәнү	207
<i>Сабитова И.И., Муктат Ф.И.</i> «Үсемлек атамаларының аңлатмалы татарча-русча сүзлегә»: кайбер проблемалар	209
<i>Сагдеева Ф.К.</i> Отражение концептуализации <i>яхшылык</i> в семантической структуре многозначного слова	212
<i>Сагдеева Ф.К., Абдуллина Ч.З.</i> Лексическая интерференция в родной речи билингвов-татар	214
<i>Салахова Р.Р.</i> Татар фразеологизмнарında сөйләм эшчәнлеген белдергән фитильләрнең семантик үзгәрешләре	217
<i>Сатторов У.Ф.</i> Этнолингвистика и топонимика Западного Узбекистана	220
<i>Сафина Г.Н., Хөснуллина Г.Н.</i> Татарча-русча сүзлекләрдә савыт-саба атамаларының бирелеше	222
<i>Сафина Э.И.</i> XIX гасырның 20–30 нчы елларында латин графикасында басылган сүзлекләр һәм аларның татар лексикографиясе үсеше өчен әһәмияте	225
<i>Сәйфуллина Ф.С.</i> Себер-татар шагыйре Булат Сөләйманов ижатында жирле атамалар чагылышы	229
<i>Сәфәров Р.Т.</i> Татар лексикографиясе тарихында гарәпчә-татарча сүзлекләрнең урыны	231
<i>Силантьев И.В., Широбокова Н.Н., Селютина И.Я., Тазранова А.Р., Кузьмина Е.Н.</i> Тюркологические исследования Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук	234
<i>Тагирова Ф.И.</i> Особенности фиксации сложных слов в словарях тюркских языков (на примере имен существительных)	237
<i>Телицин Н.Н.</i> К интерпретации парных глаголов в древнеуйгурском языке	241
<i>Тимерханов А.А., Фатхуллова К.С.</i> Использование татарских электронных лексикографических ресурсов в образовательном процессе	243
<i>Тюнтешева Е.В., Шагдурова О.Ю.</i> Вопросы современного лексикографического описания тюркских языков Сибири	245
<i>Ünlü Suat.</i> Eski Türkçe Kur'an Tercümelelerinde Kur'an Kavramı	250
<i>Уринова О.Т.</i> Виды семантических отношений в системе терминов скотоводс	258
<i>Утегенова К.Т.</i> Концепты-колоронимы как фрагмент картины мира казахов	261
<i>Faozi F.</i> Afganistan'da yeni açılan Türkoloji bölümlerinin Türk ve Afgan kültürüne etkisi	264
<i>Фомин Э.В.</i> Вклад финских ученых в чувашскую лексикографию	268
<i>Хазиева-Демирбаш Г.С., Иванова А.М.</i> Роль мифологической лексики в произведении Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»	270
<i>Хайдаров Ё.З.</i> Атрибутивные термины в терминологических системах узбекского языка	274
<i>Хирмус Э.А., Васильева Н.В.</i> Языковые средства создания рекламного образа в маркетинговых коммуникациях	278
<i>Хисамитдинова Ф.Г.</i> О разработке словаря русских заимствований башкирского языка	281
<i>Хисамов О.Р.</i> Особенности микропонимии деревень Юрт-Оры и Юрт-Акбалык Колыванского района Новосибирской области	285

<i>Худайбергана Д.С.</i> О лексикографических принципах «толкового словаря поэтонимов узбекского языка»	289
<i>Хусаинова А.Я.</i> Зоологическая лексика татарских переселенческих говоров (сравнительный аспект с говорами башкирского и других тюркских языков)	292
<i>Гадиева Г.К., Кузьмина Х.Х.</i> Урбанонимнарның орфографиясе һәм транслитерация мәсьәләсе	293
<i>Шакурова М.М., Гиниятуллина Л.М.</i> Учебный текст как основной структурный компонент учебника для формирования коммуникативной компетенции учащихся начальных классов	295
<i>Экба З.Н.</i> О работе над переизданием «Башкирско-русского словаря слов арабского и персидского происхождения»	298
<i>Элтазарова Г.Ш.</i> О гибридных терминах акушерства и гинекологии в узбекском языке	300
<i>Eltazarov J.D.</i> Özbek diyalektolojisinin güncel sorunları ve onun çözümleri hususunda	303
<i>Юсупов А.Ф., Юсупова Н.М.</i> XX гасырның беренче яртысы татар шигърияте телендә гади сөйләм лексикасы	305
<i>Юсупова А.Ш.</i> Классификация татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века	307
Сведения об авторах	310

**XXI ГАСЫР ТӨРКИ ТЕЛ БЕЛЕМЕ:
ЛЕКСИКОЛОГИЯ ҺӘМ ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең
Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
өешуга 80 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни конференция
2019 ел, 10–11 сентябрь, Казан шәһәре

**ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ XXI ВЕКА:
ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Международная научная конференция, посвященная 80-летию создания
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
10–11 сентября 2019 года, город Казань

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Материалы публикуются в авторской редакции

Дизайн обложки *А.В. Булатова*
Компьютерная верстка *Н.Т. Абдуллиной*

Формат 70×108 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная, печать офсетная
Усл.-печ. л. 28. Уч.-изд. л. 34,35. Тираж 300 экз.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12